

1918–2018

Un secolo
di storia
a Villa Berg

Век истории
в особняке
Берга

**1918–2018:
век истории
в особняке
Берга**

**1918–2018:
un secolo
di storia
a Villa Berg**

Посольство Италии в Москве
Федеральное государственное бюджетное учреждение
науки Институт Европы Российской академии наук

1918–2018: век истории в особняке Берга

Под редакцией:
Р. Алонци, Е.А. Масловой

Москва
2019

Ambasciata d'Italia a Mosca
Istituto Europa dell'Accademia russa delle scienze

1918–2018: un secolo di storia a Villa Berg

A cura di:
Roberta Alonzi, Elena Maslova

Mosca
2019

Идея и координация проекта:

Вальтер Феррара

Редактор-составитель:

Дарья Клименко

Под редакцией:

Роберта Алонци

Елена Маслова

Научные рецензенты:

Олег Барабанов

Валерий Михайленко

Джорджо Петракки

Перевод:

Николетта Д'Алессандро

Владимир Захаров

Франческа Ладзарин

Уго Перси

Анастасия Свотина

Издательство

ABCdesign

Арт-директор:

Дмитрий Мордвинцев

Дизайн-макет:

Даниил Бондаренко

Выпускающий редактор:

Елизавета Григорьева

Корректор:

Дарья Балтрушайтис

Авторский коллектив:

Роберта Алонци

Надежда Арбатова

Винфрид Баумгарт

Роберто Валле

Анджело Вентроне

Алексей Громыко

Татьяна Зонова

Алексей Кара-Мурза

Ярослав Леонтьев

Валерий Любин

Елена Маслова

Марко Риччери

Серджи Романо

Алессандро Салаконе

Маттиас Уль

Борис Хавкин

Ирина Хормач

Посольство Италии в Москве выражает искреннюю и глубокую признательность за сотрудничество в подготовке и проведении конференции «1918–2018: век истории в особняке Берга» и осуществлении данной публикации:

Институту Европы РАН

и лично директору

А.А. Громыко,

Итальянскому институ-

ту культуры в Москве

и лично директору

Ольге Страде,

Посольству Германии

в России и лично послу

Рюдигеру фон Фричу,

Роберте Алонци

а также:

Умберто Бернардо,

Алессандре Браски,

Сергею Булекову,

Теодоре Данизи,

Яну Канторчику,

Льву Кацу,

Татьяне Кудрявцевой,

Георгу Лейбе,

Роберто Ренне,

Луиджи Саулли

Фотографии интерьеров: Юрий Пальмин

Документальные иллюстрации

предоставлены авторами

Права на остальные изображения

принадлежат Посольству Италии в Москве

На обложке:

Деталь плафона Красной гостиной

Ideazione e coordinamento del progetto:

Walter Ferrara

Coordinamento editoriale:

Daria Klimenko

A cura di: Roberta Alonzi

Elena Maslova

Recensori scientifici:

Oleg Barabanov

Valerij Michajlenko

Giorgio Petracchi

Traduzioni:

Nicoletta D'Alessandro

Vladimir Zacharov

Francesca Lazzarin

Ugo Persi

Anastasia Svotina

Casa editrice ABCdesign

Direttore artistico:

Dmitrij Mordvincev

Design:

Daniel Bondarenko

Responsabile della

pubblicazione:

Elizaveta Grigorjeva

Corettore:

Daria Baltrušaitis

Autori dei saggi:

Roberta Alonzi

Nadežda Arbatova

Winfried Baumgart

Boris Chavkin

Irina Chormač

Aleksej Gromyko

Aleksej Kara-Murza

Jaroslav Leont'ev

Valerij Ljubin

Elena Maslova

Marco Ricceri

Sergio Romano

Alessandro Salacone

Matthias Uhl

Roberto Valle

Angelo Ventrone

Tatiana Zonova

L'Ambasciata d'Italia

a Mosca esprime la sua

sincera e profonda gratitu-

dine per la collaborazione

all'organizzazione della

Conferenza "1918–2018: un

secolo di storia a Villa Berg"

e alla realizzazione della

presente pubblicazione a:

Istituto Europa dell'Acca-

demia russa delle scienze

e in particolare al diretto-

re Aleksej Gromyko,

Istituto italiano di

cultura a Mosca e in

particolare alla direttrice

Olga Strada,

Ambasciata di Germania

nella Federazione Russa

e in particolare

all'Ambasciatore Rüdiger

von Fritsch,

a Roberta Alonzi

E anche a:

Umberto Bernardo,

Alessandra Braschi,

Serghej Bulekov,

Teodora Danisi,

Lev Kac,

Jan Kantorzcyk,

Tatiana Kudrjavceva,

Georg Leube,

Roberto Renna,

Luigi Saulli

Foto degli interni: Yuriy Palmin

Le foto dei documenti sono state messe

a disposizione dagli autori dei saggi

I diritti di tutte le altre foto appartengono

all'Ambasciata d'Italia a Mosca

Copertina:

Particolare del *plafond* della Sala Rossa

Содержание

Предисловие. <i>Роберта Алонци</i>	10
Вступительное слово. <i>Посол Италии в России Паскуале Терраччано</i>	28
Вступительное слово. <i>Посол Германии в России Рюдигер фон Фрич</i>	33
Вступительное слово. <i>Алексей Громыко, Елена Маслова</i>	37

ЧАСТЬ 1. УБИЙСТВО ПОСЛА МИРБАХА В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Мотивы политического преступления. <i>Серджо Романо</i>	74
Убийство посла Мирбаха: по следам преступления. <i>Борис Хавкин</i>	82
Политика Германии в отношении России в 1918 году. <i>Винфрид Баумгарт</i>	106
Неофициальные немецкие военные атташе в Советской России (1918–1933 годы). <i>Маттиас Уль</i>	124
Образ Блюмкина в художественной литературе, публицистике и кинематографе. <i>Ярослав Леонтьев</i>	144

ЧАСТЬ 2. ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ИТАЛИЕЙ И СССР

Эхо российских революций в Италии. <i>Татьяна Зонова</i>	186
Советско-итальянские отношения в межвоенный период. <i>Ирина Хормач</i>	198
Советско-итальянская дипломатия между реальностью и реализмом (1944–1953 годы). <i>Роберта Алонци</i>	230
Начало разрядки международной напряжённости и её последствия для советско-итальянских отношений. <i>Алессандро Салаконе</i>	264

Об особняке Берга и советско-итальянских отношениях в воспоминаниях А.А. Громыко. <i>Алексей Громыко</i>	290
Прорыв железного занавеса: советско-итальянские конференции историков в годы холодной войны. <i>Валерий Любин</i>	296
Горбачёвский исторический компромисс. СССР и Италия в период перестройки. <i>Надежда Арбатова</i>	326

ЧАСТЬ 3. ОБРАЗЫ И МИФЫ. ИТАЛИЯ — РОССИЯ: СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА

Миф и антимиф СССР в итальянской политической пропаганде в межвоенный период. <i>Анджело Вентроне</i>	340
Непредсказуемое прошлое светлого будущего. Метаморфозы мифа СССР в Италии. <i>Роберто Валле</i>	363
Культурные связи России и Италии: к двухсотлетию со дня рождения И.С. Тургенева. <i>Алексей Кара-Мурза</i>	405
Итало-российские соглашения о сотрудничестве в области науки и культуры. <i>Марко Риччери</i>	434
Российско-итальянские отношения: традиции и современность. <i>Елена Маслова</i>	457
Сведения об авторах	502

Indice

Prefazione. <i>Roberta Alonzi</i>	20
Saluto di <i>Pasquale Terracciano</i> , Ambasciatore d'Italia presso la Federazione Russa	31
Saluto di <i>Rüdiger von Fritsch</i> , Ambasciatore di Germania presso la Federazione Russa	35
Saluto di <i>Aleksej Gromyko, Elena Maslova</i>	39

I PARTE. L'UCCISIONE DELL'AMBASCIATORE MIRBACH NEL CONTESTO DELLE RELAZIONI RUSSO-TEDESCHE

I motivi di un crimine politico. <i>Sergio Romano</i>	78
L'assassinio dell'Ambasciatore Mirbach: sulle orme del delitto. <i>Boris Chavkin</i>	94
Politiche tedesche nei confronti della Russia nel 1918. <i>Winfried Baumgart</i>	115
Gli "addetti militari" tedeschi non ufficiali nella Russia sovietica e in URSS dal 1918 al 1933. <i>Matthias Ubl</i>	134
La figura di Bljumkin nella letteratura, nella pubblicistica e nel cinema. <i>Jaroslav Leont'ev</i>	156

II PARTE. LE RELAZIONI ITALIA-URSS

L'eco delle rivoluzioni russe in Italia. <i>Tatiana Zonova</i>	192
I rapporti italo-sovietici tra le due guerre. <i>Irina Chormač</i>	213
La diplomazia italo-sovietica tra realismo e realtà (1944-1953). <i>Roberta Alonzi</i>	248

L'avvio della distensione e le conseguenze nelle relazioni italo-sovietiche. <i>Alessandro Salacone</i>	278
Villa Berg e i rapporti italo-sovietici nei ricordi di Andrej Gromyko. <i>Aleksej Gromyko</i>	293
Una breccia nella "cortina di ferro": i convegni degli storici sovietici e italiani negli anni della guerra fredda. <i>Valerij Ljubin</i>	311
Il compromesso storico di Gorbačev: URSS e Italia nel periodo della <i>perestrojka</i> . <i>Nadežda Arbatova</i>	332

III PARTE. MITI E IMMAGINI. ITALIA-RUSSIA: LA DIMENSIONE ATTUALE E LE PROSPETTIVE FUTURE DELLA COLLABORAZIONE

Mito e anti-mito dell'URSS nella propaganda politica italiana dal primo al secondo dopoguerra. <i>Angelo Ventrone</i>	352
L'imprevedibile passato del radioso avvenire. Le metamorfosi del mito dell'URSS in Italia. <i>Roberto Valle</i>	385
Le relazioni culturali fra la Russia e l'Italia: per i 200 anni dalla nascita di Turgenev. <i>Aleksej Kara-Murza</i>	419
Gli accordi tra Italia e Russia nell'ambito della cooperazione scientifica e culturale. <i>Marco Ricceri</i>	446
I rapporti russo-italiani: tradizioni e contemporaneità. <i>Elena Maslova</i>	469
Informazioni sugli autori	503

Предисловие

Перевод Анастасии Свотиной

В настоящем издании собраны материалы международной конференции «1918–2018: век истории в особняке Берга», заседания которой прошли 6 июля 2018 г. в залах Посольства Италии в Москве и Института Европы Российской академии наук. В этих обстоятельствах учёные из Италии, России и Германии получили возможность собраться за одним столом, чтобы обсудить вопросы, представляющие значительный научный интерес и символически связанные с событиями, ознаменовавшими прошедшее столетие в истории особняка Берга.

Конференция «1918–2018: век истории в особняке Берга» является частью научного проекта, начатого публикацией в ноябре 2017 г. исследования на итальянском и русском языках «Посольство Италии в Москве. Особняк Берга»¹, на презентации которого выступили Анджелино Альфано, на тот момент возглавлявший МИД Италии, и тогдашний российский вице-премьер Аркадий Дворкович.

В данном издании, ставшем плодом совместных усилий российских и итальянских учёных, выявлены важные аспекты истории российско-итальянских и российско-германских отношений, заслуживавшие углублённого изучения со стороны специалистов, которые в последние годы умело поддерживали и развивали обсуждение этих вопросов в области историографии; особую актуальность они получили благодаря вкладу представителей авторитетных учреждений в сфере политологических исследований.

Из этого сложилась и тематическая структура конференции 6 июля, сессии которой были организованы согласно следующим основным идеям: роль особняка Берга в период между русской революцией и окончанием Первой мировой войны и, в частности, российско-германские отношения

¹ Посольство Италии в Москве. Особняк Берга / Посольство Италии в Москве. М., 2017. 312 с.

и первые контакты итальянцев с новой советской реальностью; советско-итальянские и российско-итальянские отношения начиная с 1924 г. и вплоть до наших дней; представления, сложившиеся со временем у Италии и России друг о друге, определённые взгляды и общие цели внешней политики, формы взаимного культурного обмена, современный этап и перспективы развития сотрудничества.

Дата проведения конференции выбрана не случайно: 6 июля 1918 г. в стенах особняка Берга, который в то время был резиденцией германской дипломатической миссии, произошло трагическое убийство посла Германии графа Вильгельма фон Мирбах-Харффа. Похоже, что левые эсеры (левые социалисты-революционеры), впоследствии взявшие ответственность за это преступное деяние на себя, спланировали убийство дипломата с целью сорвать Брест-Литовский мирный договор, подписанный правительством Ленина 3 марта того же года, тогда как правительство Германии и его представитель в Москве выступали гарантами этого договора.

В произошедшем убийстве графа Мирбаха обнаружились все нюансы политики, проводимой рейхом в отношении Советской России на заключительном этапе Первой мировой войны: с одной стороны, вынужденное партнёрство с большевиками, с другой — поиск какой-либо альтернативы правительству Ленина [Хавкин]². Восточная политика Германии, будучи совсем не очевидной, прежде всего подчинялась стратегической и военной оценке большевизма [Баумгарт]. «Мир под диктатом» был буквально навязан немецким верховным командованием; власть большевиков, уже сама по себе обеспечивавшая военное бессилие России, должна была гарантировать Германии спокойствие на Восточном фронте. В самом деле, основная цель немецкой военной стратегии заключалась в том, чтобы предотвратить опасность переориентации большевиков на державы Антанты [Баумгарт].

Со своей стороны, большевики, даже считая мир с германскими империалистами «грабительским», были вынуждены соблюдать его, поскольку судьба революции теперь зависела от кайзера, немецких военных и дипломатов [Хавкин]. С Германией, удовлетворённой своей победой и «трофеями», Россия могла бы выстроить своего рода союзнические отношения, чтобы справиться с континентальной блокадой, установленной западными державами [Романо]. Тем не менее гражданская война между двумя главными партиями российских левых революционных сил не закончилась со смертью Мирбаха; 30 августа 1918 г. сам Ленин пережил покушение на свою жизнь, получив тяжёлые ранения [Романо].

Судьба немецкого посла, остающаяся предметом исследования историков, которые основываются на малочисленных доступных архивных

² Здесь и далее в квадратных скобках указываются фамилии авторов, на тексты которых даётся ссылка.

материалах, со временем превратилась также в кинематографический и литературный сюжет. В частности, образ Блюмкина, одного из организаторов этого теракта, привлекал и продолжает привлекать внимание литераторов и кинематографистов по причине его отношений не только с влиятельными личностями, принадлежавшими к партиям большевиков и левых социалистов-революционеров, но также и с некоторыми важными представителями литературных кругов того времени, например с поэтами Есениным, Маяковским и Мандельштамом [Леонтьев]. Действительно, Блюмкин одновременно начал приобщаться к литературе и к идеям революции [Леонтьев]. В 1970 г. фильм «Шестое июля», съёмки которого проходили в том числе и в интерьерах особняка Берга, получил диплом Государственного комитета СССР по кинематографии и Союза кинематографистов СССР на IV Всесоюзном кинофестивале в Минске — за идейно-художественные достоинства и большой зрительский успех.

Убийство графа Мирбаха стало событием, в полной мере отразившим сложность российско-германских отношений в переломный момент истории европейского континента — сложность, которая проявится и в последующий период в годы послевоенного восстановления европейской экономической и политической системы.

Последствия Версальского мира были отнюдь не нейтральными именно в отношении международного положения Советского Союза и Германии: основные принципы нового послевоенного международного порядка игнорировали революционные намерения Ленина, полностью принимая идеалистическое видение Вильсона; статья 231 Версальского договора, экономические условия которой в действительности отражали гораздо более широкие требования этического характера, накладывала ощутимые ограничения на полноценное участие Германии в новом «европейском концерте», находившемся на этапе становления.

Изоляция Советского Союза и Веймарской республики, вытекающая из Версальской системы, стала определяющим фактором взаимного притяжения двух «измождённых» стран, вопреки различиям идеологических моделей и расхождению, имевшимся в целях внешней политики в долгосрочной перспективе. Рапалльский договор (16 апреля 1922 г.), или договор Чичерина — Ратенау, санкционировал взаимный отказ от выплаты репараций и военных убытков, а также взаимное дипломатическое признание, но прежде всего он открыл путь к тайному перевооружению Германии посредством серии соглашений о подготовке немецких вооружённых сил на советской территории. Таким образом, несмотря на налагаемый Версальским договором запрет, начиная с 1922 г. у Германии были офицеры, поддерживавшие связи в Советском Союзе и исполнявшие обязанности самых настоящих военных атташе [Уль]. Берлин вновь начал отправлять за границу своих официальных военных атташе с 1 апреля 1933 г., когда

Веймарская республика уже не могла избежать своей роковой участи. И хотя в этот период поддерживались тесные связи с Советским Союзом, у немецких офицеров, выполнявших эти функции, не сложились долговременные позитивные представления об СССР. Именно поэтому в 1941 г. Гитлер, несмотря на имевшиеся в среде немецкого генералитета сомнения, не встретил серьёзного сопротивления, планируя «мировоззренческую войну» против СССР [Уль].

В 1930-е гг. точкой соприкосновения между Берлином и Москвой были также их отношения с Италией. Летом 1939 г. министр иностранных дел Германии фон Риббентроп обратился к итальянскому представителю в Берлине Бернардо Аттолико с просьбой о том, чтобы посол Италии в Москве Аугусто Россо сблизился с советским заместителем комиссара иностранных дел Владимиром Потёмкиным с целью поддержать идею о соглашении с Германией. Действительно, нарком Молотов в тот момент придерживался мнения, что необходимых предпосылок для подписания договора политического характера не хватало.

С 1924 г. особняк Берга стал официальной резиденцией посольства Италии в Москве.

Италия была второй после Великобритании страной, официально признавшей Советский Союз, таким образом демонстрируя преемственность в принятии «умеренной» линии по отношению к СССР, несмотря на то что она действовала в рамках общих для Антанты установок. Летом 1919 г. премьер-министр Италии Нитти, выступая в парламенте, заявил, что за политикой интервенции последует экономическое сотрудничество с Россией. В тех обстоятельствах итальянское правительство не скрывало своего пожелания, чтобы новая Россия не проводила каких-либо действий, направленных на внедрение и в Италии режима большевистского образца.

Октябрьская революция для итальянцев была неожиданным событием, таким явлением, которое не сразу воспринимается в его реальных масштабах. Трактующаяся как «марксистская» или же «немарксистская», она оказала существенное влияние на последующее развитие политической истории Италии [Зонова]. Любая теоретическая гипотеза об итальянской революции, которая была выдвинута к тому моменту, по большому счёту воспринималась как антиисторическая и реакционная под влиянием Октябрьской революции; среди итальянцев её популярность выросла до такой степени, что лозунг «Сделаем как в России!» стал общим местом для народных масс. Российские события предоставили левым партиям и движениям возможность максимально усилить своё влияние, тогда как для правых они стали вкладом в укрепление их критики либерального государства.

Как и восхождению к власти Гитлера в Германии, политическому взлёту Муссолини, считавшемуся «меньшим из двух зол» в сравнении

с перспективой большевизации Италии, в некоторой степени способствовали именно события в России, а также недовольство, вызванное вопросами, не решёнными Версальским мирным договором [Зонова].

В рамках нового политического курса, который стал реализовываться в начале 1920-х гг. в связи с НЭПом и был направлен на выстраивание новой дипломатической линии в отношении Советского Союза с капиталистическими странами, установление взаимовыгодных торговых контактов между Италией и СССР создало базу, позволившую разделить ряд общих позиций в противостоянии англо-французской гегемонии в постверсальской европейской политике [Хормач].

Проект Муссолини по созданию европейской «директории» четырёх держав (Италии, Франции, Великобритании и Германии), направленный на построение альтернативной Лиге Наций системы и вдохновлённый в большей степени принципом регулирования, а не предотвращения ревизионизма, плохо согласовывался с требованиями безопасности СССР, который 18 сентября 1934 г. подтвердил поворот в своей политике в отношении данной организации, вступив в неё и получив постоянное место в Совете. Подписание «Пакта четырёх» (1933), укрепление союза с Германией в связи с вмешательством в гражданскую войну в Испании (1936) и попытка Италии экспортировать фашизм в Испанию, столкнувшись со стремлением советской стороны сохранить там зачатки социализма, привели к тому, что советско-итальянские отношения дали трещину [Хормач]. Таким образом, провал переговоров по советско-итальянскому соглашению, аналогичному советско-германскому договору, подписанному в 1939 г., и объявление Италией войны Советскому Союзу в 1941 г. заморозили отношения между двумя странами вплоть до марта 1944 г.

После падения режима Муссолини, и подписания перемирия Советский Союз стал первой страной, восстановившей в марте 1944 г. прямые контакты с правительством Бадольо, де-факто признав за Италией статус совместно воюющей страны, который лишь номинально был предоставлен ей англо-американскими союзниками [Алонци]. Такой жест подтверждал расхождение между идеологией и политической стратегией, которое уже и до этого определяло советско-итальянские отношения в том, что касалось противопоставления фашизма и большевизма. Тем не менее начиная с 1945 г. обнаружилось и первые существенные изменения концепции о взаимосвязи внешней и внутренней политик, что было определяющим фактором для установок правительств Де Гаспери в отношении СССР; кроме того, изменения были характерны и для сталинского понимания европейского континентального равновесия и, следовательно, той роли, которую необходимо было отвести отношениям с Италией [Алонци]. В сущности, советско-итальянские отношения с 1947 по 1953 гг. регулировались мирным договором — со всеми негативными

последствиями, вытекающими из связанных с ним неразрешённых политических и правовых вопросов.

Конец сталинской эпохи ознаменовал начало новой стадии в отношениях Италии и СССР. Кремль с чрезвычайным интересом следил за «этапом становления» итальянской внешней политики и, начиная с середины 1950-х гг., перешёл к политике налаживания личных контактов, находившейся в непосредственном ведении Хрущёва, а также других высокопоставленных советских лидеров, таких как А.А. Громыко и А.Н. Косыгин [Салаконе]. Некоторые представители христианских демократов, в частности президент Республики Джованни Гронки, секретарь партии Аминторе Фанфани и президент компании «Эни» Энрико Маттеи, были особо интересными участниками диалога с точки зрения Москвы. «Когда Андрея Андреевича спрашивали, кого из итальянских государственных и политических деятелей он знал лучше всех, он отвечал: “Альдо Моро”» [Громыко].

Несмотря на обеспокоенность, которую высказывали партии парламентского большинства по поводу усиления советского влияния в Италии вследствие расширения торгового обмена (и его прямого воздействия на политическое равновесие в стране, а также из-за реакций в рамках атлантического партнёрства), в 1960-е гг. отношения с Италией были образцом возможного плодотворного сотрудничества, даже при условии, что страны принадлежали к различным и противостоящим блокам [Салаконе].

Подобная образцовость заключается в историческом опыте, славящемся как неисчерпаемый источник поучительных примеров, которые свидетельствуют о прошлом и выступают в качестве примеров для будущего [Громыко].

Несомненно, одним из таких примеров стала организация советско-итальянских конференций, в рамках которых развивались дискуссии, позволявшие исследователям непредвзято выражать собственное мнение, хотя советские учёные и были ограничены традициями режима, только что освободившегося от проявлений сталинизма, но всё ещё не способного преодолеть его последствия [Любин].

Таким образом, представление о том, что страны принадлежали к двум обособленным блокам, не исключало таких событий, которые становились самыми настоящими «прорывами железного занавеса», разделявшего Восток и Запад.

Эти конференции советских и итальянских историков начались в 1964 г. и продолжались, хотя и нерегулярно, вплоть до 1986 г. В середине 1960-х гг. в Италии и Германии возникает серьёзный научный анализ фашизма и нацизма. Для многих историков из СССР и социалистических стран настолько свободный от предубеждений анализ имел эффект некоего откровения [Любин]. Этот сильный интерес к познанию друг друга

и взаимопониманию, часто позволявший смотреть в одном направлении, пусть и в разных ракурсах, приводил к тому, что выдающиеся профессора с лёгкостью освобождались от приобретённого авторитета и ставили под сомнение свои взгляды, побуждаемые насыщенностью интеллектуальных встреч. Могло случиться и так, что некоторые дискуссии продолжали воодушевлять оппонентов даже и вне официального и академического контекста, подпитывая удивление и недоверчивость ничего не подозревающих людей, которым доводилось при этом присутствовать.

Результатом данных конференций явилось налаживание деловых контактов и личных знакомств, из которых впоследствии возникла многолетняя дружба, а также плодотворное научное сотрудничество на высоком уровне — ценнейшее наследие для новых поколений российских и итальянских учёных.

Удалённость Италии от линии прямого противостояния между Востоком и Западом и последующая переоценка военной угрозы, представляемой Советским Союзом, были тем элементом, который играл в пользу советско-итальянского взаимодействия [Арбатова]. Торгово-экономические связи сохранили присущую им прочность, даже несмотря на напряжённость, возникшую вследствие советского вторжения в Афганистан и во время польских событий декабрьского кризиса 1981 г.

Советско-итальянские отношения обладали собственной спецификой, связанной с послевоенным «водоразделом» коммунизма/антикоммунизма, который обнаруживал не только внешнее, но и внутреннее измерение [Арбатова]. В начале 1980-х гг. противопоставление коммунизм/антикоммунизм не ограничивалось борьбой итальянских антикоммунистов против остаточного влияния ИКП, но было перенесено также и на часть других левых и выражалось в противостоянии лидеров ИКП и ИСП, Энрико Берлингуэра и Беттино Кракси. Со своей стороны, итальянские коммунисты считали себя причастными, пусть и косвенно, к процессу реформирования СССР, осуществлявшемуся с перестройкой. Однако распад СССР и конец биполярной системы заложили основу для процесса делегитимации итальянской партийной системы и, в частности, роли ИКП.

Распад СССР способствовал возвышению мифа и антимифа о самоочевидной и противоречивой палингенетической реальности, проявления которой в Италии дали повод для своеобразных интерпретаций, балансирующих на грани коллективного воображения и политической пропаганды.

Советский Союз оказался той страной, на которую можно было переложить определённые опасения и самые глубокие тревоги, вызванные грандиозными социальными, экономическими и культурными преобразованиями, сопровождавшими появление массового общества в конце XIX — начале XX в. [Вентроне]. В самом начале 1920-х гг., после прихода к власти фашистов, в образах США и СССР «успешно» воплощались пред-

ставления о вырождении, к которому неизбежно вела буржуазная современность. После падения фашистского режима негативный миф об СССР стал концентрироваться в конфликте между большевизмом и христианской цивилизацией: большая часть католического мира начала переосмысливать глубокое недоверие, традиционно питаемое социальной доктриной церкви в отношении капиталистической системы, чтобы на пути своего развития с успехом противостоять коммунизму [Вентроне]. И только лишь к середине 1970-х гг. произошёл явный перелом в стиле и содержании политической пропаганды, совпавший с переосмыслением и ослаблением традиционных связей Коммунистической партии с Советским Союзом.

С точки зрения сторонников советского мифотворчества, притягательная сила советского мифа проявилась не в его осуществлении, но, скорее, в его незавершённости [Валле]. Миф об СССР вошёл в Историю как творение некой саморазвивающейся спирали, раскручивающейся и остающейся неразрешимой в себе и для себя. Послевоенный миф о Сталине как символе победы над нацизмом после 1956 г. перешёл от обожествления его образа к демонизации, воплощённой в жизнь Хрущёвым посредством антилегенды о культе личности. Десталинизация оказалась связанной с рождением нового нарратива о перманентном реформировании советской системы. С приходом к власти Горбачёва, как уже говорилось, в Италии появился миф о демократическом преобразении КПСС под влиянием ИКП. Представляется, что миф о распаде СССР в эпоху, отмеченную в политической философии концепцией «конца истории», исчерпывает свою силу убеждения, если он соотносится с неповторяемостью самой Истории, в некоем идеальном конфликте между онейрическими видениями и картографическими внушениями, воспроизводимыми на постсоветском пространстве [Валле].

С распадом СССР отношения между Римом и Москвой вступили в новую фазу, характеризующуюся, с одной стороны, изменениями в рамках международной правосубъективности обеих стран, а с другой — восстановлением той культурной и духовной традиции, которая в каждый период истории итальянского и русского народов была естественным фактором сближения между ними.

Миф Италии со временем воплотился в путешествиях на полуостров, предпринятых очень многими известными деятелями русской культуры. Италия была любимой страной пребывания русской аристократии, местом отдыха некоторых членов царской семьи. Италия, «родина души» Гоголя, стала тем краем, к которому страстно стремился в мыслях и молодой Тургенев, испытывая восхищение к «нежному Югу», «жаркому Югу» и «пылающей южной любви», которое сопровождалось чтением «Римских элегий» Гёте [Кара-Мурза]. Плодом этой очарованности стала поэма «Стено», созданная в период с сентября по декабрь 1834 г.: её действие начинается на фоне

освещённого луной Колизея, среди руин которого романтический герой произносит свой ночной монолог.

Тургенев осуществил свою мечту в начале февраля 1840 г., когда он наконец прибыл в Рим. Как и мечтал, он въехал в Вечный город в одиночестве и в торжественном уединении. Тогда он пробыл в Риме около двух месяцев. Внимательно читая роман «Дворянское гнездо», ставший поистине рубежным в творчестве Тургенева, мы понимаем, что общие черты «гнезда» Калитиных вызывают в памяти некоторые эпизоды из жизни молодого писателя, произошедшие с ним именно в Вечном городе [Кара-Мурза].

Символом этой «общности душ», проходящей сквозь века, стали соглашения о взаимодействии в области культуры и науки между Италией и Россией, представляющие собой самую настоящую органическую систему сотрудничества, которая особенно усиливается в те периоды, когда международная обстановка всё более осложняется [Риччери]. Подобная система сотрудничества, которая касается всех основных сторон прогресса и современной цивилизации, а также проблемы противодействия общим вызовам, стоящим перед народами обеих стран, в последние годы расширилась от экономики до сфер туризма и культуры. Глобальные проблемы, перед лицом которых оказались оба правительства, требуют разработки соответствующих сценариев, а также общих представлений о возможном будущем развитии; и именно в эту сферу деятельности научное и культурное сотрудничество может внести свой фундаментальный вклад [Риччери].

Активность итальянской стороны в отношениях с Россией является плодом прогрессивного усиления присутствия Италии на международной арене, отмеченного в последние годы [Маслова]. Российско-итальянские отношения представляют собой «привилегированное стратегическое партнёрство», и, основываясь на этой предпосылке, двусторонний политический диалог на высшем уровне развивается активно и плодотворно, принося ощутимые результаты каждой из сторон: существует много форм межминистерского и межпарламентского сотрудничества, вплоть до непосредственного включения в работу организаций гражданского общества обеих стран.

Благодаря впечатляющему историческому и культурному наследию, сформировавшемуся из различий, взаимодополняемости и взаимного доверия, Россия и Италия имеют прочную политическую базу для развития двусторонних отношений, что в целом способствует реализации многочисленных проектов [Маслова].

«Век истории в особняке Берга» — это действительно удавшийся проект. Это связано с большим научным значением, о чём свидетельствуют энтузиазм, который проявили докладчики, принявшие приглашение участвовать в конференции 6 июля, и качество представляемых здесь докладов. Проект оказался успешным и благодаря глубокому интересу,

с каким посольство Германии и Институт Европы РАН отнеслись к этой инициативе и приняли в ней активное участие. А также благодаря стараниям посольства Италии в Москве, курировавшего все этапы организации конференции и подготовку книги, которую мы выпускаем в свет.

Его Превосходительству Послу Паскуале Паскуале Терраччано и первому советнику Вальтеру Ферраре, оказавшим решительную поддержку этому проекту, продемонстрировав, насколько активно дипломатия может содействовать развитию науки, выражается благодарность от лица всех, кто ежедневно выполняет свою миссию в сфере науки.

Prefazione

Il presente volume raccoglie gli atti della Conferenza internazionale “1918–2018: un secolo di storia a Villa Berg”, le cui sessioni sono state ospitate il 6 luglio 2018 nelle prestigiose sedi dell’Ambasciata d’Italia a Mosca e dell’Istituto Europa dell’Accademia russa delle scienze. In tale occasione studiosi italiani, russi e tedeschi hanno avuto la possibilità di riunirsi intorno allo stesso tavolo per discutere tematiche di rilevante interesse scientifico legate simbolicamente agli eventi che hanno scandito la storia di Villa Berg negli ultimi un secolo.

“1918–2018: un secolo di Storia a Villa Berg” è parte del progetto scientifico avviato con la pubblicazione, nel novembre del 2017, del volume in lingua italiana e russa, “L’Ambasciata d’Italia a Mosca. Villa Berg”¹, alla cui presentazione sono intervenuti l’allora Ministro degli Esteri Angelino Alfano e l’ex Vice Primo Ministro russo Arkadij Dvorkovič. Nell’opera, frutto dello sforzo combinato di studiosi russi ed italiani, sono emersi significativi aspetti della storia delle relazioni italo-russe e russo-tedesche che meritavano di essere approfonditi con l’ausilio degli specialisti che negli ultimi anni ne hanno alimentato il dibattito in sede storiografica, ed attualizzati con il contributo degli esponenti di autorevoli istituti nel campo della ricerca politologica.

Ne è derivato l’impianto argomentativo della Conferenza del 6 luglio, le cui sessioni sono state strutturate assecondando le seguenti direttrici: il ruolo di Villa Berg tra Rivoluzione russa e fine della Prima guerra mondiale, nello specifico le relazioni russo-tedesche e i primi contatti degli italiani con la nuova realtà sovietica; le relazioni italo-sovietiche e italo-russe dal 1924 ai giorni nostri; la percezione che, nel tempo, Italia e Russia hanno maturato l’una dell’altra, le visioni particolari e gli obiettivi comuni di politica estera, le forme dell’interscambio culturale, la dimensione attuale e le prospettive future della collaborazione.

¹ *L’Ambasciata d’Italia a Mosca. Villa Berg, Ambasciata d’Italia a Mosca, Mosca 2017, 312 pp. ill.*

La data scelta per lo svolgimento della Conferenza non è casuale. Il 6 luglio del 1918, tra le mura di Villa Berg, allora sede della Legazione tedesca, si consumò il tragico assassinio dell’Ambasciatore tedesco, il conte Wilhelm von Mirbach-Harff. I *levye esery* (socialisti rivoluzionari di sinistra), che in seguito rivendicarono l’atto criminoso, sembra avessero pianificato l’uccisione del diplomatico con lo scopo di far saltare il trattato di pace di Brest-Litovsk, firmato dal governo di Lenin il 3 marzo dello stesso anno e di cui il governo tedesco ed il suo rappresentante a Mosca erano garanti.

L’episodio dell’assassinio del conte Mirbach mise in evidenza tutte le sfumature della politica perseguita dal Reich nei confronti della Russia sovietica nella fase finale della Prima guerra mondiale: da un lato, il sodalizio obbligato con i bolscevichi, dall’altro, la ricerca di un’alternativa al governo di Lenin (Chavkin)². La “politica orientale” della Germania, per quanto non affatto scontata, era subordinata ad una valutazione primariamente strategica e militare del bolscevismo (Baumgart). La “pace sotto diktat” era stata letteralmente imposta dall’Alto comando tedesco; il potere dei bolscevichi, garantendo di per sé l’impotenza militare della Russia, avrebbe garantito alla Germania tranquillità sul fronte orientale. L’obiettivo fondamentale della strategia militare tedesca era, infatti, quello di prevenire il rischio che i bolscevichi cambiassero orientamento a favore delle potenze dell’Intesa (Baumgart).

I bolscevichi, da parte loro, pur considerando “iniqua” la pace con gli imperialisti tedeschi, erano costretti a rispettarla poiché il destino della Rivoluzione dipendeva dal Kaiser, dai militari e dai diplomatici tedeschi (Chavkin). Con una Germania appagata dalla vittoria e dal suo “bottino” la Russia avrebbe potuto stringere una sorta di alleanza per sopperire al blocco continentale decretato dalle democrazie occidentali (Romano). La “guerra civile” fra i due maggiori partiti della sinistra rivoluzionaria russa, tuttavia, non terminò con la morte di Mirbach; il 30 agosto 1918 Lenin stesso sopravvisse ad un attentato ai danni della sua persona (Romano).

La vicenda dell’Ambasciatore tedesco, che continua ad essere oggetto di studio degli storici sulla base delle scarse fonti archivistiche disponibili, si è trasformata nel tempo anche in soggetto cinematografico e letterario. In particolare, la figura di Bljumkin, uno degli autori dell’assassinio, ha attratto e continua ad attirare l’attenzione di letterati e cineasti in ragione dei suoi legami, non solo con influenti personalità appartenenti al Partito bolscevico e al Partito dei socialisti rivoluzionari di sinistra, ma anche con alcuni importanti esponenti dei circoli letterari di allora come, per esempio, i poeti Esenin, Majakovskij e Mandel’stam (Leont’ev). Bljumkin, infatti, iniziò ad accostarsi alla letteratura contemporaneamente al suo avvicinamento alle idee della rivoluzione (Leont’ev). Nel 1970 il film *Sei luglio*, le cui riprese furono effettuate anche a Villa Berg, ot-

² Da qui in avanti si citeranno tra parentesi i nomi degli autori alle cui tesi si farà riferimento.

tenne al IV Festival Pansovietico del Cinema di Minsk il diploma del Comitato Statale dell'URSS per la cinematografia e dell'Unione dei Cineasti dell'URSS per il valore ideologico-artistico e il grande successo di pubblico.

L'assassinio del conte Mirbach fu un avvenimento che rispecchiò in pieno la complessità dei rapporti russo-tedeschi in un periodo cruciale per la storia del continente europeo, complessità che avrebbe continuato a manifestarsi anche nel periodo successivo, negli anni della ricostruzione post-bellica del sistema economico e politico europeo.

La pace di Versailles sortì conseguenze non indifferenti proprio rispetto alla collocazione internazionale di Unione Sovietica e Germania: i capisaldi del nuovo ordine internazionale post-bellico prescindevano dagli orientamenti rivoluzionari di Lenin, recependo completamente la visione idealistica di Wilson; l'art. 231 del trattato di Versailles, le cui implicazioni economiche in realtà rispecchiavano ben più ampie implicazioni di ordine morale, poneva dei limiti emotivi alla piena partecipazione della Germania all'interno del nuovo concerto europeo in fase di definizione.

L'isolamento che dal sistema di Versailles derivò per l'Unione Sovietica e la Repubblica di Weimar fu l'elemento determinante dell'attrazione reciproca fra le due "impotenze", ad onta delle differenze di matrice ideologica e delle divergenze degli obiettivi di politica estera di lungo periodo. Il trattato di Rapallo (16 aprile 1922), o trattato Čičerin-Rathenau, sancì la reciproca rinuncia ai pagamenti di riparazioni e danni di guerra e il reciproco riconoscimento diplomatico, ma soprattutto aprì la strada al riarmo clandestino della Germania attraverso una serie di accordi per l'addestramento di forze armate tedesche in territorio sovietico. In tal modo, nonostante il divieto del trattato di Versailles, la Germania ebbe ufficiali di collegamento in Unione Sovietica, a partire dal 1922, facenti funzione di veri e propri addetti militari (Uhl). Berlino riprese ad inviare all'estero i propri addetti militari ufficiali dal 1 aprile 1933, quando già la Repubblica di Weimar era andata incontro al suo infausto destino. Benché venissero conservati stretti legami con l'Unione Sovietica, gli ufficiali tedeschi che assolvevano queste funzioni non mantennero a lungo rappresentazioni positive dell'URSS. Proprio per questo Hitler, nel 1941, nonostante le perplessità nell'ambiente dei generali tedeschi, non incontrò forti resistenze nella pianificazione di "una guerra di visione del mondo" contro l'URSS (Uhl).

Negli anni Trenta, punto di comunanza tra Berlino e Mosca erano anche le relazioni con l'Italia. Nell'estate del 1939, il Ministro degli Esteri tedesco von Ribbentrop si rivolse al rappresentante italiano a Berlino, Bernardo Attolico, affinché l'Ambasciatore italiano a Mosca, Augusto Rosso, avvicinasse il vicecommissario agli Esteri sovietico, Vladimir Potemkin, per caldeggiare l'idea di un accordo con la Germania. Il Narkom Molotov, infatti, era al momento dell'opinione che mancassero le necessarie premesse per la firma di un patto di natura politica.

Dal 1924 Villa Berg era diventata la sede ufficiale dell'Ambasciata d'Italia a Mosca.

L'Italia era stato il secondo Paese a riconoscere ufficialmente l'Unione Sovietica dopo la Gran Bretagna, dando prova di continuità nell'adozione di una linea "moderata" nei confronti dell'URSS, seppur nel quadro degli orientamenti generali dell'Entente. Nell'estate del 1919, il Presidente del Consiglio Nitti aveva dichiarato in Parlamento che alla politica dell'intervento sarebbe seguita la cooperazione economica con la Russia. Il governo italiano, in quel frangente, non aveva nascosto l'auspicio che la nuova Russia non procedesse ad azioni volte all'insediamento di un regime di stampo bolscevico anche in Italia.

La Rivoluzione d'ottobre fu un evento inaspettato per gli italiani, un fenomeno non immediatamente percepito nelle sue reali dimensioni. Nella sua accezione "marxista" o "non marxista", essa influenzò in maniera significativa il successivo sviluppo della storia politica italiana (Zonova). La Rivoluzione d'ottobre rese sostanzialmente antistorica e reazionaria qualsiasi ipotesi teorica di rivoluzione italiana avanzata fino ad allora; godette di crescente popolarità fra gli italiani al punto che, tra le masse, diventò luogo comune il motto "fare come in Russia". Gli avvenimenti russi dettero ai partiti e ai movimenti di sinistra l'occasione di massimizzare la loro influenza, alle destre l'input per consolidare le loro critiche allo Stato liberale.

Al pari dell'ascesa di Hitler in Germania, l'ascesa politica di Mussolini, considerato un "male minore" rispetto alla prospettiva di bolscevizzazione dell'Italia, fu agevolata in qualche misura proprio dagli avvenimenti russi, oltre che dal malcontento causato dalle questioni lasciate aperte dalla pace di Versailles (Zonova).

Nel quadro del nuovo corso politico inaugurato all'inizio degli anni Venti dalla NEP, volto all'affermazione di un nuovo corso diplomatico nelle relazioni tra l'Unione Sovietica e i Paesi capitalisti, lo stabilimento di rapporti commerciali reciprocamente vantaggiosi tra Italia e URSS costituì una base per condividere tutta una serie di posizioni comuni contro il monopolio inglese e francese della politica europea del post-Versailles (Chormač).

Il progetto mussoliniano di "Direttorio" europeo delle quattro potenze (Italia, Francia, Gran Bretagna e Germania), teso alla creazione di un sistema alternativo alla Società delle Nazioni e ispirato più al principio della regolamentazione del revisionismo che della sua prevenzione, mal si confaceva alle esigenze di sicurezza dell'URSS — che il 18 settembre 1934 confermava la svolta della sua politica verso l'organizzazione entrando a farne parte con un seggio permanente nel Consiglio. La firma del Patto a Quattro (1933) e il consolidamento del sodalizio con la Germania in occasione dell'intervento nella guerra civile spagnola (1936), i tentativi italiani di esportare il fascismo in Spagna, a fronte degli sforzi sovietici di conservarvi embrioni di socialismo, incrinarono i rapporti italo-sovietici (Chormač). In tal modo, il fallimento dei negoziati per un accordo italo-sovietico simile a quello tedesco-sovietico stipulato nel 1939 e la dichiarazione di guerra italiana all'Unione Sovietica del 1941 congelarono lo stato dei rapporti tra Italia e URSS fino al marzo del 1944.

Dopo la caduta di Mussolini e la firma dell'armistizio, l'Unione Sovietica fu il primo Paese a ristabilire contatti diretti con il governo Badoglio nel marzo del '44, riconoscendo di fatto all'Italia lo status di cobelligerante, che gli alleati anglo-americani le avevano concesso solo nominalmente (Alonzi). Il gesto confermava quella distinzione tra ideologia e strategia politica che già aveva connotato le relazioni dell'URSS con l'Italia rispetto all'antitesi fascismo-bolscevismo. Tuttavia, a partire dal '45, si manifestarono i primi mutamenti intrinseci alla concezione del rapporto tra politica estera e politica interna, determinante negli orientamenti dei governi De Gasperi nei confronti dell'URSS, nonché alla visione staliniana dell'equilibrio continentale europeo, e quindi del ruolo da assegnare alle relazioni con l'Italia (Alonzi). Le relazioni italo-sovietiche dal '47 al '53, nella sostanza, furono relazioni regolate dal Trattato di pace, con tutte le implicazioni negative della non soluzione delle questioni politiche e giuridiche ad esso collegate.

La fine dell'epoca staliniana segnò l'inizio una nuova fase nelle relazioni Italia-URSS. Il Cremlino osservò il "periodo costituente" della politica estera italiana con estremo interesse e dalla metà degli anni Cinquanta passò a promuovere una politica di rapporti personali che fu curata direttamente da Chruščëv, nonché da altri alti dirigenti sovietici, quali A.A. Gromyko e A.N. Kosygin (Salacone). Alcuni esponenti della Democrazia cristiana, in particolare il Presidente della Repubblica Giovanni Gronchi, il segretario della DC Amintore Fanfani e il presidente dell'ENI Enrico Mattei, furono interessanti interlocutori per Mosca. «Quando qualcuno chiedeva ad Andrej Andreevič chi degli statisti e degli uomini politici italiani egli conoscesse meglio, lui rispondeva: "Aldo Moro"» (Gromyko).

Ad onta delle preoccupazioni nutrite dai partiti della maggioranza parlamentare per un aumento dell'influenza sovietica in Italia in seguito all'allargamento degli scambi commerciali (con una ripercussione diretta sugli equilibri politici del Paese, nonché per le reazioni in ambito atlantico), negli anni Sessanta le relazioni con l'Italia furono "esemplari" di un rapporto possibile di proficua collaborazione, seppur nell'appartenenza a blocchi separati e distinti (Salacone).

Tale esemplarità si colloca all'interno di un'esperienza storica che vanta una fonte inesauribile di esempi costruttivi, che testimoniano il passato e si pongono come modelli per il futuro (Gromyko).

Uno di questi fu senza dubbio l'organizzazione di convegni italo-sovietici, nel cui ambito maturavano discussioni in cui gli studiosi esprimevano le proprie opinioni senza pregiudizi, per quanto gli storici sovietici fossero costretti nei limiti delle consuetudini di un regime appena affrancatosi dallo stalinismo, ma ancora incapace di superarne le conseguenze (Ljubin).

La percezione di appartenere a blocchi separati non escludeva, dunque, avvenimenti che costituivano delle vere e proprie brecce nella "cortina di ferro" che separava Est e Ovest.

I convegni italo-sovietici iniziarono nel 1964 e proseguirono, sebbene non regolarmente, fino al 1986. Verso la metà degli anni Sessanta in Italia e Germania era iniziata l'analisi scientifica del fascismo e del nazismo. Per molti storici sovietici e dei paesi socialisti quell'analisi così libera da preconcetti ebbe l'effetto di una "rivelazione" (Ljubin). Quel forte interesse di conoscenza e comprensione reciproca, che portava spesso a guardare, seppur in modo diverso, nella stessa direzione, conduceva illustri cattedratici a spogliarsi volentieri dell'autorevolezza acquisita e a mettersi in discussione, stimolati dalla ricchezza del confronto intellettuale. Poteva capitare così che molte discussioni continuassero ad animare i loro partecipanti anche al di fuori dei contesti ufficiali ed accademici, tra la meraviglia e l'incredulità degli ignari che si ritrovavano ad assistervi.

Risultato di quei convegni fu l'instaurazione di rapporti di lavoro e personali, dai quali in seguito nacquero amicizie durate negli anni e fruttuose collaborazioni scientifiche di alto livello, una preziosa eredità per le nuove generazioni di studiosi italiani e russi.

La lontananza dell'Italia dalla linea diretta di confronto fra Est e Ovest, e il conseguente ridimensionamento della minaccia bellica rappresentata dall'Unione Sovietica, era un elemento che giocava a favore dei rapporti italo-sovietici (Arbatova). La solidità delle relazioni economiche e commerciali superò persino le tensioni seguite all'invasione sovietica dell'Afghanistan e agli avvenimenti polacchi durante la crisi del dicembre 1981.

Le relazioni italo-sovietiche possedevano una propria specificità legata allo spartiacque post-bellico comunismo/anticomunismo, che si estrinsecava in una dimensione non solo esterna ma anche interna (Arbatova). All'inizio degli anni '80 la polarizzazione comunismo/anticomunismo non si limitava alla lotta degli anticomunisti italiani contro la residuale influenza del PCI, ma era stata allargata anche al settore delle altre forze di sinistra e si esprimeva nell'opposizione tra i due leader del PCI e del PSI, Enrico Berlinguer e Bettino Craxi. I comunisti italiani, da parte loro, ritenevano di essere indirettamente i fautori del processo di riforma dell'URSS che prendeva corpo con la *perestrojka*. Il crollo dell'URSS e la fine del bipolarismo, tuttavia, gettarono le basi per la delegittimazione del sistema partitico italiano e del ruolo del PCI in particolare.

Il crollo dell'URSS sublimò il mito e l'antimito di una realtà autoevidente, contraddittoria e palinogenetica, le cui manifestazioni in Italia avevano dato luogo a tutta una sorta di interpretazioni al limite tra immaginario collettivo e propaganda politica.

L'Unione Sovietica era stato il Paese su cui scaricare alcune delle preoccupazioni, delle angosce più profonde suscitate dalle grandiose trasformazioni sociali, economiche e culturali che avevano accompagnato la comparsa della società di massa tra la fine del XIX secolo e l'inizio del XX (Ventroni). Nei primi anni Venti, dopo l'avvento al potere del fascismo, Stati Uniti e Unione Sovietica avevano incarnato efficacemente la degenerazione a cui conduceva inesorabilmente

la modernità borghese. Dopo la caduta del fascismo, il mito negativo dell'URSS aveva iniziato a concretarsi nello scontro tra bolscevismo e civiltà cristiana: gran parte del mondo cattolico aveva cominciato a rivedere la profonda diffidenza tradizionalmente nutrita dalla dottrina sociale della Chiesa nei confronti del sistema capitalistico al fine di contendere con successo la strada al comunismo (Ventrone). Fu solo verso la metà degli anni Settanta che si produsse una visibile frattura nei contenuti e nello stile della propaganda politica in coincidenza col ripensamento e l'allentamento da parte del Partito comunista dei tradizionali legami con l'Unione Sovietica.

Dal punto di vista dei sostenitori della mitopoiesi dell'URSS, la forza d'attrazione del mito sovietico non si è dispiegata nella sua realizzazione quanto, piuttosto, nella sua incompiutezza (Valle). Il mito dell'URSS è entrato nella Storia quale prodotto di una spirale autogenetica risolvendosi e non-risolvendosi in sé e per sé. Il mito post-bellico di Stalin, quale simbolo della vittoria contro il nazismo, dopo il 1956 è transitato dall'agiografia alla demonizzazione, ipostatizzata da Chruščëv con l'anti-leggenda del culto della personalità. La destalinizzazione si è associata alla nascita di una nuova narrazione: la riforma permanente del sistema sovietico. Con l'avvento di Gorbačëv, come già accennato, ha fatto il suo esordio in Italia il mito della contaminazione democratica del PCUS ad opera del PCI. Il mito del crollo dell'URSS, nell'era politologicamente contrassegnata dalla "fine della storia", sembra esaurire la propria forza persuasiva se associato all'irrePLICABILITÀ della Storia stessa, in una tensione ideale tra visioni oniriche e suggestioni di natura cartografica riproducibili nello spazio post-sovietico (Valle).

Con il disfacimento dell'URSS, le relazioni tra Roma e Mosca sono entrate in una nuova fase caratterizzata, da un lato, da cambiamenti in termini di soggettività internazionale dei due Paesi, dall'altro, dal recupero di quella consuetudine culturale e umana che in ogni epoca della storia dei popoli italiano e russo ha costituito un fattore di naturale avvicinamento tra di essi.

Il mito dell'Italia nel tempo si è sostanziato nei viaggi nella penisola di tanti famosi rappresentanti della cultura russa. L'Italia era il Paese preferito per i soggiorni dell'aristocrazia russa, per le vacanze di alcuni membri della famiglia degli zar. L'Italia, "patria dell'anima" di Gogol', era la terra verso cui anelavano i pensieri del giovane Turgenev, la sua fascinazione nei confronti del "dolce Meridione", dell'"amore ardente del Sud", del "cocente Meridione", accompagnata dalla lettura delle "Elegie romane" di Goethe (Kara-Murza). Frutto di questa fascinazione, lo "Steno", composto tra il settembre e il dicembre del 1834, si apre sullo sfondo di un Colosseo illuminato dalla luna, tra le cui rovine l'eroe romantico recita il suo monologo notturno.

Turgenev realizzò il suo sogno all'inizio del febbraio 1840, quando giunse finalmente a Roma. Entrò nella "Città Eterna" da solo, come aveva sognato di fare, in un solenne isolamento. Soggiornò a Roma per circa due mesi. Leggendo attentamente il testo di "Un nido di nobili", che costituisce un autentico spartiac-

que nell'opera di Turgenev, ci si rende conto che i tratti generali del "nido" dei Kalitin richiamano alcuni episodi del periodo trascorso dal giovane Turgenev proprio nella "Città Eterna" (Kara-Murza).

Simbolo di questa "comunanza fra anime" che trapassa le epoche, gli accordi di cooperazione scientifica e culturale tra Italia e Russia costituiscono un vero e proprio sistema organico di collaborazione, che si intensifica particolarmente nei momenti in cui il quadro internazionale si fa più complesso (Ricceri). Un simile sistema di cooperazione, che interviene sui principali aspetti del progresso e della civiltà moderna, sulle sfide che sono comuni ai due popoli, negli ultimi anni si è esteso dall'economia ai settori del turismo e della cultura. Le sfide globali sulle quali entrambi i governi sono coinvolti richiedono l'elaborazione di scenari adeguati, di visioni condivise sul possibile sviluppo futuro; e questo è proprio l'ambito nel quale la cooperazione scientifica e culturale può dare un contributo fondamentale (Ricceri).

L'attivismo da parte italiana nelle relazioni con la Russia è frutto del progressivo incremento della presenza dell'Italia sulla scena internazionale registrato negli ultimi anni (Maslova). I rapporti italo-russi costituiscono "un partenariato strategico privilegiato" e, sulla base di questo presupposto, il dialogo politico bilaterale al livello più alto si sviluppa intensamente, dando ottimi frutti da ambo le parti (numerose sono le forme di cooperazione interministeriale e interparlamentare), fino a coinvolgere direttamente le società civili dei due Paesi.

Grazie ad un imponente retaggio storico e culturale fatto di diversità, complementarietà e fiducia reciproca, Russia e Italia dispongono di una solida base politica per sviluppare le proprie relazioni bilaterali che, nel complesso, favorisce la realizzazione di numerosissimi progetti (Maslova).

"1918-2018: un secolo di Storia a Villa Berg" è un progetto ben riuscito. Lo è per l'alto spessore scientifico, testimoniato dall'entusiasmo con cui i relatori hanno accolto l'invito a partecipare alla Conferenza del 6 luglio e dalla qualità dei contributi che qui presentiamo. Lo è per il grande interesse con cui l'Ambasciata tedesca e l'Istituto Europa dell'Accademia russa delle scienze hanno preso attivamente parte all'iniziativa. Lo è per la cura con cui l'Ambasciata d'Italia a Mosca ha seguito le fasi dell'organizzazione della Conferenza e della preparazione del volume che diamo alle stampe.

All'Ambasciatore Pasquale Terracciano e al Primo Consigliere Walter Ferrara, che hanno fortemente voluto questo progetto, dando prova della misura in cui la diplomazia sia in grado di operare attivamente a sostegno della scienza, va il ringraziamento di chi nella scienza realizza quotidianamente la propria missione.

Для меня большая честь представить издание «1918–2018: век истории в особняке Берга», которое освещает наиболее важные эпизоды столетия истории, в ходе которого завязались дипломатические отношения между Италией, Германией и Россией.

История особняка Берга представляет собой значительный пласт, свидетельствующий о том, какая огромная часть, казалось бы, далёкого прошлого оживает в нашем настоящем.

Это история дружеских отношений, складывающихся спонтанно, сложных взаимосвязей, стратегий, которые никогда не ставились превыше конструктивного видения международной истории.

Дата проведения конференции выбрана не случайно: именно в особняке Берга 6 июля 1918 г. произошло трагическое убийство графа Вильгельма фон Мирбаха-Харффа, чрезвычайного и полномочного министра германской дипломатической миссии, которой это здание было предоставлено революционным правительством во главе с Лениным после подписания сепаратного мира с Германией.

Итальянская дипломатическая миссия разместилась в особняке Берга в 1924 г. Двадцать пятого февраля Гаэтано Манцони вручил свои верительные грамоты послу Михаилу Калинину. В те дни Советский Союз всё ещё был в трауре из-за смерти Ленина, и Муссолини спешно решил направить в эту страну Мандзони, чтобы отыграть репутационный урон, нанесённый Италии Великобританией, опередившей её в дипломатическом признании СССР. Вот почему Мандзони, в отличие от посланника британской короны — обычного поверенного в делах, вёз с собой в багаже верительные грамоты посла. В скромной церемонии вручения верительных грамот принял участие Георгий Чичерин, выступивший в роли переводчика: он владел итальянским языком и, возможно, имел итальянское происхождение.

Чичерин был частым гостем посольства Италии, как и немецкий посол в Москве граф Брокдорф-Рантцау, который вместе с наркомом СССР по иностранным делам был одним из творцов Рапалльского договора 1922 г. Шли двадцатые годы, и особняк Берга уже стал одним из центров московской культуры.

Преемник Чичерина, Максим Литвинов, человек утонченно воспитанный, приверженный западной культуре, тоже был частым гостем в особняке. Между ним и Аугусто Россо — четвёртым представителем Италии в Москве после Мандзони, Витторио Черрути и Бернардо Аттолико — установились довольно сердечные личные отношения.

Тринадцатого декабря 1940 г. в особняке Берга состоялось событие огромной важности, мало известное даже специалистам по истории дипломатии: ужин в честь Молотова. Молотов неожиданно согласился принять в нём участие, что вызвало изумление в дипломатических кругах

столицы, поскольку все знали, с каким неприятием этот человек относился к любым событиям преимущественно светского характера. На самом деле в тот вечер на кон были поставлены не только итало-советские интересы, то есть перспектива широкомасштабного политического соглашения между Италией и СССР, но, вероятно, и сама участь политической линии, которую проводили страны «оси».

После Второй мировой войны и её дипломатических последствий особняк Берга с 1949 г. снова стал домом итальянской дипмиссии. Особенно с теплотой в известный особняк вернулся дух двадцатых годов. В 1957 г. посольство Италии начал посещать Анатолий Адамишин. Эти визиты давали молодому итальянцу возможность познакомиться с культурой страны, которую он избрал предметом своих штудий, поскольку совершить заграничное путешествие в те годы было довольно сложно.

В конце марта 1959 г. первый визит в особняк Берга нанёс министр иностранных дел СССР Андрей Громыко. В тот день он заявил, что правительство СССР принимает предложения по решению двух вопросов: подписанию мирного договора с двумя Германиями и определению линий разграничения в Берлине.

В феврале 1960 г. настал черёд президента Итальянской Республики Джованни Гронки. Одним из результатов визита Гронки стало подписание первого культурного соглашения между Советским Союзом и западным государством, которое заложило основы для дальнейшего развития итало-советских отношений в этой сфере.

В октябре 1972 г., когда в Москву прибыл председатель Совета министров Италии Джулио Андреотти, был подписан итало-советский протокол о консультациях — по сути, первый двусторонний документ политического характера в послевоенную эпоху. На ужине, который проводился по случаю этого события в особняке Берга, глава Советского правительства Алексей Косыгин сказал своим собеседникам, что необходимо постепенно преодолеть деление Европейского континента на военно-политические союзы и отказаться от использования силы для разрешения спорных вопросов.

Это лишь несколько самых важных эпизодов, которые имели место в стенах посольства Италии и оставили след в истории отношений Италии и России. Истории, лейтмотивом которой была общая, последовательная и постоянная потребность в уравниловке международного правопорядка.

Особняк Берга продолжает играть важную роль в политической и дипломатической истории России, а также в культурной жизни города. Подробнее об этом расскажут в своих статьях знаменитые историки из Италии, Германии и России.

Я хотел бы поблагодарить всех, кто вложил свои знания и свою страсть как в организацию важной конференции 6 июля 2018 г., так и в осуществление этого издания, что позволяет нам ещё раз подчеркнуть ту огромную близость и ту старинную дружбу, которая связывает Италию и Россию, на примере истории особняка Берга.

По словам великого писателя Горького, «не зная прошлого, невозможно понять подлинный смысл настоящего и цели будущего».

Паскуале Терраччано

Посол Италии в Российской Федерации

È per me un grande onore presentare la pubblicazione “1918-2018: un secolo di storia a Villa Berg” che ripercorre i momenti salienti di un secolo di storia durante il quale si sono intrecciate le relazioni diplomatiche tra Italia, Germania e Russia.

La storia di Villa Berg è una storia importante, che testimonia quanto del passato apparentemente lontano riviva nel nostro presente.

Una storia di amicizie spontanee, relazioni complesse, strategie che mai sono state anteposte ad una visione costruttiva della storia tra le nazioni.

La data dello svolgimento della Conferenza non è casuale: proprio a Villa Berg, il 6 luglio del 1918, si consumò il tragico assassinio del conte Wilhelm von Mirbach-Harff, Ministro della Legazione tedesca, a cui il palazzo era stato assegnato dal Governo rivoluzionario guidato da Lenin dopo la firma della pace separata con la Germania.

Villa Berg è sede storica della Missione diplomatica italiana a Mosca dal 1924. Il 25 febbraio di quell'anno, Gaetano Manzoni presentava le sue credenziali di Ambasciatore a Michail Kalinin. In quei giorni l'Unione Sovietica era ancora in lutto per la morte di Lenin, e la partenza di Manzoni era stata decisa in tutta fretta da Mussolini per recuperare il prestigio perduto a vantaggio della Gran Bretagna nella corsa al riconoscimento diplomatico dell'URSS. Per tali ragioni, a differenza dell'inviato di Sua Maestà britannica, che era un semplice incaricato d'affari, Manzoni portava nel suo bagaglio le lettere credenziali di Ambasciatore. Alla sobria cerimonia di presentazione delle credenziali partecipò, in qualità di interprete straordinario, Georgij Čičerin, che parlava l'italiano e pare avesse antenati di origini italiane.

Proprio Čičerin fu assiduo frequentatore dell'Ambasciata d'Italia, insieme al rappresentante tedesco a Mosca, il conte Brockdorff-Rantzau, il quale, con il Commissario agli Esteri sovietico, fu uno degli artefici degli accordi di Rapallo del 1922. Erano gli anni Venti e Villa Berg era già diventata uno dei centri della cultura moscovita.

Anche il successore di Čičerin, Maksim Litvinov, uomo di mondo con una formazione culturale occidentale, fu frequentatore abituale della Villa. Tra lui e Augusto Rosso, il quarto rappresentante italiano a Mosca dopo Manzoni, Vittorio Cerruti e Bernardo Attolico, si stabilì una certa cordialità personale.

Il 13 dicembre del 1940, Villa Berg ospitò un evento importantissimo – un episodio poco conosciuto persino dagli studiosi di storia diplomatica, il pranzo in onore di Molotov. A sorpresa, Molotov accettò di presenziare al pranzo, cosa che provocò lo stupore di tutto l'ambiente diplomatico moscovita, alla luce della nota ritrosia del personaggio nei confronti delle manifestazioni di natura precipuamente mondana. In realtà, quella sera furono messi in gioco non solo gli interessi italo-sovietici, e cioè la prospettiva di un accordo politico di ampia portata tra l'Italia e l'URSS ma, probabilmente, la sorte stessa della linea politica perseguita dall'Asse.

Dopo gli eventi della Seconda guerra mondiale e le sue conseguenze diplomatiche, Villa Berg tornò ad ospitare la Missione italiana a partire dal 1949. L'epoca del disgelo, in particolare, riportò il prestigioso edificio all'atmosfera degli Anni Venti. Nel 1957 cominciò a frequentare l'Ambasciata d'Italia Anatolij Adamišin. Queste visite davano al giovane italianista l'opportunità di conoscere la cultura del Paese oggetto dei suoi studi, essendo allora alquanto complicato recarsi in viaggio all'estero.

Alla fine del marzo 1959 Villa Berg fu visitata per la prima volta dal Ministro degli Esteri sovietico, Andrej Gromyko. In quell'occasione Gromyko annunciò che il Governo dell'URSS accettava le proposte riguardanti la soluzione di due questioni, la firma del Trattato di pace con le due Germanie e la definizione delle linee di divisione di Berlino.

Nel febbraio del 1960 fu la volta del Presidente della Repubblica Italiana Giovanni Gronchi. Uno dei risultati della visita di Gronchi fu la firma del primo Accordo culturale tra l'Unione Sovietica e un Paese occidentale, che gettò le basi per il successivo sviluppo delle relazioni italo-sovietiche in questo ambito.

Nell'ottobre del 1972, con l'arrivo a Mosca del Presidente del Consiglio italiano Giulio Andreotti, venne firmato il Protocollo italo-sovietico sulle consultazioni, in sostanza il primo documento bilaterale post-bellico di carattere politico. Il premier sovietico, Aleksej Kosygin, ospite al pranzo che si tenne per l'occasione a Villa Berg, volle condividere con i commensali un pensiero sulla necessità di superare gradualmente la scissione del continente europeo in alleanze politico-militari e di rinunciare all'uso della forza per la risoluzione delle controversie.

Quelli passati in rassegna, sono solo alcuni degli episodi più significativi che si sono avvicendati tra le mura dell'Ambasciata d'Italia e che hanno contrassegnato la storia delle relazioni italo-russe; una storia scandita da una comune, coerente e continua esigenza di equilibrio nell'ordine internazionale.

Villa Berg continua a svolgere un ruolo rilevante nella storia politica e diplomatica russa, oltre che nella vita culturale della città, come verrà approfondito in questa pubblicazione grazie a saggi di illustri storici italiani, tedeschi e russi.

Vorrei ringraziare quanti hanno collaborato con competenza e passione alla realizzazione sia dell'importante importante convegno del 6 luglio 2018, che di questa pubblicazione, che ci permette di sottolineare ancora una volta, attraverso le vicende di Villa Berg, la grande vicinanza e la storica amicizia tra Italia e Russia.

Come scriveva il grande scrittore Gor'kij «Не зная прошлого, невозможно понять подлинный смысл настоящего и цели будущего» («Senza conoscere il passato è impossibile capire il vero senso del presente e gli obiettivi del futuro»).

Pasquale Terracciano

Ambasciatore d'Italia nella Federazione Russa

Ровно sto лет назад, в стенах тогдашнего посольства Германии, был убит посол Вильгельм фон Мирбах-Харфф, как дипломат, в исключительно тяжёлой и сложной политической обстановке пытался представлять интересы своей страны и поэтому пал жертвой политического покушения.

Когда граф фон Мирбах в апреле 1918 г. прибыл в Москву, его страна четвёртый год находилась в состоянии беспрецедентной войны, уже унёсшей жизни миллионов людей. Хотя Россия формально заключила мир с Германским рейхом, но на глубоко унижительных условиях. И всё это — при новом российском режиме, который задумал от имени мировой революции расшатать весь существующий миропорядок.

То, что графу фон Мирбаху поручили столь сложную, если не практически невыполнимую миссию, говорит о том, насколько высоко ценились его способности. Его жизненный путь был необычен ещё и потому, что ему, одному из очень немногих католиков, удалось сделать в Германии при Вильгельме карьеру в министерстве иностранных дел.

Прибыв в Москву, граф фон Мирбах занялся тем, что всегда было задачей дипломатов: он попытался понять ситуацию в России, установить контакты с новыми властями и обрисовать для своего правительства варианты политических действий. При этом его деятельность отражала мир ничем не ограниченной державной политики национальных государств, которые в Мировой войне впечатляюще продемонстрировали, какую разрушительную силу они могут обрушить на мир. Многие в той политике, которую представлял граф Мирбах, возможно, сегодня покажется нам неправильным и достойным осуждения, но нам не следует расценивать это как его личную ошибку, учитывая, под каким давлением он тогда находился.

За прошедшие годы многие историки напоминали нам о том, что привело к началу Первой мировой войны, и это напоминание служило для нас предостережением. Ведь та война продемонстрировала, насколько быстро может рухнуть наш цивилизационный порядок, если политики не приложат все свои усилия к сохранению мира и поддержанию баланса с соседями, если их действия будут определяться национальными державными интересами и стремлением к обретению новых территорий. Лишь спустя много лет после гибели графа Мирбаха и по итогам двух мировых войн удалось организовать сосуществование народов Европы на основе общих правил и на принципах международного права.

Германия и Италия, которые на момент убийства посла Мирбаха ещё были противниками в войне, теперь являются одними из самых близких союзников в Европейском союзе, над развитием которого мы продолжим свою работу. Помня об этом, я особо хотел бы поблагодарить посла Итальянской Республики Паскуале Терраччано за его готовность предоставить здание посольства Италии для мероприятия в память о графе Мирбахе.

Я очень рад, что будущие гости вашей резиденции смогут получить представление и об этом эпизоде, столь важном для истории моей страны.

Убийство графа фон Мирбаха было частью смертоносной борьбы между фракциями и разгоравшейся Гражданской войны в России. Примечательно, что и сам убийца графа Мирбаха в 1929 г. пал жертвой сталинских репрессий. Я рад, что в нашем памятном мероприятии приняли участие и представители правительства России и что эта тяжёлая глава наших взаимоотношений явилась поводом для жеста примирения.

Рюдигер фон Фрич

Посол Федеративной Республики Германия в Российской Федерации

Esattamente cento anni fa tra le mura dell'allora Ambasciata di Germania, fu ucciso l'Ambasciatore, il conte Wilhelm von Mirbach-Harff, che, in qualità di diplomatico, in circostanze politiche eccezionalmente difficili e complicate, cercò di rappresentare gli interessi del proprio Paese e per questo cadde vittima di un omicidio politico.

Quando il conte Mirbach arrivò a Mosca, nell'aprile del 1918, il suo Paese si trovava già da quattro anni in uno stato di guerra senza precedenti, che aveva già portato via la vita di milioni di persone. La Russia, per quanto formalmente, aveva concluso un trattato di pace con il Reich germanico, ma a condizioni profondamente umilianti. E tutto ciò era avvenuto sotto il nuovo regime russo, che a nome della rivoluzione mondiale meditava di scuotere dalle fondamenta l'ordine mondiale esistente.

L'incarico affidato al conte Mirbach, una missione tanto complessa, se non praticamente impossibile da eseguire, ci dice quanto fossero altamente apprezzate le sue capacità. Il suo percorso di vita fu particolare anche perché egli solo, tra pochissimi cattolici, riuscì nella Germania guglielmina a fare carriera nel Ministero degli Affari Esteri.

Giunto a Mosca, il conte Mirbach si occupò di ciò che ha sempre costituito il compito dei diplomatici: cercò di capire la situazione in Russia, di stabilire contatti con le nuove autorità e di tracciare possibili alternative di linea politica per il proprio governo. In ciò, la sua attività rifletteva il mondo della politica di potenza senza limiti degli stati nazionali, i quali nella guerra mondiale avevano dimostrato in modo impressionante quale forza distruttiva fossero in grado di rovesciare sul mondo. Molto in quella politica che il conte Mirbach rappresentava, oggi potrebbe sembrarci sbagliato e degno di condanna, ma non bisogna giudicare ciò alla stregua di un suo personale errore, tenendo conto di quale pressione egli subisse allora.

Negli anni passati molti storici ci hanno rammentato i motivi che portarono allo scoppio della Prima Guerra Mondiale e questo ricordo ci è servito da monito. Quella guerra dimostrò quanto velocemente può crollare il nostro ordine civile, se i politici non approfondono tutti gli sforzi possibili nel mantenere la pace e nel sostenere l'equilibrio con i vicini, se le loro azioni sono determinate dagli interessi nazionali di potenza e dal tentativo di annettersi nuovi territori. Solo molti anni dopo la fine del conte Mirbach, e in conseguenza di due guerre mondiali, si è riusciti ad organizzare la coesistenza dei popoli d'Europa sulla base di regole comuni e sui principi del diritto internazionale.

La Germania e l'Italia, che al tempo dell'omicidio del conte Mirbach erano ancora avversarie in guerra, adesso sono tra gli alleati più prossimi l'uno all'altro nell'Unione Europea, allo sviluppo della quale noi continuiamo a lavorare.

Ricordando questo, vorrei ringraziare in modo particolare l'Ambasciatore della Repubblica Italiana Pasquale Terracciano, per la sua pronta

disponibilità nel mettere a disposizione l'edificio dell'Ambasciata d'Italia per l'evento in memoria del conte Mirbach. Sono molto contento del fatto che i futuri ospiti della Sua residenza potranno avere contezza di questo episodio così significativo per la storia del mio Paese.

L'omicidio del conte Mirbach fu parte della lotta mortale tra fazioni e della guerra civile divampata in Russia. È da notare che lo stesso omicida del conte Mirbach, nel 1929, cadde vittima delle repressioni staliniane. Sono contento che alla nostra commemorazione abbiano partecipato anche rappresentanti del Governo della Russia e che questo difficile capitolo dei nostri rapporti sia occasione per un gesto di riconciliazione.

Rüdiger von Fritsch
Ambasciatore della Repubblica Federale di Germania
nella Federazione Russa

Настоящее издание приурочено к событию столетней давности — убийству 6 июля 1918 г. посла Германии графа Вильгельма фон Мирбах-Харфа в гостиной особняка С.П. Берга, где размещалась германская дипломатическая миссия. Трагические события той эпохи стали поворотным моментом в российской и мировой истории. Городская усадьба семьи Бергов пережила немало перипетий в своей судьбе. В разное время в ней размещались дипломатические миссии, исполнительный комитет Международного коммунистического интернационала и даже общежитие. Словом, стены дома, где ныне располагается посольство Италии, пропитаны историей, ход которой непосредственным образом отражался на жизни самой усадьбы.

В 2017 г. посольство Италии курировало выпуск блестящего издания, всецело посвящённого «итальянскому острову» в Москве — городской усадьбе Берга. В высокохудожественном стиле в нём рассказано об убранстве особняка и архитектурном ансамбле творения П.С. Бойцова, о кропотливой реставрационной работе, инициированной послом Италии Чезаре Марией Рагальини (завершившего свою миссию в 2017 г.), о событиях прошлого и недавнего времени, которые превратили дом в Денежном переулке в признанную культурную площадку российской столицы¹.

Для настоящего издания события 6 июля 1918 г. явились отправной точкой историко-политологического исследования об отношениях России и Италии. Авторы книги — известные российские, итальянские и немецкие учёные, представляющие различные школы и научно-исследовательские учреждения. Кроме того, авторы книги — не только историки, но и дипломаты, специалисты в области международных отношений, общественные и политические деятели. Видные специалисты в своей области, они объединились для того, чтобы пролить свет на различные страницы прошлого и настоящего.

Новизна представленного исследования состоит в комплексном анализе международной обстановки, освещении ранее не изученных малоизвестных фактов. Авторы книги рассматривают события столетней давности под разными углами, используя различные подходы, что в конечном счёте позволяет составить широкое мнение не только о двусторонних отношениях России с Италией и Германией, но и сформировать представление о международной повестке дня.

Книга состоит из трёх частей. Первая посвящена непосредственно эпизоду убийства графа Мирбаха и его влиянию на советскую историю и международные отношения. Вторая часть рассказывает о советско-итальянских отношениях после Октябрьской революции вплоть до периода перестройки. Третья часть раскрывает современные аспекты

¹ Посольство Италии в Москве. Особняк Берга / Посольство Италии в Москве. М., 2017. 312 с.

взаимоотношений России и Италии, а также обращается к проблеме восприятия СССР в Италии, мифам, некоторые из которых живы до сих пор.

Стремление России и Италии к пониманию друг друга так же сильно, как и желание двух народов развивать плодотворный диалог на высшем уровне. Подготовленное издание вносит свою лепту в изучение совместной истории, в расширение многочисленных связей двух стран. Чем лучше мы знаем своё прошлое, тем легче решать проблемы и вместе идти вперёд. Российско-итальянские отношения наполнены не только событиями, но и эмоциями. Такое сочетание определяет уникальный характер наших связей.

Хочется надеяться, что читатели этой книги ощутят дыхание истории с её страниц, почувствуют связь времён, найдут ответы на непростые вопросы, заинтересуются темами, которые станут предметом новых научных изысканий.

Алексей Громыко, Елена Маслова
Институт Европы РАН

La presente pubblicazione è dedicata ad un avvenimento che ha avuto luogo un secolo fa: l'uccisione, il 6 luglio 1918, dell'Ambasciatore Wilhelm von Mirbach-Harff nel salotto di Villa Berg, sede della Missione diplomatica tedesca.

Gli eventi tragici di quel periodo segnarono una svolta nella storia russa e mondiale. La residenza della famiglia Berg ha avuto un destino tumultuoso. Ha ospitato missioni diplomatiche, il Comitato esecutivo dell'Internazionale Comunista, addirittura una foresteria. Le mura dell'edificio dell'attuale Ambasciata d'Italia sono letteralmente impregnate di una storia il cui corso ha segnato la vita del palazzo stesso.

Nel 2017 l'Ambasciata d'Italia ha curato una pregevole pubblicazione dedicata all'"Isola italiana" a Mosca, la residenza della famiglia Berg. Il volume offre una raffinata descrizione degli interni del palazzo e dell'ensemble architettonico creato da Pavel Boicov, dell'accurato lavoro di restauro avviato su iniziativa dell'allora Ambasciatore d'Italia Cesare Maria Ragaglini, degli eventi del passato e dei giorni nostri che hanno reso la villa sita in Deneznyj pereulok un punto di riferimento della vita culturale moscovita¹.

Gli eventi del 6 luglio 1918 hanno costituito il punto di partenza per l'indagine storico-politica sui rapporti tra Russia e Italia intrapresa nella presente pubblicazione. Gli autori, tra cui si annoverano affermati studiosi russi, italiani e tedeschi, diplomatici, specialisti nell'ambito delle relazioni internazionali, noti esponenti di differenti settori ed istituti di ricerca, hanno unito le loro forze per gettare luce su alcune pagine del passato e del presente.

La novità delle ricerche esposte nel libro risiede nell'analisi complessiva della congiuntura internazionale e nella trattazione di fatti sinora poco conosciuti. Gli autori esaminano gli eventi di un secolo fa sotto vari punti di vista e attraverso diversi metodi di ricerca, e questo permette non solo di ricostruire la dinamica dei rapporti bilaterali tra Russia e Italia e Russia e Germania, ma anche di comprendere aspetti del quadro internazionale più generale.

Il volume si divide in tre parti. La prima è dedicata all'uccisione del conte Mirbach e alle ripercussioni che essa ha avuto sulla storia sovietica e sulle relazioni internazionali. La seconda parte esamina i rapporti tra Unione Sovietica e Italia a partire dalla Rivoluzione d'ottobre fino alla *Perestrojka*. La terza parte si concentra sugli aspetti attuali dei legami italo-russi, analizza la percezione dell'URSS in Italia e i miti sopravvissuti sino ai giorni nostri.

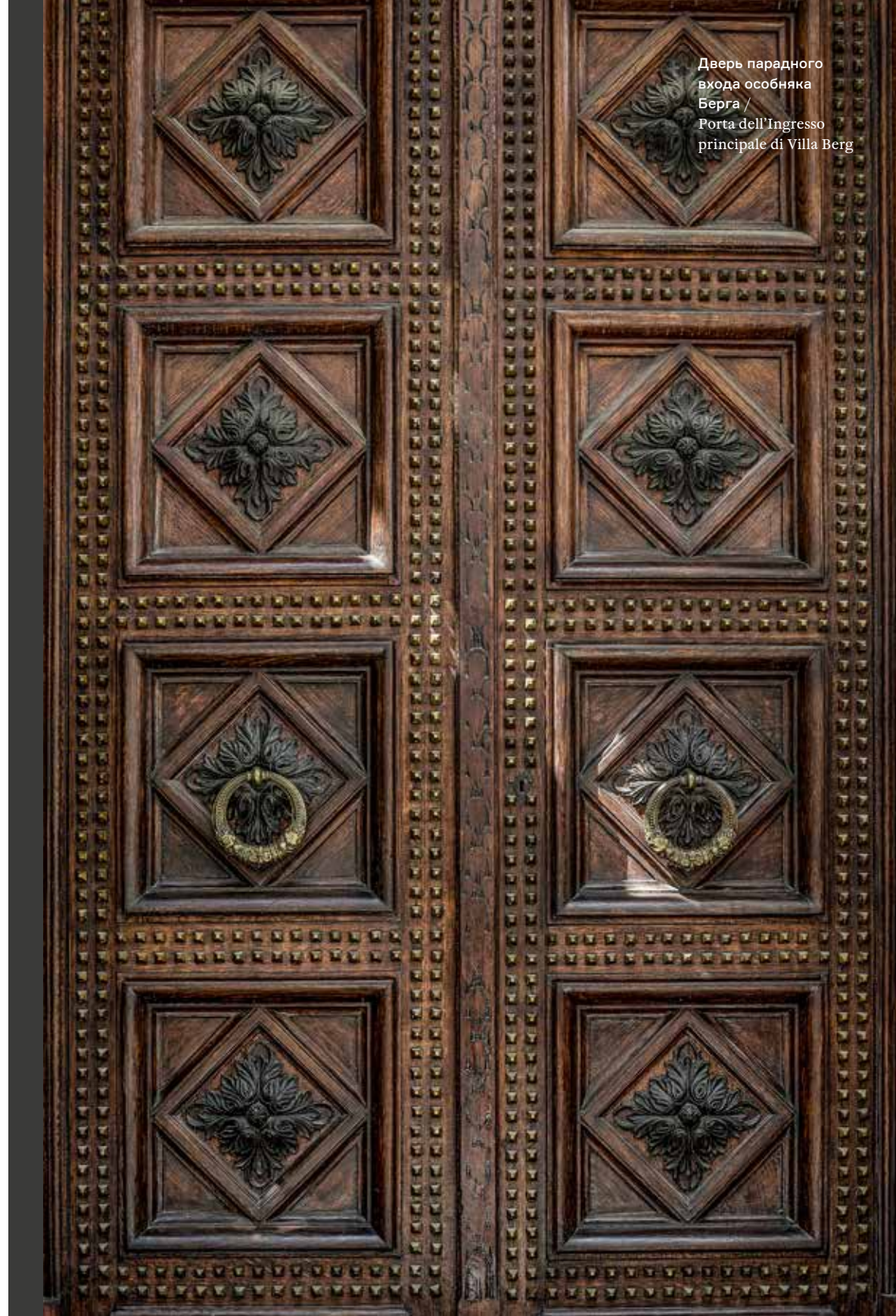
Il desiderio dei due Popoli di conoscersi a vicenda è forte quanto quello di sviluppare un intenso dialogo ad alto livello tra i nostri Paesi. La presente pubblicazione vuole essere un contributo allo studio della nostra storia comune, all'ampliamento dei molteplici legami tra Italia e Russia. Migliorare la nostra conoscenza del passato ci aiuta a risolvere le difficoltà e ad andare avanti insieme. I rapporti italo-russi sono carichi non solo di avvenimenti ma

¹ *L'Ambasciata d'Italia a Mosca*. Villa Berg, Ambasciata d'Italia a Mosca, Mosca 2017, 312 pp. ill.

anche di emozioni ed è proprio questo connubio a determinare l'unicità delle nostre relazioni.

Auspichiamo che i lettori di questo libro avvertano il respiro della storia che emana dalle sue pagine, percepiscano il nesso tra le epoche, trovino risposte a non facili domande e si interessino ad argomenti che diventeranno spunti per nuove ricerche scientifiche.

Aleksej Gromyko, Elena Maslova
Istituto Europa dell'Accademia russa delle scienze

Фрагмент фасада
особняка Берга /
Particolare della
facciata di Villa Berg

Вид на особняк
Берга из сада /
Veduta di Villa Berg
dal giardino

Красная гостиная.
Вид на Голубую
гостиную /
Veduta sulla Sala Blu
dalla Sala Rossa

Деталь деревянного декора и потолок в Президентских апартаментах / Particolare delle decorazioni lignee e soffitto dell'Appartamento del Presidente

Лестница
в Шпалерном зале /
Scala della Sala degli
Arazzi

Деталь плафона
Красной гостиной /
Particolare del *plafond*
della Sala Rossa

Деталь люстры
в Президентских
апартаментах /
Particolare di
un lampadario
nell'Appartamento del
Presidente

Роспись плафона
в Красной гостиной /
I dipinti del *plafond*
della Sala Rossa

Бальный зал.
Вид на Красную
гостиную /
Veduta sulla Sala Rossa
dalla Sala da ballo

Деталь деревянного
декора двери
в Апартаментах
посла /
Dettaglio di una
porta intarsiata
nell'Appartamento
dell'Ambasciatore

Лестница
в Шпалерном зале /
Scala della Sala degli
Arazzi

Часть 1

Убийство посла Мирбаха в контексте российско- германских отношений

I parte

L'uccisione
dell'Ambasciatore
Mirbach nel
contesto delle
relazioni
russo-tedesche

Мотивы политического преступления

Перевод Анастасии Свотиной

Должен признаться, что я очень смущён. Ведь мне предстоит говорить о событиях, которые присутствующие здесь российские учёные, скорее всего, знают лучше меня. Поэтому если я повторю уже известные вещи, то прошу коллег проявить терпение, а если же допущу ошибку, то и поправить меня.

История, свидетелями которой стали стены этого особняка в июле 1918 г., начинается в Цюрихе в феврале – марте 1917 г. И вроде бы даже было обнаружено письмо, в котором Ленин, уже после начала революции в Петрограде, просит своих немецких корреспондентов помочь ему вернуться на родину с поездом, пересекающим их территорию. Узкий круг лиц уже знал, что Германия оказывала финансовую поддержку некоторым русским эмигрантам, а их посредником в Берлине был незаурядный политический деятель по имени Израиль Лазаревич Гельфанд, более известный под псевдонимом Парвус. Но, безусловно, связи с Германией получают ещё бóльшую огласку и становятся ещё более обсуждаемой темой после прибытия поезда на Финляндский вокзал 16 апреля 1917 г. В революционных кругах, и не только среди большевиков, Ленина хорошо знали и относились к нему с симпатией, и потому он мог рассчитывать на поддержку определённой части Петроградского совета. Но он знал и о своей уязвимости, о своей ахиллесовой пяте. И вероятно, именно поэтому во время июльского кризиса 1917 г., когда бунт солдат пулемётного полка, казалось, давал возможность захвата власти во всей её полноте, Ленин предпочёл покинуть Петроград и бежать вместе с Зиновьевым на дачу в Финляндии. Впоследствии он вернулся в Петроград, но с ничуть не меньшими тревогами. Из донесений стало известно, что некий офицер французской секретной службы передал российской контрразведке многочисленные материалы перехвата и прослушки телефонных разговоров между большевиками Петрограда и их друзьями в Стокгольме. И 5 июля 1917 г. Ленин сказал Троцкому: «Теперь они нас

всех расстреляют. Это самый подходящий момент для них»¹. Во Временном правительстве уже были готовы арестовать Ленина, но его спасла нерешительность Керенского, всегда крайне осмотрительного и старавшегося не нажить себе врагов среди группировок левых сил, которые защищали лидера большевиков и однозначно выступили бы против его ареста. Так, Керенский уволил своего министра юстиции, узнав, что он обнародовал информацию и документы о взаимоотношениях Ленина с немецким Генеральным штабом. Когда же ему посоветовали воспользоваться неудавшимся переворотом, чтобы арестовать главных большевистских деятелей, он предпочёл занять примирительную позицию, а закончил тем, что несколько дней спустя освободил и тех членов партии, которые были арестованы ранее и при других обстоятельствах.

Итак, Ленин, несомненно, взял на себя обязательства перед немцами. И он сполна заплатил по ним чрезвычайно обременительными условиями мирного договора, подписанного Советским правительством с Центральными державами в Брест-Литовске 3 марта 1918 г. Лев Троцкий, которому Ленин поручил вести переговоры, хотел отклонить навязываемый немцами кабальный мир. Он полагал, что общественное мнение в Германии было бы на стороне русских, если бы Россия просто отказалась от участия в военном конфликте, а немцы вышли бы на улицы, чтобы помешать Генеральному штабу рейха продолжать войну. Как показала история, он ошибался, а Ленин тем не менее особо настаивал на заключении мира и убедил Троцкого не прекращать переговоры. Возможно, он боялся, что Германия, в случае отклонения её требований, возобновит военные действия, как уже случилось в феврале после перемирия, а платой за это станет отказ от революционного идеала. И для того чтобы не приносить в жертву революцию, он без колебаний согласился на уменьшение европейской части России почти вдвое за счёт потери территорий Польши, Литвы, Украины, прибалтийских губерний, Финляндии, а также Закавказья. Но и это ещё не всё. С новой Германией, удовлетворённой победой и трофеями, он мог бы построить своеобразные союзнические отношения. Предполагалось, что Советская Россия будет предоставлять Германии сырьё, в котором последняя, несомненно, нуждалась, чтобы выстоять в континентальной блокаде, установленной против неё западными державами, в то время как Ленин продолжит создание Советского государства, вероятно рассчитывая и на доступ к немецким технологиям, — точно так же поступит Сталин более десяти лет спустя, в период реализации первого пятилетнего плана.

Немцы воспользовались всеми плодами победы и решили открыть своё дипломатическое представительство в Москве в апреле 1918 г. В качестве главы миссии был назначен дипломат — граф Вильгельм фон

¹ См.: Pipes R. The Russian Revolution. New York: Alfred A. Knopf, 1990. P. 433.

Мирбах-Харфф, который в прошлом уже служил в германском посольстве в Петербурге в период с 1908 по 1911 г. После этого он был послом рейха в Афинах вплоть до разрыва дипломатических отношений между Германией и Грецией в декабре 1916 г. Выбор кандидатуры графа, вероятно, был обусловлен имевшимся у него опытом работы в России, но в качестве поддержки Берлин счёл нужным предоставить ему помощника, который проявил себя, поспособствовав налаживанию связей с Лениным и его товарищами. Его звали Курт Рицлер, он родился в Мюнхене в 1882 г., изучал философию и был блестящим советником Бетмана-Гольвега, рейхсканцлера Германской империи с 1909 по 1917 г. Представляется, что именно в этом качестве он сыграл важную роль в переговорах с Лениным и другими большевиками-эмигрантами об организации их переправки в Петроград проездом через Швейцарию и Германию. В последующие месяцы Рицлер был немецким агентом в Стокгольме и продолжал финансировать большевиков уже после приезда Ленина в Петроград. Деньги поступали из берлинского банка «Дисконто-Гезельшафт», депонировались в «Новом Стокгольмском банке»² на счёт, которым распоряжался большевистский агент, действовавший под именем Якова Фюрстенберга-Ганецкого. Именно Ганецкий переводил деньги из Швеции на счёт в Сибирском торговом банке в Петрограде — всё так же под бдительным присмотром Рицлера. В связи с этим отметим: по словам Ричарда Пайпса, автора фундаментального исследования по истории русской революции, Эдуард Бернштейн, крупнейший в Европе представитель ревизионистской концепции социализма, подсчитал, что инвестиции германского правительства в большевистскую революцию составили более 50 миллионов марок золотом³.

Таким образом, Рицлер, переехавший в Москву после открытия там немецкого посольства, стал свидетелем преступления 6 июля, когда двое сотрудников ВЧК, Яков Григорьевич Блюмкин и Николай Андреев, пришли к послу с просьбой о приёме. Служащий посольства, встретивший посетителей, попытался перенаправить их на другого собеседника, но чекисты утверждали, что у них есть новости о судьбе племянника фон Мирбаха, который сражался в России и о котором не имелось ни малейших сведений. Посол согласился принять их, и после краткого обмена репликами двое вытащили оружие. Первый выстрел ранил Мирбаха, а второй убил его в тот момент, когда он попытался добраться до лестницы, ведущей на верхний этаж. Блюмкин и Андреев бросили ручную бомбу, прикрывая своё бегство, и выскочили из окна на улицу, где их ожидала машина.

Они не солгали, представившись агентами ВЧК. На тот момент в эту организацию, созданную Лениным в декабре 1917 г. для борьбы с контр-

² Nye Bank of Stockholm, *шведск.* Nya Banken (Stockholms Arbetarbank) — Новый банк (или Стокгольмский рабочий банк).

³ *Ibid.* P. 411.

революцией и саботажем, входили не только большевики. Убийцы были социалистами-революционерами, то есть состояли в партии, у которой имелись веские основания ненавидеть партию Ленина. Ведь именно социалистам-революционерам принадлежало большинство в Петроградском совете, они одержали победу на выборах во Всероссийское учредительное собрание и возглавили его, заполучив пост председателя. Таким образом, государственный переворот, посредством которого Ленин распустил собрание, лишил эту партию всех законных завоеваний. И, согласно её расчёту, убийство немецкого посла неизбежно должно было совпасть со своего рода восстанием против большевиков. Левые эсеры — именно под этим именем они были широко известны — надеялись, что Германия, желая отомстить за смерть своего посла, вновь начнёт военные действия и поможет им избавиться от Ленина. Но этот план не удался. В Москве большевики не только не поддались такому натиску, но и перешли в контратаку и одержали победу, тогда как Германия осталась удовлетворена визитом Ленина, который посетил посольство, чтобы принести извинения и выразить соболезнования. На тот момент Германия действительно не имела ни малейшего интереса в возобновлении противостояния на Восточном фронте. В то время на западе, несмотря на возрастающую усталость немецких войск, генерал Людендорф сосредоточил все усилия на подготовке нового наступления на Марне, которое было начато 15 июля. Само сражение завершилось 7 августа. Если бы французский фронт пал, немецкий генерал развил бы свой успех вторжением во Фландрию. Но этот замысел потерпел фиаско, и немцы были отброшены за Марну, тогда как французские войска под командованием маршала Фоша начали готовить контрнаступление. Чуть более двух месяцев спустя Австрия и Германия были вынуждены просить о перемирии.

Эта гражданская война между двумя главными партиями российских левых революционных сил не закончилась со смертью фон Мирбаха. Тридцатого августа 1918 г. социал-революционерка Фанни Каплан, поджидая Ленина возле завода, куда он приехал с визитом, трижды выстрелила в него из пистолета: две пули попали ему в плечо и в горло. Тогда он выжил, но вполне вероятно, что именно эти ранения способствовали развитию болезни, от которой Ленин скончался в 1924 г. Не исключено также, что состояние его здоровья после этого покушения повлияло и на способность к управлению страной и облегчило восхождение Сталина к вершинам власти в руководстве партии и государства.

I motivi di un crimine politico

Confesso il mio imbarazzo. Parlerò di avvenimenti che gli studiosi russi qui presenti conoscono probabilmente meglio di me. Se ripeterò cose già note li prego di portare pazienza e, se commetto qualche errore, di correggermi.

La storia di ciò che accadde fra queste mura nel luglio del 1918 comincia a Zurigo nel febbraio-marzo del 1917. Sarebbe stata addirittura ritrovata la lettera con cui Lenin, dopo l'inizio della rivoluzione a Pietrogrado, chiedeva ai suoi interlocutori tedeschi di essere aiutato e rientrare in patria con un treno che avrebbe attraversato il loro territorio. Qualcuno sapeva già che alcuni esuli russi venivano aiutati finanziariamente dalla Germania e che l'intermediario a Berlino era un interessante personaggio, Izrail' Lazarevič Gel'fand, meglio conosciuto con lo pseudonimo di Parvus. Ma il rapporto con la Germania divenne ancora più noto e discusso, naturalmente, quando il treno arrivò alla stazione di Finlandia il 16 aprile 1917. Lenin godeva di una considerevole notorietà e simpatia negli ambienti rivoluzionari, non soltanto bolscevichi, e poteva contare sul sostegno di una parte del Soviet di Pietrogrado. Ma sapeva di avere un tallone di Achille e di essere vulnerabile. È questa, probabilmente, la ragione per cui nel luglio del 1917, mentre l'ammutinamento di un Reggimento di mitraglieri sembrava offrire una occasione per la conquista del potere, Lenin preferì lasciare Pietrogrado e ritirarsi con Zinovev in una dacia in Finlandia. Tornò a Pietrogrado, ma non senza molte preoccupazioni. Gli era stato detto che un ufficiale dei servizi francesi aveva consegnato al controspionaggio russo numerose intercettazioni di conversazioni telefoniche fra i bolscevichi di Pietrogrado e i loro amici di Stoccolma. Il 5 luglio Lenin disse a Trockij: «Ora ci fucileranno tutti. Per loro questo è il momento buono»¹. Qualcuno, nel governo provvisorio, era pronto ad arrestarlo, ma fu salvato dalla titubanza di Kerenskij,

¹ Cfr. R. Pipes, *The Russian Revolution*, Alfred A. Knopf, New York 1990, p. 433 [ed. it. *La rivoluzione russa: dall'agonia dell'ancien régime al terrore rosso*, 2 voll., Mondadori, Milano 1995].

sempre attento a non inimicarsi i gruppi della sinistra che difendevano Lenin e si sarebbero opposti al suo arresto. Quando apprese che il suo Ministro della Giustizia aveva pubblicamente fornito informazioni e documenti sui rapporti di Lenin con lo Stato maggiore tedesco, Kerenskij lo licenziò. Quando gli fu suggerito di approfittare del colpo fallito per arrestare tutti i maggiori esponenti del Partito bolscevico, preferì adottare una linea conciliante; e finì addirittura per liberare, qualche giorno dopo, quelli che erano già stati arrestati in altre circostanze.

Lenin, quindi, aveva certamente contratto un debito con i tedeschi. Lo pagò con le clausole leonine del trattato di pace che il governo sovietico firmò con gli imperi centrali a Brest-Litovsk il 3 marzo 1918? L'uomo a cui Lenin affidò il negoziato, Lev Trockij, voleva respingere il diktat tedesco. Sosteneva che l'opinione pubblica della Germania, se la Russia avesse semplicemente rifiutato di continuare il conflitto, sarebbe scesa nelle piazze per impedire allo Stato maggiore del Reich di continuare la guerra. I fatti dimostrarono che sbagliava, ma a Lenin, comunque, premeva soprattutto fare la pace e convinse Trockij a proseguire il negoziato. Temeva probabilmente che la Germania, se le sue richieste fossero state respinte, avrebbe continuato a fare la guerra, come era già accaduto in febbraio dopo una tregua, e che il suo ideale rivoluzionario ne avrebbe fatto le spese. Per non rinunciare alla rivoluzione accettò senza esitare la prospettiva di una Russia europea quasi dimezzata dalla perdita di Polonia, Lituania, Ucraina, le province del Baltico, Finlandia e Transcaucasia. Non basta. Con una Germania appagata dalla vittoria e dal suo bottino avrebbe potuto stringere una sorta di alleanza. La Russia sovietica avrebbe fornito alla Germania le materie prime di cui aveva bisogno per sopperire al blocco continentale decretato dalle democrazie occidentali, mentre Lenin avrebbe potuto continuare la creazione dello Stato sovietico e forse contare sulla tecnologia tedesca, come avrebbe fatto Stalin, più di dieci anni dopo, durante il primo piano quinquennale.

I tedeschi incassarono tutti i frutti della vittoria e decisero di aprire a Mosca, nell'aprile del 1918, una rappresentanza diplomatica. Per dirigerla fu scelto un funzionario, il conte Wilhelm von Mirbach-Harff, che aveva già fatto una esperienza russa a Pietroburgo fra il 1908 e il 1911. Più recentemente, era stato Ambasciatore del Reich ad Atene sino alla rottura dei rapporti diplomatici fra Germania e Grecia nel dicembre 1916. La scelta fu probabilmente giustificata dalla sua precedente esperienza russa, ma Berlino volle affiancargli una persona che aveva già avuto un ruolo importante nelle relazioni con Lenin e i suoi compagni. Si chiamava Kurt Riezler, era nato a Monaco di Baviera nel 1882, aveva fatto studi filosofici ed era stato un brillante consigliere di Bethmann-Hollweg, cancelliere del Reich dal 1909 al 1917. In questa veste sembra avere avuto una parte importante nelle trattative con Lenin e altri esuli bolscevichi per la organizzazione del viaggio che li aveva trasportati a Pietrogrado

attraverso la Svizzera e la Germania. Nei mesi seguenti Riezler era stato l'agente tedesco a Stoccolma che continuava a finanziare i bolscevichi, dopo l'arrivo di Lenin a Pietrogrado. Il denaro proveniva dalla Disconto-Gesellschaft di Berlino, veniva depositato in un conto della Nye Bank di Stoccolma gestito da un agente bolscevico che rispondeva al nome di Jacob Fürstenberg-Ganetskij. Era Ganestkij che trasferiva il denaro dalla Svezia a un conto della Banca Siberiana di Pietrogrado, sempre sotto il vigile sguardo di Riezler. Incidentalmente, secondo Richard Pipes, autore di una grande Storia della Rivoluzione russa, Eduard Bernstein, il maggiore esponente del revisionismo socialista europeo, aveva calcolato che il denaro investito dal governo tedesco nella rivoluzione bolscevica ammontava a più di 50 milioni di marchi-oro².

Trasferito a Mosca dopo l'apertura di una Ambasciata tedesca, Riezler era quindi sulla scena del crimine quando il 6 luglio due funzionari della Čeka, Jakov Grigor'evič Bljumkin e Nikolaj Andreev chiesero di essere ricevuti dall'Ambasciatore. Il funzionario che li accolse cercò di dirottarli su un altro interlocutore, ma i due sostennero che potevano dare notizie sulla sorte di un nipote di von Mirbach che aveva combattuto in Russia e di cui si era persa ogni traccia. L'Ambasciatore accettò di riceverli e i due, dopo un breve scambio di parole, estrassero le loro pistole. Il primo colpo ferì Mirbach e il secondo lo uccise mentre l'Ambasciatore cercava di raggiungere la scala che porta al piano superiore. Per coprirsi le spalle Bljumkin e Andreev gettarono una bomba a mano e saltarono dalla finestra nella strada dove erano attesi da un'automobile.

Quando si presentarono come agenti della Čeka non mentirono. In quel momento, l'organizzazione creata da Lenin nel dicembre del 1917 per combattere la controrivoluzione e il sabotaggio, non era composta esclusivamente da bolscevichi. I due assassini erano socialisti rivoluzionari, membri di un partito che aveva qualche buona ragione per detestare quello di Lenin. Era stato maggioritario nel Soviet di Pietrogrado, aveva vinto le elezioni per l'Assemblea costituente e ne aveva ottenuto la presidenza. Il colpo di Stato con cui Lenin l'aveva sciolta li aveva privati, dunque, di ciò che avevano legittimamente conquistato. L'uccisione dell'Ambasciatore tedesco, nel loro piano, era destinata a coincidere con una sollevazione contro i bolscevichi. I "levye esery", come erano familiarmente conosciuti, speravano che la Germania, per vendicare la morte del suo Ambasciatore, avrebbe ripreso le operazioni militari e li avrebbe aiutati a sbarazzarsi di Lenin. Il piano fallì. A Mosca i bolscevichi resistettero, contrattaccarono ed ebbero la meglio; mentre la Germania si accontentò di una visita di Lenin, che giunse in Ambasciata per presentare scuse e condoglianze. In effetti la Germania, in quel momento, non aveva alcun interesse a riprendere le ostilità sul fronte orientale. Su quello occidentale il generale Ludendorff, nonostante la crescente stanchezza delle forze armate

2 *Ivi*, p. 411.

tedesche, stava concentrando ogni suo sforzo nella preparazione di una nuova offensiva sulla Marna che cominciò il 15 luglio e si protrasse sino al 7 agosto. Se il fronte francese avesse ceduto, il generale tedesco avrebbe lanciato una seconda offensiva nelle Fiandre. Ma il disegno fallì, i tedeschi vennero respinti al di là della Marna e i francesi, sotto la guida del maresciallo Foch, cominciarono a preparare una controffensiva. Poco più di due mesi dopo l'Austria e la Germania dovettero chiedere un armistizio.

Questa guerra civile fra i due maggiori partiti della sinistra rivoluzionaria russa non terminò con la morte di von Mirbach. Il 30 agosto 1918, una socialista rivoluzionaria, Fanny Kaplan, aspettò Lenin nei pressi di una fabbrica che stava visitando e sparò contro la sua persona tre colpi di pistola, di cui due colpirono la spalla e la gola. Sopravvisse, ma è possibile che quelle ferite abbiano favorito l'ictus da cui Lenin fu colpito nel 1924. Non è escluso che le sue condizioni fisiche, dopo quell'attentato, abbiano avuto una influenza sulla sua capacità di gestire il potere e facilitato l'ascesa di Stalin al vertice del partito e dello Stato.

Убийство посла Мирбаха: по следам преступления

Шестого июля 1918 г. в Москве в Денежном переулке, № 5, произошёл теракт¹. В Красной гостиной особняка германского посольства был убит посол кайзера Вильгельма II в Советской России граф Вильгельм фон Мирбах-Харфф². Убийцами были чекисты Яков Блюмкин и Николай Андреев — члены партии левых эсеров, которая до 6 июля 1918 г. входила в правительственную коалицию с большевиками.

Авторы, пишущие об убийстве Мирбаха, традиционно шли по левозероветскому следу. Напомним, что Мирбах — личность в Советской России крайне непопулярная — был гостем открывшегося 4 июля 1918 г. в Большом театре в Москве V Всероссийского съезда Советов. На съезде левые эсеры, повернувшись к ложе германского посла, кричали: «Долой Мирбаха! Долой немецких мясников! Долой брестскую петлю!» — а речь Ленина пытались сорвать выкриками: «Мирбах! Мирбах!» Выступивший после Ленина один из лидеров левых эсеров, Б.Д. Камков, заявил, что «диктатура пролетариата превратилась в диктатуру Мирбаха», и обвинил

1 Алонци Р., Любин В. Особняк Берга: незаурядная пятидесятилетняя история, 1898–1949. От микрокосмоса московской культуры к макрокосмосу мировой политики // Посольство Италии в Москве. Особняк Берга. М., 2017. С. 124–164 (и в особенности с. 127–139).

2 Граф Вильгельм фон Мирбах-Харфф — советник германского министерства иностранных дел, германский посланник в Афинах, консультант по политическим вопросам при штабе германского командования в Бухаресте. С 1908 по 1911 г. служил советником германского посольства в Санкт-Петербурге; с 16 декабря 1917 г. по 10 февраля 1918 г. возглавлял германскую миссию в Петрограде, созданную после подписания перемирия в Брест-Литовске; со 2 апреля 1918 г. до убийства 6 июля 1918 г. был послом Германской империи в Советской России. Ротмистр резерва Вестфальского кирасирского полка, почётный кавалер Мальтийского ордена.

большевиков в том, что они стали «лакеями германских империалистов, которые осмеливаются показываться в этом театре».

Левые эсеры предприняли теракт против германского посла с целью срыва Брестского мира и после убийства Мирбаха взяли ответственность на себя. Однако кроме левозероветского следа есть и другие: царский, денежный и чекистский. Причём все они причудливо переплелись.

Через 11 дней после преступления в Москве в Екатеринбурге были расстреляны свергнутый царь Николай II и его семья. Связь убийства Мирбаха с расправой над царём, его женой, их детьми, врачом и слугами, как и роль германского посла в получении большевиками немецких денег³, как правило, остаётся вне поля зрения современных российских историков. Когда в ноябре 2017 г. данный вопрос был затронут в дискуссии на научной конференции «Дело об убийстве царской семьи: новые экспертизы и архивные материалы», главный специалист Государственного архива Российской Федерации З.И. Перегудова заявила, что «никакой связи убийства Мирбаха с убийством царской семьи нет; во всяком случае, она об этом не знает»⁴.

Однако ещё в 1920-е гг. бывший царский камергер В.И. Гурко писал в воспоминаниях, что у него в 1918 г. сложилось убеждение, «что немцы были весьма заинтересованы охранением жизни лиц царской семьи, которые могли бы занять русский престол. <...> Германцы неоднократно требовали от московской центральной власти доставления к ним Государя. В последний раз это произошло как раз после убийства их посла Мирбаха, когда они заявили намерение ввести в Москву части своих войск. Большевики этому самым решительным образом воспротивились. Тогда немцы отказались от этого намерения под условием передачи им русского императора. Большевики на это согласились, тогда же решив, что уничтожат всю царскую семью, свалив ответственность на какие-нибудь местные учреждения. Так они и сделали...»⁵

Хотя, как подчёркивал историк С.П. Мельгунов, скептически относившийся к версии В.И. Гурко, «немцы в дни убийства Мирбаха больше интересовались хлебом и сахаром на Украине и нефтью на Кавказе, нежели монархом, который <...> находился в заключении

3 Хавкин Б.Л. Немецкие «финансовые потоки» русской революции // Вопросы истории. 2017. № 10. С. 122–130.

4 Финальная дискуссия научной конференции «Дело об убийстве Царской семьи: новые экспертизы и архивные материалы» // ТК «Союз». Москва, 27 ноября 2017 г. URL: <http://tv-soyuz.ru/peredachi/finalnaya-diskussiya-nauchnoy-konferentsii>.

5 Мельгунов С.П. Судьба императора Николая II после отречения. М., 2005. С. 214.

в Екатеринбурге»⁶, Германия проявляла заинтересованность в судьбе царской семьи. Об этом свидетельствуют немецкие документы, переданные в Берлине доктором Рицлером по протоколу от 14 июня 1921 г. следователю Н.А. Соколову, который в эмиграции продолжал расследование убийства Николая II и его семьи⁷.

Ссылаясь на свидетельские показания В.Л. Бурцева, следователь Н.А. Соколов утверждал, «что граф Мирбах обращался с категорическим требованием к <...> Свердлову о привозе Государя Императора в Петроград. <...> Требование графа Мирбаха состояло именно в том, чтобы Государь Император был увезён из того места, где он пребывал, <...> требование графа Мирбаха имело категорически-решительный характер». Н.А. Соколов признал «абсолютно доказанным, что поручение, возложенное на Яковлева (вывезти Романовых из Тобольска. — Б. Х.), по существу, исходило от немецкого посла в Москве графа Мирбаха»⁸. Таким образом, пока был жив Мирбах, большевики не смели учинить расправу над свергнутым царём и его семьёй⁹.

Но были и другие причины убийства графа фон Мирбаха. Их следует искать не только во внутривнутриполитической ситуации в России, но и в развитии международных, в частности советско-германских, отношений. Эти отношения неуклонно затягивались в гордиев узел, разрубленный 6 июля 1918 г. В 1918 г. Германия, проигрывая Первую мировую войну на западе, выиграла её на востоке: доказательством тому стал Брестский мир.

Однако германская военно-политическая элита, с помощью Брестского мира поддерживая власть русских большевиков, неминуемо приближала революцию в своей стране. Большевики же, тяготясь «похабным», «грабительским» и «кабальным» миром с германскими империалистами, вынуждены были соблюдать его, так как судьба русской революции теперь зависела от германского кайзера, его военных и дипломатов.

Цель убийства графа фон Мирбаха — сорвать подписанный правительством Ленина Брестский мир с немцами, против которого выступали как противники большевиков, так и их союзники из революционного лагеря: левые эсеры, левые коммунисты, интернационалисты.

6 Мельгунов С.П. Судьба императора Николая II после отречения. С. 222.

7 Лыкова Л.А. Следствие по делу об убийстве Российской Императорской Семьи. М., 2007. С. 205; Соколов Н.А. Предварительное следствие 1919–1922 гг. М., 1998. Док. 87 // Российский Архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Т. VIII. С. 307.

8 Там же. С. 362–363.

9 Хавкин Б.Л. Могли ли немцы спасти царскую семью? // Родина. 2018. № 7. С. 113–116.

Граф фон Мирбах стал заложником, с одной стороны, политики вынужденного партнёрства рейха с большевиками, с другой — поисков Германией политических альтернатив правительству Ленина и поддержки ею антисоветских сил в России¹⁰. Таким образом, посол вынужден был проводить сразу две взаимоисключающие политические линии, что и сделало возможной политическую провокацию, жертвой которой он стал. Этот факт, сыгравший трагическую роль в судьбе германского дипломата, как правило, не учитывается российскими историками. Бытующее в современной отечественной историографии представление о графе фон Мирбахе и обстоятельствах, связанных с его гибелью, обычно сводится к набору штампов советских времён¹¹, примером которых является художественный фильм «Шестое июля».

В немногочисленных источниках о пребывании графа фон Мирбаха в Советской России содержатся разные оценки его личности и деятельности. По воспоминаниям советника германского посольства в Москве доктора Г. Хильгера, Мирбах был весьма посредственным дипломатом¹²; германские газеты называли его «аристократом старой школы», «феодалом» и «графом в стиле рококо»¹³.

Однако материалы политического архива министерства иностранных дел Германии, документы кайзера Вильгельма II, рейхсканцлера графа Георга фон Гертлинга или статс-секретаря по иностранным делам Рихарда фон Кюльмана свидетельствуют о положительной оценке деятельности Мирбаха в качестве германского посла в Москве¹⁴.

10 Амбивалентную политику по отношению к Германии вели большевики, с одной стороны, заключившие сепаратный мир в Брест-Литовске и тем самым помогавшие кайзеру удержаться у власти и продолжать войну на Западе, а с другой — разжигавшие в Германии очаг мировой революции.

11 Статья о Мирбахе в Российском энциклопедическом словаре гласит: «Мирбах (Mirbach) Вильгельм (1871–1918), граф, нем. дипломат. С апр. 1918 посл в Москве при пр-ве РСФСР. Убит лев. эсером Я.Г. Блюмкиным, что послужило сигналом к вооруж. выступлению лев. эсеров в июле 1918 г. в Москве» (Российский энциклопедический словарь. М., 2000. Кн. 1. С. 956). Однако Мирбах был убит двумя террористами — Блюмкиным и Андреевым, а вооружённое выступление левых эсеров, так называемый левозерсовский мятеж, было ответом на военные действия против них со стороны большевиков, а не реакцией на «сигнал» — убийство Мирбаха.

12 Hilger G. Wir und der Kreml. Frankfurt a. M.; Bonn, 1964. S. 11–12.

13 Документы германского посла в Москве Мирбаха / предисл. и примеч. С.М. Драбкиной // Вопросы истории. 1971. № 9. С. 120.

14 Baumgart W. Deutsche Ostpolitik 1918. Von Brest-Litowsk bis zum Ende des I. Weltkrieges. Wien; München, 1966; Baumgart W. Die Mission des Grafen Mirbach in Moskau. April – Juni 1918 // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. 1968. № 1.

Служебные письма графа фон Мирбаха, направленные из Москвы в Берлин, в целом свидетельствуют о верном понимании им ситуации в Советской России; при этом, однако, наблюдается переоценка прогерманских настроений в стране¹⁵.

Отчёт графа фон Мирбаха о беседе с Лениным 16 мая 1918 г. — один из немногих документов, содержащий признание последним кризиса брестской политики¹⁶. При этом посол считал, что интересы Германии по-прежнему требуют её ориентации на ленинское правительство, так как те силы, которые, возможно, сменят большевиков, будут стремиться с помощью Антанты воссоединиться с территориями, отторгнутыми от России по Брестскому миру.

Восемнадцатого мая 1918 г., через два дня после встречи с Лениным, Мирбах в телеграмме в Берлин выражал озабоченность ситуацией в России и подчёркивал, что, по его оценке, потребуется разовая сумма в 40 миллионов марок, чтобы удержать Ленина у власти; ещё через несколько дней, 3 июня, германский посол телеграфировал в имперское министерство иностранных дел, что, кроме этой разовой суммы, потребуется ещё три миллиона марок ежемесячно, чтобы поддержать правительство Ленина¹⁷. Однако ни Кюльман, ни Мирбах не были уверены, что с помощью немецких денег, помогших большевикам совершить государственный переворот в октябре 1917 г., Ленин сможет и впредь держаться у власти.

Германский посол был убеждён, что летом 1918 г. большевики доживают последние дни. Поэтому Мирбах предположил подстраховаться на случай падения правительства Ленина и заранее сформировать в России прогерманское антисоветское правительство.

15 «Москва, священный город, символ царской власти, святыня православной церкви, в руках большевиков стала символом вопиющего нарушения вкуса и стиля, вызванного русской революцией... Лейтмотивом всей картины является нежелание работать и праздничатание... С безопасностью дело обстоит скверно... Отчаяние представителей старого правящего класса беспредельно, но они не в состоянии собрать достаточно сил, чтобы положить конец организованному грабежу...

Желание внести... порядок распространяется вплоть до низших слоев, а ощущение собственного бессилия заставляет их надеяться, что спасение придет от Германии. Те же самые круги, которые раньше... возводили на нас напраслину, теперь видят в нас если не ангелов, то, по меньшей мере, полицейскую силу», — пишет Мирбах (цит. по: *Фельштинский Ю.Г. Вожди в законе*. М., 1999. С. 105–106. Ср.: *Херш Э. Купленная революция*. Тайное дело Парвуса. М., 2004. С. 339).

16 Русский перевод отчёта в сокращённом и отредактированном виде был опубликован в СССР (Документы германского посла в Москве Мирбаха. С. 124).

17 *Херш Э. Указ. соч.* С. 330, 331.

Как отмечает профессор В. Баумгарт, Мирбах первые три недели пребывания в Москве был «беспристрастным наблюдателем», но затем переориентировался на союз с противниками большевиков¹⁸.

Тринадцатого июня 1918 г. Мирбах сообщил в Берлин, что к нему обращаются разные политические деятели, выясняющие возможность оказания германским правительством помощи антисоветским силам в деле свержения большевиков. Причём условием свержения Ленина эти силы считают пересмотр Германией статей Брестского мира.

Двадцать пятого июня 1918 г. в последнем письме Кюльману Мирбах подчёркивал, что он не может «поставить большевизму благоприятного диагноза. Мы, несомненно, стоим у постели опасного больного человека, <...> который обречён». Исходя из этого, посол предлагал заполнить «образовавшуюся пустоту» новыми «правительственными органами, которые мы будем держать наготове и которые целиком и полностью будут состоять у нас на службе»¹⁹.

Изменение позиции Германии и активизация контактов Мирбаха с антибольшевистскими силами не остались незамеченными в России. Уже с середины мая представители свергнутых в октябре 1917 г. политических сил — так называемые правые — отмечали, что «немцы, которых большевики привели в Россию, мир с которыми составлял единственную основу их существования, готовы сами свергнуть большевиков»²⁰.

О направленной против большевиков деятельности германского посольства в России были осведомлены не только русские правые круги и иностранные дипломаты. Об изменении настроений немцев знало и Советское правительство.

Не случайно в то время, когда в Берлине и в германском посольстве в Москве началась подготовка смены курса германской восточной политики, в возглавляемой левым коммунистом и противником Брестского мира Ф.Э. Дзержинским Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК), в важнейшем отделе ВЧК по борьбе с контрреволюцией было создано отделение контрразведки, нацеленное на работу против германского посольства. «Отделение по борьбе с немецким шпионажем» возглавил девятнадцатилетний Яков Блюмкин, а сотрудником (фотографом) этого отделения был Николай Андреев.

Десятого июля 1918 г. Дзержинский, находившийся под следствием по делу об убийстве Мирбаха и левоэсеровском мятеже, дал свои

18 *Baumgart W. Die Mission des Grafen Mirbach in Moskau. April–Juni 1918.* S. 67–68.

19 Документы германского посла в Москве Мирбаха. С. 125. Копию рукописи первой страницы этого письма приводит австрийская исследовательница Э. Херш: *Херш Э. Указ. соч.* С. 341.

20 Цит. по: *Фельштинский Ю.Г. Указ. соч.* С. 120.

официальные показания комиссии Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК)²¹. В показаниях следственной комиссии Дзержинский отмечал, что «Блюмкин был принят в комиссию (ВЧК. — Б. Х.) по рекомендации ЦК левых эсеров для организации в контрреволюционном отделе (отделе по борьбе с контрреволюцией. — Б. Х.) контрразведки по шпионажу»²².

Можно предположить, что это произошло в конце мая 1918 г. Однако точную дату создания чекистской контрразведки и назначения Блюмкина её первым начальником назвать невозможно. В Центральном архиве ФСБ России не сохранилось протоколов заседаний важнейшего органа руководства ВЧК — президиума ВЧК за конец мая — сентябрь 1918 г.²³

Какова история подготовки чекистами покушения на графа фон Мирбаха?

В силу своего служебного положения Блюмкин обладал обширной информацией о германском посольстве в Москве. Ему удалось под видом электрика внедрить туда своего сотрудника Якова Фишмана²⁴. В результате в руках Блюмкина оказался план помещений и постов внутренней охраны посольства.

Начальник отдела по борьбе с контрреволюцией ВЧК Мартин Лацис, непосредственный начальник Блюмкина, вспоминал: «Блюмкин хвастался

21 Показания Ф. Дзержинского по делу убийства германского посланника гр. Мирбаха // РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 21. См. также: Красная книга ВЧК. Т. 1. М., 1989. С. 252–261.

22 РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 21. Л. 4 об, 12 об.

23 После протокола заседания президиума ВЧК от 20 мая в ЦА ФСБ следует протокол от 1 октября 1918 г. Были уничтожены документы не только по созданию контрразведки, назначению Блюмкина, убийству Мирбаха, так называемому левозеро-мятежу, аресту союзнических дипломатов, включая Локкарта, но и по убийству председателя Петроградской ЧК Урицкого, покушению на Ленина, объявлению красного террора. См.: Зданович А.А. Свои и чужие — интриги разведки. М., 2002. С. 105.

24 Фишман Яков Моисеевич (1887–1961) — инженер-химик, выпускник химического факультета Неаполитанского университета; член ЦК партии левых эсеров; изготовил два взрывных устройства, которые вместе с двумя револьверами передал Андрееву и Блюмкину днем 6 июля 1918 г. В 1919 г. Фишман был арестован и приговорен к трём годам тюрьмы, но через полгода выпущен на свободу. В 1920 г. вступил в компартию и поступил на службу в разведывательное управление Красной Армии; был резидентом в Италии и Германии. С 1925 г. — начальник Военно-химического управления Красной Армии и активный участник советско-германского сотрудничества, направленного на разработку и испытание химического оружия и средств химзащиты. Арестован в 1937 г. по делу Тухачевского и в 1940 г. осуждён на десять лет исправительно-трудовых лагерей; освобождён в 1947 г. и вновь арестован в 1949 г. Реабилитирован в 1955 г. Доктор химических наук, генерал-майор-инженер.

тем, что его агенты дают ему всё, что угодно, и что таким путём ему удаётся получить связи со всеми лицами немецкой ориентации»²⁵.

Но для убийства Мирбаха Блюмкину и Андрееву необходимо было лично проникнуть в хорошо охраняемое здание посольства, которое юридически считалось территорией Германии, и добиться встречи с послом.

В качестве предлога для встречи с графом фон Мирбахом Блюмкин использовал сфабрикованное им дело якобы племянника посла — «австрийского военнопленного» Роберта Мирбаха, которого чекисты обвиняли в шпионаже. На самом же деле Роберт Мирбах не был ни австрийским военнопленным, ни немецким шпионом — он был просто однофамильцем или же очень дальним родственником немецкого посла. Ни в австро-венгерской, ни в германской армиях обрусевший немец Роберт Мирбах никогда не служил. Он был русским подданным, до своего ареста жил в Петрограде и работал в Смольном институте по хозяйственной части.

По воспоминаниям Лациса, единственное дело, которым Блюмкин действительно занимался, было «дело Мирбаха-австрийского», причём Блюмкин «целиком ушёл в это дело» и просиживал «над допросами свидетелей целые ночи». В результате усердия Блюмкина скромный завхоз Смольного превратился в австро-венгерского офицера, который якобы служил в 37-м пехотном полку армии императора Франца-Иосифа, попал в русский плен и освободился после ратификации Брестского мирного договора. В ожидании отъезда на родину он снял комнату в одной из московских гостиниц, где жил до начала июня 1918 г., когда остановившаяся в той же гостинице шведская актриса Ландстрём неожиданно наложила на себя руки. Было ли это самоубийство подстроено чекистами или нет, судить трудно.

ВЧК, заявив, что Ландстрём покончила с собой в связи с контрреволюционной деятельностью, арестовала всех обитателей гостиницы, среди которых оказался и «племянник германского посла». Об аресте Роберта Мирбаха ВЧК незамедлительно сообщила датскому консульству, представлявшему в России интересы Австро-Венгрии. Пятнадцатого июня консульство начало с ВЧК переговоры «по делу арестованного офицера австрийской армии графа Мирбаха». Во время этих переговоров чекисты подсказали представителю консульства версию о родственности Роберта Мирбаха и германского посла.

Семнадцатого июня датское консульство вручило чекистам документ, которого те так ждали: «Настоящим Королевское Датское генеральное консульство доводит до сведения Всероссийской чрезвычайной комиссии, что арестованный офицер австро-венгерской армии граф Роберт Мирбах, согласно письменному сообщению Германского дипломатического

25 Красная книга ВЧК. М., 1989. Т. 1. С. 166.

представительства в Москве, адресованному на имя Датского генерально-го консульства, в действительности состоит членом семьи, родственной германскому послу графу Мирбаху, поселившейся в Австрии»²⁶.

Представляется, что в германском посольстве решили посчитать неведомого графа Роберта Мирбаха родственником германского посла в надежде, что это облегчит участь несчастного австрийского офицера и он будет немедленно освобождён, тем более что выдвинутые против него обвинения казались несерьёзными. Причастность же германского посла к делу «племянника» ограничилась, видимо, данным им разрешением зачислить Роберта Мирбаха в родственники.

Однако Роберта Мирбаха не освободили: «дело племянника» легло в основу досье против германского посольства и посла лично. Основной уликой в руках Блюмкина стал документ, якобы подписанный Робертом Мирбахом: «Обязательство. Я, нижеподписавшийся, венгерский подданный, военнопленный офицер австрийской армии Роберт Мирбах, обязуюсь добровольно, по личному желанию доставить Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией секретные сведения о Германии и о Германском посольстве в России. Всё написанное здесь подтверждаю и добровольно буду исполнять. Граф Роберт Мирбах»²⁷.

Однако ни бывший офицер австро-венгерской армии, ни хозяйственник Смольного института не мог сообщить чекистам «секретные сведения о Германии и о Германском посольстве в России»: он их просто не знал. О том, что «обязательство Роберта Мирбаха» — документ сомнительной достоверности, говорит его вид: текст написан на русском языке одним почерком (очевидно, рукой Блюмкина), а последнее предложение на русском и немецком (с ошибками²⁸) и подписи по-русски и по-немецки — другим почерком.

«Дело Роберта Мирбаха» стало предлогом для проникновения чекистов к послу Его Величества германского кайзера. Блюмкин напечатал на бланке ВЧК удостоверение: «Всероссийская чрезвычайная комиссия уполномочивает её члена Якова Блюмкина и представителя Революционного трибунала Николая Андреева войти в переговоры с господином Германским послом в Российской Республике по поводу дела, имеющего непосредственное отношение к господину послу. Председатель

26 Красная книга ВЧК. Т. 1. С. 197.

27 Там же. С. 200.

28 Приписка, сделанная по-немецки мелким трудночитаемым почерком, гласит: «Alles was hier geschrieben ist entspricht der warheit und ist... (далее неразборчиво) Graf RMirbach (далее неразборчиво)... Offizier 10 Jun. 1918». Вряд ли настоящий граф Роберт Мирбах написал бы немецкое имя существительное «die Wahrheit» («правда») с двумя ошибками: с маленькой буквы и без буквы *h* после *a* — и допустил бы другие грамматические и синтаксические ошибки.

Всероссийской чрезвычайной комиссии: Ф. Дзержинский. Секретарь: Ксенофонов»²⁹.

Это удостоверение вместе с папкой под названием «Дело Роберта Мирбаха» Андреев и Блюмкин оставили в немецком посольстве. После покушения эти документы стали главными уликами.

Седьмого июля 1918 г. Дзержинский подал в Совнарком официальное заявление об освобождении его от должности председателя ВЧК ввиду того, что он является «одним из главных свидетелей по делу об убийстве германского посланника графа Мирбаха»³⁰. Вопрос о снятии Дзержинского рассматривался на специальном заседании ЦК РКП(б). Видимо, для того чтобы несколько успокоить немцев, постановлению о снятии Дзержинского Ленин придавал демонстративный характер: оно было напечатано не только в газетах, но и расклеено по Москве. Коллегия ВЧК объявлялась распущенной и подлежала реорганизации в недельный срок.

Дзержинский, согласно его показаниям, «приблизительно с половины июня т. г.» — текущего, то есть 1918-го, — знал о «готовившемся покушении на жизнь членов германского посольства и заговоре против Советской власти»³¹, но ничего не сделал для предотвращения покушения и заговора, так как следил не за реальными заговорщиками из ВЧК, а за некими «шантажистами» и «мистификаторами». Председатель ВЧК утверждал, что он «опасался покушений на жизнь гр. Мирбаха со стороны монархических контрреволюционеров, желавших добиться реставрации путём военной силы германского милитаризма, а также со стороны контрреволюционеров-савинковцев и агентов англо-французских банкиров»³².

Тем временем подчинённые Дзержинского завершали подготовку теракта против посла германского кайзера.

Что же знал председатель ВЧК о своих сотрудниках, ставших убийцами германского посла? «Кто такой Андреев, [я] не знал»³³; что же касается Блюмкина, то «Блюмкина я близко не знал и редко с ним виделся», — утверждал Дзержинский³⁴. Однако если о простом фотографе Андрееве председатель ВЧК действительно мог не знать, то Блюмкина, как начальника важнейшего направления советской контрразведки — отделения по борьбе с германским шпионажем, Дзержинский обязан был знать близко и видеться с ним часто.

29 Красная книга ВЧК. Т. 1. С. 195.

30 Фельштинский Ю.Г. Указ. соч. С. 165; РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 21. Л. 2, 8.

31 РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 21. Л. 2, 8.

32 Там же. Л. 3, 9–10.

33 Там же. Л. 5, 12 об.

34 Там же.

Показания Дзержинского опровергаются самим Блюмкиным, который в апреле 1919 г. утверждал, что вся его «работа в ВЧК по борьбе с немецким шпионажем, очевидно в силу своего значения, проходила под непрерывным наблюдением председателя Комиссии т. Дзержинского и т. Лациса. О всех своих мероприятиях (как, например, внутренняя разведка в посольстве) я постоянно советовался с президиумом Комиссии, с комиссаром по иностранным делам т. Караханом, председателем Пленбежа (Центральная комиссия по делам пленных и беженцев при наркомате по военным делам РСФСР. — Б. Х.) т. Уншлихтом»³⁵.

Мы не берёмся утверждать, что Блюмкин действовал по прямому указанию Дзержинского. Однако косвенные данные свидетельствуют о том, что Дзержинский знал о намерениях Блюмкина.

Если Блюмкин ещё до убийства немецкого посла был отстранён Дзержинским от должности, как же смог он утром 6 июля получить от Лациса следственное дело Роберта Мирбаха³⁶, оформить на себя и Андреева удостоверение, вызвать служебный автомобиль и отправиться в германское посольство убивать графа фон Мирбаха?

Следовательно, Блюмкин, формально отстранённый от должности, на самом деле с молчаливого согласия Дзержинского продолжал готовить теракт. Очевидно, что Дзержинский, случайно или преднамеренно, «позволил» своим подчинённым убить графа фон Мирбаха и тем самым спровоцировать сильнейший внутривластный и международный кризис, выгодный противникам Ленина и Брестского мира.

Однако парадоксальным образом больше всех от убийства Мирбаха выиграл именно Ленин, которому удалось с помощью официального Берлина³⁷ сохранить Брестский мир, а последнее препятствие на пути к однопартийной диктатуре большевиков — партию левых эсеров — уничтожить.

Как свидетельствовал нарком просвещения А.В. Луначарский, Ленин в его присутствии сразу после покушения на Мирбаха отдал по те-

35 Красная книга ВЧК. Т. 1. С. 297; см. также: *Зданович А.А.* Свои и чужие — интриги разведки. С. 109.

36 «Дело Мирбаха было взято у меня Блюмкиным в 11 часов утра 6 июля для наведения какой-то справки. Обрато уже я его не получил. Отсюда мне стало ясно, что покушение на Мирбаха произведено действительно Блюмкиным», — писал Лацис в своих показаниях (Красная книга ВЧК. Т. 1. С. 261).

37 Как писал в дневнике барон Ботмер, «из Берлина нам известно только то, что с Иоффе (полпредом в Берлине. — Б. Х.) ведутся переговоры об ответственности, что наша официозная пресса поддерживает идею мира и отмечает, что русский сосед сожалеет о случившемся» (*Ботмер К. фон.* С графом Мирбахом в Москве. Дневниковые записи и документы за период с 19 апреля по 24 августа 1918 г. М., 1996. С. 93).

лефону такой приказ об аресте убийц: «Искать, очень тщательно искать, но... не найти»³⁸.

Убийство Мирбаха предоставило кайзеровскому рейху возможность отказаться от поддержки правительства Ленина. Германия даже предъявила Советскому правительству ультиматум, однако Вильгельм II не имел больше сил, необходимых для возобновления войны с Россией. Более того, кайзер выступил против разрыва отношений с Россией и потребовал при всех обстоятельствах продолжать поддерживать большевиков. Секретная часть дополнительного соглашения о мире между Москвой и Берлином от 27 августа 1918 г. содержала обещание немцев помогать большевикам в их борьбе против Антанты.

Русские большевики были нужны германскому кайзеру не меньше, чем кайзер большевикам. Но ни Ленину, ни Вильгельму II больше не нужен был граф фон Мирбах.

38 См. об этом: *Хавкин Б.Л.* «Искать, но не найти» // Родина. 2006. № 5. С. 64–68.

L'assassinio dell'Ambasciatore Mirbach: sulle orme del delitto

Traduzione di Ugo Persi

Il 6 luglio 1918 al numero 5 del Denezhnyj pereulok di Mosca fu compiuto un atto terroristico¹. Nella sala rossa della villa in cui aveva sede l'Ambasciata di Germania nella Russia sovietica fu ucciso l'Ambasciatore del Kaiser Guglielmo II, il conte Wilhelm von Mirbach-Harff². Gli assassini erano Jakov Bljumkin e Nikolaj Andreev, agenti segreti della Čeka e membri del Partito socialista rivoluzionario di sinistra che fino a quello stesso giorno era al governo in coalizione con i bolscevichi.

Gli studiosi che si occupano dell'assassinio di Mirbach tradizionalmente seguono la traccia dei "socialisti rivoluzionari di sinistra"³. Va tenuto presente che Mirbach, personalità quanto mai impopolare nella Russia sovietica, fu ospite del V Congresso panrusso dei Soviet tenutosi il 4 luglio 1918 al Teatro Bol'soj di Mosca. Durante i lavori del congresso gli SRS, voltatisi verso il palco dell'Ambasciatore tedesco, gridavano: «Abbasso Mirbach! Abbasso i macellai tedeschi! Abbasso il cappio di Brest!», e tentavano di interrompere il discorso di Lenin al grido «Mirbach! Mirbach!». Uno dei loro leader, B.D. Kamkov, che aveva

1 Cfr. R. Alonzi, V. Ljubin, *Villa Berg: la storia eccezionale di un cinquantennio (1898-1949). Dal microcosmo culturale moscovita al macrocosmo politico mondiale*, in *L'Ambasciata d'Italia a Mosca. Villa Berg*, Mosca 2017, pp. 124-164, in particolare pp. 127-139.

2 Il conte Wilhelm von Mirbach-Harff era stato consigliere del Ministero per gli Affari Esteri di Germania, inviato germanico ad Atene, consulente per le questioni politiche presso lo Stato maggiore del comando tedesco di Bucarest. Dal 1908 al 1911 prestò servizio come consigliere presso l'Ambasciata di Germania a San Pietroburgo; dal 16 dicembre 1917 al 10 febbraio 1918 fu a capo della missione tedesca a Pietrogrado costituita dopo la firma dell'armistizio di Brest-Litovsk; dal 2 aprile 1918 fino al giorno del suo assassinio, il 6 luglio dello stesso anno, fu Ambasciatore dell'Impero germanico nella Russia sovietica. Capitano di cavalleria di riserva del reggimento corazzieri di Westfalia, cavaliere onorario dell'Ordine di Malta.

3 In seguito: SRS. [N. d. T.]

parlato dopo Lenin, dichiarò: «la dittatura del proletariato si è trasformata nella dittatura di Mirbach», e accusò i bolscevichi di essere diventati «i lacchè degli imperialisti tedeschi che hanno pure l'ardire di presentarsi in questo teatro».

Gli SRS avevano organizzato l'assassinio dell'Ambasciatore tedesco, che in seguito rivendicarono, con lo scopo di far saltare il trattato di pace di Brest-Litovsk. Tuttavia, in relazione all'assassinio di Mirbach, oltre alla "traccia degli SRS" se ne possono seguire anche altre: quella "zarista", quella "pecuniaria" e quella "della Čeka", tutte bizzarramente intrecciate.

Undici giorni dopo l'assassinio di Mirbach furono fucilati a Ekaterinburg il deposedo zar Nicola II e la sua famiglia. Di regola, resta estraneo al campo di interesse degli storici russi odierni il legame che unisce l'uccisione di Mirbach alla giustizia sommaria che subirono lo zar, la sua consorte, i figli, il medico e la servitù, così come resta loro estranea la parte avuta dall'Ambasciatore tedesco nel versamento del "denaro tedesco"⁴ ai bolscevichi. Quando nel novembre del 2017 tale questione venne sollevata durante le discussioni tenutesi in occasione del convegno "L'assassinio della famiglia imperiale: nuove perizie e materiali d'archivio", Z. I. Peregudova, la maggiore esperta dell'Archivio di Stato della Federazione Russa, ebbe a dichiarare che «non esiste alcun legame tra l'assassinio di Mirbach e quello della famiglia imperiale», e che in ogni caso lei non ne sapeva nulla⁵.

Ciò nondimeno, V.I. Gurko, ex-gentiluomo di camera dello zar, già negli anni Venti scrisse nelle sue memorie che nel corso del 1918 era andato convincendosi del fatto «che i tedeschi erano assai interessati alla tutela della vita di quei membri della famiglia imperiale che avrebbero potuto occupare il trono russo. [...]. I tedeschi più volte avevano richiesto la consegna del Sovrano da parte del potere centrale di Mosca: l'ultima volta ciò era successo proprio dopo l'assassinio dell'Ambasciatore Mirbach, quando dichiararono di essere pronti a far entrare a Mosca reparti del loro esercito. I bolscevichi si opposero a questa eventualità nella maniera più recisa. Al che i tedeschi rinunciarono a compiere questo passo, a condizione che venisse loro consegnato l'imperatore. I bolscevichi acconsentirono, decidendo però nel contempo di sterminare la famiglia imperiale, per scaricare poi la responsabilità su non meglio identificate autorità locali. E così fecero ...»⁶.

Mostrando un atteggiamento scettico nei confronti della versione di V. Gurko, lo storico S. Mel'gunov afferma che «nei giorni dell'assassinio di Mir-

4 B.L. Chavkin, *Nemeckie "finansovye potoki" russkoj revoljucii* [I "flussi finanziari" tedeschi della rivoluzione russa], in «Voprosy istorii», 2017, n. 10, pp. 122-130.

5 Canale televisivo "Sojuz": Discussione finale del convegno "L'assassinio della famiglia imperiale: nuove perizie e materiali d'archivio". Mosca, 27 novembre 2017 — URL: <http://tv-soyuz.ru/peredachi/finalnaya-diskussiya-nauchnoy-konferentsii>.

6 S.P. Mel'gunov, *Sud'ba imperatora Nikolaja II posle otrečenija* [La sorte dell'imperatore Nicola II dopo l'abdicazione], Moskva 2005, p. 214.

bach i tedeschi più che al monarca ... finito in prigionia a Ekaterinburg erano interessati al grano e allo zucchero dell'Ucraina, e al petrolio del Caucaso»⁷; ciò nondimeno la Germania dimostrò interessamento per le sorti della famiglia imperiale. Lo attestano i documenti tedeschi che, secondo un verbale del 14 giugno 1921, il dottor Riezler⁸ avrebbe trasmesso a Berlino a N.A. Sokolov, che in emigrazione stava compiendo ricerche sull'uccisione di Nicola II e della sua famiglia⁹.

Basandosi sulle deposizioni testimoniali di V.L. Burcev¹⁰, Sokolov affermò che «il conte Mirbach rivolse una richiesta categorica a ... Sverdlov circa il trasferimento dell'Imperatore a Pietrogrado... La richiesta del conte Mirbach consisteva proprio in ciò, ossia che l'Imperatore venisse trasferito dal luogo in cui si trovava... la richiesta del conte Mirbach aveva un carattere di categorica risolutezza». Sokolov riconosceva come «assolutamente dimostrato che l'incarico affidato a Jakovlev (di spostare i Romanov da Tobol'sk — *B. Ch.*), in sostanza era opera dell'Ambasciatore tedesco a Mosca conte Mirbach»¹¹. Per questa ragione, fino a che Mirbach era vivo i bolscevichi non osarono mettere in atto la rappresaglia sullo zar depresso e la sua famiglia¹².

Esistevano, tuttavia, anche altri motivi per l'uccisione del conte Mirbach. Essi vanno ricercati non solo nei rapporti di politica interna della Russia ma anche nelle relazioni internazionali, in particolar modo in quelle russo-tedesche. Tali relazioni andarono sempre più strettamente avviluppandosi in quel nodo gordiano che fu poi reciso il 6 luglio 1918. In quell'anno la Germania, perduta la Prima guerra mondiale sul fronte occidentale, la vinse su quello orientale, del che è testimonianza la pace di Brest-Litovsk.

Comunque sia, le élite politiche e militari germaniche, sostenendo il potere dei bolscevichi in virtù della pace di Brest-Litovsk, inevitabilmente stavano avvicinando la rivoluzione al proprio paese. I bolscevichi, da parte loro, stanchi di quella “oscena”, “predatoria” e “iniqua” pace con gli imperialisti

7 *Ivi*, p. 222.

8 Kurt Riezler (1882–1955): diplomatico e studioso di filosofia tedesco. [*N. d. T.*]

9 L.A. Lykova, *Sledstvie po delu ob ubijstve Rossijskoj Imperatorskoj Sem'i* [Indagine sull'uccisione della famiglia imperiale russa], Moskva 2007, p. 205; *Rossijskij Arhiv. Istorija Otečestva v svjdetel'stvach i dokumentach XVIII–XX vv* [Archivio Russo. La storia della Patria nelle testimonianze e nei documenti dei secoli XVIII–XX], T. VIII, N.A. Sokolov, *Predvaritel'noe sledstvie 1919–1922 gg.* [Indagine preliminare. Anni 1919–1922] Moskva 1998, doc. 87, p. 307.

Nikolaj Alekseevič Sokolov (1882–1924): l'indagine sull'uccisione dei membri della famiglia imperiale gli fu affidata dal generale A.V. Kolčak. [*N. d. T.*]

10 Vladimir L'vovič Burcev (1862–1942): pubblicista, editore, strenuo oppositore del bolscevismo. Mori a Parigi in emigrazione. [*N. d. T.*]

11 *Rossijskij Arhiv. Istorija Otečestva v svjdetel'stvach i dokumentach XVIII–XX vv*, op. cit., pp. 362–363.

12 B.L. Chavkin, *Mogli li nemcy spasti carskiju sem'ju?* [Avrebbero potuto i tedeschi salvare la famiglia imperiale?], in «Rodina», 2018, n. 7, pp. 113–116.

tedeschi, erano costretti a rispettarla poiché in quel momento il destino della rivoluzione russa dipendeva dal Kaiser, dai suoi militari e dai suoi diplomatici.

Lo scopo dell'assassinio di Mirbach fu quello di far fallire la pace di Brest-Litovsk firmata dal governo di Lenin, contro la quale si dichiaravano sia gli avversari dei bolscevichi, sia i loro alleati dello schieramento rivoluzionario, ossia gli SRS, sia i comunisti di sinistra e gli internazionalisti.

Il conte Mirbach divenne ostaggio, da una parte, della politica di parteneriato obbligato messa in atto dal Reich con i bolscevichi, dall'altra, della ricerca fatta dalla Germania di un'alternativa politica al governo di Lenin, che fosse di sostegno alla Germania stessa, da parte delle forze antisovietiche in Russia¹³. In questo modo l'Ambasciatore si vide costretto a perseguire contemporaneamente due linee politiche escludentisi a vicenda, cosa che rese possibile la provocazione politica di cui egli stesso cadde vittima. Questo fatto, che ebbe un ruolo tragico nel destino del diplomatico tedesco, non viene mai preso in considerazione dagli storici russi. Al giorno d'oggi l'immagine del conte Mirbach nonché delle circostanze legate alla sua morte, che ricorrono negli studi storiografici del nostro paese, si limita quasi sempre a un repertorio di cliché di marca sovietica¹⁴, di cui il film “Sei luglio” è un esempio evidente.

Nelle scarse fonti sulla permanenza del conte Mirbach in Unione Sovietica si trovano vari giudizi sulla sua personalità e sul suo operato. Stando alle memorie del consigliere dell'Ambasciata tedesca a Mosca, il dottor G. Hilger¹⁵, Mirbach era un diplomatico affatto mediocre¹⁶; i giornali tedeschi lo chiamavano “aristocratico di vecchia scuola”, “feudatario” e “conte in stile rococò”¹⁷.

Tuttavia, i documenti dell'archivio politico del Ministero degli Affari Esteri della Germania, i documenti del Kaiser Guglielmo II, del cancelliere del

13 I bolscevichi conducevano una politica ambivalente rispetto alla Germania: da una parte, avendo concluso la pace separata di Brest-Litovsk, con ciò stesso aiutando il Kaiser a restare al potere e continuare la guerra sul fronte occidentale, dall'altra, attizzando in Germania il focolaio della rivoluzione.

14 La scheda del *Dizionario enciclopedico russo* relativa a Mirbach recita: «Mirbach Wilhelm (1871–1918), conte, diplomatico tedesco. Dall'aprile 1918 Ambasciatore a Mosca presso il governo della Repubblica federativa socialista sovietica russa. Assassinato dall'SRS Ja.G. Bljumkin, il che servì da segnale all'azione armata degli SRS nel luglio 1918 a Mosca». *Rossijskij enciklopedičeskij slovar'*, Moskva 2000, vol. I, p. 956. Mirbach, in realtà, fu ucciso da due terroristi — Bljumkin e Andreev — mentre l'azione armata degli SRS, la cosiddetta “sedizione degli SRS”, fu una risposta alle azioni belliche attuate contro di loro da parte dei bolscevichi, e non una reazione al cosiddetto “segnale”, ossia all'assassinio di Mirbach.

15 Gustav Hilger (1886–1965). [*N. d. T.*]

16 G. Hilger, *Wir und der Kreml* [Noi e il Cremlino], Frankfurt/M. — Bonn 1964, pp. 11–12.

17 *Dokumenty germanskogo posla v Moskve Mirbacha* [Documenti dell'Ambasciatore di Germania a Mosca Mirbach] (Prefazione e note di S.M. Drabkina), in «Voprosy istorii», 1971, n. 9, p. 120.

Reich conte Georg von Hertling o del segretario di Stato per gli affari internazionali Richard von Kühlmann, attestano valutazioni positive dell'operato di Mirbach in qualità di Ambasciatore tedesco a Mosca¹⁸.

Nel complesso, le lettere di servizio che il conte Mirbach inviava da Mosca a Berlino confermano una sua corretta comprensione dello stato di cose in Unione Sovietica, ma vi si nota pure una certa sopravvalutazione dei sentimenti filogermanici nel paese¹⁹.

Il rapporto di Mirbach sul colloquio da lui avuto con Lenin il 16 maggio 1918 è uno dei rari documenti in cui quest'ultimo ammette la crisi della politica di Brest²⁰. Inoltre, Mirbach riteneva che, come in passato, gli interessi della Germania pretendessero un suo orientamento verso il governo di Lenin, poiché quelle forze che avrebbero potuto succedere ai bolscevichi si sarebbero impegnate in ogni modo per riannettere, con l'aiuto dell'Intesa, i territori tolti alla Russia dalla pace di Brest-Litovsk.

Il 18 maggio 1918, due giorni dopo l'incontro con Lenin, Mirbach in un telegramma inviato a Berlino esprimeva la sua preoccupazione per la situazione in Russia, sottolineando che a suo parere sarebbe stata necessaria una somma di 40 milioni di marchi una tantum per mantenere Lenin al potere. Dopo qualche giorno, il 3 giugno, l'Ambasciatore tedesco telegrafava al Ministero degli Affari Esteri della Germania dicendo che, oltre a quella somma, sarebbero serviti mensilmente altri 3 milioni di marchi per sostenere il governo di Lenin²¹. Tuttavia, né Kühlmann né Mirbach erano convinti che Lenin sarebbe riuscito a mante-

18 W. Baumgart, *Deutsche Ostpolitik 1918. Von Brest-Litovsk bis zum Ende des I. Weltkrieg* [La Ostpolitik tedesca nel 1918. Da Brest-Litovsk alla fine della Prima guerra mondiale], Wien-München 1966; Id., *Die Mission des Grafen Mirbach in Moskau. April-Juni 1918* [La missione del conte Mirbach a Mosca. Aprile-giugno 1918], in «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte», 1968, n. 1.

19 Scrive Mirbach: «Mosca, la città santa, simbolo del potere zarista, sacra alla Chiesa ortodossa, nelle mani dei bolscevichi è divenuta simbolo di quella stridente perturbazione del gusto e dello stile che la rivoluzione russa ha introdotto ... I leitmotiv di tutto il quadro attuale sono la poca voglia di lavorare e la fannullaggine... Per quanto concerne la sicurezza la situazione è deprecabile... La disperazione dei rappresentanti della vecchia classe dirigente è indescrivibile, ma essi non hanno la forza sufficiente a por termine a questo saccheggio organizzato... Il desiderio di portare ... ordine si diffonde fino agli strati più bassi e la consapevolezza della propria inattività li spinge a sperare che la salvezza giungerà dalla Germania. Quegli stessi ambienti che un tempo ... ci calunniavano ora vedono in noi se non degli angeli, almeno una forza di polizia»; cit. in Ju. G. Fel'stinskij, *Voždi v zakone* [Capi e impuniti], Mosca 1999, pp. 105-106. A questo proposito si confronti: E. Chereš, *Kuplennaja revoljucija. Tajnoe delo Parvusa* [La rivoluzione comprata. I segreti del caso Parvus], Moskva 2004, p. 339 [prima edizione: E. Heresch, *Gebeimakte Parvus. Die gekaufte Revolution. Biografie*, Langen Müller Vlg. München 2000].

20 La traduzione russa del rapporto redatto in forma abbreviata fu pubblicata in URSS. Vedasi: *Dokumenty germanskogo posla v Moskve Mirbacha*, op. cit., p. 124.

21 E. Chereš, *op. cit.*, p. 330, 331.

nersi al potere grazie ai soldi tedeschi, che pure avevano aiutato i bolscevichi a compiere il colpo di stato nell'ottobre del '17.

L'Ambasciatore tedesco era convinto che l'estate del '18 avrebbe segnato la fine dei bolscevichi, e per questa ragione Mirbach, nell'eventualità che il governo di Lenin cadesse, intendeva cautelarsi formando per tempo in Russia un governo antisovietico e filogermanico.

Come osserva il prof. Baumgart, Mirbach nelle prime tre settimane di permanenza a Mosca si era dimostrato un "osservatore imparziale", per orientarsi successivamente in favore di un'alleanza con gli oppositori dei bolscevichi²².

Il 13 giugno 1918 Mirbach invia una comunicazione a Berlino secondo la quale a lui si rivolgerebbero vari esponenti politici allo scopo di saggiare la disponibilità da parte del governo tedesco ad andare in aiuto alle forze antisovietiche per rovesciare i bolscevichi. Tali forze riterrebbero che la condizione per rovesciare Lenin sia la revisione degli articoli del trattato di pace di Brest-Litovsk da parte della Germania.

Il 25 giugno 1918, nella sua ultima lettera inviata a Kühlmann, Mirbach sottolineava di non poter «emettere una diagnosi favorevole per il bolscevismo. È indubbio che ci troviamo al capezzale di un pericoloso individuo malato, ... ormai condannato». Su tale base l'Ambasciatore proponeva di colmare «il vuoto che si era formato» con nuovi «organi di governo che noi terremo in caldo e che saranno in toto al nostro servizio»²³.

In Russia il cambiamento della posizione della Germania e l'intensificazione dei contatti di Mirbach con esponenti antibolscevichi non erano passati inosservati. Già dalla metà di maggio i rappresentanti delle forze politiche rovesciate nell'ottobre del '17, quelle cosiddette "di destra", rilevavano che «i tedeschi, portati in Russia dai bolscevichi, l'unico motivo di esistenza dei quali era costituito dalla pace con essi stipulata, erano pronti loro stessi a rovesciare i bolscevichi»²⁴.

Le attività dell'Ambasciata di Germania in Russia dirette contro i bolscevichi erano note non solo ai circoli russi "di destra" e ai diplomatici stranieri: del mutamento dell'umore dei tedeschi era a conoscenza anche il governo sovietico.

Non è un caso che al momento in cui a Berlino e nell'Ambasciata di Germania a Mosca erano iniziati i preparativi per il cambio di rotta nella politica tedesca in Oriente, nella Commissione straordinaria panrusa (CSP) capeggiata dal comunista di sinistra e oppositore della pace di Brest-Litovsk F.E. Dzeržinskij, in seno all'importantissima sezione della stessa CSP per la lotta

22 W. Baumgart, *Die Mission des Grafen Mirbach in Moskau. April-Juni 1918*, op. cit., pp. 67-68.

23 *Dokumenty germanskogo posla v Moskve Mirbacha*, op. cit., p. 125. Una copia del manoscritto della prima pagina di questa lettera è fornita dalla ricercatrice austriaca E. Heresch; v. E. Chereš, *op. cit.*, p. 341.

24 Citato in Ju. G. Fel'stinskij, *op. cit.*, p. 120.

alla controrivoluzione era stata creata una sezione di controspionaggio con lo scopo di agire contro l'Ambasciata tedesca. A capo della "Sezione per la lotta allo spionaggio tedesco" si trovava il diciannovenne Jakov Bljumkin; collaboratore (fotografo) di questa sezione era Nikolaj Andreev.

Dzeržinskij, che il 10 luglio 1918 si trovava sotto inchiesta relativamente all'assassinio di Mirbach e alla "sedizione" degli SRS, rilasciò la propria deposizione ufficiale alla Commissione del Comitato centrale esecutivo panrusso (CCEP)²⁵. Nella deposizione alla commissione investigativa Dzeržinskij sottolineò che «Bljumkin era stato ammesso nella Commissione (la CSP — *B. Cb.*) su raccomandazione del Comitato centrale degli SRS per l'organizzazione del controspionaggio all'interno della sezione controrivoluzionaria (sezione per la lotta alla controrivoluzione — *B. Cb.*)»²⁶.

È probabile che ciò sia avvenuto alla fine di maggio del 1918, tuttavia non è possibile precisare la data esatta della costituzione del servizio di controspionaggio della Čeka e della nomina di Bljumkin a suo primo responsabile. Nell'archivio centrale dell'FSB²⁷ non si conservano i verbali delle sedute dell'organo direttivo della CSP, ossia del suo presidium, relativi al periodo che va dalla fine di maggio al settembre del 1918²⁸.

Quale fu la storia della preparazione dell'attentato alla vita del conte Mirbach ad opera degli agenti della Čeka?

Grazie alla sua posizione di servizio Bljumkin disponeva di ampie informazioni sull'Ambasciata tedesca di Mosca, in quanto era riuscito a introdurre il suo collaboratore Jakov Fišman²⁹ nelle vesti di elettricista; in tal modo Bljumkin

25 Deposizione di F. Dzeržinskij in relazione all'assassinio dell'Ambasciatore tedesco conte Mirbach; RGASPI (Rossijskij gosudarstvennyj archiv social'no-političeskoj istorii), fondo 76, inventario 3, fascicolo 21. Vedasi anche: *Krasnaja kniga VČK* [Il libro rosso della CSP], vol. I, Moskva 1989, pp. 252–261.

26 RGASPI, fondo 76, inventario 3, fascicolo 21, foglio 4verso, foglio 12verso.

27 Federal'naja služba bezopasnosti (Servizio federale per la sicurezza). [N. d. T.]

28 Dopo il verbale della seduta della CSP tenutasi il 20 maggio, custodito presso l'archivio centrale dell'FSB, segue il verbale del 1 ottobre 1918. Sono stati distrutti non solo i documenti relativi alla creazione del controspionaggio, alla nomina di Bljumkin, all'assassinio di Mirbach — la cosiddetta "sedizione" degli SRS, all'arresto di diplomatici dei paesi alleati, tra i quali Lockhart, bensì anche quelli relativi all'assassinio del Presidente della Čeka di Pietrogrado Urickij, all'attentato ai danni di Lenin, alla dichiarazione del terrore rosso. A questo proposito vedasi: A.A. Zdanovič, *Svoi i čužie — intrigi razvedki* [I propri e gli estranei: gli intrighi dello spionaggio], Moskva 2002, p. 105.

29 Fišman Jakov Moiseevič (1887 — 1961); ingegnere chimico, laureato alla facoltà di chimica dell'Università di Napoli. Membro del Comitato centrale del Partito degli SRS. Approntò due congegni esplosivi che insieme a due pistole consegnò ad Andreev e Bljumkin il 6 luglio 1918. Nel '19 Fišman fu arrestato e condannato a tre anni di carcere ma sei mesi dopo fu rimesso in libertà. Nel '20 si iscrisse al Partito comunista come addetto ai servizi segreti esterni dell'Armata Rossa. Agente plenipotenziario dei servizi segreti in Italia e Germania. Dal 1925 fu capo dell'ufficio

poté disporre della pianta degli ambienti e dei posti di guardia della vigilanza interna dell'Ambasciata.

Il capo della Sezione per la lotta alla controrivoluzione della CSP Martin Lacis, superiore diretto di Bljumkin, così ricorda: «Bljumkin si vantava che i suoi agenti gli davano tutto ciò che lui voleva e che in questo modo egli riusciva a entrare in contatto con qualsiasi persona che dimostrasse simpatie filotedesche»³⁰.

Per uccidere Mirbach, tuttavia, a Bljumkin e Andreev era necessario penetrare di persona nel ben vigilato edificio dell'Ambasciata, giuridicamente territorio della Germania, e ottenere un incontro con l'Ambasciatore.

Come pretesto per l'incontro con il conte Mirbach Bljumkin si servì dell'"affaire", da lui stesso montato ad arte, del nipote dell'Ambasciatore, ossia del "prigioniero di guerra austriaco" Robert Mirbach, che gli agenti della Čeka avevano accusato di spionaggio. In realtà, Robert Mirbach non era né prigioniero di guerra austriaco né spia tedesca; era semplicemente un omonimo, o tutt'al più un lontanissimo parente dell'Ambasciatore tedesco. Robert Mirbach, che era di famiglia tedesca russificata, non aveva mai prestato servizio né nell'esercito austro-ungarico né in quello tedesco. Egli era un suddito russo, aveva vissuto a Pietrogrado fino al suo arresto e aveva lavorato all'economato dell'Istituto Smol'nyj.

Stando ai ricordi di Lacis, l'unico "caso" di cui Bljumkin davvero si era occupato fu il "caso dell'austriaco Mirbach", tant'è che lo stesso Bljumkin «si immerse totalmente in questa faccenda» e passò «notte intere a interrogare testimoni». Come risultato di tutto questo zelo di Bljumkin il modesto economo dello Smol'nyj fu trasformato in un ufficiale austro-ungarico che avrebbe prestato servizio nel 37° reggimento fanteria dell'esercito dell'imperatore Francesco Giuseppe, per poi cadere prigioniero dei russi ed essere in seguito liberato dopo la ratifica del trattato di pace di Brest-Litovsk. In attesa di ritornare in patria, egli aveva preso alloggio in uno degli alberghi di Mosca dove visse fino all'inizio del giugno 1918, quando l'attrice svedese Landström si era tolta la vita. Difficile dire se questo suicidio fosse stato combinato dagli agenti della Čeka.

La CSP dichiarò che Landström si era suicidata per legami con l'attività controrivoluzionaria, e pertanto arrestò tutti gli ospiti dell'albergo. Tra loro si trovava anche il "nipote dell'Ambasciatore tedesco".

La CSP diede immediata comunicazione dell'arresto di Robert Mirbach al consolato danese, rappresentante degli interessi dell'Austria-Ungheria in Russia.

chimico militare dell'Armata Rossa e partecipò attivamente alla cooperazione russo-germanica nel campo della preparazione e sperimentazione di armamenti chimici e mezzi di difesa chimica. Fu arrestato nel 1937 relativamente all'"affaire Tuchačevskij" e condannato nel 1940 a dieci anni di campo di concentramento; liberato nel 1947 e di nuovo arrestato nel 1949. Venne riabilitato nel 1955.

30 *Krasnaja kniga VČK* [Il libro rosso della CSP], vol. I, Moskva 1989, p. 166.

Il 15 giugno il consolato danese iniziò le trattative con la CSP «riguardo al caso dell'ufficiale dell'esercito austriaco arrestato, conte Mirbach». Durante le trattative gli agenti della Čeka ventilarono al rappresentante del consolato la versione della parentela esistente tra Robert Mirbach e l'Ambasciatore di Germania.

Il 17 giugno il consolato danese consegnò alla Čeka il documento che tanto stavano aspettando: «Con la presente il Consolato generale del Regno di Danimarca porta a conoscenza della Commissione straordinaria panrusa che l'ufficiale dell'esercito austroungarico arrestato, conte Robert Mirbach, conformemente alla comunicazione scritta della rappresentanza diplomatica della Germania a Mosca, effettivamente risulta essere membro di una famiglia imparentata con quella dell'Ambasciatore tedesco, conte Mirbach, a suo tempo trasferitasi in Austria»³¹.

C'è da pensare che negli ambienti dell'Ambasciata tedesca avessero deciso di considerare lo sconosciuto conte Robert Mirbach come parente dell'Ambasciatore nella speranza di alleggerire le sorti dello sventurato ufficiale austriaco e di una sua pronta liberazione, tanto più che le accuse mosse gli apparivano poco serie. La partecipazione dell'Ambasciatore al “caso del nipote”, a quanto pare, si era limitata all'autorizzazione da lui data a considerare Robert Mirbach suo parente.

Comunque sia, Robert Mirbach non venne liberato: il “caso del nipote” rimase fondamento del dossier contro la sede diplomatica tedesca e la persona dell'Ambasciatore. Il principale indizio posseduto da Bljumkin era questo documento, apparentemente firmato da Robert Mirbach: «Lettera d'impegno. Io sottoscritto, suddito ungherese, ufficiale prigioniero di guerra dell'esercito austriaco Robert Mirbach, mi impegno volontariamente e per personale desiderio a fornire alla Commissione straordinaria panrusa per la lotta alla controrivoluzione informazioni segrete sulla Germania e l'Ambasciata tedesca in Russia. Quanto qui scritto confermo e spontaneamente eseguirò. Conte Robert Mirbach»³².

Tuttavia, né l'ex ufficiale dell'esercito austroungarico né il capo economo dell'Istituto Smol'nyj avrebbe potuto comunicare agli agenti della Čeka «informazioni segrete sulla Germania e l'Ambasciata tedesca in Russia»: semplicemente non le possedeva. Che poi la «lettera d'impegno di Robert Mirbach» fosse un documento di dubbia autenticità è dimostrato da come si presenta: il testo è redatto in russo con un tipo di scrittura (evidentemente quella di Bljumkin), mentre l'ultima frase è scritta in russo e in tedesco (con errori³³), e le firme in russo e tedesco, ma con una scrittura diversa.

31 *Krasnaja kniga VČK*, vol. 1, op. cit., p. 197.

32 *Ivi*, p. 200.

33 L'aggiunta, in tedesco e con una scrittura minuta difficile da decifrare, recita: «Alles was hier geschrieben ist entspricht der warheit und ist ... (illeggibile) Graf RMirbach (illeggibile)... Offizier 10 Jun. 1918». Ben difficilmente il conte Robert Mirbach, se tale davvero fosse stato, avrebbe scritto il sostantivo tedesco «die Wahrheit» (*verità*) con due errori: con l'iniziale minuscola e senza la lettera “h” dopo la “a”, commettendo poi altri errori grammaticali e sintattici.

Il “caso Robert Mirbach” divenne così il pretesto col quale gli agenti della Čeka poterono giungere al cospetto dell'Ambasciatore di Sua Altezza il Kaiser. Su un foglio intestato della CSP Bljumkin aveva dattilografato il seguente attestato: «La Commissione straordinaria panrusa autorizza il suo membro Jakov Bljumkin e il rappresentante del Tribunale rivoluzionario Nikolaj Andreev ad entrare in trattative con il signor Ambasciatore della Germania presso la Repubblica Russa circa una questione avente diretta relazione col signor Ambasciatore. Il Presidente della Commissione straordinaria panrusa: F. Dzeržinskij. Il Segretario: Ksenofontov»³⁴.

Andreev e Bljumkin lasciarono nell'Ambasciata tedesca questo attestato insieme a una cartelletta recante la scritta «Affare Robert Mirbach». Dopo l'attentato questi documenti divennero i principali indizi.

Il 7 luglio 1918 Dzeržinskij depositò presso il Sovnarkom³⁵ la domanda di esonero dalla carica di Presidente della CSP, essendo egli «uno dei testimoni chiave nella questione relativa all'assassinio dell'Ambasciatore di Germania conte Mirbach»³⁶. La rimozione di Dzeržinskij venne discussa in una seduta straordinaria del Comitato centrale del Partito comunista russo (dei bolscevichi). Evidentemente, per tranquillizzare alquanto i tedeschi Lenin conferì un carattere dimostrativo al decreto di rimozione di Dzeržinskij: non solo esso venne pubblicato nei giornali, ma affisso ovunque in tutta Mosca. Il comitato della CSP venne dichiarato sciolto e sottoposto a riorganizzazione nel giro di una settimana.

Secondo la sua deposizione, «all'incirca della metà di giugno di quell'anno» — ossia del corrente 1918 — Dzeržinskij sapeva «dell'attentato che si stava preparando ai danni di membri dell'Ambasciata tedesca, come sapeva della congiura contro il Potere sovietico»³⁷, ciò nonostante non fece nulla per prevenirli, dando invece disposizione di sorvegliare non i reali cospiratori all'interno della CSP ma non ben identificati «ricattatori» e «mistificatori». Il Presidente della CSP affermò che «temeva attentati ai danni del conte Mirbach da parte dei controrivoluzionari monarchici desiderosi di ottenere la restaurazione mediante reparti armati del militarismo germanico, ma anche da parte dei controrivoluzionari savinkovisti³⁸ e di agenti del mondo bancario anglo-francese»³⁹.

34 *Krasnaja kniga VČK*, op. cit., p. 165.

35 Soviet narodnych komissarov (Consiglio dei commissari del popolo). [*N. d. T.*]

36 Ju. G. Fel'stinskij, *op. cit.*, p. 165.

37 RGASPI, fondo 76, inventario 3, fascicolo 21, foglio 2, foglio 8.

38 Boris Viktorovič Savinkov (1879–1925), convinto che i bolscevichi avevano potuto prendere il potere a causa della debolezza del governo di Kerenskij, nel febbraio-marzo del 1918 costituì a Mosca l'organizzazione controrivoluzionaria clandestina “Consiglio di difesa della Patria e della Libertà” formata in prevalenza da ufficiali della guardia e composta all'incirca da 800 elementi. Il loro scopo era il rovesciamento del potere sovietico, l'instaurazione della dittatura di guerra e il proseguimento della guerra contro la Germania. Alla fine di maggio la congiura venne scoperta e molti aderenti arrestati. [*N. d. T.*]

39 RGASPI, fondo 76, inventario 3, fascicolo 21, foglio 3, fogli 9–10.

In quello stesso tempo i sottoposti di Dzeržinskij stavano preparando l'attentato contro l'Ambasciatore tedesco. Ma cosa sapeva il Presidente della CSP dei propri collaboratori, futuri assassini dell'Ambasciatore? «Questo Andreev non sapevo chi fosse»⁴⁰; circa Bljumkin, afferma Dzeržinskij, «non lo conoscevo da vicino e lo vedevo raramente»⁴¹. E tuttavia, se il Presidente della CSP effettivamente poteva non sapere nulla del semplice fotografo Andreev, al contrario, Bljumkin, in qualità di capo di un importantissimo ramo del controspionaggio sovietico, ossia la sezione per la lotta allo spionaggio tedesco, Dzeržinskij doveva necessariamente conoscerlo da vicino e incontrarsi con lui sovente.

La deposizione di Dzeržinskij venne smentita dallo stesso Bljumkin, che nell'aprile del 1919 affermò che tutto il suo «operato all'interno della CSP nell'ambito della lotta allo spionaggio tedesco, proprio per la sua importanza, era evidentemente soggetta alla continua supervisione del Presidente della Commissione, il compagno Dzeržinskij, e del compagno Lacis. Per tutte le mie iniziative (ad esempio le ricognizioni all'interno dell'Ambasciata) io sempre mi consigliavo con il presidium della Commissione, col Commissario agli Affari Esteri compagno Karachan, col Presidente del Plenbež (Commissione centrale per i prigionieri e i profughi presso il Commissariato del popolo per la guerra della Repubblica Federativa Socialista Sovietica Russa — *B. Ch.*), compagno Unšlicht»⁴².

Non è nostra intenzione affermare che Bljumkin agì su diretta istruzione di Dzeržinskij, tuttavia dati indiretti testimoniano che egli era a conoscenza delle intenzioni di Bljumkin. Se quest'ultimo fosse stato rimosso dalla sua carica da Dzeržinskij già prima dell'assassinio dell'Ambasciatore tedesco, come avrebbe potuto la mattina del 6 luglio ricevere da Lacis il dossier investigativo relativo a Robert Mirbach⁴³, preparare per sé e per Andreev l'attestato, chiamare l'automobile di servizio e recarsi all'Ambasciata ad uccidere il conte Mirbach?

Ne consegue che Bljumkin, formalmente rimosso dalla sua carica, in realtà aveva continuato a preparare l'attentato col tacito consenso di Dzeržinskij. È evidente che quest'ultimo, casualmente o con intenzionalità, «aveva permesso» ai suoi sottoposti di uccidere il conte Mirbach e provocare al contempo una gravissima crisi politica interna e internazionale utile agli avversari di Lenin e della pace di Brest-Litovsk.

Ciò nonostante, in modo paradossale, chi dall'assassinio di Mirbach ottenne il maggior utile fu proprio Lenin, che era riuscito a non far fallire la

40 *Ivi*, foglio 5, foglio 12 verso.

41 *Ibidem*.

42 *Krasnaja kniga VČK*, op. cit., vol. I, p. 297. Si veda anche: A.A. Zdanovič, *Svoi i čužie — intrigi i razvedki*, op. cit. p. 109.

43 Nella sua deposizione Lacis scrive: «Detti in consegna a Bljumkin il dossier Mirbach alle 11 di mattina del 6 luglio affinché vi fosse apportata una certa correzione. Non mi fu più restituito. Dal che mi fu chiaro che l'attentato a Mirbach era stato davvero attuato da Bljumkin». *Krasnaja kniga VČK*, op. cit., vol. I, p. 261.

pace di Brest-Litovsk con l'ausilio degli ambienti ufficiali di Berlino⁴⁴, e ad annientare l'ultimo ostacolo sulla via della dittatura monopartitica dei bolscevichi — il Partito degli SRS.

Come attesta A.V. Lunačarskij, Commissario del popolo all'Istruzione, in sua presenza Lenin, non appena appresa la notizia dell'attentato, diede per telefono il seguente ordine d'arresto degli assassini: «Cercarli, cercarli molto accuratamente, ma... non trovarli»⁴⁵.

L'assassinio di Mirbach fornì al Reich la possibilità di rinunciare al sostegno del governo di Lenin. La Germania giunse persino a presentare un ultimatum al governo sovietico, ma Guglielmo II non aveva più forze sufficienti per riprendere la guerra contro la Russia. Il Kaiser, inoltre, si dichiarò contrario alla rottura dei rapporti con la Russia e pretese di continuare a sostenere i bolscevichi ad ogni condizione. La parte segreta dell'accordo di pace aggiuntivo fra Mosca e Berlino del 27 agosto 1918 conteneva l'impegno da parte dei tedeschi di aiutare i bolscevichi nella loro lotta contro l'Intesa.

I bolscevichi erano utili al Kaiser non meno di quanto il Kaiser lo fosse ai bolscevichi. Ma il conte Mirbach non era più utile né a Lenin, né a Guglielmo II.

44 Come ebbe a scrivere nel suo diario il barone Botmer, «da Berlino sappiamo solo ciò che Ioffe (rappresentante plenipotenziario a Berlino — *B. Ch.*) è in trattative sulla questione delle responsabilità, che la nostra stampa ufficiosa sostiene l'idea della pace e sottolinea che il vicino russo si rammarica dell'accaduto»; K. von Botmer, *S grafom Mirbachom v Moskve. Dnevnikovye zapiski i dokumenty za period s 19 aprlja po 24 avgusta 1918 g.* [Col conte Mirbach a Mosca. Appunti del diario e documenti dal 19 aprile al 24 agosto 1918] Moskva 1996, p. 93.

45 A questo proposito si veda: B.L. Chavkin, *Iskat', no ne najti* ["Cercare ma non trovare"], in «Rodina», 2000, n. 5, pp. 64–68.

Политика Германии в отношении России в 1918 году

Перевод с нем. Владимир Захаров

Очень странное чувство возникает, когда выступаешь в этом помещении и на том самом месте, где ровно 100 лет тому назад был убит германский посол граф Вильгельм фон Мирбах. Я испытываю это странное чувство ещё и потому, что более 60 лет назад я написал свою докторскую диссертацию о русско-германских отношениях летом 1918 г. и, соответственно, хорошо знаю эти события.

На Западном фронте (во Франции, на Балканах, в Турции) ещё бушевала Первая мировая война, когда 3 марта 1918 г. в Брест-Литовске между Германией и новой Россией был заключён мир. Это был «мир под диктатом», буквально продавленный германским верховным командованием вопреки сопротивлению имперского правительства в Берлине. Но, несмотря на заключение мира, немецкие военные операции продолжались до начала мая, прежде всего с целью оккупации Украины, от которой немцы рассчитывали получить зерно. Советское правительство неоднократно протестовало против действий немецких войск после заключения мира в Брест-Литовске, но ничего не достигло по причине собственной слабости. Именно в связи с этими событиями немецкий посланник граф фон Мирбах прибыл в Москву лишь в конце апреля месяца.

В то время революционная Москва являлась настоящим шабашем ведьм, в котором убийство и насильственная смерть были обычным явлением. Большевики, хотя и взяли на себя властные правительственные полномочия, вынуждены были разделить их с партией левых социалистов-революционеров. В рядах этой партии состояли и оба убийцы Мирбаха: Яков Блюмкин и Николай Андреев. Отношения между партией большевиков и левыми эсерами были чрезвычайно напряжёнными, в первую очередь по вопросу войны и мира. Большевики пришли к власти под лозунгом выхода из войны и заключения мира с империалистической Германией, чтобы укрепить своё положение внутри страны

при отсутствии внешней угрозы. Левые эсеры, напротив, преследовали цель в союзе с державами Антанты и с их помощью возобновить войну против Германии. Поэтому и убийство Мирбаха, и последующий эсеровский мятеж были нацелены на то, чтобы свергнуть большевиков. Тем не менее мятеж провалился, а имена обоих убийц были установлены уже вечером 6 июля.

Об убийстве рассказывает дневник очевидца — сотрудника германской дипломатической миссии в Москве Фрайхерра Карла фон Ботмера, который уже публиковался в 1922 г., но в сокращённом и приглаженном виде. Несколько лет назад я вместе с одним из его потомков опубликовал оригинал дневника. Ботмер находился в здании посольства, когда произошло убийство. Он работал этажом выше места событий. По его сведениям, события в кратко изложенном виде происходили следующим образом: в субботу 6 июля около 14 часов 15 минут в особняке Берга появились два господина с портфелями и попросили о встрече с немецким послом в связи с арестом в Москве австрийского военнопленного графа фон Мирбаха. Им пришлось прождать около получаса. Затем оба господина предъявили мандат, подписанный председателем Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК) Дзержинским, и поэтому были пропущены без проверки. Позднее выяснилось, что оба (Блюмкин и Андреев) действительно работали в ведомстве Дзержинского. Официальный документ, по-видимому, устранил все возможные подозрения, но в любом случае эти посетители не прошли, как обычно, тщательный досмотр. Посол принял их в комнате рядом с Большим залом (залом приёмов), там же находились советник посольства Рицлер и переводчик лейтенант Мюллер. Андреев скромно держался у двери Большого зала, в то время как Блюмкин, стоя у стола для переговоров, копался в принесённых бумагах и говорил о положении военнопленного графа фон Мирбаха. Затем последовала ключевая фраза: «Дело серьёзное, речь идёт о жизни и смерти графа Мирбаха». Андреев сразу открыл огонь, сделав два выстрела. Два следующих выстрела произвёл Блюмкин. Таким образом, было сделано четыре выстрела, которые, однако, ни в кого не попали. Ни у кого из находившихся в комнате немцев оружия не было. Мирбах, вероятно, пытался бежать через дверь в Большой зал, однако Андреев выстрелом сзади поразил его в голову. Убийцы вскочили на подоконник окна Большого зала, бросили оттуда две гранаты, чтобы прикрыть своё отступление, прыгнули в палисадник и перелезли через забор высотой 2,5 метра. На улице их ждал служебный автомобиль с Лубянки с включённым двигателем.

Уже вечером того же дня в посольство прибыли председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) Свердлов, глава Советского правительства Ленин и председатель ВЧК

Дзержинский. В результате здание посольства оказалось под гораздо более плотной охраной, которую несли красноармейцы, а также вооружённые немецкие военнопленные. В Берлине это покушение не привело к каким-либо политическим последствиям. В Москву был направлен высокопоставленный преемник убитого посла, бывший министр внутренних дел Карл Хельферих, который из-за небезопасной ситуации в Москве перевёл немецкое посольство сначала в Петроград, а затем в Псков, где проходила демаркационная линия между немецкими и советскими войсками. Тем не менее германское правительство продолжало придерживаться линии на сотрудничество с большевистским правительством и заключило с ним 27 августа 1918 г. дополнительный к подписанному в Бресте договор, который должен был устранить множество оставшихся проблем в отношениях между двумя странами. В двух секретных дополнениях были даже согласованы совместные военные действия кайзеровской Германии и большевистской России по захвату Баку на Каспийском море и Мурманска на Белом море, то есть территорий, где в то время находились войска Антанты. Все эти соглашения утратили силу после поражения Германии в войне.

Примечательно, что позднее в семье потомственных дипломатов Мирбахов произошло ещё одно убийство. В 1975 г. в здании посольства ФРГ в Стокгольме немецкими террористами был убит военный атташе барон Андреас фон Мирбах, являвшийся дальним потомком «нашего» графа фон Мирбаха.

Это убийство было далеко не единственным летом 1918 г. в России. Так, 30 июля от пули боевика левых эсеров в Киеве погиб главнокомандующий немецкими войсками на Украине генерал-фельдмаршал Герман фон Эйхгорн. Сам Ленин в конце августа стал целью покушения левых эсеров, но чудом остался жив. Политические убийства в России продолжались: в конце августа того же года погиб руководитель Петроградской ЧК Моисей Урицкий, а чуть ранее (17 июля) в Екатеринбурге была расстреляна вся царская семья. На этот раз организаторами казни стали сами большевики. Таким образом, два летних месяца (июль и август 1918 г.) стали месяцами убийства. Русская революция и Гражданская война тогда ещё не закончились. Лишь годом позже, в 1919 г., после того как союзники по блоку Антанты прекратили интервенцию на севере и юге России, положение Ленина в некоторой степени укрепилось как внутри страны, так и на международной арене.

НЕМЕЦКАЯ «ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА» ЛЕТОМ 1918 ГОДА

Восьмого ноября 1917 г., уже на следующий день после большевистской революции, Ленин по радио провозгласил знаменитый «Декрет о мире». Тем не менее это не произвело ожидаемого эффекта: вместо прекращения «империалистической» войны и начала всемирной пролетарской революции Германия принудила новую Россию заключить с ней «мир под диктатом» в Брест-Литовске.

Во время паузы на переговорах в Брест-Литовске 18 февраля 1918 г. немецкая армия возобновила военные действия на Восточном фронте. Война продолжилась и после подписания 3 марта Брестского мирного договора. Главной целью немецкого наступления была оккупация Украины для обеспечения зерном голодающего населения центрально-европейских государств. Быстро продвигаясь, немецкие и австрийские войска вышли за границы, предварительно согласованные в Бресте: они вошли в Крым, Донскую область и Финляндию. Советское правительство неоднократно выражало протест против этих действий, но тщетно. Министерство иностранных дел Германии было бессильно против Верховного командования германской армии и не сумело предотвратить это военное наступление. И хотя 13 мая генерал Людендорф сообщил рейхсканцлеру Гертлингу и статс-секретарю Кюльману о том, что теперь военные действия на Востоке окончены, напряжённость в отношениях с большевистским правительством, с которым в апреле месяце были восстановлены дипломатические отношения, была далеко ещё не исчерпана. Так, верховное командование германской армии потребовало от большевиков возвращения русского Черноморского флота из Новороссии в Севастополь. Германское военное руководство полагало, что без этого флота будет невозможно обеспечить немецкое превосходство на Чёрном море. Восемнадцатого июня Ленин приказал затопить флот, и только небольшая его часть попала в руки немцев.

В июле и августе 1918 г. большевистское правительство, вынужденное защищаться сразу на нескольких фронтах, элементарно боролось за своё выживание. Наиболее опасным врагом оказался так называемый чехословацкий корпус, состоявший из австро-венгерских военнопленных. Белочехи сражались с большевиками по всей линии Транссибирской железной дороги и угрожающе близко подошли к Москве. Выступление чехословацкого корпуса было поддержано интервенцией стран Антанты на севере и на Дальнем Востоке России. Таким образом, союзники рассчитывали вновь восстановить русский Восточный фронт в войне против Германии. В этой тяжёлой ситуации Ленин поставил на то, чтобы сначала «умиротворить» одного «империалистического хищника» — Германию. Уже в мае он инициировал новые переговоры с Германией,

чтобы использовать полученную по Брестскому мирному договору передышку для упрочения своей власти. Надо сказать, что действия Ленина соответствовали интересам внешнеполитического ведомства в Берлине, и в июле стороны провели переговоры о дополнительном к заключенному в Бресте договору. Двадцать седьмого августа 1918 г. этот договор был подписан в Берлине.

Переговоры, которым активно противодействовало верховное командование германской армии, протекали сложно. В первую очередь речь шла о прекращении поддержки немецкими войсками противника большевиков казачьего генерала Краснова. Однако и немецкие дипломатические представители в Москве — вначале граф фон Мирбах, а затем и его преемник Хельферих — принципиально сомневались в целесообразности договорных соглашений с большевиками. Тем не менее статс-секретарь Кюльман и его преемник на посту главы внешнеполитического ведомства Хинце, несмотря на противодействие, проводили свой «восточный политический курс». Когда 1 августа 1918 г. Советское правительство обратилось к Германии с жизненно важной для него нотой и попросило о военной помощи против войск английских и американских интервентов на севере России, германское министерство иностранных дел предложило своему верховному командованию срочно подготовить наступление немецких войск в направлении Мурманска. И действительно, в конце августа в Берлине между немецкими офицерами и офицерами российского Генерального штаба состоялось обсуждение деталей планируемого военного сотрудничества. Но всё это быстро потеряло значение в связи с неблагоприятным для Германии развитием общей военно-политической ситуации.

В сентябре немецкие дипломатические представители в России продолжали предостерегать Берлин от дальнейшей совместной игры с большевиками. И хотя МИД во главе с Хинце не принимал эти предостережения всерьёз, в октябре были проведены внутренние совещания по вопросу антигосударственной деятельности русского посольства в Берлине, которое возглавлял Адольф Иоффе. Особое внимание было уделено контактам российского посольства с Независимой социал-демократической партией. Когда 31 октября 1918 г. русское правительство не отправило в Германию в соответствии с дополнительным русско-германским договором третью партию золота, немецкое внешнеполитическое ведомство также сняло свои возражения по вопросу о закрытии русского посольства. Пятого ноября 1918 г. весь персонал посольства был выслан из Германии.

Изучая восточную политику Германии летом 1918 г. можно найти множество доказательств того, что исполнение положений Брест-Литовского договора с немецкой стороны затруднялось ожесточённым

противоборством между гражданской властью Германской империи и верховным командованием германской армии. Вместо того чтобы сотрудничать между собой в интересах успешного ведения войны, обе стороны ожесточённо сталкивались друг с другом по вопросу восточной политики. Участниками этого противостояния были с одной стороны первый генерал-квартирмейстер Генерального штаба Эрих Людендорф, а с другой — статс-секретарь министерства иностранных дел Рихард фон Кюльман и его преемник на этом посту Пауль фон Хинце. Концепция «восточной политики» Кюльмана подразумевала минимальную вовлечённость Германии в дела на востоке и максимальную концентрацию военных усилий на западе. Именно поэтому он выступал против требования, выдвинутого верховным командованием германской армии, кайзером и военными, уничтожить большевизм посредством военного наступления на Петроград. Кюльман полагал, что революционные идеи невозможно искоренить только с помощью вооружённого насилия. И в этом пункте в споре с военными он одержал победу. В конечном счёте этот результат и по сей день имеет всемирно-историческое значение, так как верховное командование германской армии после Брест-Литовска хотело уничтожить большевиков маршем на Москву и Петроград. Но военным не удалось реализовать этот план, поскольку Кюльман, а затем и Хинце каждый раз бросали на чашу весов решающий аргумент в пользу того, что господство большевиков в России надолго оставит её в состоянии слабости и особенно парализует её в военном отношении. В конкретной ситуации лета 1918 г. это сулило Германии большие преимущества.

Отправной точкой для формирования немецкой восточной политики в 1918 г. стало заседание коронного совета Германской империи в Хомбурге 13 февраля того же года. Источники свидетельствуют, что Кюльман после неожиданного заявления «Ни войны, ни мира», сделанного Троцким 10 февраля 1918 г., не хотел добиваться мира на востоке военным путём, а довольствовался бы подвешенным состоянием в отношениях с Россией. Это была программа с очень серьёзными последствиями. Чтобы это понять, надо задать вопрос: а что произошло бы, если бы Кюльман тогда смог провести свою линию до конца? Во всяком случае, был бы продекларирован отказ от тех военных планов на востоке, за которые выступал Людендорф. Этот отказ носил осознанный характер, так как Кюльман, в отличие от Людендорфа, полагал, что потенциальные границы немецкого могущества имеют свои пределы. По замыслу Кюльмана, для большого наступления на западе в 1918 г. (последней козырной карты верховного командования германской армии в последний год войны) необходимо было сосредоточить значительно больше войск, чем в действительности имелось на Западном фронте. Однако 21 марта 1918 г. (в день начала большого наступления) на востоке всё ещё находился один миллион немецких солдат. Если бы

верховное командование германской армии в первые недели весеннего наступления отправило на запад хотя бы часть из них (полмиллиона или больше), то перспективы этой операции, конечно, были бы более благоприятными для немецкой стороны. Вместо того чтобы перебросить войска с востока на запад, как этого хотел Кюльман, Людендорф оставил войска на востоке для «укрепления немецкого могущества». Из-за трудностей, связанных с комплектованием боевых частей, он планировал отправить на Западный фронт красногвардейцев, взятых в плен в Финляндии, собирався объявить призыв в армию немецких колонистов на юге России, в Крыму и на Кавказе, а также обучать на оккупированных территориях (Финляндия, Кавказ) национальные вспомогательные военизированные подразделения.

Соображения такого рода заставляют задуматься о том, каким образом германские власти позиционировали себя перед феноменом большевизма. Совместная русско-немецкая игра летом 1918 г., также как и санкционированное немецким военным командованием путешествие Ленина через Германию в легендарном «пломбированном» вагоне в апреле 1917 г. и Брест-Литовский мирный договор, рассматривалась немецкой стороной лишь как средство ведения войны. Только так эту политику можно понять и оценить, учитывая сложившуюся на тот момент военную ситуацию и глобальные интересы германской верхушки.

Какие же политические планы в отношении России имелись во внешнеполитическом ведомстве Германии? По мнению Кюльмана и Хинце, власть большевиков означала военное бессилие России, которое, в свою очередь, обеспечивало Германии минимальный уровень спокойствия на востоке. Поэтому они были заинтересованы не только в попустительстве большевизму, но и в содействии ему и даже были готовы спасти его от гибели в моменты угрожающего ему краха. Помощь осуществлялась, например, в форме передачи денежных средств (так называемые «миллионы для Ленина») во времена миссии Мирбаха и Хельфериха. Основная цель заключалась в том, чтобы предотвратить опасность переориентации большевиков на державы Антанты. Косвенная военная поддержка большевиков выражалась в том, что Германия предоставила им возможность отвести войска с демаркационной линии на западе, чтобы использовать их на чехословацком фронте на востоке. В критические для большевистской власти моменты, например в августе 1918 г. германское внешнеполитическое ведомство даже намеревалось прибегнуть к военной силе, чтобы спасти Советское правительство от падения.

Отвечая на вопрос, как в правительстве Германии оценивали опасность большевизма, следует сказать, что там и особенно в министерстве иностранных дел на этот счёт предавались определённым иллюзиям. В частности, Хинце полагал, что действует в традициях Макиавелли, ког-

да в сентябре 1918 г. сознательно приукрашивал перед лицом немецкой общественности информацию о красном терроре в России. Исходя из собственного опыта, полученного в ходе переговоров в Брест-Литовске, а затем и благодаря докладам Мирбаха и Рицлера Кюльман был прекрасно осведомлён о сущности большевизма. Посол Хельферих и генеральный консул в Москве Хаушильд буквально умолял Хинце не иметь дел с «очевидными банкротами» и «силами, действующими с целью подрыва немецкой государственности». Но имелись ли у германского внешнеполитического ведомства какие-либо альтернативы советской власти? Да, они назывались в самых различных политических комбинациях: Московский правый центр, Временное Сибирское правительство, латышские полки, казачьи полки генерала Краснова на юге России. Этим группировкам даже давались деньги, хотя и в скромном объёме. Немецкие дипломаты и военные заверяли правительство в том, что для свержения большевистской власти, которой угрожали голодные бунты и белочехи, необходим лишь небольшой толчок. Генерал Макс Гофман, начальник штаба Главного командования германских войск на востоке, ещё в октябре предлагал начать поход подчинённых ему войск на Москву, однако «высшие политические соображения» не позволили внешнеполитическому ведомству Германии дать зелёный свет интервенции, направленной против большевистского правительства.

Генерал Людендорф, несмотря на лучшее понимание ситуации, уступил летом 1918 г. подкупающей логике Хинце, что следует прагматично сотрудничать с большевиками, используя их при этом в своих интересах. Уже после войны он полагал, что всё-таки было бы лучше «войсками, которые у нас были на востоке, нанести один короткий удар по Петрограду, а другой удар с помощью донских казаков направить на Москву. Это было бы правильней, чем держать оборону на протяжённых фронтах».

Настоящим победителем русско-германской игры лета 1918 г. был Ленин. Во время «тяжёлого отступления», как он в последующие годы оценивал Брестский договор и его последствия, Ленин получил передышку, необходимую для консолидации и укрепления своей власти.

В советской историографии Брестский мир и последовавший за ним период «лавирования, выжидания и отступления» рассматриваются как классический пример ленинской тактики использования «глубоких противоречий в империалистическом лагере» для разложения сил противника и расширения основ большевистской власти. К этой оценке нечего добавить.

Восьмого ноября 1918 г. в Компьене немецкой комиссии по перемирию были зачитаны условия капитуляции. В этот же день исполнился год большевистскому «Декрету о мире». Именно в этот день Ленин произнёс

в Москве речь, в которой вынес такой вердикт немецкой восточной политике, по сути — восточной политике Людендорфа, своего фактического оппонента в вопросе о Брестском мире: «Мы видим, что Германия могла бы удержать своё господство и, несомненно, могла бы завоевать себе выгодное положение на Западе, если бы во время брестских переговоров она оказалась бы сколько-нибудь владеющей собой, сколько-нибудь хладнокровной и способной воздерживаться от авантюры. <...> Сначала он [германский империализм] невероятно раздулся на три четверти Европы, разжирел, а потом он тут же лопнул, оставляя страшнейшее зловоние»¹.

1 Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 37. М., 1958–1983. С. 158–160.

Winfried Baumgart

Politiche tedesche nei confronti della Russia nel 1918

Traduzione di Nicoletta D'Alessandro

Si prova un sentimento molto strano nel prendere la parola in questi locali e proprio nel luogo in cui, esattamente cento anni or sono, fu ucciso l'Ambasciatore germanico, il conte Wilhelm von Mirbach. Io lo provo ancor di più, perché oltre sessant'anni fa scrissi la mia tesi di dottorato sulle relazioni russo-tedesche nell'estate del 1918 e, dunque, conosco bene quegli avvenimenti.

Ancora infuriava la Prima guerra mondiale sul fronte occidentale (in Francia, nei Balcani e in Turchia), quando, il 3 marzo 1918 a Brest-Litovsk, fu firmata la pace fra la Germania e la nuova Russia. Fu una “pace sotto diktat”, letteralmente imposta dall'alto comando tedesco, nonostante l'opposizione del governo imperiale a Berlino. Tuttavia, a dispetto della conclusione del trattato di pace, le operazioni militari tedesche continuarono fino all'inizio di maggio, innanzi tutto allo scopo di occupare l'Ucraina, dalla quale i tedeschi confidavano di ottenere grano. Il governo sovietico protestò ripetutamente contro le azioni dell'esercito tedesco dopo la conclusione della pace di Brest-Litovsk, ma non ottenne nulla, a causa della propria intrinseca debolezza. Proprio in relazione a questi fatti, l'inviato tedesco, il conte Mirbach, arrivò a Mosca solo alla fine del mese di aprile.

A quel tempo, la Mosca rivoluzionaria era un vero e proprio “sabba di streghe”, in cui l'omicidio e la morte violenta erano un fatto ordinario. I bolscevichi, per quanto avessero assunto i pieni poteri di governo, erano costretti a dividerli con il Partito dei socialisti rivoluzionari di sinistra. Tra le fila di questo partito si contavano anche entrambi gli assassini di Mirbach, Jakob Bljumkin e Nikolaj Andreev. I rapporti fra i bolscevichi e gli “SR” di sinistra erano quanto mai tesi, in primo luogo sulla questione della guerra e della pace. I bolscevichi erano giunti al potere con lo slogan dell'uscita dalla guerra e della conclusione della pace con la Germania imperialista, per consolidare la propria posizione all'interno del paese in assenza di minacce esterne. I Socialrivoluzionari di sinistra, invece, alleati con le potenze dell'Intesa e grazie al loro aiuto,

perseguivano lo scopo di rinfocolare la guerra contro la Germania. Per questo, anche l'omicidio di Mirbach e la conseguente sollevazione degli "SR" furono finalizzati a rovesciare i bolscevichi. Cionondimeno, la rivolta fallì e i nomi dei due assassini furono individuati già la sera del 6 luglio.

Dell'omicidio riferisce il diario di un testimone oculare, il collaboratore della missione diplomatica tedesca a Mosca, Freiherrn Karl von Bothmer. Il diario fu pubblicato già nel 1922, ma in forma edulcorata e ridotta. Alcuni anni fa, insieme ad un discendente di Bothmer, ho pubblicato il testo originale del memoriale. Quando avvenne l'omicidio, Bothmer si trovava nell'edificio dell'Ambasciata che occupava una villa di proprietà dell'industriale Berg. Stava lavorando al piano superiore. Secondo quanto da lui riportato, i fatti, esposti in breve, si svolsero nel seguente modo: sabato 6 luglio, intorno alle 14.15, si presentarono a Villa Berg due uomini, ognuno con una borsa portadocumenti, e chiesero di conferire con l'Ambasciatore tedesco, in merito all'arresto avvenuto a Mosca del prigioniero di guerra austriaco, il conte Mirbach. Dovettero attendere circa mezz'ora. Dopodiché, entrambi esibirono un mandato firmato dal Presidente della Commissione straordinaria panrusa per la lotta alla controrivoluzione e al sabotaggio (VČK) Dzeržinskij e, naturalmente, furono fatti entrare senza ulteriori controlli. In seguito, si sarebbe chiarito che entrambi (Bljumkin e Andreev) effettivamente erano alle dipendenze dell'ente guidato da Dzeržinskij. Evidentemente, il documento ufficiale aveva allontanato ogni eventuale sospetto, comunque i due visitatori non furono controllati scrupolosamente come d'abitudine. Furono ricevuti dall'Ambasciatore in una stanza accanto al "Salone" (la sala dei balli), dove si trovavano anche il consigliere d'Ambasciata Riezler e il sottotenente Müller. Andreev si teneva discretamente vicino alla porta del Salone, mentre Bljumkin, in piedi accanto al tavolo delle trattative, frugava tra le carte che aveva portato con sé e parlava della situazione del conte Mirbach, prigioniero di guerra. Dopodiché, seguì la frase chiave: "L'affare è serio, è questione di vita o di morte per il conte Mirbach". Andreev si pose davanti alla porta e immediatamente aprì il fuoco, sparando due colpi. Bljumkin sparò altri due colpi. Così furono prodotti quattro spari, che però non colpirono nessuno dei presenti. Nessuno dei tedeschi nella sala era armato. Mirbach, con ogni probabilità, cercò di fuggire attraverso la porta nel salone, ma Andreev lo colpì alla testa sparandogli alle spalle. Gli assassini scattarono sul davanzale di una finestra del salone, gettarono da lì due granate per coprirsi la fuga e saltarono nel giardino, dove scavalcarono la recinzione alta due metri e mezzo. In strada li attendeva un'automobile di servizio della Lubjanka, con il motore acceso.

La sera stessa, giunsero all'Ambasciata il Presidente del Comitato centrale esecutivo panrusso (VCIK) Sverdlov, il Capo del Governo sovietico Lenin e il Presidente della VČK Dzeržinskij. Di conseguenza, l'edificio dell'Ambasciata fu sottoposto ad una sorveglianza molto più stretta, che fu assicurata da militi

dell'Armata Rossa ed anche da prigionieri di guerra tedeschi. A Berlino questo attentato non produsse alcuna conseguenza politica. Fu inviato a Mosca a succedere all'Ambasciatore ucciso un personaggio d'alto rango, l'ex Ministro degli Interni Karl Helfferich, il quale, a causa della situazione di insicurezza di Mosca, trasferì l'Ambasciata tedesca prima a Pietrogrado, poi a Pskov, dove passava la linea di demarcazione tra l'esercito tedesco e quello sovietico. Cionondimeno, il governo germanico continuò ad attenersi ad una politica di collaborazione con il governo bolscevico e il 27 agosto 1918 concluse con esso un accordo aggiuntivo rispetto a quello firmato a Brest-Litovsk, che avrebbe dovuto risolvere moltissimi dei problemi rimasti aperti nei rapporti fra i due paesi. In due allegati segreti furono perfino concordate azioni militari comuni tra la Germania del Kaiser e la Russia bolscevica, per conquistare Baku, sul mar Caspio, e Murmansk, sul mar Bianco, cioè due territori dove in quel momento si trovavano le truppe dell'Intesa. Tutti questi accordi persero il proprio valore dopo la sconfitta in guerra della Germania.

È significativo che la dinastia di diplomatici Mirbach abbia subito, successivamente, anche un altro omicidio. Nel 1975 nell'edificio dell'Ambasciata della Repubblica Federale di Germania a Stoccolma, l'addetto militare, un lontano discendente del "nostro" conte Mirbach, fu ucciso da terroristi tedeschi.

Questo omicidio non fu affatto l'unico, nell'estate del 1918 in Russia. Il 30 luglio, fu abbattuto a Kiev, dalla pallottola di un miliziano degli "SR" di sinistra, il comandante in capo delle truppe tedesche in Ucraina, il generale feldmaresciallo von Eichhorn. Lo stesso Lenin, alla fine di agosto, fu preso di mira da un attentato dei Socialrivoluzionari di sinistra, ma rimase vivo per miracolo. Gli omicidi politici in Russia continuavano: alla fine di agosto dello stesso anno per il capo della Čeka di Pietrogrado, Moisej Urickij, e poco prima (il 17 luglio), a Ekaterinburg, era stata fucilata la famiglia imperiale al completo. Questa volta gli organizzatori dei delitti erano stati i bolscevichi. Così, i due mesi estivi di giugno e di agosto del 1918 divennero i "mesi degli omicidi". La rivoluzione russa e la guerra civile non erano ancora terminate. Solamente un anno più tardi, nel 1919, dopo che gli alleati del blocco dell'Intesa ebbero cessato l'intervento nelle regioni settentrionali e meridionali della Russia, la posizione di Lenin in una certa misura si consolidò sia all'interno del paese, sia nell'arena internazionale.

L’8 novembre 1917, cioè già il giorno dopo la rivoluzione bolscevica, Lenin proclamò per radio a tutto il mondo il famoso “Decreto sulla pace”. Tuttavia, ciò non produsse l’effetto desiderato: invece di interrompere la guerra “imperialista” e dare inizio alla rivoluzione proletaria mondiale, la Germania costrinse la nuova Russia a concludere con essa una “pace sotto diktat”, a Brest-Litovsk.

Durante una pausa delle trattative a Brest-Litovsk, il 18 febbraio 1918, l’esercito tedesco riprese le azioni di guerra sul fronte orientale. La guerra continuò anche dopo la firma del trattato di pace, avvenuta il 3 marzo. L’obiettivo principale dell’offensiva tedesca era quello di occupare l’Ucraina, per garantire la fornitura di grano alla popolazione affamata degli stati dell’Europa Centrale. Con una rapida avanzata, le truppe tedesche e austriache superarono i confini precedentemente concordati a Brest ed entrarono in Crimea, nella regione del Don e in Finlandia. Il Governo sovietico protestò ripetutamente contro tali azioni, ma inutilmente. Il Ministero degli Esteri della Germania era impotente nei confronti del Comando supremo dell’esercito tedesco e non osava scongiurare questo attacco militare. E, sebbene il 13 maggio il generale Ludendorff avesse comunicato al Cancelliere del Reich Hertling ed al Segretario di Stato Kühlmann che le operazioni militari ad Est erano terminate, la tensione nei rapporti con il governo bolscevico, con il quale in aprile erano state ripristinate le relazioni diplomatiche, era tutt’altro che esaurita. Così, il Comando supremo dell’esercito tedesco pretese dai bolscevichi che facessero tornare la flotta russa del mar Nero da Novorossijsk a Sebastopoli. La dirigenza militare germanica riteneva di non essere in grado di garantire la superiorità tedesca sul mar Nero in assenza di tale flotta. Il 18 giugno Lenin ordinò di affondare la flotta e solo una piccola parte di essa cadde nelle mani dei tedeschi.

Nel luglio e nell’agosto del 1918 il governo bolscevico, costretto a difendersi su vari fronti contemporaneamente, lottava semplicemente per la sopravvivenza. Il nemico più pericoloso risultò essere la cosiddetta “Legione cecoslovacca”, costituita da prigionieri di guerra austro-ungarici. I cechi bianchi combattevano contro i bolscevichi lungo tutta la linea della ferrovia Transiberiana arrivando minacciosamente vicini a Mosca. Le azioni della Legione cecoslovacca erano sostenute dall’intervento dei paesi dell’Intesa nel settentrione e nell’Estremo Oriente russo. In tal modo, gli alleati contavano di riaprire un fronte russo orientale nella guerra contro la Germania. In questa difficile situazione Lenin puntò sul fatto di “placare” dapprima uno dei “rapaci imperialisti”, la Germania. Già a maggio egli diede inizio a nuove trattative con la Germania, al fine di sfruttare il momento di tregua

ottenuto con il trattato di Brest per consolidare il proprio potere. Bisogna dire che le azioni di Lenin rispondevano agli interessi dell’istituzione guida della politica estera di Berlino e in luglio le parti portarono avanti le trattative per raggiungere un accordo integrativo rispetto a quello concluso a Brest. Il 27 agosto 1918, tale accordo fu sottoscritto a Berlino. Le trattative, contrastate attivamente dal Comando supremo dell’esercito germanico, erano andate avanti con difficoltà. Innanzi tutto, si era negoziata la cessazione del sostegno da parte delle truppe tedesche all’avversario dei bolscevichi, il generale cosacco Krasnov. Tuttavia, pure i rappresentanti diplomatici a Mosca, prima il conte Mirbach e poi anche il suo successore Helfferich, in linea di principio avevano dubitato che fosse conveniente concludere accordi con i bolscevichi. Cionondimeno, il segretario di stato Kühlmann e il suo successore a capo del Ministero degli Esteri, Hintze, nonostante tutte le opposizioni, avevano condotto una propria “politica orientale”. Quando il 1° agosto 1918 il Governo sovietico si era rivolto alla Germania con una nota di vitale importanza per esso, nella quale chiedeva aiuto militare contro le truppe inglesi e americane intervenute nel nord della Russia, il Ministero degli Esteri tedesco aveva proposto al proprio Comando supremo di organizzare con urgenza un’offensiva tedesca verso Murmansk. Ed effettivamente, alla fine di agosto a Berlino, tra ufficiali tedeschi e ufficiali dello Stato maggiore russo, si discutevano i dettagli della pianificata collaborazione militare. Ma tutto ciò avrebbe perso rapidamente significato, a fronte degli sviluppi infausti della situazione politico-militare generale per la Germania.

In settembre, i rappresentanti diplomatici in Russia continuarono a mettere in guardia Berlino da ulteriori giochi in comune con i bolscevichi. E, per quanto il Ministero degli Esteri con a capo Hintze non prendesse sul serio tali avvertimenti, in ottobre si svolsero alcune riunioni interne sulla questione dell’attività antistatale dell’Ambasciata russa a Berlino, che era guidata da Adolf Joffe. Fu dedicata particolare attenzione ai contatti dell’Ambasciata russa con il Partito socialdemocratico indipendente. Quando, il 31 ottobre 1918, il governo russo non inviò in Germania, come previsto dall’accordo integrativo russo-tedesco, la terza partita di oro, anche il Ministero degli Esteri tedesco abbandonò le proprie obiezioni in merito alla chiusura dell’Ambasciata russa a Berlino. Il 5 novembre 1918, tutto il personale dell’Ambasciata fu espulso dalla Germania.

Studiando la “politica orientale” della Germania nell’estate del 1918, si possono notare numerose dimostrazioni del fatto che l’accesa contrapposizione fra il potere civile dell’Impero germanico e il Comando supremo dell’esercito rese difficile l’applicazione delle condizioni del trattato di Brest-Litovsk da parte tedesca. Invece di collaborare al fine di gestire con successo la conduzione della guerra, entrambe le parti si scontravano aspramente sulla “politica orientale”. Protagonisti di tale contrapposizione erano, da una parte il primo

generale quartiermastro dello Stato maggiore Erich Ludendorff, e dall'altra il segretario di stato del Ministero degli Esteri Richard von Kühlmann e il suo successore in tale incarico, Paul von Hintze. La concezione della "politica orientale" di Kühlmann sottintendeva il minimo coinvolgimento della Germania nelle questioni relative all'oriente e la massima concentrazione degli sforzi militari ad occidente. Proprio per questo, egli si dichiarò contrario alla richiesta avanzata dal Comando supremo dell'esercito tedesco, dal Kaiser e dai militari, di annientare il bolscevismo mediante un'offensiva su Pietrogrado. Kühlmann riteneva impossibile sradicare le idee rivoluzionarie unicamente mediante la violenza armata. E su questo punto nella contesa con i militari, egli strappò la vittoria. In fin dei conti, tale risultato riveste ancora oggi un significato storico mondiale, dal momento che il Comando supremo dell'esercito germanico, dopo Brest-Litovsk avrebbe voluto eliminare i bolscevichi marciando su Pietrogrado e Mosca. Ma i militari non riuscirono a realizzare questo piano, poiché Kühlmann, e in seguito anche Hintze, ogni volta gettavano sul piatto della bilancia l'argomento decisivo che il dominio dei bolscevichi in Russia avrebbe mantenuto a lungo quest'ultima in condizione di debolezza e soprattutto l'avrebbe paralizzata dal punto di vista militare. Nella situazione concreta dell'estate del 1918, ciò prometteva di garantire alla Germania una maggiore superiorità.

Il momento a partire dal quale la "politica orientale" tedesca nel 1918 cominciò a delinearsi fu la seduta del Consiglio della Corona dell'Impero germanico a Homburg, il 13 febbraio dello stesso anno. Gli storici riportano che Kühlmann, dopo l'inattesa dichiarazione di Trockij del 10 febbraio "né guerra, né pace", non voleva ottenere la pace sul fronte orientale militarmente, ma avrebbe invece voluto sfruttare la situazione di sospensione nei rapporti con la Russia. Era un programma dalle conseguenze molto serie. Per comprenderlo, bisogna chiedersi: cosa sarebbe potuto accadere se in quel momento Kühlmann avesse potuto portare avanti la sua linea fino in fondo? In ogni caso, i piani militari relativi al fronte orientale, a favore dei quali era intervenuto Ludendorff, sarebbero stati respinti. Tale rifiuto sarebbe stato intenzionale, poiché Kühlmann, a differenza di Ludendorff, riteneva che le potenziali frontiere della potenza tedesca avessero dei limiti. Secondo il disegno di Kühlmann, per un grosso attacco ad Ovest nel 1918 (ultima carta vincente del Comando supremo dell'esercito germanico nell'ultimo anno di guerra) sarebbe stato necessario concentrare truppe molto più numerose di quelle che in effetti erano presenti sul fronte occidentale. Tuttavia, il 21 marzo 1918, nel giorno d'inizio della grande offensiva, un milione di soldati tedeschi si trovava ancora sul fronte orientale. Se il Comando supremo dell'esercito tedesco nelle prime settimane dell'offensiva di primavera avesse inviato ad Ovest almeno una parte di essi (mezzo milione o di più), le prospettive di tale operazione certamente sarebbero state più favorevoli per la parte tedesca.

Invece di trasferire le truppe da oriente ad occidente, come avrebbe voluto Kühlmann, Ludendorff le lasciò ad Est, per "rinforzare la potenza tedesca". Per far fronte alla difficoltà di completare le unità militari, egli pianificò di inviare sul fronte occidentale i soldati dell'Armata Rossa presi prigionieri in Finlandia; inoltre, si apprestò a chiamare alle armi i coloni tedeschi nel sud della Russia, in Crimea e nel Caucaso, ed anche ad istruire delle unità ausiliarie nazionali nei territori occupati (Finlandia e Caucaso). Considerazioni di questo tipo fanno riflettere sul modo in cui le autorità tedesche si ponevano di fronte al fenomeno del bolscevismo. Il gioco russo-tedesco nell'estate del 1918, così come il viaggio di Lenin attraverso la Germania, condannato dal Comando supremo tedesco, nel leggendario "vagone blindato" nell'aprile del 1917, e il trattato di pace di Brest-Litovsk, venivano considerati dalla parte tedesca solo come strumenti per la conduzione della guerra. Solamente così si può comprendere e valutare questa politica, tenendo conto della situazione militare che in quel momento si era complicata e degli interessi globali dei vertici germanici.

Quali piani politici si elaboravano nei confronti della Russia nell'istituzione a capo della politica estera tedesca? Secondo Kühlmann e Hintze il potere dei bolscevichi avrebbe significato l'impotenza militare della Russia, che a propria volta, avrebbe garantito alla Germania un minimo livello di tranquillità ad oriente. Per questo essi ebbero interesse non solo ad alimentare una certa connivenza con il bolscevismo, ma anche ad interagire con esso e furono perfino pronti a salvarlo dalla rovina nei momenti in cui esso rischiò il fallimento. L'aiuto si realizzò, ad esempio, sotto forma di invio di mezzi in denaro (i cosiddetti "milioni per Lenin"), al tempo delle missioni di Mirbach e di Helfferich. L'obiettivo fondamentale fu quello di prevenire il rischio che i bolscevichi cambiassero orientamento, a favore delle potenze dell'Intesa. Il sostegno militare indiretto ai bolscevichi consistette nel fatto che la Germania permise loro di spostare truppe dalla linea di demarcazione ad occidente, per utilizzarle sul fronte cecoslovacco ad oriente. Nei momenti critici per il potere bolscevico, ad esempio nell'agosto del 1918, il Ministero degli Esteri tedesco pensò perfino di ricorrere alla forza militare, per salvare il Governo sovietico dalla caduta.

Rispondendo alla domanda su come nel governo della Germania si valutava il pericolo del bolscevismo, bisogna dire che lì, e soprattutto nel Ministero degli Esteri, a tal proposito si nutrivano determinate illusioni. In particolare, Hintze credette di agire nella tradizione di Machiavelli, quando nel settembre del 1918, abbellì consapevolmente agli occhi dell'opinione pubblica tedesca, le informazioni sul "terrore rosso" in Russia. A partire dalla propria esperienza personale, vissuta nel corso delle trattative a Brest-Litovsk, ed in seguito grazie alle relazioni di Mirbach e Riezler, Kühlmann era pienamente informato sulla sostanza del bolscevismo. L'Ambasciatore Helfferich e il console

generale a Mosca Hauschild letteralmente supplicavano Hintze di non avere a che fare con “fallimenti evidenti” e con “forze che agiscono allo scopo di far saltare in aria il sistema statale tedesco”. Ma il Ministero degli Esteri tedesco aveva alternative al potere sovietico? Sì, esse portavano il nome delle più diverse combinazioni politiche: Centro moscovita di destra, Governo provvisorio della Siberia, divisioni lettoni, divisioni cosacche del generale Krasnov nella Russia meridionale. Anche a questi raggruppamenti venivano erogati finanziamenti, sebbene in quantità modesta. I diplomatici tedeschi e i militari assicuravano al governo che per rovesciare il potere bolscevico, minacciato dalle ribellioni per fame e dai cechi bianchi, sarebbe bastata una piccola spinta. Il generale Max Hoffmann, capo di Stato maggiore del Comando principale delle truppe tedesche ad oriente, ancora in ottobre propose di dare inizio all’offensiva delle truppe a lui subordinate su Mosca, tuttavia “considerazioni politiche di ordine superiore” non permisero al Ministero degli Esteri della Germania di dare “luce verde” all’intervento diretto contro il governo bolscevico.

Il generale Ludendorff, nonostante una migliore comprensione della situazione, nell’estate del 1918 fece un passo indietro di fronte all’accattivante logica di Hintze, che consisteva nel credere che occorresse collaborare pragmaticamente con i bolscevichi, sfruttandoli nel contempo per i propri interessi. Già dopo la guerra, egli riteneva che in ogni caso sarebbe stato meglio che «le truppe stanziato ad oriente avessero condotto un breve attacco a Pietrogrado ed anche dirigere un altro attacco, con l’aiuto dei cosacchi del Don, contro Mosca. Sarebbe stato più corretto che mantenere la difesa su fronti tanto estesi».

Il vero vincitore del gioco russo-tedesco dell’estate del 1918 fu Lenin. Nel periodo della “pesante ritirata”, come egli negli anni successivi avrebbe definito il trattato di Brest e le sue conseguenze, Lenin ottenne la tregua necessaria a consolidare e rafforzare il proprio potere.

Nella storiografia sovietica la pace di Brest e il periodo successivo ad essa di “bordeggiamento, indugio e ripiegamento” sono considerati come un esempio classico della tattica leniniana di sfruttare “le profonde contraddizioni nel campo imperialista” per disgregare le forze dell’avversario e allargare le basi del potere bolscevico. A questa valutazione non c’è nulla da aggiungere.

L’8 novembre 1918 a Compiègne, alla Commissione tedesca per l’armistizio furono lette le condizioni della capitolazione. Lo stesso giorno il “Decreto sulla pace” bolscevico compiva un anno. Proprio quel giorno, a Mosca, Lenin pronunciò un discorso nel quale emise il proprio verdetto sulla “politica orientale tedesca”, in sostanza sulla “politica orientale” di Ludendorff, suo avversario nella questione della pace di Brest: «Vediamo che la Germania avrebbe potuto mantenere il proprio dominio e, indubbiamente, avrebbe potuto conquistarsi una posizione di rilievo in Europa, se al tempo delle trattative di Brest fosse stata un poco padrona di se stessa, se

avesse avuto un poco di sangue freddo e fosse stata appena un poco capace di astenersi dalle avventure. Dapprima esso [l’imperialismo tedesco] si gonfiò incredibilmente su tre quarti d’Europa, ingrassò, e poi, qui stesso, scoppiò lasciando dietro di sé un orribile fetore»¹.

1 V.I. Lenin, *Opere Complete*, Vol. 37, Moskva 1958–1983, pp. 158–160.

Неофициальные немецкие военные атташе в Советской России (1918–1933 годы)

Перевод с нем. Маттиаса Уля

Статья 179 Версальского мирного договора запрещала Германской империи содержание своих военных миссий в зарубежных странах. И хотя она не содержала прямого упоминания о военных атташе, на её основе в 1920 г. на уровне германского правительства было принято решение об отзыве всех ещё оставшихся за границей немецких военных представителей. Таким образом, с весны 1920 г. Германия больше не имела своих военных атташе за границей¹.

В 1922 г. Германия и Советская Россия заключили мирный договор в Рапалло. Ещё до его подписания командование сухопутных сил рейхсвера² во главе с генералами Гансом фон Сектом и Куртом фон Шлейхером установило контакты с командованием Красной армии. Для этого в составе так называемого войскового управления, которое фактически выполняло функции запрещённого Версалем Генерального штаба, была создана специальная группа «Р» («Россия»), возглавляемая сначала капитаном Фрицем Шубертом, а позднее сменившим его майором Гербертом Фишером. Для рейхсвера, который с ведома рейхсканцлера Йозефа Вирта установил и поддерживал контакты с Красной армией, Рапалльский договор, хотя и не содержащий тайных военных положений, давал возможность «обходить требования <...> Версаля, использовать территорию другой страны для усиления немецкого военного потенциала». В первую очередь командование рейхсвера было заинтересовано в том, чтобы сотрудничество с Советской Россией предотвратило превращение оставшегося ядра германских

1 См.: *Kehrig M. Die Wiedereinrichtung des deutschen militärischen Attachédienstes nach dem Ersten Weltkrieg (1919–1933)*. Boppard am Rhein: Harald Boldt Verlag, 1966. S. 10 f.

2 Рейхсвер (die Reichswehr) — вооружённые силы Германии в 1919–1935 гг., ограниченные по составу и численности условиями Версальского мирного договора 1919 г.

вооружённых сил «в отсталые в ментальном, тактическом и техническом отношении полицейские части <...> застывшие в этом положении и потерявшие всякую связь с дальнейшим развитием военного искусства»³.

Поэтому сотрудничество германского рейхсвера с Красной армией было направлено в первую очередь на технические и военные разработки тех видов вооружений, которые были запрещены Германией Версальским договором: военной авиации и тактики её применения, танков и их боевого использования, а также боевых отравляющих веществ. В свою очередь, ещё молодая Красная армия должна была получить от Германии помощь в развитии необходимой ей собственной оборонной промышленности, а также в подготовке командиров старшего и высшего командного звена на специальных академических курсах⁴. В феврале 1923 г. для проведения соответствующих переговоров по этим вопросам в Москву отправился начальник войскового управления рейхсвера генерал-майор Отто Хассе. Его сопровождали доверенные сотрудники генерала фон Секта майор Фриц Чунке и капитан Герберт Фишер. В результате переговоров немецкой стороне было разрешено разместить на советской территории учебные и испытательные центры по тем видам вооружений, которые были запрещены Германией Версальским договором. В свою очередь, Красная армия получила возможность отправлять своих командиров на академические курсы Генерального штаба в Германию⁵.

Руководством и координацией работы военных объектов рейхсвера в Советском Союзе занималась уже упомянутая специальная группа «Р», которая в интересах соблюдения секретности и маскировки тесно сотрудничала с министерством иностранных дел Германии. Соответствующей немецкой инстанцией непосредственно в СССР стал созданный не позднее второй половины 1924 г. так называемый Московский центр (Zentrale Moskau, ZMo), который возглавил полковник запаса Герман фон дер Лит-Томсен. Этот бывший летчик кайзеровской авиации летом 1919 г. был уволен с военной службы и с этого времени активно участвовал в работе по установлению контактов с Красной армией. В ZMo также работал майор Оскар Риттер фон Нидермайер, который тоже сыграл важную

3 См.: *Speidel H. Reichswehr und Rote Armee // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte*. 1. Jahrgang. 1953. S. 17.

4 См. подробнее: *Захаров В.В. Военные аспекты взаимоотношений СССР и Германии: 1921 – июнь 1941 гг.* М.: ГИИС, 1992; *Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР: Красная армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество, 1922–1933. Неизвестные документы.* М.: Сов. Россия, 1992; *Zeidler M. Reichswehr und Rote Armee 1920–1933. Wege und Stationen einer ungewöhnlichen Zusammenarbeit.* München, 1993; *Кантор Ю. Заклятая дружба. Секретное сотрудничество СССР и Германии в 1920–1930-е годы.* СПб.: Питер, 2009.

5 См.: *Kehrig M. Op. cit.* S. 60–62.

роль в установлении отношений с Красной армией⁶. Задачей ЗМо было общее руководство немецкими военными объектами в Советском Союзе и поддержание связи с Народным комиссариатом по военным и морским делам СССР⁷.

В рамках своей работы в Москве Лит-Томсен и Риттер фон Нидермайер поддерживали тесные контакты с тогдашним послом Германии в СССР графом Ульрихом фон Брокдорф-Ранцау. При этом Лит-Томсена связывали с послом близкие дружественные отношения. Фактически «господин Лит-Томсен, с учётом направляемой им в Берлин отчётности, одновременно выполнял часть функций, которые при нормальном положении дел должны были выполняться военным атташе»⁸.

Например, летом 1925 г. Лит-Томсен, посетив посла фон Брокдорф-Ранцау, сообщил ему, что министерство рейхсвера в лице генерала Хассе ожидает от своих военных в Москве регулярных отчётов по политическим вопросам, которые должны готовиться независимо от посольства, потому что отчёты последнего имеют определенную политическую окраску. При этом Лит-Томсен отклонил саму возможность подготовки дипломатами материалов такого рода, так как «по его мнению, при разработке политических отчётов должно приниматься во внимание только мнение посла». Поскольку руководство рейхсвера в Берлине настаивает на представлении самостоятельных отчётов квазивоенного атташе, выходом из этой ситуации мог бы стать отзыв Лит-Томсена из Москвы либо возможность передачи этих документов послу для предварительного просмотра и «утверждения». Фон Брокдорф-Ранцау согласился с этим предложением, потому что, учитывая общую политическую ситуацию, внешнеполитическому ведомству нельзя было допустить разрыва с министерством рейхсвера. Это было невозможно ещё и потому, что посол «видел в нынешних отношениях министерства рейхсвера с Советским правительством самый надёжный, если не единственный, связующий элемент сотрудничества Германии с Советской Россией». С точки зрения отдалённой перспективы «такое положение, конечно, не может быть долговременным»⁹.

В заключение беседы с министром иностранным дел Германии Густавом Штреземаном в октябре 1925 г. советский полпред в Берлине

6 См. подробнее: Захаров В.В. Между Берлином и Москвой: руководитель спецгруппы «Р» германского рейхсвера Оскар Риттер фон Нидермайер // Люди между народами. Действующие лица российско-германской истории XX в. / под ред. А.Ю. Ватлина и др. М.: РОССПЭН, 2010. С. 75–86.

7 См.: Zeidler M. Op. cit. S. 205 f.; Roewer H. Skrupellos. Die Machenschaften der Geheimdienste in Russland und Deutschland, 1914–1941. Leipzig, 2004. S. 455.

8 См.: Kehrig M. Op. cit. S. 63.

9 См.: Aufzeichnungen des Botschafters in Moskau Graf von Brockdorff-Rantzau. 18.08.1925 // ADAP. Serie A. Bd. XIV. S. 19.

Николай Крестинский выразил желание, «чтобы сотрудник советского полпредства, который в действительности является военным атташе (речь шла о командире Красной армии Сергее Петренко-Лунева), мог теперь также и официально упоминаться в этом качестве. Ему неизвестно (заявил полпред), как с этим обстоит дело в Германии и позволяет ли Версальский договор подготовку и содержание немецких военных атташе. Однако ему известно, что двое господ в Москве (здесь подразумевались Лит-Томсен и Нидермайер) де-факто исполняют обязанности военных атташе. Если же нынешний советский военный атташе в Германии не может официально упоминаться в этом качестве, при этом поддерживая отношения с министерством рейхсвера, то это может создать впечатление, что у немецкой стороны существуют какие-то тайные соглашения с Россией. Он (Крестинский), полагает, что открытое название должности военного атташе было бы правильным»¹⁰. Штреземану оставалось лишь согласиться с этим предложением.

Однако направление полноправного официального представителя для поддержания контактов между рейхсвером и Красной армией состоялось только к концу 1920-х гг. Не позднее лета 1929 г. эту функцию начал исполнять полковник Ганс Хальм, который работал в качестве референта в бюро немецкого посла в Москве и имел задание информировать Берлин о положении дел в Красной армии. Тем не менее остаётся спорным вопрос, занимал ли полковник официальное положение в посольстве и может ли, таким образом, рассматриваться как «первый настоящий военный атташе», пусть даже «не именуемый так до сих пор официально»¹¹.

И только преемник Хальма полковник Эрнст-Август Кёстринг стал тем офицером, при котором должность официального представителя рейхсвера при советских вооружённых силах наконец-то приняла формы, поддающиеся официальному определению должности военного атташе. Этот военный родился в 1876 г. в посёлке Серебряные Пруды Тверской губернии в семье русской матери и отца немецкого происхождения¹², провёл свою юность в России и поэтому прекрасно знал не только русский язык, но и особенности жизни в этой стране. В 1895 г. Кёстринг добровольцем вступил в ряды прусской армии и затем участвовал в Первой мировой войне, дослужившись до звания капитана. В 1916 г. он был тяжело ранен и после возвращения из госпиталя в конце 1917 г. получил назначение в германскую военную миссию в Турции. После создания рейхсвера в 1920–1922 гг.

10 См.: Aufzeichnungen des Reichsministers des Auswärtigen Stresemann. 29.10.1925 // ADAP. Serie A. Bd. XIV. S. 504.

11 См.: Kehrig M. Op. cit. S. 63.

12 Его отец, Август Кёстринг, был издателем и управляющим имением Серебряные Пруды в Тульской губернии, которое принадлежало графу С.Д. Шереметеву.

Кёстринг в качестве референта по России служил в так называемом отделе военной статистики ТЗ войскового управления рейхсвера. Под этим названием в действительности скрывалась служба военной разведки. Затем Кёстринг проходил службу в ряде войсковых частей, и наконец, получив чин майора, в 1925 г. он вновь вернулся в министерство рейхсвера, получив должность адъютанта генерала фон Секта в штабе сухопутных сил. Два года спустя он вновь был направлен в войска и до получения назначения в Москву занимал должность командира 10-го кавалерийского полка¹³.

В среде командирского корпуса Красной армии Кёстринг пользовался большим уважением, что можно объяснить «его почти инстинктивным пониманием русского менталитета, поэтому советские командиры питали к нему почти безграничное доверие, что являлось лучшей предпосылкой для его успешной работы в Москве». Кроме того, этот немецкий офицер был вхож в многочисленные неофициальные военные кружки Красной армии и потому был хорошо осведомлён о состоянии советских вооружённых сил и о положении дел в стране в целом. Свои наблюдения и впечатления он регулярно передавал в министерство рейхсвера в Берлине. Однако Кёстринг не имел никаких связей с действовавшим в это же время в Москве центром рейхсвера ZMo, поскольку, вероятно, получил указание избегать любых контактов с центром по соображениям секретности.

Хотя Кёстринг исполнял в Москве обязанности военного представителя, не будучи назначенным на эту должность официально, его можно было назвать образцом военного атташе. Между этим офицером и немецким посольством существовали тесные доверительные отношения, и, несмотря на то что его официальное прикомандирование к дипломатической миссии, вероятно, ещё не было оформлено, на практике он считался полноценным сотрудником посольства. При выполнении своих служебных обязанностей Кёстринг пользовался почти абсолютной свободой действий и самостоятельностью в принятии решений. Причину такой независимой позиции, скорее всего, следует искать в выдающихся качествах личности самого Кёстринга¹⁴.

После того как Германия с 1 апреля 1933 г. вновь начала отправлять за границу своих официальных военных атташе, Кёстринга в Москве

13 См.: *Keilig W.* Die Generale des Heeres und die Sanitätsoffiziere im Generalsrang. Friedberg, 1983. S. 178 f.; Internationales Biographisches Archiv 52/1953 vom 14. Dezember 1953; *Винокуров В.И.* История военной дипломатии: в 4 т. Т. 2. Военная дипломатия между Первой и Второй мировыми войнами. М., 2010. С. 116; и др. О Кёстринге также см.: *Teske H.* (Bearb.). General Ernst Köstring. Der militärische Mittler zwischen dem Deutschen Reich und der Sowjetunion 1921–1941. Hrsg. v. Bundesarchiv-Militärarchiv. Frankfurt/M., 1965; *Herwarth H. von.* Zwischen Hitler und Stalin: Erlebte Zeitgeschichte 1931–1945. Frankfurt/M., 1982.

14 См.: *Teske H.* Op. cit. S. 48; *Kehrig M.* Op. cit. S. 64.

сменил подполковник Отто Гартман. Третьего апреля 1933 г. Гартман был принят заместителем народного комиссара иностранных дел Крестинским. Советский дипломат заметил, что в связи со сменой правительства в Берлине его деятельность будет протекать «в очень сложный период отношений между СССР и Германией». Прежде всего Крестинский выразил протест насильственным действиям штурмовиков, направленным против советских граждан и советских учреждений в Германии¹⁵. Гартман, по словам Крестинского, «должен ясно понимать, что отношения между нашими странами не могут развиваться в рамках контактов между отдельными государственными органами. Невозможна ситуация, при которой отношения между министерством рейхсвера и Народным комиссариатом по военным и морским делам СССР строились бы на основе дружбы и сотрудничества, в то время как правительство Германии проводит враждебную Советскому Союзу политику. <...> Если эксцессы по отношению к СССР будут продолжаться, то господин Гартман должен понимать, что и его работа здесь будет сильно затруднена». Немецкий военный атташе, в свою очередь, снова заявил, что рейхсвер «единодушно выступает за сохранение дружественных отношений с СССР, и министр рейхсвера генерал фон Бломберг отстаивает эту точку зрения на заседаниях правительства». Присутствовавший на этой беседе немецкий посол в СССР Герберт фон Дирксен поддержал данную позицию и одновременно выразил желание устранить «все имеющиеся недоразумения»¹⁶.

Однако уже в конце 1933 г. Дирксен оставил свой пост, а Гартмана в начале октября 1935 г. заменили уже знакомым нам Кёстрингом, который к этому времени получил звание генерал-майора. Хотя в круг обязанностей военного атташе также входило и получение секретной разведывательной информации, эта задача в понимании Кёстринга отнюдь не являлась приоритетной. Он рассматривал себя скорее в качестве военного политика, а не поставщика военной информации о стране своего пребывания, даже если бы его главной задачей являлось освещение вопросов о состоянии Красной армии¹⁷.

Поскольку Кёстринг считал, что составление таких отчётов имеет весьма ограниченное значение, министерство рейхсвера, а затем и вермахт были вынуждены получать разведывательную информацию о Красной армии

15 Aufzeichnung der Unterredung des Stellv. Volkskommissars für Auswärtige Angelegenheiten Krestinskij mit dem Botschafter in Moskau von Dirksen und dem Militärattaché Hartmann. 3.4.1933 // Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Dokumente aus russischen und deutschen Archiven. Bd. 1, 30. Januar 1933 – 31. Dezember 1934. Hrsg. von S. Slutsch und C. Tischler unter Mitarbeit von L. Kölm. München, 2014. S. 247 f.

16 Ibid. S. 248.

17 См.: *Pahl M.* Fremde Heere Ost. Hitlers militärische Feindaufklärung. Berlin, 2012. S. 68–70; *Кантор Ю.* Указ. соч. С. 153.

из других источников. Благодаря совместному проекту Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ) и Германского исторического института в Москве по оцифровке трофейных немецких дел, хранящихся в этом архиве (который был поддержан Российским историческим обществом), в настоящее время стало возможным изучить хотя бы небольшую часть этих источников разведывательной информации¹⁸.

Особую ценность имеют документы немецкого военного и военно-воздушного атташе в Токио, хранящиеся в фондах Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации. Вместе с 20 тысячами других архивных дел эти материалы оказались в архиве в результате Второй мировой войны. Теперь весь этот массив документов оцифрован и находится в свободном и бесплатном доступе для исследователей на собственном интернет-сайте, несмотря на то что правовой статус этих документов всё ещё является спорным.

Что же касается ситуации в Советском Союзе в 1930-х гг. и положения дел в Красной армии, особый интерес в документах немецкого военного атташе в Токио представляют три вида источников: во-первых, информация японских военных о советских вооружённых силах, которую японский Генеральный штаб передал немецкому военному атташе в Токио полковнику Ойгену Отту; во-вторых, донесения офицеров-курьеров, которые сопровождали служебную почту на маршруте Берлин — Токио через Москву и советский Дальний Восток; и наконец, в-третьих, материалы допросов советских перебежчиков — военнослужащих РККА и сотрудников НКВД. Все эти документы японская секретная служба предоставила в распоряжение немецких военных.

Ниже приведены краткие примеры некоторых документов, в то время представлявших значительную ценность для немецких военных:

1. Двадцать девятого июня 1937 г. немецкий военный атташе в Токио передал в Берлин доклад командования японской армии о чистках в Красной армии. Японцы исходили из того, что в результате расстрела значительного числа высокопоставленных советских командиров «боевая мощь Красной армии <...> наверняка будет временно ослаблена», так как «Тухачевский и другие генералы как организаторы и руководители были незаменимы для дальнейшего развития Красной армии». Тем не менее Токио полагал, что «господство Сталина и готовность России к войне в целом не были подорваны». Одно лишь желание свержения Сталина и уничтожения мощи Красной армии не может служить основанием для того, чтобы «поддаться

18 Информацию об этом проекте можно найти на веб-сайте: <http://www.germandocsinrussia.org>. См. также: *Hürter J., Uhl M.* „Hitler in Vinnica“. Ein neues Dokument zur Krise im September 1942 // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. 63. Jahrgang. 2015. S. 581–639.

соблазну поспешных суждений». Кроме того, вывод о «потере боевой мощи Красной армии» верен лишь в части урона, нанесённого высшему военному командованию, да и то на ограниченный период времени, так как «основы для дальнейшего развития армии уже созданы, а страна находится на подъёме». Поэтому было бы заблуждением считать, что «возможности России для ведения войны в значительной степени утрачены и правительство вынуждено проводить более слабую внешнюю политику». Разумеется, эти репрессии в отношении советских генералов не будут последними. Кроме того, нельзя исключить, что «Сталин выберет более жёсткий внешнеполитический курс, даже если он не начнёт войны, чтобы сохранить своё положение и отвлечь общественность, усилив внешнюю политику». По мнению немецкого военного атташе, позиция японских вооружённых сил в отношении сталинских чисток в Красной армии позволяет выделить два аспекта, которые имеют основополагающее значение: «сильное, но сдерживаемое командованием армии желание военного противоборства с Россией и безусловная решимость в деле перевооружения японских вооружённых сил»¹⁹.

2. В конце января 1938 г. майор люфтваффе Бруно Кноке, который в последний раз был в советской столице в 1929 г., рассказал о своих впечатлениях от Москвы, полученных во время курьерской поездки в Токио. При этом, несмотря на точные, казалось бы, наблюдения, на первый план вышли господствовавшие в Германии стереотипные представления о России и Советском Союзе: «В Москве у меня создалось впечатление, что тамошняя жизнь <...> существенно улучшилась; лучшая одежда, отсутствие очередей, меньше пустых магазинов, нет разбитых стёкол в окнах домов, сами дома выглядят не так мрачно и неухоженно, движение регулируется. Ни в самой Москве, ни в поездке по стране не было такого впечатления, как в 1929 г., что Россия охвачена голодом. <...> Однако, как и в 1929 г., в глаза бросаются мрачные, угрюмые, безрадостные лица людей»²⁰.

3. Летом 1938 г., спасаясь от расстрела, уже санкционированного Сталиным, к японцам перебежал полномочный представитель НКВД по Дальнему Востоку комиссар государственной безопасности третьего ранга Генрих Люшков. Японцы предоставили ему политическое убежище, потребовав взамен информацию о положении в Советском Союзе. Соответствующие отчёты о показаниях Люшкова японское военное командо-

19 Отчёт немецкого военного и военно-воздушного атташе в Токио полковника Ойгена Отта о позиции японской армии по поводу событий в России. 29 июня 1937 г. // ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12451. Д. 204. Л. 337–339.

20 Отчёт сопровождающего курьера немецкого военного и военно-воздушного атташе в Токио майора Бруно Кноке о его наблюдениях во время поездки по маршруту Берлин — Токио. 21 января 1939 г. // ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12451. Д. 211. Л. 260.

вание передало немецкому военному атташе полковнику Отту. На основе свидетельств высокопоставленного функционера советских спецслужб о политических чистках, предпринятых Сталиным, Отт сделал следующие выводы: «Из показаний Люшкова следует, что Сталину не нужно было организовывать чистки для борьбы с последовательно возникавшими против него заговорами, он проводил их исключительно в интересах укрепления своей диктаторской власти и по собственной, не зависящей ни от кого воле. <...> Если кто-то считает нынешнее положение кризисом сталинского режима, то это большое заблуждение. У Сталина всё ещё достаточно сил, чтобы подавить любое сопротивление. Он намерен укреплять своё единоличное господство, опираясь на молодую прослойку управленцев, которых он привлёк для достижения этой цели»²¹. Таким образом, в своих суждениях Отт был недалёк от сегодняшних оценок сталинских репрессий, примером которых является точка зрения, высказанная историком Гердом Кененом²².

В заключение остаётся констатировать, что Германия, несмотря на соответствующий запрет Версальского договора, фактически непрерывно, начиная с 1922 г., имела в Советском Союзе военных офицеров связи, которые не позднее конца 1920-х гг. начали выполнять функции военных атташе. При этом данные офицеры рейхсвера самым непосредственным образом опирались на поддержку министерства иностранных дел Германии. И хотя в период Веймарской республики с помощью этих фактических военных атташе поддерживались тесные военные связи с Советским Союзом, у немецких офицеров, выполнявших эти функции, так и не возникли долговременные позитивные представления об СССР и его населении. Именно поэтому Гитлер, планируя в 1941 г. «мировоззренческую войну» против СССР, несмотря на имевшиеся в среде немецкого генералитета некоторые сомнения, так и не встретил серьёзного сопротивления по этому вопросу. Оскар фон Нидермайер и Эрнст Кёстринг также предложили свои услуги вермахту при его походе на восток. Нидермайер был назначен командиром 162-й Туркестанской пехотной дивизии, которая вела боевые действия против партизан в Словении и Италии. Кёстринг сначала был назначен уполномоченным по вопросам Кавказа при группе армий «А» на советско-германском фронте, а закончил войну в качестве генерала добровольческих соединений при Главном командовании сухопутных сил вермахта. Лишь генерал Курт фон Хаммерштейн-Экворд, который в 1930–1933 гг. являлся начальником сухопутных сил рейхсвера и часто

21 Сводное донесение немецкого военного и военно-воздушного атташе в Токио с показаниями Люшкова. 10 августа 1938 г. // ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12451. Д. 232. Л. 84.

22 См.: *Koenen G.* Utopie der Säuberung. Was war der Kommunismus? Berlin, 1998.

бывал по служебным вопросам в СССР, уже в 1937 г. сигнализировал в Москву о том, что он не будет участвовать в военной авантюре против СССР, встав на путь активного сопротивления национал-социалистической диктатуре. Генерал умер весной 1943 г., а его семья после покушения на Гитлера 20 июля 1944 г. была арестована и в рамках судебной ответственности за проступки, совершённые одним из её членов (*die Sippenhaft*), подвергнута превентивному заключению в концентрационном лагере Бухенвальд²³.

23 Отчёт сопровождающего курьера немецкого военного и военно-воздушного атташе в Токио майора Бруно Кноке о его наблюдениях во время поездки по маршруту Берлин-Токио. 21 января 1939 г. // ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12451. Д. 211. Л. 260. См.: *Müller R.-D.* An der Seite der Wehrmacht. Hitlers ausländische Helfer beim «Kreuzzug gegen den Bolschewismus» 1941–1945. Augsburg, 2014. S. 240; *Meyer W. Klatt.* Hitlers jüdischer Meisteragent gegen Stalin: Überlebenskunst in Holocaust und Geheimdienstkrieg. Berlin, 2015. S. 746; *Enzensberger H.M.* Hammerstein oder der Eigensinn: Eine deutsche Geschichte. Frankfurt/Main, 2008. S. 300–305.

Gli “addetti militari” tedeschi non ufficiali nella Russia sovietica e in URSS dal 1918 al 1933

Traduzione di Nicoletta D'Alessandro

L'articolo 179 del trattato di pace di Versailles vietava all'Impero germanico di mantenere proprie missioni militari in paesi esteri. Sebbene l'articolo non menzionasse esplicitamente gli addetti militari, in base ad esso, nel 1920, si decise a livello governativo tedesco di richiamare tutti i rappresentanti militari germanici rimasti ancora oltre confine. In tal modo, a partire dalla primavera del 1920, la Germania non ebbe più propri addetti militari all'estero¹.

Nel 1922, la Germania e la Russia sovietica stipularono il trattato di pace di Rapallo. Ancor prima della firma di tale accordo, il comando delle forze di terra della Reichswehr², con a capo i generali Hans von Seeckt e Kurt von Schleicher, aveva stabilito contatti con il comando dell'Armata Rossa. A tale scopo, nell'organico della “direzione dell'esercito”, che nella pratica assolveva la funzione dello Stato maggiore, vietato da Versailles, era stato costituito il gruppo speciale “R” (“Russia”), guidato inizialmente dal capitano Fritz Schubert, ed in seguito da colui che lo avrebbe sostituito, il maggiore Herbert Fischer. Secondo la Reichswehr, che con il benestare del Cancelliere del Reich Joseph Wirth aveva stabilito e manteneva contatti con l'Armata Rossa, il trattato di Rapallo, sebbene non contenesse condizioni segrete in materia militare, dava la possibilità «aggirando le richieste [...] di Versailles, di utilizzare il territorio di un altro paese per rinforzare il potenziale militare tedesco». Innanzi tutto, il comando della Reichswehr, mediante la collaborazione con la Russia sovietica, era interessato a scongiurare la trasformazione del nucleo superstite delle forze

1 Cfr. M. Kehrig, *Die Wiedereinrichtung des deutschen militärischen Attachédienstes nach dem Ersten Weltkrieg (1919 – 1933)* [La reintroduzione del servizio di attaché militare tedesco dopo la Prima guerra mondiale. 1919–1933], Harald Boldt Verlag, Boppard am Rhein 1966, p. 10 e ss.

2 Reichswehr (die Reichswehr): le Forze Armate della Germania dal 1919 al 1935, limitate dal punto di vista dell'organico e del numero di componenti dalle condizioni del trattato di pace di Versailles del 1919.

armate tedesche «in reparti di polizia arretrati dal punto di vista mentale, tattico e tecnico [...], cristallizzati in tale condizione e privi di qualsiasi legame con gli ulteriori sviluppi dell'arte militare»³.

Per questo, la collaborazione della Reichswehr germanica con l'Armata Rossa fu finalizzata in primo luogo all'elaborazione tecnica e militare degli armamenti vietati alla Germania dal trattato di Versailles: l'aviazione militare e il suo impiego tattico, i carri armati e il loro utilizzo in battaglia ed anche gli agenti chimici venefici ad uso bellico. A propria volta, l'ancor giovane Armata Rossa avrebbe dovuto ricevere dalla Germania l'aiuto necessario a sviluppare l'industria militare di difesa di cui aveva bisogno, ed anche a garantire la preparazione dei comandanti più anziani e più alti in grado mediante speciali corsi accademici⁴. Nel febbraio del 1923, il general-maggiore Otto Hasse, capo della direzione dell'esercito della Reichswehr, si recò a Mosca per trattare in merito a tali questioni. Lo accompagnavano collaboratori fidati del generale von Seeckt, il maggiore Fritz Tschunke e il capitano Herbert Fischer. Grazie a tali trattative, alla parte tedesca fu accordato il permesso di collocare in territorio sovietico i centri di studio e di sperimentazione relativi ai vari tipi di armamenti vietati alla Germania dal trattato di Versailles. A propria volta, l'Armata Rossa ottenne la possibilità di inviare i propri comandanti in Germania, a frequentare i corsi accademici dello Stato maggiore⁵.

La direzione e il coordinamento del lavoro delle strutture militari della Reichswehr in Unione Sovietica erano gestiti dal già menzionato gruppo speciale “R”, che per salvaguardare la segretezza e la copertura agiva in stretta collaborazione con il Ministero degli Esteri della Germania. Con la corrispondente istanza tedesca, entrò in funzione, direttamente in territorio sovietico, il cosiddetto “Centro moscovita” (“Zentrale Moskau” — “ZMo”), fondato non oltre la seconda metà del 1924, e guidato dal colonnello della riserva Hermann von der Lieth-Thomsen. Questo ex pilota dell'aviazione del Kaiser nell'estate del 1919 era stato congedato dal servizio militare e da quel momento aveva partecipato

3 Cfr. H. Speidel, *Reichswehr und Rote Armee* [Le Forze armate del Reich e l'Armata Rossa], in «Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte», I, Jahrgang 1953, p. 17.

4 Si veda più dettagliatamente: V.V. Zacharov, *Voennye aspekty vzaimootnošenij SSSR i Germanii: 1921 — ijun' 1941 gg.* [Aspetti militari dei rapporti tedesco-sovietici dal 1921 al giugno del 1941], GAVS, Moskva 1992; Ju. L. D'jakov, *Buduševa T.S. Fašistskij meč kovalsja v SSSR: Krasnaja Armija i rejchsver. Tajnoe sotrudničestvo, 1922 — 1933. Neizvestnye dokumenty* [La spada fascista fu forgiata in URSS: l'Armata Rossa e la Reichswehr. La collaborazione segreta, 1922–1933. Documenti inediti], Sov. Rossija, Moskva 1992; M. Zeidler, *Reichswehr und Rote Armee 1920–1933. Wege und Stationen einer ungewöhnlichen Zusammenarbeit* [Le Forze armate del Reich e l'Armata Rossa 1920–1933. Percorsi e tappe di una collaborazione insolita], München 1993; Ju. Kantor, *Zakljataja družba. Sekretnoe sotrudničestvo SSSR i Germanii v 1920 — 1930-e gody* [Amicizia mortale. La collaborazione segreta fra URSS e Germania negli anni Venti e Trenta], Piter, Sankt-Peterburg 2009.

5 Cfr. M. Kehrig, *op. cit.*, pp. 60–62.

attivamente al lavoro di tessitura dei contatti con l'Armata Rossa. Nello "ZMo" lavorava anche il maggiore Oskar Ritter von Niedermayer, che pure avrebbe giocato un ruolo importante nello stabilire rapporti con l'Armata Rossa⁶. Erano di competenza dello "ZMo" la direzione generale delle installazioni militari tedesche in Unione Sovietica ed il mantenimento dei collegamenti con il Commissariato del popolo per gli Affari militari e navali dell'URSS⁷.

Nell'ambito del proprio lavoro a Mosca, Lieth-Thomsen e Ritter von Niedermayer mantenevano stretti contatti con l'allora Ambasciatore della Germania in URSS, il conte Ulrich von Brockdorff-Rantzau. Inoltre, Lieth-Thomsen e l'Ambasciatore erano legati da amicizia personale. Di fatto, la situazione era tale «che il signor Lieth-Thomsen, in considerazione dei rapporti che inviava a Berlino, assolveva almeno in parte la funzione che in condizioni normali sarebbe dovuta competere ad un addetto militare»⁸.

Ad esempio, nell'estate del 1925, Lieth-Thomsen, in visita all'Ambasciatore von Brockdorff-Rantzau, comunicò a quest'ultimo che il Ministero della Reichswehr nella persona del generale Hasse, si aspettava di ricevere dai propri militari di stanza a Mosca regolari rapporti sulle questioni politiche, i quali avrebbero dovuto essere elaborati indipendentemente dall'Ambasciatore, poiché i rapporti di quest'ultima erano «colorati politicamente in un certo modo». Riguardo a ciò, Lieth-Thomsen respinse anche la mera possibilità che a stilare materiali di questo tipo fossero i diplomatici, poiché «a suo avviso, in sede di elaborazione di rapporti relativi a questioni politiche si sarebbe dovuta tenere in considerazione esclusivamente l'opinione dell'Ambasciatore». Dal momento che i dirigenti della Reichswehr a Berlino insistevano sul fatto che il «addetto paramilitare» dovesse comunicare rapporti indipendenti, tale situazione si sarebbe potuta risolvere richiamando Lieth-Thomsen da Mosca, oppure ammettendo la possibilità di trasmettere i documenti all'Ambasciatore, per un esame preventivo ed una sua «conferma». Von Brockdorff-Rantzau si disse d'accordo con tale proposta, perché, considerando la situazione politica generale, un ente che si occupasse di politica estera non si sarebbe potuto permettere una rottura con il Ministero della Reichswehr. Tale rottura non sarebbe stata possibile, anche perché l'Ambasciatore «ravvisava negli attuali rapporti del Ministero della Reichswehr con il governo sovietico l'elemento di collegamento più affidabile,

6 Si veda più dettagliatamente: V.V. Zacharov, *Meždu Berlinom i Moskvoj: rukovoditel' specgruppy "R" germanskogo rejchsvera Oskar Ritter von Nidermajer* [Tra Berlino e Mosca: il comandante del gruppo speciale "R" della Reichswehr germanico Oskar Ritter von Niedermayer], in *Ljudi meždu narodami. Dejstvujuščie lica rossijsko-germanskoi istorii XX v* [Uomini tra popoli. Personaggi della storia russo-tedesca del XX secolo], pod red. A. Ju. Vatlina i dr., ROSSPEN, Moskva 2010, pp. 75-86.

7 Cfr.: M. Zeidler, *op. cit.*, p. 205 e ss.; H. Roewer, *Skrupellos. Die Machenschaften der Geheimdienste in Russland und Deutschland, 1914-1941* [Privi di scrupoli. Le trame dei servizi segreti in Russia e Germania, 1914-1941], Leipzig 2004, p. 455.

8 Cfr. M. Kehrig, *op. cit.*, p. 63.

se non l'unico, nella collaborazione tra la Germania e la Russia sovietica». Dal punto di vista della prospettiva di lungo periodo, «tale situazione, naturalmente, non sarebbe potuta durare molto»⁹.

A conclusione di un colloquio con il Ministro degli Esteri della Germania Gustav Stresemann nell'ottobre del 1925, il plenipotenziario sovietico a Berlino Nikolaj Krestinskij espresse il desiderio «che il collaboratore della rappresentanza diplomatica sovietica, che di fatto era un addetto militare (si trattava del comandante dell'Armata Rossa Sergej Petrenko-Lunev), potesse essere qualificato anche ufficialmente con tale titolo. Egli (Krestinskij) non sapeva quale fosse a questo riguardo la situazione in Germania, se il trattato di Versailles permettesse la formazione e il mantenimento di addetti militari tedeschi. Tuttavia, egli sapeva che due signori a Mosca (era sottinteso trattarsi di Lieth-Thomsen e Ritter von Niedermayer) *de facto* assolvevano la funzione di addetti militari. Se non fosse stato possibile menzionare ufficialmente l'attuale addetto militare sovietico in Germania con questa qualifica, mantenendo ugualmente rapporti con il Ministero della Reichswehr, ciò avrebbe potuto ingenerare l'impressione che la parte tedesca avesse qualche accordo segreto con la Russia. Egli (Krestinskij) riteneva che sarebbe stato corretto denominare esplicitamente l'incarico dell'addetto militare»¹⁰. A Stresemann non rimase che dirsi d'accordo con tale proposta.

Tuttavia, l'invio di un rappresentante ufficiale a pieno titolo, per il mantenimento dei contatti tra la Reichswehr e l'Armata Rossa, avvenne solo verso la fine degli anni Venti. Non più tardi dell'estate del 1929, ricopriva tale incarico il colonnello Hans Halm, che lavorava come referente nella segreteria dell'Ambasciatore tedesco a Mosca ed aveva il compito di informare Berlino sullo stato dei fatti nell'Armata Rossa. Nondimeno, rimane in discussione la questione se il colonnello occupasse una posizione ufficiale nell'Ambasciata e se, in tal modo, lo si possa considerare come «il primo vero addetto militare, seppure ancora non denominato ufficialmente così»¹¹.

Solamente il successore di Halm — il colonnello Ernst-August Köstring — fu l'alto grado dell'esercito tedesco sotto il quale la qualifica di rappresentante ufficiale della Reichswehr presso le forze armate sovietiche finalmente assunse un profilo definibile anche formalmente come incarico di addetto militare. Questo soldato, nato nel 1876 nel villaggio di Serebrjanye Prudy, nel governatorato di Tver', da madre russa e padre di origine tedesca¹², aveva trascorso la giovinezza

9 Cfr. Aufzeichnungen des Botschafters in Moskau Graf von Brockdorff-Rantzau [Annotazioni dell'Ambasciatore a Mosca conte von Brockdorff-Rantzau], 18.8.1925. ADAP (*Akten zur deutschen auswärtigen Politik*), Serie A, Bd. XIV, S. 19.

10 Cfr. Aufzeichnungen des Reichsministers des Auswärtigen Stresemann [Annotazioni del Ministro degli Esteri Stresemann], 29.10.1925. ADAP, Serie A, Bd. XIV, S. 504.

11 Cfr. M. Kehrig, *op. cit.* p. 63.

12 Suo padre, August Köstring, era editore e amministratore della proprietà di Serebrjanye Prudy, nel governatorato di Tula, che apparteneva al conte S.D. Šeremetev.

in Russia e perciò conosceva alla perfezione non solo la lingua russa, ma anche le particolarità della vita di questo paese. Nel 1895 Köstring si era arruolato come volontario nell'esercito prussiano ed in seguito aveva partecipato alla Prima guerra mondiale, rimanendo in servizio fino a raggiungere il grado di capitano. Nel 1916 era rimasto gravemente ferito e dopo il ritorno dall'ospedale militare, nel 1917, era stato destinato alla missione militare tedesca in Turchia. Dopo la fondazione della Reichswehr, tra il 1920 e il 1922, Köstring aveva servito nel cosiddetto "reparto di statistica militare" T3 della direzione dell'esercito della Reichswehr, come referente per la Russia. Tale denominazione, in realtà, celava i servizi segreti militari. Dopodiché, Köstring aveva trascorso un periodo di servizio nei ranghi di varie unità e infine, dopo essere stato promosso maggiore, nel 1925 era tornato nuovamente al Ministero della Reichswehr, per ricoprire l'incarico di aiutante di campo del generale von Seeckt, presso lo Stato maggiore delle Forze di terra. Due anni dopo, era stato nuovamente inviato all'esercito e, fino al momento di essere destinato a Mosca, aveva occupato l'incarico di comandante del 10° Reggimento di cavalleria¹³.

Negli ambienti di comando dell'Armata Rossa Köstring godeva di grande stima, fatto spiegabile con la sua «quasi istintiva capacità di comprendere la mentalità russa, grazie alla quale i comandanti sovietici provavano verso di lui una fiducia pressoché illimitata, fatto che costituiva la migliore premessa per il successo del suo lavoro a Mosca». Inoltre, questo ufficiale tedesco era introdotto in numerosi circoli militari informali dell'Armata Rossa e perciò era ben al corrente della situazione delle forze armate sovietiche e in generale dello stato di cose nel paese. Egli comunicava regolarmente le proprie osservazioni e impressioni al Ministero della Reichswehr a Berlino. Però Köstring non ebbe mai alcun legame con il centro della Reichswehr che operava a Mosca nello stesso periodo, lo "ZMo", in quanto, verosimilmente, aveva ricevuto istruzioni di evitare qualsivoglia contatto con il centro, al fine di preservarne la segretezza.

Sebbene Köstring svolgesse il compito di rappresentante militare a Mosca senza essere stato destinato ufficialmente a tale incarico, lo si sarebbe potuto definire un addetto militare modello. Tra l'ufficiale e l'Ambasciatore tedesco

13 Cfr.: W. Keilig, *Die Generale des Heeres und die Sanitätsoffiziere im Generalsrang* [I generali dell'esercito e gli ufficiali della sanità col grado di generale], Friedberg 1983, p. 178 e ss.; Internationales Biographisches Archiv [Archivio internazionale biografico] 52/1953 vom 14. Dezember 1953; V.I. Vinokurov, *Istorija voennoj diplomatii. V 4-ch tomach. Tom 2. Voennaja diplomatija meždu Pervoj i Vtoroj mirovyymi vojnami* [Storia della diplomazia militare in quattro volumi. Vol 2. La diplomazia militare fra le due guerre mondiali], Moskva 2010, p. 116 e ss. Su Köstring si veda anche: H. Teske (a cura di), *General Ernst Köstring. Der militärische Mittler zwischen dem Deutschen Reich und der Sowjetunion 1921–1941*. Hrsg. v. Bundesarchiv-Militärarchiv [Il generale Ernst Köstring. L'intermediario militare fra il Reich tedesco e l'Unione Sovietica 1921–1941. Pubbl. dall'Archivio federale-Archivio militare], Frankfurt/M. 1965; H. von Herwarth, *Zwischen Hitler und Stalin: Erlebte Zeitgeschichte 1931 – 1945* [Fra Hitler e Stalin: Storia contemporanea vissuta 1931–1945], Frankfurt/M. 1982.

esistevano stretti rapporti di fiducia e, nonostante probabilmente la sua destinazione alla missione diplomatica non fosse stata ancora definita formalmente, in pratica egli veniva considerato un collaboratore a pieno titolo dell'Ambasciata. Nello svolgimento delle proprie mansioni, Köstring godeva di una quasi assoluta libertà di azione e di una forte autonomia decisionale. I motivi di tale posizione indipendente vanno ricercati, probabilmente, nelle eminenti qualità della personalità di Köstring stesso¹⁴.

In seguito, quando la Germania, a partire dal 1° aprile 1933, riprese ad inviare all'estero i propri addetti militari ufficiali, a Mosca Köstring fu sostituito dal tenente colonnello Otto Hartmann. Il 3 aprile 1933, Hartmann fu ricevuto dal vicecommissario del popolo agli Affari Esteri Krestinskij. Il diplomatico sovietico osservò che, in relazione al cambio di governo avvenuto a Berlino, l'attività dell'ufficiale tedesco si sarebbe svolta «in un periodo molto complesso dei rapporti fra URSS e Germania». Innanzi tutto, Krestinskij protestò contro le azioni violente delle SA contro cittadini e istituzioni sovietiche in Germania¹⁵. Hartmann (dichiarò Krestinskij) «avrebbe dovuto comprendere chiaramente che i rapporti tra i loro paesi non si sarebbero potuti sviluppare nel quadro di contatti fra singoli organi dello Stato. Non sarebbe stata ammissibile una situazione in cui i rapporti fra il Ministero della Reichswehr e il Commissariato del popolo per gli Affari militari e navali dell'URSS fossero cresciuti su basi di collaborazione e amicizia, ma nel contempo il governo della Germania avesse portato avanti una politica ostile all'Unione Sovietica. [...] Se gli eccessi nei confronti dell'URSS fossero proseguiti, il signor Hartmann avrebbe dovuto capire che anche il suo lavoro a Mosca sarebbe divenuto molto difficile». L'addetto militare tedesco dichiarò a propria volta che la Reichswehr «si era espressa unanimemente a favore del mantenimento di relazioni amichevoli con l'URSS e che il Ministro della Reichswehr, il generale von Blomberg, sosteneva costantemente questo punto di vista nelle riunioni del governo». L'Ambasciatore tedesco in URSS, Herbert von Dirksen, che era presente alla conversazione, appoggiò la posizione in questione ed insieme esprime l'auspicio che «tutti gli equivoci esistenti» fossero dissipati¹⁶.

Tuttavia, già alla fine del 1933, Dirksen lasciò il proprio posto e Hartmann, all'inizio di ottobre del 1935, fu sostituito dal già noto Köstring, che poco prima

14 Cfr. H. Teske, *op. cit.*, p. 48; M. Kehrig, *op. cit.*, p. 64.

15 Aufzeichnung der Unterredung des Stellv. Volkskommissars für Auswärtige Angelegenheiten Krestinskij mit dem Botschafter in Moskau von Dirksen und dem Militärattaché Hartmann [Note sul colloquio del vicecommissario del popolo per gli Affari Esteri Krestinskij con l'Ambasciatore a Mosca von Dirksen e con l'attaché militare Hartmann], 3.4.1933, in *Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Dokumente aus russischen und deutschen Archiven. Bd. 1, 30. Januar 1933 – 31. Dezember 1934* [Germania e Unione Sovietica 1933–1941. Documenti degli archivi russi e tedeschi. Vol. 1, 30 gennaio 1933 – 31 dicembre 1934], a cura di S. Slutsch e C. Tischler con la collaborazione di L. Kölm, München 2014, p. 247 e ss.

16 *Ivi*, p. 248.

era stato promosso al grado di general-maggiore. Per quanto nell'ambito delle mansioni dell'addetto militare fosse compresa anche la ricezione delle informazioni riservate risultanti dal lavoro dei servizi segreti, tale compito, nell'idea che ne aveva Köstring, non era affatto prioritario. Egli avrebbe concepito se stesso alla stregua di un politico militare, piuttosto che di una fonte di informazioni militari sul paese in cui soggiornava, perfino se l'interpretazione delle questioni inerenti alla situazione interna dell'Armata Rossa avesse costituito il suo compito principale¹⁷.

Siccome Köstring riteneva che stilare tali rapporti avesse ben poco significato, il Ministero della Reichswehr, ed in seguito anche la Wehrmacht, erano costretti a ricevere le informazioni spionistiche sull'Armata Rossa da altre fonti. Grazie ad un progetto di collaborazione tra l'Archivio centrale del Ministero della Difesa della Federazione Russa e l'Istituto storico germanico a Mosca, per la digitalizzazione dei dossier tedeschi bottino di guerra conservati in questo archivio (progetto che ha ricevuto il sostegno della Società russa di Storia), attualmente è possibile studiare almeno una piccola parte di tali informazioni di carattere spionistico¹⁸.

Particolarmente significative sono le carte del rappresentante tedesco dell'esercito e dell'aeronautica militare a Tokyo, conservate nei fondi dell'Archivio centrale del Ministero della Difesa della Federazione Russa. Insieme ad altri 20.000 dossier, tali materiali sono finiti in questo archivio in seguito alla Seconda guerra mondiale. Attualmente, tutto questo corposo insieme di documenti è stato digitalizzato e può essere consultato liberamente e gratuitamente dai ricercatori nel sito internet del Ministero, nonostante lo status giuridico di tali carte sia ancora in discussione.

Per quanto riguarda la situazione in Unione Sovietica negli anni Trenta e la situazione interna dell'Armata Rossa, fra i documenti dell'addetto militare tedesco a Tokyo, tre tipi di fonti presentano un particolare interesse: innanzi tutto, le informazioni dei militari giapponesi sulle forze armate sovietiche, che lo Stato maggiore giapponese trasmetteva all'addetto militare tedesco a Tokyo, il colonnello Eugen Ott; in secondo luogo, le osservazioni riportate dagli ufficiali-corrieri che accompagnavano la corrispondenza di servizio lungo l'itinerario Berlino-Tokyo, attraverso Mosca e l'Estremo Oriente sovietico; e infine, i materiali relativi agli interrogatori dei transfughi sovietici, militari dell'Armata Rossa e collaboratori dell'NKVD. I servizi segreti giapponesi mettevano tutti questi documenti a disposizione dei militari tedeschi.

17 Cfr. M. Pahl, *Fremde Heere Ost. Hitlers militärische Feindaufklärung* [Eserciti stranieri a Est. Hitler e la ricognizione militare sul nemico], Berlin 2012, pp. 68-70; Ju. Kantor, *op. cit.*, p. 153.

18 Informazioni su questo progetto si possono reperire sul sito web <http://wwii.germandocsinrussia.org>. Si veda anche: J. Hürter J., M. Uhl, „Hitler in Vinnica“. *Ein neues Dokument zur Krise im September 1942* [“Hitler a Vinnica”. Un nuovo documento sulla crisi del settembre 1942], in «Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte», 63, Jahrgang 2015, pp. 581-639.

Si riportano qui di seguito brevi esempi di alcuni documenti che a suo tempo furono molto significativi per i militari tedeschi.

1) Il 29 giugno 1937, l'addetto militare tedesco a Tokyo trasmise a Berlino una relazione del comando dell'esercito giapponese sulle purghe nell'Armata Rossa. I giapponesi partivano dalla constatazione che, in conseguenza della fucilazione di un considerevole numero di comandanti sovietici d'alto rango, «la potenza bellica dell'Armata Rossa ... probabilmente avrebbe subito un temporaneo indebolimento», poiché «Tuchačevskij e gli altri generali sarebbero risultati insostituibili, come organizzatori e capi, nel guidare l'ulteriore sviluppo dell'Armata Rossa». Cionondimeno, Tokyo riteneva che «il dominio di Stalin e la prontezza della Russia ad entrare in guerra nell'insieme non fossero stati compromessi». Il solo desiderio di rovesciare Stalin e di annientare la potenza dell'Armata Rossa non avrebbe costituito una base sufficiente a «lasciarsi andare alla tentazione di giudizi affrettati». Inoltre, la conclusione sulla «perdita di potenza bellica dell'Armata Rossa» si sarebbe rivelata corretta solo nella parte relativa al danno inferto ai livelli di comando più alti, e per giunta anche questo per un periodo di tempo limitato, dal momento che «le basi per l'ulteriore sviluppo dell'esercito già erano state gettate e il paese si stava risollestando». Per questo, sarebbe stato illusorio ritenere che «le possibilità della Russia di muovere guerra fossero andate in gran parte perdute e che il governo fosse ora costretto a condurre una politica estera più debole». Si capiva che queste repressioni nei confronti dei generali sovietici non sarebbero state le ultime. Inoltre, non si poteva escludere che «Stalin scegliesse un indirizzo di politica estera più duro, anche senza intraprendere una guerra, per mantenere la propria posizione e per distrarre l'opinione pubblica, volgendo l'attenzione di quest'ultima verso le questioni di politica estera». Secondo l'addetto militare tedesco, la posizione delle forze armate giapponesi in merito alle purghe staliniane nell'Armata Rossa permetteva di mettere a fuoco due aspetti di significato fondamentale: il «forte, ma contenibile desiderio da parte del comando dell'esercito di contrastare militarmente la Russia e l'indubbia determinazione delle forze armate giapponesi sulla questione del riarmo»¹⁹.

2) Alla fine di gennaio del 1938, il maggiore della Luftwaffe Bruno Knoke, che era stato nella capitale sovietica per l'ultima volta nel 1929, comunicò le proprie impressioni da Mosca, riportate mentre era di passaggio durante uno dei viaggi come corriere a Tokyo. In tale resoconto, nonostante le osservazioni sembrino precise, si stagliano in primo piano le rappresentazioni stereotipate

19 Rapporto dell'addetto militare tedesco dell'esercito e dell'aeronautica militare a Tokyo, colonnello Eugen Ott, sulla posizione dell'esercito giapponese in merito agli eventi accaduti in Russia, 29 giugno 1937. *Central'nyj Archiv Ministerstva Oborony Rossijskoj Federacii* [Archivio Centrale del Ministero della Difesa della Federazione Russa], di seguito CAMO RF, fondo 500, busta 12451, fascicolo 204, pp. 337-339.

che regnavano allora in Germania sulla Russia e sull'Unione Sovietica: «A Mosca mi sono fatto l'idea che la vita locale ... sia sostanzialmente migliorata: vestiti migliori, nessuna fila, meno negozi vuoti, nessun vetro rotto alle finestre delle case, l'aspetto degli edifici stessi non è più così spento e trascurato, la circolazione stradale viene regolata. Né a Mosca stessa, né durante il viaggio attraverso il paese ho riportato un'impressione simile a quella che avevo avuto nel 1929, cioè che la Russia fosse dominata dalla fame [...]. Tuttavia, come nel 1929, mi sono saltati agli occhi i volti spenti, cupi e tristi delle persone»²⁰.

3) Nell'estate del 1938, scampando alla fucilazione già decretata da Stalin, il rappresentante plenipotenziario dell'NKVD per l'Estremo Oriente, il Commissario della sicurezza di Stato di terzo rango Genrich Ljuškov, passò ai giapponesi. Questi gli concessero asilo politico, pretendendo in cambio informazioni sulla situazione in Unione Sovietica. Il comando militare giapponese trasmetteva all'addetto militare tedesco, il colonnello Ott, i rapporti relativi alle deposizioni di Ljuškov. In base a quanto dichiarato dall'alto funzionario dei servizi di sicurezza sovietici sulle epurazioni politiche intraprese da Stalin, Ott trasse le seguenti conclusioni: «Dalla testimonianza da Ljuškov consegue che Stalin non ha avuto bisogno di organizzare le epurazioni per lottare contro complotti coerentemente emersi contro di lui, ma che le ha condotte esclusivamente nell'interesse del consolidamento del proprio potere dittatoriale e di sua propria volontà, indipendentemente da chicchessia [...]. Se qualcuno ritiene che la condizione attuale rappresenti una crisi del regime staliniano, ebbene, questo è un grosso errore. Stalin è ancora sufficientemente forte da schiacciare qualsiasi resistenza. Egli ha intenzione di rafforzare il proprio dominio individuale appoggiandosi sulle giovani leve amministrative, che egli ha coinvolto a questo scopo»²¹. Così, Ott nei suoi giudizi non era lontano dalla valutazione attuale delle repressioni staliniane, un esempio della quale è il punto di vista espresso dallo storico Gerd Koenen²².

In conclusione rimane da constatare che, nonostante il divieto del trattato di Versailles, la Germania ebbe ufficiali di collegamento in Unione Sovietica, di fatto ininterrottamente, a partire dal 1922, e che costoro, non più tardi della fine degli anni Venti, cominciarono ad assolvere la funzione di addetti militari. In tutto ciò, tali ufficiali della Reichswehr poterono contare nel modo più diretto possibile sull'appoggio del Ministero degli Esteri della Germania. Sebbene nel

20 Rapporto del corriere accompagnatore dell'addetto militare e dell'aeronautica militare tedesco a Tokyo, maggiore Bruno Knoke, sulle sue osservazioni durante il viaggio sull'itinerario Berlino-Tokyo, 21 gennaio 1939. CAMO RF, fondo 500, busta 12451, fascicolo 211, p. 260.

21 Relazione riassuntiva dell'addetto militare e dell'aeronautica militare tedesco a Tokyo con le deposizioni di Ljuškov, 10 agosto 1938. CAMO RF, fondo 500, busta 12451, fascicolo 232, p. 84.

22 Si veda G. Koenen, *Utopie der Säuberung. Was war der Kommunismus?* [L'utopia delle purghe. Cosa è stato il comunismo?], Berlin 1998.

periodo della Repubblica di Weimar, con l'aiuto di questi addetti militari di fatto, venissero mantenuti stretti legami militari con l'Unione Sovietica, gli ufficiali tedeschi che assolvevano queste funzioni non mantennero a lungo rappresentazioni positive dell'URSS e della sua popolazione. Proprio per questo Hitler, nel 1941, pianificando "una guerra di visione del mondo" contro l'URSS, nonostante alcune perplessità nell'ambiente dei generali tedeschi, non incontrò una seria opposizione su tale questione. Anche Oskar von Niedermayer e Ernst Köstring resero i propri servizi alla Wehrmacht nella sua campagna verso Est. Niedermayer fu nominato comandante della 162^a Divisione di fanteria turkestanica, che condusse azioni di guerra contro i partigiani in Slovenia e in Italia. Köstring inizialmente fu nominato plenipotenziario per le questioni del Caucaso presso il gruppo di armate «A» sul fronte sovietico-germanico, e finì la guerra in qualità di generale delle formazioni volontarie presso il Comando centrale delle forze di terra della Wehrmacht. Solamente il generale Kurt von Hammerstein, che dal 1930 al 1933 era stato capo delle forze di terra della Reichswehr e si trovava spesso in Unione Sovietica per questioni di servizio, già nel 1937 aveva dato segnali a Mosca del fatto che non avrebbe partecipato ad un'avventura militare contro l'URSS, avendo imboccato la via della opposizione attiva alla dittatura nazional-socialista. Il generale morì nella primavera del 1943 e la sua famiglia, dopo l'attentato ad Hitler del 20 luglio 1944, fu arrestata e a causa della responsabilità giudiziaria per le colpe di uno dei propri membri (die Sippenhaft — *in tedesco nel testo. N. d. T.*), fu sottoposta a detenzione preventiva nel campo di concentramento di Buchenwald²³.

23 Rapporto del corriere accompagnatore dell'addetto militare e dell'aeronautica militare a Tokyo, maggiore Bruno Knoke, sulle sue osservazioni riportate durante il viaggio lungo l'itinerario Berlino-Tokyo, 21 gennaio 1939. CAMO RF. Si veda: R.-D. Müller, *An der Seite der Wehrmacht. Hitlers ausländische Helfer beim „Kreuzzug gegen den Bolschewismus“ 1941-1945* [Al fianco della Wehrmacht. Gli aiutanti stranieri di Hitler nella "Crociata contro il bolscevismo" 1941-1945], Augsburg 2014, p. 240; W. Meyer, Klatt, *Hitlers jüdischer Meisteragent gegen Stalin: Überlebenskunst in Holocaust und Geheimdienstkrieg* [Klatt. L'ebreo agente speciale di Hitler contro Stalin: l'arte della sopravvivenza nell'Olocausto e nella guerra dei servizi segreti], Berlin 2015, p. 746; H.M. Enzensberger, *Hammerstein oder der Eigensinn: Eine deutsche Geschichte* [Hammerstein, o Della caparbietà. Una storia tedesca], Frankfurt-Main 2008, pp. 300-305.

Образ Блюмкина в художественной литературе, публицистике и кинематографе

Я завожу разговор о только что подавленном в Москве восстании левых эсеров; о судьбе чернобородого семнадцатилетнего еврейского мальчика, который, чтобы «спасти честь России», бросил бомбу в немецкое посольство...

Анатолий Мариенгоф. Циники

Говоря об отображении образа Якова Блюмкина в кинематографе, нужно вспомнить два фильма. Первый из них, «Шестое июля», в этом году отметил пятидесятилетие. Советский полнометражный чёрно-белый художественный фильм режиссера Юлия Карасика снимался в 1968 г. на киностудии «Мосфильм» по шедшей ранее в театре МХАТ и Московском драматическом театре имени К.С. Станиславского одноимённой пьесе Михаила Шатрова. В кинокартине был задействован коллектив замечательных актёров: Юрий Каюров сыграл роль Ленина, Владимир Татосов — Якова Свердлова, актриса Театра на Таганке Алла Демидова — роль лидера левых эсеров Марии Спиридоновой, Василий Лановой — Феликса Дзержинского, Владимир Самойлов — Николая Подвойского, Армен Джигарханян — роль Проша Прошьяна, члена ЦК левых эсеров. На роль Блюмкина режиссёр пригласил актера Театра имени Вахтангова Вячеслава Анатольевича Шалевича.

Здравствующий актёр Малого театра Юрий Иванович Каюров вспоминает: «В 1968 г. фильм “Шестое июля” должен был ехать на кинофестиваль в Карловы Вары. А в то время в Чехословакии шла так называемая бархатная революция. Перед отправлением этот фильм (о восстании левых эсеров в Москве) посмотрел Брежнев и сказал: “Пусть посмотрят и поймут,

что их ожидает<...>”. В итоге мы получили Приз журналистики за точное изображение исторической личности»¹.

Речь в интервью идёт о специальной премии международного жюри авторов фильмов на XVI Международном кинофестивале в Карловых Варах (ЧССР) — за правдивое драматическое отражение важнейших исторических событий. Любопытно, что отцом народного артиста РСФСР Вячеслава Шалевича был кадровый чекист, старший лейтенант госбезопасности, помощник начальника Полоцкого окружного отдела НКВД Белорусской ССР, затем Мозырского окружного отдела НКВД БССР в 1936–1937 гг. Затем он был переведен в Архангельскую область, где его арестовали 22 сентября 1937 г. в должности помощника начальника отдела Управления госбезопасности УНКВД по Архангельской области. Четвёртого июня 1938 г. Анатолий Шалевич был осужден на пять лет лагерей. Однако ещё до рождения сына мать будущего актёра уехала от мужа из Минска в Москву и сына воспитывала одна. Вячеслав Шалевич считал отца погибшим на советско-финской войне и правду узнал только в 38 лет, когда на гастролях в Бийске в 1972 г. встретился с мужчиной, представившимся его отцом.

Съёмки эпизода с покушением на Мирбаха велись в особняке Берга в Денежном переулке. Причём режиссер и главный консультант фильма известный историк Владлен Логинов почему-то позволили актёру исполнявшему роль Блюмкина не использовать накладную бороду в соответствии с реальным обликом террориста в 1918 г. В 1970 г. фильм «Шестое июля» получил диплом Государственного комитета СССР по кинематографии и Союза кинематографистов СССР на IV Всесоюзном кинофестивале в Минске — за идейно-художественные достоинства и большой успех у зрителей.

В 2005 г. Блюмкин снова появился на телеэкране. На этот раз его сыграл Гоша (Юрий) Куценко. Актёр в роли Блюмкина предстал перед зрителями в многосерийном художественном телефильме «Есенин», излагающем конспирологическую версию смерти Сергея Есенина. Фильм снял режиссёр Игорь Зайцев по мотивам произведения Виталия Безрукова «Сергей Есенин», главную роль сыграл сын сценариста Сергей Безруков. В исполнении эксцентричного Куценко не носивший к этому времени бороды Блюмкин гораздо больше походил на сохранившиеся фотографии исторического героя. Об отношениях Блюмкина с Есениным будет упомянуто далее.

Небезынтересно, что в том же самом 2005 г. на телеэкраны вышел многосерийный фильм Владимира Хотиненко «Гибель империи», в девятой серии которого («Лето в Киеве») запоминающийся образ эсер-

¹ «Все мы немножко Ленины»: интервью трёх актёров, исполнявших в кино роль В.И. Ленина: Михаила Ульянова, Юрия Каюрова и Виктора Сухорукова // Московский комсомолец. 2001. 21 апреля.

ки Ковской создала российская актриса театра и кино Мария Порошина. Мария Ковская — это прототип легендарной Ирины Каховской, которую Блюмкин поначалу ошибочно считал причастной к организации покушения на него в Киеве в 1919 г. Не менее интересно, что переживший три покушения подряд убийца посла Мирбаха потом выяснил, что покушения на него организовывала его бывшая жена Лидия Соркина².

Перейдём к литературным связям «романтика революции» (выражение Вадима Шершеневича). Поэты-имажинисты, заявившие о создании своего объединения в январе 1919 г., спустя девять месяцев оформились в «Ассоциацию вольнодумцев в Москве». Наряду с Есениным, Мариенгофом, Шершеневичем и другими имажинистами под уставом подписался и Яков Блюмкин.

Блюмкин начал одновременно приобщаться к литературе и идеям революции. Двое его старших братьев — Исай и Лев — сотрудничали в одесских либеральных газетах. Третий брат, Натан Григорьевич Блюмкин, писавший под псевдонимом Н. Базилевский, получил признание в качестве драматурга. Эсеровским кружком, в котором подвизался юный Симха-Янкель (под этим именем Яков Блюмкин значится в картотеке Департамента полиции, хранящейся в Государственном архиве Российской Федерации), руководил Валерий Кудельский (настоящие имя и фамилия — Вольф Гамбург), больше известный по своему литературному псевдониму Горожанин. Ставший впоследствии видным чекистом, Кудельский-Горожанин был дружен с Бабелем и Маяковским; последний посвятил ему поэму «Солдат Дзержинского».

Как видно из справки наружного наблюдения царской полиции, семнадцатилетний ученик технического училища Симха-Янкель Гершев Блюмкин попал под слежку 10 декабря 1915 г. по подозрению в связях с одесской группой анархистов-коммунистов. Одессит Валентин Катаев, хорошо наслышанный о Блюмкине, вывел его под именем чекиста Наума Бесстрашного в повести «Уже написан “Вертер”»: «До революции он был нищим подростком, служившим в книжном магазине, где среди бумажной пыли, по ночам, при свете огарка, в подвале запоем читал исторические романы и бредил гильотиной и Робеспьером»³.

В 1929 г. в своей автобиографии, хранящейся ныне в его расстрельном следственном деле, Блюмкин утверждал, что писал в юности стихи

2 Подробнее см.: Леонтьев Я. Пуля и обручальное кольцо для террориста, или страсти Якова Блюмкина по-киевски // Historians. 2014. 24 October. URL: <http://www.historians.in.ua/index.php/en/doslidzhennya/1308-yaroslav-leontev-pulia-y-obruchalnoe-koltso-dlia-terrorysta-ily-strasty-yakova-bliumkina-po-kyevsky>.

3 Катаев В.П. Алмазный мой венец: роман; Уже написан «Вертер»: повесть. М., 1990. С. 259–260.

и публиковался в детско-юношеских изданиях, например в киевском журнале «Клич». Однако его стихи, в отличие от нескольких публицистических текстов, до сих пор не были найдены.

После революции Блюмкин водил дружбу прежде всего с такими же «леваками», как и он сам. В числе одесских эсеров-максималистов особенно выделялись Пётр Зайцев по кличке Цезарь и Борис Черкунов. Первый из них, возглавлявший Исполнительное бюро Одесского союза эсеров-максималистов, стал начальником штаба у знаменитого авантюриста подполковника Муравьёва.

Черкунов, считавший себя поэтом-футуристом, принадлежал к числу закадычных друзей знаменитого матроса Железняк. С середины 1918 г. он был политкомиссаром полка, которым командовал Железняк в дивизии Василия Киквидзе. После событий 6 июля 1918 г. оба они — и Зайцев, и Черкунов — были задержаны в Москве. Однако Анатолий Железняков, находившийся тогда ещё в фаворе у большевиков, взял их на поруки⁴. Однако перед этим Цезарь успел дать компрометирующие показания на Блюмкина.

Рассказ Зайцева не был помещён в «Красной книге ВЧК». По словам редактора первого тома этого сборника П. Макинциана, он не был включён в книгу «ввиду того, что свидетель говорит исключительно о личности Якова Блюмкина» и из-за того, что «факты, компрометирующие личность Блюмкина, проверке не поддаются»⁵. Теперь можно на них подробно остановиться. Спустя всего четыре дня после убийства посла Германии, 10 июля 1918 г. Зайцев сообщил: «Якова Блюмкина я знаю лет пять-шесть ещё по Одессе. Происходит он из очень бедной семьи. Хотя Блюмкин мне рассказывал, что он учился в гимназии, но моё личное впечатление таково, что систематического образования он не получил и что история про гимназию совершеннейшая ложь <...>. У Блюмкина есть брат по имени Лев — анархист по убеждениям и одновременно сотрудник буржуазных газет, в том числе и “Южной Мысли”»⁶.

Уточним, что на самом деле родившийся в семье приказчика в Одессе, по происхождению из мещан городка Сосница Черниговской губернии, Блюмкин окончил Первую Одесскую Талмуд-тору — пятиклассное еврейское духовное училище. С 1913 г. он обучался в электротехнической мастерской, затем поступил в Одесское техническое училище инженера

4 Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1917–1925 гг. Т. 2, ч. 2. Июль – октябрь 1918 г. / сост. Я.В. Леонтьев, М.И. Люхунзаев, Д.И. Рублев. М.: Политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2015. С. 301.

5 Красная книга ВЧК. М., 1990. Т. 1. С. 183.

6 Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1917–1925 гг. Т. 2, ч. 2.

Линдерна. С 1912 г. участвовал в ученических эсеровских кружках, был связан с группой анархистов-коммунистов, и в шестнадцатилетнем возрасте, в 1914 г., вступил в партию социалистов-революционеров.

«Якова Блюмкина я встретил в Москве уже после отступления из Одессы Советской армии, то есть в промежуток времени от 15 до 17 мая, — продолжает Зайцев. — Яков мне рассказывал, что он был в армии помощником начальника штаба.

Мой товарищ Черкунов, максималист, принявший от Блюмкина должность помощника начальника штаба, говорил мне, что Блюмкин рассказывал ему, Черкунову, обо мне, так как знал по Одессе <...>⁷.

Речь здесь идёт о Третьей Революционной армии, сформированной в начале 1918 г. в Одессе. Блюмкин вступил бойцом-добровольцем в Первый Одесский железный отряд, входивший в её состав. Почти сразу он стал выборным командиром этого отряда, а после отхода из Одессы ввиду наступления австрийских и германских войск эвакуировался в Феодосию. При дальнейшем отступлении армии по территории Украины он занимал должности помощника начальника штаба армии и начальника информационного (разведывательного) отдела. В мае 1918 г. он прибыл в Москву и поступил в распоряжение Центрального Комитета ПЛСР (партии левых социалистов-революционеров).

В другом месте своих показаний Цезарь изложил, что именно сообщил Яков его товарищу, «что Зайцев, должно быть, увёз много миллионов из Одессы, что он не студент, как себя выдаёт, а его уволили из третьего класса гимназии и пр.». Закончилось тем, что Цезарь устроил Блюмкину очную ставку с Черкуновым. Во время неё, «когда Черкунов повторил, что Блюмкин говорил в штабе Третьей армии, тот стал отказываться от своих слов, заявив, что Черкунов лжёт». Однако последний продолжал настаивать на своих словах. Тогда Блюмкин снова назвал его лгуном и хотел было ударить, но Зайцев удержал разошедшегося Якова и заявил, что доверяет Черкунову больше, чем ему. Зато при первой же следующей встрече Блюмкин, по словам Зайцева, сознался в том, «что это действительно он солгал, и просил извинения»⁸.

Встречи Блюмкина с Зайцевым проходили в гостинице «Элит» (ныне гостиница «Будапешт») неподалеку от Большого театра. Из показаний «Цезаря» следует, что именно из видных левых эсеров мог оказывать Блюмкину покровительство. В одной из сценок, изложенных Зайцевым, фигурирует член Президиума и казначей ЦК левых эсеров Лазарь Голубовский: «Во время беседы с Голубовским вошёл в комнату Блюмкин, поздоровался, и затем меня попросили выйти, потому что Блюмкин что-то должен передать

7 Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1917–1925 гг. Т. 2, Ч. 2.

8 Там же. С. 773.

Голубовскому»⁹. Как видим, Блюмкин мог довольно-таки запросто войти к одному из самых влиятельных на тот момент лиц в партии левых эсеров. Появлялся он и на заседаниях Центрального Комитета, который рекомендовал его на работу в ВЧК на должность заведующего Секретным отделением (по борьбе с международным шпионажем) отдела по борьбе с контрреволюцией.

Сохранился потрясающий газетный репортаж журналиста Виктора Финка о встрече с Блюмкиным в гостинице «Элит»: «В.Г. Финку сообщают, что в одном из номеров “Элит” помещается секретный отдел Всероссийской комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем.

Через десять минут В.Г. Финка вводят в обширный номер.

За письменным столом сидит господин лет двадцати пяти, в роскошном шёлковом бухарском халате с тибетейкой на голове и высоких красных сапогах. Из-под тибетейки развеваются чёрные кудрявые космы. Пронзительный странный взгляд чёрных бегающих глаз. В руках этого господина револьвер, другой револьвер лежит на столе. На диване кривая турецкая шашка.

— Блюмкин, начальник секретного отдела, — представляется господин в тибетейке. <...>

Блюмкин заявляет Финку, что, по сведениям секретного отдела, в Москве при германском посольстве в качестве агента служит Азеф, который следит за советской властью и, несомненно, готовит провокацию. Приехал он сюда под видом комиссионера и для отвода глаз занимается какими-то торговыми делами.

Финк выражает сомнение в том, что Азеф сейчас в Москве, так как едва ли он рискнул бы поехать в Россию и тем более в Москву, где его многие знают. Блюмкин уверяет, что сведения об Азефе достоверны, и предложил Финку предоставить в распоряжение отдела фотографическую карточку Азефа. <...>

Прощаясь с Финком, Блюмкин, показывая на револьвер, заявил ему, что весь этот разговор должен остаться в абсолютной тайне, иначе Финк рискует своей жизнью»¹⁰.

В комнате № 221 гостиницы «Элит» Блюмкин проживал вместе со своим земляком по Одессе и соратником по партии, членом Одесского комитета партии левых эсеров Николаем Андреевым (вторым убийцей Мирбаха). Конечно, в Одессе надо искать и другие источники знакомств Блюмкина. Например, с идейным вдохновителем эсеров-максималистов Фердинандом Светловым, родным дедом Наталии Дмитриевны Солженицыной. В Союз максималистов, возглавляемый журналистом Светловым, Блюмкин перешёл из партии левых эсеров в 1919 г. Одесситом был и Яков

9 Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1917–1925 гг. Т. 2, Ч. 2. С. 770.

10 Вечерние огни. Петроград. 1918. 16 июля. № 72. С. 4.

Фишман, окончивший химический факультет Неаполитанского университета со степенью доктора естественных наук и Высшую магистерскую школу с дипломом магистра химии и затем преподававший в Политехнической школе в Неаполе (состоял ассистентом по кафедре промышленной химии и товароведения). Профессиональный химик Фишман и изготовил бомбы, с которыми Блюмкин и Андреев отправились в посольство Германии.

В 1920–1930 гг. Светлов заведовал отделом критики и библиографии в газете «Известия». Перешедший в компартию бывший левый эсер Фишман в феврале 1921 г. выехал в Италию в качестве советского военного атташе. Он обзавёлся агентурой и при помощи итальянских коммунистов скупил ряд секретных документов и образцы нового оружия. После провала операции по переправке двух военных самолётов в Россию Фишман был выслан из Италии, после чего был советским военным атташе в Берлине, а в августе 1925 г. возглавил Военно-химическое управление РККА¹¹.

Поэт и художник Аркадий Штейнберг, тоже уроженец Одессы, в своих надиктованных воспоминаниях поведал о близком знакомстве своего дяди, известного московского журналиста, большого знатока Ближнего Востока Давида Азовского с Блюмкиным. По словам Штейнберга, «дядя рассказывал, как Блюмкин приходил к нему домой на Сивцев Вражек, поднимался на пятый этаж, сидел на подоконнике и всё время куда-то смотрел. И только потом, когда Блюмкин убил Мирбаха, дядя понял, зачем он приходил и внимательно всё осматривал. Дело в том, что из окна дядиной квартиры хорошо просматривалась территория германского посольства»¹².

Небезынтересно отметить, что в той же самой квартире как раз в это время снимал комнату Борис Пастернак, печатавшийся в органах левых эсеров. Квартира эта описана им в «Охранной грамоте»: «В не убиравшуюся месяцами столовую смотрели с Сивцева Вражка зимние сумерки, террор, крыши и деревья Приарбатя...»

Не исключено, кстати, что Блюмкин, поступивший в 1919 г. на восточное отделение Военной академии РККА и посещавший заседания Всероссийской научной ассоциации востоковедения, заразился интересом к Турции и Персии у Азовского, пожившего в этих странах. В академии Блюмкин изучал (и небезуспешно) фарси.

Пересекался ли Пастернак с Блюмкиным у Азовского — об этом история пока умалчивает. Но с Есениным, Маяковским и Мандельштамом Блюмкин точно познакомился вскоре после своего появления в Москве. Вот что запомнил повстречавший Блюмкина на пару с Есениным поэт Владислав Ходасевич: «Весной 1918 г. я познакомился в Москве с Есениным. <...>

11 См. о нём: Леонтьев Я. В мир — бах. Судьба Якова Фишмана // Русская жизнь. 2008. № 17. С. 102–108; Леонтьев Я.В. Доктор химии и его воспитанница // Stanford Slavic Studies. 2012. Т. 41. С. 75–88.

12 Штейнберг А.А. К верховьям. М., 1997. С. 302.

Вращался он тогда в дурном обществе. Преимущественно это были молодые люди, примкнувшие к левым эсерам и большевикам, довольно невежественные, но чувствовавшие решительную готовность к переустройству мира. Философствовали непрестанно, и непременно в экстремистском духе. Люди были широкие. Мало ели, но много пили. Не то пламенно веровали, не то пламенно кощунствовали. Ходили к проституткам проповедовать революцию — и били их. <...> Все писали стихи и все имели непосредственное касательство к ЧК»¹³. Однажды Есенин, по словам Ходасевича, привёл на одну литературную вечеринку «бородатого брюнета в кожаной куртке»: «Брюнет прислушивался к беседам. Порою вставлял словцо — и не глупое. Это был Блюмкин, месяца через три убивший графа Мирбаха, германского посла. Есенин с ним, видимо, дружил»¹⁴.

Примыкавший тогда к футуристам писатель и драматург Борис Лавренёв в гротескной форме рассказал о встрече Блюмкина с Маяковским в одном из литературных кафе и о произошедшем столкновении между ними: «В 1918 г. я встретил Маяковского в Настасьинском переулке в подвальчике, носившем название “Кафе поэтов”. Я пришёл с Давидом Бурлюком и какой-то футуристической поэтессой, носившей нечеловеческое имя и такое же нечеловеческое одеяние. Вместо кофточки у неё была надета на голое тело рыболовная сеть с мелкими ячейками. В этот вечер в кафе набилась масса народа. Вёл программу шумевший тогда левый эсер Блюмкин, который позже убил германского посла Мирбаха, подав сигнал к началу бездарного путча левых эсеров»¹⁵.

В тот раз Блюмкин и Маяковский, по словам Лавренёва, серьёзно повздорили. Позже они, однако, помирились и даже сдружились, о чем свидетельствуют три дарственные надписи поэта Блюмкину на своих книгах, хранящихся ныне в Государственном музее Маяковского в Москве. Начинаются инскрипты всегда со слова «Дорогому»¹⁶.

Что касается Осипа Мандельштама, то, со слов Надежды Мандельштам, известно, что Блюмкин однажды предложил её мужу сотрудничать «в новом, ещё только организуемом учреждении, которому он предсказывал великую будущность. По мнению Блюмкина, это учреждение должно было определить эпоху и стать средоточием власти... Функции этого “нового учреждения” О. М. [Осип Мандельштам] впервые понял во время стычки с Блюмкиным. <...> Ссора О. М. с Блюмкиным произошла

13 Ходасевич В.Ф. Некрополь: воспоминания. М., 1991. С. 142.

14 Там же. С. 143.

15 Лавренев Б.А. Встречи с В.В. Маяковским // Звёздный цвет: повести, рассказы и публицистика. М., 1986.

16 См.: Леонтьев Я. Блюмкин и литературная богема // Велидов А.С. Похождения террориста: Одиссея Якова Блюмкина. М., 1998. Приложение.

за несколько дней до убийства Мирбаха. По самой дате видно, что с понятием “чекист” тогда ещё почти ничего не связывалось. <...> Хвастовство Блюмкина, что он возьмёт да пустит в расход интеллигентшу искусствоведа, довело другого хилого интеллигента, Мандельштама, до бешенства, и он сказал, что не допустит расправы. Блюмкин заявил, что не допустит вмешательства О. М. в “свои дела” и пристрелит его, если тот только посмеет “сунуться”»¹⁷.

Сведения о трениях Блюмкина с Мандельштамом содержатся и в показаниях Петра Зайцева. В первых числах июля он повстречал чекиста и поэта у выхода из гостиницы «Элит». Рядом с ним Зайцев заметил двух человек: «Одного из них я знаю по Одессе, это анархист Юрий Дубман, другого в первый раз увидал. Мне его представил Блюмкин поэтом Мандельштамом. <...> Завязался общий разговор. Между прочим, Блюмкин отозвал в сторону анархиста Юрия и стал ему что-то говорить. Я слышал только следующие слова: “Мандельштам может проболтаться — он дурак, скажи ему...”»¹⁸ Никакого комментария к сказанному Зайцев не сделал.

Выступая свидетелем по делу о событиях 6 июля, Феликс Дзержинский свидетельствовал: «За несколько дней, может быть за неделю, до покушения я получил от Раскольников и Мандельштама (в Петрограде работает у Луначарского) сведения, что этот тип в разговорах позволяет себе говорить такие вещи: “Жизнь людей в моих руках, подпишу бумажку — через два часа нет человеческой жизни. Вот у меня сидит гражданин Пусловский, поэт, большая культурная ценность, подпишу ему смертный приговор”, но, если собеседнику нужна эта жизнь, он её “оставит” и т. д. Когда Мандельштам, возмущённый, запротестовал, Блюмкин стал ему угрожать, что, если он кому-нибудь расскажет о нём, он будет мстить всеми силами. <...> В тот же день на собрании комиссии [ВЧК] было решено по моему предложению нашу контрразведку распустить и Блюмкина пока оставить без должности. До получения объяснений от ЦК левых эсеров я решил о данных против Блюмкина комиссии не докладывать. Блюмкина я ближе не знал и редко с ним виделся»¹⁹.

Составители хроники «Даты жизни и творчества» О.Э. Мандельштама фиксируют его столкновение с Блюмкиным, когда поэт выхватил и порвал пачку расстрельных ордеров, июнем 1918 г.²⁰ Между тем Зайцев утверждал, что встретил их и Дубмана «за два-три дня до съезда», то есть уже в начале июля. Как известно, V Всероссийский съезд Советов открылся 4 июля, а допрос с Зайцева снимали по свежим следам, поэтому нет

17 Мандельштам Н.Я. Воспоминания. Париж, 1982. С. 111–112.

18 Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1917–1925 гг. Т. 2, Ч. 2. С. 771–772.

19 РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 21. Л. 4 об. – 5.

20 Мандельштам О.М. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4. М., 1997. С. 440.

оснований не верить его датировкам. Таким образом, одно из двух: либо ссора произошла уже после этого, либо конфликт между ними был улажен.

Судя по всему, слова о том, что «Мандельштам может проболтаться», вряд ли относились к теме покушения на Мирбаха. Если же речь шла как раз о злополучных ордерах, то понятен его страх перед чекистским руководством и перед партийными лидерами.

После убийства графа фон Мирбаха интерес к фигуре Блюмкина в литературно-художественных кругах вырос неимоверно. Художник Натан Альтман назвал Блюмкина «интересным убийцей». Ему вторил Александр Блок, зафиксировавший в записной книжке: «Вечером <...> приходил Мандельштам. <...> Интересен рассказ об убийце Мирбаха» (запись от 20 октября 1918 г.)²¹. Думается, Мандельштаму было о чём поведать Блоку. Тем же октябрем 1918 г. датировано известное стихотворение «Частушка молитв» поэта-имажиниста Вадима Шершеневича, тогда активно сотрудничавшего с анархистами, с посвящением Я. Блюмкину.

А вот как описывала более позднюю встречу Блюмкина с Николаем Гумилёвым в зале Дома печати (во время приезда поэта в Москву в 1920 г.) поэтесса Ирина Одоевцева: «огромный рыжий товарищ в коричневой кожаной куртке, с наганом в кобуре» ходил за поэтом по пятам, «как тень», и декламировал его стихи. Узнав, кто этот детина, Гумилёв вдруг сразу изменился в лице: «Блюмкин? Тот самый? Убийца Мирбаха? В таком случае — с большим удовольствием. — И он, улыбаясь, пожимает руку Блюмкина. — Очень, очень рад...»²²

«От надменности и холода не осталось и следа», — добавляет мемуаристка. В сказанном Одоевцевой не позволяет усомниться известное гумилёвское стихотворение «Мои читатели», в котором есть такие строчки:

Человек, среди толпы народа,
Застреливший императорского посла,
Подошёл пожать мне руку.
Поблагодарить за мои стихи.

Упоминается Блюмкин, хотя и без имени, в необычной поэме Велимира Хлебникова «Зангези», также датированной 1920 г., в её части «Площадь XVIII»:

Было проделано чудо жестокости,
Въелось железо человечеству до кости,
Пушки отдыхали лишь по воскресеньям,

21 Блок А.А. Записные книжки. 1901–1920. М., 1965. С. 432.

22 Одоевцева И.В. На берегах Невы: литературные мемуары. М., 1988. С. 250–251.

Ружья воткнуть казалось спасеньем.
Приказ грозе и тишине,
Германский меч был в вышине.
И когда мир приехал у какого-то договора на горбах
Через три в пятой
Был убит эсером Мирбах

Наконец, в третьем номере журнала «ЛЕФ» (журнал Левого фронта искусств) за 1923 г. было опубликовано стихотворение Николая Асеева «Бомба». Оно открывалось посвящением: «т. Блюмкину» — и начиналось со строк:

Как тиф начинается стих,
Разбуженным жаром внезапно,
Как — горлу приставленный штык
Руки торопливая запись:
Разряда гремющий ожог,
Разрыва кровавые плети,
Растянутый — навкрест — прыжок,
К лицу прилипающий ветер...

Не менее выразительными были и дарственные надписи Блюмкину на книгах. Известны инскрипты Маяковского, Есенина и Шершеневича. Исследователь есенинской библиографии Н.Г. Юсов приводит такую надпись на сборнике «Радуница», сделанную в кафе «Стойло Пегаса»:

Тов. Блюмкину
с приятнью
на весёлый вспомин
рязанского озорника.
Сергей Есенин
Москва
Стойло
26 янв. 21 г.²³

В 1995 г. на выставке в Государственном литературном музее, посвящённой столетнему юбилею С.А. Есенина, демонстрировался сборник стихов Шершеневича «Крематорий» (1919) с такой дарственной надписью Блюмкину: «Милому Яше — “террор в искусстве и в жизни” — наш лозунг. С дружбой Вад<им> Шершеневич». Интересно, что та же самая мысль

²³ Юсов Н.Г. «С добротой и щедротами духа...»: дарственные надписи Сергея Есенина. Челябинск, 1996. С. 28.

варьировалась и в блюмкинских словах, обращённых к Есенину (в передаче бывшего секретаря «Ассоциации вольнодумцев» Матвея Ройзмана): «Я — террорист в политике, — однажды сказал он Есенину, — а ты, друг, террорист в поэзии!»²⁴

Таким образом, образ Блюмкина не раз находил отражение в художественной литературе, публицистике и кинематографе. В представленной статье акцент сделан именно на 1918 г., хотя и дальнейшие хождения террориста привлекали современников и продолжают привлекать внимание литераторов и режиссёров. Находки архивных текстов продолжаются. Из них самая последняя по времени — ранее не публиковавшийся очерк журналиста и писателя Виктора Сержа, активного участника анархистского движения во Франции, Бельгии и Испании, а затем видного деятеля Коминтерна, созданный на основе эксклюзивного интервью с Блюмкиным в 1920 г., был опубликован в начале 2018 г.²⁵

²⁴ Ройзман М.Д. Всё, что помню о Есенине. М., 1973. С. 111.

²⁵ С этого момента события развивались неотвратимо, вплоть до исчезновения Партии левых эсеров с политической сцены» (Серж Виктор. Казнь посла Германии графа Мирбаха (Москва, 6 июля 1918 г.): публ. А.В. Гусева и Я.В. Леонтьева // Отечественные архивы. 2018. № 2).

La figura di Bljumkin nella letteratura, nella pubblicistica e nel cinema

Traduzione di Ugo Persi

«Sto per iniziare il discorso sull'insurrezione dei socialisti rivoluzionari di sinistra appena sedata a Mosca; sul destino del diciassettenne ragazzo ebreo dalla barba nera, che lanciò una bomba nell'Ambasciata tedesca per "salvare l'onore della Russia"...».

(*Dal romanzo I cinici di Anatolij Mariengof*)

Per parlare dei riflessi della figura di Jakov Bljumkin nel cinema, bisogna tener presenti due film: il primo, intitolato *6 luglio*, ha festeggiato quest'anno il suo cinquantenario. Questo lungometraggio in bianco e nero, risalente all'epoca sovietica e diretto dal regista Julij Karasik, fu girato nel 1968 negli studi "Mosfil'm" come versione cinematografica dell'omonimo dramma di Michail Šatrov, che in precedenza era andato in scena al teatro MChAT¹ e al Teatro di Prosa di Mosca "K.S. Stanislavskij". Facevano parte del cast attori d'eccezione: Jurij Kajurov vi interpretava la parte di Lenin; Vladimir Tatosov quella di Jakov Sverdlov; Alla Demidova, attrice del Teatro alla Taganka, interpretava il ruolo della leader dei socialisti rivoluzionari di sinistra² Marija Spiridonova; Vasilij Lanovoj era Feliks Dzeržinskij, Vladimir Samojlov, invece, Nikolaj Podvojskij, mentre Armen Džigarchanjan interpretava Proš Proš'jan, membro del Comitato centrale degli SRS. Il regista propose la parte di Bljumkin a Vjačeslav Anatol'evič Šalevič, attore del Teatro "E. Vachtangov".

1 Acronimo di Moskovskij Chudožestvennyj Akademičeskij Teatr [Teatro accademico d'arte di Mosca]. Celebre teatro fondato nel 1898 da K.S. Stanislavskij e V. I. Nemirovič-Dančenko in cui ebbero luogo le prime rappresentazioni dei drammi di A.P. Čechov. [N. d. T.]

2 In russo è corrente indicare gli appartenenti a questo partito come Levye Esery (dalla sigla SR = Socialisty-Revoljucionery); d'ora in avanti qui saranno indicati con la sigla SRS. [N. d. T.]

Jurij Ivanovič Kajurov, che ancora calca le scene del Malyj Teatr, così ricorda: «Nel 1968 il film *Sei luglio* doveva essere presentato al festival del cinema di Karlovy Vary, ma in Cecoslovacchia a quel tempo era in corso la cosiddetta rivoluzione di velluto. Il film, che parla dell'insurrezione degli SRS, prima di essere inviato fu proiettato alla presenza di Brežnev, che disse: "Che lo guardino pure e che capiscano cosa li aspetta [...]". Il risultato fu che noi ricevemmo il Premio dei giornalisti per la puntuale rappresentazione di una personalità storica»³.

Nell'intervista si parla del premio speciale del XIV Festival internazionale del cinema di Karlovy Vary conferito da una giuria internazionale per la veritiera trasposizione drammatica di avvenimenti storici d'eccezionale portata. Curioso è il fatto che il padre dell'attore Vjačeslav Šalevič era un agente di carriera della Čeka, tenente superiore della sicurezza nazionale, assistente del capo dell'ufficio distrettuale dell'NKVD⁴ della Repubblica Sovietica Bielorussa e in seguito, dal '36 al '37, dell'ufficio distrettuale dell'NKVD di Mazyr. Fu poi trasferito nella regione di Archangel'sk, dove il 22 settembre 1937 venne arrestato in qualità di assistente del capo della Direzione per la sicurezza nazionale dell'NKVD della regione di Archangel'sk. Il 4 luglio 1938 Anatolij Šalevič fu condannato a 5 anni di lager. Tuttavia, ancor prima della nascita del figlio, la madre del futuro attore si separò dal marito e lasciò Minsk per trasferirsi a Mosca assumendosi la responsabilità per l'educazione del figlio. Vjačeslav Šalevič credeva che il padre fosse morto durante la guerra russo-finlandese e conobbe la verità all'età di 38 anni quando, trovandosi in tournée a Bijsk⁵ nel 1972, incontrò un uomo che gli si presentò come suo padre.

Le riprese dell'episodio relativo all'attentato a Mirbach⁶ furono effettuate a Villa Berg. Tra l'altro, il regista e il consulente del film, il noto storico Vladden Loginov, per ragioni loro permisero all'attore che interpretava Bljumkin di non indossare la barba posticcia che lo avrebbe reso somigliante al terrorista come appariva nel 1918. Nel 1970 il film *Sei luglio*, per il valore ideologico-artistico e per il grande successo di pubblico, ottenne al IV Festival Pansovietico del Cinema di Minsk il diploma del Comitato Statale dell'URSS per la cinematografia e dell'Unione dei Cineasti dell'URSS.

Nel 2005 Bljumkin di nuovo fece la sua comparsa sui teleschermi. Questa volta la parte fu interpretata da Goša (Jurij) Kucenko; nel ruolo

3 "Tutti noi, in qualche misura, siamo dei Lenin". Intervista a tre attori che hanno interpretato nel cinema il ruolo di V.I. Lenin: Michail Ul'janov, Jurij Kajurov e Viktor Sučorukov, in «Moskovskij komsomolec», 21 aprile 2001.

4 Acronimo di Narodnyj Komissariat Vnutrennich Del (Commissariato del popolo per gli Affari interni). [N. d. T.]

5 Seconda città per popolazione, dopo la capitale Barnaul, della regione degli Altaj, nella Siberia meridionale. [N. d. T.]

6 Wilhelm von Mirbach-Harff (1871-1918); dall'aprile al 6 luglio 1918, giorno in cui fu assassinato, fu Ambasciatore dell'impero germanico a Mosca. [N. d. T.]

del terrorista egli appariva nel serial televisivo *Esenin*, che presentava una versione ‘cospirologica’ della morte di Sergej Esenin. Il film era diretto dal regista Igor’ Zajcev in una libera versione dell’opera *Sergej Esenin* di Vitalij Bezrukov; il ruolo principale era interpretato da Sergej Bezrukov, figlio dello sceneggiatore. Nell’interpretazione dell’eccentrico Kucenko, Bljumkin, che in quel tempo non portava la barba, assomigliava molto di più alle foto del personaggio storico giunte fino a noi. Sui rapporti che legavano Bljumkin a Esenin riferirò in seguito.

È opportuno ricordare che in quello stesso 2005 sui teleschermi veniva presentato il serial di Vladimir Chotinenko *La morte di un impero*, nel cui nono episodio (“Estate a Kiev”) la straordinaria figura della SRS Kovskaja era interpretata dall’attrice cinematografica e teatrale Marija Porošina, che in quel tempo era la moglie di Goša Kucenko. Marija Kovskaja è il prototipo della leggendaria Irina Kachovskaja, che inizialmente Bljumkin erroneamente ritenne coinvolta nell’organizzazione dell’attentato a suoi danni avvenuto a Kiev nel 1919. Di non minore interesse è il fatto che Bljumkin, oggetto di tre attentati in successione, accertò poi che quell’attentato era stato organizzato dalla sua ex-moglie Lidija Sorkina⁷.

Passiamo ora ai legami letterari del “romantico della rivoluzione” (l’espressione è di Vadim Šeršenevič⁸). I poeti immaginisti, che avevano annunciato la fondazione del loro gruppo nel gennaio del 1919, nove mesi dopo si costituirono nell’“Associazione dei liberi pensatori di Mosca”. In calce al loro statuto compare anche la firma di Jakov Bljumkin oltre a quelle di Esenin, Mariengof, Šeršenevič ed altri.

Bljumkin iniziò ad accostarsi alla letteratura contemporaneamente al suo avvicinamento alle idee della rivoluzione. I suoi due fratelli maggiori, Isaj e Lev, collaboravano con alcuni giornali liberali di Odessa. Il terzo fratello, Natan Grigor’evič Bljumkin, che scriveva con lo pseudonimo N. Bazilevskij, aveva raggiunto una certa notorietà come drammaturgo. Il circolo SRS in cui agiva il giovane Simcha-Jankel’ (Jakov Bljumkin risulta con questo nome nel casellario del dipartimento di polizia conservato nell’Archivio di Stato della Federazione Russa) era capeggiato da Valerij Kudel’skij (nome e cognome veri sono Vol’f Gamburg), meglio noto con lo pseudonimo letterario di Gorožanin. Divenuto in seguito un agente in vista della Čeka, Kudel’skij-Gorožanin era amico di Babel’ e Majakovskij, e quest’ultimo gli dedicò il poema *Il soldato di Dzeržinskij*.

7 Per approfondimenti vedasi: Ja. Leont’ev, *Pulja i obručal’noe kol’co dlja terrorista, ili Strasti Jakova Bljumkina po-kievski* [Una pallottola e una fede nuziale per il terrorista, ovvero Le passioni alla kieviana di Jakov Bljumkin], in «Historians», 24 ottobre 2014 (<http://www.historians.in.ua/index.php/en/doslidzen-nya/1308-yaroslav-leontev-pulja-y-obruchalnoe-koltso-dlia-terrorysta-lyly-strasty-yakova-bliumkina-po-kyevsky>).

8 Vadim Gabrielevič Šeršenevič (1893–1942) fu un poeta dell’epoca del Simbolismo russo, capofila della corrente dell’Immaginismo. [N. d. T.]

Come risulta da un rapporto di osservazione a distanza effettuato dalla polizia zarista, il diciassettenne Simcha-Jankel’ Geršev Bljumkin, allievo dell’Istituto tecnico, era finito sotto sorveglianza il 10 febbraio 1915 per sospetti legami con un gruppo di anarchici comunisti odessiti. Valentin Kataev⁹, anch’egli di Odessa, ben informato su Bljumkin, lo raffigurò nel racconto *Il ‘Werther’ è già stato scritto* sotto le spoglie dell’agente della Čeka Naum Besstrašnyj: «Prima della rivoluzione era un povero ragazzino impiegato in una libreria; tra la polvere della carta, di notte, alla luce d’un moccolo, nello scantinato non faceva che leggere romanzi storici e farneticava di ghigliottine e Robespierre»¹⁰.

Nell’autobiografia scritta nel 1929 e inserita nel dossier d’inchiesta relativo alla sua fucilazione, Bljumkin afferma di aver scritto in gioventù versi che poi venivano pubblicati in edizioni per ragazzi, come la rivista “Klič” di Kiev. Tuttavia, ad eccezione di alcuni testi pubblicistici, dei suoi versi finora non s’è trovata traccia.

Dopo la rivoluzione Bljumkin era in rapporti d’amicizia prevalentemente con ‘sinistroidi’ come lui. Tra gli SRS massimalisti odessiti spiccavano Pëtr Zajcev, detto Cesar’, e Boris Čerkunov. Il primo, che era a capo dell’Ufficio esecutivo del Consiglio odessita degli SRS massimalisti, divenne capo del quartier generale del famoso avventuriero tenente colonnello Murav’ev¹¹.

Čerkunov, che si considerava un poeta futurista, era amico per la pelle del celebre marinaio Železnjak¹². Dalla metà del 1918 fu Commissario politico del reggimento comandato da Železnjak nella divisione di Vasilij Kikvidze. In seguito agli avvenimenti del 6 luglio 1918 sia Zajcev che Čerkunov furono arrestati a Mosca. Anatolij Železnjakov, tuttavia, trovandosi in quel tempo nelle grazie dei bolscevichi, garantì per loro¹³. Ciò nonostante, prima che questo

9 Valentin Kataev (1897–1986), celebre scrittore, poeta, drammaturgo, sceneggiatore e giornalista dell’epoca sovietica. Era fratello maggiore di Evgenij Petrov, coautore insieme a Il’ja Il’f del noto romanzo *Le dodici sedie*. [N. d. T.]

10 V.P. Kataev, *Almaznyj moj venec*: Roman [La mia corona di diamanti: Romanzo]; *Uže napisan “Verter”*: Povest’ [Il “Werther” è già stato scritto: Novella], Moskva 1990, pp. 259–260.

11 Michail Artem’evič Murav’ev (1880–1918) fu prima ufficiale dell’esercito zarista per passare poi tra le file dei rivoluzionari come SRS. Era convinto di dover diventare una sorta di ‘Napoleone rosso’. Lo stesso F. Dzeržinskij ebbe a dire di lui: “il peggior nemico non avrebbe potuto causarci tanto danno quanto ce ne apportò lui con le sue terribili rappresaglie e fucilazioni, per aver concesso ai soldati il diritto di mettere a ferro e fuoco città e villaggi”. [N. d. T.]

12 Anatolij Grigor’evič Železnjakov (1895–1919), noto come “il marinaio Železnjak” anche grazie alle parole di una famosa canzone, è un eroe della Rivoluzione d’Ottobre. [N. d. T.]

13 Ja. V. Leont’ev, M.I. Ljuchudzaev, D.I. Rublev (a cura di), *Partija levych socialistov-revoljucionerov. Dokumenty i materialy. 1917–1925 gg.* Tom 2, čast’ 2: Ijul’-oktjabr’ 1918 g. [Il Partito dei socialisti rivoluzionari di sinistra. Documenti e materiali. 1917–1925. Tomo 2, parte 2: luglio-ottobre 1918], *Političeskaja enciklopedija (ROSSPEN)*, Moskva 2015, p. 301.

avvenisse Cesar' fece in tempo a fornire una deposizione compromettente ai danni di Bljumkin.

Il racconto di Zajcev non figura in *Krasnaja kniga VČK*¹⁴. A detta di P. Makincian, redattore del primo volume di questa raccolta, esso non è stato inserito «in considerazione del fatto che il testimone parla esclusivamente della personalità di Jakov Bljumkin» e che «i fatti compromettenti per la persona di Bljumkin non possono essere sottoposti a verifica»¹⁵; ora, comunque, possiamo soffermarci su questi fatti in modo particolareggiato. A soli quattro giorni dall'assassinio dell'Ambasciatore di Germania, il 10 luglio 1918 Zajcev comunicava: «Conosco Jakov Bljumkin da cinque o sei anni, già dai tempi di Odessa. Proviene da una famiglia molto povera. Sebbene lo stesso Bljumkin mi raccontasse di aver studiato al ginnasio, personalmente credo che egli non abbia ricevuto un'istruzione sistematica e che la storia del ginnasio sia frutto di fantasia [...]. Bljumkin ha un fratello di nome Lev, anarchico di convinzione e al contempo collaboratore di giornali borghesi, uno di questi è "Južnaja mysl"»¹⁶.

Va precisato che Bljumkin era effettivamente nato a Odessa nella famiglia di un commesso appartenente alla piccola borghesia artigianale della cittadina di Sosnica [Sosnicja] nel governatorato di Černigov, e aveva terminato la prima Talmud-tora di Odessa, ossia la scuola ebraica di formazione religiosa composta da cinque classi. Dal 1913 fece apprendistato in un'officina elettrotecnica per poi iscriversi all'Istituto tecnico dell'ingegner Lindern di Odessa. Già dal 1912 aveva iniziato a far parte di circoli SRS studenteschi, si legò a un gruppo di anarchici comunisti e nel 1914, all'età di sedici anni, entrò nel Partito dei socialisti rivoluzionari.

«[...] incontrai Jakov Bljumkin a Mosca dopo la ritirata dell'Esercito Sovietico da Odessa, ossia dal 5 al 17 maggio — continua Zajcev. Jakov mi raccontava che durante il servizio militare era aiutante del capo di Stato maggiore.

Il mio compagno Čerkunov, un massimalista che aveva ereditato da Bljumkin la carica di aiutante del capo di Stato maggiore, mi diceva che Bljumkin a lui, Čerkunov, raccontava di me perché mi conosceva dai tempi di Odessa [...]»¹⁷.

Si parla qui della terza Armata rivoluzionaria costituitasi all'inizio del 1918 a Odessa. Bljumkin era stato reclutato come volontario nel Primo reparto ferreo di Odessa, che faceva parte di quell'armata. Quasi subito dopo egli

14 [Libro rosso della VČK]. VČK è la sigla abbreviata di Vserossijskaja Črezvyčajnaja Komissija, di cui la forma completa è Vserossijskaja Črezvyčajnaja Komissija pri Sovete Narodnych Komissarov po bor'be s kontrrevoljuciej i sabotažem [Commissione straordinaria panrussa presso il Consiglio dei commissari del popolo per la lotta alla controrivoluzione e il sabotaggio]. [N. d. T.]

15 *Krasnaja kniga VČK*, vol. I. Moskva 1990, p. 183.

16 *Partija levych socialistov-revoljucionerov. Dokumenty i materialy*, op. cit., p. 768.

17 *Ibidem*.

venne eletto comandante dello stesso plotone, e dopo l'abbandono di Odessa a causa dell'avanzata dell'esercito austro-tedesco, si rifugiò a Feodosija. Nel corso dell'ulteriore ritirata dell'esercito attraverso il territorio ucraino egli ricoprì la carica di capo di Stato maggiore e capo della Sezione informativa (di ricognizione). Nel maggio 1918 giunse a Mosca e fu agli ordini del Comitato centrale del Partito degli SRS.

In un altro passo delle sue deposizioni Cesar' espone che cosa di preciso Jakov comunicò al suo compagno; gli disse: «Zajcev, a quanto pare, ha portato molti milioni fuori da Odessa, si fa passare per studente senza esserlo, perché lo hanno cacciato dalla terza classe del ginnasio ecc.». Finì che Cesar' combinò un "confronto" fra Bljumkin e Čerkunov nel corso del quale, quando questi «ebbe a ripetere che Bljumkin parlava nel quartier generale della terza armata, quello incominciò a negare di aver detto quelle parole, dichiarando che Čerkunov era un mentitore». Ciò nonostante, quest'ultimo insisteva sulle proprie posizioni, al che Bljumkin di nuovo gli dette del bugiardo e lo avrebbe preso a botte se Zajcev non avesse trattenuto l'infuriato Bljumkin, dicendo che si fidava più di Čerkunov che di lui. Comunque, al primo incontro successivo, a detta di Zajcev, Bljumkin riconobbe «di aver effettivamente mentito, e chiese scusa»¹⁸.

Gli incontri di Bljumkin con Zajcev avvenivano all'hotel "Élite" (oggi "Budapest"), non lontano dal Teatro Bol'šoj. Dalle deposizioni di Cesar' risulta evidente che a Bljumkin la protezione poteva venire solo da personalità di rilievo degli SRS. In un'altra delle situazioni esposte da Zajcev compare Lazar' Golubovskij, membro del presidium e tesoriere del Comitato centrale degli SRS: «Durante il colloquio con Golubovskij entrò nella stanza Bljumkin, salutò, e poi mi pregò di uscire perché doveva riferire qualcosa a Golubovskij»¹⁹. Come si può vedere, Bljumkin aveva accesso abbastanza libero a una delle personalità in quell'epoca più influenti del Partito degli SRS. Compariva anche alle riunioni del Comitato centrale, dal quale era stato raccomandato per ottenere un posto nella VČK come direttore della Sezione segreti d'ufficio (per la lotta allo spionaggio internazionale) dell'Ufficio per la lotta alla controrivoluzione.

Disponiamo di uno sbalorditivo reportage del giornalista Viktor Fink su un incontro con Bljumkin avvenuto all'hotel "Élite":

«A V.G. Fink viene comunicato che in una delle camere dell'"Élite" si trova l'Ufficio segreto della Commissione panrussa per la lotta alla controrivoluzione, speculazione e sabotaggio.

Dopo dieci minuti V.G. Fink viene introdotto in una camera spaziosa.

Alla scrivania siede un signore di circa 25 anni avvolto in una lussuosa veste da camera in seta di Buchara, calzato di alti stivali rossi, sul capo una

18 *Ivi*, p. 773.

19 *Ivi*, p. 770.

*tjubetejka*²⁰. Da sotto il berretto ondeggia una nera chioma ricciuta. Lo sguardo dei suoi occhi neri e irrequieti è strano e penetrante. Il signore tiene in mano una pistola, un'altra pistola è posata sulla scrivania. Sul divano una sciabola turca ricurva.

Bljumkin, capo dell'Ufficio segreto — si presenta il signore in *tjubetejka*. [...]

Bljumkin annuncia a Fink che, in base alle informazioni in possesso dell'Ufficio, all'Ambasciata tedesca di Mosca in qualità di agente presta servizio Azef²¹. Azef tiene d'occhio il potere sovietico e, non ci sono dubbi, sta preparando un atto provocatorio. È arrivato qui come commissionario e per non dare nell'occhio si occupa di certi affari commerciali.

Fink esprime i suoi dubbi sul fatto che Azef sia attualmente a Mosca, visto che ben difficilmente avrebbe rischiato di partire per la Russia, e a maggior ragione per Mosca, dove molti lo conoscono. Bljumkin assicura che le informazioni riguardanti Azef sono attendibili e propone a Fink di fornire all'Ufficio la fotografia di Azef. [...]

Nel congedarsi da Fink, Bljumkin, indicando la pistola, dichiara che il colloquio deve restare un segreto assoluto, in caso contrario Fink avrebbe rischiato la vita²².

Bljumkin occupava la camera 221 dell'«Élite» insieme a Nikolaj Andreev (l'altro assassino di Mirbach), suo conterraneo, compagno di lotta e membro del Comitato odessita del Partito degli SRS. Certo, a Odessa andrebbero ricercate altre fonti relative alle conoscenze di Bljumkin, per esempio, all'ispiratore ideologico degli SRS massimalisti Ferdinand Svetlov, nonno di Natalija Dmitrievna Solženicyna²³. All'«Unione dei massimalisti», capeggiata dal giornalista Svetlov, Bljumkin passò dopo essere uscito dalle file degli SRS nel 1919. Odessita era anche Jakov Fišman, laureatosi in chimica all'Università di Napoli col titolo di laureato in scienze naturali, poi addottoratosi presso la Scuola dottorale superiore col diploma di dottore in chimica; fu in seguito insegnante al Politecnico di Napoli (come assistente presso la cattedra di chimica industriale e merceologia). Fu proprio Fišman, chimico professionista, ad approntare le bombe con le quali Bljumkin e Andreev si recarono all'Ambasciata di Germania.

Tra il 1920 e il 1930 Svetlov dirigeva la sezione di critica e bibliografia del giornale «Izvestija». L'ex-SRS Fišman, passato al Partito comunista nel 1921, partì per l'Italia come attaché militare sovietico. Aprì un'agenzia e con

20 Berretto a calotta nero con motivi a ricamo, di forma rotonda o quadrata, assai diffuso fra i popoli dell'Asia Centrale. [N. d. T.]

21 Evno Fišlevič Azef (1869–1918) fu un agente segreto infiltrato dall'Ochrana, l'organo di polizia segreta della Russia zarista, nelle file del Partito socialista rivoluzionario. [N. d. T.]

22 «Večernie ogni» (Petrograd), 16 luglio 1918, 72, p. 4.

23 Moglie dello scrittore Aleksandr Solženicyn. [N. d. T.]

l'aiuto dei comunisti italiani fece incetta di documenti segreti e modelli di nuovi armamenti. Dopo il fallimento di un tentativo di spedizione in Russia di due aeroplani da combattimento Fišman fu estradato dall'Italia, dopodiché venne nominato attaché militare a Berlino e, a partire dall'agosto 1925, fu a capo della Direzione chimica della RKKA²⁴.

Il poeta e pittore Arkadij Štejnberg, anch'egli nativo di Odessa, nelle memorie da lui dettate confida che suo zio David Azovskij, noto giornalista moscovita e grande esperto del Medio Oriente, conosceva molto bene Bljumkin. Štejnberg afferma: «Mio zio raccontava che Bljumkin arrivava a casa sua in via Sivcev Vražek, saliva al quinto piano, si sedeva sul davanzale interno della finestra e per tutto il tempo guardava fuori. E solo dopo, quando già Bljumkin aveva ucciso Mirbach, mio zio capì con quale scopo veniva a casa sua e osservava tutto così attentamente. Il fatto è che dalla finestra dell'appartamento dello zio si poteva controllare bene tutto il territorio circostante l'Ambasciata tedesca»²⁵.

È interessante il fatto che in quello stesso appartamento e in quello stesso periodo affittava una camera Boris Pasternak, che pubblicava negli organi di stampa degli SRS. Egli descrive quell'appartamento in *Il salvacondotto*: «Da Sivcev Vražek i crepuscoli invernali, il terrore, i tetti e gli alberi dei dintorni dell'Arbat guardavano nella sala da pranzo che da mesi non veniva rassettata...».

Non è escluso che Bljumkin, iscrittosi nel 1919 alla Sezione orientale dell'Accademia militare della RKKA e frequentante le riunioni dell'Associazione scientifica panrusa di orientalistica, nel suo interesse per la Turchia e la Persia fosse stato contagiato da Azovskij che aveva vissuto in quei paesi. All'Accademia Bljumkin aveva studiato il farsi, e non senza una buona riuscita.

Per ora la storia non ci dice se Pasternak avesse incrociato Bljumkin in casa di Azovskij, tuttavia è certo che dopo il suo arrivo a Mosca Bljumkin conobbe Esenin, Majakovskij e Mandel'stam. Ecco cosa ricorda il poeta Vladislav Chodasevič, che aveva incontrato Bljumkin in compagnia di Esenin:

«Nella primavera del 1918 a Mosca conobbi Esenin. [...] A quel tempo frequentava cattive compagnie. Si trattava in prevalenza di giovani vicini agli SRS e ai bolscevichi, abbastanza ignoranti ma fermamente intenzionati a rifondare il mondo. Erano instancabili nel filosofeggiare, e sempre con spirito estremistico. Era gente che non conosceva mezze misure. Mangiavano poco ma bevevano molto. A seconda del momento potevano essere credenti

24 Sigla di Raboče-krest'janskaja Krasnaja Armija [Esercito rosso degli operai e dei contadini — N. d. T.].

A questo proposito vedasi: Ja. V. Leont'ev, *Mirbach. Sud'ba Jakova Fišmana* [Mirbach. Il destino di Jakov Fišman], in «Russkaja žizn», 2008, n. 17, pp. 102–108; Ja. V. Leont'ev, *Doktor chimii i ego vospitannica* [Il dottore in chimica e la sua allieva], in «Stanford Slavic Studies», 2012, vol. 41, pp. 75–88.

25 A.A. Štejnberg, *K verchov'jam* [Verso le sorgenti], Moskva 1991, p. 302.

o sacrileghi. Andavano dalle prostitute a predicare la rivoluzione, e le riempivano di botte. [...] Tutti scrivevano versi e tutti avevano direttamente a che fare con la Čeka»²⁶.

Chodasevič ci informa, inoltre, che una volta Esenin portò ad una serata letteraria «un tipo bruno, barbuto, in giubbotto di pelle»: «Quel tipo bruno stava ad ascoltare i discorsi. Di tanto in tanto ci metteva una parola, nient'affatto stupida, per altro. Era Bljumkin, quello che circa tre mesi dopo avrebbe ammazzato il conte Mirbach, l'Ambasciatore tedesco. Evidentemente Esenin era suo amico»²⁷.

Lo scrittore e drammaturgo Boris Lavrenëv, a quel tempo vicino ai futuristi, raccontò in forma grottesca l'incontro tra Bljumkin e Majakovskij in un caffè letterario e lo scontro che ne seguì:

«Nel 1918 incontrai Majakovskij in via Nastas'inskij in un piccolo scantinato che si chiamava *Il caffè dei poeti*. Vi giunsi con David Burljuk e una certa poetessa futurista dal nome impossibile e vestita in modo altrettanto impossibile. Al posto di un golfino sulla pelle nuda portava una rete da pesca a maglie fitte. Quella sera al caffè s'accalcava una gran quantità di gente. Conduceva il programma l'SRS Bljumkin, che allora suscitava scalpore e che in seguito avrebbe ucciso l'Ambasciatore di Germania Mirbach, con ciò dando il segnale d'inizio allo sterile putsch degli SRS»²⁸.

Quella volta, secondo Levrenëv, Bljumkin e Majakovskij litigarono davvero, anche se in seguito si riappacificarono e divennero persino amici, il che è attestato da tre dediche all'indirizzo di Bljumkin scritte dal poeta su alcuni suoi libri ora conservati al Museo statale "Majakovskij" di Mosca. Tutte le dediche iniziano con «Al caro...»²⁹.

Per quanto concerne Osip Mandel'stam, stando a quanto scrive Nadežda Mandel'stam è noto che Bljumkin un giorno propose a suo marito di collaborare «a un nuovo istituto, ancora in fase di organizzazione, a cui egli prediceva un grande futuro. Secondo Bljumkin questo istituto avrebbe dovuto determinare tutta un'epoca e diventare centro di potere [...]. Fu nel corso dello scontro con Bljumkin che O.M. [Osip Mandel'stam] capì per la prima volta in che cosa consistevano le funzioni di questo "nuovo istituto". [...]. Il litigio fra O.M. e Bljumkin scoppiò alcuni giorni prima dell'assassinio di Mirbach.

26 V.F. Chodasevič, *Nekropol': Vospominanija*, Moskva 1991, p. 142. Ed. it.: V.F. Chodasevič, *Necropoli*, Adelphi, Milano 1985. [N. d. T.]

27 *Ivi*, p. 143.

28 B.A. Lavrenëv, *Vstreči s V.V. Majakovskim*, in *Zvezdnyj cvet: Povesti, rasskazy i publicistika* [Incontri con V.V. Majakovskij, in Luce stellare: Novelle, racconti e saggistica], Moskva 1986.

29 Vedasi: Ja. Leont'ev, *Bljumkin i literaturnaja bogema*; in Appendice al libro: A.S. Velidov, *Pochoždenija terrorista: Odisseja Jakova Bljumkina*, Moskva 1998 [Leont'ev Ja., *Bljumkin e la bohème letteraria*; in Appendice al libro: Velidov A.S., *Le avventure di un terrorista: l'odissea di Jakov Bljumkin*].

Dalla data stessa si deduce che al termine *čekista* in quel tempo ancora non si ricollegava nulla di particolare [...]. La spaccinata di Bljumkin, secondo la quale lui avrebbe preso un certo critico d'arte, un intellettualoide, per mandarlo alla fucilazione, mandò su tutte le furie l'altro intellettuale, ossia il gracile Mandel'stam: disse infatti che non avrebbe permesso alcuna rappresaglia. Bljumkin dichiarò allora che lui non avrebbe permesso a Mandel'stam di impicciarsi negli "affari suoi" e che gli avrebbe sparato se solo avesse osato "ficcarci il naso". [...]»³⁰.

Notizie sugli attriti fra Bljumkin e Mandel'stam si trovano anche nelle deposizioni di Pëtr Zajcev. Nei primi giorni di luglio egli incontrò il 'čekista' e poeta all'uscita dall'hotel "Élite". Al suo fianco Zajcev notò due persone: «Uno di loro lo conosco dai tempi di Odessa, è l'anarchico Jurij Dubman, l'altro l'ho visto per la prima volta. Bljumkin me lo ha presentato come il poeta Mandel'stam. [...] Abbiamo incominciato tutti a discorrere. In quel mentre Bljumkin chiama da parte l'anarchico Jurij e prende a dirgli qualcosa. Sono riuscito ad afferrare solo queste parole: "Mandel'stam potrebbe chiacchierare: è un cretino, digli ..."»³¹. Zajcev non rilasciò alcun commento a quanto da lui affermato.

Come testimone dei fatti del 6 luglio Feliks Dzeržinskij depose quanto segue: «Qualche giorno, forse una settimana prima dell'attentato ricevetti da Raskol'nikov e Mandel'stam (lavora a Pietrogrado da Lunačarskij) informazioni sul fatto che quel tipo si permette di dire cose come "la vita delle persone è nelle mie mani, firmo una carta e dopo due ore quella vita non c'è più. Qui da me, per esempio, c'è il cittadino Puslovskij, poeta, alto livello culturale; ecco, sto firmando la sua condanna morte"; ma dice pure che se all'interlocutore quella vita serve, lui "non la toglie" ecc. Quando Mandel'stam, indignato, si mise a protestare, Bljumkin lo minacciò che se avesse raccontato di lui a chiacchierata si sarebbe vendicato nel peggiore dei modi. [...] Quello stesso giorno, alla riunione della Commissione [la VČK] su mia proposta venne presa la decisione di sciogliere il nostro servizio di controspionaggio e, per il momento, di privare Bljumkin dell'ufficio. Decisi di non presentare rapporto alla Commissione relativamente ai dati in mio possesso sul conto di Bljumkin fino al ricevimento di spiegazioni dal Comitato centrale degli SRS. Non conoscevo da vicino Bljumkin e lo incontravo raramente»³².

I curatori della cronaca «Date della vita e dell'opera» di O.E. Mandel'stam fissano il suo scontro con Bljumkin al luglio del 1918, quando il poeta afferrò e stracciò il fascicolo dei mandati "di fucilazione"³³. Fra l'altro

30 N. Ja. Mandel'stam, *Vospominanija* [Memorie], Pariž 1982, pp. 111-112.

31 *Partija levych socialistov-revolucionerov. Dokumenty i materialy*, pp. 771-772.

32 RGASPI [Archivio statale russo di storia sociale e politica], Fondo 76, inventario 3, fascicolo 21, foglio 4 retro — 5.

33 O.E. Mandel'stam, *Sobranie sočinenij v 4-ch tt.* [Opere complete in 4 voll.], t. 4. Moskva 1997, p. 440.

Zajcev afferma di averli incontrati insieme a Dubman «2 o 3 giorni prima del congresso», ossia già all'inizio di luglio. Come è noto, il V Congresso panrusso dei Soviet fu inaugurato il 4 luglio, e poiché l'interrogatorio di Zajcev riguardava avvenimenti freschi non v'è motivo di dubitare della sua datazione. Per queste ragioni, delle due l'una: o l'alterco avvenne dopo, oppure il loro conflitto si era appianato.

Tenuto presente tutto ciò, le parole «Mandel'stam potrebbe chiacchiere...» ben difficilmente potevano riferirsi all'attentato contro Mirbach. Se invece si trattava dei famigerati mandati, allora si capisce il suo timore nei confronti della direzione della Čeka e dei leader del partito.

Dopo l'assassinio del conte Mirbach l'interesse per la figura di Bljumkin nei circoli letterari e artistici crebbe a dismisura. Il pittore Natan Al'tman lo definì "assassino interessante". Gli fece eco Aleksandr Blok, che nel suo taccuino annotò: «La sera [...] arrivò Mandel'stam [...] Interessante il racconto sull'assassino di Mirbach» (annotazione del 20 ottobre 1918)³⁴. C'è ragione di pensare che Mandel'stam avesse parecchio da confidare a Blok. A quello stesso ottobre 1918 risale la nota poesia *Častuška molitv* [Stornello di preghiere], con dedica a Ja. Bljumkin, del poeta immaginista Vad[im] Šeršenevič, allora attivamente impegnato con gli anarchici.

Ed ecco come la poetessa Irina Odoevceva descrive l'incontro, per altro più tardo, fra Bljumkin e Nikolaj Gumilëv nella sala della Casa della Stampa (al tempo del soggiorno del poeta a Mosca nel 1920):

«L'enorme compagno rosso di capelli in giubbotto di pelle marrone e con la pistola a tamburo nella fondina» tallonava il poeta "come la sua ombra", declamando suoi versi. Venuto a sapere chi era quel pezzo di ragazzo, Gumilëv d'un tratto cambiò espressione: "Bljumkin? Proprio quello? L'assassino di Mirbach? Allora, è con grande piacere". E sorridendo stringe la mano a Bljumkin. "Molto, molto lieto..."³⁵.

«Di quell'altezzosità e freddezza non era restata traccia», aggiunge la Odoevceva, e di quanto ella afferma non lascia dubbi la nota poesia di Gumilëv *Moi čitateli* [I miei lettori] in cui possiamo leggere:

Tra la folla del popolo un uomo,
l'assassino dell'imperial Ambasciatore,
S'appressò a stringermi la mano,
Ringraziarmi dei miei versi.

34 A.A. Blok, *Zapisnye knižki. 1901–1920* [Taccuini. 1901–1920], Moskva 1965, p. 432.

35 I.V. Odoevceva, *Na beregach Nevy: Literaturnye memuary* [Sulle rive della Neva: memorie letterarie], Moskva 1988, pp. 250–251.

Bljumkin viene ricordato, sebbene in forma anonima, nel poema di Velimir Chlebnikov *Zangezi*, anch'esso del 1920, precisamente nella "Superficie XVIII"³⁶:

Fu compiuto un miracolo di crudeltà,
L'umanità trafitta da un ferro fino all'osso,
I cannoni riposavano solo di domenica,
Puntare i fucili pareva la salvezza.
Ordine di terrore e di silenzio,
La germanica spada era levata.
E quando il mondo d'un patto giunse alla vetta
In quattro e quattr'otto
Da un SRS fu ammazzato Mirbach.

Infine, nel terzo numero del 1923 della rivista "LEF" [Fronte sinistro dell'arte] fu pubblicata la poesia di Nikolaj Aseev *Bomba*. Si apre con la dedica "al comp. Bljumkin" e così inizia:

Come il tifo inizia il verso,
Inatteso di febbre ridesta,
Come baionetta puntata alla gola
Frettoloso appunto della mano:
Della scarica rombante ustione,
Della frattura sanguinose sferze,
Salto teso — incrociato —
Vento che al viso s'incolla...

Non meno espressive le dediche a Bljumkin sui libri: sono note quelle di Majakovskij, Esenin e Šeršenevič. L'esperto di bibliografia eseniniana N. G. Jusov riporta la dedica che appare sulla raccolta *Radunica*³⁷, scritta nel caffè "Stojlo Pegasa" [Lo stallo di Pegaso]:

36 Velimir Chlebnikov (1885–1922), personalità poetica originalissima nel quadro del movimento futurista russo, fa ricorso nelle sue opere poetiche della lingua transmentale (*zaumnyj*), capace di oltrepassare il nesso significante-significato del linguaggio comune. *Zangezi*, dal nome del profeta-narratore, è definito "superracconto", "architettura narrativa" risultante "dalla squadratura di blocchi verbali variopinti di diversa struttura" ed è suddiviso in scene che l'autore chiama "superfici". [N. d. T.]

37 La prima raccolta poetica di S. Esenin (1916). "Radunica" è una festa religiosa popolare della tradizione ortodossa orientale che si celebrava il lunedì (in alcune regioni il martedì) dopo la prima domenica successiva alla Pasqua per commemorare i defunti e farli idealmente partecipare alla grande gioia della Risurrezione. [N. d. T.]

Al comp. Bljumkin
con benevolenza
in allegro ricordo
del monello di Rjazan'.
Sergej Esenin
Mosca
Stojlo
26 genn. '21³⁸.

In occasione della mostra organizzata nel 1995 al Museo Letterario Statale e dedicata al centenario della nascita di S.A. Esenin era stata esposta la raccolta di poesia di Šeršenevič *Krematorij* (1919) recante questa dedica a Bljumkin: «Al caro Jaša — “terrore nell’arte e nella vita” è il nostro motto. Con amicizia Vad[...] Šeršenevič». Interessante è la variazione sullo stesso pensiero che risuona nelle parole rivolte da Bljumkin a Esenin (così come le riferisce l’ex-segretario dell’Associazione dei liberi pensatori Matvej Rojzman): «Io sono terrorista in politica — disse un giorno a Esenin — e tu, amico mio, terrorista in poesia!»³⁹.

Tutto ciò dimostra che la figura di Bljumkin più d’una volta ha trovato riflesso nella letteratura, nella pubblicistica e nel cinema. Il presente articolo mette l’accento in particolare sul 1918, sebbene anche le ulteriori “avventure” del terrorista attirarono l’attenzione dei contemporanei e continuano ad attrarre quella di letterati e cineasti. Si continua, per altro, a reperire documenti d’archivio: l’ultimo in ordine di tempo, la prima pubblicazione risale all’inizio del 2018, è il racconto documentario del giornalista e scrittore Viktor Serž, attivo affiliato del movimento anarchico in Francia, Belgio e Spagna, più tardi eminente personalità del Komintern; il testo si basa su un’intervista esclusiva rilasciata da Bljumkin nel 1920⁴⁰.

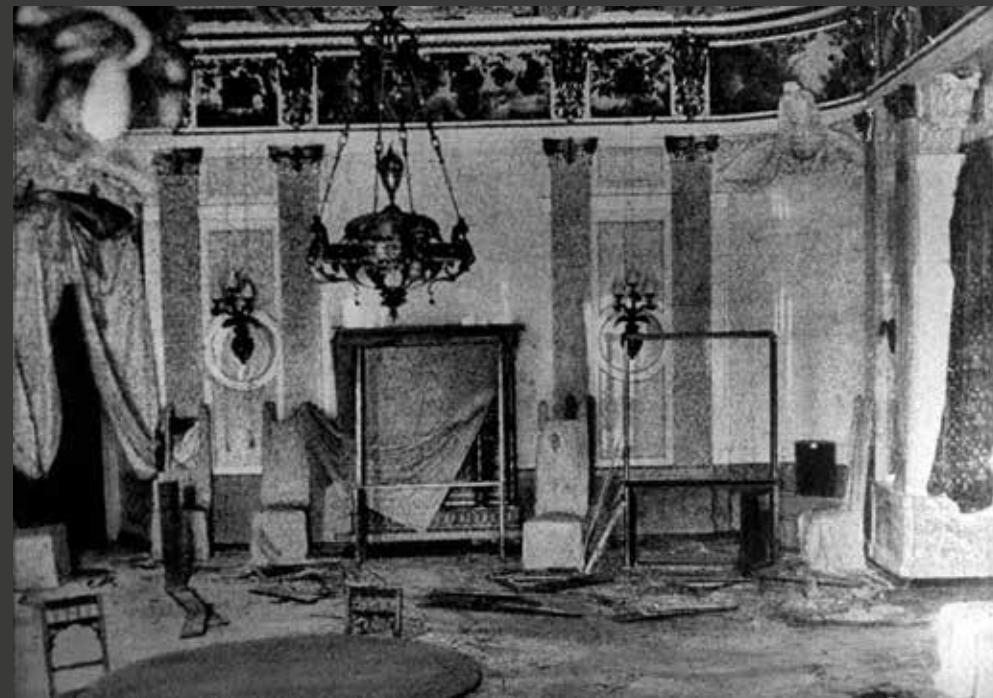
38 N.G. Jusov, *“S dobrotoj i ščedrotami duča...”: Darstvennye nadpisi Sergeja Esenina* [“Con bontà e generosità d’animo...”: Dediche di S. E.], Čeljabinsk 1996, p. 28.

39 M.D. Rojzman, *Vse, čto pomnju o Esenine* [Tutto ciò che ricordo di Esenin], Moskva 1973, p. III.

40 «...Da questo momento gli eventi si sono sviluppati irreversibilmente, fino alla scomparsa del Partito dei socialisti rivoluzionari di sinistra dalla scena politica». Saggio di Viktor Serž “L’esecuzione dell’Ambasciatore tedesco conte Mirbach (Mosca, 6 luglio 1918)”, pubblicato da A.V. Gusev e Ja.V. Leont’ev, in “Otečestvennye Archivy”, n. 2, 2018.

Яков Блюмкин.
Около 1918 г. /
Jakov Bljumkin.
1918 circa

Бальный зал особняка
Берга после убийства
посла Германии
Вильгельма фон
Мирбаха /
La Sala da ballo
dopo l’attentato
all’Ambasciatore di
Germania Wilhelm von
Mirbach

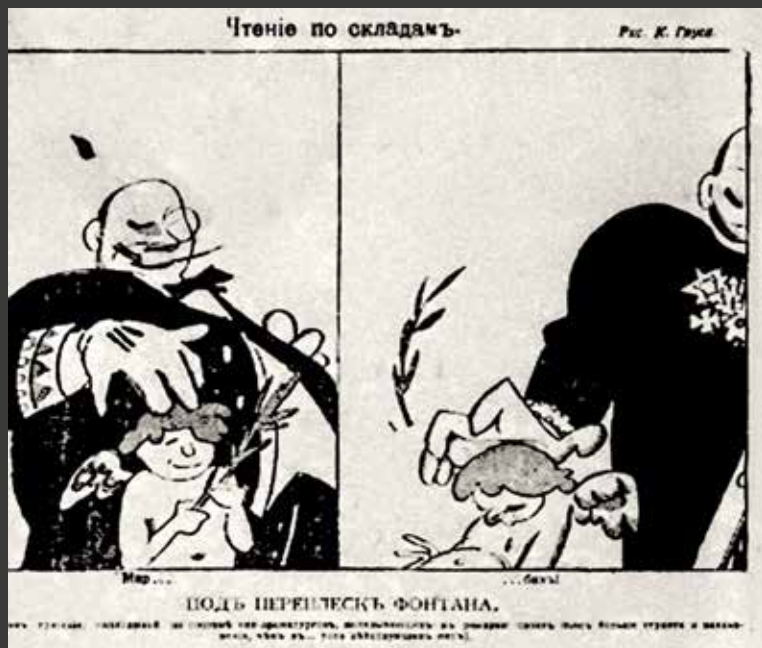

Рисунок К. Гурса. Журнал «Бич». 1918 г. № 2. Май. Сатира на графа Вильгельма фон Мирбаха / Disegno di K.Gurs. Rivista "Bič". 1918. № 2. Maggio. Caricatura del conte Wilhelm von Mirbach

Посол Германии граф Вильгельм фон Мирбах / L'Ambasciatore di Germania, conte Wilhelm von Mirbach

2017

Отделъ Секретная

РОССІЙСКАЯ
СОВЕТСКАЯ
РЕСПУБЛИКА
ВСЕРОССІЙСКАЯ
ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ КОМИССІЯ
по борьбѣ
с контр-революціей и спекуляціей
при советѣ
Народныхъ Комиссаровъ.

6 • Іюля 1918 г.
№ 1428
Москва, в Рубинъ, II
и телеф.

УДОСТОВѢРЕНІЕ.

Всероссійская Чрезвычайная Комиссія уполномо-
чиваетъ ея члена Якова Блюмкина и пред-
ставителя Революціоннаго Трибунала Николая
Андреева войти въ переговоры съ Господиномъ
Германскимъ Посломъ въ Россійской Республикѣ
по поводу дѣла, вмѣщающаго непосредственное от-
ношеніе къ Господику Послу.

Председатель Всероссійской Чрезвычайной Комиссіи:

Секретарь:

С. П. Герасимовъ

Кемеровъ

Мандат ВЧК на имена Якова
Блюмкина и Николая Андреева /
Mandato nominativo della Āeka
per Jakov Bljumkin e Nikolaj
Andreev

Det Kongelige
Danske Generalkonsulat
i Moskva.

Королевское
Датское Генеральное Консульство
въ Москвѣ.

№ 33529

Moskva, 17 іюня 1918 г.
Москва,
Малый Хвостовый пер. д. № 12.

Въ ВСЕРОССІЙСКУЮ ЧРЕЗВЫЧАЙНУЮ КОМИССІЮ
по борьбѣ съ контр-революціей, саботажемъ и спекуляціей

здѣсь.

Настоящимъ Королевское Датское Генеральное Кон-
сульство доводитъ до свѣдѣнія Всероссійской Чрезвычай-
ной Комиссіи, что арестованный офицеръ австро-венгерской
арміи графъ РОБЕРТЬ МИРБАХЪ согласно письменному сообще-
нію Германскаго Дипломатическаго Представительства въ
Москвѣ, адресованному на имя Датскаго Генеральнаго Кон-
сульства, въ дѣйствительности состоитъ членомъ семьи род-
ственной Германскому Послу графу МИРБАХУ поселившейся въ
Австрію.

Г. Акстимовъ

КОРОЛЕВСКІЙ ДАТСКІЙ ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОНСУЛЬТЪ

Документ, направленный
Королевским Датским
генеральным консульством
в Москве в ВЧК /
Documento inviato alla Āeka dal
Consolato generale del Regno
di Danimarca a Mosca

Обязательство

Я нижеподписавшийся, венгерский
 подполковник, военный атаман
 и офицер австрийской армии
 граф Роберт Мирбах
 обязуюсь добровольно
 и лично исполнить
 все обязанности
 чрезвычайной комиссии
 по борьбе с коммунистическими
 силами в Германии и в
 ее окрестностях в России.

Alle was hier geschrieben ist unterschrieben und ist wahr
 18 Jan. 1918 Moskau

Herrmann von der Lieth-Thomsen
 Chef des Moskauer
 des Krieg. Offiziers

Обязательство Роберта Мирбаха /
 Lettera d'impegno di Robert
 Mirbach

Герман фон дер Лит-Томсен
 (1867–1942), в 1920–1928 гг.
 начальник «Московского
 центра» и квазиевропейский аташе
 Германии в СССР /
 Hermann von der Lieth-Thomsen
 (1867–1942), 1920–1928, capo del
 “Centro moscovita” (“Zentrale
 Moskau” – “ZMo”) e addetto
 paramilitare della Germania
 nell’URSS

Эрнст-Август Кёстринг
(1878–1953), в 1931–1933
и 1935–1941 гг. военный атташе
Германии в СССР /
Ernst-August Köstring (1878–
1953), 1931–1933 e 1935–1941,
addetto militare della Germania
nell'URSS

259. 21/6
29.1.38. 214

Deutsche Botschaft.
Der Militär- und Luftattaché.

Folge, des
Anlage 8 zum Bericht 21.38 E
Anlage zum I. Bericht g
A. Amt

Geheim.

Hajor Knoke
Fliegerbroschule
Hildesheim.

Bericht des Kurierbegleiters über Beobachtungen
auf der Strecke Berlin-Tokyo (11.-24.1.38.)

I. Niegoroloje - Omsk.

1. Tag 18 Uhr an Niegoroloje (Kollrevision korrekt und höflich).
19,30 Uhr ab Niegoroloje (Moskauzeit 21,30 Uhr).

Auf der Strecke von Niegoroloje bis Moskau nichts Auffallendes
beobachtet. Beobachtungen infolge Dunkelheit, heftigen Schneestrebens
und Dunstes, besonders am Vormittag des 13.1., sehr erschwert. Etwa
8 km ostwärts Minsk nördlich der Bahnlänge - abgesetzt von der Stadt -
etwa 20 Michter (weiss) an hohen Masten. Anlagen nicht zu erkennen. Im
Zuge mache ich die Bekanntschaft eines deutschen Ingenieurs, angestellt
bei der Firma Linden Zimmmaschinen (Bayern), der im Auftrag seiner Fir-
ma in der Nähe von Nowosibirak die technische Anlage eines chemischen
Werkes zur Herstellung von Buna leiten soll. In seiner Begleitung be-
finden sich 3 Monteure. Im ganzen sind bei dem Bau 14 Deutsche beschäf-
tigt und mit einem Jahr verpflichtet. Ein zweites derartiges Werk soll
in Bau sein etwa 500 km nördlich von Wjatka. Den Platz eines dritten
geplanten Werkes kann er nicht angeben.

2. Tag 11 Uhr an Moskau.

In Moskau gewinne ich den Eindruck, dass sich die dortigen Ver-
hältnisse, nachdem ich Moskau zuletzt 1929 gesehen habe, wesentlich ge-
bessert

100 138

Отчёт немецкого военного
и военно-воздушного атташе
в Токио майора Бруно Кноке
о его наблюдениях во время
поездки по маршруту Берлин —
Токио. 21 января 1938 г. //
ЦАМО РФ /
Resoconto del maggiore della
Luftwaffe Bruno Knoke con le sue
osservazioni durante il viaggio
Berlino-Tokyo. 21 gennaio 1939.
CAMO

Deutsche Botschaft.

Des Militär- und Luftattaché.

855
Tokyo, den 10. Aug. 1938

Anlage 9 zum Bericht 12/38
Anlage zum L. Bericht g.
A. Amt

Betr. Zusammenstellung der Aussagen Luschkows.

Von den jap. Vernehmungen des nach der Mandschurei übergeführten
OPU - Generals Luschkow werden anliegend vorgelegt:

- I. Stimmung der Bevölkerung.
- II. Organisation und Einteilung des "Patriotischen Volkskomitees
des Innern".
- III. Die Reinigung im Fernen Osten.
- IV. Schwächen der Sowjetunion im Kriege.
- V. Über die anti-japanischen Absichten der M.M.R.
- VI. Die Kriegsbereitschaft gegen Japan.
- VII. Stellung Sowjetrusslands Japan gegenüber.
- VIII. " Aus welcher Tatsache entnehmen Sie Ihre Stellung
gefährdet war ? usw. "

Weit umfassenderes militärisches Material ist a. St. noch in
der Bearbeitung und wird mit dem nächsten Kurier überreicht.

Um Beteiligung der Abwehr - Abteilung wird auf Veranlassung von
Oberst (E) Gröling gebeten.

8 Anlagen

I.V.

Ljuskov

Сводное донесение немецкого
военного и военно-воздушного
атташе в Токио с показаниями
Люшкова. 10 августа 1938 г. //
ЦАМО РФ /

Relazione congiunta dell'addetto
militare tedesco e dell'addetto
dell'aeronautica militare a Tokyo
con le testimonianze di Ljuškov.
10 agosto 1938. CAMO

- 3 -

855/14
ihrer Luftstreitkräfte, ihres fliegerischen Könnens, ihrer
Bewaffnung und Ausrüstung sowie von der Gefechtstüchtigkeit
ihrer Mannschaft überzeugt zu sein.

Gerade in dieser bewusst betonten Selbsteinschätzung
liegt die Gefahr, dass man Japan provozieren und einen
Kriegsfall schaffen könnte.

Wir wissen, dass die Rote Armee, wie oben erwähnt,
sich angesichts der gut getroffenen Kriegsvorbereitungen Ja-
pans gegen Sowjetrussland von einem aktiven Vorgehen fern-
halten muss und wir haben die Bestätigung, was von grosser
Bedeutung ist, dass Japan bereit ist, jedem Vorgehen Russlands
begegnen zu können.

g) Beweggrund der Säuberungsaktion.

Aus Memoranden von Ljuschkow kann man feststellen, dass
Stalin nicht etwa die Notwendigkeit versetzt worden ist, eine
Säuberungsaktion durchzuführen zur Bekämpfung von nacheinander
vorgekommenen Verschwörungen gegen ihn, sondern dass er sie
zur Machtverstärkung seiner Diktatur aus eigenen unabhängigen
Willen durchgeführt hat. Und dass das Ziel der Säuberung
nichts anderes als die Vollendung der Kriegsvorbereitungen ist.
Wenn man die jetsige Lage für eine Krise des Stalinschen Re-
gimes hält, so begeht man einen grossen Irrtum. Stalin
hat noch immer genug Gewalt, jede Gegenbewegung zu unter-
drücken. Und er hat die Absicht, in Vertrauen und gestützt
auf die Jugendschicht, die er herangezogen hat, seine
Alleinherrschaft zu verstärken.

TIPI DI CRIMINALI

Criminale numero uno. Segni caratteristici: fronte bassa, capigliatura folta, ispida, a riflessi metallici; occhio vitreo, a globo sporgente; labbra pronunciate, baffi spioventi, mento rientrante. Colorito generale rosso sanguigno.

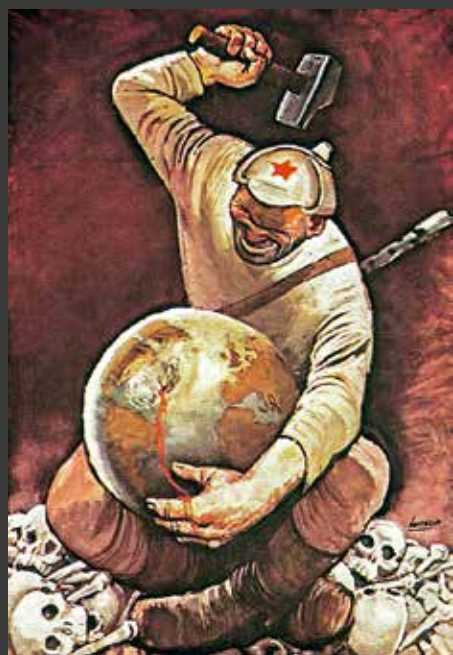
Типажи преступников.
Из издания «Разрушим
большевизм» под ред.
Регионального профсоюза
журналистов Ломбардии,
июнь 1942 г. /
Tipi di criminali. Da
“Distruggiamo il bolscevismo”,
a cura del Sindacato
interprovinciale dei giornalisti
lombardi, giugno 1942 —
Anno XX

«Народный демократический
фронт. — Да здравствует
демократический фронт?
Переверни, и увидишь подвох».
Открытка. 1948 г. /
Fro. De. Pop. — W il Fronte
democratico? Capovolgi e vedrai la
frode, cartolina, 1948

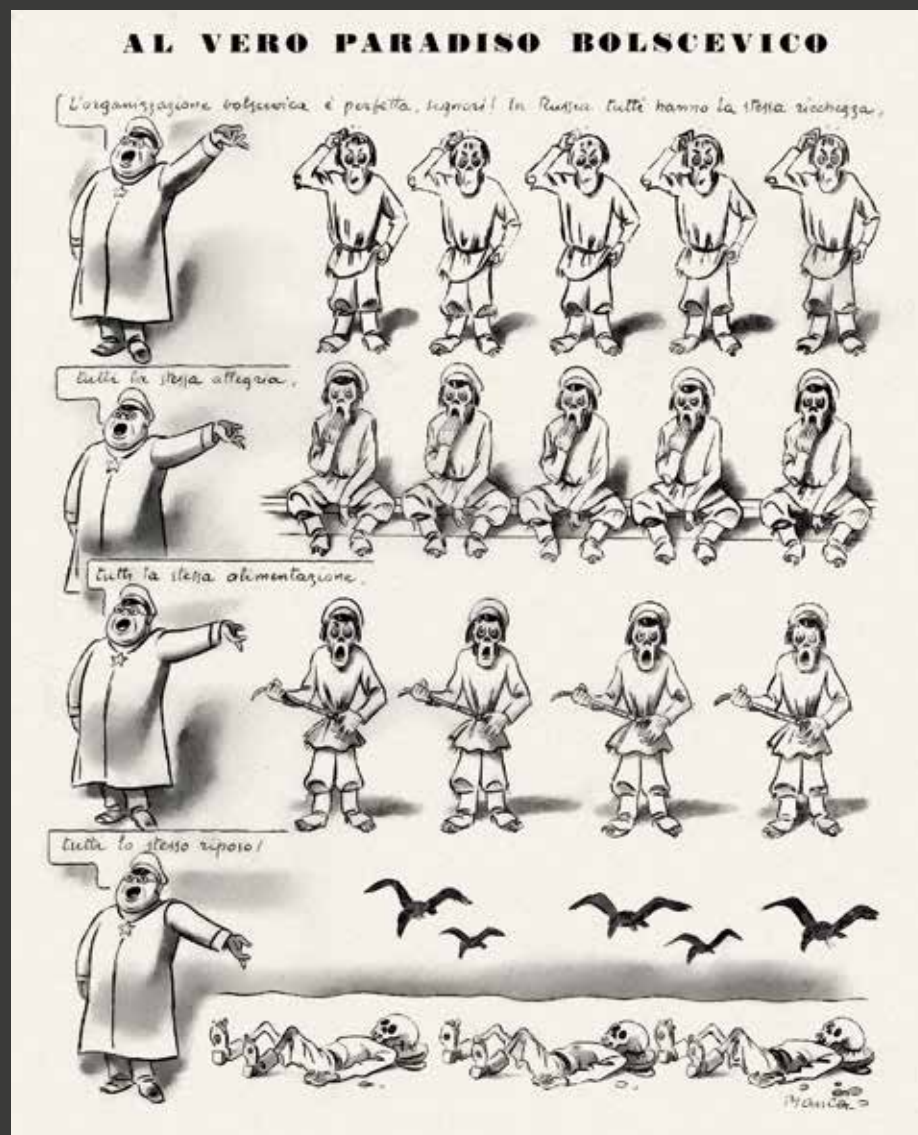
18 апреля 1948 г. «Из открывшихся могил восстают мертвецы». Плакат под ред. гражданских комитетов. 1948 г. / 18 aprile 1948. Si scopron le tombe, si levano i morti, manifesto, a cura dei Comitati civici, 1948

Плакат без названия. Джино Бокказиле. 1942 г. / Senza titolo, manifesto, Gino Boccasile, 1942

«Голосуй, или он станет твоим хозяином». Плакат под ред. гражданских комитетов. 1948 г. / Vota o sarà il tuo padrone, manifesto, a cura dei Comitati civici, 1948

«В настоящем раю большевиков. Организация жизни большевиков совершенна, господа! В России все одинаково богаты, одинаково веселы, одинаково едят и одинаково отдыхают». Из издания «Разрушим большевизм» под ред. Регионального профсоюза журналистов Ломбардии, июнь 1942 г. /

“Al vero paradiso bolscevico. L'organizzazione bolscevica è perfetta, signori! In Russia tutti hanno la stessa ricchezza, tutti la stessa allegria, tutti la stessa alimentazione, tutti lo stesso riposo!” Da “Distuggiamo il bolscevismo”, a cura del Sindacato interprovinciale dei giornalisti lombardi, giugno 1942 — Anno XX

Часть 2

Отношения между Италией и СССР

II parte

Le relazioni Italia-URSS

Эхо российских революций в Италии

Первоначально сведения о революционных событиях в России, доходившие до Италии, были довольно скудными и противоречивыми. Накануне февральской революции 1917 г. министр пропаганды Италии Витторио Шалоя в своём интервью убеждал итальянцев в прочности царского режима и подъёме патриотизма в России¹. После февральских событий в Петрограде в правительственных заявлениях отмечалось, что свержение царизма поможет русской армии более активно действовать на фронте. Значительная часть итальянского и европейского либерально-демократического общества с удовлетворением восприняла февральскую революцию как победу русских либералов, которые твёрдо намеревались вести войну «до победного конца». Исполнительная комиссия Республиканской партии Италии направила послание Временному правительству, в котором, выражая самые сердечные пожелания русскому народу, отметила триумф революции, «благодаря которой русский народ взял судьбу в свои руки», и подчеркнула «демократический и революционный характер войны против преступной немецко-татарской олигархии» (имелось в виду правительство Российской империи. — Т. 3.), которая якобы «угрожала Европе».

Республиканцы восхваляли Февральскую революцию, провозглашавшую идеалы республики. Они были уверены, что «славянская Россия, будучи очарована французским свободолюбивым духом, наконец осознала, в какой нищете и унижении живет её народ»². Союз России с Францией в годы войны совершил, по их мнению, чудо: привёл к упразднению противостояния между государством и гражданином, ликвидации полиции как ненавистного орудия тирании и превращению армии из лишённой каких

1 Petracchi G. Da San Pietroburgo a Mosca. La diplomazia italiana in Russia 1861–1941. Roma: Bonaci Editore, 1993. P. 173.

2 Fra le rovine di un trono e il rinnovamento di una nazione // L'Iniziativa. 1917. 7 aprile.

бы то ни было прав массы людей в «объединение свободных граждан, которые с оружием в руках защищают святую землю своего отечества и завоёванную свободу»³. В условиях, когда свобода совести стала неотъемлемым правом граждан, а правительство оказалось представленным выходцами из всех классов, итальянские республиканцы — социалисты и либералы — надеялись на скорое проведение в России социальных реформ, передачу земли крестьянам и социализацию промышленности. Газета «Рим» высказывала более осторожное суждение, считая, что ещё очень трудно предсказать, каков будет масштаб великой революции, её политические, экономические и социальные последствия для России и для всего мира. Хотя надежду вселяло то, что Временное правительство отменило смертную казнь, освободило политических заключённых, отменило ограничения в правах для евреев, вернуло автономию Финляндии и признало несправедливость в отношении Польши. Из этих цитат и высказываний можно судить о той поистине фантастической неосведомлённости, которая царил в Италии, как, впрочем, и в большинстве европейских стран, об истории России и её народа и об истинном характере революционных событий в нашей стране.

В июне 1917 г. итальянская делегация приняла участие в съезде Советов рабочих и солдатских депутатов и в съезде представителей Союза городов, а также в собрании исполнительного комитета Петроградского совета. В своём отчёте её члены с удовлетворением отметили, что Керенский, Милюков и другие члены исполкома выступали за продолжение войны⁴.

Для молодого Антонио Грамши февральская революция в России покончила с авторитаризмом, заменив его свободой и всеобщим избирательным правом, в том числе и для женщин, а главная заслуга революционеров заключалась в том, что они «покончили с тюрьмами и выпустили на свободу всех заключённых». «Свет идёт с Востока, — предвкушал один из будущих основателей компартии Италии, — и он освещает собой весь старый западный мир»⁵.

Однако по мере нарастания дезорганизации в управлении Россией и особенно после провала июльского наступления, предпринятого Временным правительством, былой идеализм итальянской прессы в его отношении постепенно стал улетучиваться. Некоторые газеты консервативного толка начали выражать озабоченность по поводу утери им некоторых положительных черт самодержавия, которые «удерживали страну от анархии»⁶.

3 Fra le rovine di un trono e il rinnovamento di una nazione // L'Iniziativa. 1917. 7 aprile.

4 Dudan P. Un'intervista dei delegati italiani reduci dalla Russia // Il Messaggero. 1917. 25 giugno.

5 Il Grido del Popolo. 1917. 29 aprile.

6 Donnini G. Il 1917 di Russia nella stampa italiana. Milano: Giuffrè, 1976. P. 60.

Война дорого обошлась Италии, вступившей в неё позже всех основных действующих лиц. Массовое дезертирство достигло 50 тысяч человек. В итальянских частях часто возникали стихийные бунты. В тылу имели место бурные массовые выступления, спровоцированные неурожаем и голодом. Люди протестовали против дороговизны, за выход из войны. Национальная трагедия — поражение под Капоретто — привела к потере 11 тысяч жизней, 29 тысяч были ранены, 280 тысяч попали в плен, 350 тысяч солдат бежали с поля боя, а 400 тысяч мирных жителей были вынуждены оставить свои дома. Правящие круги страны не без основания опасались, что обрушение Восточного фронта или заключение Россией сепаратного мира приведёт к поражению страны и созданию революционной ситуации.

В то время как в России всё настоятельнее зазвучали призывы к миру «без аннексий и контрибуций», итальянская дипломатия весьма скептически отнеслась к участию в правительстве представителей Петроградского совета. Накануне планируемой союзнической конференции, в ходе которой правительство Керенского надеялось убедить участников пересмотреть цели войны, итальянский министр иностранных дел Сидней Соннино заявил о своём решительном отказе «сидеть на конференции рядом с меньшевиком Скобелевым, представлявшим Петроградский совет»⁷.

Выхода из войны своих союзников — России и Италии — больше всего опасались Великобритания и Франция. В борьбе против итальянских сторонников прекращения мировой бойни английская разведка сделала ставку на харизматичного журналиста Б. Муссолини, исповедовавшего некогда идеи, близкие к большевизму. Его газета «Пополо д'Италия» весомо финансировалась французами и англичанами. При помощи последних Муссолини основал Ассоциацию инвалидов войны, проводившую по всей стране многочисленные митинги, призванные поднять боевой дух итальянцев.

Октябрьская революция стала неожиданностью для итальянцев. Достаточно сказать, что А. Грамши немедленно охарактеризовал её как «революцию *против* (курсив мой. — Т. З.) “Капитала” Карла Маркса». Поскольку, по Марксу, условием революции должно быть развитие буржуазии как класса и утверждение цивилизации западного типа, то Россия, по его мнению, явно не вписывалась в марксизм, а каноны исторического материализма были не такими железными, как можно было подумать⁸.

«Марксистская» или «не марксистская», но Октябрьская революция (иначе — переворот) оказала серьёзнейшее влияние на всё последующее развитие Италии. Историк Лучано Аттиччиати писал, что война привела к тому, что даже средние слои, а не только рабочие стали симпатизировать крайне левым,

7 M. Toscano. L'inizio della rivoluzione sovietica visto dall'Ambasciata d'Italia a Pietrogrado // Nuova Antologia. 1968. № 1. P. 29.

8 Gramsci A. La rivoluzione contro il Capitale. URL: <http://www.marxists.org/italiano/gramsci/17/rioluzionecontrocapitale.htm>.

но особенный импульс этим настроениям придала Октябрьская революция. Реформизм переживал кризис, популярным становился социализм большевистского толка. В 1918 г. Итальянская социалистическая партия (ИСП) приступила к разработке программы действий, нацеленной на социалистическую революцию и установление диктатуры пролетариата, и в том же году её руководство призывало к «немедленному выступлению» в этом направлении. ИСП присоединилась к Третьему интернационалу и, следуя указаниям Коминтерна, сделала акцент на партийной дисциплине и максимальной централизации. Реформистское крыло партии во главе с Турати тут же заявило о несогласии с решениями Коминтерна. Раскол в ИСП произошёл, когда руководитель большинства Джачинто Ментотти Серрати в октябре 1919 г. заявил о необходимости использовать насилие для того, чтобы покончить с капитализмом. На ещё более экстремистских позициях стоял Амадео Бордига, главный редактор газеты «Иль Совет». Он требовал не участвовать в парламентских выборах, чтобы лучше подготовить партию к революции. Бордига стал инициатором раскола ИСП и создателем Коммунистической партии Италии (КПИ). В резолюциях КПИ говорилось, что цель коммунистов — вооружение пролетариата и насильственное свержение господства буржуазии. С этого времени в Италии начинается красное двухлетие, в ходе которого предпринимаются попытки занятия фабрик и заводов, а также учреждения сети Советов.

В программе КПИ, принятой в 1921 г., подтверждалась необходимость насильственной смены власти, разгрома государственного аппарата, установления диктатуры пролетариата и лишения буржуазии избирательных прав. В качестве модели новой политической организации предлагались Советы рабочих и солдатских депутатов по типу тех, которые были созданы в ходе русской революции. Коммунистов предостерегали от иллюзии быстрой победы и непродолжительного насилия, после которого сразу начнётся мирная жизнь: «Реальность революционного развития заключается именно в том, что кровавые столкновения между пролетариатом и буржуазией происходят перед финальной схваткой», — говорилось в программе КПИ⁹. Через некоторое время реформисты, шедшие за Турати, были изгнаны из ИСП.

В 1919 г. прошёл съезд ИСП. Максималисты во главе с Серрати и Бордигой стали авторами резолюции, в которой говорилось, что только Советы могут стать организаторами социальной и экономической трансформации и установить новый коммунистический порядок¹⁰. Профсоюзы организовали волну забастовок. Вскоре группа Серрати влилась в Коммунистическую партию.

9 Atticciati L. Il Biennio Rosso in Italia e il mito sovietico. URL: http://www.storico.org/italia_fascista/mitosovietico.html.

10 Forti S. «Tutto il potere ai Soviet!» Il dibattito sulla costituzione dei Soviet nel socialismo italiano del biennio rosso: una lettura critica dei testi // Storicamente. 4 (2008), no. 58. URL: <http://storicamente.org/forti#nt-5>.

Среди итальянского народа росла популярность Октябрьской революции. Выступления под лозунгом «Сделаем как в России» ширились изо дня в день. Упрочили своё влияние левые партии и движения. По всей стране происходил захват заводов, фабрик и сельскохозяйственных угодий, где по российскому образцу создавались Советы. Справа всё более настойчиво раздавалась критика либерального государства, не справляющегося с возникшими проблемами. Радикализация общественных сил происходила в те годы буквально на глазах.

Писатель Курцио Малапарте, будущий член фашистской партии и автор известной книги «Техника государственного переворота», так напишет о влиянии на него Октябрьской революции, заставившем его порвать со своей прежней, Республиканской, партией: «После того как я близко познакомился с методами и духом русской революции, проблема итальянской революции, как её понимает в теории и в практической политике Республиканская партия, показалась мне антиисторической и в основном реакционной»¹¹. В Италии появились и другие работы, посвященные октябрю 1917 г. в России. О. Дзуккарини написал брошюру под названием «За и против большевизма», Н. Колаянни опубликовал статью «Русская революция: примеры и оценки», Р. Мондольфо выступил с эссе «Значение и уроки русской революции»¹². В них, независимо от различий в теоретической оценке, авторы явно восхищались «методом Октября» — вооружённым захватом власти, что наводило на мысль о растущей востребованности таких методов в Италии. Представляется, что в некоторой степени Октябрьская революция повлияла и на приход к власти Муссолини.

Но недовольство итальянцев политикой правительства объяснялось не только их тяжёлым экономическим положением. Многие считали, что понесённые в войне жертвы не были вознаграждены ожидаемыми территориальными приобретениями. Всё это породило миф о так называемой ампутированной победе¹³. В этом плане ситуация в стране-победительнице Италии, наверное, в чём-то была схожа с тем отчаянием, которое царило в проигравшей войну Германии по поводу несправедливых для неё условий Версальского мира. «Мы выиграли войну, — говорили разочарованные итогами войны итальянцы, — но мы проиграли мир». Таким образом, если считать, что приход к власти в Германии Гитлера был запрограммирован Версальским миром, то в связи всё с тем же миром появление в Италии дуче было результатом «высокой степени вероятности».

11 Цит. по: *Ronchi Suckert E. Malaparte. Vol. 1 (1905–1926). Firenze: Ponte alle Grazie, 1991. P. 248–249.*

12 *Giorgio Petracchi. Carlo Sforza e il mondo sovietico 1917–1950 (Apparenze diplomatiche e realtà psicologiche) // Il Politico. 1984. № 3. P. 389.*

13 По-итальянски «ампутированная, искалеченная победа» звучит как «vittoria mutilata». Авторство термина приписывают Габриэле д'Аннунцио.

На фоне растущей радикализации политической жизни и роста недовольства по поводу «проигранного мира» боевые отряды Муссолини — «Фаши ди комбаттименто» — привлекли людей, разочарованных в демократии и напуганных размахом революционных выступлений. Их ряды пополнили несогласные с итогами войны националисты и вернувшиеся с фронта солдаты. Версаль и создаваемый им послевоенный мировой порядок подвергались жесточайшей критике. Газета Муссолини «Иль пополо д'Италия» развернула яростную кампанию в связи с образованием нового государства — Югославии. На её страницах звучали мотивы расового превосходства над славянами; заявлялись претензии на господство в Адриатике и над территориями соседних стран (Греция, Албания); провозглашалась цель создания империи за счёт расширения африканских владений. Муссолини утверждал, что империализм является «вечным и неизменным законом жизни, в каждом народе олицетворяющим волю к экспансии». Фашистская печать провоцировала недоверие к международным институтам, обвиняя бывших союзников в эгоизме, и призывала к укреплению военного потенциала. Фашисты ставили вопрос о ревизии подписанных договоров, требовали компенсаций и колоний. В своей речи в сентябре 1920 г. Б. Муссолини назвал Средиземноморье центром итальянской экспансии, возложив на Италию роль связующего звена между Западом и Востоком. В ноябре 1921 г. была создана Национальная фашистская партия.

В октябре 1922 г. инициированный чернорубашечниками Б. Муссолини многотысячный «марш на Рим» побудил короля Италии Виктора Эммануила выбрать меньшее из двух зол и попытаться нормализовать ситуацию. Король поручил формирование нового правительства Муссолини, надеясь, что обретенная фашистами власть позволит покончить с левыми настроениями в стране и, как ему казалось, неизбежной угрозой большевистского переворота. Он надеялся, что, получив власть, чернорубашечники в конечном счёте станут более умеренными (позднее такие же надежды питали британские и французские правители по поводу возможности приручить Гитлера). Английская либеральная пресса расценила события в Италии как антиконституционный переворот, консервативная же, напротив, писала о «справедливой реакции общества на коммунистическую угрозу». Одни американские газеты осуждали действия короля, другие сравнивали Муссолини с «Гарибальди в чёрной рубашке».

Разочарованные итогами войны массы охотно воспринимали правительственную пропаганду, провозглашавшую как «кризис капиталистической цивилизации», так и «неприемлемость коммунизма». Фашисты сулили переход к «новой цивилизации», которая «повергнет англосаксонскую плутократию и советский большевизм» и «возродит величие Италии как наследницы Древнего Рима».

L'eco delle rivoluzioni russe in Italia

Traduzione di Nicoletta D'Alessandro

Inizialmente, le informazioni giunte in Italia in merito agli eventi rivoluzionari russi erano abbastanza scarse e contraddittorie. Alla vigilia della rivoluzione di febbraio del 1917, il Ministro della Propaganda italiano Vittorio Scialoja, in un'intervista, assicurava gli italiani della solidità del regime zarista e della crescita del patriottismo in Russia¹. Dopo i fatti di febbraio a Pietrogrado, nelle dichiarazioni del governo si faceva notare che il rovesciamento dello zarismo avrebbe aiutato l'esercito russo ad operare più attivamente al fronte. Una parte significativa dell'opinione pubblica liberaldemocratica italiana, ed europea in generale, accolse con soddisfazione la rivoluzione di febbraio come una vittoria dei liberali russi, che erano fermamente intenzionati a condurre la guerra "fino alla conclusione vittoriosa". La Commissione esecutiva del Partito repubblicano d'Italia indirizzò una missiva al Governo provvisorio, nella quale, esprimendo i più cordiali auguri al popolo russo, celebrava il trionfo della rivoluzione, «grazie alla quale il popolo russo ha preso in mano il proprio destino» e sottolineava «il carattere democratico e rivoluzionario della guerra contro la criminale oligarchia tedesco-tatara» [si intendeva il governo dell'Impero russo — T.Z.], la quale, in un certo senso, «minacciava l'Europa».

I repubblicani elogiavano la rivoluzione di febbraio, che aveva proclamato gli ideali della repubblica. Essi erano sicuri che «la Russia slava, affascinata dallo spirito francese di amore per la libertà, finalmente si fosse resa conto della miseria e dell'umiliazione in cui viveva il suo popolo»². A loro avviso, l'alleanza tra la Russia e la Francia negli anni della guerra aveva compiuto un miracolo: aveva svuotato la contrapposizione fra Stato e cittadino, aveva portato alla liquidazione della polizia, come odiato strumento della tirannia, e trasformato l'esercito

¹ G. Petracchi, *Da San Pietroburgo a Mosca. La diplomazia italiana in Russia 1861-1941*, Bonacci Editore, Roma 1993, p. 173.

² *Fra le rovine di un trono e il rinnovamento di una nazione*, in «L'Iniziativa», 7 aprile 1917.

da massa di gente priva di qualsiasi diritto, in «raccolta di cittadini liberi che difendono con le armi il sacro suolo della loro patria e la libertà acquistata»³. In una situazione in cui la libertà di coscienza era divenuta un diritto inalienabile dei cittadini e il governo risultava rappresentato da uomini provenienti da tutte le classi sociali, i repubblicani italiani, socialisti e liberali, speravano che in Russia si realizzassero rapidamente le riforme sociali, che venissero distribuite le terre ai contadini e che l'industria fosse socializzata. Il quotidiano "Roma" esprimeva un giudizio più prudente, ritenendo che era ancora molto difficile prevedere quale sarebbe stata la scala della grande rivoluzione, le sue conseguenze politiche, economiche e sociali per la Russia e per il mondo intero. Per quanto, aveva infuso speranza il fatto che il Governo provvisorio avesse abolito la pena di morte, avesse liberato i prigionieri politici, avesse eliminato le limitazioni ai diritti degli ebrei, avesse restituito l'autonomia alla Finlandia e avesse riconosciuto l'ingiustizia nei confronti della Polonia. Da queste citazioni e prese di posizione si può giudicare l'assoluta mancanza di informazioni che regnava in Italia, come del resto nella maggior parte dei paesi europei, in merito alla storia della Russia e del suo popolo ed alla vera natura degli eventi rivoluzionari nel nostro paese.

Nel giugno del 1917 una delegazione italiana partecipò al congresso dei Soviet dei deputati degli operai e dei soldati e al congresso dei rappresentanti dell'Unione delle città ed anche alla riunione del Comitato esecutivo del Soviet di Pietrogrado. Nel loro rapporto i membri della delegazione notarono con soddisfazione che Kerenskij, Miljukov e gli altri membri del Comitato esecutivo erano favorevoli a continuare la guerra⁴.

Per il giovane Antonio Gramsci la rivoluzione di febbraio in Russia aveva posto fine all'autoritarismo, sostituendolo con la libertà e con il diritto di voto per tutti, comprese le donne, e il merito principale dei rivoluzionari era che essi «l'avevano fatta finita con le galere e avevano rimesso in libertà tutti i prigionieri». «La luce viene dall'oriente — pregustò uno dei futuri fondatori del Partito comunista italiano — e irradia tutto il vecchio mondo occidentale»⁵.

Tuttavia, man mano che la disorganizzazione negli affari di governo della Russia aumentava e, soprattutto, dopo il fallimento dell'offensiva di luglio intrapresa dal Governo provvisorio, il precedente idealismo della stampa italiana nei confronti di quest'ultimo cominciò gradualmente a volatilizzarsi. Alcuni quotidiani di tendenza conservatrice presero ad esprimere preoccupazione per la perdita da parte del Governo provvisorio di alcuni tratti positivi dell'autocrazia, che «trattenevano il paese dall'anarchia»⁶.

³ *Ibidem*.

⁴ P. Dudan, *Un'intervista dei delegati italiani reduci dalla Russia*, in «Il Messaggero», 25 giugno 1917.

⁵ Cit. in «Il Grido del Popolo», 29 aprile 1917.

⁶ G. Donnini, *Il 1917 di Russia nella stampa italiana*, Giuffrè, Milano 1976, p. 60.

La guerra costò cara all'Italia, che vi era intervenuta più tardi tra tutti i suoi principali "attori". La diserzione di massa arrivò a toccare i 50.000 uomini. Nei reparti italiani spesso scoppiavano ribellioni spontanee. Nelle retrovie avevano luogo violenti disordini provocati dalla scarsità dei raccolti e dalla fame. La gente protestava contro il carovita e per l'uscita dalla guerra. La tragedia nazionale, la disfatta di Caporetto, causò la perdita di 11.000 vite umane, 29.000 furono i feriti, 280.000 furono fatti prigionieri. 350.000 soldati fuggirono dal campo di battaglia e 400.000 civili furono costretti a lasciare le proprie case. I circoli dirigenti del paese temettero, non senza fondamento, che il crollo del fronte orientale o la conclusione di una pace separata da parte della Russia avrebbe causato la sconfitta del paese e l'instaurarsi di una situazione rivoluzionaria.

Nel momento in cui in Russia gli appelli ad una pace "senza annessioni e senza indennizzi" risuonavano sempre più attuali, la diplomazia italiana manifestò notevole scetticismo in merito alla partecipazione al governo di rappresentanti del Soviet di Pietrogrado. Alla vigilia della programmata Conferenza degli alleati, nel corso della quale il governo di Kerenskij sperava di convincere gli alleati a rivedere gli obiettivi della guerra, il Ministro degli Esteri italiano Sidney Sonnino dichiarò il proprio netto rifiuto a «sedere alla Conferenza accanto al menscevico Skovelev, che avrebbe rappresentato il Soviet di Pietrogrado»⁷.

La Gran Bretagna e la Francia temevano più di tutto l'uscita dalla guerra dei propri alleati, la Russia e l'Italia. Nella propria lotta contro i sostenitori italiani della cessazione della guerra mondiale, i servizi segreti inglesi scommisero sul carismatico giornalista Benito Mussolini, che in passato aveva professato idee vicine al bolscevismo. Il suo quotidiano "Il popolo d'Italia" fu consistentemente finanziato dai francesi e dagli inglesi. Grazie all'aiuto di questi ultimi, Mussolini fondò l'Associazione degli invalidi di guerra, che organizzò numerosissimi meeting in tutto il paese, finalizzati a stimolare lo spirito guerresco degli italiani. La Rivoluzione d'ottobre fu un evento inaspettato per gli italiani. Basti dire che Gramsci la qualificò subito come «una rivoluzione *contro* [il corsivo è mio — T. Z.] *Il Capitale* di Karl Marx». Poiché, secondo Gramsci, condizione marxiana della rivoluzione doveva essere lo sviluppo della borghesia in quanto classe e l'affermazione della civiltà di stampo occidentale, mentre la Russia, a suo avviso, evidentemente non si "iscriveva" nel marxismo ed i canoni del materialismo storico non erano così feroci come si potrebbe pensare⁸.

Tuttavia, "marxista" o "non marxista", la Rivoluzione d'ottobre (altrimenti detta "colpo di stato") avrebbe influenzato nel modo più serio tutto il successivo sviluppo dell'Italia. Lo storico Luciano Atticciati ha scritto che la guerra portò addirittura la classe media, e non solo i lavoratori, a cominciare a simpatizzare con

⁷ Cit. in M. Toscano, *L'inizio della rivoluzione sovietica visto dall'Ambasciata d'Italia a Pietrogrado*, in «Nuova Antologia», 1968, n. 1, p. 29.

⁸ A. Gramsci *La rivoluzione contro il Capitale*. [Risorsa elettronica]. URL: <http://www.marxists.org/italiano/gramsci/17/rivoluzionecontrocapitale.htm> (data di consultazione: 23.II.2017).

l'estrema sinistra, ma che un impulso particolare a questo orientamento fu impresso dalla Rivoluzione d'ottobre. Il riformismo era in crisi ed era diventato popolare il socialismo di tendenza bolscevica. Nel 1918, il Partito socialista italiano (PSI) mise mano all'elaborazione di un programma d'azione, finalizzato alla rivoluzione socialista e all'instaurazione della dittatura del proletariato e nello stesso anno la sua dirigenza chiamò "ad agire immediatamente" in questa direzione. Il PSI entrò nella Terza Internazionale e, secondo le indicazioni del Komintern, accentuò la disciplina di partito e la massima centralizzazione. L'ala riformista del partito, con a capo Turati, subito si dichiarò in disaccordo con le decisioni del Komintern. La scissione nel PSI avvenne quando, nell'ottobre del 1919, il dirigente della maggioranza Giacinto Menotti Serrati dichiarò la necessità di usare la violenza per farla finita con il capitalismo. Su posizioni ancor più estreme si collocò Amadeo Bordiga con il suo articolo sul periodico "Il Soviet". Egli esigeva di non partecipare alle elezioni parlamentari, per meglio preparare il partito alla rivoluzione. Bordiga fu l'iniziatore della scissione nel PSI e il fondatore del Partito comunista italiano (PCI). Nelle risoluzioni del PCI si diceva che l'obiettivo dei comunisti consisteva nell'armare il proletariato e nel rovesciare con la violenza il dominio della borghesia. A partire da questo periodo comincia in Italia il "biennio rosso", durante il quale si intraprendono tentativi di occupazione di fabbriche e stabilimenti industriali, ed anche di istituire una rete di Soviet. Nel programma del PCI approvato nel 1921, si confermava la necessità di un cambiamento violento di potere, di distruggere l'apparato dello Stato, di istituire la dittatura del proletariato e di privare la borghesia dei diritti elettorali. Come modello della nuova organizzazione politica si proponevano i Soviet dei deputati degli operai e dei soldati, sul tipo di quelli che erano stati fondati durante la rivoluzione russa. I comunisti mettevano in guardia dall'illusione di una vittoria rapida e di una violenza di breve durata, dopo la quale sarebbe cominciata una vita pacifica: «È nella realtà dello sviluppo rivoluzionario che urti sanguinosi tra il proletariato e la borghesia avvengano prima della lotta finale», si sosteneva nel programma del PCI⁹. Qualche tempo dopo, i riformisti che avevano seguito Turati furono espulsi dal PCI.

Nel 1919 si svolse il congresso del PSI. I massimalisti con a capo Serrati e Bordiga si fecero autori di una risoluzione nella quale si dichiarava che solo i Soviet avrebbero potuto organizzare la trasformazione sociale ed economica e stabilire il nuovo ordine comunista¹⁰. I sindacati organizzarono un'ondata di scioperi. Presto il gruppo di Serrati confluì nel Partito comunista.

⁹ Cit. in L. Atticciati, *Il Biennio Rosso in Italia e il mito sovietico* [Risorsa elettronica]. URL: http://www.storico.org/italia_fascista/mitosovietico.html (data di consultazione: 23.II.2017).

¹⁰ S. Forti, «*Tutto il potere ai Soviet!*» *Il dibattito sulla costituzione dei Soviet nel socialismo italiano del biennio rosso: una lettura critica dei testi*, in «Storicamente», 4 (2008), no. 58. [Risorsa elettronica]. URL: <http://storicamente.org/forti#nt-5> (data di consultazione: 23.II.2017).

La popolarità della Rivoluzione d'ottobre crebbe fra gli italiani. Di giorno in giorno si moltiplicavano gli interventi pubblici improntati allo slogan "facciamo come in Russia". I partiti e i movimenti di sinistra consolidarono la propria influenza. In tutto il paese avvenivano occupazioni di stabilimenti industriali, di fabbriche e di aziende agricole, dove, sull'esempio russo, si costituivano Soviet. A destra si faceva largo sempre più insistentemente la critica allo Stato liberale, che non era in grado di misurarsi con i problemi insorti. La radicalizzazione delle forze sociali, in quegli anni, avveniva letteralmente a vista d'occhio.

Lo scrittore Curzio Malaparte, futuro membro del Partito fascista e autore del famoso saggio "Tecnica del colpo di Stato", così avrebbe scritto dell'influenza su di lui della Rivoluzione d'ottobre, che l'aveva costretto a rompere con il suo precedente partito, il Partito repubblicano: «Dopo aver visto da vicino i metodi e lo spirito della rivoluzione russa, il problema della rivoluzione italiana, qual'era concepita e imposta sul terreno teorico e pratico del Partito repubblicano, mi appariva antistorico e sostanzialmente reazionario»¹¹. In Italia comparvero anche altri lavori dedicati all'ottobre del 1917 in Russia. O. Zuccarini scrisse una brochure intitolata "Pro e contro il bolscevismo", N. Colajanni pubblicò l'articolo "La Rivoluzione russa. Appunti e giudizi", R. Mondolfo intervenne con il saggio "Significato e insegnamenti della Rivoluzione russa"¹².

In essi, indipendentemente dalle differenze nella valutazione teoretica, gli autori si esprimevano entusiasticamente sul "metodo dell'Ottobre", proprio di questi avvenimenti e della conquista armata del potere, fatto che dava da pensare alla crescente estrema necessità di applicare tali metodi in Italia. Pare che, in una certa misura, la Rivoluzione d'ottobre influì perfino sull'ascesa al potere di Mussolini.

Ma l'insoddisfazione degli italiani verso la politica del governo si spiegava non solo con la loro difficile situazione economica. Molti ritenevano che i sacrifici sopportati in guerra non fossero stati ricompensati dalle attese acquisizioni territoriali. Tutto ciò generò il mito della cosiddetta "vittoria mutilata"¹³. Su questo piano la situazione in Italia, paese vincitore, probabilmente era in parte simile alla disperazione che regnava in Germania, paese che aveva perso la guerra, in merito alle condizioni del trattato di Versailles, per essa ingiuste. «Abbiamo vinto la guerra — dicevano gli italiani delusi dai risultati della guerra — ma abbiamo perso la pace». Così, se si ritiene che l'ascesa al potere di Hitler in Germania fu "programmata" dalla pace di Versailles, allora, "con un alto grado di probabilità", in relazione alla stessa pace, risultato ne fu anche la comparsa in Italia del "duce".

11 Cit. in E. Ronchi Suckert, *Malaparte*, Volume I (1905-1926), Ponte alle Grazie, Firenze 1991, pp. 248-249.

12 G. Petracchi, *Carlo Sforza e il mondo sovietico 1917-1950 (Apparenze diplomatiche e realtà psicologiche)*, in «Il Politico», n. 3, 1984, p. 389.

13 In italiano, "la vittoria amputata, storpiata" suona come "vittoria mutilata". L'invenzione del termine è attribuita a Gabriele D'Annunzio.

Sullo sfondo della crescente radicalizzazione della vita politica e dell'aumento del malcontento in relazione alla "pace persa", le milizie di Mussolini, i "Fasci di combattimento", attirarono fra i propri ranghi gente delusa dalla democrazia e spaventata dalla portata degli interventi rivoluzionari radicali. I loro ranghi si riempirono di nazionalisti scontenti dei risultati della guerra e di soldati reduci dal fronte. Versailles e l'ordine mondiale post bellico da esso instaurato furono sottoposti ad una critica feroce. Il quotidiano di Mussolini "Il popolo d'Italia" sviluppò una campagna rabbiosa in merito alla formazione del nuovo Stato della Jugoslavia. In essa risuonavano i motivi della superiorità razziale nei confronti degli slavi e si manifestavano pretese di dominio sull'Adriatico e sui territori di Stati vicini (Grecia, Albania). Si proclamava l'obiettivo della fondazione di un impero grazie all'ampliamento dei possedimenti africani. Mussolini affermava che l'imperialismo è «la legge eterna e immutabile della vita, che in ogni popolo personifica la volontà di espansione». La stampa fascista provocava la diffidenza verso gli istituti internazionali, accusando gli ex alleati di egoismo, e esortava a rinforzare il potenziale bellico. I fascisti posero la questione della revisione dei trattati sottoscritti, pretendendo compensazioni e colonie. Nel suo discorso del settembre 1920, Benito Mussolini definì il Mediterraneo il centro dell'espansione italiana, attribuendo all'Italia il ruolo di elemento di collegamento tra Occidente e Oriente.

Nel novembre del 1921 fu fondato il Partito nazionale fascista. Nell'ottobre del 1922, la "marcia su Roma", promossa dalle camicie nere di Mussolini e a cui parteciparono in migliaia, spinse il re d'Italia Vittorio Emanuele a scegliere il "male minore" e a cercare di normalizzare la situazione. Il re affidò l'incarico di formare il nuovo governo a Mussolini, sperando che il raggiungimento del potere da parte dei fascisti avrebbe permesso di farla finita con le tendenze di sinistra nel paese e, a suo avviso, con l'inevitabile minaccia di un colpo di stato bolscevico.

Egli sperava che le camicie nere, avendo ottenuto il potere, sarebbero diventate in fin dei conti più "moderate" (più tardi i britannici e i francesi avrebbero nutrito le stesse speranze, a proposito della possibilità di addomesticare Hitler). La stampa liberale inglese giudicò gli eventi in Italia come un rivolgimento anticostituzionale; quella conservatrice, al contrario, scriveva della «giusta reazione della società alla minaccia comunista». Alcuni quotidiani americani condannavano l'operato del re, altri paragonavano Mussolini ad un "Garibaldi in camicia nera". Le masse deluse dagli esiti della guerra recepivano con entusiasmo la propaganda governativa, che affermava sia "la crisi della civiltà capitalistica", sia "l'inaccettabilità del comunismo". I fascisti promettevano il passaggio ad una "nuova civiltà", che «avrebbe rovesciato la plutocrazia anglosassone e il bolscevismo sovietico» e «avrebbe rigenerato la grandezza dell'Italia come erede dell'Antica Roma».

Советско-итальянские отношения в межвоенный период

Период между двумя мировыми войнами XX в. был чрезвычайно насыщен событиями, одним из главных стала революция 1917 г. в России, которая в корне изменила положение дел не только в стране, но и в мире. С этого момента началась новая глава в истории отношений между Россией и Италией.

Первые годы существования Советской республики были омрачены продолжавшейся войной, затем интервенцией, в которой наряду с союзниками участвовала и Италия¹. Противостояние двух социально-политических систем на несколько лет практически полностью блокировало контакты между двумя государствами. Однако уже тогда были сделаны шаги, направленные и на сближение. Так, Москва неоднократно предлагала мирные переговоры и установление равноправных отношений. Со стороны Италии первые инициативы связаны с именем премьер-министра Ф. Нитти, который 27 июня 1919 г. заявил в парламенте о замене политики интервенции на экономическое сотрудничество с Россией, а 14 июля того же года сообщил о намерении правительства в ближайшее время вывести войска из России². Позднее Ф. Нитти писал: «Политика, которую я хотел проводить и которой следовал, когда стал главой правительства и позднее, состояла в том, чтобы рассматривать Россию как дружественное государство, поверженное войной. <...> Мы должны были только потребовать от большевистского правительства, чтобы новая Россия не предпринимала действий для внедрения в Италию большевистского режима»³.

Однако реализовать эти планы удалось не сразу, так как Италия не могла отойти от общей линии Антанты и приняла участие в экономической

1 См. подробнее: Хормач И.А. Отношения между Советским государством и Италией 1917–1924 гг. М., 1993; Petracchi G. La Russia rivoluzionaria nella politica italiana. Le relazioni italo-sovietiche. 1917–1925. Roma; Bari, 1982.

2 СССР — Италия. Страницы истории. Документы и материалы. М., 1985. С. 9–12.

3 Нитти Ф. Европа над бездной. Пг., 1923. С. 2–3.

блокаде Советского государства, объявленной 10 октября 1919 г. Уже тогда между двумя странами стали налаживаться контакты и начались переговоры об обмене военнопленными. А на Парижской мирной конференции после прекращения Верховным советом Антанты 16 января 1920 г. блокады Ф. Нитти поднял вопрос об установлении отношений с большевиками. На заседании 23 февраля он предложил союзникам установить экономические и политические связи с Советским правительством и направить в Москву делегацию из представителей делового мира. В результате дискуссии было решено развивать торговлю с Россией через кооперативные организации⁴.

В марте 1920 г. в Копенгагене прошли советско-итальянские переговоры об обмене военнопленными, а также об экономическом сотрудничестве через кооперативные организации, в соответствии с которыми были подписаны соглашения. Сразу после этого в Италии было организовано Общество друзей России, деятельность которого была направлена на установление культурных связей между общественностью двух государств, а в июне была достигнута договорённость об обмене официальными представителями и полуофициальными делегациями. Существенную роль в этом процессе сыграла заинтересованность Рима в торговле с РСФСР. Накануне Первой мировой войны Италия являлась одним из основных внешнеторговых партнёров России. Она занимала пятое место в географии российского экспорта и девятое в географии российского импорта. На Италию приходилось 4,6 % всего российского экспорта. В структуре импорта из России преобладала пшеница (92 %). Так, поставки из России составляли 42 % закупаемого Италией за границей зерна. В свою очередь, экспорт Италии в Россию преимущественно состоял из шёлка-сырца, цитрусовых и двигателей⁵.

Теперь, после перераспределения рынков в результате войны, обе страны (особенно Италия) надеялись расширить торговые связи, чему способствовало и отсутствие трудноразрешимых противоречий территориального и экономического характера между ними. Для Москвы была важнее политическая составляющая этих взаимоотношений. Однако итальянское правительство затягивало процесс официального сближения двух стран, ожидая результатов проходивших в то время англо-советских переговоров об обмене представителями и не решаясь нарушать единую политику Антанты даже под давлением общественного мнения.

Окончательный перелом наметился в 1921 г., когда постепенно стал реализовываться курс Москвы, направленный на мирное сосуществование Советского государства с капиталистическими странами. На X съезде Российской коммунистической партии (большевиков) (РКП(б)) 15 марта была одобрена «политика советской власти, направленная к установлению

4 Хормач И.А. Отношения между Советским государством и Италией 1917–1924 гг. М., 1993. С. 40.

5 Annuario statistico Italiano. Seconda serie. Roma, 1919. Vol. 7. P. 228–243, 277.

нормальных торговых отношений между Советской республикой и другими странами путём заключения торговых договоров и соглашений»⁶. Между идеологическими устремлениями государства и его внешней политикой проводилась более жёсткая грань.

Четырнадцатого марта 1921 г. в Италию прибыла российская экономическая делегация во главе с дипломатом В.В. Воровским, но взаимоотношения двух стран налаживались с трудом из-за сильной антисоветской оппозиции, хотя уже 16 марта 1921 г. было заключено советско-английское торговое соглашение, снимавшее множество сомнений итальянского руководства. Только 26 декабря 1921 г. состоялось подписание Предварительного русско-итальянского торгового соглашения. Москва и Рим обязались взаимно воздерживаться от враждебных друг другу актов, устранять препятствия по восстановлению экономических связей, применять в торговле «ограниченный» режим наибольшего благоприятствования. Был предусмотрен обмен официальными представителями, обладавшими дипломатическим иммунитетом. Это означало признание Советского правительства де-факто, причём Италия первой из держав Антанты признала представителя РСФСР в Риме единственным законным представителем России⁷. Соглашение стало одним из основных этапов формирования двусторонних отношений и послужило импульсом развития дальнейших связей.

Следующий шаг был сделан на Генуэзской международной экономической конференции 1922 г. Накануне этого события представители итальянской промышленности, банков и торгово-транспортных кругов собрались в Милане и постановили немедленно наладить связи с Россией; создали комитет итальянских инициатив для торговли с Россией, а перед итальянской делегацией поставили задачу подготовить и заключить сепаратный окончательный торговый договор с РСФСР, более широкий, чем Предварительное соглашение. На совещаниях Торговой палаты Триеста, Федерации итальянских промышленников (Конфиндустрии) в Риме представители торгово-промышленных кругов Болоньи, Венеции, Генуи, Милана, Неаполя и Турина настаивали на возобновлении торговли и установлении регулярных рейсов между итальянскими и российскими портами. В этот период создавались представительства в России крупной компании морского транспорта «Ллойд-Триестино». Итальянское правительство учло эти настроения и подготовило для делегации план, в котором вторым пунктом значилось требование к конференции уделить особое внимание экономическому восстановлению России и её включению в международную торговлю. Сама Италия готова была оказывать помощь отправкой специалистов, поставками оборудования и техники и т. д. Разумеется, не бескорыстно. Со стороны России в процессе подготовки к конференции

6 Десятый съезд Российской коммунистической партии: стенографический отчет. М., 1921. С. 328–329.

7 Документы внешней политики СССР. Т. 4. М., 1960. С. 596–602.

также были намечены конструктивные инициативы, способные привлечь иностранный капитал к восстановлению и развитию народного хозяйства страны⁸.

Во время конференции советская и итальянская делегации использовали наметившиеся в Генуе возможности установления и развития торговых связей, включая деловые компромиссы и предоставление разнообразных концессий (в том числе транспортных и геологоразведочных), и через несколько дней после окончания конференции, 24 мая 1922 г., несмотря на отрицательную реакцию стран Антанты, Италия подписала с РСФСР новое, более полное, экономическое соглашение. Это стало возможным благодаря отсутствию материальных претензий к России со стороны Рима и его заинтересованности в получении концессий, развитии торговли и поставках горючего из РСФСР. К сожалению, майское соглашение не было ратифицировано Советским правительством, но после конференции был заключён целый ряд торговых сделок⁹.

Приход к власти в Италии фашистов в октябре 1922 г. не мог не сказаться на взаимоотношениях двух государств: были и провокации против советских дипломатов, и сорванные сделки, но изначально антибольшевизм Муссолини не часто проявлялся в прямых действиях против Советского государства (дуче понимал, что организация похода против России бесперспективна). Пятнадцатого ноября 1922 г. он заявил В.В. Воровскому, что в своей политике Италия будет руководствоваться реальными интересами и готова договориться о признании Советского правительства де-юре¹⁰. Это намерение он подтвердил в своей программной речи в парламенте. Италия хотела использовать устойчивые отношения с РСФСР для упрочения своего положения на международной арене, создать противовес английскому и французскому влиянию, а также обозначить наличие собственных национальных интересов. Но выполнять намерения Рим не спешил, и только 2 июля 1923 г. итальянский представитель в Москве Р. Пьячентини сообщил заместителю народного комиссара иностранных дел М.М. Литвинову о желании своего руководства расширить и придать импульс советско-итальянским отношениям. Затем Муссолини заявил о готовности одновременно с подписанием широкого, взаимовыгодного торгового договора установить и дипломатические отношения с СССР; 17 октября в Риме начались работы русско-итальянской конференции по заключению такого договора¹¹.

Существенными факторами, повлиявшими на ход переговоров, были расширение экономических контактов двух стран в результате участия итальянских торгово-промышленных кругов в работе Всероссийской сельскохозяйственной выставки, открывшейся в Москве в августе 1923 г.,

8 Хормач И.А. Отношения между Советским государством и Италией 1917–1924 гг. М., 1993. С. 78–81.

9 Там же. С. 98–100.

10 Документы внешней политики СССР. Т. 5. М., 1961. С. 688.

11 Хормач И.А. Отношения между Советским государством и Италией 1917–1924 гг. М., 1993. С. 147–148.

а также заявление Советского правительства о согласии предоставить Италии некоторые льготы при заключении с ней торгового договора при условии, если Италия станет первой из стран Антанты, которая пойдёт на установление дипломатических отношений с СССР¹². Итальянская делегация решила максимально использовать этот фактор, требуя всё новых преимуществ, тем самым затянув переговоры и позволив Великобритании опередить себя в вопросе о дипломатическом признании СССР.

Первого февраля 1924 г. Великобритания признала Советское правительство, а 7 февраля 1924 г. были установлены советско-итальянские дипломатические отношения и заключён Договор о торговле и мореплавании. Он стал важнейшим рубежом, создав реальные условия для развития экономических и политических связей двух стран. В основе договора лежал принцип полного равенства и взаимной заинтересованности, признавалась монополия внешней торговли, фиксировался принцип наибольшего благоприятствования. Несмотря на задержку с признанием, Советское правительство решило всё же наградить Италию «премией за смелость», учитывая, что она первой из держав Антанты решилась заключить с СССР равноправный взаимовыгодный договор. Поэтому были составлены приложения об особых, исключительных льготах, а именно Протокол о предоставлении Италии концессий на транспортные операции и на разработку полезных ископаемых на территории СССР, а также Таможенная конвенция, предусматривавшая ряд взаимных пошлинных льгот. В качестве особого бонуса итальянским судам на два года предоставлялось право малого каботажа¹³ вдоль берегов Чёрного моря¹⁴.

В результате интересы обеих стран не были ущемлены. С одной стороны, прорвана экономическая блокада Советского государства, с другой — для Италии открылся новый рынок. Уже в течение 1924 г. экспорт СССР в Италию увеличился на 68 % (в основном нефтепродукты и лес), а импорт — на 22 % (продукция машиностроения, оборудование, суда). В Милане был даже создан Экономический институт для связей с Россией, а основной организацией по торговым связям с СССР стало общество ЧИЧЕ¹⁵, объединявшее 37 крупнейших итальянских промышленных, финансовых и страховых компаний для внешней торговли с общим числом заводов и фабрик более двухсот¹⁶.

Торгово-экономические отношения двух стран создавали базу и для развития политических контактов, где интересы двух стран временно со-

12 Хормач И.А. Отношения между Советским государством и Италией 1917–1924 гг. М., 1993. С. 150–153.

13 Малый каботаж — попутная морская перевозка грузов между портами СССР.

14 Документы внешней политики СССР. Т. 7. М., 1963. С. 68–85.

15 CICE (Compagnia Industriale per il Commercio Estero) — Компания итальянских промышленных обществ для внешней торговли.

16 Хормач И.А. Отношения между Советским государством и Италией 1917–1924 гг. М., 1993. С. 159–164.

впадали, поскольку Италия в определённой степени относилась к странам, находившимся в оппозиции к господствовавшему союзу великих держав. Это давало возможность Москве и Риму совместно выступать против ряда положений Версальской системы и гегемонистской политики Англии и Франции в Европе. Делалась ставка и на схожесть позиций двух стран в целом ряде других проблем. Отношения с Италией не были приоритетным направлением во внешней политике Советского правительства, однако временами играли в ней довольно значительную роль, не допуская изоляции молодой республики.

Определённый спад произошёл в 1925–1927 гг., когда в Италии стал проводиться «новый курс» (наступление фашизма на оппозицию) и внешняя политика стала ориентироваться на восстановление империи. Но идеологические расхождения пока не были непреодолимым препятствием в развитии отношений двух стран. Итальянский историк Дж. Петракки справедливо отмечал, что идеологический крестовый поход против международного коммунизма стал важнейшим фактором во внешней политике фашизма только во второй половине 1930-х гг.; в 1920-е гг. антибольшевизм Муссолини был направлен почти исключительно против внутреннего врага — левого движения в Италии¹⁷. Именно поэтому построенные на реальных интересах связи двух стран не прерывались, и торговля развивалась успешно.

В 1927 г. доля Италии в вывозе советского зерна составляла более 20 %, СССР обеспечивал треть импорта нефти Италии, занимавшей первое место среди покупателей советских нефтепродуктов, — 23,4 %, а мазут, необходимый для её военного и торгового флота, поставлялся почти исключительно из СССР¹⁸. По этой причине после разрыва отношений СССР с Великобританией весной 1927 г. Италия использовала ситуацию и приняла на себя часть заказов, предоставленных ранее Москвой Лондону, заявив, что советско-итальянские отношения строятся в значительной степени на экономической основе¹⁹.

Особую роль в укреплении связей двух стран играли концессии, которым Москва уделяла большое внимание. Среди них следует упомянуть советско-итальянский договор о деятельности итало-русского общества торговли и транспорта Иртранс, осуществлявшего транзит итальянских товаров в Иран через территорию СССР и приносившего большой доход обоим государствам. Не менее важными были договор с Итало-Бельгийским горно-промышленным обществом на осуществление разведки и добычи нефти и газа в Ширакской степи, а также договор с итальянским пароходным обществом «Сервиццо Маритими» на осуществление грузовых и пассажирских перевозок²⁰.

17 Petracchi G. Op. cit. P. 227.

18 Хормач И.А. СССР — Италия. 1924–1939 гг. Дипломатические и экономические отношения. М., 1995. С. 65–66.

19 Там же. С. 67–68.

20 Там же. С. 51–53.

В период мирового экономического кризиса, совпавшего с кризисом Версальской системы и перегруппировкой европейских стран (1929–1934 гг.), взаимоотношения СССР и Италии перешли на новую ступень: стала расти их политическая составляющая. В эти годы появились основания говорить о создании новых союзов и коалиций. Италия приняла в этом процессе активное участие. Ей было важно расширить сферу своего влияния в бассейне Средиземного моря, на Балканах, на Ближнем Востоке, и в феврале 1928 г. она начала переговоры с Турцией и Грецией о заключении договора о сотрудничестве. При поддержке Турции можно было поставить вопрос о присоединении к этому пакту, но, несмотря на открывавшиеся перспективы, Москва считала, что не должна принимать участия в каких-либо постоянно действующих оформленных группировках, и предпочитала создавать сеть двусторонних договоров о ненападении²¹. А поскольку международное положение Советского государства в конце 1920-х гг. укрепилось, Рим стал проявлять заинтересованность в расширении политических контактов с ним и поднял вопрос об условиях заключения двустороннего политического договора. Однако Муссолини требовал одновременного расширения заказов СССР в Италии, что было весьма проблематично из-за отсутствия у Москвы достаточных для этого средств, а у Италии — возможности предоставлять ей крупные и долгосрочные кредиты. Это была веская причина, но не единственная и не главная. Очевидно, Муссолини опасался, что «новая ориентировка на Восток» ослабит связи его страны с Англией и Францией²².

Зондаж о характере предполагаемого договора продолжился, но без перспектив на скорое заключение, так как Муссолини всё решительнее настаивал на компенсациях за такой шаг в виде чётко зафиксированных обязательств о поставках нефти, угля и металлов. Тем временем контакты неэкономического характера между двумя государствами расширялись. В 1929 г. по инициативе Италии произошёл обмен визитами эскадрилий самолётов и миноносцев. В июне итальянские военнослужащие на 25 военных гидропланах посетили Одессу. Их сопровождали плавучие базы. Гостям был оказан торжественный, но чисто военный, профессиональный приём. Затем последовал ответный визит советской стороны на гражданских самолётах и судах, а также двух миноносцах. Сближению стран содействовали и такие события общественно-политической жизни, как спасение советскими моряками летом 1928 г. полярной экспедиции Нобиле после катастрофы дирижабля «Италия», тёплый приём героев во время их визита в Италию зимой 1929 г. В связи с этим полпред Д.И. Курский писал Литвинову, что приезд советских спасателей оказал благотворное влияние не только на отношение широких слоёв итальянского населения к СССР, но даже способствовал расширению контактов с официальными лицами Италии²³.

21 Документы внешней политики СССР. Т. 11. М., 1966. С. 249.

22 Хормач И.А. СССР — Италия. 1924–1939 гг. Дипломатические и экономические отношения. М., 1995. С. 77.

23 Там же. С. 87, 94.

В 1930 г. были преодолены некоторые проблемы, связанные со сдерживанием развития торговли двух стран. Экономический кризис вынудил итальянских предпринимателей обратить внимание на новые возможности реализации оборудования, машин и продукции высоких технологий благодаря индустриализации в СССР. Снабжение советского строительства не только открывало ёмкий рынок, но и давало возможность оздоровить торговый баланс двух стран. Рим заявил о готовности обсудить вопрос создания кредитной базы для торговли. Второго августа 1930 г. было подписано соглашение о крупных заказах СССР на итальянские суда, машины, оборудование, автотранспорт, тракторы, самолёты, приборы, химическую продукцию при обеспечении государственной гарантией до 75 % частных кредитов²⁴. Торговля двух партнёров действительно стала интенсивной и взаимовыгодной. Рост советских закупок в Италии и фрахт её судов в течение года увеличились более чем в два раза. В Италию были переадресованы некоторые заказы из других стран.

Кроме того, СССР значительно увеличил продажу Италии нефтепродуктов, доведя свою долю до 40 % потребности страны. Планировалось дальнейшее расширение торговли двух государств, и 27 апреля 1931 г. было подписано новое соглашение о гарантировании итальянским правительством кредитов СССР, причём сумма кредитов выросла в полтора раза, а сроки значительно увеличились. Товарооборот между СССР и Италией достиг своего пика, причём разрыв в импорте и экспорте дошёл до приемлемых пропорций. Импорт из Италии базировался в основном на заказах по кредитам, изменив в корне структуру итальянских поставок. Если раньше импорт состоял преимущественно из товаров широкого потребления, то теперь машины и оборудование составляли уже 53,7 % всего импорта СССР из Италии, материалы для обслуживания средств и путей сообщений — 22,6 %. Главными статьями советского экспорта в Италию по-прежнему были хлеб, нефтепродукты, уголь и лес. Было очевидно увеличение объёма фрахтования итальянских судов²⁵.

Этому процессу не могла помешать даже международная кампания против «русского демпинга»: в условиях экономического кризиса Италия решила не участвовать в идеологических походах против СССР, а в 1931 г. содействовала приглашению СССР в комиссию по созданию Пан-Европы. Открытое сближение СССР с Францией (1931 г.) вынудило Рим больше считаться с политикой Советского правительства и учитывать её в своих планах. Но без долгосрочной договорной основы торговые и политические связи не могли успешно развиваться дальше.

Между тем к 1932 г. наметилась тенденция к спаду в отношениях двух стран. Итальянские промышленники стали выражать недовольство тем, что импорт Италии из Советского Союза всё же больше экспорта (хотя

24 Хормач И.А. СССР — Италия. 1924–1939 гг. Дипломатические и экономические отношения. М., 1995. С. 100.

25 Там же. С. 101–102, 122–123.

это касалось не только СССР). Со своей стороны, Советское правительство не устраивал торговый баланс с Италией. Одной из причин было влияние кризиса на экономику Италии: её внутренний рынок сузился, был введён целый ряд ограничений на импортные товары для установления режима наибольшего благоприятствования национальным продуктам. В результате увеличения пошлин (на пшеницу на 50 %, на рожь на 100 %, на муку на 32 %) существенно пострадал русский экспорт зерновых. Возникли осложнения и с продажей нефтепродуктов.

Положение обострилось ещё больше, когда в конце сентября 1932 г. в Италии был опубликован чрезвычайный декрет, вводивший сверхпошлину на ввоз товаров, к которым ранее применялись льготы. СССР тут же сократил вывоз пшеницы в Италию на 18 %, железной ленты — на 50 %, проката — на 70 %, угля — на 10 %, леса — на 28 %. Протекционистская торговая политика итальянского правительства и ошибки в составлении торговых планов со стороны СССР принесли горькие плоды²⁶. Переговоры об урегулировании экономических отношений не продвигались, а ситуацию усугубило денонсирование Италией 16 января 1933 г. таможенной конвенции 1924 г. В ноте, переданной Потёмкину в тот же день, Муссолини признавал, что в основе неудачи переговоров лежало тяжёлое положение Италии, вызванное экономическим кризисом. Стране необходимо было найти разумное равновесие между пассивом и активом торгового баланса²⁷.

Сложности в торговле усугубляли трудности политического характера. Раньше Москва и Рим сотрудничали на конференции по разоружению, в комиссии по созданию Пан-Европы на основе совпадения интересов в отношении Франции, Германии, Турции и некоторых других стран. Они предварительно обменивались мнениями перед ответственными мероприятиями. Теперь под влиянием изменения в международной обстановке и формирования новых собственных внешнеполитических концепций происходили кардинальные изменения в выборе дальнейших целей и союзников, всё меньше оставалось точек соприкосновения их интересов. На политику обеих стран повлияло усиление влияния нацистов в Германии. Правительство Муссолини начало подготовку к экспансии. В апреле 1932 г. Большой фашистский совет провозгласил, что Италия будет бороться за ликвидацию долгов и репараций, за пересмотр мирных договоров в рамках Лиги Наций. В июле Муссолини внёс существенные изменения в состав правительства. Он вновь возглавил МИД Италии, произвёл массовую замену дипломатов в целях фашизации дипломатического корпуса. Двадцать третьего июля 1932 г. итальянский посол в Москве Б. Аттолико так объяснил заместителю наркома Н.Н. Крестинскому причины происшедших перемен: Муссолини стремится к тому, чтобы «проведя губ-

26 Хормач И.А. СССР — Италия. 1924–1939 гг. Дипломатические и экономические отношения. М., 1995. С. 124–125.

27 Документы внешней политики СССР. Т. 16. М., 1970. С. 66.

кой по поверхности Европы, ликвидировать последствия войны»²⁸. Имелась в виду последующая радикализация внешней политики Италии. Экспансия провозглашалась основной целью фашистского государства²⁹. Муссолини считал, что страна достаточно сильна, чтобы приступить к реальной ревизии мирных договоров, стоявших на пути возрождения Великой Римской империи, и решил выдвигать свои требования, пользуясь поддержкой Германии.

Советский Союз, со своей стороны, стал расширять систему двусторонних договоров о ненападении и 29 ноября 1932 г. заключил соответствующий пакт с Францией, а затем с её союзниками. Разновекторность политики существенно осложняла отношения двух стран. А выдвинутая Муссолини в марте 1933 г. инициатива по созданию директории четырёх держав — Италии, Франции, Англии и Германии — в качестве верховного органа в Европе усугубила взаимное недоверие. Премьер хотел сделать страну осью дипломатических отношений европейских стран, опираясь на поддержку Гитлера. Москва, естественно, заняла отрицательную позицию, так как речь шла о создании организации с неограниченной компетенцией, в результате чего могли быть задеты интересы СССР. Чтобы смягчить негативное отношение Советского правительства к Пакту четырёх, Муссолини предложил заключить новое торговое соглашение и договор о ненападении между СССР и Италией³⁰. Разумеется, это предложение привлекло внимание руководства НКВД, но не могло изменить отрицательного отношения к идее создания блока четырёх держав.

Шестого мая 1933 г. был подписан новый, очень выгодный обеим сторонам пакет экономических и финансовых документов: соглашение, регулирующее торговый баланс; договор о предоставлении Италией СССР очередных товарных кредитов; и таможенная конвенция, впервые предусматривавшая общий режим наибольшего благоприятствования. Новый комплекс документов решал самые болезненные вопросы в экономических связях СССР и Италии и давал толчок развитию политических отношений. По мнению Потёмкина, подписание указанных документов «очистило советско-итальянские отношения от осложнявших их моментов» и дало возможность приступить к развитию политических связей между ними³¹.

Пятнадцатого июня 1933 г. был оформлен Пакт о согласии и сотрудничестве Италии, Германии, Англии и Франции, и в сложившейся международной обстановке НКВД счёл возможным принять предложение Италии и заключить договор о ненападении. По настоянию Муссолини документу был придан особо позитивный характер и пакт о ненападении и нейтралитете был назван

28 Хормач И.А. СССР — Италия. 1924–1939 гг. Дипломатические и экономические отношения. М., 1995. С. 133.

29 Лопухов Б.Р. История фашистского режима в Италии. М., 1977. С. 139.

30 Документы внешней политики СССР. Т. 16. С. 316–321.

31 Хормач И.А. СССР — Италия. 1924–1939 гг. Дипломатические и экономические отношения. М., 1995. С. 141–142.

«Договором о дружбе, ненападении и нейтралитете». Второго сентября он был подписан в торжественной обстановке. Помимо преамбулы, в которой выразалось намерение двух сторон закрепить существовавшие между ними дружественные отношения, договор состоял из следующих статей: о ненападении; уважении суверенитета партнера; нейтралитете в случае нападения на одну из договаривавшихся сторон третьих государств; отказе от участия в международных соглашениях, имевших последствием запрещение покупки у другой стороны или продажи ей товаров (эмбарго) или предоставления ей кредитов; о невхождении в любые экономические и политические соглашения, направленные против одной из договаривавшихся сторон; о согласительной процедуре³². На церемонии подписания Муссолини выразил уверенность, что этот документ без преувеличения можно назвать историческим. Причём итальянская сторона подчёркивала, что договор является продолжением «пакта четырёх», и именно такую интерпретацию по указанию правительства ему дала пресса.

Между тем в день подписания документа руководство МИД Италии направило всем своим послам и посланникам телеграмму с мотивировкой действий Муссолини. В ней говорилось, что политический договор с СССР был заключён с целью «следить с близкого расстояния» за развёрнутой Москвой дипломатической активностью «посредством заключения целой серии соглашений, которые показывают ярко выраженную ориентировку на Францию и Польшу и определённые попытки сближения с Малой Антантой»³³. Перед широкой публикой договор был представлен как акт Италии, опровергающий измышления об антисоветской направленности «пакта четырёх».

Москва, со своей стороны, знала истинную ценность подписанного пакта. Она рассматривала его не как шаг вперёд, а как документ, аналогичный уже заключённым ею двусторонним соглашениям о ненападении и нейтралитете и имеющий определённое значение для повышения международного авторитета государства. Договор не подводил итоги отношений СССР и Италии за длительный период времени, не изменял кардинально существовавшие между ними политические и экономические связи. Это был желанный для Советского правительства документ, но эфемерный плод стечения политических обстоятельств. В условиях роста агрессивности Германии он мог стать некоторым сдерживающим моментом, а также способствовать решению возникших сложностей в советско-британских экономических отношениях. Этот эффект подкрепила последовавшая за подписанием договора встреча Литвинова и Муссолини в Риме, организованная по настоятельной просьбе последнего. Нарком посетил Италию 3–5 декабря 1933 г. после визита в США (во время которого были установлены дипломатические отношения между двумя

странами) и стал почётным гостем итальянского правительства. Эта встреча имела как экономическое, так и политическое значение. Были определены точки соприкосновения интересов двух стран: отрицательное отношение к Лиге Наций; заинтересованность в укреплении связей с Францией и США; осуждение агрессивных намерений Германии в отношении Австрии. Советский Союз был готов в определённой степени поддержать политику Италии на Балканах. Собеседники выразили удовлетворение политической частью переговоров. Экономическая сторона тоже не была забыта: были продлены торговое соглашение, соглашения о гарантировании кредитов и деятельности Иртранса, подписан протокол о технической помощи³⁴. В результате визит Литвинова в Рим, последовавший за установлением дипломатических отношений с США, содействовал стабилизации отношений СССР с Италией и укреплению советских позиций в Европе.

Надо отметить, что относительная устойчивость связей ценилась и в Риме, и в Москве. Двадцать девятого декабря 1933 г. на сессии ЦИК Литвинов особо подчеркнул значение многолетних ровных отношений СССР с Италией как в политическом, так и в экономическом плане на фоне неустойчивых контактов с рядом других государств³⁵. Однако вскоре положение ухудшилось.

Глубокие изменения в международной обстановке привели правительства СССР и Италии к переоценке основных ориентиров в их внешней политике, оказав огромное влияние на сами советско-итальянские отношения. Смена основных партнёров повлекла за собой изменение подхода Москвы и Рима к целому ряду международных проблем, и в основном завершился период их политического взаимодействия и широкого экономического сотрудничества. С 1932 по 1935 г. экспорт СССР в Италию сократился более чем в два раза. Импорт СССР из Италии — в пять раз. В первую очередь упали объёмы итальянских поставок чёрных металлов, точных приборов, электроматериалов, стратегического сырья. Прекратился вывоз алюминия, изделий из чёрных металлов, запчастей к машинам, автомобилей, судов. На прежнем уровне остались только поставки в СССР машин и аппаратов. Из СССР в Италию продолжали по-прежнему интенсивно вывозить уголь и антрацит, железо, руду, пиломатериалы, но значительно упали продажи пшеницы (на 30 %) и нефтепродуктов (на 14 %). Ещё сохранялись политические контакты и продолжался обмен важной информацией, Италия оказывала СССР техническую помощь в области военной промышленности. В 1934 г. итальянские военные заводы посетила советская делегация, состоявшая из специалистов по военно-химическому вооружению. Страны продолжали обмениваться приглашениями на военные манёвры. Военная промышленность была одной из немногих отраслей, продукция которой ещё ввозилась

32 Документы внешней политики СССР. Т. 16. С. 494–496.

33 Цит. по: Хормач И.А. СССР — Италия. 1924–1939 гг. С. 150–151.

34 Документы внешней политики СССР. Т. 16. С. 718–719.

35 Там же. С. 785.

в СССР в больших объёмах. Выполнение советских заказов на вооружение и военную технику шло без проволочек и чрезвычайно аккуратно. В Италии изготавливались для СССР торпеды, зенитные пушки и многое другое³⁶.

В 1935 г. советско-итальянские отношения входят в кризисное состояние из-за непримиримых политических и идеологических противоречий в связи с новым этапом во внешней политике Италии, когда фашистское руководство встало на путь прямой ревизии Версальского договора. Годы с 1935-го по 1939-й стали для них самым сложным периодом. Шло разрушение достигнутых результатов одновременно с негативными изменениями в международной обстановке и по мере сближения Италии с Германией и Японией. Фашистские государства расширяли свои агрессивные действия, вели непосредственную подготовку к новой мировой войне. Германия замышляла аншлюс Австрии. Япония оккупировала Маньчжурию и часть Северного Китая. В планах Италии были захват Эфиопии и возрождение империи.

Первым серьёзным ударом по советско-итальянским отношениям стала итало-эфиопская война 1935–1936 гг. Третьего октября 1935 г. Италия развязала войну с Эфиопией, а уже 9 октября на Чрезвычайной Ассамблее Лиги Наций СССР наряду с 52 другими государствами признал её агрессором. Затем были приняты антиитальянские экономические санкции в соответствии со ст. 16 Устава Лиги Наций: 11 октября органами Лиги было принято решение, обязывавшее всех членов прекратить поставки в Италию оружия, военных материалов, некоторых видов сырья и полуфабрикатов, предоставления займов; 14 октября был наложен запрет на кредиты Италии; 19 октября — на вывоз товаров из Италии и принято решение об оказании взаимной помощи участниками санкций³⁷.

Для Муссолини это был сильнейший удар, поскольку последовательное и полное проведение санкций против Италии всеми членами Лиги и другими государствами, прежде всего военных санкций и эмбарго на нефть, могло вынудить его прекратить войну. Отсутствие у многих стран твёрдого намерения выполнять свои обязательства дало Италии возможность выстоять. По данным Лиги Наций, с ноября 1935 г. по март 1936 г. вывоз товаров из Италии сократился в четыре раза, ввоз — в три раза. В это время итальянская продукция продолжала поступать на английский и французский рынки, а английское и французское вооружение — в Италию; Суэцкий канал не был закрыт для перевозки итальянских войск. Лондон и Париж объясняли свою позицию тем, что ввиду германской угрозы нельзя окончательно портить отношения с потенциальным союзником — Италией, пусть даже агрессором³⁸.

Следуя их примеру, другие государства тоже уклонялись от введения санкций. Эмбарго на оружие не применяли семь стран, финансовые

36 Хормач И.А. СССР — Италия. 1924–1939 гг. Дипломатические и экономические отношения. М., 1995. С. 164–165.

37 См.: Борисов Д. Санкции. М., 1936.

38 Baer G.W. The Coming of the Italian-Ethiopian War. Cambridge, 1967. P. 325.

меры — восемь, на экспорт в Италию запрещённых товаров — десять, на импорт — тринадцать. На протяжении всей войны Италия получала стратегическое сырьё и товары через третьи страны, продолжала торговлю с Германией, США и др. Главным недостатком экономических санкций была ограниченность основного списка товаров, запрещённых к ввозу в Италию. В него не входили железная руда, сталь, чугун, уголь, а главное — нефть. Между тем Италия импортировала 98 % потребляемого угля и нефтепродуктов³⁹.

Советский Союз участвовал в санкциях, считая, что на примере Италии — агрессора сравнительно малого — должен быть дан урок всем возможным агрессорам вообще. Вместе с тем Советское правительство не было застрельщиком в применении санкций, а в случаях нарушения обязательств другими странами оно резервировало для себя право пересмотреть своё отношение к рекомендованным Лигой Наций мерам⁴⁰. В результате в рамках постановлений Лиги торговые связи СССР и Италии частично сохранились и впоследствии могли быть восстановлены.

После завершения войны в Эфиопии в мае 1936 г. и провозглашения Италии 9 мая империей Москва ожидала улучшения отношений с Римом. Но этого не произошло, хотя уже 15 июля санкции были официально упразднены по решению Совета Лиги Наций. В ходе колониальной войны агрессивность итальянского фашизма выросла, так как в Европе складывалась кризисная ситуация, благоприятная для осуществления экспансионистских планов итальянского фашизма. Возросли и тенденции сближения с Германией.

В 1936 г. Италия вместе с Германией развернула интервенцию в Испании. Началась следующая фаза в советско-итальянских отношениях, охватившая период 1936–1937 гг. Гражданская война в Испании стала одним из событий, которые привели к коренным изменениям в отношениях Италии и СССР. Итальянский фашизм перерос из рамок внутреннего режима в предмет экспорта и насаждения в других странах, в том числе в Испании, занимавшей важное стратегическое положение. Руководящие круги Италии не скрывали, что исход гражданской войны имел для них первостепенное значение: фашистская Испания стала бы средиземноморской союзницей Италии. Рим с самого начала активно помогал франкистам оружием, самолётами, войсками. Итальянские лётчики вместе с немецкими бомбили республиканские военные корабли, города, сёла, патрулировали зону Гибралтара.

У Советского Союза не было в Испании значительных экономических, политических и стратегических интересов. Советская власть интересовалась социальными процессами, которые происходили в этой стране, и в политиче-

39 Хормач И.А. СССР — Италия. 1924–1939 гг. Дипломатические и экономические отношения. М., 1995. С. 185–187.

40 Там же. С. 188–189.

ском плане Москва была заинтересована в победе законного республиканского правительства, но не могла сколько-нибудь существенно повлиять на происходившие события, не имея даже регулярных дипломатических отношений с Испанской республикой⁴¹. После начала мятежа было решено осудить заговорщиков, и по дипломатическим каналам НКВД попытался убедить западные страны оказать помощь Испанской республике и заставить Германию, Италию и Португалию прекратить вмешательство во внутренние дела страны. Однако после принятия в августе 1936 г. международной декларации о невмешательстве в дела Испании Москва сразу присоединилась к ней. С 28 августа был запрещён экспорт, реэкспорт в Испанию оружия, амуниции, военных материалов, военных кораблей и самолётов⁴². В связи с обострением обстановки и нарушением многими государствами декларации позиция Москвы изменилась. Было решено направлять в Испанию военных специалистов и дипломатов без права вмешательства во внутренние дела республики. С октября 1936 г. в Испанию стали прибывать советские танки и самолёты, бронемшины, орудия, пулеметы, винтовки, снаряды, патроны. Советские добровольцы сражались на стороне республиканцев, для которых это была ценная, но не решающая помощь.

Попытки Италии экспортировать фашизм в Испанию, с одной стороны, и стремление СССР сохранить там зачатки социализма, с другой, коренным образом изменили характер советско-итальянских отношений, фактически положив конец советско-итальянскому договору о ненападении. Произошло открытое столкновение двух идеологий.

Политические отношения двух стран зашли в тупик. В 1938 г. острота конфликта несколько ослабла, но то, что теперь СССР и Италия принадлежали к двум враждебным лагерям, накладывало отпечаток на все сферы их отношений. Экономические связи стран сохранились до начала Второй мировой войны, но торговлю не смогло реанимировать даже новое соглашение, подписанное в феврале 1939 г. В канун войны все контакты прекратились, а 22 июня 1941 г. Италия, как союзница Германии, объявила войну СССР.

Однако длительный период сотрудничества не был выброшен из памяти двух государств, и 25 октября 1944 г. Советский Союз одним из первых признал новое итальянское правительство, открыв новую страницу в отношениях двух стран.

41 Дипломатические отношения между Советским Союзом и Второй Испанской республикой были установлены в 1933 г. Послом в Испанию был назначен А.В. Луначарский, но он умер по пути в Мадрид. Его преемник М.И. Розенберг вместе с генеральным консулом В.А. Антоновым-Овсеенко прибыли в Испанию в 1936 г., когда уже началась гражданская война. Вскоре оба были отозваны в Москву, а после поражения республиканцев в 1939 г. дипломатические отношения СССР с франкистской Испанией были прерваны.

42 Документы внешней политики СССР. Т. 19. М., 1974. С. 403.

I rapporti italo-sovietici tra le due guerre

Traduzione di Francesca Lazzarin

Il periodo tra la Prima e la Seconda guerra mondiale fu estremamente denso di eventi, uno dei quali fu ovviamente la Rivoluzione russa del 1917, che cambiò radicalmente gli assetti non solo del paese in cui avvenne, ma del mondo intero. Da quel momento iniziò un nuovo capitolo nella storia dei rapporti russo-italiani.

I primi anni della neonata Unione Sovietica furono segnati negativamente prima dalla prosecuzione della guerra, e poi dall'intervento straniero, a cui partecipò, a fianco dei suoi alleati, anche l'Italia¹. Per alcuni anni la contrapposizione tra i sistemi politici e sociali dei due paesi bloccò pressoché del tutto i contatti italo-russi; ciononostante, già allora furono intrapresi dei passi verso un progressivo avvicinamento. Ad esempio, Mosca propose a più riprese negoziati di pace e stabilimento di relazioni su un piano di parità; le prime iniziative in questo senso da parte italiana sono legate alla figura del primo Ministro F. Nitti. Il 27 giugno 1919 Nitti dichiarò in Parlamento che alla politica dell'intervento sarebbe subentrata la cooperazione economica con la Russia, e il 14 luglio dello stesso anno comunicò che il governo aveva intenzione, in tempi brevi, di ritirare le proprie truppe dal territorio russo². In seguito, Nitti avrebbe scritto: «La politica che desideravo portare avanti da allora in poi consisteva nel considerare la Russia un paese amico che era stato rovinato dalla guerra [...] Dovevamo solo chiedere al loro governo che la nuova Russia non procedesse ad azioni volte all'insediamento di un regime di stampo bolscevico anche in Italia»³.

1 Per maggiori dettagli si vedano: I.A. Chormač, *Otnošenija meždu Sovetskim gosudarstvom i Italiej 1917–1924 gg.* [I rapporti tra l'Italia e lo Stato sovietico tra il 1917 e il 1924], Moskva 1993; G. Petracchi, *La Russia rivoluzionaria nella politica italiana. Le relazioni italo-sovietiche. 1917–1925*, Roma-Bari 1982.

2 *SSSR-Italija. Stranicy istorii. Dokumenty i materialy* [Italia-URSS. Pagine di storia. Documenti e materiali], Moskva 1985, pp. 9–12.

3 F. Nitti, *Evropa nad bezdnjoj* [L'Europa sull'orlo del baratro], Pietrogrado 1923, pp. 2–3.

Tuttavia, non si riuscì a concretizzare questi piani nell'immediato, dal momento che l'Italia non aveva la possibilità di discostarsi dalla comune linea politica dell'Intesa, e aveva inoltre preso parte al blocco economico ai danni dello Stato sovietico dichiarato il 10 ottobre 1919; nondimeno, già allora tra i due paesi iniziarono a stabilirsi dei contatti e furono avviati dei negoziati per lo scambio di prigionieri.

Durante la Conferenza di pace di Parigi, in seguito alla revoca del blocco economico approvata il 16 gennaio 1920 da parte del Consiglio supremo dell'Intesa, lo stesso Nitti sollevò la questione dei rapporti da stabilirsi con i bolscevichi. Alla seduta del 23 febbraio Nitti propose agli alleati di stringere legami economici e politici con il nuovo governo sovietico e per questo motivo decise di inviare a Mosca una delegazione di esponenti del settore economico. Al termine della discussione fu deciso di sviluppare gli scambi commerciali con la Russia attraverso organizzazioni cooperative⁴.

Nel marzo 1920 si svolsero a Copenaghen dei negoziati italo-sovietici sullo scambio di prigionieri, oltre che sul partenariato economico, per l'appunto, attraverso organizzazioni cooperative; i successivi accordi furono stipulati in conformità con quanto discusso nel corso delle trattative. In Italia fu immediatamente organizzata un'Associazione di amici della Russia, le cui attività avevano lo scopo di avviare scambi culturali tra le società civili dei due paesi; nel mese di giugno furono invece raggiunti accordi sulle visite reciproche di rappresentanti ufficiali dei governi e di delegazioni semi-ufficiali. L'interesse di Roma nei confronti dell'interscambio commerciale con la Repubblica Socialista Federativa Sovietica Russa (RSFSR) giocò un ruolo fondamentale in questo processo. Alla vigilia della Prima guerra mondiale l'Italia era infatti uno dei partner commerciali stranieri principali della Russia: occupava il quinto posto per quantità di importazioni dalla Russia e il nono per quantità di esportazioni in Russia. In Italia arrivava il 4,6% delle esportazioni russe nel loro complesso. Nelle importazioni di prodotti russi in Italia prevaleva il grano (92%): le forniture di grano russo erano pari al 42% di tutto il grano acquistato dall'Italia all'estero. Le esportazioni italiane verso la Russia erano invece costituite prevalentemente da seta grezza, agrumi e motori⁵.

Così, in seguito alla redistribuzione post-bellica dei mercati, entrambi i paesi (e in particolar modo l'Italia) speravano di incrementare i propri rapporti commerciali, il che era anche agevolato dall'assenza di contenziosi di carattere territoriale ed economico tra Italia e URSS. Per Mosca la componente politica di tali rapporti rivestiva maggiore importanza, ma il governo italiano rallentò il processo di avvicinamento ufficiale tra i due paesi, temporeggiando in attesa dei risultati delle trattative tra URSS e Inghilterra, allora in corso, sulle visite

4 I.A. Chormač, *op. cit.*, p. 40.

5 *Annuario statistico Italiano. Seconda serie*, Roma 1919, vol. 7, pp. 228-243, p. 277.

reciproche delle rappresentanze, non volendo compromettere, nemmeno sotto le pressioni dell'opinione pubblica, la politica unitaria dell'Intesa.

La svolta definitiva avvenne nel 1921, quando iniziò gradualmente a configurarsi il nuovo corso politico di Mosca, volto a una coesistenza pacifica tra l'Unione Sovietica e i paesi capitalisti. Il 15 marzo di quell'anno, durante il X Congresso del Partito comunista sovietico (dei bolscevichi), o PCR(b), fu approvata una «politica del potere sovietico volta a stabilire normali rapporti commerciali tra la Repubblica sovietica e gli altri paesi attraverso la stipula di contratti e accordi commerciali»⁶. Veniva così tracciato un confine più netto tra i programmi ideologici del paese e la sua politica estera.

Il 14 marzo 1921 arrivò in Italia una delegazione commerciale russa con a capo il diplomatico V.V. Vorovskij, ma i rapporti tra i due paesi si normalizzarono con grande difficoltà a causa della forte opposizione anti-sovietica, per quanto già il 16 marzo 1921 fosse stato stipulato un accordo commerciale tra URSS e Inghilterra che aveva dissipato molti dei dubbi dei vertici italiani. L'Accordo preliminare italo-russo sul commercio fu stipulato ufficialmente solo il 26 dicembre 1921. Mosca e Roma si impegnavano ad astenersi da atti di ostilità l'una nei confronti dell'altra, a risolvere i problemi che fossero d'intralcio alla costituzione di rapporti economici, ad applicare nei commerci un regime "limitato" della clausola della nazione più favorita. L'accordo prevedeva anche reciproche visite ufficiali di delegazioni che godevano di immunità diplomatica: questo sanciva il riconoscimento *de facto* del governo sovietico, e l'Italia era la prima tra le potenze dell'Intesa a riconoscere il rappresentante della RSFSR a Roma come unico rappresentante legittimo della Russia⁷. L'accordo in questione fu una delle pietre miliari nella formazione dei rapporti bilaterali tra i due paesi e servì da stimolo per i loro sviluppi successivi.

Un ulteriore passo fu compiuto in occasione della Conferenza economica internazionale di Genova del 1922. Alla vigilia di questo importante evento, alcuni rappresentanti dell'industria, delle banche, delle infrastrutture e dei circoli commerciali italiani si riunirono a Milano e disposero di stabilire immediatamente contatti con la Russia, creando un comitato per le iniziative italiane legate ai commerci italo-russi e assegnando un compito specifico alla delegazione italiana a Genova: predisporre e stipulare nella sua redazione definitiva un accordo separato con la RSFSR che fosse più ampio rispetto all'Accordo preliminare. Alle sedute della Camera di commercio di Trieste e della Federazione degli industriali italiani (Confindustria) a Roma alcuni rappresentanti dei circoli industriali di Bologna, Venezia, Genova, Milano, Napoli e Torino insistettero perché fossero

6 *Desjatij s'ezd Rossijskoj kommunističeskoj partii. Stenografičeskij otčet* [Il X Congresso del Partito comunista russo. Stenogramma], Moskva 1921, pp. 328-329.

7 *Dokumenty vnešnej politiki SSSR* [Documenti di politica estera sovietica], t. 4, Moskva 1960, pp. 596-602.

riavviati gli scambi commerciali e venissero aperte delle rotte regolari tra i porti russi e quelli italiani. In questo periodo, in Russia, si aprirono i battenti delle rappresentanze della grande società di trasporti marittimi "Lloyd Triestino". Il governo italiano tenne conto di queste aspirazioni e preparò per la delegazione un programma nel cui secondo punto si chiedeva alla Conferenza di riservare un'attenzione particolare alla ripresa economica della Russia e all'integrazione di quest'ultima negli scambi commerciali internazionali. La stessa Italia era disponibile a prestare aiuto inviando specialisti e fornendo attrezzature e mezzi tecnici; va da sé che non l'avrebbe fatto in maniera completamente disinteressata. Anche da parte russa, durante la preparazione alla Conferenza, arrivarono iniziative costruttive, capaci di attirare capitale straniero per la ricostruzione e lo sviluppo dell'economia del paese⁸.

Durante la Conferenza di Genova, la delegazione sovietica e quella italiana sfruttarono la possibilità, su cui si pose l'accento proprio in quella sede, di stabilire e sviluppare legami commerciali, compresi compromessi per gli affari e concessioni di vario tipo (anche per i trasporti o le ricerche geologiche). Alcuni giorni dopo la fine della Conferenza, il 24 maggio 1922, nonostante la reazione negativa dei paesi dell'Intesa, l'Italia firmava con la RSFSR un nuovo e più corposo accordo economico. Questo fu possibile grazie all'assenza di pretese materiali nei confronti della Russia da parte di Roma, oltre che in virtù dell'interesse italiano per le già citate concessioni, per lo sviluppo del commercio e per le forniture di combustibili dalla Russia. Sfortunatamente, l'accordo di maggio non venne ratificato dal governo sovietico, ma in seguito alla Conferenza, in compenso, fu conclusa una serie di accordi commerciali⁹.

L'arrivo dei fascisti al potere nell'ottobre 1922 non poté che ripercuotersi sui rapporti tra i due paesi. Si riscontrarono tanto provocazioni contro i diplomatici sovietici quanto scioglimenti di contratti, ma inizialmente l'anti-bolscevismo di Mussolini non si manifestò sotto forma di azioni mirate contro lo Stato sovietico: il Duce capiva bene che l'organizzazione di una campagna contro la Russia era del tutto priva di prospettive. Il 15 novembre 1922 Mussolini dichiarò a Vorovskij che a guidare la politica italiana sarebbero stati gli interessi reali del paese, e che Roma era pronta a prendere accordi sul riconoscimento *de iure* del governo sovietico¹⁰. Queste intenzioni furono confermate nel discorso programmatico tenuto da Mussolini in Parlamento: l'Italia mirava a sfruttare i rapporti solidi costruiti con la RSFSR per rafforzare la propria posizione sull'arena internazionale, creando così un contrappeso rispetto all'influenza anglo-francese, oltre che affermando apertamente i propri interessi nazionali. Ma Roma non si affrettò a concretizzare le proprie intenzioni: solo il 2 luglio

8 I.A. Chormač, *op. cit.*, pp. 78-81.

9 *Ivi*, pp. 98-100.

10 *Dokumenty vnešnej politiki SSSR* [Documenti di politica estera sovietica], t. 5, Moskva 1961, p. 688.

1923 l'Ambasciatore italiano a Mosca R. Piacentini comunicò al vicecommissario del popolo per gli Affari Esteri M. M. Litvinov il desiderio dei vertici italiani di incrementare e intensificare i rapporti italo-sovietici. In seguito Mussolini dichiarò di essere pronto, in concomitanza con la firma di un ampio accordo commerciale favorevole per entrambe le parti, a stabilire anche relazioni diplomatiche con l'Unione Sovietica, e il 17 ottobre ebbero inizio a Roma i lavori della Conferenza italo-russa per la stipula dell'accordo in questione¹¹.

Sulle trattative influirono in maniera decisiva, da un lato, l'ampliamento dei contatti economici tra i due paesi in seguito alla partecipazione di rappresentanti delle cerchie industriali e commerciali italiane alla Fiera russa dell'agricoltura (inaugurata a Mosca nell'agosto 1923); dall'altro, le dichiarazioni del governo sovietico sulla concessione all'Italia di alcune agevolazioni negli accordi commerciali, a condizione che l'Italia fosse il primo paese dell'Intesa a stabilire relazioni diplomatiche con l'Unione Sovietica¹².

La delegazione italiana decise di sfruttare al massimo questi elementi a suo favore richiedendo a più riprese nuovi vantaggi, rallentando in questo modo le trattative e permettendo così alla Gran Bretagna di precedere l'Italia nel riconoscimento diplomatico dell'URSS.

Il 1 febbraio 1924 la Gran Bretagna riconobbe il governo sovietico, mentre il 7 febbraio furono stabiliti i rapporti diplomatici italo-sovietici; in quell'occasione fu anche stipulato il trattato di commercio e navigazione, che rappresentò un importantissimo spartiacque, andando a creare le condizioni reali per uno sviluppo dei rapporti economici e politici tra i due paesi. L'accordo era basato sul principio di totale parità dei diritti e degli interessi reciproci: veniva riconosciuto il monopolio del commercio estero e fissata la clausola della nazione più favorita. Nonostante i ritardi nel riconoscimento ufficiale del paese, il governo sovietico decise comunque di conferire all'Italia un "premio per il coraggio", tenendo conto che era stata la prima, tra le potenze dell'Intesa, a stipulare con l'URSS un accordo paritario e vantaggioso per ambo le parti. Per questo furono redatti degli allegati al trattato in merito ad agevolazioni peculiari ed esclusive: il Protocollo sul conferimento all'Italia di concessioni sulle operazioni di trasporto e sulla lavorazione delle risorse minerarie in territorio sovietico, e la Convenzione doganale, che prevedeva una serie di sgravi reciproci sulle imposte doganali. In qualità di "bonus", alle navi italiane veniva concesso, per una durata di due anni, il diritto di piccolo cabotaggio¹³ lungo le rive del Mar Nero¹⁴.

11 I.A. Chormač, *op. cit.*, pp. 147-148.

12 *Ivi*, pp. 150-153.

13 Per "piccolo cabotaggio" si intende il trasporto di merci tra i porti dell'Unione Sovietica.

14 *Dokumenty vnešnej politiki SSSR* [Documenti di politica estera sovietica], t. 7, Moskva 1963, pp. 68-85.

In conclusione, gli interessi di ambo i paesi risultarono soddisfatti: da un lato fu interrotto il blocco economico imposto allo Stato sovietico, dall'altro si aprì per l'Italia un nuovo, immenso mercato. Già nel corso del 1924 le esportazioni sovietiche verso l'Italia aumentarono del 68% (si trattava in larga parte di prodotti petroliferi e legname) e le importazioni del 22% (macchinari, attrezzatura di vario tipo, imbarcazioni). A Milano venne addirittura creato un Istituto economico per i rapporti con la Russia, e la principale organizzazione addetta ai legami commerciali con l'Unione Sovietica diventò la CICE¹⁵, che univa 37 grosse imprese industriali, finanziarie e assicurative con un numero complessivo di stabilimenti pari a più di 200 unità¹⁶.

I rapporti commerciali tra i due paesi andarono a costituire anche una base per lo sviluppo dei contatti in ambito politico, laddove i rispettivi interessi momentaneamente coincidevano, visto che l'Italia, in una certa misura, era uno dei paesi "di opposizione" rispetto al gruppo dominante delle grandi potenze europee. Questo dava a Mosca e Roma la possibilità di esprimersi congiuntamente contro una serie di disposizioni sancite dal trattato di Versailles e contro la politica egemonica di Inghilterra e Francia in Europa. Si puntò anche sulle posizioni coincidenti in una serie di altre questioni. I rapporti con l'Italia non erano una priorità nella politica estera del governo sovietico, ma a tratti svolsero un ruolo abbastanza significativo, permettendo che la giovane Repubblica non risultasse isolata.

Una netta involuzione si registrò tra il 1925 e il 1927, quando in Italia iniziò il cosiddetto "nuovo corso" (ovvero le misure politiche del governo fascista contro l'opposizione interna) e la politica estera italiana iniziò a virare verso la ricostituzione dell'Impero. Ma le divergenze ideologiche non rappresentavano ancora un ostacolo insuperabile per lo sviluppo dei rapporti tra i due paesi: come ha fatto giustamente notare lo storico italiano G. Petracchi, la "crociata ideologica" contro il comunismo internazionale diventò un elemento chiave della politica estera fascista solo nella seconda metà degli anni '30. Negli anni '20 l'anti-bolscevismo di Mussolini era rivolto quasi esclusivamente contro il nemico interno, ovvero i movimenti italiani di sinistra¹⁷. Proprio per questo motivo i rapporti tra i due paesi, che poggiavano su interessi reali, non si interruppero, e i commerci continuarono a svilupparsi con ottimi risultati.

Nel 1927 la quota italiana nelle esportazioni di grano sovietico ammontava a più del 20%, l'Unione Sovietica garantiva un terzo delle importazioni di petrolio verso l'Italia, la quale andava così a occupare il primo posto tra gli acquirenti di prodotti petroliferi russi; la nafta, indispensabile per la flotta militare

15 Compagnia Industriale per il Commercio Estero.

16 I.A. Chormač, *op. cit.*, pp. 159-164.

17 G. Petracchi, *op. cit.*, p. 227.

e commerciale italiana, veniva fornita esclusivamente dall'Unione Sovietica¹⁸. Perciò, dopo l'interruzione dei rapporti tra Unione Sovietica e Gran Bretagna nella primavera del 1927, l'Italia sfruttò la situazione e si disse disponibile ad accogliere parte delle commesse sovietiche in precedenza riservate a Londra, dichiarando che i rapporti italo-sovietici erano basati essenzialmente sugli scambi economici¹⁹.

Un ruolo particolare nel rafforzamento dei rapporti tra i due paesi fu giocato dalle concessioni, a cui Mosca riservò grande attenzione: tra di esse vale la pena ricordare l'Accordo italo-sovietico sulle concessioni per le attività dell'Associazione italo-russa per il commercio e il trasporto (Irtrans), che curava il transito delle merci italiane in Iran attraverso il territorio sovietico ed era fonte di notevoli introiti per entrambi i paesi. Non meno importanti erano l'accordo con l'Associazione italo-belga per l'industria mineraria, che si occupava di spedizioni ricognitive ed estrazione di gas e petrolio nella steppa di Shirak, e l'accordo con l'Associazione navale "Servizio Marittimi" per i trasporti di passeggeri e merci²⁰.

Durante la crisi economica mondiale, che andò a coincidere con la crisi del trattato di Versailles e la riorganizzazione delle alleanze tra i paesi europei (1929-1934), i rapporti italo-sovietici passarono a una nuova fase in cui la componente politica si faceva più spiccata. In questi anni iniziarono a profilarsi tutti i motivi per la creazione di nuove unioni e coalizioni, e l'Italia prese parte attiva a questo processo: per Roma era importante ampliare la propria sfera d'influenza nel Mediterraneo, nei Balcani e in Medio Oriente, e nel febbraio 1928 il governo italiano iniziò a svolgere trattative con la Turchia e la Grecia per stipulare un accordo di cooperazione. Con il supporto della Turchia sarebbe stato possibile discutere l'eventualità di un'adesione a questo patto, ma, nonostante le prospettive che si sarebbero potute aprire, i vertici russi ritennero che l'Unione Sovietica non dovesse fare parte di nessun raggruppamento permanente tra quelli che si stavano formando in Europa, e preferirono una serie di accordi bilaterali di non-aggressione²¹. Dal momento che alla fine degli anni '20 la posizione dell'Unione Sovietica sullo scacchiere internazionale si era rafforzata, Roma preferì manifestare il proprio interesse per un ampliamento dei contatti politici con Mosca, ed iniziò a discutere le condizioni per la stipula di un accordo politico bilaterale. Tuttavia, Mussolini pretendeva al tempo stesso anche un incremento delle commesse sovietiche in Italia, il che era quanto mai problematico vista l'assenza, a Mosca, di risorse adeguate; d'altro

18 I.A. Chormač, *SSSR-Italija. 1924-1939. Diplomatičeskie i ekonomičeskie otnošenija* [URSS-Italia. 1924-1939. Rapporti diplomatici ed economici], Moskva 1995, pp. 65-66.

19 *Ivi*, pp. 67-68.

20 I.A. Chormač, *SSSR-Italija. 1924-1939*, *op. cit.*, pp. 51-53.

21 *Dokumenty vnešnej politiki SSSR*, t. II, Moskva 1966, p. 249.

canto, l'Italia non aveva la possibilità di concedere alla parte sovietica prestiti considerevoli e a lungo termine per sopperire a questo problema. Questa fu la ragione sostanziale, ma non l'unica, e nemmeno quella decisiva: è evidente, Mussolini temeva soprattutto che un "nuovo corso verso Est" avrebbe indebolito i suoi rapporti con Francia e Inghilterra²².

Si continuò a sondare il terreno sul carattere di un possibile accordo politico, ma senza prospettive reali di conclusione in tempi brevi, visto che Mussolini insisteva con forza sempre maggiore su quanto, in cambio di un simile passo, avrebbe dovuto essere dato sotto forma di obblighi fissati a chiare lettere sulla fornitura di petrolio, carbone e metalli.

Nel frattempo, però, i contatti di carattere non economico tra i due paesi si facevano più intensi: nel 1929, su iniziativa italiana, ci fu uno scambio di visite tra squadriglie di aerei e cacciatorpediniere. In giugno 25 idroplani militari italiani visitarono Odessa, accompagnati da basi galleggianti della marina. Agli ospiti dall'Italia fu riservata un'accoglienza solenne, ma puramente militare, da colleghi. A questa visita ne seguì una di risposta da parte di aerei e navi civili sovietiche, oltre che di due cacciatorpediniere. Contribuirono a un avvicinamento tra i due paesi anche eventi in ambito politico e sociale, come per esempio il salvataggio da parte di marinai sovietici, nel 1928, della spedizione di Nobile al Polo Nord in seguito alla tragedia del dirigibile "Italia": gli eroi russi vennero calorosamente accolti durante la loro visita in Italia nell'inverno del 1929. A riguardo il Ministro plenipotenziario D. I. Kurskij scrisse a Litvinov che l'arrivo dei soccorritori sovietici non solo aveva influito molto positivamente sull'atteggiamento di ampie fasce della popolazione italiana nei confronti dell'Unione Sovietica, ma aveva persino permesso un incremento dei contatti con le autorità ufficiali italiane²³.

Nel 1930 furono superate alcune difficoltà legate ai rallentamenti nello sviluppo dell'interscambio commerciale. La crisi economica in corso costrinse gli imprenditori italiani a ricorrere, grazie all'industrializzazione dell'URSS, a nuove potenzialità nella realizzazione di progetti nel campo della costruzione di macchinari e della produzione di alta tecnologia. Le forniture alle imprese edili sovietiche non solo aprirono le porte di un mercato alquanto fiorente, ma diedero anche la possibilità di ristabilire gli equilibri commerciali tra i due paesi. Roma dichiarò di essere pronta a discutere la costituzione di una base di credito per il commercio, e il 2 agosto 1930 fu firmato un accordo relativo a grosse commesse, da parte dell'Unione Sovietica, di attrezzatura, navi, macchine, trattori, aerei, prodotti dell'industria chimica italiana, assicurando fino al 75% dei crediti privati tramite garanzie statali. L'interscambio commerciale tra i due partner si fece davvero

22 I.A. Chormač, *SSSR-Italia. 1924-1939*, op. cit., p. 77.

23 *Ivi*, p. 87, p. 94.

intenso e vantaggioso per entrambi²⁴. Gli acquisti sovietici in Italia e il noleggio di navi italiane durante l'anno aumentarono di oltre il doppio. All'Italia, peraltro, furono assegnate alcune commesse originariamente destinate ad altri paesi.

L'Unione Sovietica, inoltre, incrementò significativamente le vendite in Italia di prodotti petroliferi, facendo arrivare la sua quota addirittura al 40% del fabbisogno del paese. Fu programmato un ulteriore ampliamento dell'interscambio commerciale e il 27 aprile 1931 venne firmato un nuovo accordo secondo cui il governo italiano garantiva crediti all'Unione Sovietica. L'importo dei crediti, peraltro, aumentava di una volta e mezzo rispetto agli accordi precedenti, e anche i tempi di validità vi venivano notevolmente prolungati.

L'interscambio commerciale tra URSS e Italia raggiunse così il suo apice; il divario tra le importazioni e le esportazioni arrivò a proporzioni accettabili.

Le importazioni dall'Italia si basavano innanzitutto su commesse con concessione di crediti, il che aveva cambiato radicalmente la natura delle forniture italiane: se in precedenza le importazioni erano costituite prevalentemente da merci di largo consumo, ora macchinari ed altra attrezzatura costituivano già il 53,7% di tutte le importazioni italiane verso l'Unione Sovietica, mentre i materiali per le infrastrutture erano pari al 22,6%. I principali prodotti sovietici esportati in Italia, invece, erano sempre pane, prodotti petroliferi, carbone e legname. Inoltre, si registrò un netto aumento del noleggio delle navi italiane²⁵.

Nemmeno la campagna internazionale contro il "dumping russo" poté ostacolare questo processo in corso: nel contesto della crisi economica, l'Italia decise di non prendere parte alle crociate ideologiche contro l'Unione Sovietica e, nel 1931, contribuì a invitare rappresentanti della stessa ai lavori della Commissione per la creazione della "Paneuropa". L'aperto processo di avvicinamento tra Unione Sovietica e Francia costrinse Roma a riflettere sulla politica del governo sovietico e a tenerne conto nei propri piani. Ciononostante, senza una base contrattuale a lungo termine, i legami politici e commerciali non potevano continuare a svilupparsi con successo.

Nel frattempo, verso il 1932, si poté rilevare una tendenza involutiva nei rapporti tra i due paesi: gli industriali italiani iniziarono ad esprimere il proprio disappunto per il fatto che le importazioni sovietiche in Italia fossero sempre e comunque maggiori delle esportazioni italiane in Unione Sovietica (anche se questo riguardava non solo l'Unione Sovietica). Da parte sua, nemmeno il governo sovietico era del tutto soddisfatto degli equilibri che regolavano l'interscambio commerciale con l'Italia: uno dei motivi risiedeva nell'influsso della crisi sull'economia italiana. Il mercato interno si era infatti ristretto ed era stata introdotta una lunga serie di limitazioni all'importazione di merci volta a stabilire un regime maggiormente favorevole per la produzione nazionale.

24 *Ivi*, p. 100.

25 *Ivi*, pp. 101-102, pp. 122-123.

Le esportazioni russe risentirono notevolmente di un aumento delle imposte doganali (+50% sul grano, +100% sulla segale, +32% sulla farina), e sorsero difficoltà anche nella vendita di prodotti petroliferi.

La situazione si aggravò ulteriormente quando, alla fine del settembre 1932, fu pubblicato in Italia un decreto straordinario che introduceva una “super-imposta doganale” all’importazione delle merci nei confronti delle quali, in precedenza, venivano al contrario applicati sgravi. L’Unione Sovietica ridusse immediatamente le proprie esportazioni di grano del 18%, di fil di ferro del 50%, di ferro laminato del 70%, di carbone del 10%, di legname del 28%. La politica protezionista del governo italiano e gli errori commessi dall’Unione Sovietica durante l’elaborazione dei piani commerciali diedero purtroppo i loro frutti²⁶: le trattative sulla regolazione dei rapporti economici non ebbero modo di proseguire e la situazione peggiorò ulteriormente quando l’Italia, il 16 gennaio 1933, approvò la revoca della convenzione doganale. Nella nota consegnata a Potemkin²⁷ quello stesso giorno, Mussolini ammetteva che il mancato successo delle trattative era dovuto alle difficili condizioni in cui versava l’Italia a causa della crisi economica: Roma era obbligata a trovare un equilibrio adeguato tra il passivo e l’attivo²⁸.

Le difficoltà negli scambi commerciali furono ulteriormente complicate da problemi di carattere politico: in precedenza Mosca e Roma avevano collaborato alla Conferenza sul disarmo, e anche nella Commissione per la creazione della “Paneuropa”, e prima di questi eventi di grande rilevanza si erano scambiate a più riprese opinioni preliminari sulla base di interessi simili rispetto ai rapporti con Francia, Germania, Turchia ed altri paesi. Ora, a causa dei mutamenti sopraggiunti nel contesto internazionale e della formazione di nuove concezioni nel campo della politica estera, vi furono cambiamenti radicali nella scelta dei propri obiettivi futuri e dei propri alleati, e restavano così sempre meno punti di contatto in termini di interessi. Sulla politica di entrambi i paesi influì molto il rafforzamento dei nazisti in Germania; il governo di Mussolini iniziò a prepararsi a un’espansione dei confini italiani: nell’aprile 1932 il Gran Consiglio del Fascismo dichiarò che l’Italia avrebbe lottato per la liquidazione dei debiti e delle riparazioni di guerra, oltre che per una revisione degli accordi di pace previsti dalla Società delle Nazioni. Nel mese di luglio Mussolini apportò modifiche molto significative alla composizione del suo governo: il Duce tornava ad essere a capo del Ministero degli Esteri e procedeva ad una massiccia sostituzione dei diplomatici in carica allo scopo di “fascistizzare” le loro fila.

Il 23 luglio 1932 l’Ambasciatore italiano a Mosca B. Attolico spiegava così al vicecommissario del popolo N.N. Krestinskij i motivi dei cambiamenti

26 *Ivi*, pp. 124–125.

27 Vladimir P. Potemkin, Ministro plenipotenziario, successore del già menzionato Kurskij. [N. d. T.]

28 *Dokumenty vnešnej politiki SSSR*, t. 16, Moskva 1970, p. 66.

sopraggiunti: Mussolini avrebbe mirato a «liquidare le conseguenze della guerra con una passata di spugna sul territorio europeo»²⁹. Queste parole sottintendevano il passaggio della politica estera italiana a una fase più radicale, in cui i piani espansionistici sarebbero stati l’obiettivo proclamato dello Stato fascista³⁰. Mussolini riteneva che l’Italia fosse abbastanza forte da procedere ad una reale revisione dei trattati di pace che ostacolavano la rinascita del grande Impero Romano, e decise di avanzare le proprie richieste avvalendosi del supporto della Germania.

L’Unione Sovietica, da parte sua, iniziò ad estendere il proprio sistema di patti bilaterali di non aggressione: il 29 novembre 1932 stipulò un accordo di questo tipo con la Francia, per poi firmarne altri analoghi con gli alleati di quest’ultima. Il carattere multipolare di questa politica complicò notevolmente i rapporti italo-sovietici. L’iniziativa intrapresa da Mussolini nel marzo 1933 (creare un “Direttorio” formato da quattro potenze, ovvero Italia, Francia, Inghilterra e Germania, in qualità di organo supremo in Europa) non fece che incrementare la sfiducia reciproca tra i due stati. Il Duce, appoggiandosi ad Hitler, desiderava fare del proprio paese il perno dei rapporti diplomatici tra le nazioni europee; va da sé che Mosca era contraria, dal momento che si trattava della creazione di un’organizzazione con competenze illimitate che avrebbe potuto nuocere agli interessi sovietici. Per mitigare l’atteggiamento negativo del governo sovietico nei confronti del progetto di “Patto a quattro”, Mussolini propose di stipulare un nuovo accordo commerciale tra URSS e Italia, oltre a un patto di non aggressione³¹. Ovviamente questa proposta attirò l’attenzione dei vertici del Commissariato del popolo per gli Affari Esteri, ma non poté cambiare in positivo l’atteggiamento nei confronti della costituzione di un blocco formato da quattro potenze alleate.

Il 6 maggio 1933 fu firmato un nuovo pacchetto di documenti economici e finanziari estremamente vantaggiosi per ambo le parti, comprensivo di: un accordo che regolava l’interscambio commerciale; un accordo sulla concessione all’Unione Sovietica, da parte dell’Italia, di crediti sulle merci di volta in volta acquistate; infine, una convenzione doganale che, per la prima volta, prevedeva un’applicazione comune della clausola della nazione più favorita. Il nuovo pacchetto di documenti andava così a risolvere le questioni più spinose nelle relazioni economiche italo-sovietiche e dava un impulso allo sviluppo dei rapporti politici. Secondo Potemkin, la firma di simili documenti «ripuliva i rapporti italo-sovietici dai loro nodi più complessi» e consentiva di procedere allo sviluppo dei legami politici tra i due paesi³².

29 Cit. in I.A. Chormač, *SSSR-Italija. 1924–1939*, op. cit., p. 133.

30 B.P. Lopuchov, *Istorija fašistskogo režima v Italii* [Storia del regime fascista in Italia], Moskva 1977, p. 139.

31 *Dokumenty vnešnej politiki SSSR*, t. 16, pp. 316–321.

32 I.A. Chormač, *SSSR-Italija. 1924–1939*, op. cit., p. 1141–1142.

Il 15 giugno 1933 venne formalizzato il Patto d'intesa e di collaborazione tra Italia, Germania, Inghilterra e Francia; nella situazione internazionale che si era così venuta a creare, il Commissariato del popolo per gli Affari Esteri ritenne possibile accogliere la proposta italiana e stringere un patto di non aggressione. Su insistenza di Mussolini, al documento venne conferito un carattere espressamente positivo, e il patto di non aggressione e neutralità, firmato il 2 settembre durante una cerimonia solenne, fu denominato «Patto italo-sovietico di amicizia, non aggressione e neutralità». A parte i preamboli, in cui veniva espressa da ambo le parti l'intenzione di rafforzare i rapporti di amicizia già esistenti, l'accordo era composto da sette articoli: sulla non aggressione; sul rispetto della sovranità del partner; sulla neutralità in caso di aggressione di uno dei due paesi da parte di stati terzi; sul rifiuto di aderire ad accordi internazionali che avessero come conseguenza il divieto (embargo) di acquistare merci nel paese partner o vendere merci in quest'ultimo, oppure di fornirgli crediti; sull'impegno a non intervenire in qualsivoglia accordo economico o politico stipulato ai danni di una delle parti in causa; sulla procedura di conciliazione³³. Alla cerimonia in occasione della firma del trattato, Mussolini si disse sicuro che questo poteva essere definito, senza esagerazioni, un documento storico. Allo stesso tempo, da parte italiana si sottolineava che l'accordo era una prosecuzione del Patto a quattro, e proprio questa, su indicazione del governo, fu l'interpretazione che ne diede la stampa.

Nel giorno della firma del documento, i vertici del Ministero degli Esteri italiano avevano inviato a tutti gli Ambasciatori e rappresentanti all'estero un telegramma dove erano illustrate le motivazioni delle scelte di Mussolini. Vi si diceva che l'accordo politico con l'Unione Sovietica era stato stipulato allo scopo di «seguire da vicino» le attività diplomatiche avviate da Mosca «attraverso la stipula di una lunga serie di accordi che mostrano un chiaro orientamento verso la Francia e la Polonia e determinati tentativi di avvicinamento alla Piccola Intesa»³⁴. Al «grande pubblico» l'accordo fu presentato come un'iniziativa italiana che smentiva le voci sull'orientamento antisovietico del Patto a quattro.

Mosca, da parte sua, capiva bene il vero valore del trattato appena firmato: lo considerava non un passo in avanti, ma un documento analogo agli accordi bilaterali di non aggressione e neutralità già conclusi, che aveva un significato preciso allo scopo di incrementare l'autorità dello Stato sovietico a livello internazionale.

Il patto non costituì un bilancio dei rapporti italo-sovietici relativo al periodo tra il 1917 e il 1933, né cambiò radicalmente i legami politici ed economici che già esistevano tra i due paesi. Si trattò di un documento fortemente voluto dal governo sovietico, ma anche del frutto effimero di circostanze

33 *Dokumenty vnešnej politiki SSSR*, t. 16, pp. 494–496.

34 Cit. in I.A. Chormač, *SSSR-Italija. 1924–1939*, op. cit., pp. 150–151.

politiche. Sullo sfondo dell'aggressività crescente dimostrata dalla Germania, infatti, avrebbe potuto fungere in qualche modo da deterrente e permettere di risolvere i problemi sopraggiunti nei rapporti economici tra Unione Sovietica e Gran Bretagna. L'incontro a Roma tra Litvinov e Mussolini, organizzato su sollecitazione di Mussolini stesso in seguito alla firma del patto, conferma quest'idea. Il Commissario del popolo visitò l'Italia tra il 3 e il 5 dicembre 1933 dopo una visita ufficiale negli Stati Uniti, durante la quale erano stati stabiliti i rapporti diplomatici tra i due paesi, e fu ospite d'onore del governo italiano. Questo incontro aveva una valenza tanto economica quanto politica. Furono definite le convergenze tra gli interessi dei due paesi: l'opinione negativa sulla Società delle Nazioni; l'interesse per un rafforzamento dei rapporti con Francia e Stati Uniti; la critica dei piani aggressivi della Germania ai danni dell'Austria.

L'Unione Sovietica, in una certa misura, era disponibile a supportare la politica italiana nei Balcani. I due interlocutori si dissero soddisfatti della componente politica delle trattative, ma nemmeno le questioni economiche furono tralasciate: venne prolungata la validità dell'accordo commerciale, degli accordi sui crediti e del contratto sulle attività dell'Irtrans, e fu inoltre firmato un protocollo sulle attività di supporto tecnico³⁵. In ultima analisi, la visita di Litvinov a Roma contribuì a una stabilizzazione dei rapporti italo-sovietici e a un rafforzamento della posizione dell'Unione Sovietica in Europa.

È opportuno rimarcare che la relativa saldezza dei legami italo-sovietici fu molto apprezzata sia a Mosca che a Roma. Il 29 dicembre 1933, durante una seduta del Comitato Esecutivo Centrale, Litvinov mise particolarmente in rilievo l'importanza dei rapporti di lunga data e privi di conflittualità tra Unione Sovietica e Italia, sia sul piano politico che su quello economico, a fronte dei contatti labili con una serie di altri paesi³⁶. Ma la situazione non avrebbe tardato a peggiorare.

I profondi mutamenti della situazione internazionale portarono i governi di Unione Sovietica e Italia a ripensare gli orientamenti chiave della propria politica estera, influenzando pesantemente sugli stessi rapporti italo-sovietici. Il cambio dei partner più importanti comportò una trasformazione dell'approccio di Mosca e Roma a una lunga serie di problemi a livello internazionale e, di fatto, pose fine al periodo della cooperazione politica e degli ampi scambi commerciali tra i due paesi. Dal 1932 al 1935 le esportazioni sovietiche in Italia si ridussero di più del doppio, e le importazioni dall'Italia verso l'Unione Sovietica di ben cinque volte. In primo luogo crollarono le forniture italiane di metalli ferrosi, di strumenti ad alta precisione, di materiali elettrici, di materie prime strategiche. Si interruppero le esportazioni di alluminio, di oggetti in metalli ferrosi, di pezzi di ricambio per macchinari, di automobili, di navi. Restarono

35 *Dokumenty vnešnej politiki SSSR*, t. 16, pp. 718–719.

36 *Ivi*, p. 785.

agli stessi livelli di prima solo le forniture all'Unione Sovietica di macchinari e attrezzature meccaniche, mentre l'Unione Sovietica continuò ad esportare in Italia carbone, antracite, ferro, minerali grezzi, legname segato. Ma calarono notevolmente le vendite di grano (del 30%) e di prodotti petroliferi (del 14%). Ad ogni modo, vennero mantenuti i contatti politici e proseguì lo scambio di informazioni: l'Italia fornì all'Unione Sovietica supporto tecnico nell'ambito dell'industria militare, e nel 1934 una delegazione sovietica formata da esperti di armi chimiche visitò le industrie belliche italiane. A parte questo, i paesi continuarono a inviarsi reciprocamente inviti alle rispettive manovre militari. L'industria della difesa era uno dei pochi settori dell'economia i cui prodotti venivano abbondantemente importati in Unione Sovietica. L'esecuzione delle commesse sovietiche in termini di armamenti e tecnologia militare proseguì senza ritardi e con estrema cura da ambo le parti: l'Italia produceva per l'Unione Sovietica siluri, cannoni e molti altri mezzi tecnici³⁷.

Nel 1935 i rapporti italo-sovietici entrarono in crisi a causa di contrasti politici ed ideologici irrisolvibili dovuti alla nuova fase della politica estera italiana, quando il governo fascista intraprese il percorso della revisione immediata del trattato di Versailles. Il periodo tra il 1935 e il 1939 fu il più complicato: man mano che la situazione internazionale peggiorava e l'Italia si avvicinava alla Germania e al Giappone, il livello raggiunto nelle relazioni bilaterali con l'Unione Sovietica veniva seriamente compromesso. I regimi nazifascisti promuovevano una politica sempre più aggressiva, preparandosi apertamente ad un nuovo conflitto mondiale: la Germania procedette all'Anschluss dell'Austria, il Giappone invase la Manciuria e parte della Cina settentrionale; l'Italia non fu da meno, nei suoi piani c'erano la conquista dell'Etiopia e la rinascita dell'Impero.

Il primo serio colpo inferto ai rapporti italo-sovietici fu rappresentato appunto dalla guerra in Abissinia del 1935-1936. Il 3 ottobre 1935 l'Italia avviò una campagna militare contro l'Etiopia e il 9 ottobre, all'Assemblea straordinaria della Società delle Nazioni, l'Unione Sovietica, insieme ad altri 52 paesi, riconobbe l'aggressione. In seguito furono approvate sanzioni economiche contro l'Italia in conformità con l'articolo 16 dello Statuto della Società delle Nazioni. L'11 ottobre gli organi della Società delle Nazioni decisero di obbligare tutti i paesi membri a interrompere le forniture all'Italia di armamenti, di mezzi tecnici ad uso militare, di alcuni tipi di materie prime e di prodotti lavorati, oltre a bloccare la concessione di prestiti. Il 14 ottobre fu imposto un veto ai prestiti, e il 19 ottobre all'esportazione di merci dall'Italia; i paesi che aderivano alle sanzioni decisero inoltre di fornirsi aiuto reciproco³⁸.

Per Mussolini fu un colpo durissimo, dal momento che l'applicazione completa e coerente delle sanzioni contro l'Italia da parte di tutti i membri

37 I.A. Chormač, *SSSR-Italija. 1924-1939*, op. cit., pp. 164-165.

38 Si veda D. Borisov, *Sankcii* [Sanzioni], Moskva 1936.

della Società delle Nazioni e di altri paesi, innanzitutto per quanto riguardava le sanzioni militari e l'embargo sul petrolio, avrebbe potuto costringerlo a interrompere la guerra. Il fatto che molti paesi non fossero seriamente intenzionati ad adempiere ai propri obblighi diede all'Italia fascista la possibilità di resistere. Secondo i dati della Società delle Nazioni, dal novembre 1935 al marzo 1936 le esportazioni di merci italiane si ridussero di quattro volte, e le importazioni verso l'Italia di tre volte. In questo lasso di tempo i prodotti italiani continuavano però ad arrivare sul mercato inglese e francese, e gli armamenti russi e francesi continuavano ad arrivare in Italia; inoltre, il Canale di Suez non venne chiuso al passaggio delle truppe italiane. Londra e Parigi giustificarono la loro posizione spiegando che, vista la minaccia tedesca, era impossibile deteriorare del tutto i rapporti con un potenziale alleato, l'Italia, anche se si fosse trattato di un aggressore³⁹.

Seguendo il loro esempio, anche altri paesi si astennero dall'introduzione di sanzioni. L'embargo sugli armamenti non fu applicato da 7 paesi, quello sulle esportazioni verso l'Italia di merci sanzionate da 8, quello sulle importazioni dall'Italia da 13, le misure finanziarie da 8. Durante l'intero conflitto l'Italia ricevette materie prime e merci d'importanza strategica attraverso stati terzi, continuò a commerciare con la Germania, gli USA e altri paesi. La principale pecca delle sanzioni economiche era il carattere limitato della lista basilare di merci di cui era vietata l'importazione in Italia. In essa, per esempio, non rientravano l'acciaio, la ghisa, il carbone, il ferro e, cosa più importante, il petrolio: in quel momento l'Italia importava il 98% del suo fabbisogno in termini di carbone e prodotti petroliferi⁴⁰.

L'Unione Sovietica aderì alle sanzioni, ritenendo che punire lo Stato italiano colpevole di aver aggredito un paese più debole avrebbe dovuto servire da esempio per tutti i potenziali aggressori. Ciononostante, il governo sovietico non si posizionò "in prima linea" nell'applicazione delle sanzioni, e si riservò il diritto di rivedere la propria posizione sulle misure raccomandate dalla Società delle Nazioni nei casi in cui alcuni paesi avessero violato gli obblighi previsti⁴¹. In ultima analisi, anche nel contesto delle sanzioni, i rapporti commerciali tra URSS e Italia furono in parte conservati e poterono essere ristabiliti in seguito.

Una volta conclusa la guerra in Etiopia nel maggio 1936 e dopo che, il 9 maggio, l'Italia fu proclamata "Impero", Mosca si aspettava un miglioramento dei rapporti con Roma, cosa che però non avvenne, sebbene già il 15 luglio le sanzioni fossero state ufficialmente revocate su decisione del Consiglio della Società delle Nazioni. Nel corso della guerra coloniale l'aggressività del fascismo italiano crebbe, tanto più che in Europa si stava creando una situazione di crisi

39 G.W. Baer, *The Coming of the Italian-Ethiopian War*, Cambridge 1967, p. 325.

40 *Ivi*, pp. 185-187.

41 I.A. Chormač, *SSSR-Italija. 1924-1939*, op. cit., pp. 188-189.

favorevole alla realizzazione dei piani espansionistici del fascismo italiano. Di pari passo con l'aggressività, si sviluppavano anche tendenze di avvicinamento dell'Italia fascista alla Germania nazista.

Nel 1936 l'Italia, insieme alla Germania, interveniva in Spagna: iniziava così la fase successiva dei rapporti italo-sovietici, che abbraccia il biennio 1936-1937. La guerra civile spagnola fu appunto l'evento scatenante che portò a cambiamenti radicali nei rapporti tra i due paesi. Il fascismo era cresciuto fino a superare i suoi confini di regime interno all'Italia: se ne promuoveva, ora, l'"esportazione" in altri stati, tra cui la Spagna, che occupava una posizione strategica di rilievo. I vertici italiani non nascondevano che gli esiti della guerra civile spagnola erano per loro di primaria importanza: una Spagna fascista sarebbe stata l'alleata principale dell'Italia nel Mediterraneo. Sin dall'inizio Roma sostenne attivamente i franchisti con armi, aerei, truppe. I piloti italiani bombardarono insieme a quelli tedeschi navi da guerra repubblicane, città, villaggi, e iniziarono a pattugliare la zona di Gibilterra.

L'Unione Sovietica, da parte sua, non aveva nella penisola iberica interessi economici, politici o strategici di rilievo. Il governo sovietico non era indifferente ai processi sociali in corso nel paese, e sul piano politico era interessato a una vittoria del legittimo governo repubblicano, ma non poteva influire in maniera sostanziale sugli eventi in corso, tanto più che non intratteneva nemmeno rapporti diplomatici regolari con la Repubblica spagnola⁴². Dopo l'inizio dei disordini fu deciso di condannare i cospiratori franchisti: attraverso i canali diplomatici, il Commissariato del popolo per gli Affari Esteri cercò di convincere i paesi occidentali a prestare aiuto alla Repubblica spagnola e a obbligare Germania, Italia e Portogallo a non intromettersi nelle questioni interne al paese. Ciononostante, dopo che nell'agosto 1936 fu approvata la dichiarazione internazionale sul non intervento in Spagna, Mosca vi aderì immediatamente. Dal 28 agosto furono proibite le esportazioni e le riesportazioni in Spagna di armi, munizioni, navi da guerra, aerei ed altri mezzi ad uso militare⁴³. Visto l'aggravarsi della situazione e la violazione della dichiarazione dell'agosto 1936 da parte di diversi stati, anche la posizione di Mosca cambiò: fu deciso di inviare in Spagna esperti militari e diplomatici, che non avevano però il diritto di intervenire nelle questioni interne alla Repubblica. Dall'ottobre 1936 iniziarono ad arrivare in Spagna carri armati, aerei, blindati, mitragliatrici, fucili, proiettili e munizioni di produzione sovietica, e anche

42 I rapporti diplomatici tra Unione Sovietica e Seconda repubblica spagnola erano stati stabiliti nel 1933. Ambasciatore in Spagna fu nominato A.V. Lunačarskij, che però morì proprio mentre si recava a Madrid. Il suo successore M.I. Rozenberg arrivò in Spagna insieme al Console generale V.A. Antonov-Ovseenko nel 1936, quando era già iniziata la guerra civile. Presto furono entrambi richiamati a Mosca e, dopo la sconfitta dei repubblicani nel 1939, i rapporti diplomatici tra Unione Sovietica e Spagna franchista vennero interrotti.

43 *Dokumenty vnešnej politiki SSSR*, t. 19, Moskva 1974, p. 403.

numerosi volontari dall'URSS combatterono dalla parte dei repubblicani, per i quali l'aiuto sovietico si rivelò prezioso, ma non decisivo.

I tentativi italiani di esportare il fascismo in Spagna, da un lato, e gli sforzi sovietici di conservarvi gli embrioni del socialismo, dall'altro, cambiarono radicalmente il carattere dei rapporti italo-sovietici, di fatto ponendo fine al patto di non aggressione tra i due paesi. Subentrò, insomma, un aperto scontro tra due ideologie.

I rapporti politici tra i due paesi si ritrovarono in un vicolo cieco: nel 1938 la tensione che li opponeva si allentò, ma il fatto che oramai Italia e Unione Sovietica appartenessero a due blocchi contrapposti e nemici impresse un segno negativo in tutti gli ambiti che li legavano in precedenza. Rapporti economici tra Unione Sovietica e Italia sussistettero fino all'inizio della Seconda guerra mondiale, ma nemmeno un nuovo accordo, firmato nel febbraio 1939, poté rianimare gli scambi commerciali. Alla vigilia della guerra cessò ogni tipo di contatto e il 22 giugno 1941 l'Italia, in quanto alleata della Germania nazista, dichiarò guerra all'Unione Sovietica.

Ciononostante, questo lungo periodo di cooperazione non fu rimosso dalla memoria dei due paesi: il 25 ottobre 1944 l'Unione Sovietica fu tra i primi a riconoscere il nuovo Stato italiano, aprendo così un'altra pagina nella storia dei rapporti italo-russi.

Советско-итальянская дипломатия между реальностью и реализмом (1944–1953 годы)

Перевод Анастасии Свотиной

Анализ итало-советских дипломатических отношений в период, начавшийся с восстановлением прямых контактов и завершившийся с окончанием сталинской эпохи, невозможен без рассмотрения двух факторов: соотношения линий внешней и внутренней политики итальянского правительства и советского понимания равновесия на Европейском континенте.

После 25 июля 1943 г. сохранившийся или, другими словами, возрождавшийся элемент итальянского государства заключался именно во внешней политике, пребывавшей в том зачаточном состоянии, которое в общих чертах обозначилось в Бриндизи параллельно с подписанием «долгого перемирия»¹. Генеральный секретарь Прунас и чиновники, прибывшие в Апулию, сформировали своего рода палатцу Киджи в миниатюре, хранившее преданность монарху и наследному принцу и обладавшее достаточной автономией по сравнению с кабинетом Бадольо², прежде всего в том, что

1 В Бриндизи англо-американцы обнаружили «с большим изумлением и, возможно, разочарованием, зачаток государства, с собственным главой правительства, который имел чёткое правовое положение». См. также: *Artieri G. Umberto II e la crisi della monarchia*. Milano, Mondadori, 1983. P. 276; *Cacace P. Venti anni di politica estera italiana (1943–1963)*. Roma: Bonacci Editore, 1986. P. 25.

2 Министерство иностранных дел официально возобновило свою деятельность 18 октября, после того как Бадольо привлёк внимание к имевшейся у правительства необходимости дать почувствовать своё присутствие на всей территории посредством эффективной работы на местах. См. циркуляр Бадольо префектам Бари, Бриндизи, Лечче, Таранто, Кальяри, Сассари, Нуоро, Матеры, Фоджи и Потенцы, Бриндизи от 6 октября 1943 г.: *Archivio Centrale di Stato Roma* (далее — ACS). *Governo di Salerno*. Cat. 3. *Governo, 3M, Ufficio Affari Civili, Miscellanea*, N. 436/A.C. Особая ситуация заставляла отложить назначение главы кабинета на более поздний срок, тем более что Генеральный секретариат, кроме своих непосредственных задач, фактически выполнял и все

касалось нахождения средств для преодоления положения, возникшего из стремления союзников не принимать в расчёт новую ситуацию, которая сложилась в результате переезда королевской администрации и переноса усилий итальянского правительства в войне против Германии³.

Годы войны обнулили позиции Италии во внешней политике, но не перечеркнули опыт, накопленный в сфере международной деятельности. В частности, во взаимодействии с Советским Союзом проявилось чёткое различие между идеологией и политической стратегией; понимание роли СССР как элемента равновесия в системе международных отношений; прагматичность и доброжелательность, характеризовавшие двусторонние отношения в любом контексте⁴.

Таковы были критерии, которыми руководствовалась итальянская дипломатия в отношениях с Советским Союзом и в последующие годы, то есть был найден своего рода компромисс между реализмом общих оценок и конкретной реальностью, в которой формировались решения правительства. Изменилось, скорее, соотношение внешней и внутренней политики, что было важнейшим фактором в определении приоритетов итальянского правительства в те годы, когда страна переосмысливала свой статус в отношении союзников и стремилась к восстановлению своей роли на международной арене в послевоенный период.

обязанности по координации, обычно относящиеся к компетенции кабинета в узком смысле.

См.: Пр Прунас — Президиуму Совета министров, Бриндизи, 31 ноября 1943 г. // ACS. *Governo*, 3–1, *Disposizioni varie*, sf. 6, *Costituzione Uffici Ministeriali*.

См. также: *Artieri G. Umberto II e la crisi della monarchia*. Milano: Mondadori, 1983. P. 276; *Marchesi L. Come siamo arrivati a Brindisi*. Milano: Bompiani, 1969. P. 117–118; *Caracciolo di Castagneto F. '43–'44*. *Diario di Napoli*. Firenze: Valecchi, 1962. P. 81; *Conciatori M. 1943: la diplomazia italiana dopo l'8 settembre*. *I diplomatici italiani di fronte alle conseguenze dell'annuncio dell'armistizio* // *Storia delle Relazioni Internazionali*. VI. 1990. № 2. P. 199–234; *Quaroni P. Il mondo di un Ambasciatore*. Milano: Ferro, 1965. P. 38; *Mammarella G., Cacace P. La politica estera dell'Italia. Dallo Stato unitario ai giorni nostri*. Roma; Bari: Laterza, 2010. P. 132–133.

3 *Ortona E. Diplomazia di guerra 1937–1943*. Bologna: Il Mulino, 1993. P. 135–136. См. также: *Borzoni G. Renato Prunas diplomatico 1892–1951*. *Soveria Mannelli: Rubbettino*, 2004. P. 219 ss; *Serra M. Una Rapallo nel Regno del Sud? La svolta tra Brindisi e Salerno* // *Nuova Antologia*. 2005. Maggio. P. 257–316; *Manzini R. Come nacque il riconoscimento del governo Badoglio* // *Nuova Antologia*. 2005. Maggio. P. 317–350; *Di Nolfo E., Serra M. La gabbia infranta*. Roma; Bari: Laterza, 2010.

4 См.: *Quartararo R. Italia-URSS 1917–1941. I rapporti politici*. Napoli: ESI, 1997; *Хормач И.А. СССР — Италия. 1924–1939 гг. Дипломатические и экономические отношения*. М.: ИРИ РАН, 1996. Примером этого может служить экстраординарный обед, устроенный в честь Молотова 13 декабря 1940 г. на Вилле Берг. См.: *Алонци Р., Любин В.П. Особняк Берга: незаурядная пятидесятилетняя история, 1898–1949 гг. От микрокосмоса московской культуры к макрокосмосу мировой политики* // *Посольство Италии в Москве. Особняк Берга*. М., 2017. С. 124–164 (в особенности с. 145–151).

В марте 1944 г. итальянская дипломатия добилась неоспоримого успеха, сумев вновь наладить непосредственные отношения с Советским Союзом, который стал первым государством среди союзников, признавшим правительство Бадольо⁵.

Выбор итальянского представителя в Москве был продиктован требованием момента. На этот пост следовало определить «скорее карьерного дипломата, нежели политика или кого-то ещё»⁶. Безусловно также, что на дружеский жест СССР необходимо было ответить «политикой, которая будет способствовать ослаблению напряжённости и налаживанию взаимопонимания»⁷. Пьетро Куарони был назначен представителем правительства Бадольо 7 апреля 1944 г., а официальную аккредитацию в качестве посла Италии получил 13 февраля 1945 г., поскольку возобновление отношений с СССР сопровождалось решением советской стороны не предоставлять статус посла задействованным в этом процессе дипломатам⁸.

Работа дипмиссии Куарони сразу же обнаружила проблемы в достижении общего подхода к решению главных вопросов, представлявших интерес для Италии, а именно пересмотра условий перемирия и формулирования мирного договора. В частности, на диалоге с Москвой отразилось постепенное уменьшение стремлений итальянского правительства обрести в лице советской стороны «единственного в своём роде защитника Италии»⁹ по сравнению с англо-американскими союзниками, а также объективные трудности в попытках найти ответы на более масштабные политические вопросы в отношениях с СССР.

При обсуждении возможного политического соглашения с Советским Союзом возникало много вопросов. Среди них особенно выделялись непредвиденный характер внешней политики в постсталинский период (было бы большой ошибкой стать частью хитросплетений с неопределённым исходом) и то обстоятельство, что подобный шаг в направлении СССР повлёк бы за собой принятие такой «решительной» манеры поведения, которая требовала и способности взять на себя бремя определённых по-

5 Отношения между Италией и СССР оставались отношениями де-факто до 25 октября 1944 г., то есть до того момента, когда Италии было разрешено возобновить официальные дипломатические отношения с Организацией Объединённых Наций. См.: Nesterov A.G. La ripresa dei rapporti diplomatici tra l'Urss e l'Italia. Un'indagine sui documenti conservati nell'Archivio della politica estera della Federazione Russa // Nuova Storia Contemporanea. 2009. № 6. P. 157–162.

6 Прунас — Бадольо, Салерно, 20 марта 1944 г. // Documenti Diplomatici Italiani (далее — DDI) / Ministero degli Affari Esteri. Serie X (1943–1948). Vol. I (9 settembre 1943 – 11 dicembre 1944). Roma: Istituto Poligrafico e Zecca dello Stato, 1992. Doc. 169.

7 Бадольо — Куарони, Салерно, 7 апреля 1944 г. // Ibid. Doc. 191.

8 Беседа Бадольо с Богомоловым, Салерно, 4 марта 1944 г. // Ibid. Doc. 152.

9 Куарони — Бономи, Москва, 8 августа 1944 г. // Ibid. Doc. 332.

следствий¹⁰. «Возобновление итальянской производственной деятельности и даже элементарное жизнеобеспечение населения целиком и полностью зависели от англосаксонской поддержки», и любая попытка достичь соглашения с Советским Союзом, которая не учитывала это условие, вывела бы «немедленные катастрофические последствия для экономики, а также, вероятно, серьёзный политический резонанс»¹¹.

Даже осознавая, что сближение с Советским Союзом могло бы стать фактором поддержания равновесия в отношениях между Италией и англо-американскими союзниками, Куарони не мог избежать и внутреннего понимания неотвратимости определённого процесса, который был запущен новыми ориентирами мировой политики и который Италия пережила не вследствие своего поражения, а скорее в результате ограниченных ресурсов в ведении переговоров по сравнению с её главными оппонентами: «Если бы мы были в числе победителей, наше положение было бы точно таким же»¹². По этой причине в будущем единственной желательной политикой представлялась «такая, в которой отсутствует внешняя политика в полном смысле этого слова»¹³, что на практике означало «честную политику, равноудалённую от обеих соперничающих между собой групп» и не ищущую немедленной выгоды¹⁴. Тем не менее по одному вопросу позиция Куарони была довольно категоричной: бесполезно и даже вредно смешивать оппозицию коммунизму во внутренней политике с оппозицией России в политике внешней, особенно в свете того факта, что в Москве не слишком одобряли связывание советской внешней политики с распространением коммунизма в мире¹⁵.

Манлио Брозио сменил Куарони на посту посла в октябре 1946 г. Позже он признается советскому заместителю министра иностранных дел Зорину: именно убеждённости в том, что без тесных и дружеских отношений с СССР было бы невозможно гарантировать независимость и будущее Италии, побудила его принять назначение на должность посла в Москве¹⁶.

Не отходя от линии своего предшественника, Брозио с самого начала придерживался мнения о необходимости разграничения экономических

10 Куарони — Де Гаспери, Москва, 17 сентября 1945 г. // DDI. Serie X. Vol. II (12 dicembre 1944 – 9 dicembre 1945). Roma: Istituto Poligrafico e Zecca dello Stato, 1992. Doc. 542.

11 Де Гаспери — Куарони, Рим, 11 декабря 1945 г. // Ibid. Vol. III (10 dicembre 1945 – 11 luglio 1946). Roma: Istituto Poligrafico e Zecca dello Stato, 1993. Doc. 5.

12 Куарони — Прунасу, Москва, 16 октября 1945 г. // Ibid. Vol. II. Doc. 623.

13 Куарони — Де Гаспери, Москва, 17 сентября 1945 г. // Ibid. Doc. 542, citato.

14 Куарони — Прунасу, Москва, 24 апреля 1945 г. // Ibid. Doc. 145.

15 Куарони — Де Гаспери, Москва, 24 июня 1945 г. // Ibid. Doc. 285.

16 Дневник Зорина. Встреча с Брозио от 8 декабря 1947 г. // Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 021. Оп. 1. П. 1. Д. 1. Л. 12–13.

и политических связей с Америкой: «Если бы мы могли предоставить СССР гарантии нашего нейтралитета, беспристрастно подойти к решению вопроса Триеста, не препятствовать русским в их стремлении выйти в Средиземное море, то мы бы попробовали разыграть последнюю политическую карту, но уже не равновесия, а нейтралитета»¹⁷.

Между тем в итальянском правительстве начался процесс замещения концепции, в рамках которой внешняя политика была подчинена целям и задачам внутренней политики. С этой точки зрения следует анализировать и процесс сближения с СССР сразу же после подписания перемирия. Данная система взглядов определяла во внешней политике ориентиры и критерии для проведения политики внутренней. Именно с этих позиций следует рассматривать последующие решения итальянского правительства во внешнеполитических вопросах. Этот переход начался после назначения Де Гаспери на пост председателя Совета министров¹⁸. Дело в том, что Де Гаспери был убежден в необходимости искать во внешней политике подход к внутренней, а также к экономической политике¹⁹ со всеми вытекающими из этого в ближайшем будущем последствиями.

Советская дипломатия не сразу приспособилась к таким изменениям итальянской внешней политики. В рамках проводимого СССР внешнеполитического курса Италия представляла собой некую точку равновесия, способствовавшую закрытию военной главы в контексте утвержденных принципов межсоюзнического сотрудничества и работавшую на достижение традиционной евроконтинентальной политики Советского Союза. В целом значение Италии в ряду направлений советской внешнеполитической деятельности было прямо пропорционально степени международной нестабильности, связанной с неустойчивой внутренней ситуацией на полуострове, тогда как само по себе стремление к балансу на континенте значительно превосходило настроение отчужденности, вызванное теоретизированием по поводу сфер влияния.

Специфика сталинской линии в отношении Италии заключалась в том, что, даже будучи сверстанной в соответствии с рекомендациями советских представителей на местах и обусловленной достижением более ясного понимания ситуации, касавшейся задач межсоюзнического управления, а не

17 Сфорца — Брозио, Рим, 15 апреля 1947 г. // DDI. Serie X. Vol. V (2 febbraio 1947 – 30 maggio 1947). Roma: Istituto Poligrafico e Zecca dello Stato, 1997. Doc. 345. См. также: Sforza C. Cinque anni a Palazzo Chigi. La politica estera italiana dal 1947 al 1951. Roma: Atlante, 1952. P. 11; более общий обзор: Melchionni M.G. Dal diario del Conte Sforza (25 luglio 1943–2 febbraio 1947) // Rivista di Studi Politici Internazionali. № 3. 1977. P. 401–493; Brosio M. Diari di Mosca 1947–1951. Bologna: Il Mulino, 1996. P. 99.

18 Scoppola P. La proposta politica di De Gasperi. Bologna: Il Mulino, 1977. P. 176.

19 Sturzo L. Popolarismo e fascismo. Torino: Gobetti, 1924. P. 37.

только итальянского вопроса, она использовала лишь умеренные аспекты тех выводов, к которым приводил подобный анализ. При этом на второй план отодвигались предложения более интервенционистского характера²⁰.

СССР интересовался исключительно внешней политикой Италии²¹. И не случайно восстановление двусторонних отношений (сопровождавшееся просьбой, направленной Бадольо и англо-американцам, о предоставлении военно-воздушной базы в Апулии²²) было своего рода предостережением союзникам для того, чтобы они поддержали конкретными действиями Италию в положении совместно воюющей страны. Одновременно Квебекский меморандум, как приложение к тексту «краткого» перемирия, должен был облегчить бремя «долгого» перемирия, принимая во внимание действительный вклад итальянцев в борьбу с немцами, и включал в себя статьи, не предусматривавшие активного итальянского участия в войне против Германии²³. В свою очередь, указание Сталина, полученное Тольятти 4 марта 1944 г. и предварявшее Салернский поворот, явилось недвусмысленным призывом к признанию военного правления союзников на полуострове — иными словами, было запретом на предложения о восстании, выдвигаемые самими крайними группировками итальянских левых сил²⁴.

Решения, принятые советским руководством, показывали, что работа в Италии коммунистической партии, ориентированной и направляемой из Москвы, не отражалась на линии СССР и не оказывала на неё особенного влияния при урегулировании специфических вопросов, например о репарациях, статусе Триеста и колониях. Строгое применение принципов,

20 Alonzi R. Stalin e l'Italia 1943–1945. Diplomazia, sfere di influenza, comunismi. Soveria Mannelli: Rubbettino, 2013. P. 59–74, 117–130; *Idem*. Il ruolo dell'Italia nella politica estera sovietica tra ricerca della sicurezza ed esigenze strategiche (1939–1945) // Rivista di Studi Politici Internazionali. 2016. № 83 (3). P. 413–442.

21 Куарони — Де Гаспери, Москва, 14 августа 1945 г. // DDI. Serie X. Vol. II. Doc. 414.

22 Беседа Бадольо с Богомоловым, Салерно, 7 марта 1944 г. // *Ibid.* Vol. I. Doc. 158.

23 Чем более союзники полагались на вклад Италии в войну, тем сложнее им было бы сохранять тяжёлые, но необходимые требования, предъявляемые Италии, в числе которых были и условия, касавшиеся вопросов границ и колоний. Serra E. Professione: Ambasciatore d'Italia. Milano: FrancoAngeli, 2001. Vol. II. P. 476. См. также: Zanussi G. Guerra e catastrofe d'Italia, giugno 1943 – maggio 1945: 2 voll. Roma: Casa editrice libraria Corso, 1946. Vol. I. P. 156–157; Guariglia R. Ricordi: 1922–1946. Napoli: Edizioni Scientifiche Italiane, 1950. P. 661; Loi S. I rapporti fra alleati e italiani nella cobelligeranza. Roma: Stato maggiore dell'Esercito, Ufficio Storico, 1986. P. 23–35.

24 См.: Alonzi R. Il ruolo dell'Italia nella politica estera sovietica. P. 428–431. Более общий обзор см.: Gori F., Pons S. Dagli Archivi di Mosca. L'URSS, il Cominform e il PCI: 1943–1951. Roma: Carocci, 1998. P. 34, 66, 424; Dimitrov G. Diario: gli anni di Mosca (1934–1945) / ed. Pons S. Torino: Einaudi, 2002. P. 691–694; Agosti A. Salerno '44: i dubbi di Togliatti // L'Unita. 1991. 28 ottobre. P. 11.

установленных и согласованных с союзниками для того, чтобы сформулировать условия итальянского мирного договора, представляло собой единственный незыблемый элемент в политике по отношению к Италии ввиду разнообразного и тревожного потока информации, который поступал не только от московских дипломатических представителей, но и от высшего руководства ИКП и социалистов и касался сложной ситуации в период перемирия и англо-американской оккупации.

Установки, выработанные в попытке примирения с Италией, со временем не изменились: дефашизация, понимаемая как устранение причин, которые привели к итальянской агрессии против Советского Союза; принцип репараций, который мог бы обсуждаться по форме, но не по сути; совместное с союзниками решение вопросов Триеста и колоний, учитывающее взаимные экономические и стратегические интересы.

С конца 1945 г. для внешней политики Кремля начался этап, характеризующийся такой динамикой, которая привела к замене англо-советского регулирования европейской безопасности, обеспечиваемого идеей о сферах влияния, действительной консолидацией блоков в Европе, — этап, отмеченный выдвижением США, сменившими Великобританию в качестве стороны — участницы диалога на континенте, а также открытой вспышкой холодной войны.

В целом стабильность итальянской политической картины не противоречила признанию привилегированных отношений Италии с англо-американцами, а кроме того, согласовывалась со стремлением советской стороны к проведению менее активной политики. В декабре 1945 г. советская печать особенно внимательно следила за политическим кризисом в Италии, а московское руководство благосклонно отнеслось к кандидатуре Де Гаспери на пост председателя Совета министров, учитывая то важное значение, которое он придавал отношениям с СССР²⁵ (ХДП с удовлетворением приняла к сведению факт возобновления дипломатических отношений с СССР — искусный политический и дипломатический шаг, положительными результатами которого нужно было воспользоваться полностью, осознавая также и его более общие политические аспекты²⁶).

Действительно, назначение Де Гаспери было результатом политического компромисса, гарантом которого выступили власти союзников²⁷.

25 Куарони — Де Гаспери, Москва, 4 декабря 1945 г. // DDI. Serie X. Vol. II. Doc. 729.

26 Craveri P. De Gasperi. Bologna: Il Mulino, 2006. P. 149–152.

27 Varsori A. De Gasperi, Nenni, Sforza e il loro ruolo nella politica estera italiana del secondo dopoguerra // Di Nolfo E., Rainero R., Vigezzi B. L'Italia e la politica di potenza in Europa (1945–50). Settimo Milanese: Marzorati, 1992. P. 59–91.

Уже сам по себе кризис третьего правительства Бономи²⁸, на смену которому пришло правительство Парри²⁹, со всей очевидностью обнаружил появление сил, придерживавшихся крайних взглядов и присутствовавших во всех сферах жизни, и логически следовавшую объективную необходимость усиления роли массовых партий³⁰.

Первого апреля 1946 г. посольство Италии в Москве обратилось к наркому иностранных дел В.М. Молотову с тем, чтобы Советское правительство предоставило своё поручительство для пересмотра тяжёлых экономических и финансовых условий перемирия³¹. В обращении было отмечено, что подобное решение могло иметь важные последствия и в отдалённом будущем, учитывая тот факт, что сохранение перемирия повлияло бы на партийные предпочтения итальянского общественного мнения в преддверии парламентских выборов. Исходя из использованных формулировок, большая часть общественного мнения отдавала себе отчёт в том, что самое тяжёлое экономическое и финансовое положение играло в пользу не СССР, а Великобритании и США. К тому же с точки зрения общественного мнения имелись вполне обоснованные сомнения относительно действительного намерения оккупационных держав облегчить страдания итальянского народа. В случае, если отсутствие такого намерения всё более стали бы скрывать за трудностями, созданными Советским правительством к пересмотру условий перемирия, это могло иметь определённые последствия для будущего развития Италии «в истинно демократическом ключе».

Де Гаспери вернулся к этой теме на встрече с Молотовым 6 мая 1946 г. Во время разговора премьер-министр подтвердил, что знал о положительном отношении России к вопросу свободного национального развития Италии, а также поделился своей надеждой на демократическое развитие страны, что являлось необходимым условием её вступления в Организацию Объединённых Наций³². В тех обстоятельствах Молотов согласился с Де Гаспери, что в ожидании подписания мирного договора было бы целесообразно облегчить жёсткие условия перемирия, обременявшие итальянский народ. Таким образом, Советский Союз стал инициатором одной поправки к американскому проекту пересмотра условий. В соответствии

28 12 декабря 1944 г. – 12 июня 1945 г.

29 21 июня – 24 ноября 1945 г.

30 Di Loreto P. Togliatti e la “doppiezza”. Il PCI tra democrazia e insurrezione (1944–1949). Bologna: Il Mulino, 1991. P. 50.

31 Посольство Италии — Молотову, Москва, 1 апреля 1946 г. // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 8. П. 3. Д. 23. Л. 5–8.

32 Дневник Молотова. Встреча с Де Гаспери 6 мая 1946 г. // Там же. П. 37. Д. 580. Л. 9–13. Отчет итальянской стороны был намного более техническим и кратким; см. секретную телеграмму, направленную Бенцони Прунасу, Париж, 6 мая 1946 г. (DDI. Serie X. Vol. III. Doc. 419).

с этой коррективой необходимо было освободить от военного контроля итальянский торговый флот («Италия является морской державой и должна иметь возможность свободно распоряжаться собственным торговым флотом»³³).

Однако стремление СССР к безопасности столкнулось с интересами итальянского правительства. На просьбу о поддержке в решении вопросов по режиму перемирия последовал запрос на согласие с принципом пересмотра мирного договора, поскольку последний содержал главным образом моральную и политическую ценность — восстановление полного суверенитета³⁴.

Со стороны Италии мирный договор 10 февраля 1947 г. был подписан послом Мели Лупи ди Соранья, а летом того же года правительство ратифицировало документ. Несмотря на то что в нём содержались не только «несправедливые», но и «недальновидные» положения³⁵, председатель Совета министров и министр иностранных дел в конечном счёте убедились в том, что принятие общего документа было единственным способом добиться впоследствии внесения в него поправок³⁶. Италии был навязан самый настоящий кабальный мир по форме и содержанию. Страна вернулась к условиям, предшествовавшим периоду Рисорджименто, её границы оставались полностью открытыми, она была лишена своих национальных территорий, а экономические условия договора оказались весьма серьёзными³⁷.

На следующий день после подписания мирного договора представитель Италии в Вашингтоне Таркиани поднял вопрос о его пересмотре на заседании в Государственном департаменте³⁸. В разгар правительственного кризиса³⁹, 20 мая 1947 г., Де Гаспери дал послу поручение доложить американскому правительству об имевшихся у Италии потребностях. Сам председатель Совета министров во время официального визита в Соединён-

33 Дневник Молотова. Встреча с Де Гаспери 6 мая 1946 г. // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 8. П. 37. Д. 580. Л. 12.

34 Дзоппи — Таркиани, Рим, 7 ноября 1951 г. // DDI. Serie XI. Vol. VI (26 luglio 1951 – 30 giugno 1952). Roma: Istituto Poligrafico e Zecca dello Stato, 2015. Doc. 208.

35 Sforza C. Op. cit. Roma, 1952. P. 54.

36 Vigezzi B. De Gasperi, Sforza, la diplomazia italiana e i problemi della politica di potenza dal trattato di pace al patto Atlantico // *Idem*. L'Italia unita e le sfide della politica estera. Dal Risorgimento alla Repubblica. Milano: Unicopli, 1997. P. 265.

37 См. речь Де Гаспери, обращённую к итальянской делегации во время Мирной конференции, 7 августа 1946 г. (Scoppola P. Op. cit. P. 304).

38 Poggiolini I. Diplomazia della transizione. Gli alleati e il problema del trattato di pace italiano (1945–1947). Firenze: Ponte alle Grazie, 1990. P. 115.

39 Третье правительство Де Гаспери было сформировано 2 февраля 1947 г. при участии ИСП и компартии, но без ИРП и новой ИДСП. Четвёртое правительство Де Гаспери было сформировано 31 мая 1947 г.

ные Штаты в начале января уже имел возможность сообщить президенту Г. Трумэну о тяжёлых условиях, в которых находилась итальянская экономика, а также о том, что страна нуждалась в помощи для восстановления. Таркиани направил секретное сообщение Мэттьюсу, директору Управления по европейским делам; из этого документа следовало, что Де Гаспери был готов сформировать новое правительство, но за его потенциальной неудачей последовал бы период неопределённости, который мог привести к победе коммунистов с дальнейшими трагическими последствиями для Италии⁴⁰. Государственный секретарь Дж. Маршалл санкционировал отправку сообщения Де Гаспери, в котором давалось подтверждение финансовой помощи со стороны США. Кроме того, он направил телеграмму послу Данну в Рим, в которой он уточнил, что Соединённые Штаты намеревались оказывать политическую и экономическую поддержку любому некоммунистическому правительству или же такому, в котором участие коммунистов было бы сведено к минимуму⁴¹.

Решение СССР проводить неинтервенционистскую линию осталось в силе даже после удаления коммунистов из правительства, которое было сформировано Де Гаспери 31 мая 1947 г. В декабре того же года Сталин выступил против идеи официальных переговоров с Тольятти о возможных советских поставках хлеба и угля в Италию, аргументируя это тем, что если бы советское руководство каким-либо образом связало себя просьбой о помощи и назначило её, ориентируясь на состав итальянского правительства, то тем самым оно бы встало в один ряд с американцами. Подобное действие привело бы к нарушению суверенитета и национальной независимости, а СССР не хотел бы занимать такую позицию по отношению к коммунистам и социалистам⁴². Тем не менее казалось, что Сталин был готов предоставить экономическую поддержку ИКП⁴³.

Сталин пристально следил за развитием событий. В ходе переговоров, которые Молотов провёл с руководителями ИКП в период с 1947

40 Меморандум о переговорах директора Управления по европейским делам, Мэттьюс, Вашингтон, 20 мая 1947 г. // Foreign relations of the United States (далее — FRUS). The British Commonwealth; Europe / United States Department of State. Volume III. Washington, D.C., U.S.: Government Printing Office, 1947. P. 908–909. См. также: Breccia A. Strategia del “centrismo” e “scelta occidentale”: l'Italia e il Patto di Bruxelles nel 1948 // *Processi Storici e Politiche di Pace*. 2007. № 4. P. 39–56.

41 Государственный секретарь — посольству Италии, Вашингтон, 20 мая 1947 г. // FRUS. 1947. Vol. III. P. 909–910.

42 Отчёт о беседе Пьетро Секкьи и Жданова 16 декабря 1947 г., составленный Мошетовым // Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 128. Д. 1101. Л. 188–191.

43 Беседа Сталина с Секкьей 14 декабря 1947 г. См.: И. Сталин: «Можем дать два мешка денег» // *Источник*. 1993. № 5–6. С. 123–126.

по 1948 г., прояснился ключевой пункт: несмотря на то что внутренняя ситуация в Италии была сложной, парламентский блок, возглавляемый Де Гаспери, мог рассчитывать на серьёзное содействие извне⁴⁴. И хотя представители ИКП имели основания полагать, что правительство Де Гаспери не пользовалось безусловной поддержкой населения⁴⁵, целый ряд внутренних разногласий продолжал раздирать фронт левых сил, а гражданская война в Италии сильно осложнила бы международную ситуацию⁴⁶.

Сразу же после выборов 1948 г. Тольятти доложил советскому послу Михаилу Костылёву, что результаты голосования, с одной стороны, можно было интерпретировать как значительное укрепление позиций США в Италии и в средиземноморском бассейне. С другой стороны, такие результаты не могли полностью удовлетворять американцев, поскольку могла возникнуть политическая ситуация, требующая замены христианско-демократического правительства другим реакционным правительством, где руководство не было бы сосредоточено в руках ХДП⁴⁷.

Внимание советской стороны к выборам в Италии, по свидетельству Брозио, поддерживалось не надеждой на победу левого блока, но всего лишь тем фактом, что эти выборы представляли собой этап в процессе благоприятного политического развития в краткосрочной перспективе⁴⁸. Как впоследствии Костылёв уточнил в беседе с заместителем министра иностранных дел Италии Брузаской, который жаловался на проводимую ИКП просоветскую пропаганду, главный интерес СССР состоял в том, чтобы не было антисоветской пропаганды со стороны итальянской прессы, а взаимодействие между правительствами и партиями касалось исключительно Италии⁴⁹.

Отношения Италии и СССР по-прежнему регулировались мирным договором. Этот договор, хотя и обладал недостатками, которые в своё время стали объектом возражения со стороны Кремля, для советских руководителей представлял «серьёзный вклад в установление мирного сотрудничества между европейскими государствами»⁵⁰. С американской

же точки зрения, напротив, договор виделся устаревшим, поскольку был заключён в то время, когда США проводили политику умиротворения в отношении СССР, тогда как доктрина Трумэна была основана на других принципах⁵¹.

В отношении Советского Союза к Италии неоднократно сквозили подозрения, что итальянское правительство не намерено соблюдать свои обязательства. Так, например, министр иностранных дел Сфорца в определённые моменты не производил впечатления человека, принимавшего меры для скорейшего решения вопроса передачи СССР кораблей⁵², и казалось, что это поведение было согласовано с англо-американцами⁵³. По вопросу бывших колоний Костылёв выдвинул предположение о существовании соглашений, заключённых между США и Великобританией без участия итальянского правительства, с очевидным ущербом для итальянской внешней политики. Что же касается отношений с СССР, то вся антисоветская и антикоммунистическая кампания казалась срежиссированной для того, чтобы отвлечь внимание общественного мнения от более широкой дискуссии по вопросам внешней политики в парламенте⁵⁴.

В тот же самый период советский представитель отмечал, что внешняя политика Италии выходила из своего пассивного состояния, чтобы перейти к более активной фазе, о чём свидетельствовало стремление присоединиться к политическому и военному антисоветскому блоку⁵⁵. Дело в том, что 17 марта 1948 г. в Брюсселе был подписан договор о коллективной самообороне между Соединённым Королевством, Францией, Бельгией, Нидерландами и Люксембургом.

Со своей стороны, Брозио продемонстрировал критическую позицию в отношении спонтанного присоединения Италии к этому пакту⁵⁶. По его мнению, план Маршалла, рассматриваемый как план по восстановлению экономики, был логичным и взвешенным, в то время как западный блок, понимаемый как альянс сил, был преждевременным: «Один стремится предложить западным демократическим правительствам возможность вернуть твёрдую экономическую базу их свободным режимам, другой

44 Дневник Костылёва. Беседа с Амендолой 26 июля 1948 г. // АВП РФ. Ф. 098. Оп. 31. П. 180. Д. 16. Л. 46–56; Беседа с Тольятти 23 августа 1948 г. // Там же. Л. 104–105.

45 Беседа Молотова с Реале 2 июня 1947 г. // РГАСПИ. Ф. 082. Оп. 2. Д. 1231. Л. 26–27.

46 Дневник Костылёва. Беседа с Тольятти 23 августа 1948 г. // АВП РФ. Ф. 098. Оп. 31. П. 180. Д. 16. Л. 104–110.

47 Дневник Костылёва. Беседа с Тольятти 26 апреля 1948 г. // АВП РФ. Ф. 098. Оп. 31. П. 179. Д. 15. Л. 47–51.

48 Брозио — Сфорце, Москва, 16 февраля 1948 г. // DDI. Serie X. Vol. VI. Doc. 275.

49 Дневник Костылёва. Беседа с Брузаской 6 декабря 1949 г. // АВП РФ. Ф. 098. Оп. 31. П. 180. Д. 16. Л. 224–226.

50 Шверник — Террачине, 6 сентября 1947 г. // АВП РФ. Ф. 098. Оп. 30. П. 33. Д. 2. Л. 37.

51 Breccia A. Op. cit. P. 47–48.

52 Дневник Костылёва. Встреча со Сфорцей 12 июля 1948 г. // АВП РФ. Ф. 098. Оп. 31. П. 180. Д. 16. Л. 1–4.

53 Дневник Костылёва. Встреча со Сфорцей 5 августа 1948 г. // Там же. Л. 77–81.

54 Дневник Костылёва. Встреча с Ненни 22 октября 1948 г. // Там же. Л. 193–200.

55 Костылёв — Вышинскому, 30 ноября 1948 г. // АВП РФ. Ф. 021. Оп. 2. П. 19. Д. 238. Л. 2–15.

56 Брозио — Сфорце, 17 марта 1948 г. // DDI. Serie X. Vol. VII (15 dicembre 1947 – 7 maggio 1948). Roma: Istituto Poligrafico e Zecca dello Stato, 2000. Doc. 553.

же — это, скорее, этическое утверждение, чем подлинное объединение сил, поскольку эти силы ещё предстоит восстановить. И как от этического утверждения в качестве преграды распространению советской внешней экспансии, если бы последняя существовала, от него было бы мало пользы; с целью же сдерживания коммунизма он, видимо, равным счётом бесполезен»⁵⁷. В случае конфликта Италия не могла бы надеяться на переброс значительных сил с Европейского континента на её защиту; точно так же и итальянскому генеральному штабу было бы непросто предоставить соответствующие силы Франции или Германии или же предпринять рискованное наступление на Балканах для сопровождения франко-немецких военных действий. Можно было скептически относиться к вероятности, что Италия сохранит нейтралитет в случае мирового конфликта, но нельзя было забыть следующие факты: в 1915 и в 1940 гг. нейтралитет был возможен, а его несохранение зависело только лишь от желания Италии; основные стратегические линии потенциального конфликта охватывали континентальную Европу, регионы Ближнего Востока и Северной Африки, но не Италию; Советский Союз испытывал к Италии скорее «негативный интерес» (который провоцировало отсутствие там американской базы), нежели чем дорогостоящий «позитивный интерес», состоявший в поддержании Италии в качестве активной площадки в Средиземном море (и в этом случае СССР не получил бы ни Сицилию, ни Сардинию); Соединённые Штаты, в свою очередь, не рассчитывали на Италию как на базу для наступления, довольно ненадёжную, но прежде всего стремились к тому, чтобы лишённая защиты страна не попала полностью в коммунистическую орбиту.

Итальянцы, аргументировал Брозио, не могли удовлетвориться простой гарантией от американцев — другими словами, «драгоценной честью» превратиться в один из *casus belli* на политической шахматной доске США: если бы юридическая гарантия не сопровождалась конкретной возможностью получить эффективную военную поддержку, было бы справедливо, чтобы итальянцы строго пересмотрели ситуацию. Таким образом, формулирование позиции нейтралитета было единственным способом, который позволил бы поставить вопрос о пересмотре перед Советским Союзом, а также перед значительной частью итальянского и мирового общественного мнения.

Даже отдавая себе отчёт в односторонности собственного подхода, посол был убеждён, что альтернативы не существует. Оставалось лишь продолжать линию отсутствия любой конкретной политики в отношении Советского Союза из-за понятной необходимости. Иначе говоря, завершить торговые переговоры как можно быстрее и взаимодействовать в условиях

57 Брозио — Сфорце, 17 марта 1948 г. // DDI. Serie X. Vol. VII (15 dicembre 1947 – 7 maggio 1948). Roma: Istituto Poligrafico e Zecca dello Stato, 2000. Doc. 553.

обычного управления «и подозрительного, более или менее доброго (или дурного) соседства»⁵⁸.

Другой точки зрения придерживался Куарони, который докладывал из Парижа⁵⁹ о своих впечатлениях министру иностранных дел⁶⁰. Вопрос о перевооружении представлялся также и нравственной задачей, поскольку условия разоружения налагались на бывшего врага в качестве меры предосторожности и исходя из предположения, что страна может снова начать представлять угрозу («В тот день, когда нас просят стать союзниками, нас должны перестать считать потенциальным врагом»). Поэтому Брюссельский пакт следовало рассматривать не только как военный альянс: это была попытка политической и военной организации Западной Европы, которая происходила параллельно с экономической организацией, предусмотренной планом Маршалла. С этой позиции «создание впечатления нежелания присоединиться» можно было интерпретировать совершенно по-другому; и, следовательно, было бы лучше, если бы итальянское правительство взяло на себя инициативу. В дальнейшем всё это не помешало бы обсуждению формы, способов и сущности присоединения к пакту.

В декабре 1948 г. итальянская дипломатия добилась небольшого, но значительного успеха: подписание торгового соглашения — результат деятельности экономической миссии, возглавляемой министром внешней торговли Ла Мальфой в Москве летом того же года. В частности, были подписаны договор о торговле и навигации, договор о репарациях, торговый договор и договор о выплатах.

Информация о миссии Ла Мальфы вызвала у американцев подозрения. Сфорца смог смягчить реакцию, объяснив Таркиани, что речь шла «о ведении переговоров об обмене нестратегическими товарами, чтобы обеспечить работой итальянские заводы с использованием русского сырья» и что «беспристрастность по отношению к Востоку обезоружила бы оппозицию и дала бы правительству возможность больше взаимодействовать с Западом»⁶¹.

Относительно «политической интонации торгового договора» Брозио сообщил Сфорце, что во время переговоров не прозвучало и намёка,

58 Брозио — Сфорце, Москва, 28 апреля 1948 г. // DDI. Serie X. Vol. VII. Doc. 625.

59 Куарони занимал пост посла в Париже с 30 ноября 1946 г. по 13 июня 1958 г.

60 Куарони — Сфорце, Париж, 6 мая 1948 г. // DDI. Serie X. Vol. VII. Doc. 651.

61 Tarchiani A. Dieci anni tra Roma e Washington. Milano: Mondadori, 1955. P. 150–151; Cacace P. La politica estera dell'Italia. Dallo Stato unitario ai giorni nostri. P. 298. О торговом соглашении см. также: Morozzo della Rocca R. Le relazioni italo-sovietiche nel 1948. La missione La Malfa // De Gasperi e l'età del centrismo (1947–1953) / ed. Rossini G. Roma: Cinque Lune, 1984. P. 413–431.

чтобы придать акту более широкое политическое значение, чем то, которое непосредственно следовало из его содержания, а именно: с одной стороны — ликвидация обязательств по мирному договору, с возобновлением нормальных отношений с позиций полного равенства между двумя государствами, с другой — начало взаимовыгодных экономических отношений⁶². Однако Брозиньо ещё до заключения соглашений договорился с Зориным не придавать огласке договоры, которые должны были быть подписаны, поскольку они содержали не только экономические, но также и политические установки⁶³.

Тем не менее договор о репарациях остался неоконченным, а в течение следующих двух лет из четырех заключённых договоров ни один не сохранился в силе. Отсутствие решения в вопросе о репарациях вскоре превратилось в «политический урон» для СССР; советского посла предупредили, призвав «серьёзно озаботиться этим вопросом»⁶⁴.

В отношениях между США и СССР глава сотрудничества отныне была закрыта. Начинаясь разработка соглашения, которое привело к подписанию Атлантического пакта 4 апреля 1949 г.

С советской точки зрения, происходило нарушение той системы безопасности, которая обеспечивалась англо-советским договором 1942 г., а также решениями, принятыми в Ялте и Потсдаме, направленными на укрепление сотрудничества в рамках ООН⁶⁵.

С итальянской же точки зрения, НАТО представляла собой промежуточный этап перед присоединением к Брюссельскому пакту, то есть подготовку к присоединению к Брюссельскому пакту без дальнейших толкований и отчётов перед общественным мнением, которое не проявляло безоговорочной поддержки по вопросу проекта западного союза. Таким образом, Брюссельский пакт принимал совершенно иной характер, устанавливая преимущественно политическую связь между европейскими странами, заручившимися гарантиями со стороны США⁶⁶.

62 Брозиньо — Сфорце, Москва, 17 декабря 1948 г. // DDI. Serie XI (1948–1953). Vol. I (8 maggio – 31 dicembre 1948). Roma: Istituto Poligrafico e Zecca dello Stato, 2005. Doc. 751.

63 Дневник Зорина. Встреча с Брозиньо 9 декабря 1948 г. // АВР РФ. Ф. 021. Оп. 2. П. 1. Д. 15. Л. 87–89.

64 Резолюция Молотова по проекту телеграммы Костылёву относительно вопроса о репарациях, 30 апреля 1950 г. // РГАСПИ. Ф. 082. Оп. 2. Д. 1227. Л. 82.

65 Посольство Союза Советских Социалистических Республик — Министерству иностранных дел, Рим, 24 февраля 1952 г. // DDI. Serie XI. Vol. VI. Doc. 392.

66 Лучолли — Дзоппи, Вашингтон, 14 января 1949 г. // DDI. Serie XI. Vol. II. Doc. 7. О переговорах см.: *L'Italia e la nascita delle alleanze occidentali collettive postbelliche* // Nuova Antologia. Vol. 482 (maggio – agosto 1961). P. 311–342, 439–468.

Одиннадцатого марта 1949 г. Совет министров единогласно высказался за присоединение Италии к НАТО.

С момента вступления в Альянс была окончательно перевернута печальная страница мирного договора, хотя и оставались вопросы Триеста и колоний⁶⁷. Отныне отношения между Италией и союзниками должны были регулироваться только на основании принципов Атлантического пакта⁶⁸.

Осенью 1951 г. Де Гаспери получил совместную декларацию, подписанную правительствами США, Франции и Великобритании, в которой признавалось, что в определённой степени Италия всё ещё подчинялась некоторым «ограничениям», что не соответствовало её статусу «активного и равноправного члена сообщества миролюбивых и демократических наций»⁶⁹. В связи с этим правительства трёх стран подтвердили своё решение предпринять усилия для того, чтобы содействовать вступлению Италии в ООН⁷⁰, — вопрос, который на тот момент откладывался уже в течение семи лет и был решён только в 1955 г.

В декабре того же года правительство Италии направило правительствам стран, подписавших мирный договор, ноту с просьбой об оформлении его пересмотра⁷¹.

Ответ советской стороны, проект которого подготовил для Молотова первый заместитель министра иностранных дел Громыко⁷², однозначно говорил, что правительство СССР могло согласиться с принципом пересмотра только в том случае, если бы Италия покинула НАТО, поскольку присоединение к Атлантическому альянсу привело бы к целому ряду последствий и оказало бы влияние на советское решение о согласии на вступление Италии в Организацию Объединённых Наций⁷³.

В ноте от 8 февраля 1952 г. итальянское правительство заявило, что любое последующее исполнение обязательств в отношении СССР, налагаемых на Италию договором, могло лишь согласовываться с той

67 *Cacace P. La politica estera dell'Italia. Dallo Stato unitario ai giorni nostri.* P. 320.

68 Фигароло ди Гроппелло — Де Гаспери, Москва, 26 января 1952 г. // DDI. Serie XI. Vol. VI. Doc. 358.

69 *Cacace P. La politica estera dell'Italia. Dallo Stato unitario ai giorni nostri.* P. 390.

70 *Ibid.*

71 Итальянская нота о пересмотре мирного договора, переданная 8 декабря 1951 г. правительствам стран, подписавшим договоры // DDI. Serie XI. Vol. VI. Doc. 258, Allegato.

72 Проект ответа на ноту итальянского правительства от 8 декабря 1951 г., написанный Громыко для Молотова // РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1228. Л. 7–8.

73 Фигароло ди Гроппелло — Де Гаспери, Москва, 26 января 1952 г. // DDI. Serie XI. Vol. VI. Doc. citato.

ситуацией, которая возникла «из-за позиции Советского правительства» по вопросу о допуске Италии в ООН⁷⁴.

В советском ответе подобное «безответственное» заявление было расценено как новое проявление намерения Италии избежать исполнения обязательств по мирному договору⁷⁵. Советское правительство отметило, что во время VI сессии Генеральной ассамблеи ООН, завершившейся только в феврале, Советский Союз вернулся к предложению о признании Италии и других 13 стран в качестве членов Организации Объединённых Наций. Двадцать пятого января политический комитет Генеральной ассамблеи уже одобрил это предложение большинством голосов: против него проголосовала делегация США, тогда как делегации Великобритании и Франции воздержались. И только вследствие жёсткого давления на делегации других стран со стороны США советское предложение не было принято на пленарном заседании Генеральной ассамблеи.

На дискуссиях, касавшихся вступления Италии в ООН, вероятно, отражались трудности ведения новой *high policy*, которые накладывала на своих основных игроков поляризация международной обстановки. Для СССР вступление Италии отдельно и независимо от бывших восточных сателлитов представляло опасность, поскольку в этом случае последним пришлось бы ожидать приёма ещё многие годы. С другой стороны, хотя и призванное оценить с более широкой точки зрения общую заинтересованность в независимом вступлении Италии в ООН, советское руководство полагало, что не было «никакой надежды, что подобный жест в отношении Италии изменил бы направления её политики»⁷⁶.

Тринадцатого марта Генеральный секретарь Дзоппи направил телеграмму Брозио и Таркиани. Её смысл был следующим: представитель в Лондоне мог сообщить во внешнеполитическое ведомство, что Италия считала себя свободной от выполнения обязательств по положениям мирного договора в отношении Советского Союза⁷⁷. Делая особый упор на экономические положения договора, правительство полагало, что урегулировало вопрос репараций, учитывая общую сумму итальянских материальных ценностей на Балканах (точная оценка которых всё ещё была причиной разногласий с СССР).

74 Министерство иностранных дел — посольству Союза Советских Социалистических Республик в Риме, Рим, 8 февраля 1952 г. // DDI. Serie XI. Vol. VI. Doc. 377.

75 Посольство Союза Советских Социалистических Республик — Министерству иностранных дел, Рим, 24 февраль 1952 г. // DDI. Serie XI. Vol. VI. Doc. 392, citato.

76 Брозио — Сфорце, Москва, 8 ноября 1948 г. // DDI. Serie XI. Vol. I. Doc. 603.

77 Дзоппи — Брозио и Таркиани, Рим, 13 марта 1952 г. // DDI. Serie XI. Vol. VI. Doc. 425.

Новый посол в Москве Марио Ди Стефано представил верительные грамоты министру иностранных дел Вышинскому 24 мая. В этой ситуации итальянский представитель отметил, что СССР, подписав мирный договор, взял на себя обязательства поддержать вступление Италии в ООН, а не вступление Италии совместно с другими странами. Поэтому тезис, выдвинутый советской стороной, должен был считаться не юридическим, но относящимся к «политике обстоятельств»⁷⁸.

Подтвердив советскую точку зрения («именно политика создаёт право»; «есть немало других положений мирного договора, которые итальянское правительство не соблюдает в отношении СССР»), в завершение беседы министр иностранных дел определил состояние итало-советских отношений как не слишком «счастливое».

Однако международная обстановка, которая служила фоном для bipolarного противостояния, изменялась. В январе 1953 г. в Соединённых Штатах приступила к работе республиканская администрация Эйзенхауэра. Пятого марта умер Сталин, а парламентские выборы в Италии 7 июня ознаменовали закат эпохи Де Гаспери.

78 Борга — посольствам в Бонне, Лондоне, Париже и Вашингтоне, Рим, 13 июня 1952 г. // DDI. Serie XI. Vol. VI. Doc. 600.

La diplomazia italo-sovietica tra realismo e realtà (1944–1953)

L'esame delle relazioni diplomatiche italo-sovietiche nel periodo che va dal ripristino dei rapporti diretti alla fine dell'epoca staliniana non può prescindere dall'analisi di due fattori: il rapporto tra politica estera e politica interna negli orientamenti del governo italiano; la visione sovietica dell'equilibrio continentale europeo.

Dopo il 25 luglio ciò che rimaneva o, in altri termini, risorgeva dell'Italia era quell'embrione di politica estera delineatosi a Brindisi collateralmente alla firma del "lungo armistizio"¹. Il capo della Segreteria generale, Prunas, e i funzionari arrivati in Puglia costituivano un piccolo Palazzo Chigi devoto alla persona del sovrano e del principe ereditario, dotato di una sufficiente autonomia rispetto al gabinetto di Badoglio², soprattutto nell'individuazione

¹ Gli anglo-americani trovarono a Brindisi «con molto stupore e, forse, disappunto, l'embrione di uno Stato col suo capo del Governo in una posizione giuridica ben netta». G. Artieri, *Umberto II e la crisi della monarchia*, Mondadori, Milano 1983, p. 276; P. Cacace, *Venti anni di politica estera italiana (1943–1963)*, Bonacci Editore, Roma 1986, p. 25.

² Il Ministero degli Esteri riprese a funzionare ufficialmente il 18 ottobre, dopo che Badoglio aveva richiamato l'attenzione sulla necessità che il governo facesse sentire la propria presenza in tutto il territorio attraverso una efficace azione capillare. Cfr. la circolare di Badoglio ai Prefetti di Bari, Brindisi, Lecce, Taranto, Cagliari, Sassari, Nuoro, Matera, Foggia e Potenza, Brindisi, 6 ottobre 1943, in *Archivio Centrale di Stato Roma* (d'ora in poi ACS), Governo di Salerno, cat. 3, Governo, 3M, Ufficio Affari Civili, Miscellanea, N. 436/A.C. La particolare situazione rendeva necessaria l'opportunità di rinviare ad epoca ulteriore la nomina di un capo di Gabinetto, tanto più che l'ufficio della Segreteria generale svolgeva praticamente, oltre ai suoi compiti specifici, tutte le funzioni di coordinamento normalmente spettanti al gabinetto propriamente detto. Prunas alla P.C.M., Brindisi, 31 novembre 1943 in ACS, Governo, 3–I, Disposizioni varie, sf. 6, Costituzione Uffici Ministeriali. Cfr. anche G. Artieri, op. cit., p. 276; L. Marchesi, *Come siamo arrivati a Brindisi*, Bompiani, Milano 1969, pp. 117–118; F. Caracciolo di Castagneto, *'43-'44. Diario di Napoli*, Vallecchi, Firenze 1962, p. 81; M. Conciatori, *1943: la diplomazia italiana dopo*

dei mezzi atti a rompere il cerchio derivante dalla volontà alleata di non tener conto della nuova situazione creata dal trasferimento della corona e degli sforzi del governo italiano nella guerra anti-tedesca³.

La "parentesi" bellica aveva azzerato il totalizzatore della politica estera italiana, ma non il carattere emblematico di certe esperienze maturate in campo internazionale, nello specifico con riferimento all'Unione Sovietica: la distinzione tra ideologia e strategia politica; l'URSS come fattore di equilibrio internazionale; il pragmatismo e la cordialità a connotare in ogni contesto i rapporti bilaterali⁴.

Tali furono i criteri adottati dalla diplomazia italiana nelle relazioni con l'Unione Sovietica anche negli anni seguenti, in una sorta di compromesso tra il realismo delle valutazioni generali e la realtà concreta in cui maturavano le scelte del governo. A cambiare fu piuttosto il rapporto tra politica estera e politica interna, determinante per l'individuazione delle priorità del governo italiano negli anni in cui la nazione ridefiniva il suo *status* nei confronti degli alleati e riacquistava un ruolo sulla scena internazionale del dopoguerra.

Nel marzo del '44 la diplomazia italiana ottenne un successo di innegabile portata: il ristabilimento delle relazioni dirette con l'Unione Sovietica, il primo tra gli alleati a riconoscere il governo Badoglio⁵.

La scelta del rappresentante italiano a Mosca fu dettata dalla necessità di selezionarlo «piuttosto fra i funzionari di carriera che fra uomini politici

l'8 settembre. I diplomatici italiani di fronte alle conseguenze dell'annuncio dell'armistizio, in «Storia delle Relazioni Internazionali», VI, 1990, 2, pp. 199–234; P. Quaroni, *Il mondo di un Ambasciatore*, Ferro, Milano 1965, p. 38. G. Mammarella, P. Cacace, *La politica estera dell'Italia. Dallo Stato unitario ai giorni nostri*, Laterza, Roma-Bari 2010, pp. 132–133.

³ E. Ortona, *Diplomazia di guerra 1937–1943*, Il Mulino, Bologna 1993, pp. 135–136. Cfr. anche: G. Borzoni, *Renato Prunas diplomatico 1892–1951*, Rubbettino, Soveria Mannelli 2004, pp. 219 ss; M. Serra, *Una Rapallo nel Regno del Sud? La svolta tra Brindisi e Salerno*, in «Nuova Antologia», maggio 2005, pp. 257–316; R. Manzini, *Come nacque il riconoscimento del governo Badoglio*, in «Nuova Antologia», maggio 2005, pp. 317–350; E. Di Nolfo, M. Serra, *La gabbia infranta*, Laterza, Roma-Bari 2010.

⁴ Si veda R. Quartararo, *Italia-Urss 1917–1941. I rapporti politici*, ESI, Napoli 1997 e I.A. Chormač, *SSSR-Italija 1924–1939. Diplomatičeskie i ekonomičeskie otnošenja* [Urss-Italia 1924–1939. Le relazioni diplomatiche ed economiche], IRI, RAN, Moskva 1996. Paradigmatico in questo senso lo straordinario episodio del pranzo offerto in onore di Molotov il 13 dicembre 1940 a Villa Berg. Cfr. R. Alonzi, V. Ljubin, *Villa Berg: la storia eccezionale di un cinquantennio (1898–1949). Dal microcosmo culturale moscovita al macrocosmo politico mondiale*, in *L'Ambasciata d'Italia a Mosca. Villa Berg, ABCdesign*, Mosca 2017, pp. 124–164, in particolare pp. 145–151.

⁵ I rapporti Italia-URSS furono rapporti *de facto* fino al 25 ottobre 1944, ovvero fino al momento in cui all'Italia venne concesso di riprendere relazioni diplomatiche ufficiali con le Nazioni Unite. Cfr. A.G. Nesterov, *La ripresa dei rapporti diplomatici tra l'Urss e l'Italia. Un'indagine sui documenti conservati nell'Archivio della politica estera della Federazione Russa*, in «Nuova Storia Contemporanea», n. 6/2009, pp. 157–162.

od altri»⁶, e dalla consapevolezza che fosse necessario rispondere al gesto amichevole dell'URSS «con una politica di distensione e di intese»⁷. Pietro Quaroni fu nominato rappresentante del governo Badoglio il 7 aprile del 1944 ed accreditato ufficialmente come Ambasciatore d'Italia il 13 febbraio del 1945, poiché il ripristino delle relazioni con l'URSS era stato accompagnato dalla decisione sovietica di non concedere la qualifica di Ambasciatore ai rispettivi rappresentanti⁸.

La missione Quaroni rivelò subito le problematicità insite nel conseguimento di un approccio comune alle principali questioni di interesse italiano (revisione dell'armistizio e formulazione del trattato di pace). Il dialogo con Mosca risentì, in particolare, del progressivo ridimensionamento delle aspettative del governo italiano di individuare nei sovietici «gli avvocati esclusivi dell'Italia»⁹ nel confronto con gli anglo-americani, nonché dell'obiettiva difficoltà ad affrontare questioni di natura politica più ampia con l'URSS.

Le incognite di una intesa politica con l'Unione Sovietica erano molteplici. Tra di esse spiccavano il carattere aleatorio della politica estera del dopo-Stalin — sarebbe stato un grave errore rendersi parte di un ingranaggio dagli esiti incerti — e la circostanza che un passo del genere in direzione dell'URSS implicasse l'adozione di una condotta «risoluta», in grado di accollarsi l'onere di determinate conseguenze¹⁰. «La ripresa delle attività produttive italiane e perfino il semplice sostentamento della popolazione dipend[eva]no interamente dall'appoggio anglosassone»; qualunque tentativo di accordo con l'Unione Sovietica che non avesse tenuto conto di questa esigenza, avrebbe avuto «immediate ripercussioni economiche disastrose e probabilmente anche ripercussioni politiche gravi»¹¹.

Quaroni, pur nella consapevolezza che la vicinanza con l'Unione Sovietica potesse rappresentare un fattore di equilibrio nelle relazioni tra l'Italia e gli anglo-americani, non si esimeva dall'interiorizzare l'ineluttabilità di un processo messo in moto dai nuovi orientamenti della politica mondiale, subito dall'Italia non in conseguenza della condizione di vinto quanto, piuttosto, in

6 Prunas a Badoglio, Salerno, 20 marzo 1944, in Ministero degli Affari Esteri, *Documenti Diplomatici Italiani* (d'ora in poi DDI), Serie X (1943-1948), Vol. I (9 settembre 1943-11 dicembre 1944), Istituto Poligrafico e Zecca dello Stato Roma 1992, doc. 169.

7 Badoglio a Quaroni, Salerno, 7 aprile 1944, in DDI, X, I, doc. 191.

8 Colloquio di Badoglio con Bogomolov, Salerno, 4 marzo 1944, in DDI, X, I, doc. 152.

9 Quaroni a Bonomi, Mosca, 8 agosto 1944, in DDI, X, I, doc. 332.

10 Quaroni a De Gasperi, Mosca, 17 settembre 1945, in DDI, Serie X, Vol. II (12 dicembre 1944-9 dicembre 1945), Istituto Poligrafico e Zecca dello Stato, Roma 1992, doc. 542.

11 De Gasperi a Quaroni, Roma, 11 dicembre 1945, in DDI, X, Vol. III (10 dicembre 1945-11 luglio 1946), Istituto Poligrafico e Zecca dello Stato, Roma 1993, doc. 5.

ragione di una limitata capacità contrattuale nei confronti dei suoi principali interlocutori: «se fossimo stati dalla parte dei vincitori la nostra situazione sarebbe esattamente la stessa»¹². Per tutta conseguenza, la sola politica auspicabile per il futuro era «quella di non avere una politica estera nel vero senso della parola»¹³: in pratica, «un'onesta politica equidistante tra i due gruppi contendenti», non orientata al vantaggio immediato¹⁴. Su un punto, tuttavia, Quaroni era abbastanza perentorio: inutile e dannoso mescolare l'opposizione al comunismo, in politica interna, con l'opposizione alla Russia in politica estera, soprattutto alla luce del fatto che a Mosca fosse scarsamente tollerata la connessione della politica estera sovietica con la diffusione del comunismo del mondo¹⁵.

Manlio Brosio successe a Quaroni nell'ottobre del 1946. Come avrebbe rivelato qualche tempo dopo al vice Ministro degli Esteri Zorin, era stata la convinzione che senza rapporti stretti ed amichevoli con l'URSS non potesse essere assicurata l'indipendenza e l'avvenire dell'Italia a spingerlo ad accettare l'incarico di Ambasciatore a Mosca¹⁶.

Non discostandosi dalla linea del suo predecessore, Brosio sostenne sin da subito la necessità di distinguere i legami economici con l'America dai legami politici: «se noi potessimo dare ai sovietici la garanzia della nostra neutralità, affrontare con equità il problema di Trieste, non ostacolare i russi nel loro accesso al Mediterraneo, potremmo tentare l'unica carta politica non più di equilibrio, ma di neutralità»¹⁷.

Negli orientamenti del governo italiano, intanto, aveva avuto inizio un processo di avvicinamento da una concezione che subordinava la politica estera alle esigenze di politica interna (in tale ottica va analizzato il riavvicinamento con l'URSS subito dopo la firma dell'armistizio) ad una concezione che individuava nella politica estera il quadro di riferimento per la politica interna (ambito in cui vanno collocate le scelte successive del governo italiano in materia di politica estera). Questo passaggio si concretizzò con la nomina

12 Quaroni a Prunas, Mosca, 16 ottobre 1945, in DDI, Serie X, Vol. II doc. 623.

13 Quaroni a De Gasperi, Mosca, 17 settembre 1945, in DDI, X, II, doc. 542, citato.

14 Quaroni a Prunas, Mosca, 24 aprile 1945, in DDI, X, II, doc. 145.

15 Quaroni a De Gasperi, Mosca, 24 giugno 1945, in DDI, X, II, doc. 285.

16 Diario di Zorin, incontro con Brosio dell'8 dicembre 1947, in *Arhivo Vnešnej Politiki Rossijskoj Federacii* (d'ora in poi AVPRF), fond 021, opis'1, papka 1, delo 1, listy 12-13.

17 Sforza a Brosio, Roma, 15 aprile 1947, in DDI, Serie X, Vol. V (2 febbraio 1947-30 maggio 1947), Istituto Poligrafico e Zecca dello Stato, Roma 1997, doc. 345. Cfr. anche C. Sforza, *Cinque anni a Palazzo Chigi. La politica estera italiana dal 1947 al 1951*, Atlante, Roma 1952, p. 11; più in generale, M.G. Melchionni, *Dal diario del Conte Sforza (25 luglio 1943-2 febbraio 1947)*, in «Rivista di Studi Politici Internazionali», n. 3, 1977, pp. 401-493; M. Brosio, *Diari di Mosca 1947-1951*, Il Mulino, Bologna 1996, p. 99.

di De Gasperi alla Presidenza del Consiglio¹⁸. Era convinzione di De Gasperi, infatti, che si dovesse cercare nella politica estera la chiave della politica interna e della politica economica¹⁹, con tutte le conseguenze che ne derivavano per l'immediato futuro.

L'URSS affrontò il "cambiamento di stato" della politica estera italiana non senza la dovuta preparazione. L'Italia rappresentava un punto di equilibrio per la politica sovietica, funzionale alla chiusura del capitolo bellico nell'ordine dei principi sanciti per la cooperazione interalleata e al perseguimento della tradizionale politica europeo-continentale dell'URSS. Nel complesso, il peso dell'Italia nel novero della politica estera sovietica era direttamente proporzionale al grado di instabilità internazionale connessa alla precaria situazione interna della penisola, laddove la ricerca *tout court* dell'equilibrio continentale prevaricava il senso di abdicazione implicato dalla teorizzazione delle sfere di influenza.

La specificità della linea staliniana per l'Italia risiedeva nella circostanza che, pur essendo elaborata parallelamente ai sondaggi effettuati sul campo dagli emissari sovietici, e vincolata al conseguimento di una visione più chiara della situazione in relazione ai problemi di gestione interalleata e non del "caso italiano", coglieva solo gli aspetti moderati delle conclusioni a cui approdavano tali sondaggi, relegando in secondo piano suggerimenti di natura più interventista²⁰.

L'URSS era interessata esclusivamente alla politica estera italiana²¹. Non a caso, il ristabilimento di relazioni dirette (accompagnato dalla richiesta avanzata a Badoglio e agli anglo-americani di una base aerea in Puglia²²) era stato un monito per gli alleati affinché conferissero un contenuto concreto alla cobelligeranza italiana, laddove il *memorandum* del Québec (allegato al testo dell'armistizio "corto"), che avrebbe dovuto alleggerire il peso del "lungo" armistizio in considerazione dell'effettivo contributo italiano nella lotta contro i tedeschi, era dotato di clausole che non prevedevano il concorso attivo degli italiani nella guerra contro la Germania²³. A sua volta, la direttiva di Stalin

18 P. Scoppola, *La proposta politica di De Gasperi*, Il Mulino, Bologna 1977, p. 176.

19 L. Sturzo, *Popolarismo e fascismo*, Gobetti, Torino 1924, p. 37.

20 Cfr. R. Alonzi, *Stalin e l'Italia 1943-1945. Diplomazia, sfere di influenza, comunismi*, Rubbettino, Soveria Mannelli 2013, pp. 59-74, 117-130; Id., *Il ruolo dell'Italia nella politica estera sovietica tra ricerca della sicurezza ed esigenze strategiche (1939-1945)*, in «Rivista di Studi Politici Internazionali», 83 (3), 2016, pp. 413-442.

21 Quaroni a De Gasperi, Mosca, 14 agosto 1945, in DDI, X, II, doc. 414.

22 Colloquio di Badoglio con Bogomolov, Salerno, 7 marzo 1944, in DDI, X, I, doc. 158.

23 Quanto più gli alleati si affidavano al contributo italiano alla guerra tanto più difficile sarebbe stato mantenere le dure ma necessarie condizioni da imporre all'Italia, tra cui quelle concernenti confini e colonie. E. Serra, *Professione: Ambasciatore d'Italia*, FrancoAngeli, Milano 2001, II, p. 476. Cfr. anche: G. Zanussi,

a Togliatti del 4 marzo 1944, propedeutica alla svolta di Salerno, aveva costituito un richiamo esplicito al riconoscimento del potere militare alleato sulla penisola, ovvero la messa al bando delle ipotesi di insurrezione avanzate dalle frange più estremiste delle sinistre italiane²⁴.

Le scelte operate dalla dirigenza sovietica dimostravano che l'esistenza di un Partito comunista in Italia orientato da e verso Mosca non alterava la linea dell'URSS, né la condizionava positivamente rispetto alla soluzione di questioni specifiche (riparazioni, Trieste e colonie, ad esempio). La rigorosa applicazione dei principi stabiliti di concerto con gli alleati per la formulazione del trattato di pace italiano costituiva l'unico elemento di certezza della politica verso l'Italia, a fronte del variegato ed allarmante flusso di informazioni, che proveniva non solo dagli agenti diplomatici moscoviti ma anche dai vertici del PCI e dagli esponenti socialisti, sulla gravità della situazione armistiziale italiana e sulla prosecuzione, sotto altre forme, dell'occupazione anglo-americana.

Le direttive elaborate per l'esperimento della pacificazione con l'Italia si mantenevano inalterate nel tempo: defascistizzazione (intesa come rimozione delle cause che avevano condotto all'aggressione italiana dell'Unione Sovietica); principio delle riparazioni (negoziabile nella forma ma non nella sostanza); soluzione interalleata della questione di Trieste e delle colonie dal punto di vista del reciproco contenimento degli interessi economici e strategici.

Dalla fine del '45 si aprì, per la politica estera del Cremlino, la fase caratterizzata dalla dinamica che finì per sostituire la gestione anglo-sovietica della sicurezza europea, garantita dall'idea delle sfere di influenza, col consolidamento reale dei blocchi in Europa; una fase contrassegnata dall'avvicendamento degli Stati Uniti alla Gran Bretagna in qualità di interlocutore continentale e dall'esplosione conclamata della guerra fredda.

La stabilità del quadro politico italiano era, in linea di principio, compatibile con il riconoscimento di un rapporto privilegiato dell'Italia con gli anglo-americani, oltre che congeniale al perseguimento sovietico di una linea di basso profilo. Nel dicembre del '45 la stampa sovietica seguì con molta attenzione la crisi governativa italiana e da parte del governo moscovita si guardò con simpatia alla candidatura di De Gasperi alla Presidenza del Consiglio, alla luce dell'importanza da questi attribuita alle relazioni con l'URSS²⁵ (la DC aveva

Guerra e catastrofe d'Italia, giugno 1943-maggio 1945, 2 voll., Casa editrice libreria Corso, Roma 1946, I, pp. 156-157; R. Guariglia, *Ricordi: 1922-1946*, Edizioni Scientifiche Italiane, Napoli 1950, p. 661; S. Loi, *I rapporti fra alleati e italiani nella cobelligeranza*, Stato maggiore dell'Esercito, Ufficio Storico, Roma 1986, pp. 23-35.

24 Cfr. R. Alonzi, *Il ruolo dell'Italia nella politica estera sovietica*, op. cit., pp. 428-431. Più in generale si veda: F. Gori, S. Pons, *Dagli Archivi di Mosca. L'URSS, il Cominform e il PCI: 1943-1951*, Carocci, Roma 1998, pp. 34, 66, 424; G. Dimitrov, *Diario: gli anni di Mosca (1934-1945)*, a cura di S. Pons, Einaudi, Torino 2002, pp. 691-694; A. Agosti, *Salerno '44: i dubbi di Togliatti*, in «L'Unità», 28 ottobre 1991, p. II.

25 Quaroni a De Gasperi, Mosca, 4 dicembre 1945, in DDI, X, II, doc. 729.

preso atto con soddisfazione della riapertura delle relazioni diplomatiche con l'URSS, un'abile mossa politica e diplomatica di cui bisognava cogliere tutti gli effetti positivi, nella consapevolezza dei suoi più generali risvolti politici²⁶).

La nomina di De Gasperi fu, in effetti, il risultato di un compromesso politico avallato dalle autorità alleate²⁷. La crisi del terzo governo Bonomi²⁸, cui era succeduto il governo Parri²⁹, aveva già di per sé messo in evidenza l'emergere di forze estremiste presenti in tutti i campi, con la necessità conseguente ed oggettiva di un ruolo più forte dei partiti di massa³⁰.

Il 1 aprile del 1946 l'Ambasciata d'Italia a Mosca si rivolgeva al Commissario del popolo per gli Affari Esteri Molotov affinché il governo sovietico concedesse il suo avallo alla revisione delle pesanti clausole economiche e finanziarie dell'armistizio³¹. Si faceva notare che una simile decisione avrebbe potuto avere delle conseguenze importanti anche per un lontano avvenire, in considerazione del fatto che il perdurare dello stato armistiziale avrebbe influito sugli orientamenti dell'opinione pubblica italiana nei confronti dei partiti in vista delle elezioni politiche. Nei termini utilizzati, gran parte dell'opinione pubblica era consapevole del fatto che le clausole economiche e finanziarie più dure giocassero a favore, non dell'URSS, ma dell'Inghilterra e degli Stati Uniti. Essa nutriva, inoltre, ragionevoli dubbi sull'effettiva volontà delle potenze occupanti di alleviare le sofferenze del popolo italiano e, qualora questa mancanza di volontà fosse stata ulteriormente coperta dietro le difficoltà sollevate dal governo sovietico alla revisione, questo avrebbe potuto sortire delle conseguenze sulla futura evoluzione «in senso realmente democratico» dell'Italia.

L'argomento fu reiterato da De Gasperi nell'incontro con Molotov del 6 maggio, nel corso del quale il Presidente del Consiglio affermò di sapere quali fossero le buone disposizioni della Russia rispetto al libero sviluppo nazionale dell'Italia, e di confidare nello sviluppo democratico del Paese, condizione necessaria per il suo ingresso nell'Organizzazione delle Nazioni Unite³². In quell'occasione Molotov concordò con De Gasperi sul fatto che, in attesa della

26 P. Craveri, *De Gasperi*, Il Mulino, Bologna 2006, pp. 149–152.

27 Cfr. A. Varsori, *De Gasperi, Nenni, Sforza e il loro ruolo nella politica estera italiana del secondo dopoguerra*, in E. Di Nolfo, R. Rainero, B. Vigezzi, *L'Italia e la politica di potenza in Europa (1945–50)*, Marzorati, Settimo Milanese 1992, pp. 59–91, p. 59.

28 12 dicembre 1944–12 giugno 1945.

29 21 giugno–24 novembre 1945.

30 P. Di Loreto, *Togliatti e la "doppiezza". Il PCI tra democrazia e insurrezione (1944–1949)*, Il Mulino, Bologna 1991, p. 50.

31 Ambasciata d'Italia a Molotov, Mosca, 1 aprile 1946 in AVPRF, f. 06, op. 8, p. 3, d. 23, l. 5–8.

32 Diario di Molotov, incontro con De Gasperi del 6 maggio 1946, in AVPRF, f. 06, op. 8, p. 37, d. 580, l. 9–13. Il resoconto italiano è molto più tecnico e stringato, cfr. il telegramma segreto di Benzoni a Prunas, Parigi, 6 maggio 1946, in DDI, X, III, doc. 419.

firma del trattato di pace, fosse opportuno concedere alleggerimenti alle dure condizioni armistiziali gravanti sul popolo italiano. L'Unione Sovietica, pertanto, si era fatta promotrice di una correzione al progetto di revisione presentato dagli americani in virtù della quale la flotta mercantile italiana avrebbe dovuto essere liberata dal controllo militare («l'Italia è una potenza marittima e deve poter disporre liberamente della sua flotta mercantile»³³).

La ricerca di sicurezza dell'URSS, tuttavia, incominciò a cozzare con le necessità del governo italiano quando alla domanda di appoggio nella soluzione delle questioni riguardanti il regime armistiziale fece seguito la richiesta di condivisione del principio della revisione del trattato di pace, per quanto esso serbasse un valore essenzialmente morale e politico (riacquisto della piena sovranità)³⁴.

Il trattato di pace fu firmato per l'Italia dall'Ambasciatore Meli Lupi di Soragna il 10 febbraio del 1947 e ratificato dal governo nell'estate dello stesso anno. Malgrado in esso figurassero decisioni non solo «ingiuste» ma anche «miopi»³⁵, il Presidente del Consiglio e il Ministro degli Esteri alla fine si convinsero del fatto che accettarne le clausole fosse il solo modo per ottenerne anche la modifica³⁶. All'Italia era stato imposto un vero e proprio *diktat* nella forma e nella sostanza. Il Paese tornava alle condizioni antecedenti al Risorgimento; le sue frontiere restavano completamente aperte; era stato privato dei suoi territori nazionali; le clausole economiche erano gravissime³⁷.

Il giorno successivo alla firma del trattato di pace, il rappresentante italiano a Washington Tarchiani sollevò la questione della revisione in una riunione al Dipartimento di Stato³⁸. Il 20 maggio, in piena crisi di governo³⁹, De Gasperi incaricò l'Ambasciatore di esporre le esigenze dell'Italia al governo americano (il Presidente del Consiglio, in occasione della visita ufficiale compiuta negli Stati Uniti all'inizio di gennaio, aveva già avuto modo di far conoscere a Truman le drammatiche condizioni in cui versava l'economia italiana e il

33 Diario di Molotov, incontro con De Gasperi del 6 maggio 1946, in AVPRF, f. 06, op. 8, p. 37, d. 580, l. 21.

34 Zoppi a Tarchiani, Roma, 7 novembre 1951, in DDI, Serie XI, Vol. VI (26 luglio 1951 – 30 giugno 1952), Istituto Poligrafico e Zecca dello Stato, Roma 2015, doc. 208.

35 C. Sforza, *op. cit.*, p. 54.

36 Cfr. B. Vigezzi, *De Gasperi, Sforza, la diplomazia italiana e i problemi della politica di potenza dal trattato di pace al patto Atlantico* in Id., *L'Italia unita e le sfide della politica estera. Dal Risorgimento alla Repubblica*, Unicopli, Milano 1997, p. 265.

37 Cfr. il discorso di De Gasperi alla delegazione italiana alla Conferenza di pace, 7 agosto 1946, in P. Scoppola, *op. cit.*, p. 304.

38 Cfr. I. Poggolini, *Diplomazia della transizione. Gli alleati e il problema del trattato di pace italiano (1945–1947)*, Ponte alle Grazie, Firenze 1990, p. 115.

39 Il terzo governo De Gasperi ebbe inizio il 2 febbraio del 1947, con la partecipazione del PSI e del PC e l'esclusione del PRI e del nuovo PSLI. Il quarto governo De Gasperi ebbe inizio il 31 maggio del 1947.

bisogno di assistenza nell'opera di ricostruzione del Paese). Tarchiani inviò un messaggio segreto al direttore dell'Ufficio Affari Europei Matthews; nel documento si evinceva che De Gasperi era pronto a formare un nuovo governo, ma un suo eventuale insuccesso sarebbe stato seguito da un periodo di incertezza che avrebbe agevolato una vittoria dei comunisti con tragici effetti sull'Italia⁴⁰. Il segretario di Stato autorizzò l'invio a De Gasperi di una comunicazione in cui si confermava l'appoggio finanziario degli Stati Uniti. Marshall, inoltre, inviò un telegramma all'Ambasciatore a Roma Dunn in cui precisava che gli Stati Uniti avrebbero appoggiato politicamente ed economicamente qualsiasi governo non comunista o con la partecipazione comunista ridotta al minimo⁴¹.

La scelta sovietica di una linea non interventista rimase valida anche dopo l'estromissione dei comunisti dal governo che De Gasperi formò il 31 maggio. Nel dicembre dello stesso anno, Stalin si espresse contro l'idea di negoziati ufficiali con Togliatti in merito ad eventuali forniture sovietiche di pane e carbone all'Italia, argomentando che se i sovietici si fossero legati in qualche modo alla richiesta di aiuto, ed avessero stabilito questo aiuto in funzione della composizione del governo italiano, essi si sarebbero posti sullo stesso piano degli americani. Ciò avrebbe condotto alla violazione della sovranità e dell'indipendenza nazionale, e l'URSS non avrebbe voluto occupare una simile posizione in relazione ai comunisti e ai socialisti⁴². Stalin appariva comunque disposto ad accordare al PCI un sostegno di tipo economico⁴³.

La condotta di Stalin non prescindeva dal corso degli eventi. Dalle conversazioni che Molotov intrattenne con i dirigenti del PCI nel periodo 1947-48 emerse un punto fondamentale: quantunque la situazione interna italiana fosse molto complessa, il blocco parlamentare guidato da De Gasperi poteva contare su solidi appoggi esterni⁴⁴. Sebbene gli esponenti del PCI

40 Memorandum of Conversation by the Director of the Office of European Affairs, Matthews, Washington, May, 20, 1947, in United States Department of State, *Foreign relations of the United States* (d'ora in poi FRUS). *The British Commonwealth; Europe*, Volume III, Washington, D.C., U.S. Government Printing Office, 1947, pp. 908-909. Cfr. anche A. Breccia, *Strategia del "centrismo" e "scelta occidentale": l'Italia e il Patto di Bruxelles nel 1948*, in «Processi Storici e Politiche di Pace», n. 4/2007, pp. 39-56, p. 49.

41 The Secretary of State to the Embassy in Italy, Washington, May 20, 1947, in FRUS, 1947, III, pp. 909-910.

42 Resoconto della conversazione tra Pietro Secchia e Ždanov del 16 dicembre 1947, stilato da Mošetov, in *Rossijskij Gosudarstvennyj Arhiv Social'no-Političeskoj Istorii*, (d'ora in poi RGASPI), f. 17, op. 128, d. 1101, l. 188-191.

43 Conversazione Stalin-Secchia del 14 dicembre 1947. Cfr. *Stalin: možem dat' dva meška deneg* [Stalin: possiamo dare due sacchi di denaro], in «Istočnik» 1993/5-6, pp. 123-126.

44 Diario di Kostylev, conversazione con Amendola del 26 luglio 1948, in AVPRF, f. 098, op. 31, p. 180, d. 16, l. 46-56; conversazione con Togliatti del 23 agosto 1948, in AVPRF, f. 098, op. 31, p. 180, d. 16, l. 104-105.

avessero motivo di ritenere che il governo De Gasperi non godesse del favore incondizionato delle masse⁴⁵, il fronte delle sinistre rimaneva lacerato da tutta una serie di dissidi interni e una guerra civile in Italia avrebbe notevolmente complicato la situazione internazionale⁴⁶.

Subito dopo le elezioni del 1948, Togliatti riferì all'Ambasciatore sovietico Michail Kostylev che i risultati elettorali, se da un lato potevano essere interpretati come l'enorme rafforzamento degli USA in Italia e nel bacino del Mediterraneo, dall'altro non soddisfacevano appieno gli americani, poiché avrebbe potuto crearsi una situazione politica tale da richiedere la sostituzione del governo democristiano con un altro governo reazionario ove la direzione non fosse nelle mani della DC⁴⁷.

L'attenzione sovietica verso le elezioni italiane, come confermava Brosio, non era suffragata dalla speranza di una vittoria del blocco di sinistra, ma semplicemente dal fatto che esse costituissero una tappa di uno sviluppo politico favorevole nel breve periodo⁴⁸. Come avrebbe puntualizzato Kostylev in una conversazione col vice Ministro degli Esteri italiano Brusasca, che si lamentava della propaganda filo-sovietica portata avanti dal PCI, interesse principale dell'URSS era che non ci fosse propaganda anti-sovietica da parte della stampa italiana: il rapporto tra i governi e i partiti riguardava esclusivamente l'Italia⁴⁹.

Le relazioni Italia-URSS rimanevano regolate dal trattato di pace. Il trattato, sebbene dotato di difetti che a suo tempo avevano costituito oggetto di obiezioni da parte del Cremlino, rappresentava per i dirigenti sovietici «un serio contributo per lo stabilimento della pacifica collaborazione tra gli stati europei»⁵⁰. Dal punto di vista americano, al contrario, il trattato era obsoleto perché era stato stipulato in un periodo in cui gli USA conducevano una politica di «*appeasement*» nei confronti dell'URSS, mentre la dottrina Truman era basata su altri presupposti⁵¹.

Le disposizioni dell'Unione Sovietica nei confronti dell'Italia in più di un'occasione furono condizionate dal sospetto che il governo italiano non intendesse tenere fede ai propri obblighi. Il Ministro degli Esteri Sforza, ad

45 Conversazione Molotov-Reale del 2 giugno 1947, in RGASPI, f. 082, op. 2., d. 1231, l. 26-27.

46 Diario di Kostylev, conversazione con Togliatti del 23 agosto 1948, in AVPRF, f. 098, op. 31, p. 180, d. 16, l. 104-110, citato.

47 Diario di Kostylev, conversazione con Togliatti del 26 aprile 1948, in AVPRF, f. 098, op. 31, p. 179, d. 15, l. 47-51.

48 Brosio a Sforza, Mosca, 16 febbraio 1948, in DDI, X, VI, doc. 275.

49 Diario di Kostylev, conversazione con Brusasca del 6 dicembre 1949, in AVPRF, f. 098, op. 31, p. 180, d. 16, l. 224-226.

50 Švernik a Terracina, 6 settembre 1947, in AVPRF, f. 098, op. 30, p. 33, d. 2, l. 37.

51 Cfr. A. Breccia, *op. cit.*, pp. 47-48.

esempio, in alcuni momenti non dava l'impressione di prendere misure per una sollecita soluzione della questione della consegna delle navi all'URSS⁵², atteggiamento che sembrava concordato con gli anglo-americani⁵³. Con riferimento alla questione delle ex colonie, Kostylev ipotizzava l'esistenza di accordi stipulati tra USA e Gran Bretagna senza la consultazione del governo italiano, con evidente danno per la politica estera italiana. Sul fronte delle relazioni con l'URSS, tutta la campagna anti-sovietica e anti-comunista sembrava orchestrata per distrarre l'attenzione dell'opinione pubblica dal più ampio dibattito di politica estera in Parlamento⁵⁴.

Nello stesso periodo il rappresentante sovietico notava come la politica estera italiana stesse uscendo dal suo stato di passività per entrare in una fase più attiva, testimoniata dalla volontà di aderire ad un blocco politico e militare anti-sovietico⁵⁵. Il 17 marzo del 1948, infatti, a Bruxelles era stato sottoscritto un trattato di autodifesa collettiva tra Regno Unito, Francia, Belgio, Paesi Bassi e Lussemburgo.

Brosio, da parte sua, si mostrava particolarmente critico nei confronti di un'adesione repentina dell'Italia al patto⁵⁶. Nel suo pensiero, il piano Marshall, considerato come piano economico di ricostruzione, era logico e proporzionato, mentre il blocco occidentale, considerato come alleanza di forze, era prematuro — «l'uno mira ad offrire ai governi democratici occidentali la possibilità di ridare una solida base economica ai loro regimi di libertà, l'altro è più una affermazione morale che una vera unione di forze, perché queste forze sono ancora da ristabilire. E come affermazione morale, come alto là alla espansione sovietica esterna, servirebbe a poco, se questa davvero vi fosse; come freno al comunismo, serve probabilmente a meno che nulla»⁵⁷. In caso di conflitto, l'Italia non avrebbe potuto sperare nel distacco di forze sostanziali dal continente europeo in sua difesa; allo stesso modo, per lo Stato maggiore italiano sarebbe risultato difficile staccare forze rilevanti verso la Francia o la Germania o tentare una rischiosa offensiva balcanica per accompagnare lo sforzo militare franco-germanico. Si poteva essere scettici sulla possibilità di mantenere la neutralità italiana in caso di conflitto mondiale, ma non si po-

52 Diario di Kostylev, incontro con Sforza del 12 luglio 1948, in AVPRF, f. 098, op. 31, p. 180, d. 16, l. 1-4.

53 Diario di Kostylev, incontro con Sforza del 5 agosto 1948, in AVPRF, f. 098, op. 31, p. 180, d. 16, l. 77-81.

54 Diario di Kostylev, incontro con Nenni del 22 ottobre 1948, in AVPRF, f. 098, op. 31, p. 180, d. 16, l. 193-200.

55 Kostylev a Višinskij, 30 novembre 1948, in AVPRF, f. 021, op. 2, p. 19, d. 238, l. 2-15.

56 Brosio a Sforza, 17 marzo 1948, in DDI, X, Vol. VII, (15 dicembre 1947-7 maggio 1948), Istituto Poligrafico e Zecca dello Stato, Roma 2000, doc. 553.

57 *Ibidem*.

tevano dimenticare questi fatti: che nel 1915 e nel 1940 la neutralità sarebbe stata possibile, ed era dipeso solo dalla volontà italiana il non mantenerla; che le grandi linee strategiche di un eventuale conflitto erano quelle dell'Europa continentale e del Medio Oriente-Africa del Nord, non dell'Italia; che l'Unione Sovietica aveva verso l'Italia soprattutto l'interesse negativo di non averla come base americana, più che il costoso interesse positivo di tenerla come piattaforma attiva nel Mediterraneo (nel qual caso non avrebbe avuto né Sicilia né Sardegna); che gli Stati Uniti, a loro volta, non contavano sull'Italia come base offensiva, assai precaria, ma intendevano anzitutto che il paese non cadesse nell'orbita comunista intatto e senza difesa.

Gli italiani, argomentava Brosio, non potevano accontentarsi della semplice garanzia americana, ossia «dell'onore costoso» di diventare uno dei *casus belli* nella scacchiera politica statunitense: se alla garanzia giuridica non si fosse accompagnata la possibilità concreta di una difesa militare efficace, era legittimo che essi riesaminassero freddamente la situazione. La formula della neutralità era, quindi, la sola che consentisse di impostare di fronte all'Unione Sovietica, nonché di fronte ad una parte notevole dell'opinione pubblica italiana e mondiale, il problema della revisione.

Pur rendendosi conto della «unilateralità» del proprio approccio, l'Ambasciatore rimaneva convinto del fatto che non vi fosse alternativa. Non restava altro che continuare a non fare verso l'Unione Sovietica, per comprensibile necessità, alcuna politica concreta: ossia condurre a termine le trattative commerciali non appena possibile e rimanere nelle relazioni di ordinaria amministrazione, «e di diffidente, più o meno buono (o cattivo) vicinato»⁵⁸.

Diverso il punto di vista di Quaroni, che faceva pervenire da Parigi⁵⁹ le sue impressioni al Ministro degli Esteri⁶⁰. La questione del riarmo era anche una questione morale, essendo le clausole del disarmo imposte ad un paese ex nemico quale misura precauzionale nella previsione che esso potesse tornare ad esserlo («il giorno in cui ci si chiede di diventare degli alleati, si deve cessare di considerarci un nemico potenziale»). Il patto di Bruxelles non doveva essere considerato, pertanto, solo come un'alleanza militare: si trattava di un tentativo di organizzazione dell'Europa occidentale, sul piano politico e militare, parallelo all'organizzazione economica prevista dal piano Marshall. Sotto questo aspetto il «dare l'impressione di non voler aderire» poteva essere interpretato in tutt'altro senso; di conseguenza, sarebbe stato meglio per il governo italiano prendere l'iniziativa. Tutto ciò non avrebbe impedito, in un secondo momento, la discussione su forma, modi e sostanza dell'adesione.

58 Brosio a Sforza, Mosca, 28 aprile 1948, in DDI, X, VII, doc. 625.

59 Quaroni ricopri la carica di Ambasciatore a Parigi dal 30 novembre 1946 al 13 giugno 1958.

60 Quaroni a Sforza, Parigi, 6 maggio 1948, in DDI, X, VII, doc. 651.

Nel dicembre del '48 la diplomazia italiana raggiunse un piccolo, grande successo: la firma del trattato commerciale, opera della missione economica capeggiata dal Ministro del Commercio Estero La Malfa che si era installata a Mosca nell'estate dello stesso anno. Nello specifico, vennero firmati l'accordo di commercio e navigazione, l'accordo sulle riparazioni, l'accordo commerciale e l'accordo sui pagamenti.

L'annuncio della missione La Malfa aveva destato i sospetti degli americani. Sforza ne aveva ridotto la portata chiarendo a Tarchiani che si trattava «di negoziare uno scambio di prodotti non strategici per assicurare lavoro alle fabbriche italiane con materie prime russe» e che «l'obiettività verso Oriente avrebbe disarmato l'opposizione e permesso al Governo una maggiore cooperazione con l'Occidente»⁶¹.

In merito alla «intonazione politica dell'accordo commerciale», Brosio comunicò a Sforza che non era stato fatto alcun accenno, nelle trattative, tale da attribuire all'atto una portata politica più ampia di quella che discendeva direttamente dal suo contenuto: e cioè, da un lato, la liquidazione degli obblighi del trattato di pace, con la ripresa di relazioni normali in posizione di piena parità fra i due stati, dall'altro, l'inizio di rapporti economici reciprocamente convenienti⁶². Brosio, comunque, già prima della stipula aveva concordato con Zorin di non dare pubblicità agli accordi che stavano per essere firmati, dal momento che essi contenevano statuizioni non solo economiche, ma anche «politiche»⁶³.

L'accordo sulle riparazioni, tuttavia, rimase in sospenso e, nel giro di due anni, dei quattro trattati stipulati, non ne sarebbe rimasto in vigore nessuno. La non soluzione della questione delle riparazioni si trasformò ben presto in un «danno politico» per l'URSS; l'Ambasciatore sovietico venne ammonito a «prenderci seriamente cura della cosa»⁶⁴.

Sul fronte delle relazioni USA-URSS, il capitolo della cooperazione era ormai chiuso. Cominciavano i preparativi dell'accordo che avrebbe portato alla firma del Patto Atlantico il 4 aprile del 1949.

Nell'ottica sovietica si stava operando la violazione di quel sistema di sicurezza sancito dal trattato anglo-russo del 1942 e dalle deliberazioni di

61 A. Tarchiani, *Dieci anni tra Roma e Washington*, Mondadori, Milano 1955, pp. 150-151; P. Cacace, *La politica estera dell'Italia. Dallo Stato unitario ai giorni nostri*, op. cit., p. 298. Sul trattato commerciale cfr. anche R. Morozzo della Rocca, *Le relazioni italo-sovietiche nel 1948. La missione La Malfa*, in G. Rossini (a cura di), *De Gasperi e l'età del centrismo (1947-1953)*, Cinque Lune, Roma 1984, pp. 413-431.

62 Brosio a Sforza, Mosca, 17 dicembre 1948, in DDI, Serie XI (1948-1953), Vol. I (8 maggio - 31 dicembre 1948), Istituto Poligrafico e Zecca dello Stato, Roma 2005, doc. 751.

63 Diario di Zorin, incontro con Brosio del 9 dicembre 1948, in AVPRF, f. 021, op. 2, p. 1, d. 15, l. 87-89.

64 Risoluzione di Molotov sul progetto di telegramma a Kostylev in merito alla questione delle riparazioni, 30 aprile 1950, in RGASPI, f. 082, op. 2, d. 1227, l. 82.

Yalta e Potsdam tese al rafforzamento della collaborazione nell'ambito delle Nazioni Unite⁶⁵.

Dal punto di vista italiano, la NATO rappresentava il viatico all'ingresso nel Patto di Bruxelles senza ulteriori esposizioni nei confronti dell'opinione pubblica, che non appoggiava incondizionatamente il progetto di unione occidentale. Il Patto di Bruxelles assumeva, in tal modo, tutt'altra natura, venendo a costituire un vincolo essenzialmente politico fra i paesi europei garantiti dall'America⁶⁶.

L'11 marzo 1949 il Consiglio dei ministri si pronunciò in senso unanime per l'accessione in via di massima alla NATO.

Con l'ingresso nell'Alleanza veniva definitivamente cancellata l'oscura pagina del trattato di pace (pur restando aperte le piaghe di Trieste e delle colonie)⁶⁷: da quel momento in poi le relazioni fra l'Italia e gli alleati sarebbero state regolate soltanto dai principi del Patto Atlantico⁶⁸.

De Gasperi, nell'autunno del '51, ottenne una dichiarazione congiunta, sottoscritta dai governi di Stati Uniti, Francia e Gran Bretagna, in cui veniva ammessa la misura in cui l'Italia si trovasse ancora soggetta ad alcune «incapacità e restrizioni» non corrispondenti al suo *status* di «membro attivo ed eguale della comunità delle nazioni democratiche e pacifiche»⁶⁹. I tre governi confermavano, pertanto, la propria decisione di compiere uno sforzo per favorire l'ingresso dell'Italia all'ONU⁷⁰ (questione che ormai si trascinava da sette anni e che si sarebbe risolta solo nel 1955).

Nel dicembre dello stesso anno, il governo italiano inviava ai governi firmatari del trattato di pace una nota in cui si chiedeva la formalizzazione della revisione⁷¹.

La replica sovietica, il cui progetto era stato elaborato per Molotov dal primo vice Ministro degli Esteri Gromyko⁷², chiari inequivocabilmente che il

65 L'Ambasciata dell'Unione delle Repubbliche Socialiste Sovietiche al Ministero degli Esteri, Roma, 24 febbraio 1952, in DDI, XI, VI, doc. 392.

66 Lucioli a Zoppi, Washington, 14 gennaio 1949, in DDI, XI, II, doc. 7. Per le trattative cfr. *L'Italia e la nascita delle alleanze occidentali collettive postbelliche*, in «Nuova Antologia», vol. 482 (maggio-agosto 1961), pp. 311-342 e 439-468.

67 P. Cacace, *La politica estera dell'Italia. Dallo Stato unitario ai giorni nostri*, op. cit., p. 320.

68 Figarolo di Gropello a De Gasperi, Mosca, 26 gennaio 1952, in DDI, XI, VI, doc. 358.

69 Cfr. P. Cacace, *La politica estera dell'Italia. Dallo Stato unitario ai giorni nostri*, op. cit. p. 390.

70 *Ibidem*.

71 Nota Italiana sulla Revisione del trattato di Pace rimessa l'8 dicembre 1951 ai Governi dei Paesi Firmatari dei Trattati in DDI, XI, VI, doc. 258, Allegato.

72 Progetto di risposta alla nota del governo italiano dell'8 dicembre 1951, scritto da Gromyko per Molotov, in RGASPI, f. 82, op. 2, d. 1228, l. 7-8.

governo avrebbe accettato il principio della revisione solo se l'Italia fosse uscita dalla NATO, dal momento che l'ingresso nell'Alleanza Atlantica avrebbe avuto tutta una serie di implicazioni sulla decisione sovietica di accettare l'ingresso dell'Italia nell'Organizzazione delle Nazioni Unite⁷³.

In una nota dell'8 febbraio 1952, il governo italiano dichiarò che ogni ulteriore applicazione degli obblighi imposti dal trattato all'Italia nei confronti dell'URSS non avrebbe potuto che adeguarsi alla situazione determinatasi «a causa dell'attitudine del Governo sovietico» in merito all'ammissione dell'Italia all'ONU⁷⁴.

Nella risposta sovietica, tale «irresponsabile» dichiarazione venne considerata alla stregua di una nuova manifestazione dell'intenzione dell'Italia di sottrarsi agli impegni del trattato di pace⁷⁵. Il governo sovietico faceva notare che alla VI sessione dell'Assemblea generale dell'ONU, conclusasi proprio nel mese di febbraio, l'Unione Sovietica era tornata a proporre l'ammissione dell'Italia e di altri 13 paesi quali membri dell'Organizzazione delle Nazioni Unite. Il Comitato politico dell'Assemblea generale il 25 gennaio aveva già approvato la proposta con la maggioranza dei voti (avevano votato contro di essa la delegazione degli USA, mentre le delegazioni della Gran Bretagna e della Francia si erano astenute). Soltanto in seguito «alle brutali pressioni» esercitate dagli Stati Uniti sulle delegazioni degli altri paesi, la proposta sovietica non era stata approvata nella seduta plenaria dell'Assemblea generale.

Le discussioni relative all'ingresso dell'Italia nell'ONU risentivano evidentemente delle difficoltà di gestione della nuova *high policy* che la polarizzazione del quadro internazionale imponeva ai suoi maggiori attori. Per l'URSS era pericoloso che l'Italia vi facesse ingresso separatamente ed indipendentemente dagli ex satelliti orientali, perché in tal caso questi ultimi avrebbero atteso l'ammissione ancora parecchi anni. D'altra parte, benché invitati a considerare da un punto di vista più ampio l'interesse comune a un ingresso indipendente nell'ONU dell'Italia, i sovietici ritenevano che non vi fosse «nessuna speranza che un tale gesto verso l'Italia ne mutasse le direttive politiche»⁷⁶.

Il 13 marzo il Segretario generale Zoppi indirizzò un telegramma a Brosio e a Tarchiani. Il senso era il seguente: il rappresentante a Londra avrebbe potuto far sapere al Foreign Office che l'Italia si considerava svincolata dalle disposizioni del trattato di pace nei confronti dell'Unione Sovietica⁷⁷. Con

73 Figarolo di Gropello a De Gasperi, Mosca, 26 gennaio 1952, in DDI, XI, VI, doc. 358, citato.

74 Il Ministero degli Esteri all'Ambasciata dell'Unione delle Repubbliche Socialiste Sovietiche a Roma, Roma, 8 febbraio 1952, in DDI XI, VI, doc. 377.

75 L'Ambasciata dell'Unione delle Repubbliche Socialiste Sovietiche al Ministero degli Esteri, Roma, 24 febbraio 1952, in DDI, XI, VI, doc. 392, citato.

76 Brosio a Sforza, Mosca, 8 novembre 1948, in DDI, XI, I, doc. 603.

77 Zoppi a Brosio e a Tarchiani, Roma, 13 marzo 1952, in DDI, XI, VI, doc. 425.

riferimento particolare alle clausole economiche, il governo riteneva di aver saldato il conto riparazioni con l'ammontare dei beni italiani nei Balcani (la cui esatta valutazione costituiva ancora motivo di divergenze con l'URSS).

Il nuovo Ambasciatore a Mosca, Mario Di Stefano, presentò le credenziali al Ministro degli Esteri Višinskij il 24 maggio. In quell'occasione il rappresentante italiano fece notare che l'URSS, firmando il trattato di pace, si era impegnata ad appoggiare l'ingresso dell'Italia nell'ONU, e non l'ingresso dell'Italia insieme ad altri paesi. La tesi addotta da parte sovietica, quindi, doveva essere considerata non giuridica ma «di politica contingente»⁷⁸.

Ribadito il punto di vista sovietico («è la politica che crea diritto». «Vi sono molte altre clausole del trattato di pace che non sono osservate dal Governo italiano nei confronti dell'U.R.S.S.»), alla fine della conversazione il Ministro degli Esteri definì lo stato dei rapporti italo-sovietici non troppo «felice».

Lo scenario internazionale che faceva da sfondo alla tensione bipolare stava tuttavia cambiando. Nel gennaio del 1953 negli Stati Uniti si insediava l'amministrazione repubblicana di Eisenhower. Il 5 marzo moriva Stalin. Le elezioni italiane del 7 giugno segnavano il tramonto di De Gasperi.

78 Borga alle Ambasciate a Bonn, Londra, Parigi e Washington, Roma, 13 giugno 1952 in DDI, XI, VI, doc. 600.

Начало разрядки международной напряжённости и её последствия для советско-итальянских отношений

Перевод Анастасии Свотиной

У истоков новой внешней политики Италии

После окончания Второй мировой войны и падения двадцатилетнего фашистского режима новый итальянский политический класс был призван выработать иную линию в проведении внешней политики государства, принимая во внимание изменившийся международный контекст, определённый исходом военных событий. Полемика между отцами-основателями разных политических партий стала выражением глубоко осознаваемых идеальных устремлений и реалистичных оценок национальных интересов Италии и её задач на международной арене. И речь шла вовсе не о приспособленческих взглядах и позициях в защиту мира и международного сотрудничества. Война оставила глубокий след в жизни каждого, и все политические лидеры на личном опыте узнали, что такое изгнание, сражения на передовой и участие в движении Сопротивления. Они твёрдо верили в существование альтернативного сценария развития международных отношений (и частью этого процесса должна была стать Италия), а также были убеждены в том, что принцип многосторонности является наиболее подходящим инструментом для удовлетворения потребностей страны¹.

Казалось, что намерения итальянских руководителей осуществляются благодаря возможностям, появившимся в результате образования ООН, которая, как предполагали страны-основательницы, должна была регулировать сотрудничество между государствами и, в частности, взаимодействие между великими державами. В долгосрочной перспективе концепция международного сотрудничества в рамках многосторонних организаций стала одним из инно-

1 Tosi L. L'evoluzione di una politica: l'Italia e la sicurezza collettiva dalla Società delle Nazioni alle Nazioni Unite // Nazione, interdipendenza, integrazione. Le relazioni internazionali dell'Italia (1917–1989) / eds. Romero F. e Varsori A. Roma: Carocci, 2005. P. 240.

вационных аспектов внешней политики Италии². Кроме того, международное сотрудничество должно было способствовать укреплению коллективной безопасности, особенно в самые «жаркие» периоды холодной войны.

Однако в 1947 г. международная обстановка внезапно изменилась, и за короткий промежуток времени обострились противоречия холодной войны, что предопределило разделение мира на два слишком разных блока и всё более подталкивало Италию к западному лагерю. Знаменитая речь, произнесённая президентом Трумэном 12 марта, повлекла за собой глубокие изменения в сформировавшейся системе международных отношений и оказала очевидное влияние на развитие внутренней и внешней политики Италии. Фактически в течение всего нескольких месяцев единство мнений относительно основополагающих принципов итальянской внешней политики было разрушено из-за расхождений и расколов, вызванных тем, что отдельные партии заняли слишком разные позиции в рамках нового сценария международного развития. Таким образом, внешняя политика страны из общепризнанного фактора национального освобождения превратилась в повод для радикального противостояния³.

Путь, который привёл центристское правительство под руководством Де Гаспери, получившее широкую поддержку на выборах 1948 г.⁴, к присоединению и участию в плане Маршалла, а затем и в Североатлантическом альянсе, представлял собой окончательный выбор Рима в пользу западного блока. В целом этот период справедливо был определён как этап становления итальянской внутренней и внешней политики⁵.

Италия так же, как и другие страны Западной Европы, выработала свою особую форму договорных отношений с Соединёнными Штатами. Начиная с 1950-х гг. это стало ещё более очевидным в связи с формированием в среде христианско-демократических лидеров концепции так называемого неоатлантизма, то есть такого понимания итальянской политики, которое включало добросовестную приверженность принципам Североатлантического альянса, но учитывало при этом политические и торговые потребности своей страны

2 Giovagnoli A. Stato nazionale e cooperazione internazionale nella classe dirigente cattolica // L'Italia e le organizzazioni internazionali. Diplomazia multilaterale nel Novecento / ed. Tosi L. Padova: CEDAM, 1999. P. 159–180.

3 См.: Rossi M.G. Una democrazia a rischio: politica e conflitto sociale negli anni della guerra fredda // Storia dell'Italia repubblicana. Vol. I. La costruzione della democrazia. Dalla caduta del fascismo agli anni Cinquanta / eds. Barbagallo F. et al. Torino: Einaudi, 1994.

4 Mammarella G. L'Italia contemporanea. 1943–2007. Bologna: il Mulino, 2008. P. 127–133.

5 Formigoni G. Politica interna e politica internazionale nell'Italia del dopoguerra: appunti per una storia politica e sociale della guerra fredda // Politica ed economia nelle relazioni internazionali dell'Italia del secondo dopoguerra. Studi in ricordo di Sergio Angelini / ed. Tosi L. Roma: Studium, 2002. P. 24–36.

и не исключало возможностей собственных действий на международной арене⁶. Неоатлантическая политика влекла за собой перспективу многосторонних международных отношений, при которых судьбы планеты должны были решаться не только в Москве или Вашингтоне. Свою лепту могли внести и другие центры, имеющие право принимать решения, среди них и Италия.

Именно этот политический подход лёг в основу всех наиболее значимых решений, принятых итальянской дипломатией в послевоенный период. Особое место занимала открытость по отношению к Советскому Союзу и восточному блоку. Такой подход, хотя и был вызван объективной необходимостью и подчинён требованиям внутренней политики страны, породил новое политическое видение, в соответствии с которым Италия могла стать своего рода мостом между Востоком и Западом⁷.

НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ, ОТКРЫВШИЕСЯ В РЕЗУЛЬТАТЕ РАЗРЯДКИ МИРОВОЙ НАПРЯЖЁННОСТИ

После смерти Сталина началась «фаза большей изменчивости в международных отношениях»⁸, которая была обусловлена прежде всего тем, что советское руководство приступило к проведению новой внешней политики⁹. Несмотря на то что среди лидеров КПСС ещё находились сторонники революционно-имперской парадигмы сталинского толка, качественный скачок, который совершили атомные арсеналы СССР и США между 1953 и 1954 гг., убедил советское правительство в необходимости выработать новые позиции более гибкой внешней политики. Действительно, сценарии развития событий, открывавшиеся в результате возможности применения подобного вооружения, лишали оснований теорию о неизбежности третьей мировой войны, в рамках которой действовала советская дипломатия в годы правления Сталина¹⁰. Достижение стратегического паритета позволило Советскому Союзу насто-

6 О политике неоатлантизма см. также: *Romano S. Guida alla politica estera italiana*. Milano: Rizzoli, 2002; *Un ponte sull'Atlantico: l'alleanza occidentale 1949–1999* / eds. Giovagnoli A., Tosi L. Milano: Guerini, 2003; *Martelli E. L'altro atlantismo. Fanfani e la politica estera italiana (1958–1963)*. Milano: Guerini e associati, 2008; *Salacone A. La diplomazia del dialogo. Italia e URSS tra distensione e coesistenza pacifica*. Roma: Viella, 2017.

7 *Varsori A. L'Italia nelle relazioni internazionali dal 1943 al 1992*. Roma; Bari: Laterza, 1998. P. 118–199.

8 *Romero F. Storia della guerra fredda. L'ultimo conflitto per l'Europa*. Torino: Einaudi, 2009. P. 103.

9 *Zubok V.M. A Failed Empire. The Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2007. P. 94–122.

10 См.: *Roccucci A. Coesistenza pacifica tra disuguali. Italia e Unione Sovietica dalla morte di Stalin alla visita di Gronchi a Mosca // L'Italia vista dal Cremlino. Gli anni della distensione negli archivi del Comitato centrale del PCUS. 1953–1970* / eds. Bettanin F., Prozumensikov M., Roccucci A., Salacone A. Roma: Viella, 2015.

ять на своём понимании принципа мирного сосуществования и продвигать его на равных со своим главным противником в холодной войне. Несмотря на то что взаимодействие США и СССР продолжало выполнять функцию несущего каркаса международных отношений, множественность центров силы и геополитических акторов делала общую картину более насыщенной и многосложной. Именно эта потребность двух сверхдержав в союзниках для ведения борьбы за мировое господство позволяла второстепенным участникам bipolarного конфликта играть заметную роль в процессе переговоров¹¹.

Концепция мирного сосуществования оказалась мощным риторическим оружием, способным предоставить пространство для манёвра при осуществлении Москвой пропагандистской и дипломатической деятельности. Кроме того, она содержала такую аргументацию и оказывала такое влияние, которые могли произвести впечатление на значительные группы, — и не только на те, что были связаны с коммунистическим движением, — формировавшие общественное мнение и настроения на Западе.

Несомненно, принципы мирного сосуществования благоприятствовали разрядке напряжённости между двумя блоками. И внимание к Италии, находившейся на границе между Западом и социалистическим лагерем, было составной частью этого политического видения. Так, для восстановления отношений с Римом Москва уже нескольких лет не обращалась к политике остракизма в отношении Италии и не чинила препятствий её вступлению в международные организации¹². Кроме того, начиная с середины 1950-х гг. СССР перешёл к политике налаживания личных контактов. Это направление политики находилось непосредственно в ведении Н.С. Хрущёва и других высокопоставленных советских лидеров, таких как А.А. Громыко и А.Н. Косыгин. Некоторые представители Христианско-демократической партии, главные приверженцы идей неоатлантизма, в частности, президент Республики Джованни Гронки, секретарь партии Аминторе Фанфани и президент компании «Эни» Энрико Маттеи, были с точки зрения Москвы особо интересными участниками для диалога. Такие отношения с Кремлём позволили итальянским лидерам (когда оба лагеря считали их заслуживающими доверия) принимать полноправное участие в процессах разрядки мировой напряжённости и в международном сотрудничестве¹³.

11 См.: *Harper J.L. The Cold War*. Oxford; New York: Oxford Histories, 2011.

12 *Bettanin F. Le relazioni fra Italia e Urss nella prima fase della distensione // Mondo Contemporaneo*. 2009. № 2. P. 113–154.

13 См. также: *Galante S. Alla ricerca della potenza perduta: la politica internazionale della DC e del PCI negli anni '50 // L'Italia e la politica di potenza in Europa. 1950–1960* / eds. Di Nolfo E., Rainero R.H., Vigezzi B. Milano: Marzorati, 1992. P. 181–190; *Manuale di politica estera italiana. 1947–1993* / ed. Ferraris L.V. Roma; Bari: Laterza, 1996. P. 103–110; *Nuti L. Gli Stati Uniti e l'apertura a sinistra. Importanza e limiti della presenza americana in Italia*. Roma; Bari: Laterza, 1999; *Bagnato B. Prove di Ostpolitik. Politica ed economia nella strategia italiana verso l'Unione Sovietica 1958–1963*. Firenze: Leo S. Olschki editore, 2003; *Martelli E. Op. cit.*

НАЧАЛО НОВЫХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ МОСКВОЙ И РИМОМ

События и вопросы итальянской политики были объектом тщательного анализа со стороны советской дипломатии ещё со времени окончания Второй мировой войны. Действительно, в Кремле с чрезвычайным интересом следили за этапом становления итальянской внешней политики. К тому же Хрущёв, с момента его прихода к руководству КПСС, искал среди западных партнёров тех, кто был «наделён здравым смыслом и не имел идеологических предрассудков в отношении СССР»¹⁴. Именно эти качества советский лидер находил у некоторых итальянских политических деятелей.

Несмотря на то что отношения между Москвой и Римом не являлись приоритетным направлением кремлёвской дипломатии, в 1955 г. Советское правительство предприняло первые шаги по улучшению контактов с Римом. Это произошло спустя десятилетие, в тот период, когда взаимоотношения между двумя странами переживали стагнацию в связи с отсутствием решения вопросов, возникших после завершения Второй мировой войны. Эти вопросы касались в первую очередь военнопленных и репараций. Дело в том, что в тот год министр иностранных дел Италии Гаэтано Мартино сделал публичное заявление о намерении Италии ослабить напряжённость в отношениях со странами Восточной Европы и содействовать созданию такой системы коллективной безопасности, которая позволила бы сосуществовать странам с различными политическими системами¹⁵. Кроме того, в том же году президентом Республики был избран Джованни Гронки, один из главных сторонников неоатлантизма, который внёс свой вклад в развитие большей гибкости в итальянской внешней политике.

Тридцатого июля 1955 г. Президиум ЦК КПСС утвердил инструкции советскому послу в Италии А.Е. Богомолу, в которых дипломату были даны предписания нанести визит новому президенту Республики Дж. Гронки и сообщить, что «Советское правительство, исходя из интересов разрядки международной напряжённости и укрепления мира, придаёт большое значение улучшению итало-советских отношений»¹⁶. Кроме того, посла просили о расширении круга контактов посольства и включении в него также левого крыла христианских демократов, предпринимателей, представителей социал-демократической и либеральной партий, которые

14 Zubok V., Pleshakov C. Inside the Kremlin's Cold War: from Stalin to Khrushchev. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996. P. 185.

15 Хормач И.А. СССР — Италия и блоковое противостояние в Европе. Вторая половина 40-х — первая половина 60-х гг.: в 2 т. М.: ИРИ РАН, 2005. Т. 2. С. 428.

16 Проект указаний ЦК КПСС послу СССР в Италии А.Е. Богомолу для переговоров с президентом Италии Д. Гронки. Приложение к пункту IX прот. № 137 // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 274. Л. 79–80.

до того момента не входили в сферу внимания дипломатического представительства¹⁷.

Поначалу итальянское правительство сопротивлялось «дипломатическому наступлению» Кремля, которое имело целью распространить в том числе и на Италию проводимую им в отношении других стран Западной Европы линию разрядки напряжённости. В то же время Италия сумела воспользоваться готовностью Советского Союза идти на уступки, чтобы получить ряд важных преимуществ, таких как вступление в ООН, частичное решение проблемы военнопленных и пропавших без вести, участие в переговорах по разоружению. Однако в дальнейшем итальянское руководство изменило свою позицию ещё и потому, что невозможно было не принимать в расчёт новый климат, установившийся в отношениях между западными державами и СССР, а также коммерческую выгоду, которую повлекла бы за собой определённая открытость по отношению к странам восточного блока.

В 1955 и 1956 гг. дипломатические контакты между двумя столицами стали более регулярными, и начались официальные переговоры с целью урегулировать остававшиеся открытыми вопросы двусторонних отношений, а также запуск новой фазы во всех сферах взаимодействия: политической, культурной, торговой. Эта тенденция ускорилась в результате влияния на развитие итальянской политики XX Съезда КПСС и венгерского кризиса. Как известно, события в Будапеште взбудоражили и нарушили баланс левых сил в Италии. После того как П. Тольятти и лидеры ИКП поддержали действия СССР¹⁸, в Итальянской социалистической партии, которой руководил Пьетро Ненни, начался новый этап развития, что привело к завершению её сотрудничества с ИКП, а в течение нескольких лет и к вхождению социалистической партии в состав правительства в рамках левоцентристской формулы. Учитывая новые реалии, в Кремле убедились в необходимости активизировать отношения с правящими партиями с того самого момента, как ИКП оказалась надолго отстранена от участия в управлении страной.

Важный сигнал Москве был дан в 1957 г., когда Италия согласилась начать переговоры о заключении долгосрочного торгового соглашения с Советским Союзом, имевшего важные политические последствия. Советская дипломатия придавала большое значение этому обстоятельству, поскольку Италия не только стала первой капиталистической страной, предложившей Кремлю сотрудничество такого масштаба, но и потому, что это соглашение предусматривало существенный рост торгового обмена в течение последующих пяти лет¹⁹.

17 Хормач И.А. СССР — Италия и блоковое противостояние в Европе. Т. 2. С. 427–437.

18 Zaslavsky V. Lo stalinismo e la sinistra italiana. Dal mito dell'URSS alla fine del comunismo 1945–1991. Milano: Mondadori, 2004. P. 185–203.

19 Хормач И.А. СССР — Италия и блоковое противостояние в Европе. Т. 2. С. 547–548.

ВЫБОРЫ 1958 ГОДА И ВИЗИТ ДЖОВАННИ ГРОНКИ В МОСКВУ

На прошедших в 1958 г. парламентских выборах выявилось значительное смещение электоральных предпочтений в сторону центра²⁰. На лидирующие позиции вышло левое крыло Христианско-демократической партии, руководимое Аминторе Фанфани, который стал председателем Совета министров и по совместительству министром иностранных дел в новом правительстве.

Фанфани стремился развивать сотрудничество с союзниками с целью достижения более тесного единства западных стран на новом этапе холодной войны. Действительно, в тот момент уже стало ясно, что для того чтобы разрушить Советский Союз, недостаточно было противостоять ему только военным путём: необходимо проводить тонкую и умную работу по «изматыванию изнутри» советской власти, чтобы ослабить её и утвердить превосходство западной системы. Такого рода антикоммунизм позитивного, а не разрушительного толка придавал особый динамизм действиям Италии на международной арене и характеризовал новый виток отношений между Римом и Москвой.

Внешняя политика была ключевым звеном в стратегии нового правительства и осуществлялась посредством установления активных международных контактов. В итальянской историографии говорится о дипломатическом повороте, совершённом Фанфани для достижения собственных целей. Одной из приоритетных задач являлось улучшение отношений с Советским Союзом и укрепление роли Италии в качестве моста между Востоком и Западом²¹.

Важным кадровым решением итальянской дипломатии стало назначение Луки Пьетромарки послом в Москве вместо Марио Ди Стефано²². Пьетромарки был твёрдым сторонником улучшения отношений с Советским Союзом, поскольку понимал, что влияние Италии на международной арене зависело и от того кредита доверия, который его страна могла получить от СССР в рамках различных международных организаций. Кроме того, Пьетромарки, как и Фанфани, осознавал уникальность исторического момента, которым Рим должен был воспользоваться, чтобы увидеть воплощение концепции многосторонности своей внешней политики. Совет-

20 Pombeni P. I partiti e la politica dal 1948 al 1963 // Storia d'Italia. Volume V. La Repubblica. Roma; Bari: Laterza, 2004. P. 200.

21 Grassi Orsini F. La "svolta diplomatica" del secondo governo Fanfani // Atlantismo e europeismo / eds. Craveri P., Quagliariello G. Soveria Mannelli: Rubbettino, 2003. P. 331–361.

22 Подробнее о после Л. Пьетромарки см.: Bagnato B. Op. cit.; а также: I diari di Luca Pietromarchi, Ambasciatore italiano a Mosca (1958–1961) / ed. Bagnato B. Firenze: Leo S. Olschki, 2002.

ские руководители очень внимательно следили за этими изменениями и стремились к наращиванию экономических связей как главного движущего фактора двусторонних отношений. По мнению Советского Союза, улучшение отношений с Римом посредством укрепления товарообмена должно было способствовать стабилизации обстановки на Европейском континенте. Кроме того, Рим мог стать неопределимой опорой на западном рубеже в более широком контексте внешнеполитической деятельности СССР, и не в последнюю очередь благодаря близости итальянских руководителей к папе Иоанну XXIII. Позиция папы по вопросу о мире высоко оценивалась советскими аналитиками, а сам он рассматривался в Кремле как серьёзный участник мирового диалога²³.

Влияние, которого Италия смогла добиться в качестве связующего звена между Востоком и Западом, стало очевидным в феврале 1960 г., когда итальянский президент Гронки приехал в СССР. Визит, наделавший много шума из-за истории с произнесённым Хрущёвым в итальянском посольстве тостом²⁴, продемонстрировал положение, которое Италия занимала в системе отношений между блоками. ЦК КПСС высоко оценил эту встречу, имевшую большое значение как для двусторонних отношений, так и в контексте международной ситуации²⁵. В результате визита президента Италия смогла обеспечить себе кредит доверия Кремля, выступив в роли важного партнёра, с которым в последующие годы Москва будет поддерживать интенсивные контакты и консультироваться по всем основным международным вопросам. Речь шла о положительном примере разведывательной дипломатии Хрущёва,

23 По этой теме см.: Riccardi A. Il Vaticano e Mosca. Roma; Bari: Laterza, 1993; Roccucci A. Mosca e il papa della pace // Cristianesimo nella storia. 2004. № 25. P. 609–624; Barberini G. L'ostpolitik della Santa Sede. Un dialogo lungo e faticoso. Bologna: il Mulino, 2007.

24 Во время приёма в посольстве в честь советского руководства Хрущёв произнёс импровизированный тост, который был не предусмотрен протоколом и в котором он заявил, что в СССР до сих пор помнят итальянских солдат, пришедших на советскую землю с враждебными намерениями, а затем настойчиво приглашал Гронки вступить в Коммунистическую партию, принимая в расчёт успехи социализма. Этот эпизод, вызвавший громкий резонанс в Италии и некоторое время спустя использованный в качестве предлога для свержения правительства, приводится в многочисленных очерках. Среди прочих см.: Romano S. Op. cit. P. 114. В советских документах ничто не наводит на мысль, что неудачные заявления Хрущёва были подготовлены заранее. С большой долей вероятности причины этого поступка советского лидера нужно искать в его импульсивности и склонности к импровизации, свидетелями чего западные лидеры уже бывали в прошлом; см.: Salacone A. Op. cit. P. 99.

25 Секретное информационное письмо о визите президента Италии Гронки в Советский Союз (для социалистических стран и итальянских товарищей), не позднее 25 февраля 1960 г. // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14. Д. 366. Л. 62–70.

положившей начало целой эпохе регулярных встреч и личного общения с итальянскими лидерами²⁶.

Визит Гронки стал своего рода итогом реализации нового этапа итальянской внешней политики, начавшегося в середине 1950-х гг. и ставшего отправной точкой для осуществления новых ответственных задач. Достаточно сказать, что во время визита президента Италии в Москву было подписано первое советско-итальянское культурное соглашение²⁷, а в октябре был заключён исторический договор между компанией «Эни» и советской организацией «Союзнефтеэкспорт» о поставке сырой нефти в Италию, причём по более выгодной цене, чем предлагали западные компании. В Италии этот проект «Эни» воспринимался как своего рода приключение первооткрывателей, и начиная с 1960 г., следуя этому примеру, на разведку советского рынка устремилось значительное количество больших и малых итальянских компаний.

ТОРГОВЫЙ ОБМЕН

В исторических исследованиях было детально показано, что именно торговые связи сыграли решающую роль в выходе советско-итальянских отношений послевоенного периода из состояния застоя. В 1950-х гг. партии итальянского парламентского большинства больше других препятствовали развитию торгового обмена, поскольку были обеспокоены ростом советского влияния в Италии и его прямым воздействием на политическое равновесие в стране. Кроме того, многие опасались, что увеличение торгового оборота между странами могло вызвать отрицательную реакцию союзников Италии по НАТО. Тем не менее итальянские предприниматели внимательно следили за развитием международной обстановки и в конце 1950-х гг. увидели широкие возможности для развития торгового обмена в атмосфере разрядки напряжённости. Официальный поворот в экономических отношениях произошёл в декабре 1957 г., когда были подписаны важные долгосрочные торговые протоколы между правительствами двух стран, а за этим в 1958 г. последовал визит в СССР министра внешней торговли Дино Дель Бо, который стал первым представителем итальянского правительства, посетившим Москву после Второй мировой войны²⁸.

26 См.: *Roccucci A. Coesistenza pacifica tra disuguali...*

27 О культурном соглашении см.: *Salacone A. A Cinquant'anni dall'accordo culturale tra Italia e URSS // Ulica Shevchenko 25 korpus 2 / eds. Benigni V., Salacone A. Roma: Caissa, 2011.*

28 Визит Дель Бо в СССР также позволил принять решение по вопросу о военнопленных, который оставался всё ещё не решённым и препятствовал торгово-политическим переговорам в предыдущие годы.

Расширение торгового оборота с Советским Союзом, учитывая размах его территорий и повышенный спрос населения на товары широкого потребления, предоставляло огромные возможности для итальянских предпринимателей. Торговля с СССР казалась наиболее логичным выходом для итальянской экономики, которая именно в 1960-е гг. интенсивно развивалась и, следовательно, нуждалась как в новых рынках для сбыта продукции, так и в источниках сырья.

С 1960 по 1963 г. экспорт из СССР в Италию увеличился с 92 до 127 млн рублей, а из Италии в СССР — с 81 до 121 млн рублей²⁹. При этом советские поставки энергоресурсов в значительной мере удовлетворяли жизненно важные потребности Апеннинского полуострова. Первое место в импорте страны всегда занимали нефть и нефтепродукты, за которыми следовали чёрные металлы, древесина и уголь. А в структуре советского импорта с годами всё большее место и значение занимал сектор приборов и оборудования. С 1962 по 1963 г. доля импорта итальянского оборудования выросла с 33,8 до 59,1 % от общего объёма³⁰.

Торговое сотрудничество с Италией было крайне выгодным и для Кремля, так как именно из Италии СССР мог импортировать современные технологии, в которых испытывал недостаток. В 1962 г. в отчёте о посещении итальянских предприятий Косыгин писал: «В настоящее время Италия является страной с высоким промышленным потенциалом и занимает одно из первых мест в мире по уровню технического развития в большинстве отраслей производства. <...> Мы считаем необходимым отметить, что будущий рост торговых отношений с Италией станет для нас хорошей возможностью для развития научно-технических контактов и получения научно-технической информации. <...> В настоящее время в итальянской индустрии существует ряд промышленных товаров, которые у нас ещё не достигли необходимого уровня развития, и в связи с этим их изучение и приобретение представляют большой интерес для нашей промышленности»³¹.

Таким образом, именно в эти годы установились прочные экономические связи между двумя странами, чему способствовала относительная лёгкость, с которой Италия одобрила предоставление долгосрочных кредитов СССР. В 1963 г. Рим впервые согласился на подписание договора о долгосрочном экономическом сотрудничестве, который был рассчитан на семь лет и который советская дипломатия рассматривала как исто-

29 Политический отчёт посольства СССР в Италии за 1963 г., строго секретно, 19 февраля 1964 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 50. Д. 468. Л. 1–192.

30 Там же.

31 Секретный отчёт № 26281 о пребывании в Италии, составленный А.Н. Косыгиным, В.С. Федоровым и Н.И. Строкиным для ЦК КПСС // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 117. Л. 49, 51.

рически значимое достижение, учитывая его последствия для развития двусторонних отношений³².

В ряду торговых операций, начатых и осуществлённых за десятилетие с 1958 по 1968 г., стоит выделить три наиболее весомые: соглашение с «Эни» об импорте нефти из СССР, подписанное в 1960 г. и продлённое в последующие годы; договор 1966 г. с компанией «Фиат» о производстве автомобилей в г. Тольятти; прокладка газопровода «Эни» для поставок в Италию метана из советских месторождений. Переговоры по его строительству начались в середине 1960-х гг. и завершились в 1969 г. Наряду с этими соглашениями были заключены многочисленные торговые договоры с важнейшими итальянскими предприятиями, среди которых «Монтекатини», «Пирелли», «Сниа-Вискоза», «Оливетти», «Шатильон».

Особую роль в развитии двусторонних контактов сыграли отношения, установившиеся между Кремлём и компанией «Эни». С конца 1950-х гг. «Эни» под руководством Э. Маттеи удалось создать комплексную систему по переработке нефтепродуктов, самую передовую в мире с технологической точки зрения. Единственное, в чём нуждалась итальянская государственная компания, были регулярные поставки сырой нефти, и эту потребность мог удовлетворить СССР. Успехи «Эни» стали возможны благодаря репутации, которую итальянская компания сумела заслужить в СССР. В министерстве внешней торговли Советского Союза оценка её деятельности была однозначно высокой, и поэтому «Союзнефтеэкспорт» (всесоюзное объединение по экспорту и импорту нефти и нефтепродуктов) взял на себя обязательство не продавать сырую нефть другим покупателям в Италии в период с 1961 по 1966 г.³³ После трагической смерти Э. Маттеи 27 октября 1962 г. поначалу казалось, что Советский Союз лишился одного из главных сторонников сближения Италии и СССР. Но заверения со стороны нового руководства «Эни» и различные протоколы о намерениях, предшествовавшие заключению контракта на поставку газа в 1969 г., подтвердили, что итальянская нефтяная компания не отойдёт от заложенных Маттеи принципов, пусть и несколько пересмотрев их. По-прежнему основными приоритетами компании оставались стремление к инновационному развитию и свободная от предрассудков предприимчивость.

Деятельность «Эни» в СССР была бы невозможна без политической поддержки со стороны руководства Христианско-демократической партии и без посреднической помощи ИКП. В 1960 г., после того как «Эни» подписала договор о поставке с 1960 по 1965 г. в Италию 12 млн тонн советской сырой нефти, стало очевидно, что итальянское правительство полностью

32 Политический отчёт посольства СССР в Италии за 1963 год, строго секретно, 19 февраля 1964 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 50. Д. 468. Л. 1–192.

33 Письмо председателя «Союзнефтеэкспорт» в компанию «Эни», 20 апреля 1960 г. // Archivio Storico ENI (далее — ASENI). Coll. H. IV. 3. Udc 30. Nua 6AD.

поддерживает и твёрдо защищает данную инициативу. В ответ на реакцию многих стран западного блока, которые обвинили компанию в том, что она не рассчитала политические последствия своих действий, Фанфани написал секретарю НАТО: «Правительство не может согласиться с тем, что в рамках НАТО происходит обсуждение торговли между Востоком и Западом исключительно в отношении одного продукта, даже такого, как нефть. <...> Итальянскому правительству и итальянскому общественному мнению известно, что отдельные страны НАТО свободно вели торговлю с Востоком, в том числе в таких отраслях (нефтетанкеры), от участия в которых Италия воздерживалась вплоть до и на протяжении всего 1960 г. В отношении спорного вопроса о нефти <...> уже сейчас Италия заявляет о скромных объёмах своих приобретений <...> и, наконец, напоминает, что обратилась к использованию советской нефти не потому, что она советская, но лишь потому, что продаётся по более низкой цене. <...> Частная проблема, касающаяся нефти, должна быть рассмотрена во всех её аспектах <...> таким образом, чтобы действительно нельзя было воспользоваться случаем для ослабления итальянской экономики и усиления экономики других стран под предлогом нанесения ущерба советской экономике»³⁴.

НОВЫЙ ЭТАП В СОВЕТСКО-ИТАЛЬЯНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Новые перспективы, открывшиеся в результате разрядки напряжённости в период между серединой 1950-х гг. и началом 1960-х гг., запустили процессы, повлёкшие за собой далеко идущие последствия в международных отношениях. Эти изменения настолько сильно отразились на советско-итальянских отношениях, что в определённые моменты возросшие между странами контакты становились причиной серьёзной озабоченности атлантических партнёров.

Взаимоотношения между Римом и Москвой ощущали на себе влияние политических, экономических и социальных изменений в обеих странах. В Италии эти годы совпали с появлением в политическом спектре страны левоцентризма, который подразумевал более широкое видение представителями разных партий вопросов внешней политики и, в частности, новые подходы к политике, проводимой в отношении Кремля. В СССР конец 1950-х гг. ознаменовал период восторженного оптимизма, когда построение коммунистического рая на земле казалось как никогда близким. Этому настроению способствовали преимущества, возникшие в результате международной разрядки и новых отношений, которые Советский Союз сумел выстроить со странами западного блока³⁵.

34 Записка Фанфани Генеральному секретарю НАТО 20 октября 1961 г. // ASENI. Coll. AZ. I. 1. Udc 002. Nua 7DA.

35 Zubok V.M. Op. cit. P. 177–183.

После того как президент Республики Гронки посетил СССР в феврале 1960 г., начался новый этап политических контактов на высшем уровне. В 1960-е гг. один за другим следовали важные визиты в СССР Аминторе Фанфани (1961 и 1967 гг.³⁶), министров внешней торговли Луиджи Прети (1962 г.) и Бернардо Маттарелла (1964 г.). В свою очередь, Италию посещали первый заместитель председателя Совета министров СССР А.Н. Косыгин (1962 и 1964 гг.), министр иностранных дел А.А. Громыко (1966 г.), председатель Президиума Верховного Совета СССР Н.В. Подгорный (1967 г.).

Ключевую роль в этот период сыграл Аминторе Фанфани, виднейший деятель Христианской демократии, в качестве председателя Совета министров и министра иностранных дел³⁷. И даже когда руководство в кругах левоцентристской коалиции перешло к А. Моро, Фанфани всё так же оставался привилегированным участником в налаживании контактов с СССР³⁸. По многим международным вопросам ему удалось найти точки соприкосновения и взаимопонимания с Хрущёвым, а после отстранения от власти последнего в 1964 г. и с новым советским руководством. Во время Берлинского кризиса 1961 г. советская дипломатия даже заявила, что позиции Фанфани «не только были близки, но и совпадали с позициями Хрущёва»³⁹, создав ему немало проблем в западных кабинетах власти.

Таким образом, сближение Москвы и Рима происходило сразу по нескольким направлениям, несмотря на то что они представляли два противостоящих блока. В Москве, например, высоко оценили тот факт, что в ходе крупнейших кризисов биполярной системы (Берлинский и Карибский, война во Вьетнаме) и во время проведения переговоров по разоружению итальянское правительство заняло самостоятельную позицию, которая была не бледным, некритическим отражением точки зрения США, а призывом к поиску диалога и мирного разрешения спорных вопросов.

В целом период разрядки с 1955 по 1965 г. стал решающим для развития отношений между Римом и Москвой. В течение нескольких лет

36 В 1961 г. — в качестве председателя Совета министров, в 1967 г. — в должности министра иностранных дел.

37 Фанфани занимал пост председателя Совета министров в двух разных правительствах с 26 июля 1960 г. по 21 июня 1963 г. Кроме того, он был министром иностранных дел с 7 по 29 мая 1962 г. в правительстве, которое он сам возглавлял, с 5 марта по 30 декабря 1965 г. в правительстве А. Моро и с 23 февраля 1966 г. по 24 июня 1968 г. в третьем правительстве А. Моро.

38 *Salacone A. Le relazioni italo-sovietiche negli anni dell'avvio del centro-sinistra e dei primi tre governi Moro nelle carte della diplomazia sovietica // Una vita, un paese: Aldo Moro e l'Italia del Novecento / eds. Moro R., Mezzana D. Soveria Mannelli: Rubbettino, 2014. P. 445.*

39 Секретный проект указаний советскому послу в Италии тов. С.П. Козыреву для переговоров с Фанфани, приложение к резолюции 341 XXIV Президиума ЦК КПСС, 16 августа 1961 г. // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 955. Л. 22–23.

были заложены основы советско-итальянского сотрудничества на десятилетия вперёд, и до сих пор обе столицы в выстраивании взаимоотношений пользуются плодами тех успехов. Амбициозная левоцентристская политика, а также новаторский подход в понимании внешней политики со стороны дальновидных политических деятелей позволили Италии сыграть заметную роль на международной арене и внести свой значимый вклад в отношения Востока и Запада.

Двусторонние контакты развивались во многих сферах деятельности — от экономического сотрудничества до политических консультаций, от культурных обменов до научно-технического сотрудничества. И многие цели, поставленные в программах, которые согласовали между собой две страны, были достигнуты.

В 1969 г., комментируя результаты советско-итальянских отношений на исходе десятилетия, посол СССР в Риме писал: «В последние годы советско-итальянские отношения прошли показательный путь развития во всех сферах. <...> Нам кажется, что развитие советско-итальянских отношений могло бы стать одним из важных факторов стабилизации ситуации в Европе, кроме того, оно могло бы послужить стимулом к развитию отношений СССР с другими западноевропейскими странами и ослабить позиции тех сил в Европе, которые желают ухудшения отношений с СССР, укрепления НАТО и обострения ситуации в Европе»⁴⁰.

Данный анализ подтверждает важность, которую дипломатия Кремля придавала отношениям с Римом, и показывает, что в определённом смысле в 1960-е гг. отношения с Италией были образцом возможного плодотворного сотрудничества между советской властью и отдельно взятой западной страной. Даже представляя два противоположных блока, обе страны продемонстрировали политическую мудрость и понимание, чтобы сначала найти общие интересы и проекты, а затем неуклонно добиваться их осуществления.

40 Политическое письмо посольства СССР в Италии министру иностранных дел СССР А.А. Громыко по «Некоторым вопросам о ходе развития советско-итальянских отношений», не позднее 14 августа 1969 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 585. Л. 155–166.

L'avvio della distensione e le conseguenze nelle relazioni italo-sovietiche

ALLE ORIGINI DELLA NUOVA POLITICA ESTERA ITALIANA

Alla fine del secondo conflitto mondiale, dopo il ventennio fascista, la nuova classe politica italiana fu chiamata a elaborare le nuove linee della politica estera della penisola, nella nuova cornice che l'esito delle vicende belliche aveva delineato. Il dibattito tra i padri costituenti dei vari partiti era stato l'espressione di ispirazioni ideali profondamente sentite e di realistiche valutazioni degli interessi nazionali e internazionali del Paese. Non si trattava di posizioni di circostanza sulla pace e la collaborazione internazionale. La guerra aveva lasciato tracce profonde, e tutti i leader politici avevano conosciuto personalmente l'esilio, il fronte, la Resistenza. Essi credevano fermamente in un progetto alternativo di relazioni internazionali, di cui l'Italia doveva essere partecipe, ed erano altresì convinti che il multilateralismo fosse lo strumento più adatto a soddisfare le esigenze del Paese¹.

Le ambizioni della leadership italiana sembrarono trovare una conferma con le speranze suscitate dalla nascita dell'ONU, che nelle intenzioni dei Paesi fondatori avrebbe regolamentato la collaborazione tra gli Stati, in particolare quella tra le grandi potenze. Il tema della cooperazione internazionale all'interno delle istituzioni multilaterali sarebbe diventato in una prospettiva di lungo periodo uno degli aspetti innovativi della politica estera italiana². La cooperazione internazionale, inoltre, avrebbe favorito la sicurezza collettiva soprattutto negli anni più caldi della guerra fredda.

La situazione internazionale, però, mutò repentinamente nel 1947, e in breve tempo la guerra fredda si acutizzò, determinando la separazione del mondo in due blocchi ben distinti e spingendo sempre di più l'Italia verso quello occidentale. Il noto discorso del 12 marzo del Presidente Truman portò con sé un

1 Cfr. L. Tosi, *L'evoluzione di una politica: l'Italia e la sicurezza collettiva dalla Società delle Nazioni alle Nazioni Unite*, in F. Romero e A. Varsori (a cura di), *Nazione, interdipendenza, integrazione. Le relazioni internazionali dell'Italia (1917-1989)*, Carocci, Roma 2005, p. 240.

2 Cfr. A. Giovagnoli, *Stato nazionale e cooperazione internazionale nella classe dirigente cattolica*, in L. Tosi (a cura di), *L'Italia e le organizzazioni internazionali. Diplomazia multilaterale nel Novecento*, CEDAM, Padova 1999, pp. 159-180.

profondo mutamento dell'intreccio delle relazioni internazionali, con evidenti ripercussioni nella politica interna e estera dell'Italia. Nel giro di pochi mesi, infatti, il clima di unità intorno ai principi fondamentali della politica estera italiana fu rotto dalle fratture generate dalle differenti posizioni che i singoli partiti avevano adottato nel nuovo scenario. La politica estera, da fattore condiviso di riscatto nazionale, divenne argomento di contrapposizione radicale³.

Il percorso che portò il governo centrista guidato da De Gasperi (e ampiamente legittimato dai risultati delle elezioni del 1948⁴) ad aderire al Piano Marshall e poi al Patto atlantico rappresentò la scelta definitiva di Roma a favore del blocco occidentale. Un periodo, insomma, che a ragione è stato definito come una "fase costituente" della politica interna ed estera italiana⁵.

Come gli altri paesi dell'Europa occidentale, però, anche l'Italia elaborò una sua particolare forma di relazione contrattuale con il potere americano. Dalla metà degli anni Cinquanta ciò fu ancora più evidente con la maturazione del cosiddetto "neatlantismo" nella leadership democristiana, cioè una visione della politica italiana che, pur aderendo fedelmente ai principi dell'alleanza atlantica tenesse conto altresì delle esigenze politiche e commerciali del Paese, senza escludere margini di azione propri nelle relazioni internazionali⁶. La politica neoatlantica implicava una prospettiva multilaterale delle relazioni internazionali, dove le sorti del pianeta non si sarebbero giocate solo a Mosca o Washington, ma avrebbero potuto godere del contributo di altri centri decisionali, tra i quali vi era l'Italia.

Tale politica fu alla base di tutte le più significative scelte della diplomazia italiana nel dopoguerra, tra le quali l'apertura all'Unione Sovietica e al blocco orientale, che sebbene funzionale e subordinata ad esigenze di politica interna, generò una nuova visione politica che aspirava a fare dell'Italia un ponte tra Est-Ovest⁷.

3 Cfr. M.G. Rossi, *Una democrazia a rischio: politica e conflitto sociale negli anni della guerra fredda*, in F. Barbagallo et al. (a cura di), *Storia dell'Italia repubblicana, vol. I, La costruzione della democrazia. Dalla caduta del fascismo agli anni Cinquanta*, Einaudi, Torino 1994.

4 Cfr. G. Mammarella, *L'Italia contemporanea. 1943-2007*, Il Mulino, Bologna 2008, pp. 127-133.

5 Cfr. G. Formigoni, *Politica interna e politica internazionale nell'Italia del dopoguerra: appunti per una storia politica e sociale della guerra fredda*, in L. Tosi (a cura di), *Politica ed economia nelle relazioni internazionali dell'Italia del secondo dopoguerra. Studi in ricordo di Sergio Angelini*, Studium, Roma 2002, pp. 24-36.

6 Sul neatlantismo si vedano, tra gli altri, S. Romano, *Guida alla politica estera italiana*, Rizzoli, Milano 2002; A. Giovagnoli - L. Tosi (a cura di), *Un ponte sull'Atlantico: l'alleanza occidentale 1949-1999*, Guerini e associati, Milano 2003; E. Martelli, *L'altro atlantismo. Fanfani e la politica estera italiana (1958-1963)*, Guerini e associati, Milano 2008; A. Salacone, *La diplomazia del dialogo. Italia e URSS tra distensione e coesistenza pacifica*, Viella, Roma 2017.

7 Cfr. A. Varsori, *L'Italia nelle relazioni internazionali dal 1943 al 1992*, Laterza, Roma-Bari 1998, pp. 118-199.

In seguito alla morte di Stalin ebbe inizio “una fase di maggiore fluidità nelle relazioni internazionali”⁸, dovuta in primo luogo alla nuova politica estera avviata dalla dirigenza sovietica⁹. Benché tra i leader del PCUS vi fossero ancora sostenitori del “paradigma rivoluzionario-imperiale” di derivazione staliniana, il salto di qualità che tra il 1953 e il 1954 compirono gli arsenali atomici di URSS e USA indusse la dirigenza sovietica a elaborare posizioni di politica estera più flessibile. Gli scenari aperti da tali armi, infatti, rendevano insostenibile la teoria della inevitabilità di una terza guerra mondiale, cui si era conformata la diplomazia sovietica negli anni di Stalin¹⁰. La parità strategica raggiunta permise all’Unione Sovietica di imporre una visione di coesistenza pacifica alla pari tra i due principali contendenti della guerra fredda e, benché le relazioni USA-URSS continuassero ad essere l’asse portante delle relazioni internazionali, una pluralità di centri di forza e di attori geopolitici contribuiva a rendere il quadro più mosso e articolato. Proprio il bisogno che le due superpotenze avevano degli alleati nella loro lotta per la supremazia offriva agli attori secondari dello scontro bipolare un potere di contrattazione notevole¹¹.

Il tema della coesistenza pacifica si rivelò una potente arma retorica in grado di aprire spazi di manovra nell’azione propagandistica e diplomatica di Mosca. Inoltre offriva argomentazioni e suggestioni in grado di far breccia in settori consistenti delle opinioni pubbliche occidentali, non solo di quelli legati al movimento comunista.

I principi della coesistenza pacifica favorirono senza dubbio il disgelo tra i blocchi. L’attenzione verso l’Italia, paese di frontiera tra Occidente e blocco sovietico, rientrò in tale visione. Per riannodare i rapporti con Roma Mosca aveva già abbandonato da vari anni la politica di ostracismo all’inserimento dell’Italia nelle organizzazioni internazionali¹², ma dalla metà degli anni ’50 passò a promuovere una politica di rapporti personali che fu curata direttamente da Chruščëv, nonché da altri alti dirigenti sovietici, quali Gromyko e Kosygin. Alcuni esponenti della Democrazia cristiana — i principali fautori del neatlantismo — in particolare il Presidente della Repubblica Giovanni

8 F. Romero, *Storia della guerra fredda. L’ultimo conflitto per l’Europa*, Einaudi, Torino 2009, p. 103.

9 Cfr. V.M. Zubok, *A Failed Empire. The Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev*, The University of North Carolina Press, Chapel Hill 2007, pp. 94–122.

10 Cfr. A. Roccucci, *Coesistenza pacifica tra disuguali. Italia e Unione Sovietica dalla morte di Stalin alla visita di Gronchi a Mosca*, in F. Bettanin, M. Prozumenšikov, A. Roccucci, A. Salacone, (a cura di), *L’Italia vista dal Cremlino. Gli anni della distensione negli archivi del Comitato centrale del PCUS. 1953–1970*, Viella, Roma 2015.

11 Cfr. J.L. Harper, *The Cold War*, Oxford Histories, Oxford-New York 2011.

12 Cfr. F. Bettanin, *Le relazioni fra Italia e Urss nella prima fase della distensione*, in «Mondo Contemporaneo», 2/2009, pp. 113–154.

Gronchi, il segretario della DC Amintore Fanfani e il presidente dell’ENI Enrico Mattei, furono identificati come interessanti interlocutori da Mosca. Tali rapporti con il Cremlino permisero alla leadership italiana di inserirsi a pieno titolo — “accreditati” da entrambi i blocchi — nei processi di distensione e di cooperazione internazionale¹³.

L’AVVIO DI NUOVE RELAZIONI TRA MOSCA E ROMA

Le vicende politiche italiane furono oggetto di attenta analisi da parte della diplomazia sovietica sin dalla fine della Seconda guerra mondiale. Il Cremlino, infatti, osservò il “periodo costituente” della politica estera italiana con estremo interesse. Chruščëv, del resto, sin dal suo arrivo al vertice del PCUS aveva cercato interlocutori occidentali «dotati di buon senso e senza pregiudizi ideologici contro l’URSS»¹⁴, trovando tali caratteristiche anche in alcuni leader italiani.

Nel 1955, benché le relazioni tra Mosca e Roma non costituissero una priorità per la diplomazia del Cremlino, il governo sovietico elaborò le prime iniziative per migliorare le relazioni con Roma dopo un periodo in cui i rapporti erano decisamente stagnanti a causa delle questioni irrisolte dalla Seconda guerra mondiale, soprattutto quelle relative ai prigionieri di guerra e alle riparazioni. In quell’anno, infatti, il Ministro degli Esteri italiano Martino aveva dichiarato pubblicamente che l’Italia era intenzionata ad allentare la tensione con i paesi dell’Europa orientale e a favorire la creazione di un sistema di sicurezza collettiva che permettesse la coesistenza tra paesi con sistemi diversi¹⁵. Inoltre, nello stesso anno, era stato eletto Presidente della Repubblica Giovanni Gronchi, uno dei principali fautori del neatlantismo, che aveva contribuito ad introdurre maggiore flessibilità nelle posizioni della politica estera italiana.

Il 30 luglio del 1955 il Presidium del CC del PCUS approvò delle istruzioni da impartire all’Ambasciatore sovietico in Italia A.E. Bogomolov, nelle quali si indicava al diplomatico di visitare il nuovo Presidente della Repubblica Gronchi e di comunicare che: «Il governo sovietico, nell’interesse della distensione internazionale e del consolidamento della pace, dava grande importanza

13 Si vedano, tra gli altri, S. Galante, *Alla ricerca della potenza perduta: la politica internazionale della DC e del PCI negli anni ’50*, in E. Di Nolfo, R.H. Rainero, B. Vigezzi (a cura di), *L’Italia e la politica di potenza in Europa. 1950–1960*, Marzorati, Milano 1992, pp. 181–190; L.V. Ferraris (a cura di), *Manuale di politica estera italiana. 1947–1993*, Laterza, Roma-Bari 1996, pp. 103–110; L. Nuti, *Gli Stati Uniti e l’apertura a sinistra. Importanza e limiti della presenza americana in Italia*, Laterza, Roma-Bari 1999; B. Bagnato, *Prove di Ostpolitik. Politica ed economia nella strategia italiana verso l’Unione Sovietica 1958–1963*, Leo S. Olschki editore, Firenze 2003; E. Martelli, *op. cit.*

14 V. Zubok, C. Pleshakov, *Inside the Kremlin’s Cold War: from Stalin to Gorbachev*, The University of North Carolina Press, Chapel Hill 2007, p. 185.

15 I.A. Chormač, *SSSR-Italia i blokovoje protivostojanie v Evrope* [URSS-Italia e la contrapposizione dei blocchi in Europa], 2 voll., IRI RAN, Moskva 2005, vol. 2, p. 428.

al miglioramento delle relazioni sovietico-italiane»¹⁶. Inoltre al diplomatico fu chiesto di allargare il giro dei contatti dell'Ambasciata anche agli ambienti della sinistra democristiana, ai circoli imprenditoriali, agli esponenti dei partiti social democratico e liberale, che fino a quel momento non erano rientrati nei circuiti della rappresentanza diplomatica¹⁷.

Il governo italiano in un primo momento fronteggiò l'“offensiva diplomatica” del Cremlino, che mirava a estendere anche all'Italia le aperture distensive riservate agli altri paesi dell'Europa occidentale, ma seppe allo stesso tempo approfittare della disponibilità sovietica per ottenere importanti vantaggi: l'ammissione all'ONU; una parziale soluzione del problema dei prigionieri e dei dispersi di guerra; il coinvolgimento nelle trattative sul disarmo. Successivamente, però, la leadership italiana modificò la propria posizione, anche perché non si poteva non tener conto del nuovo clima che le Potenze occidentali avevano instaurato nei loro rapporti con l'URSS nonché dei vantaggi commerciali che un'apertura ai Paesi dell'Est avrebbe comportato.

Tra il 1955 e il 1956 i contatti diplomatici tra le due capitali si intensificarono rispetto al passato e presero avvio i colloqui ufficiali per il superamento delle questioni bilaterali aperte e per l'avvio di una nuova stagione delle relazioni in tutti i campi, politico, culturale, commerciale. Gli eventi furono forzati anche dalle conseguenze che il XX Congresso del PCUS e la crisi ungherese ebbero sulla politica italiana. Come è noto, infatti, le vicende di Budapest “rimescolarono” gli equilibri delle forze di sinistra in Italia. Dopo che Togliatti e la dirigenza del PCI sostennero l'operato sovietico¹⁸, nel Partito socialista italiano, guidato da Pietro Nenni, si aprì una nuova fase che portò a chiudere la collaborazione con il PCI e che nel giro di pochi anni avrebbe portato all'ingresso del Partito socialista al governo, con la formula del centro-sinistra. Nel nuovo scenario il Cremlino si convinse che si dovessero intensificare i rapporti con i partiti governativi, dal momento che il PCI sarebbe rimasto escluso a lungo dal governo del Paese.

Un segnale importante a Mosca fu dato nel 1957, quando l'Italia accettò di avviare le trattative per un accordo commerciale a lungo termine con l'Unione Sovietica, con importanti risvolti politici. La diplomazia sovietica diede grande importanza a questa circostanza, poiché l'Italia non solo era stata il primo paese capitalista a proporre un accordo di tale portata al Cremlino, ma anche perché l'accordo avrebbe previsto una sensibile crescita degli scambi nel giro di cinque anni¹⁹.

16 Progetto di indicazioni del CC del PCUS all'Ambasciatore dell'URSS in Italia A.E. Bogomolov in vista del colloquio con il Presidente italiano G. Gronchi, allegato al punto IX del prot. N° 137, in *Archivio Statale Russo di Storia Contemporanea* (in seguito RGANI), f. 3, op. 8, d. 274, ll. 79-80.

17 Cfr. I.A. Chormač, *op.cit.*, pp. 427-437.

18 Cfr. V. Zaslavsky, *Lo stalinismo e la sinistra italiana. Dal mito dell'URSS alla fine del comunismo 1945-1991*, Mondadori, Milano 2004, pp. 185-203.

19 Cfr. I.A. Chormač, *op. cit.*, pp. 547-548.

LE ELEZIONI DEL 1958 E IL VIAGGIO DI GRONCHI A MOSCA

Con le elezioni politiche del 1958, che registrarono un consistente spostamento dei voti dell'elettorato verso il centro²⁰, si assistette anche all'avanzata della corrente di sinistra della Democrazia cristiana, guidata da Amintore Fanfani, che nel nuovo governo assunse la presidenza del Consiglio e l'*interim* agli Esteri.

Centrale nel pensiero di Fanfani fu la ricerca di una piena cooperazione tra gli alleati, con l'obiettivo di rendere più operativa ed efficace l'unità occidentale nella nuova fase della Guerra Fredda. Era ormai chiaro, infatti, che fronteggiare solo militarmente l'Unione Sovietica non sarebbe stato sufficiente a sconfiggerla: andava invece avviata un'opera capillare di “svuotamento dall'interno” della potenza sovietica, allo scopo di indebolirla e di affermare la superiorità del sistema occidentale. Questo anticomunismo dal carattere propositivo e non distruttivo, diede un peculiare dinamismo all'azione italiana in campo internazionale, e caratterizzò la nuova fase di relazioni tra Roma e Mosca.

La politica estera fu un punto centrale nelle strategie del nuovo governo e fu attuata attraverso la ricerca di un'attiva rete di relazioni internazionali. La storiografia italiana ha parlato di “svolta diplomatica” operata da Fanfani per raggiungere i suoi obiettivi, dove il miglioramento delle relazioni con l'Unione Sovietica e il rafforzamento del ruolo dell'Italia come ponte tra Est e Ovest erano tra i primi punti²¹.

Tra gli avvicendamenti diplomatici operati nei posti chiave vi fu la nomina dell'Ambasciatore Luca Pietromarchi a Mosca, al posto di Mario Di Stefano²². Pietromarchi era un fermo sostenitore del miglioramento dei rapporti con l'Unione Sovietica, anche perché gli era chiaro che il prestigio internazionale dell'Italia dipendeva anche dal credito che, nelle differenti organizzazioni internazionali, avrebbe ricevuto dall'Unione Sovietica. Inoltre Pietromarchi, come Fanfani, si rendeva conto dell'unicità del momento storico, che Roma avrebbe dovuto cogliere per vedere la sua visione multilaterale di politica estera applicata nelle relazioni internazionali.

La classe dirigente sovietica guardò con estrema attenzione a queste novità e puntò all'incremento dei rapporti economici come motore principale delle relazioni bilaterali. Secondo la visione sovietica, il miglioramento dei rapporti con Roma, grazie al consolidamento degli scambi economici, avreb-

20 Cfr. P. Pombeni, *I partiti e la politica dal 1948 al 1963*, in AA.VV., *Storia d'Italia*, vol. V, *La Repubblica*, Laterza, Roma-Bari 2004, p. 200.

21 F. Grassi Orsini, *La “svolta diplomatica” del secondo governo Fanfani*, in P. Craveri — G. Quagliariello, *Atlantismo e europeismo*, Rubbettino, Soveria Mannelli 2003, pp. 331-361.

22 Sull'Ambasciatore Pietromarchi si vedano B. Bagnato, *op. cit.*, e *I diari di Luca Pietromarchi, Ambasciatore italiano a Mosca (1958-1961)*, a cura di Bruna Bagnato, Leo S. Olschki, Firenze 2002.

be contribuito alla stabilizzazione della situazione nel continente europeo. Inoltre Roma avrebbe potuto essere una preziosa sponda occidentale nella più vasta azione mondiale dell'URSS, non ultimo per la vicinanza dei governanti italiani a Giovanni XXIII, la cui posizione sulla questione della pace era stata considerata dagli analisti sovietici una novità di grande significato e che era diventato un interlocutore interessante per il Cremlino²³.

Il credito che l'Italia riuscì ad ottenere come ponte nelle relazioni tra Est e Ovest fu evidente con il viaggio del Presidente italiano Gronchi in URSS nel febbraio del 1960. La visita, che fece molto rumore soprattutto per la vicenda del brindisi di Chruščëv all'Ambasciata d'Italia²⁴, mise in luce il ruolo che l'Italia si era ritagliata nel sistema delle relazioni tra blocchi. Il Comitato centrale del PCUS valutò significativamente la visita, importante sia per le relazioni bilaterali sia per i risvolti sulla situazione internazionale²⁵. L'Italia, con il viaggio, si riuscì ad accreditare al Cremlino come un partner importante, con il quale Mosca negli anni seguenti avrebbe intrattenuto frequenti rapporti e consultazioni su tutte le principali questioni internazionali. Si trattò di una pagina positiva della "diplomazia esplorativa" di Chruščëv, che diede avvio a una stagione di frequenti contatti personali con i leader italiani²⁶.

La visita di Gronchi fu un punto di arrivo della nuova stagione della politica estera italiana che si era aperta dalla metà degli anni Cinquanta e, allo stesso tempo, fu un punto di partenza per importanti nuovi traguardi. Basti pensare che durante la visita fu firmato il primo accordo culturale italo-sovietico²⁷ e, nel mese di ottobre, fu concluso lo storico accordo tra l'ENI e l'ente sovietico

23 Sul tema di vedano: A. Riccardi, *Il Vaticano e Mosca*, Laterza, Roma-Bari 1993; A. Roccucci, *Mosca e il papa della pace*, in «Cristianesimo nella storia», 25/2004, pp. 609–624; G. Barberini, *L'ostpolitik della Santa Sede. Un dialogo lungo e faticoso*, Il Mulino, Bologna 2007.

24 Durante il ricevimento in Ambasciata in onore delle autorità sovietiche Chruščëv improvvisò un brindisi fuori dal protocollo durante il quale dichiarò che in URSS ancora ci si ricordava dei soldati italiani giunti in terra sovietica come nemici e invitò insistentemente Gronchi ad iscriversi al Partito comunista visto i successi del socialismo. L'episodio del brindisi — che suscitò grande eco in Italia e fu usato come pretesto per far cadere il governo dopo poco tempo — è riportato in numerosi saggi. Tra gli altri, si veda S. Romano, *op. cit.*, p. 114. Dalla documentazione sovietica finora disponibile nulla induce a sospettare che le infelici dichiarazioni di Chruščëv fossero state preparate in anticipo. Con buona probabilità la genesi della mossa di Chruščëv era da ricercarsi nella sua estemporaneità, della quale i leader occidentali erano già stati testimoni, cfr. A. Salacone, *op. cit.*, p. 99.

25 Informativa segreta sulla visita del Presidente italiano Gronchi in Unione Sovietica (per i paesi socialisti e i compagni italiani), non successiva al 25 febbraio 1960, in RGANI, f. 3, op. 14, d. 366, ll. 62–70.

26 Cfr. A. Roccucci, *Coesistenza pacifica tra disuguali. Italia e Unione Sovietica dalla morte di Stalin alla visita di Gronchi a Mosca*, op. cit.

27 Sull'accordo culturale si veda: A. Salacone, *A Cinquant'anni dall'accordo culturale tra Italia e URSS*, in *Ulica Shevchenko 25 korpus 2*, a cura di V. Benigni, A. Salacone, Caissa, Roma 2011.

Sojuznefteexport per la fornitura di greggio all'Italia a un prezzo più vantaggioso di quello praticato dalle compagnie occidentali. L'avventura dell'ENI in Italia fece da apripista a una moltitudine di imprese, piccole e grandi, che dal 1960 si lanciarono all'esplorazione del mercato sovietico.

GLI SCAMBI COMMERCIALI

La storiografia ha dimostrato nel dettaglio come i rapporti commerciali siano stati determinanti per sbloccare le stagnanti relazioni italo-sovietiche nel dopoguerra. Nel corso degli anni Cinquanta erano stati i partiti della maggioranza parlamentare italiana a frapporre i maggiori ostacoli allo sviluppo degli scambi commerciali. Molte erano state infatti le preoccupazioni per un aumento dell'influenza sovietica in Italia, con una ripercussione diretta sugli equilibri politici del Paese, nonché per le reazioni in ambito atlantico che l'aumento degli scambi avrebbe potuto suscitare. Problemi che non si pose il mondo dell'imprenditoria italiana, che aveva seguito con attenzione gli sviluppi della situazione internazionale e, alla fine degli anni Cinquanta, intravide ampi margini di azione per allargare gli scambi nel clima di distensione. La svolta ufficiale delle relazioni economiche si ebbe con la firma nel dicembre 1957 di importanti protocolli commerciali a lungo termine tra i due governi, seguita nel 1958 dalla visita in URSS del Ministro per il Commercio Estero Del Bo, primo esponente del governo italiano a recarsi a Mosca dal dopoguerra²⁸.

Il mercato dell'Unione Sovietica si presentò al mondo imprenditoriale italiano ricco di opportunità di espansione, dovute all'ampiezza del territorio e alla domanda di beni da parte della popolazione. L'apertura del commercio con l'URSS sembrava quindi lo sbocco più logico per l'economia italiana, che proprio negli anni Sessanta si andava rafforzando e necessitava di nuovi mercati su cui piazzare le proprie merci e di fonti di approvvigionamento di materie prime.

Tra il 1960 e il 1963 le esportazioni dell'URSS in Italia passarono da 92 a 127 milioni di rubli, quelle dell'Italia in URSS da 81 a 121²⁹. Per quanto riguarda le risorse energetiche, le forniture sovietiche rispondevano alle urgenze tecnologiche e commerciali della penisola. Al primo posto delle importazioni vi furono sempre quelle di petrolio e di prodotti petroliferi, seguite da quelle di metalli ferrosi, legno e carbone. Negli anni la struttura delle importazioni sovietiche fu sempre più sbilanciata verso il settore delle macchine e delle

28 La visita di Del Bo in URSS fu anche l'occasione per chiudere la questione dei prigionieri di guerra, che era ancora irrisolta ed aveva ostacolato tutte le trattative politico-commerciali degli anni precedenti.

29 Cfr. Rapporto politico dell'Ambasciata dell'URSS in Italia per l'anno 1963, rigorosamente segreto, 19/2/1964, in RGANI, f. 5, op. 50, d. 468, ll. 1–192.

strumentazioni. Tra il 1962 e il 1963 le importazioni di macchinari dall'Italia passarono dal 33,8% al 59,1% di tutto l'import³⁰.

La collaborazione commerciale era estremamente vantaggiosa anche per il Cremlino, poiché dall'Italia l'URSS poteva importare le moderne tecnologie di cui era carente il suo sistema di produzione. Nel 1962 in un resoconto sulla visita agli stabilimenti italiani Kosygin scriveva:

«Attualmente l'Italia è un paese con un alto potenziale industriale ed occupa uno dei primi posti al mondo per il livello di sviluppo tecnico nella maggior parte dei settori produttivi. [...] Consideriamo necessario notare che la futura crescita delle relazioni commerciali con l'Italia risulterà essere per noi una buona possibilità per sviluppare i legami tecnico-scientifici, ed ottenere informazioni tecnico-scientifiche. [...] Attualmente l'industria italiana possiede una serie di manifatture che da noi non hanno raggiunto ancora il necessario sviluppo e pertanto il loro studio e la loro acquisizione rappresenta un grande interesse per la nostra industria»³¹.

In questi anni, insomma, si creò un legame a filo doppio tra le due economie, agevolato dalla relativa facilità con cui l'Italia accettò di erogare crediti a lungo termine all'URSS. Nel 1963, Roma accettò per la prima volta di firmare un accordo di collaborazione economica a lungo termine della durata di sette anni, che la diplomazia sovietica considerò di portata storica per la sua ricaduta sulle relazioni bilaterali³².

Tre furono le principali operazioni commerciali avviate nel decennio 1958–1968: l'accordo con l'ENI per l'importazione di petrolio dall'URSS firmato nel 1960 (che fu rinnovato negli anni seguenti); quello del 1966 con la FIAT per produrre automobili a Togliattigrad; la realizzazione del gasdotto ENI per fornire metano all'Italia dai giacimenti sovietici, le cui trattative furono avviate alla metà degli anni Sessanta e si conclusero nel 1969. Accanto a queste, numerosi furono gli accordi commerciali conclusi dalle principali imprese italiane, tra le quali la Montecatini, la Pirelli, la Snia Viscosa, l'Olivetti, la Chatillon.

Un ruolo particolare nelle relazioni bilaterali ebbero i rapporti tra il Cremlino e l'ENI. L'ENI di Mattei, sin dalla fine degli anni Cinquanta, aveva realizzato un sistema integrato di lavorazione dei prodotti petroliferi all'avanguardia nel mondo dal punto di vista tecnologico. Ciò che difettava alla compagnia di stato italiana era un adeguato approvvigionamento di greggio, che l'URSS poteva supplire.

I successi dell'ENI furono possibili grazie alla fama che l'ente italiano si era guadagnata in URSS. Al Ministero del Commercio Estero dell'Unione

30 *Ibidem.*

31 Cfr. Resoconto segreto n. 26281 sulla permanenza in Italia stilato da Kosygin, Fedorov e Strokin per il CC del PCUS, in RGANI, f. 3, op. 16, d. 117, ll. 49, 51.

32 Cfr. Rapporto politico dell'Ambasciata dell'URSS in Italia per l'anno 1963, rigorosamente segreto, 19/2/1964, in RGANI, f. 5, op. 50, d. 468, ll. 1–192.

Sovietica il giudizio era univoco. Per questo, la Sojuznefteeksport, l'ente sovietico per l'esportazione di petrolio, si impegnò a non vendere greggio in Italia ad altri acquirenti nel periodo 1961–1966³³. La morte di Mattei, occorsa in tragiche circostanze il 27 ottobre del 1962, sembrò in un primo momento privare l'Unione Sovietica di uno dei maggiori sostenitori dell'avvicinamento tra Italia e URSS. Le rassicurazioni della nuova dirigenza dell'ENI, e i vari protocolli di intesa che poi portarono alla firma dell'accordo per il gas nel 1969, confermarono invece che l'ente petrolifero non si sarebbe discostato dagli orientamenti di Mattei, pur ridimensionandone l'estrema creatività e la dinamica spregiudicatezza.

Le operazioni dell'ENI in URSS non sarebbero state realizzabili senza l'appoggio politico da parte della dirigenza democristiana e quello di mediazione del PCI. Nel 1960, dopo che l'ENI firmò l'accordo per l'esportazione in Italia di 12 milioni di tonnellate di greggio sovietico nel periodo 1960–1965, fu evidente che il governo italiano appoggiava in pieno l'iniziativa e la difendeva con fermezza. In seguito alle reazioni di molti paesi del blocco occidentale che avevano accusato l'ENI di non aver calcolato le implicazioni politiche dell'operazione, Fanfani scrisse al segretario della NATO:

«Il Governo non può accettare che si discuta in seno alla NATO degli scambi tra Est ed Ovest limitatamente ad un solo prodotto, sia pure il petrolio. [...] è noto al Governo italiano e all'opinione pubblica italiana, che i singoli paesi NATO hanno liberamente trafficato con l'Est anche in settori (navi petrolifere) di cui sino a tutto il 1960 l'Italia si è ben guardata dall'occuparsi. Per quanto riguarda la questione del petrolio [...] l'Italia fa presente sin da ora la modestia dei suoi acquisti [...] e fa presente infine che essa non ha attinto al petrolio sovietico in quanto sovietico, ma perché a più buon mercato; [...] Il caso particolare del petrolio deve essere affrontato in tutti i suoi aspetti [...] in modo che realmente non si colga l'occasione per indebolire l'economia italiana e rafforzare quella di altri paesi sotto il pretesto di danneggiare l'economia sovietica»³⁴.

LA NUOVA STAGIONE DELLE RELAZIONI ITALO-SOVIETICHE

Le nuove prospettive aperte dalla distensione tra la metà degli anni Cinquanta e l'inizio degli anni Sessanta avviarono processi densi di conseguenze nelle relazioni internazionali. Tali cambiamenti si riflessero nelle relazioni italo-sovietiche in maniera impensabile fino a pochi anni prima, tanto da suscitare in determinati momenti viva apprensione da parte dei partner atlantici.

33 Cfr. Lettera del presidente della Sojuznefteeksport all'ENI, 20/4/1960, in *Archivio Storico ENI* (in seguito ASENI), Coll. H. IV. 3, udc 30, nua 6AD.

34 Cfr. Appunto dell'on. Fanfani per il Segretario generale della NATO, 20/10/1961, in ASENI, Coll. AZ.I. 1, udc 002, nua 7DA.

I rapporti tra Roma e Mosca furono a loro volta influenzati dall'evoluzione politica, economica e sociale dei due paesi. In Italia questi furono gli anni di preparazione al centro-sinistra, che impose ai vari partiti una riflessione più ampia di politica estera, che implicava anche un approccio nuovo alle politiche verso il Cremlino. In URSS la fine degli anni Cinquanta corrispose a una fase di acceso ottimismo, nel quale la costruzione del "paradiso comunista" in terra sembrava essere vicina, incoraggiata dai benefici della distensione internazionale e dalle nuove relazioni che l'Unione Sovietica aveva stabilito con i Paesi del blocco occidentale³⁵.

Con il viaggio del Presidente della Repubblica Gronchi nel febbraio del 1960 si inaugurò una stagione di contatti politici al vertice, che nel corso degli anni Sessanta fu contrassegnata da visite di particolare importanza, come quelle in URSS di Amintore Fanfani nel 1961 e nel 1967³⁶, dei ministri del Commercio Estero Preti nel 1962 e Mattarella nel 1964, e in Italia del primo vicepresidente del Consiglio dei ministri dell'URSS Kosygin nel 1962 e nel 1964, del Ministro degli Esteri Gromyko nel 1966, del Presidente del Presidium del Consiglio Supremo dell'URSS Podgornyj nel 1967.

Un ruolo chiave in questo periodo fu giocato da Amintore Fanfani, figura di spicco della Democrazia cristiana, nella veste di Presidente del Consiglio e di Ministro degli Affari Esteri³⁷. E anche quando la leadership delle coalizioni di centro-sinistra passò nelle mani di Moro, Fanfani continuò comunque a essere il canale privilegiato delle relazioni con l'URSS³⁸. In più di una questione internazionale egli riuscì a trovare canali privilegiati di contatto con Chruščëv, e anche dopo le dimissioni di quest'ultimo nel 1964, con la nuova dirigenza sovietica. Durante la crisi di Berlino del 1961, la diplomazia sovietica arrivò persino a costatare che le sue posizioni «non solo [erano] vicine, ma [coincidevano] con quelle di Chruščëv»³⁹, creandogli non pochi problemi con le cancellerie occidentali.

Mosca e Roma insomma si ritrovarono vicini su più di un dossier, pur appartenendo a blocchi separati. A Mosca, per esempio, si apprezzò molto che

35 Si veda V.M. Zubok, *op. cit.*, pp. 177-183.

36 Nel 1961 in qualità di Presidente del Consiglio dei ministri, nel 1967 come Ministro degli Affari Esteri.

37 Fanfani fu Presidente del Consiglio dei ministri in due differenti governi dal 26 luglio 1960 al 21 giugno 1963. Fu invece Ministro degli Affari Esteri dal 7 al 29 maggio 1962 nel governo da lui presieduto, dal 5 marzo al 30 dicembre 1965 nel governo Moro, dal 23 febbraio 1966 al 24 giugno 1968 nel III governo Moro.

38 A. Salacone, *Le relazioni italo-sovietiche negli anni dell'avvio del centro-sinistra e dei primi tre governi Moro nelle carte della diplomazia sovietica*, in *Un vita, un paese: Aldo Moro e l'Italia del Novecento*, a cura di R. Moro, D. Mezzana, Rubbettino, Soveria Mannelli 2014, p. 445.

39 Cfr. Progetto segreto di indicazioni all'Ambasciatore sovietico in Italia, compagno Kozyrev, per i colloqui con Fanfani, allegato alla risoluzione 341/XXIV del Presidium del CC del PCUS, 16/8/1961, in RGANI, f. 3, op. 12, d. 955, ll. 22-23.

il governo italiano nel corso delle grandi crisi bipolari (Berlino, Cuba, Vietnam) e nelle trattative per il disarmo avesse assunto posizioni originali non appiattite acriticamente su quelle degli Stati Uniti, e indirizzate alla ricerca del dialogo e di una risoluzione pacifica delle controversie.

In generale, gli anni della distensione, tra il 1955 e il 1965, furono anni cruciali per lo sviluppo delle relazioni tra Roma e Mosca. Nel giro di meno di un decennio si gettarono le basi dei rapporti italo-sovietici nei decenni successivi, dei cui frutti ancora godono le relazioni tra le due capitali. L'ambiziosa politica di centro-sinistra, nonché le innovative visioni di politica estera di una classe politica non appiattita solo sul presente, permisero all'Italia di avere un ruolo internazionale visibile, dando un apporto concreto alle relazioni Est-Ovest.

Le relazioni bilaterali si svilupparono in molteplici settori, dalla collaborazione economica alle consultazioni politiche, dagli scambi culturali alla cooperazione tecnico-scientifica. I piani concordati dalle due capitali raggiunsero molti degli obiettivi fissati

Nel 1969, commentando gli esiti delle relazioni italo-sovietiche alla fine del decennio, l'Ambasciatore sovietico a Roma scrisse:

«Negli ultimi anni le relazioni sovietico-italiane hanno avuto uno sviluppo significativo in tutti i settori. [...] Ci sembra che lo sviluppo delle relazioni sovietico-italiane potrebbe diventare uno dei fattori importanti per la stabilizzazione della situazione europea, stimolerebbe inoltre la crescita dei rapporti dell'URSS con altri paesi dell'Europa occidentale, e indebolirebbe le posizioni di quelle forze europee che auspicano un peggioramento delle relazioni con l'URSS, il rafforzamento della NATO e l'acutizzazione della situazione in Europa»⁴⁰.

Tale analisi permette di confermare l'importanza che la diplomazia del Cremlino diede ai rapporti con Roma e dimostra che, in un certo senso, negli anni Sessanta le relazioni con l'Italia furono "esemplari" di un rapporto possibile di proficua collaborazione tra la potenza sovietica e un paese occidentale, che pur appartenendo a blocchi distintamente separati, ebbero l'intelligenza politica di trovare interessi e progetti comuni da perseguire e realizzare.

40 Cfr. Lettera politica dell'Ambasciata dell'URSS in Italia al Ministro degli Affari Esteri dell'URSS A.A. Gromyko su «Alcune questioni sull'andamento dei rapporti sovietico-italiani», non posteriore al 14 agosto 1969, in RGANI, f. 5, op. 61, d. 585, ll. 155-166.

Об особняке Берга и советско-итальянских отношениях в воспоминаниях А.А. Громыко

Сегодня в нашей богатой повестке дня переплетены история, современность, драматические человеческие судьбы. Разрешите в этой связи сказать несколько слов.

Посольство Италии впервые разместилось в особняке Сергея Павловича Берга в год официального признания СССР — 1924-й. С тех пор его называли и «маленькой Италией», и средоточием политической и дипломатической активности послереволюционного времени, и микрокосмосом мировой политики, и даже центром культурной жизни российской столицы.

Но в политической истории особняк Берга прославился, конечно, намного раньше. Весной 1918 г. в него въехал граф Вильгельм фон Мирбах, министр-посланник Германии. Дальнейшая череда драматических событий, приведших к гибели Мирбаха 6 июля того же года, достаточно хорошо известна.

Следующие обитатели особняка — исполком Коммунистического III Интернационала — ещё один яркий пример той степени интенсивности, с которой стены этого здания пронизывает история. Несметная вереница самых разных исторических фигур побывала здесь. Из итальянцев того времени на ум в первую очередь приходит имя Антонио Грамши.

Нельзя не упомянуть и о том, что в 1924 г. особняк стал местом проведения банкета литераторов, во время которого Булгаков познакомился со своей будущей второй супругой Любовью: многие считают её прообразом Маргариты из знаменитого романа писателя. Здесь, в этих залах, Чичерин играл Бетховена и Чайковского.

Своя аура была и у такого необычного для декабря 1940 г. события, как приём в честь Вячеслава Молотова. Позже, с 1941 по 1945 гг., в особняке Берга витал японский дух.

Посольству Италии особняк вернули в 1949 г. Упомяну лишь ещё об одном историческом событии, связанном с этим местом. В 1959 г. особняк

впервые посетил к тому времени уже министр иностранных дел СССР Андрей Андреевич Громыко. В его честь был устроен обед с участием послов многих стран. По мнению ряда специалистов, тогда особняк Берга стал как бы площадкой, на которой стартовали переговоры Запада и Востока. Не случайно здесь в феврале 1960 г. прошла ещё одна примечательная встреча — между президентом Италии Гронки и Хрущёвым.

Одна зарисовка из истории.

Итальянец спрашивает русского:

— А знаете, в чём итальянцы отличаются от русских?

— Раньше, — отвечает русский, — когда я знакомился с вашей страной только по литературе и по картинам, мне казалось, что итальянцы на каждом шагу поют, танцуют, смеются и плачут. Да ещё катаются в гондолах по каналам ваших городов.

— Так обычно и думают о нас за рубежом, — отвечает итальянец. — А какова реальность? — спрашивает он сам себя. — Итальянцы почти ничем не отличаются от других народов. Но иногда вымысел от правды у итальянцев отличить трудно. Мы в известном смысле прирождённые артисты.

В этом диалоге итальянцем был Альдо Моро, а русским — Андрей Громыко. Беседа состоялась в апреле 1966 г. Когда Андрея Андреевича спрашивали, кого из итальянских государственных и политических деятелей он знал лучше всех, он отвечал: Альдо Моро.

Кстати, впервые Громыко увидел Италию в конце 1939 г., когда на корабле плыл на работу в советское посольство в Вашингтоне. Тогда же он впервые посетил Неаполь.

Среди многих президентов, премьер-министров и членов правительства Италии хорошие отношения у Андрея Громыко сложились с министром иностранных дел Аминторе Фанфани. Фанфани как-то сказал Громыко, что если он не побывает в его родном городе — Венеции, то, значит, не побывает в Италии вовсе. При такой постановке вопроса, вспоминал Громыко, он, конечно, согласился посетить Венецию. В противном случае Фанфани не засчитал бы его визиты в Италию.

В этом году Италия председательствует в ОБСЕ. А вся история этой организации прошла и проходит под знаком Заключительного акта в Хельсинки, подписанного в 1975 г. В основном только специалисты знают, что созыв Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе изначально был инициативой советской дипломатии. Ещё меньше людей осведомлены о том, что впервые СССР начал зондаж этого вопроса именно в Италии. И опять же это произошло в апреле 1966 г. в Риме на переговорах Андрея Громыко и Альдо Моро.

Интересно, что некоторые страницы российской истории Андрей Громыко открывал благодаря Италии. Так, визит советского министра в Верону способствовал его пристальному знакомству с яркой фигурой

княгини Зинаиды Волконской, входившей в свиту императора Александра I. Впоследствии Волконская долгое время жила в Италии. В свою очередь, благодаря ей Громыко увлёкся творчеством молодого поэта Дмитрия Веневитинова, друга Пушкина. Веневитинов был пылко влюблён в Волконскую и писал ей проникновенные стихи, которые Громыко цитировал.

Также благодаря Италии он познакомился в Риме с Татьяной Михайловной Сухотиной-Толстой (в замужестве Альбертини), внучкой Льва Николаевича Толстого. Затем они несколько раз виделись в Москве, а в последний раз в Риме в 1985 г.

Интересно отметить и то, что Андрей Андреевич восхищался не только итальянскими мастерами прошлого, в первую очередь Чинквеченто — Возрождения и иных исторических периодов. Ему был близок итальянский неореализм, киноискусство Федерико Феллини и других. Но особенно лично он воспринимал творчество художника Ренато Гуттузо, с которым встречался, и искренне переживал его кончину в январе 1987 г.

Хотел бы закончить цитатой из Андрея Андреевича: «Опыт истории, особенно новой, если о чём-то важно и говорит, то в первую очередь о необходимости добрых отношений между нашими странами, между двумя народами. Их летопись — неисчерпаемый родник поучительных примеров, которые необходимо учитывать обеим странам и в строительстве их современных связей».

По-моему, лучше не скажешь и в 2018 году.

Aleksej Gromyko

Villa Berg e i rapporti italo-sovietici nei ricordi di Andrej Gromyko

Traduzione di Nicoletta D'Alessandro

Oggi, nel nostro ricco ordine del giorno si intrecciano storia, attualità, drammatiche vicende umane. Permettetemi di dire qualche parola su questo.

L'Ambasciata d'Italia trovò collocazione per la prima volta nel palazzo di Sergej Pavlovič Berg, nell'anno del riconoscimento ufficiale dell'URSS, il 1924. Da allora, l'edificio fu definito anche "piccola Italia", punto focale dell'attività politica e diplomatica del periodo postrivoluzionario, microcosmo della politica mondiale e perfino centro della vita culturale della capitale russa.

Ma nell'ambito della storia politica, Villa Berg aveva fatto parlare di sé già molto prima. Nella primavera del 1918, vi si era trasferito il conte Wilhelm von Mirbach, Ministro Ambasciatore della Germania. La serie di fatti drammatici che avrebbe portato alla morte di Mirbach, il 6 luglio di quell'anno, è piuttosto nota.

I successivi abitatori del palazzo, i membri del Comitato Esecutivo della Terza Internazionale Comunista, costituiscono un ulteriore lampante esempio del grado di intensità con cui la storia ha trapassato le mura di questo edificio. Una sequela immensa di figure storiche, le più diverse, è stata qui. Tra gli italiani di quel periodo, viene in mente prima di tutto Antonio Gramsci.

Non si può non ricordare che nel 1924, al banchetto dei letterati, qui Bulgakov conobbe la futura seconda moglie, Ljubov', che molti ritengono essere il prototipo di Margherita, nel famoso romanzo dello scrittore. Qui in queste sale Čičerin suonava Beethoven e Čajkovskij.

Un'aura particolare si diffuse anche durante un evento insolito per il dicembre del 1940, quale fu il ricevimento in onore di Vjačeslav Molotov. Più tardi, a partire dal 1941 e fino al 1945, a Villa Berg aleggiò lo spirito giapponese.

L'Ambasciata tornò all'Italia nel 1949. Ricordo solo un altro evento storico legato a questo luogo. Nel 1959 il palazzo fu visitato per la prima volta dall'allora già Ministro degli Esteri dell'URSS, Andrej Andreevič Gromyko. In suo onore fu dato un pranzo a cui parteciparono gli Ambasciatori di numerosi

paesi. Secondo un buon numero di specialisti, Villa Berg divenne allora una sorta di piattaforma dalla quale presero avvio le trattative tra Occidente e Oriente.

Non a caso qui, nel febbraio del 1960, ebbe luogo un altro incontro importante, quello tra il Presidente italiano Gronchi e Chruščëv.

Un bozzetto storico. Un italiano chiede a un russo: «Lei sa che cosa distingue gli italiani dai russi?»

Il russo risponde: «Prima, quando conoscevo il vostro paese solo attraverso la letteratura o i quadri, mi sembrava che gli italiani cantassero, danzassero, ridessero e piangessero ad ogni piè sospinto. E poi, certo, che girassero in gondola per i canali delle vostre città».

«Infatti è così che la pensano di noi all'estero, di solito» replica l'italiano. Poi si chiede tra sé e sé: «E invece qual è la realtà?» E continua: «Gli italiani non si differenziano quasi dagli altri popoli. Ma qualche volta tra gli italiani è difficile distinguere l'invenzione dalla verità. In un certo senso, siamo attori nati».

In questo dialogo l'italiano era Aldo Moro e il russo Andrej Gromyko. La conversazione ebbe luogo nell'aprile del 1966. Quando qualcuno chiedeva ad Andrej Andreevič chi degli statisti e degli uomini politici italiani egli conoscesse meglio, lui rispondeva: «Aldo Moro». A questo proposito ricordo che Gromyko vide l'Italia per la prima volta alla fine del 1939, mentre si stava recando per mare a lavorare all'Ambasciata sovietica a Washington. Allora fece la sua prima visita a Napoli.

Fra i molti presidenti, primi ministri e membri del governo italiano, Andrej Gromyko ebbe un buon rapporto con il Ministro degli Esteri Amintore Fanfani. Fanfani avrebbe detto a Gromyko che se non avesse visitato la sua città natale, Venezia, sarebbe stato come se non fosse proprio venuto in Italia. Posta così la questione, ricordava Gromyko, egli aveva naturalmente acconsentito a visitare Venezia. In caso contrario, Fanfani non avrebbe preso in considerazione le sue visite in Italia.

Quest'anno l'Italia presiede l'OSCE. Ma tutta la storia di questa organizzazione è trascorsa e trascorre sotto il segno dell'Atto Finale di Helsinki, sottoscritto nel 1975. Praticamente solo gli specialisti sono al corrente del fatto che la convocazione della Conferenza sulla sicurezza e la cooperazione in Europa originariamente fu un'iniziativa della diplomazia sovietica. Ancor meno persone sono informate della circostanza che l'URSS cominciò a sondare la questione per la prima volta proprio in Italia. Ed ancora, che ciò avvenne nell'aprile del 1966 a Roma, nel corso dei colloqui diplomatici fra Andrej Gromyko e Aldo Moro.

È interessante che Andrej Gromyko conobbe alcune pagine di storia russa grazie all'Italia. Così, la visita del Ministro sovietico a Verona favorì la sua conoscenza approfondita dell'illustre figura della principessa russa Zinaida Volkonskaja, che per un certo periodo aveva fatto parte del seguito dell'imperatore russo Alessandro I e in seguito aveva vissuto a lungo in Italia.

A propria volta, grazie a lei, Gromyko poté godere dell'arte del giovane poeta Dmitrij Venevitinov, amico di Puškin. Venevitinov era stato ardentemente innamorato della Volkonskaja e aveva scritto per lei versi pieni di sentimento, che Gromyko amava citare.

Ancora grazie all'Italia, egli conobbe a Roma Tat'jana Michajlovna Suchotina-Tolstoj (coniugata Albertini), nipote di Lev Nikolaevič Tolstoj. Dopodiché essi si incontrarono alcune volte a Mosca e l'ultima volta a Roma, nel 1985.

È interessante notare che Andrej Andreevič era un appassionato non solo dei maestri italiani del passato, in primo luogo di quelli del Cinquecento, del Rinascimento e di altri periodi storici e che si sentiva vicino anche al neorealismo italiano, all'arte cinematografica di Federico Fellini e di altri, ma anche che era particolarmente attratto dall'arte del pittore Renato Guttuso, di cui era amico, e per la morte del quale, nel gennaio del 1987, soffrì sinceramente.

Vorrei concludere con una citazione di Andrej Andreevič:

«Se l'esperienza storica, soprattutto quella recente, ha qualcosa di importante da dire, si tratta in primo luogo della necessità di buoni rapporti tra i nostri paesi, tra i nostri due popoli. I loro annali costituiscono una fonte inesauribile di esempi istruttivi che entrambi i paesi devono tenere in considerazione anche mentre costruiscono i loro attuali legami».

Secondo me, pure nel 2018 non si potrebbe dire meglio.

Прорыв железного занавеса: советско-итальянские конференции историков в годы холодной войны

В годы холодной войны происходили иногда удивительные вещи. Таким уникальным по всем меркам тех времён фактом стали конференции историков СССР и Италии, на которых исследователи двух стран открыто спорили, высказывая различные взгляды. Подобные мероприятия с историками западных стран были тогда большой редкостью¹. Италия, благодаря крепким позициям Итальянской коммунистической партии (ИКП), воспринималась в СССР особому, что благоприятствовало установлению контактов. То, что эти встречи советских и итальянских специалистов, получивших уже известность в своих сферах исторической науки, вообще могли произойти, представляет собой не укладывающийся в логику противодействия двух сторон в период холодной войны случай. Это был своего рода прорыв железного занавеса, которым оказались отгорожены по окончании Второй мировой войны Восток и Запад.

Понятно, что советские историки, находясь в период хрущёвской оттепели всё же в ограниченных рамках обычаев государственного режима, только что освободившегося от проявлений сталинизма, но ещё не сумевшего преодолеть его негативные последствия, по сравнению со свободными итальянскими коллегами были зажаты своими марксистско-ленинскими догмами, от которых не полагалось отступать ни на шаг².

1 Начиная с 1958 г. параллельно проводились конференции советских и французских историков.

2 Приведём заголовки статей о первой советско-итальянской конференции в итальянской прессе: *Alatri P. Storici a convegno // Realtà Sovietica*. 1964. № 140. P. 41–45; *Alatri P. Fruttuosi incontri moscoviti fra storici italiani e sovietici // Paese sera*. 1964. 1 dicembre; *Villari R. Orizzonti nuovi alla storiografia sovietica // Rinascita*. 1964. 7 novembre. P. 25–26; *Procacci G. Convegno italo-sovietico di studi storici // Studi storici*. 1964. № 4. P. 801–807; *Romeo R. Organizzatissimi ma dogmatici gli studiosi sovietici di storia // Corriere della sera*. 1964. 8 febbraio; *F. Venturi. Chiusura di un dibattito // Rivista storica italiana*. 1964. № 4. P. 1070–1071. Ряд отзывов после первой и последующих советско-итальянских конференций появился и в советской научной периодике, мы приводим их далее.

Эти конференции и встречи советских и итальянских историков, ведущие отсчёт с 1964 г. (последний год правления Н.С. Хрущёва), продолжались и позже, хотя и нерегулярно, вплоть до начала перестройки, до 1986 г. После этого по инициативе посла Италии в СССР С. Романо прошли круглые столы (на самом деле полноценные конференции) в Москве в 1987 г. и во Флоренции в 1988 г.³, посвящённые окончанию холодной войны, объявленному тогда во всеуслышание западными политиками и сумевшим понравиться Западу советским лидером М.С. Горбачёвым.

В 1960–1970-е гг. состоялось несколько полноценных конференций и встреч советских и итальянских историков (например, встреча в ходе Конгресса Международного комитета исторических наук, проходившего в Москве в главном здании МГУ в августе 1970 г. и собравшего тысячи участников со всего мира). Материалы последних встреч 1970–1980-х гг., к сожалению, так и не были опубликованы, ссылки в библиотечных каталогах или интернете на них отсутствуют (частично были опубликованы лишь некоторые материалы IX конференции 1986 г.)⁴.

На моём рабочем столе как материал для написания представленного очерка лежат несколько сборников из личной библиотеки: «Проблемы советско-итальянской историографии: материалы советско-итальянской конференции историков 12–14 октября 1964 года» (М.: Наука, 1964); «Россия и Италия: из истории русско-итальянских культурных и общественных отношений» (М.: Наука, 1968); «Документы советско-итальянской конференции историков, 8–10 апреля 1968 г. Абсолютизм в Западной Европе и России. Русско-итальянские связи во второй половине XIX в.» (М.: Наука, 1970); «Россия и Италия: материалы IV конференции советских и итальянских историков. Рим, 1969. Русский и итальянский средневековый город. Русско-итальянские отношения в 1900–1914 гг.» (М.: Наука, 1972). Около этих книг лежит присланный

3 Доклады на этих конференциях с российской стороны делали Т.В. Зоннова, В.П. Гайдук, Е.С. Токарева, В.И. Михайленко, В.П. Любин и др.

4 Нам уже приходилось — параллельно с А. Вентури — рассказывать об этих конференциях на одной из трёх последующих встреч российских и итальянских историков, состоявшихся (в том числе и по моей инициативе) на факультете журналистики МГУ в 2012–2013 гг. и ставших своего рода продолжением конференций 1960–1980-х гг. К сожалению, эти встречи так и не были продолжены, а предложенная мною идея по созданию Комиссии российских и итальянских историков по изучению истории и культуры двух стран пока не воплощена в жизнь, хотя многие коллеги из Италии и России готовы её поддержать. См.: *Любин В. Историографическая оттепель: конференции советских и итальянских историков в Москве // Путешествие в Италию — путешествие в Россию: сб. статей. М.: 2014. С. 221–228, 271; Вентури А. Историографическая оттепель: конференции итальянских и советских историков в Риме // Там же. С. 213–220, 270–271.*

мне из Рима сборник на итальянском языке: *Atti del II Convegno degli storici italiani e sovietici*. Roma, 1966 // *I Quaderni di Rassegna sovietica*. No 2. Roma, 1968. В нём замечательный доклад Лео Валиани по историографии Первой мировой войны и вступления в неё Италии. К ним можно добавить сборник «Италия в трудах советских историков» (М.: ИВИ АН СССР, 1989), вобравший в себя материалы сразу нескольких конференций.

В настоящем очерке сочетаются анализ организации, содержания и восприятия советско-итальянских конференций в кругах специалистов-историков и личные воспоминания участника этих мероприятий начиная с 1960-х по 1980-е гг. Поскольку издавались в основном материалы лишь первых встреч 1960-х гг., автор сосредоточится в этом очерке преимущественно на них, потому как доклады, сделанные на последующих конференциях 1970-х и 1980-х гг., не публиковались, что не даёт возможности для их цитирования и анализа.

Первая конференция советских и итальянских историков состоялась в Москве в Доме дружбы 12–14 октября 1964 г. С советской стороны она была организована Институтом истории Академии наук СССР и Обществом «СССР — Италия». С итальянской стороны встречу подготовили Общество дружбы «Италия — СССР»⁵, Институт Грамши при ЦК ИКП, Национальная ассоциация итальянских историков. Среди участников первой конференции и итальянцев — инициаторов этих встреч были П. Алатри, Ф. Вентури, Дж. Берти, Дж. Прокаччи, М. Бендишоли, Р. Ромео, П. Виллани.

В изданном по итогам первой конференции советских и итальянских историков сборнике отмечалось: «Национальная ассоциация итальянских историков, созданная в 1963 г. под председательством профессора Ф. Вальсекки, провозгласила своей целью развитие контактов между итальянскими историками различных направлений, а также установление научных связей с мировой исторической наукой»⁶. Наряду с председателем Национального комитета итальянских историков Вальсекки важную роль в подготовке и проведении конфе-

5 Оно «возникло в 1940-е гг. как организация, помогающая Итальянской коммунистической партии, то есть как типичное орудие периода холодной войны, которое было призвано поддерживать в Италии интерес к Советскому Союзу, организуя и развивая культурный обмен между двумя странами» (цит. по: Вентури А. *Историографическая оттепель: конференции итальянских и советских историков в Риме // Путешествие в Италию — путешествие в Россию: сб. статей*. М.: 2014.).

6 Проблемы советско-итальянской историографии: материалы советско-итальянской конференции, 12–14 октября 1964 г. М.: Наука, 1966. С. 9. Итальянское издание: *Atti del I convegno degli storici italiani e sovietici (Mosca, 12–14 ottobre 1964) // Quaderni di Rassegna sovietica*. No 1. Roma: Associazione italiana per i rapporti culturali con l'Unione Sovietica, 1965.

ренций, фактически от первой до последней, играла секретарь этого комитета Клара Каstellли.

С советской стороны в состав участников первой конференции вошли академик В.М. Хвостов, М.Я. Гефтер, В.М. Далин, Н.М. Дружинин, Л.И. Зубок, Н.М. Лавров, А.З. Манфред, К.Ф. Мизиано, А.Л. Нарочницкий, В.Е. Невлер, академик М.В. Нечкина, Г.Д. Обичкин, В.И. Рутенбург, А.Л. Сидоров, А.Ф. Смирнов, А.В. Фадеев, Л.В. Черепнин.

В отчёте о конференции, представленном академиком С.Д. Сказкиным, Л.М. Брагиной и Н.П. Комоловой, отмечалось, что темой первой встречи советских и итальянских историков по предложению итальянских коллег была избрана историография обеих стран за последнее десятилетие по проблемам всеобщей истории, в том числе России и Италии периода Нового времени (с XVIII в. до 1917 г.). Конференции предшествовала дискуссия советских и итальянских историков в печати по проблемам методологии истории, в ходе которой особенно отчётливо выявился взаимный интерес учёных к развитию исторической науки в обеих странах. Дискуссия показала, что итальянские коллеги недостаточно информированы, а иногда имеют неправильные представления о результатах исторических исследований в СССР, и подтвердила необходимость личных контактов для лучшего взаимопонимания. «В Италии существуют предубеждения относительно развития советской историографии, но дискуссия расчистила почву для взаимопонимания». Представляется, что для дальнейшего плодотворного обмена мнениями советским и итальянским историкам необходимо «не только рассматривать общие методологические проблемы, но и анализировать конкретные результаты исследований»⁷.

На этой и последующих советско-итальянских конференциях рассматривались самые разные темы и сюжеты. Приоритетным было исследование русско-итальянских отношений в самые разные периоды истории — от Средневековья до XIX и XX вв. Речь шла о сравнении абсолютизма в России и европейских странах, включая итальянские государства, об эпохе Просвещения и его влиянии на развитие наших стран. Рассматривались вопросы участия России и Италии в международной политике, роль в ней наших стран, их расхождения и сближения. Противостояние в дискуссиях по истории XX в. выражалось в отличающихся оценках фашизма. Нередко участниками конференций становились директора ведущих архивов. Сейчас их участие в двусторонних встречах историков — обычное дело, знаю это по многолетнему опыту работы в совместной российско-германской Комиссии историков. Тогда же это было делом новым и заслуживающим поощрения.

7 Сказкин С.Д., Брагина Л.М., Комолова Н.П. *Международные связи советских историков. Советско-итальянская историографическая конференция // Вопросы истории*. М., 1965. № 4. С. 173–179.

Необходимо упомянуть замечательных организаторов, без которых конференции 1960–1970-х гг. не состоялись бы, и о «гении места». Конференции проходили в центре Москвы — в Доме учёных Академии наук на Пречистенке и в Доме дружбы с народами зарубежных стран на Воздвиженке, принадлежавшем Союзу обществ дружбы с народами зарубежных стран.

Первая и последующая конференции не состоялись бы без участия Паоло Алатри, возглавлявшего тогда общество «Италия — СССР», популярное в Италии из-за симпатий большей части населения к Советскому Союзу. Организация и проведение конференций были бы невозможны и без усилий Ф. Вальсекки, потомственного историка Р. Виллари и, конечно, более всего без Ф. Вентури, первого атташе по культуре итальянского посольства в Москве после восстановления отношений наших стран в конце Второй мировой войны, автора классической книги о русском народничестве⁸. Большой вклад внесли представители итальянской марксистской историографии, симпатизировавшие СССР, среди них П. Алатри, Э. Раджоньери, К. Виванти, Дж. Прокаччи, занявший впоследствии пост директора Фонда Фельтринелли и автор популярной, переведённой на русский язык книги «История итальянцев»⁹. Марксистские взгляды разделяли братья Виллари — Розарио и Лучо, а также другие приезжавшие на конференции в Москву и выступавшие на встречах в Риме историки.

С советской же стороны конференции не состоялись бы без Каролины Франческовны Мизиано и сотрудников её подразделения — Группы по изучению Италии в тогдашнем Институте истории, впоследствии Институте всеобщей истории Академии наук (будучи её аспирантом, я принимал участие в работе Группы в 1969–1972 гг.). Среди этих сотрудников — Н.П. Комолова, М.И. Ковальская, О.В. Серова, М.А. Додолев, В.Е. Невлер, О.В. Пирумова и др. Тесно сотрудничала с Группой по изучению Италии кафедра новой и новейшей истории исторического факультета МГУ. На кафедре работала И.В. Григорьева, ученица К.Ф. Мизиано, которая участвовала во всех мероприятиях. Большую помощь в подготовке материалов в Москве оказывали известные итальянисты — работавшие в Академии наук отец и сын П.А. и Ю.П. Лисовские, преподаватели МГУ В.С. Бондарчук, Н.К. Кисовская.

Каролина Франческовна Мизиано — дочь итальянского коммуниста Франческо Мизиано. Он был известным итальянским социалистом, а после создания в 1921 г. коммунистической партии — коммунистом.

8 Venturi F. Il populismo russo. Vol. 1–2. Torino: Einaudi, 1952. P. CXXI–1194.

9 Procacci G. Storia degli italiani. Vol. I–II. Roma; Bari: Laterza, 1968. P. XV–574.

Он был выслан из Италии после захвата власти фашистами. Есть известная фотография, где он стоит с прикрепленной на груди фашистами табличкой «Traditore del popolo» («Предатель народа»). Оказавшись в Москве, Франческо Мизиано сыграл заметную роль в Коминтерне, занимал ведущую должность в Межрабпме (организация Международной помощи рабочим), а также в становлении пролетарского кино, всячески поддерживавшегося Коминтерном. Вся его семья, дети и внуки остались в Москве, стали здесь советскими гражданами.

Как пишет А. Вентури, цитируя переписку своего отца Ф. Вентури с П. Алатри и Дж. Берти, в процессе подготовки первой конференции не обошлось и без острых коллизий: мнения «утописта» Берти, а также «реалистки» Мизиано расходились с мнением «романтика» Алатри. Зная жёсткие рамки советского режима, Берти и Мизиано настаивали лишь на том, чтобы встречи принесли плоды в виде обмена специалистами и допуска историков к архивам. Для Алатри же был важен сам факт проведения регулярных встреч и установления контактов между историками двух стран¹⁰.

Название «историографическая оттепель», употреблённое в докладах А. Вентури и моём на конференции в МГУ в 2013 г. для определения этих советско-итальянских конференций, в рамках которых историки могли более открыто, чем в сталинское время, высказывать свои взгляды, очень подходящее. Если раскрыть первый из вышедших сборников с материалами конференций и посмотреть дату проведения, сразу же бросается в глаза её совпадение с главной в те дни датой в истории страны — снятием со всех должностей Н.С. Хрущёва (14 октября 1964 г.) и приходом к власти нового руководства (конференция 1964 г. прошла 12–14 октября).

Другие советско-итальянские конференции пришлось уже на время его правления, когда противоречивые тенденции в руководстве всё же позволяли сохранять завоевания хрущёвской оттепели. Эта противоречивость отразилась и в том, что издания материалов одних и тех же конференций с советской и итальянской стороны часто существенно отличались друг от друга. Например, итальянское издание 1968 г. материалов проходившей в Риме в мае 1966 г. второй конференции итальянских и советских историков содержит отдельные статьи и выступления, которые по идеологическим и цензурным соображениям не были опубликованы в СССР. Надо признать, что полемика на этих встречах между представителями двух стран и различных политических и историографических направлений нередко была очень острой. Но и очень плодотворной. Содержание мероприятий

10 Вентури А. Указ. соч. С. 270.

и острые дискуссии на них широко обсуждались в среде советских историков, не только итальянистов, а сами эти встречи и открытая и скрытая полемика оказывали благотворное влияние на развитие советской исторической науки.

На второй советско-итальянской конференции в Риме в 1966 г. были представлены доклады, посвящённые ряду тем, в том числе Первой мировой войне и предшествующему ей периоду; объяснялся приход фашизма к власти. Многие вопросы вызывали острые споры.

В отчёте участников той встречи П.В. Волобуева и Ю.А. Писарева сообщалось: «В Риме 28–30 мая 1966 г. прошла вторая конференция учёных-историков Советского Союза и Италии. В её работе участвовала представительная делегация советских историков из 38 человек во главе с директором Института истории Академии наук СССР В.М. Хвостовым. В состав делегации входили видные советские учёные — специалисты как по отечественной, так и по всеобщей истории, научные сотрудники академических институтов и вузов Москвы и Ленинграда, ряда союзных республик. Итальянская сторона была представлена историками разных политических и идеологических направлений и школ; делегацию возглавлял П. Алатри, генеральный секретарь Общества «Италия — СССР»».

В отличие от первой советско-итальянской конференции, носившей в основном информационный и историографический характер, на второй встрече обсуждались конкретные научные проблемы. Дискуссия шла по трём темам: русско-итальянские общественно-политические и культурные связи в XVIII–XIX вв.; аграрное развитие России и Италии в XVIII–XIX вв.; причины Первой мировой войны. Эти проблемы, представляющие общий интерес как для советских, так и для итальянских историков, открывали возможность применения так называемого сравнительно-исторического метода. Сделанный Л. Вальяни доклад касался причин Первой мировой войны и вступления в неё Италии. Много внимания было уделено характеристике внешнеполитической позиции Италии накануне и в годы войны, анализу расстановки классовых и политических сил в стране в период итальянского нейтралитета 1914–1915 гг. Л. Вальяни высоко оценил советские работы по истории Первой мировой войны.

Советские историки одобрили подход докладчика к трактовке причин войны. Против ряда положений (проблема итальянского интервенционизма, роль Итальянской социалистической партии в 1914–1915 гг. и др.) были выдвинуты возражения, основательность которых частично вынужден был признать и докладчик. Руководители делегаций П. Алатри и В.М. Хвостов положительно оценили общие итоги конференции в своих заключительных выступлениях, отметили, что конференция

прошла в творческой, деловой атмосфере. Советские учёные договорились с итальянскими коллегами «об обмене научными изданиями и о совместной подготовке ряда трудов»¹¹.

С советской стороны в конференциях принимал участие весь цвет нашей тогдашней исторической итальянистики. Однажды кто-то удачно пошутил про советскую итальянистику того времени, сказав, что она простирается «от Рутенбурга до Оренбурга». Поясню для молодого поколения: Виктор Иванович Рутенбург — известный ленинградский итальянист-медиевист, а в Оренбургском пединституте преподавала тогда историю Италии Зинаида Павловна Яхимович. Оба были участниками советско-итальянских конференций и выступали на них с яркими и интересными докладами.

Если вчитаться в содержание сборников, изданных по материалам конференций, то можно увидеть, что советские историки в полемике с итальянскими без устали повторяли, что они приверженцы марксизма-ленинизма. Имя Ленина и непререкаемость его учения упоминаются десятки раз. А немарксистские девиации итальянских историков, придерживавшихся иных взглядов (к примеру, либеральных, а не марксистских), вызывали острую критику со стороны советских коллег. Доставалось видному историку либерального направления Р. Ромео и ставшему впоследствии сенатором известному историку Л. Вальяни, отошедшему от исповедовавшегося им ранее марксистского подхода.

Редко привлекался к участию в проведении конференций выдающийся советский историк, автор ряда блестящих монографий по истории фашизма Б.Р. Лопухов, дистанцировавшийся от догматического подхода и сумевший отстоять независимую линию в своих трактовках итальянской истории Новейшего времени. Хотя именно его назначили от Института всеобщей истории отвечать за приём большой делегации итальянских историков на проходящем раз в пять лет Всемирном конгрессе историков в Москве в августе 1970 г. В эту делегацию входил и известный политик Дж. Андреотти. Конгресс проходил в главном здании МГУ.

Среди участников Конгресса запомнилась «неразлучная тройца» тесно друживших исследователей. Они были близки и по своим политическим взглядам: двое состояли в ИКП, третий симпатизировал английским лейбористам. Это были Коррадо Виванти, историк-медиевист, сотрудник издательства «Эйнауди», инициатор издания образцовой многотомной «Истории Италии». Затем Эрнесто Раджоньери; коллеги называли его «официальным историком ИКП», хотя ему это не нравилось; специалист по истории социалистического движения, издававший собрание сочинений П. Тольятти. Оба эти

¹¹ Волобуев П.В., Писарев Ю.А. Конференция советских и итальянских историков // Вопросы истории. 1966. № 10. С. 190–193.

историка активно участвовали в советско-итальянских конференциях и внесли ощутимый вклад в развитие итало-советского сотрудничества. Наконец, англичанин Стюарт Вульф, автор работ по итальянской истории XIX в., глава Центра итальянских исследований в Рединге; он опубликовал в Англии интересные хрестоматии по истории фашизма, стал одним из основателей Европейского университета (European University Institute) во Фьезоле.

Московский Конгресс историков тем самым стал продолжением предыдущих встреч и развития плодотворных контактов с итальянскими учёными, начавшихся с итало-советских конференций. Если бы их не было, не только я, но и другие наши итальянисты вряд ли бы смогли завязать деловые контакты со многими итальянскими коллегами. Так, большой удачей было встретить на Конгрессе Лео Вальяни, работы которого я цитировал при написании диссертации (а позднее и книги) об Италии накануне Первой мировой войны¹².

Случай пообщаться с Вальяни представился на Конгрессе в августе 1970 г. Из-за большой занятости он предложил побеседовать по пути в гостиницу «Метрополь», где проживали члены итальянской делегации. Наш разговор сразу на итальянском и немецком (который для Вальяни был тоже родным) вызвал удивлённые взгляды пассажиров автобуса № 111, курсировавшего тогда между Главным зданием МГУ и центром Москвы. А до этого Вальяни пошутил при виде выкатившейся из мощного лифта доверху нагруженной продуктами высокой тележки, которую толкала перед собой маленького роста женщина: «Теперь я понимаю, почему вы войну выиграли!»

По окончании Конгресса в Большом театре давали спектакль (это был балет «Спартак»), куда жены итальянских историков, приехавшие в августовскую Москву с мужьями, пришли, как полагается на премьерах миланской «Ла Скалы», в меховых нарядах. Зрители косились на них, привлечённые необычностью такой одежды в августе. Честно говоря, и я сам, проработавший в студенческие времена два года рабочим сцены в Большом, никогда за время работы в театре ничего подобного не видел.

Для советских и итальянских историков Конгресс 1970 г. стал успешным продолжением прошедших с 1964 по 1969 г. четырёх конференций. На Конгрессе дискуссии продолжились: Л. Вальяни спорил с В.М. Хвостовым, председателем секции по истории фашизма. Фашизм и нацизм в Италии и Германии стали с середины 1960-х гг. подвергаться серьёзному научному анализу. В Германии пионером таких исследований выступил профессор Эрнст Нольте, зачинатель известного «спора

12 Любин В.П. Италия накануне вступления в Первую мировую войну. На пути к краху либерального государства. М.: Наука, 1982. 192 с.

историков» 1986 г. (Мы познакомились на том историческом Конгрессе и переписывались с ним до конца его жизни, он присылал мне на рецензию свои книги¹³.) Непредвзятый исследовательский анализ на секции звучал для многих историков из СССР и социалистических стран как откровение. Вероятно, если бы эти вопросы не затрагивались ранее в итало-советских дискуссиях историков, результат работы секции был бы более скромным.

При планировании тематики встреч старались избегать острых, политически ангажированных тем. Одной из таких было изучение тоталитарных режимов. Работа по изучению истории нацистской Германии и фашистской Италии в те годы в советской, немецкой и итальянской историографии шла весьма активно¹⁴. В 1969 г. появилась докторская диссертация и монография Б.Р. Лопухова «Фашизм и рабочее движение в Италии, 1919–1929 гг.»¹⁵. По германскому нацизму классической стала книга А.А. Галкина «Германский фашизм»¹⁶. В Италии застрельщиком серьёзного изучения фашизма стал римский историк Ренцо Де Феличе¹⁷.

Конференции собирали цвет советской итальянистики, а сами делегации советских историков, направлявшиеся в Италию, представляли собой внушительный десант. Мероприятия продолжились в конце 1960-х гг., третья из них прошла в Москве в апреле 1968 г.¹⁸, а четвёртая в Риме в октябре 1969 г. В 1970-е гг. проведение советско-итальянских конференций продолжалось. Интересными результатами отличались пятая, состоявшаяся в Москве в 1972 г., шестая — в Венеции в 1974 г. и седьмая — в 1977 г. в Москве. Несмотря на то что материалы московских конференций 1970-х гг. не публиковались (они должны храниться в архивах Института всеобщей истории РАН, и будущие исследователи смогут ими пользоваться), часть их вошла в начавшие публиковаться

13 Классической стала его первая книга о разновидностях фашизма, изданная в Германии в 1963 г.: *Nolte E. Der Faschismus in seiner Epoche*. Verlag: R. Piper&Co. 1963. 633 S. См. рус. перевод: *Нольте Э. Фашизм в его эпохе*. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 568 с. Как рассказывал Нольте, это пиратские перевод и издание, сделанные без разрешения автора и немецкого издательства.

14 Обобщение поисков историков трех стран в разработке этой тематики см.: *Любин В.П. Преодоление прошлого: Споры о тоталитаризме*. М., 2005. 120 с.

15 *Лопухов Б.Р. Фашизм и рабочее движение в Италии, 1919–1929 гг.* М.: Наука, 1968. 414 с.

16 *Галкин А.А. Германский фашизм*. М.: Наука, 1977. 370 с.

17 См., например, его многотомную биографию Муссолини: *De Felice R. Mussolini rivoluzionario, 1889–1920*. Torino: Einaudi, 1965. 773 p. — и последующие тома.

18 Итальянское издание материалов третьей конференции: *III Convegno degli storici italiani e sovietici // Rassegna sovietica. Quaderno 3*. Roma, 1969.

с 1972 г. серии сборников «Проблемы итальянской истории» и «Россия и Италия».

О шестой венецианской конференции сохранился отчёт А.Н. Чистозвонова и Г.С. Филатова. Они писали, что шестая конференция советских и итальянских историков состоялась в Венеции 2–5 мая 1974 г. Предметом дискуссии стали проблемы: 1) торговля в XIII–XV вв.; 2) промышленное развитие и отражение его в политике периода империализма; 3) русская революция и Италия (1917–1922 гг.). В состав советской делегации входили: академик Л.В. Черепнин (глава делегации), С.В. Александров, В.И. Бовыкин, Н.П. Комолова, В.А. Куманев, В.И. Рутенбург, И.М. Табагуа, З.В. Удальцова, Г.С. Филатов, С.С. Хромов, А.Н. Чистозвонов. Итальянскую сторону представляли В. Бранка, П. Бреcci, Ф. Вальсекки, Л. Вальяни, В. Дзилли, М. Луццати, Р. Манселли, П. Мелограни, Р. Моска, Р. Ромео и др. В конференции участвовали историки-марксисты П. Алатри, Р. Ризалити и др., генеральный секретарь общества «Италия — СССР» сенатор Д. Адамоли. Советские историки представили три доклада: Л.В. Черепнин — «Роль торговли и купечества в Средние века»; В.И. Бовыкин — «Проблемы экономической и социальной истории России конца XIX — начала XX в.»; Н.П. Комолова — «Октябрьская революция и Италия». Доклад Б.Р. Лопухова «Великая Октябрьская революция и Италия» был отослан ранее. Итальянцы представили пять докладов: Р. Манселли — «Заметки к характеристике итальянского купечества»; Дж. Аре — «Историография промышленного развития и его политических последствий в период империализма»; А. Тамборра — «Русская революционная эмиграция в Италии накануне первой мировой войны»; П. Мелограни — «Русская революция и итальянское общественное мнение с 1917 по 1920 г.»; Р. Моска — «Итальянская дипломатия и Россия от Октябрьской революции до “марша на Рим”»¹⁹.

Продолжением серии встреч 1960–1970 гг., как отмечалось, стала девятая конференция в Москве в 1986 г. В изданном сборнике докладов по материалам конференции среди других помещена работа Н.П. Комоловой о советской историографии новой и новейшей истории Италии²⁰.

Будущие исследователи данных сюжетов как в России, так и в Италии дадут более полные оценки этим конференциям и их значе-

19 Чистозвонов А.Н., Филатов Г.С. Международные связи советских историков. VI конференция советских и итальянских историков // Вопросы истории. М., 1974. № 8. С. 170–172.

20 Комолова Н.П. Проблемы новейшей истории Италии в советской историографии // Италия в трудах советских историков: материалы IX советско-итальянской конференции историков, Москва, 1986. М.: ИВИ АН СССР, 1989. С. 112–149.

нию в деле укрепления научных контактов историков. Не буду утомлять читателя далее анализом содержания встреч и сути полемики между двумя противоположными сторонами. В заключение ограничусь лишь «околонаучными» наблюдениями и воспоминаниями.

Пятая конференция 1972 г. проходила в дни первого приезда в Москву американского президента Р. Никсона, когда были подписаны важнейшие соглашения между СССР и США об ограничении стратегических ядерных вооружений и средств их доставки. Итальянская делегация проживала в Москве в одной из лучших по тогдашним меркам гостинице — «Интуристе», расположенной в начале улицы Горького.

Запомнилась поездка участников в рамках культурной программы во Владимир и Суздаль, где провёл блестящую экскурсию академик Б.А. Рыбаков, учивший нас, студентов МГУ, истории Древней Руси и основам археологии. По окончании экскурсии, стоя на видовой площадке Владимирского кремля, с которой был виден бескрайний океан мещёрских лесов (для итальянцев сходный с сибирской тайгой), известный историк-международник Родольфо Моска спросил меня, показав рукой на эти дали: «Когда вы нас завоюете, вы меня туда сошлёте?»

А когда мы в мае 1972 г. оказались после Владимира в соседнем Суздале, специалист по истории России из Неаполя Вальдо Дзилли (интерес к нашей стране проявился у него после участия в войне 1941–1945 гг. на территории СССР в составе корпуса АРМИР и пребывания в советском плену), протянув руку в сторону толстостенного здания Спасо-Евфимьева монастыря, показал мне окно комнаты, где находился в плену он сам, и окно комнаты на другом этаже, где сидел сдавшийся в Сталинграде немецкий фельдмаршал Паулюс. Сотрудники гостиницы «Интурист» и соглядатаи, приставленные к наполненным отелю американским журналистам, удивлённо озирались в тот вечер на приехавшего из Суздаля В. Дзилли, увешанного перекинутыми через плечо, как пулеметные ленты, связками баранок-сушек (Никсон должен был появиться в Москве как раз на следующий день).

Вспоминая обо всём этом, можно констатировать, что замечательным результатом всех этих советско-итальянских конференций явилось установление деловых контактов, личные знакомства историков двух стран, из которых потом возникала многолетняя дружба и плодотворное научное сотрудничество. Мне посчастливилось присоединиться к участникам этих встреч на третьей конференции в Москве (8–10 апреля 1968 г.).

Все мы, итальянские и российские историки, обменивались нужными книгами, вместе выступали на советско-итальянских конференциях. Круг научных знакомств не ограничивался только историками. Благодаря знакомствам с туринцами А. Вентури и Д. Стеллой я смог

летом 1990 г. взять интервью в Турине у видного философа и политолога Норберто Боббио (позднее в течение нескольких лет между нами шла переписка)²¹. Турин, как известно, в XX в. был интеллектуальной столицей Италии. Немалый вклад в это внес как раз замечательный учёный, а в конце жизни сенатор Н. Боббио. Я знал его творчество и до нашей первой встречи перевёл и издал в ИНИОН рефераты на его книги, в том числе «Будущее демократии»²² и «Какой социализм. Дискуссия об альтернативе»²³. Получив в тот год полугодовой авторский отпуск, я оказался в июне 1990 г. в командировке в Италии и работал в архивах Рима, Милана, Флоренции, Турина над монографией об итальянских социалистах. Монография планировалась к публикации и защите в виде докторской диссертации в 1991 г. К сожалению, из-за событий в нашей стране в 1990-е гг., от которых сильно пострадала и наука, она была издана лишь много лет спустя²⁴. Советы Боббио, близкого тогда к ИСП, были важны для меня. Он пронизательно оценивал ситуацию, сложившуюся в конце перестройки в Советском Союзе, мечтал о том, что надо соединить лучшие черты социализма с некоторыми чертами капитализма, чтобы получился устойчивый вариант развития советской системы. Сохранившиеся у меня письма Боббио я передал А. Вентури во время конференции российских и итальянских историков в МГУ осенью 2013 г., чтобы они вернулись в архивы туринских научных центров и, возможно, пригодились для исследователей творчества этого итальянского ученого.

Контакты итальянских и российских учёных продолжаются до сих пор. В последние годы эти контакты стали особенно интенсивными. В частности, поочередно в Москве и Риме проводится серия конференций «Москва — Третий Рим», организованных Институтом российской истории. Лет десять назад по инициативе известного русиста В. Страды в Венеции была проведена встреча итальянских и российских исследователей, в центре внимания которой была трактовка феномена тоталитаризма в России и Италии. Здесь уже упоминались три конференции русских и итальянских историков по теме «Путешествие в Россию — путешествие в Италию». Они прошли на факультете журналистики МГУ в 2012–2013 гг. А перед ними в 2011 г. при участии Института итальянской культуры состоялась первая встреча из этой

21 См.: Любин В.П. Норберто Боббио: Политика и интеллектуалы // Вопросы философии. М., 1992. № 8. С. 158–171; Интервью Н. Боббио // Там же. С. 172.

22 *Bobbio N. Il futuro della democrazia.* Torino: Einaudi, 1984. XXII.

23 *Bobbio N. Quale socialismo? Discussione di un'alternativa.* Torino: Einaudi, 1977.

24 Любин В.П. Социалисты в истории Италии: ИСП и её наследники, 1892–2006. М.: Наука, 2007.

серии — в Московском государственном лингвистическом университете. Некоторые совместные конференции проходили и в регионах Италии и России (например, в Тренто, Екатеринбурге, Воронеже и т. д.).

Конференции и круглые столы с участием итальянских учёных (они касаются, правда, больше современной Италии, чем проблем Италии и России, как это было на советско-итальянских конференциях 1960–1980-х гг.) проводятся в последние годы в Институте Европы РАН.

Все эти и другие конференции можно воспринимать как продолжение советско-итальянских научных встреч, начавшихся в 1964 г.

Собственно говоря, таким логичным продолжением стала и конференция учёных России, Италии и Германии в посольстве Италии и в Институте Европы РАН 6 июля 2018 г., в день столетнего юбилея трагического события в особняке Берга — убийства германского посла Мирбаха. Для её проведения много сделали предложившие концепцию и организовавшие первую часть в здании посольства В. Феррара, Д. Клименко, Р. Алонци, а также Е. Маслова. Это мероприятие рассматривается организаторами как первый шаг к созданию Российско-итальянской комиссии по истории и культуре, которое хотят осуществить учёные двух стран в продолжение традиций своего сотрудничества в 1960–1980-е гг.

Такая Комиссия необходима, чтобы не получалось так, как в 2011 г., когда о 150-летнем юбилее объединения Италии наша историческая наука попросту «забыла». Не готовились никакие научные мероприятия и совместные публикации в этой связи. Исправляя создавшееся положение, мне пришлось тогда организовать серию «юбилейных» статей итальянских и российских историков в специальном номере правительственного журнала «Родина». Инициатива была поддержана Институтом итальянской культуры в Москве и его тогдашним директором профессором А. Делль Астой, а также его помощниками Р. Барбьери и М. Сика. Благодаря давним знакомствам удалось мобилизовать ряд итальянских коллег: С. Романо, Дж. Петракки, Э. Чинеллу, А. Вентури, Дж. Лами, супругов И. Гуэррини и М. Плувиано, М. Росси, С. Гардзонио, А. Делл'Асту.

На первых страницах журнала помещены приветствия Президента Российской Федерации Д.А. Медведева и Президента Итальянской Республики Джорджо Наполитано. Вступительные слова к подборке направили посол РФ в Риме А.Ю. Мешков и Италии в Москве А. Дзанарди Ланди. С российской стороны очерки опубликовали Т.В. Зонова, О.В. Серова, В.И. Михайленко, Д.А. Клименко, Т.А. Филиппова, Н.Б. Лебина. По две статьи написали А.В. Коробова и автор этих строк²⁵. В статьях представлены основные моменты истории российско-итальянских

25 См.: Россия и Италия // Родина: Российский исторический журнал. М., 2011. № 4. С. 1–2, 109–161.

взаимоотношений за 150 лет, дана картина внутривосточной жизни двух стран. Специальный выпуск «Родины» был представлен в мае 2011 г. на Туринской книжной ярмарке. Обложку журнала украшает фотография улыбающихся Юрия Гагарина и итальянской актрисы Джини Лолобриджи.

В последние годы в России переводятся книги итальянских коллег-историков²⁶, а в российских университетах и академических научно-исследовательских институтах работают молодые итальянцы, вносящие вклад в укрепление научных связей Италии и России.

Таким образом, начатое ещё в 1960-е гг. сотрудничество учёных-историков России (СССР) и Италии продолжается и приносит свои плоды.

26 См., например: Грациози А. История СССР. М.: Росспэн, 2016; Рокуччи А. Сталин и патриарх. Православная церковь и советская власть 1917–1958. М.: Росспэн, 2016.

Valerij Ljubin

Una breccia nella “cortina di ferro”: i convegni degli storici sovietici e italiani negli anni della guerra fredda

Traduzione di Ugo Persi

Nel periodo contrassegnato dalla guerra fredda talvolta accadevano fatti sorprendenti. Uno di questi, davvero fuori dal comune per i parametri di quei tempi, fu l'organizzazione dei convegni a cui prendevano parte gli storici dell'URSS e dell'Italia e nel cui ambito avevano luogo discussioni in cui gli studiosi esprimevano le proprie opinioni senza pregiudizi. Convegni di questo tipo, ossia con la partecipazione di storici occidentali, erano allora un evento raro¹. Grazie alle salde posizioni assunte dal Partito comunista italiano (PCI), in URSS si aveva per l'Italia un occhio di riguardo, il che favoriva la convocazione di tali convegni. Il fatto stesso che potessero aver luogo incontri di questo tipo fra specialisti sovietici e italiani, già noti nelle specifiche branche degli studi storici, costituisce un caso insolito rispetto alla logica della contrapposizione dei fronti tipica del periodo della guerra fredda. Ciò può essere considerato come una sorta di breccia nella cortina di ferro che iniziò a separare Oriente e Occidente dalla fine della Seconda guerra mondiale.

Va da sé che gli storici sovietici, rispetto ai loro più liberi colleghi italiani, erano ‘inchiodati’ ai dogmi del marxismo-leninismo dai quali non era ammesso retrocedere di un solo passo², e se pure agivano nel periodo del “disgelo” chruščeviano, essi erano comunque costretti nei limiti delle consue-

1 A partire dal 1958 si erano tenuti parallelamente convegni di storici sovietici e francesi.

2 Riportiamo qui i titoli degli articoli apparsi sulla stampa italiana relativi al primo convegno italo-sovietico: P. Alatri, *Storici a convegno*, in «Realtà Sovietica», 1964, n. 140, pp. 41–45; Id., *Fruttuosi incontri moscoviti fra storici italiani e sovietici*, in «Paese sera», I.XII.1964; R. Villari, *Orizzonti nuovi alla storiografia sovietica*, in «Rinascita», 7.XI.1964, pp. 25–26; G. Procacci, *Convegno italo-sovietico di studi storici*, in «Studi storici», 1964, n. 4, pp. 801–807; R. Romeo, *Organizzatissimi ma dogmatici gli studiosi sovietici di storia*, in «Corriere della sera», 8.II.1964; F. Venturi, *Chiusura di un dibattito*, in «Rivista storica italiana», 1964, n. 4, pp. 1070–1071. Sul primo e sui successivi convegni italo-sovietici era apparsa sui periodici scientifici dell'Unione Sovietica tutta una serie di giudizi, ma di essi riferiremo in seguito.

tudini di un regime appena affrancatosi dallo stalinismo ma ancora incapace di superarne le conseguenze negative.

Questi convegni italo-sovietici, iniziati nel 1964 (l'ultimo anno della segreteria Chruščev), proseguirono, sebbene non regolarmente, fino al 1986, giusto a ridosso della *perestrojka*. Dopodiché, su iniziativa dell'allora Ambasciatore italiano in URSS Sergio Romano, a Mosca nel 1987 e a Firenze nel 1988³, furono organizzate "tavole rotonde" (in realtà convegni veri e propri) dedicate alla fine della guerra fredda, che veniva annunciata a gran voce dai politici occidentali e dal leader sovietico M.S. Gorbačev, resosi assai gradito all'Occidente.

Tra gli anni 1960 e 1970 si erano tenuti alcuni convegni e incontri scientifici a cui avevano preso parte storici sovietici e italiani (per citarne uno, l'incontro avvenuto nel quadro del congresso del Comitato Internazionale di Scienze Storiche svoltosi a Mosca nell'agosto del 1970 nella sede del corpo centrale dell'Università Statale di Mosca, a cui convennero migliaia di partecipanti da tutto il mondo). Personalmente, avevo cominciato a partecipare a quegli incontri e convegni in qualità di interprete-accompagnatore nell'aprile del tumultuoso 1968, quando ero studente dell'Università Statale di Mosca. Continuai poi a prendervi parte come dottorando dell'Istituto di Storia Universale negli anni 1969–1972. In seguito partecipai come relatore a un convegno nel 1977, ma già col titolo di ricercatore dell'Istituto per l'Informazione sulle Scienze Sociali dell'Accademia delle Scienze dell'URSS. Gli atti degli ultimi convegni, ossia quelli avvenuti fra il 1970 e il 1980, purtroppo non furono mai pubblicati; i loro riferimenti nei cataloghi delle biblioteche o di internet sono irreperibili (solo parzialmente furono pubblicate alcune relazioni presentate al nono convegno tenutosi nel 1986)⁴.

Ecco raccolte sulla scrivania alcune miscellanee della mia biblioteca che mi sono servite come materiale di lavoro per il presente articolo: *Problemy sovetsko-ital'janskoj istoriografii. Materialy sovetsko-ital'janskoj konferencii istorikov*

3 Fra gli studiosi russi a questi convegni parteciparono attivamente T.V. Zonova, V.P. Gajduk, E.S. Tokareva, V.I. Michajlenko, V.P. Ljubin e altri.

4 Unitamente ad A. Venturi mi era già capitato di riferire su questi convegni in uno dei tre successivi incontri di storici russi e italiani tenutisi (tra l'altro, su mia iniziativa) presso la Facoltà di Giornalismo dell'Università Statale di Mosca negli anni 2012 e 2013 e divenuti una sorta di continuazione dei convegni degli anni 1960–1980. Purtroppo, questi incontri non ebbero una continuazione, e la proposta da me fatta di costituire una Commissione di storici russi e italiani per lo studio della storia e della cultura dei due paesi per ora non ha trovato realizzazione, nonostante molti colleghi italiani e russi siano pronti a sostenerla. Si veda: V. Ljubin, *Istoriografičeskaja otpeľ: konferencii sovetskich i ital'janskich istorikov v Moskve*, in *Putešestvie v Italiju — Putešestvie v Rossiju*. Sb. stat'ej [Disgelo storiografico: i convegni degli storici sovietici e italiani a Mosca, in *Viaggio in Italia — Viaggio in Russia*. Raccolta di articoli], Moskva 2014, pp. 221–228, 271; A. Venturi, *Disgelo storiografico: i convegni degli storici italiani e sovietici a Roma*, ivi, pp. 213–220, 270–271.

12–14 oktjabrja 1964 g., Nauka, Moskva 1964, 403 c.; *Rossija i Italija: Iz istorii rusko-ital'janskich kul'turnych i obščestvennych otnošenij*, Nauka, Moskva 1968, 464 c. (molti dei contributi di studiosi sovietici e italiani qui pubblicati, fra cui quelli di F. Venturi e G. Berti, furono presentati come relazioni al secondo convegno di Roma); *Dokumenty sovetsko-ital'janskoj konferencii istorikov, 8–10 aprelja 1968 g. Absolutizm v Zapadnoj Evrope i Rossii. Rusko-ital'janskije svjazi vo vtoroj polovine XIX v.*, Nauka, Moskva 1970, 374 c.; *Rossija i Italija. Materialy IV konferencii sovetskich i ital'janskich istorikov. Rim, 1969. Russkij i ital'janskij srednevekovyj gorod. Rusko-ital'janskije otnošenija v 1900–1914 gg.*, Nauka, Moskva 1972, 477 s.⁵. A questi testi si affianca il volume miscelaneo in lingua italiana inviati da Roma *Atti del II convegno degli storici italiani e sovietici. Roma, 1966*, in "I quaderni di Rassegna sovietica", n. 2, Roma, 1968, 501 pp.; vi è pubblicata l'eccellente relazione di Leo Valiani sulla storiografia della Prima guerra mondiale e dell'entrata in essa dell'Italia. A questa pubblicazione possiamo aggiungere il volume *Italija v trudach sovetskich istorikov* (IVI — AN SSSR. Moskva, 1989, 224 s.)⁶, in cui trovano sede gli atti di alcuni convegni.

Insieme all'analisi dell'organizzazione, dei contenuti e dell'eco che i convegni italo-sovietici ebbero negli ambienti degli storici, nel presente articolo confluiscono i miei ricordi personali come partecipante a quelle manifestazioni svoltesi tra gli anni '60 e gli anni '80. Dato che sono stati pubblicati in misura preponderante solo gli atti dei primi convegni degli anni '60, in questo articolo l'autore si soffermerà soprattutto su quelli, poiché, come già detto, le relazioni presentate nei convegni successivi (anni 1970–1980) non sono state pubblicate; ciò non permette di citarli e analizzarli.

Il primo convegno degli storici sovietici e italiani si era svolto a Mosca presso la Casa dell'Amicizia dal 12 al 14 ottobre 1964. Da parte sovietica fu organizzato dall'Istituto di Storia dell'Accademia delle Scienze dell'URSS e dall'Associazione "URSS-Italia"; da parte italiana l'incontro fu preparato dall'Associazione "Italia-URSS"⁷, dall'Istituto Gramsci del Comitato centrale

5 *Problemi di storiografia italo-sovietica. Atti del convegno italo-sovietico di storia. 12–14 ottobre 1964*. Nauka, Moskva 1964, 403 pp.; *Russia e Italia: aspetti della storia dei rapporti culturali e sociali russo-italiani*. Nauka. Mosca 1968, 464 pp.; *Documenti del convegno italo-sovietico di storia, 8–10 aprile 1968. L'assolutismo in Europa Occidentale e in Russia. Rapporti russo-italiani nella seconda metà del XIX secolo*, Nauka, Mosca 1970, 374 pp.; *Russia e Italia. Atti del IV convegno degli storici sovietici e italiani. Roma 1969. La città medievale russa e italiana. Rapporti russo-italiani negli anni 1900–1914*, Nauka, Mosca 1972, 477 pp.

6 *L'Italia negli studi degli storici sovietici*, Istituto di Storia Universale dell'Accademia delle Scienze dell'URSS, Mosca 1989, 224 pp.

7 Questa associazione «era sorta negli anni '40 come organizzazione ausiliare del Partito comunista italiano, ossia come tipico strumento del periodo della guerra fredda chiamato ad alimentare l'interesse per l'Unione Sovietica mediante l'organizzazione di scambi culturali fra i due paesi e il loro sviluppo»; A. Venturi, *op. cit.*, p. 213.

del PCI e dall'Associazione Nazionale degli Storici Italiani. Fra i partecipanti al primo convegno, e fra gli italiani promotori di questi incontri, si ricordano P. Alatri, F. Venturi, G. Berti, G. Procacci, M. Bendiscioli, R. Romeo, P. Villani.

Nel volume che raccoglie i risultati del primo convegno degli storici sovietici e italiani si rileva: «L'Associazione Nazionale degli Storici Italiani fondata nel 1963 dal suo presidente, il prof. F. Valsecchi, ha dichiarato essere suo scopo quello di sviluppare i contatti fra storici italiani di vario orientamento, nonché l'instaurazione di rapporti scientifici con gli studiosi di storia di tutto il mondo»⁸. Oltre al presidente prof. Valsecchi, un ruolo rilevante nella preparazione e nella realizzazione dei convegni, di fatto dal primo all'ultimo, lo ebbe la segretaria del comitato Clara Castelli.

La delegazione degli storici sovietici al primo convegno era costituita dall'accademico V.M. Chvostov, da M.Ja. Gefter, V.M. Dalin, N.M. Družin-in, L.I. Zubok, N.M. Lavrov, A.Z. Manfred, K.F. Misiano, A.L. Naročnickij, V.E. Nevler, dall'accademico M.V. Nečkina, da G.D. Običkin, V.I. Rutenburg, A.L. Sidorov, A.F. Smirnov, A.V. Fadeev, L.V. Čerepnin.

Nella relazione finale del convegno presentata dall'accademico S.D. Skazkin, da L.M. Bragina e da N.P. Komolova si sottolineava che come tema del primo incontro degli storici sovietici e italiani era stata scelta, su proposta dei colleghi italiani, la storiografia di ambedue i paesi nell'ultimo decennio attinente ai problemi di storia universale, compresa quella della Russia e dell'Italia nel periodo che va dal XVIII secolo al 1917. Il convegno era stato preceduto da una discussione tra gli studiosi dei due paesi che era stata pubblicata sulla stampa e che verteva intorno ai problemi relativi alle metodologie storiche; ne risultò in tutta la sua evidenza il reciproco interesse per lo sviluppo delle scienze storiche in Russia e in Italia. La discussione aveva per altro dimostrato che i colleghi italiani possedevano informazioni insufficienti, se non addirittura inesatte, sui risultati delle ricerche storiche in URSS e confermò la necessità di maggiori contatti personali per una migliore comprensione reciproca. «In Italia esistono pregiudizi circa l'evoluzione della storiografia sovietica ma questa discussione ha preparato il terreno alla reciproca comprensione». È convinzione degli autori dell'articolo che per successivi fruttuosi scambi di opinioni è necessario agli storici sovietici e italiani «non solo prendere in esame problematiche metodologiche ma anche analizzare i risultati concreti delle ricerche»⁹.

⁸ *Problemy sovetsko-ital'janskoj istoriografii. Materialy sovetsko-ital'janskoj konferencii 12-14 oktjabrja 1964 g.*, Nauka, Moskva 1966, p. 9; Edizione italiana: *Atti del I convegno degli storici italiani e sovietici (Mosca, 12-14 ottobre 1964)*, in «Quaderni di Rassegna sovietica», n. 1, Associazione italiana per i rapporti culturali con l'Unione Sovietica, Roma 1965.

⁹ S.D. Skazkin, L.M. Bragina, N.P. Komolova, *Meždunarodnye svjazi sovetskich istorikov. Sovetsko-ital'janskaja istoriografičeskaja konferencija*, [I rapporti internazionali degli storici sovietici. Convegno storiografico italo-sovietico] in «Voprosy istorii», 1965, n. 4, pp. 173-179.

In questo convegno e nei successivi furono dibattuti temi e argomenti quanto mai disparati. Prioritario fu lo studio dei rapporti italo-russi nei vari periodi storici, dal Medioevo al XIX e XX secolo. Si discusse del confronto tra l'assolutismo in Russia e l'assolutismo nei paesi europei, compresi gli stati italiani; dell'epoca illuminista e del suo influsso sull'evoluzione dei nostri paesi, nonché delle questioni relative al ruolo avuto dalla Russia e dall'Italia nella politica internazionale, delle loro divergenze e riavvicinamenti. Circa la storia del XX secolo, nelle discussioni emersero motivi di duro confronto sulle diverse valutazioni del fascismo. Non era raro il caso in cui alle discussioni partecipassero anche i direttori dei principali archivi: negli incontri bilaterali degli storici questa presenza oggi è una consuetudine — lo so per la mia pluriennale esperienza di lavoro nella Commissione congiunta russo-tedesca degli storici; allora, invece, era una novità meritevole di incoraggiamento.

Non si possono non ricordare anche gli eccezionali organizzatori, senza i quali i convegni degli anni '60 e '70 non si sarebbero potuti svolgere, e va ricordato anche il "genius loci": i convegni ebbero luogo nel centro di Mosca, presso la Casa degli Scienziati dell'Accademia delle Scienze sulla via Prečistenka e nella Casa dell'Amicizia fra i popoli sulla via Vozdvženka, di proprietà dell'Unione delle società dell'Amicizia fra i popoli.

Il primo convegno e il successivo non avrebbero avuto luogo senza la partecipazione di Paolo Alatri, che allora era a capo di "Italia-URSS", un'associazione che in Italia godeva di popolarità per la simpatia provata da gran parte degli italiani verso l'Unione Sovietica. L'organizzazione e attuazione dei due convegni, inoltre, sarebbero state impensabili senza l'impegno di F. Valsecchi, studioso erede di R. Villari e, soprattutto, di F. Venturi, primo attaché alla cultura dell'Ambasciata d'Italia a Mosca dopo il ristabilimento dei rapporti tra i nostri due paesi alla fine della Seconda guerra mondiale; Venturi è l'autore del libro, ormai considerato un classico, sul populismo russo¹⁰. Un grande contributo fu dato anche dai rappresentanti della storiografia italiana di orientamento marxista simpatizzanti dell'URSS, fra cui ricordiamo P. Alatri, E. Ragionieri, C. Vivanti e G. Procacci: quest'ultimo, che avrebbe in seguito occupato il posto di direttore della Fondazione Feltrinelli, era autore della celebre *Storia degli italiani*¹¹, poi tradotto anche in russo. Condividevano le loro opinioni politiche i fratelli Rosario e Lucio Villari, ma anche altri storici che venivano ai convegni di Mosca e partecipavano agli incontri romani.

Da parte sovietica i convegni non si sarebbero potuti svolgere senza Karolina Frančeskovna Misiano e i collaboratori della sua sezione, ossia del Gruppo per lo studio dell'Italia dell'allora Istituto di Storia, poi ribattezzato Istituto di Storia Universale dell'Accademia delle Scienze (essendo dottorando

¹⁰ F. Venturi, *Il populismo russo*, 2 voll., Einaudi, Torino 1952, CXXI-1194 pp.

¹¹ G. Procacci, *Storia degli italiani*, 2 voll., Laterza, Roma-Bari 1968, XV-574 pp.

di Karolina Frančeskovna, io avevo partecipato ai lavori del Gruppo dal 1969 al 1972). Tra i collaboratori c'erano N.P. Komolova, M.I. Koval'skaja, O.V. Serova, M.A. Dodolev, V.E. Nevler, O.V. Pirumova e altri. In stretta collaborazione con il Gruppo di ricerca sull'Italia agiva la cattedra di Storia moderna e contemporanea della Facoltà di Storia dell'Università Statale di Mosca. Alla cattedra lavorava I.V. Grigor'eva, allieva di K.F. Misiano, che prese parte a tutti i convegni. Un grande aiuto per la preparazione degli atti dei convegni moscoviti venne da alcuni noti esperti di questioni italiane: P.A. e Ju.P. Lisovskij, padre e figlio, che lavoravano all'Accademia delle Scienze, il docente dell'Università Statale di Mosca V.S. Bondarčuk e N.K. Kisovskaja.

Karolina Frančeskovna Misiano era figlia di Francesco Misiano, noto socialista passato poi al comunismo dopo la fondazione del partito nel 1921. Fu esiliato dall'Italia dopo la presa del potere da parte dei fascisti. Una famosa fotografia lo ritrae in piedi con la tabella "Traditore del popolo" da loro fissatagli sul petto. A Mosca Francesco Misiano ebbe un ruolo rilevante nel Komintern, occupò un posto di responsabilità nel Mežrabpom (l'organizzazione per gli Aiuti internazionali ai lavoratori) e ricoprì una funzione importante nella creazione del cinema proletario, che il Komintern sosteneva con ogni mezzo. Tutta la sua famiglia rimase a Mosca: figli e nipoti divennero cittadini sovietici.

Come scrive A. Venturi citando la corrispondenza di suo padre Franco con P. Alatri e G. Berti, nella preparazione del primo convegno non mancarono motivi di scontro, anche aspro: le opinioni dell' 'utopista' Berti e della 'realista' Misiano divergevano da quelle del 'romantico' Alatri. Ben conoscendo i rigidi confini posti dal regime sovietico, Berti e Misiano insistevano affinché gli incontri si limitassero a portare frutti sotto forma di scambi di specialisti e permessi agli storici di accedere agli archivi, mentre ad Alatri premeva soprattutto l'attuazione di incontri regolari e l'istituzione di contatti fra storici di entrambi i paesi¹².

È molto appropriata la denominazione "disgelo storiografico" che A. Venturi ed io usammo nelle relazioni presentate al convegno del 2013 (svoltosi presso l'Università Statale di Mosca); con quel termine intendevamo definire gli incontri italo-sovietici, nell'ambito dei quali gli storici ebbero modo di esprimere le proprie opinioni in maniera più aperta rispetto all'epoca staliniana. Se apriamo il volume degli atti del primo convegno e guardiamo la data in cui esso ebbe luogo, colpisce subito la sua coincidenza con una data importante per la storia del paese — la privazione di tutte le cariche inflitta a N.S. Chruščev e la salita al potere di una nuova dirigenza (il convegno del 1964 si svolse dal 12 al 14 ottobre e il 14 stesso Chruščev fu deposto). Il suo successore L.I. Brežnev era destinato a restare al potere per 18 anni.

Gli altri convegni italo-sovietici coincisero già con la sua segreteria, quando tendenze contraddittorie in seno al governo permettevano comunque

12 A. Venturi, *op. cit.*, p. 270.

di conservare alcune conquiste del disgelo chruščeviano. Tali contraddizioni avevano un risvolto anche sulla pubblicazione degli atti di uno stesso convegno in quanto l'edizione italiana e quella sovietica sovente differivano tra loro in maniera sostanziale. Per citare un esempio, l'edizione italiana del 1968 degli atti del secondo convegno tenutosi a Roma nel 1966 contiene articoli e interventi che per ragioni ideologiche e censorie non erano stati pubblicati in URSS. Bisogna ammettere che in questi convegni la polemica fra i rappresentanti dei due paesi e dei vari orientamenti politici e storiografici era sovente assai aspra. Ma anche fruttuosa. I contenuti dei convegni e le accese discussioni venivano ampiamente dibattute negli ambienti degli storici sovietici, e non solo tra gli studiosi di questioni italiane, mentre gli incontri stessi e la polemica, aperta o velata che fosse, esercitarono un benefico influsso sull'evoluzione degli studi storici in Unione Sovietica.

Al secondo convegno, svoltosi a Roma nel 1966, furono presentate relazioni dedicate a tutta una serie di tematiche, fra le quali la Prima guerra mondiale e il periodo che la precedette, e furono chiarite le ragioni dell'ascesa al potere del fascismo. Molte questioni sollevarono accese dispute. Nel rapporto stilato da due partecipanti, P.V. Volobuev e Ju.A. Pisarev, si comunicava quanto segue: «Dal 28 al 30 maggio 1966 si è svolto a Roma il secondo convegno degli storici dell'Unione Sovietica e dell'Italia. Ai lavori ha partecipato una rappresentativa delegazione di 38 storici sovietici capeggiata dal direttore dell'Istituto di Storia dell'Accademia delle Scienze dell'URSS V.M. Chvostov. Della delegazione facevano parte eminenti studiosi sovietici, specialisti sia di storia patria che di storia universale, ricercatori di istituti accademici e scuole superiori di Mosca, Leningrado e di molte repubbliche dell'Unione. La parte italiana era rappresentata da storici di varie scuole e orientamenti politici e ideologici; la sua delegazione era capeggiata da P. Alatri, segretario generale dell'Associazione "Italia-URSS"».

Rispetto al primo convegno italo-sovietico, che aveva un carattere precipuamente informativo e storiografico, il secondo vide le discussioni vertere su problematiche scientifiche concrete. Tre i temi principali: rapporti sociali, politici e culturali italo-russi tra il XVIII e il XIX secolo; evoluzione agraria della Russia e dell'Italia tra il XVIII e il XIX secolo; origini della Prima guerra mondiale. Tali problematiche, che erano di interesse comune sia per gli storici sovietici sia per quelli italiani, davano adito all'applicazione del cosiddetto metodo storico comparativo. La relazione di L. Valiani riguardava le origini della Prima guerra mondiale e l'entrata in essa dell'Italia. Oltre alle specificità delle posizioni di politica estera dell'Italia alla vigilia e durante la guerra, grande attenzione fu dedicata anche all'analisi della suddivisione nel paese delle classi sociali e alla posizione delle forze politiche durante il periodo della neutralità italiana del 1914–1915. L. Valiani espresse grande apprezzamento per gli studi sovietici dedicati alla Prima guerra mondiale e alla discussione succeduta alla sua

relazione presero parte, per i sovietici, V.M. Chvostov, K.B. Vinogradov, P.V. Volobuev, N.P. Komolova, I.M. Tabagua; per gli italiani — P. Alatri e F. De Felice.

Gli storici sovietici approvarono l'approccio del relatore all'interpretazione delle origini della guerra. Contro alcune sue posizioni (come il problema dell'interventismo italiano, il ruolo del Partito socialista negli anni 1914–1915 e alcune altre) furono sollevate obiezioni la cui fondatezza fu costretto a riconoscere, almeno in parte, lo stesso relatore. I capi delle due delegazioni, P. Alatri e V.M. Chvostov, nei loro discorsi di chiusura sottolinearono il bilancio positivo del convegno e rilevarono come i lavori si fossero svolti in un'atmosfera di creatività e concretezza. Gli studiosi sovietici concordarono con i colleghi italiani lo «scambio di edizioni scientifiche e la preparazione comune di una serie di studi»¹³.

A proposito delle delegazioni sovietiche presenti a questi convegni va detto che vi prendeva parte il fior fiore dei nostri specialisti di storia dell'Italia. Qualcuno con felice battuta disse che la disciplina si estendeva «da Rutenburg a Orenburg»; spiego per le generazioni più giovani: Viktor Ivanovič Rutenburg era un noto medievista leningradese specializzato in questioni italiane, mentre all'Istituto pedagogico di Orenburg in quegli anni insegnava Zinaida Pavlovna Jachimovič. Ambedue avevano partecipato ai convegni italo-sovietici presentando brillanti relazioni.

Se si leggono con attenzione i contenuti degli atti dei vari convegni si noterà che gli storici sovietici, polemizzando con gli italiani, riaffermavano instancabilmente la propria fedeltà ai principi del marxismo-leninismo. Il nome di Lenin e l'incontestabilità del suo insegnamento venivano ribaditi decine di volte, mentre le deviazioni dal marxismo degli storici italiani che si attenevano ad altre opinioni suscitavano aspre critiche da parte dei colleghi sovietici. Era una sorte toccata, per esempio, all'eminente storico di orientamento liberale R. Romeo e a L. Valiani, che in seguito sarebbe diventato senatore, il quale si era distaccato dall'approccio ideologico marxista professato in precedenza.

L'eminente storico sovietico B. R. Lopuchov, autore di un gran numero di eccellenti monografie sulla storia del fascismo, veniva raramente coinvolto nei lavori di questi convegni avendo preso le distanze dall'approccio dogmatico ed avendo difeso una posizione indipendente nell'interpretazione della storia italiana recente. Ciò nonostante avevano scelto proprio lui come responsabile per l'accoglienza a Mosca nell'agosto del 1970 della numerosa delegazione di studiosi italiani al Congresso mondiale degli storici che aveva cadenza quinquennale. Della delegazione faceva parte anche il noto uomo politico G. Andreotti. La sede del congresso era il corpo centrale dell'Università Statale di Mosca nel quale vennero messe a disposizione tutte le aule adatte allo scopo. In quel frangente ebbi l'occasione di aiutare B. R. Lopuchov nella gestione del

¹³ P.V. Volobuev, Ju.A. Pisarev, *Konferencija sovjetskich i ital'janskich istorikov [Il convegno degli storici sovietici e italiani]*, in «Voprosy istorii», 1966, n. 10, pp. 190–193.

soggiorno della delegazione italiana in quanto conoscevo bene quell'edificio, essendomi da poco laureato in quella università e divenuto poi dottorando all'Istituto di Storia Universale.

Tra i partecipanti del congresso si notava l'«inseparabile terzetto» formato da studiosi legati da una stretta amicizia ma anche dalle opinioni politiche: due facevano parte del PCI, il terzo simpatizzava per i laburisti inglesi. Erano Corrado Vivanti, medievista, collaboratore della casa editrice Einaudi, promotore dell'esemplare *Storia d'Italia* in molti volumi; Ernesto Ragionieri, chiamato dai colleghi «lo storico ufficiale» del PCI, sebbene a lui questo non piacesse, studioso di storia del movimento socialista e responsabile dell'edizione delle *Opere* di P. Togliatti. Ambedue avevano attivamente partecipato ai convegni italo-sovietici apportando un sensibile contributo allo sviluppo della collaborazione. E infine l'inglese Stuart Woolf: autore di alcuni lavori sulla storia italiana del XIX secolo, capo del Centro di ricerche italiane a Reading¹⁴, aveva pubblicato in Inghilterra interessanti antologie di storia del fascismo e fu uno dei fondatori dell'Istituto Universitario Europeo di Fiesole.

Il congresso di Mosca fu la continuazione degli incontri precedenti e segnò lo sviluppo dei fruttuosi contatti con gli studiosi italiani che erano iniziati con i convegni italo-sovietici. Senza di essi, non solo io ma anche gli altri nostri esperti di cose italiane difficilmente avremmo potuto allacciare seri contatti con i colleghi italiani. Una vera fortuna fu poter incontrare nell'ambito di quel congresso Leo Valiani ai cui lavori avevo fatto riferimento quando scrivevo la mia dissertazione (che in seguito divenne un libro) sull'Italia alla vigilia della Prima guerra mondiale¹⁵.

L'occasione di dialogare con Valiani si presentò al congresso dell'agosto 1970. A causa dei molteplici impegni egli mi propose di conversare strada facendo verso l'albergo Metropol', dove risiedevano i membri della delegazione italiana. La nostra conversazione, che si svolgeva contemporaneamente in italiano e in tedesco (la seconda lingua madre di Valiani), suscitava gli sguardi stupiti dei passeggeri dell'autobus n. III che allora faceva la spola tra l'università e il centro di Mosca. Poco prima Valiani aveva avuto una felice battuta, quando, visto uscire da un grande ascensore un carrello pieno fino all'orlo di prodotti alimentari e spinto da una donna piccoletta, disse: «Ora capisco perché avete vinto la guerra!».

Alla fine del congresso dettero uno spettacolo al Bol'soj (era il balletto *Spartak*) al quale le mogli di alcuni storici italiani, giunte con i rispettivi mariti nella Mosca agostana, si presentarono, come usa alle prime della Scala, abbigliate con capi in pelliccia. Gli spettatori le guardavano di sbieco attirati

¹⁴ The Centre for the Advanced Study of Italian Society. [N. d. T.]

¹⁵ V.P. Ljubin, *Italija nakanune vstuplenija v Pervuju mirovuju vojnu. Na puti k krachu liberal'nogo gosudarstva* [L'Italia alla vigilia della Prima guerra mondiale. Sulla via del fallimento dello Stato liberale], Nauka, Moskva 1982, 192 pp.

da un abbigliamento tanto inconsueto in agosto. A dire il vero, io stesso, che da studente avevo pur lavorato per due anni come operaio di scena al Bol'soj, non avevo mai visto nulla di simile.

Per gli storici sovietici e italiani il Congresso del 1970 rappresentò una riuscita continuazione dei quattro convegni svoltisi tra il 1964 e il 1969. Durante i lavori del congresso L. Valiani ebbe modo di discutere con V.M. Chvostov, presidente della sezione dedicata alla storia del fascismo. Verso la metà degli anni '60 in Italia e Germania era iniziata la seria analisi scientifica del fascismo e del nazismo. Pioniere di tali studi in Germania fu il prof. Ernst Nolte, iniziatore della ben nota "controversia degli storici" del 1986 (lo conobbi in occasione di quello storico congresso: egli poi mi spediva i suoi libri affinché li recensissi¹⁶ e continuammo a scriverci fino alla fine della sua vita¹⁷). Per molti storici dell'URSS e dei paesi socialisti quell'analisi così libera da preconcetti ebbe l'effetto di una rivelazione. È probabile che se queste problematiche non fossero state affrontate in precedenza nelle discussioni italo-sovietiche il risultato dei lavori in seno a quella sezione sarebbe stato più modesto.

Nella progettazione delle tematiche dei convegni si faceva in modo di evitare argomenti scottanti e politicamente impegnati. Uno di questi era proprio lo studio dei "regimi totalitari". In quegli anni nella storiografia sovietica, tedesca e italiana l'attività di ricerca sulla Germania nazista e l'Italia fascista procedeva molto attivamente¹⁸. Nel 1969 fu pubblicata la monografia di B.R. Lopuchov (che era la sua dissertazione per l'ottenimento del titolo di professore ordinario) *Fascismo e movimento operaio in Italia: 1919-1929*¹⁹. Sul nazismo un classico era considerato il libro di A.A. Galkin *Il fascismo germanico*²⁰. In Italia pioniere degli studi scientifici sul fascismo fu lo storico romano Renzo De Felice²¹.

16 Un classico divenne il suo primo libro sulle varie forme di fascismo edito in Germania nel 1963: E. Nolte, *Der Faschismus in seiner Epoche [Il fascismo nella sua epoca]*, R. Piper & Co. Verlag, München 1963, 633 pp. Si veda l'edizione russa: E. Nolte, *Fasizm v ego epoche*, Sibirskij chronograf, Novosibirsk 2001, 568 pp. Come mi raccontava Nolte, queste sono una traduzione e un'edizione pirata effettuate senza la concessione dell'autore e della casa editrice tedesca. L'ultima edizione italiana è: E. Nolte, *Il fascismo nella sua epoca. I tre volti del fascismo*, Sugarco Edizioni, Milano 1993, 852 pp. [N. d. T.]

17 Avvenuta a Berlino il 18 agosto 2016 all'età di novantatré anni. [N. d. T.]

18 Per una sintesi delle ricerche effettuate dagli storici dei tre paesi su questa tematica si veda: V.P. Ljubin *Preodolenie prošlogo: Spory o totalitarizme* [Il superamento del passato: discussioni sul totalitarismo], Moskva 2005, 120 pp.

19 B.R. Lopuchov, *Fasizm i rabočee dvoženie v Italii, 1919-1929* gg. [Il fascismo e il movimento dei lavoratori in Italia, 1919-1929], Nauka, Moskva 1968, 414 pp.

20 A.A. Galkin, *Germanskij fasizm* [Il fascismo tedesco], Nauka, Moskva 1977, 370 pp.

21 Si veda, ad esempio, la sua biografia di Mussolini in più volumi: R. De Felice, *Mussolini il rivoluzionario. 1883-1920*, Einaudi, Torino 1965, XXX-773 pp.

I convegni raccoglievano il fior fiore dei ricercatori sovietici e le delegazioni degli storici che venivano inviate in Italia parevano piccoli eserciti. I convegni continuarono negli ultimi anni '60: il terzo si svolse a Mosca nell'aprile del 1968²² e il quarto a Roma nell'ottobre del 1969. Gli incontri continuarono negli anni '70: il quinto convegno si svolse a Mosca nel 1972 e si distinse per gli interessanti risultati, poi il sesto nel 1974 a Venezia, e il settimo nel 1977 a Mosca. Sebbene gli atti dei convegni moscoviti degli anni '70 non fossero stati pubblicati (sono conservati negli archivi dell'Istituto di Storia universale dell'Accademia russa delle scienze e i futuri ricercatori li potranno utilizzare), una parte di essi venne inserita nelle serie *Questioni di storia italiana e Russia e Italia* che avevano dato il via alle proprie pubblicazioni nel 1972.

Del sesto convegno, quello veneziano, si è conservato il resoconto finale stilato da A.N. Čistozvonov e G.S. Filatov. Così è scritto: il VI convegno degli storici sovietici e italiani si è tenuto a Venezia dal 2 al 5 maggio 1974. Temi delle discussioni: 1) Il commercio nei secoli XIII-XV; Lo sviluppo industriale e i suoi riflessi sulla politica nell'epoca dell'imperialismo; 3) La rivoluzione russa e l'Italia (1917-1922). Hanno fatto parte della delegazione sovietica: l'accademico L.V. Čerepnin (capodelegazione), S.V. Aleksandrov, V.I. Bovykin, N.P. Komolova, V.A. Kumanev, V.I. Rutenburg, I.M. Tabagua, Z.V. Udalcova, G.S. Filatov, S.S. Chromov, A.N. Čistozvonov. L'Italia era rappresentata da V.Branca, P.Brezzi, F.Valsecchi, L.Valiani, V. Zilli, M.Luzzati, R.Manselli, P.Melograni, R.Mosca, R.Romeo e altri. Hanno partecipato ai lavori storici marxisti come P.Alatri, R.Risaliti, il senatore D. Adamoli segretario generale dell'Associazione "Italia-URSS". Gli storici sovietici hanno presentato tre relazioni: L.V. Čerepnin, *Il ruolo del commercio e della classe mercantile nel Medioevo*; V.I. Bovykin, *Questioni di storia economica e sociale in Russia tra la fine del XIX e l'inizio del XX secolo*; N.P. Komolova, *La Rivoluzione d'ottobre e l'Italia*. La relazione di B.R. Lopuchov, *La grande Rivoluzione d'ottobre e l'Italia*, è stata spedita in precedenza. Gli italiani hanno presentato cinque relazioni: R. Manselli, *Osservazioni sulla specificità della classe mercantile italiana*; G. Are, *Storiografia dello sviluppo industriale e le sue conseguenze politiche nel periodo dell'imperialismo*; A. Tamborra, *L'emigrazione rivoluzionaria russa in Italia alla vigilia della Prima guerra mondiale*; P. Melograni, *La rivoluzione russa e l'opinione pubblica italiana dal 1917 fino al 1920*; R. Mosca, *La diplomazia italiana e la Russia dalla Rivoluzione d'ottobre fino alla "marcia su Roma"*²³.

Come già detto, il nono convegno tenutosi a Mosca nel 1986 fu la continuazione degli incontri svoltisi tra il 1960 e il 1970. Negli atti, fra gli altri,

22 Edizione italiana degli atti del terzo convegno: *III Convegno degli storici italiani e sovietici*, in «Rassegna sovietica», Quaderno 3, 1969.

23 A.N. Čistozvonov, G.S. Filatov, *Meždunarodnye svjazi sovetskich istorikov. VI konferencija sovetskich i ital'janskich istorikov* [I rapporti internazionali degli storici sovietici. VI convegno degli storici sovietici e italiani], in «Voprosy istorii», 1974, n. 8, pp. 170-172.

venne inserito il contributo di N. P. Komolova sulla storiografia sovietica in rapporto alla storia moderna e contemporanea dell'Italia²⁴.

I futuri ricercatori che studieranno questi argomenti, sia in Russia che in Italia, potranno dare valutazioni più complete sui convegni di cui abbiamo parlato e sul loro significato riguardo al rafforzamento dei rapporti di studio fra storici. Non tedierò oltre i lettori con l'analisi dei contenuti di quegli incontri e della sostanza delle polemiche sorte fra le due parti contrapposte: concludendo, mi limiterò a ricordi e osservazioni "pseudoscientifiche".

Il quinto convegno si svolse nel 1972 proprio nei giorni dell'arrivo a Mosca del Presidente americano R. Nixon, quando furono firmati importantissimi accordi fra URSS e USA per la limitazione degli armamenti nucleari strategici e del loro dislocamento. La delegazione italiana era alloggiata all'"Inturist", secondo gli standard del tempo uno dei migliori hotel di Mosca, situato all'inizio della via Gor'kij²⁵. Mi è restato nella mente il ricordo dell'escursione nelle città di Vladimir e Suzdal' prevista dal programma del convegno e di quanto fosse stata brillante la guida dell'accademico B.A. Rybakov, che all'Università Statale di Mosca ci insegnava la storia dell'antica Russia e i fondamenti dell'archeologia. Alla fine dell'escursione, stando sulla terrazza panoramica del cremlino di Vladimir dalla quale lo sguardo spaziava sull'immensità della foresta di Meščera (per gli italiani era simile alla *tajga* siberiana), Rodolfo Mosca, eminente studioso di storia internazionale, mi chiese indicando con la mano quelle lontananze: «Quando ci conquisterete, è là che mi deporterete?».

Quando invece nel maggio del 1972 dopo la visita a Vladimir visitammo la vicina Suzdal' lo specialista napoletano di storia della Russia Valdo Zilli (il suo interesse per il nostro paese si manifestò dopo aver combattuto nella guerra del 1941-'45 sul territorio dell'URSS in seno all'ARMIR e dopo la conseguente prigionia sovietica), col braccio teso verso le spesse pareti del monastero di Sant'Eutimio mi indicò la finestra della stanza dove lui era stato prigioniero, e poi la finestra di una stanza ad un altro piano, dove era stato recluso il feldmaresciallo tedesco Paulus che si era arreso a Stalingrado. Il personale dell'"Inturist" e le spie messe alle calcagna dei giornalisti americani che avevano riempito l'albergo, quella sera si voltavano esterrefatti verso Zilli che era appena tornato da Suzdal' con collane di taralli appese a tracolla a mo' di cartucce di mitragliatrice (Nixon doveva arrivare a Mosca proprio il giorno dopo).

24 N.P. Komolova, *Problemy novejšej istorii Italii v sovetskoj istoriografii*, in *Italija v trudach sovetskich istorikov. Materialy IX sovetsko-ital'janskoj konferencii istorikov. Moskva, 1986* [Questioni di storia contemporanea italiana nella storiografia sovietica, in *L'Italia negli studi degli storici sovietici. Atti del IX convegno degli storici italiani e sovietici. Mosca, 1986*], IVI AN SSSR, Moskva 1989, pp. 112-149.

25 Oggi la via ha riacquisito il suo antico nome — Tverskaja. [N. d. T.]

Da tutti questi ricordi si può capire che un eccezionale risultato di quei convegni italo-sovietici fu proprio l'instaurazione di rapporti di lavoro e personali tra gli storici dei due paesi, rapporti dai quali in seguito nacquero amicizie durate negli anni e fruttuose collaborazioni a livello scientifico. Come avevo detto, io ebbi la fortuna di unirmi ai partecipanti di quegli incontri in occasione del terzo convegno di Mosca (8-10 aprile 1968).

Noi tutti storici russi e italiani ci scambiavamo utili libri, insieme partecipavamo ai convegni italo-sovietici, ma il giro di conoscenze non si limitava all'ambiente degli storici. Grazie alla conoscenza dei torinesi A. Venturi e D. Stella nell'estate del 1990 ebbi la possibilità di intervistare a Torino l'eminento filosofo e politologo Norberto Bobbio (col quale poi rimasi in rapporto epistolare per alcuni anni)²⁶. È noto che Torino è stata la "capitale intellettuale d'Italia" del XX secolo e a questo aveva contribuito in misura considerevole proprio quell'eccezionale studioso, che verso la fine della sua vita fu nominato senatore. Conoscevo le sue opere, e prima del nostro incontro avevo già tradotto e pubblicato all'Istituto per l'Informazione sulle Scienze Sociali alcune relazioni sui suoi libri, come *Il futuro della democrazia*²⁷ e *Quale socialismo? Discussione di un'alternativa*²⁸. Ottenuto quell'anno un congedo per ricerche di sei mesi, mi trovai in missione in Italia dove negli archivi di Roma, Milano, Firenze e Torino ebbi modo di lavorare a una monografia sui socialisti italiani: contavo di pubblicarla e poi discuterla nel 1991 come dissertazione per la qualifica di ordinario. Sfortunatamente, a causa dei fatti svoltisi nel nostro paese negli anni '90, di cui molto soffrirono anche le scienze, la mia monografia fu pubblicata solo molti anni dopo²⁹. I consigli che mi diede Bobbio, allora vicino al PSI, furono per me di grande importanza. Egli si era dimostrato in grado di valutare con grande acume la situazione creatasi in Unione Sovietica alla fine della *perestrojka* e auspicava la fusione dei migliori principi del socialismo con alcuni tratti del capitalismo al fine di ottenere una variante stabile nell'evoluzione del sistema sovietico. Le lettere di Bobbio che conservavo le ho consegnate ad A. Venturi durante il convegno all'Università Statale di Mosca dell'autunno 2013 affinché trovassero collocazione negli archivi dei centri di ricerca torinesi e, magari, fossero di vantaggio a chi per le proprie ricerche si occupa di N. Bobbio.

I contatti tra studiosi italiani e russi continuano fino al giorno d'oggi e in questi ultimi anni sono divenuti sempre più intensi: in particolare va

26 Vedasi: V.P. Ljubin, *Norberto Bobbio: Politika i intellektualy* [Norberto Bobbio: Politica e intellettuali], in «Voprosy filosofii», 1992, n. 8, pp. 158-171; Id., *Interv'ju N. Bobbio* [Intervista a N. Bobbio], *ivi*, p. 172.

27 N. Bobbio, *Il futuro della democrazia*, Einaudi, Torino 1984, XXII-220 pp.

28 N. Bobbio, *Quale socialismo? Discussione di un'alternativa*, Einaudi, Torino 1977, 109 pp.

29 V.P. Ljubin, *Socialisty v istorii Italii: ISP i ee nasledniki, 1892-2006* [I socialisti nella storia d'Italia: il PSI e i suoi successori], Nauka, Moskva 2007, 463 pp.

ricordato che alternativamente a Mosca e a Roma si tengono i convegni che hanno per tema “Mosca terza Roma” organizzati dall’Istituto di Storia Russa. Su iniziativa del noto russia V. Strada una decina di anni fa venne organizzato a Venezia un incontro di studio italo-russo il cui fulcro era l’interpretazione del fenomeno del totalitarismo in Russia e in Italia. In questo articolo sono già stati menzionati tre convegni di storici russi e italiani sul tema “Viaggio in Russia – Viaggio in Italia” svoltisi presso la Facoltà di Giornalismo dell’Università Statale di Mosca negli anni 2012–2013, mentre in precedenza, nel 2011, si era tenuto presso l’Università Linguistica Statale di Mosca il primo incontro di questa serie con la partecipazione dell’Istituto Italiano di Cultura. Altri convegni avevano avuto luogo in alcune regioni dell’Italia e della Russia (per esempio a Trento, Ekaterinburg, Voronež ed in altre località)³⁰.

Una serie di convegni con la partecipazione di studiosi italiani viene organizzata negli ultimi anni dall’Istituto per l’Europa dell’Accademia russa delle scienze (va però detto che questi incontri sono dedicati più all’Italia contemporanea che alle problematiche italo-russe di storia, come avveniva nei convegni degli anni ’60-’80).

Questi ed altri convegni possono essere tutti considerati la continuazione degli incontri italo-russi iniziati nel 1964.

Per correttezza va detto che logica continuazione di quegli incontri è stato anche il convegno che ha visto la partecipazione di studiosi provenienti da Russia, Italia e Germania presso l’Ambasciata d’Italia e l’Istituto per l’Europa dell’Accademia russa delle scienze il 6 luglio 2018 in occasione del centenario del tragico assassinio perpetrato a Villa Berg ai danni dell’Ambasciatore germanico Mirbach. All’attuazione di questo evento hanno generosamente contribuito, ideandolo e organizzandone la prima parte nella sede dell’Ambasciata, V. Ferrara, D. Klimenko e R. Alonzi, la quale ne ha redatto anche il progetto scientifico; ma molto si deve anche a E.A. Maslova, responsabile della preparazione dei contributi dei partecipanti russi e dell’attuazione della seconda parte del convegno presso l’Istituto per l’Europa dell’Accademia russa delle scienze. Gli organizzatori considerano questa iniziativa come il primo passo verso la creazione di una Commissione italo-russa per la storia e la cultura che gli studiosi dei due paesi intendono realizzare a proseguimento della tradizione collaborativa degli anni ’60-’80.

Una commissione di questo genere è necessaria affinché non si ripeta ciò che avvenne nel 2011, quando del centocinquantesimo anniversario dell’unificazione dell’Italia i nostri storici semplicemente se n’erano “scordati”. Su quel tema non erano state indette iniziative di alcun tipo, né erano state preparate pubblicazioni comuni relative a quell’evento. Per cercare di sanare quella situa-

³⁰ Si veda, ad esempio: URL: <https://gorcom36.ru/content/uroki-italyansko-go-v-voronezhe-italyanskie-uchenye-otsenili-podvig-sovetskikh-soldat-v-pobede-nad-fa/>.

zione dovetto organizzare la pubblicazione di una serie di articoli “celebrativi del giubileo” scritti da storici e specialisti russi e italiani in un numero speciale della rivista governativa “Rodina”. L’iniziativa fu sostenuta dall’Istituto Italiano di Cultura di Mosca e dall’allora direttore professor A. Dell’Asta, nonché dai suoi collaboratori R. Barbieri e M. Sica. Grazie alle vecchie conoscenze riuscimmo a “mobilitare” un certo numero di colleghi: S. Romano, G. Petracchi, E. Cinnella, A. Venturi, G. Lami, i coniugi I. Guerrini e M. Pluviano, M. Rossi, S. Garzonio, A. Dell’Asta.

Nelle prime pagine della rivista sono pubblicati i saluti del Presidente della Federazione Russa D.A. Medvedev e del Presidente della Repubblica Italiana Giorgio Napolitano. Le prefazioni alla raccolta di articoli sono state inviate dagli Ambasciatori della Federazione Russa a Roma — A.Ju. Meškov, e dell’Italia a Mosca — A. Zanardi Landi. Da parte russa vi hanno pubblicato i loro articoli T.V. Zonova, O.V. Serova, V.I. Michajlenko, D.A. Klimenko, T.A. Filippova, N.B. Lebina. Due articoli sono di A.V. Korobova e dell’autore di queste righe³¹. Negli articoli vengono esposti i fatti salienti nella storia dei rapporti italo-russi nel corso degli ultimi 150 anni e viene fornito un quadro della vita politica interna dei due paesi. Un’edizione speciale di “Rodina” fu presentata al Salone del Libro di Torino nel maggio 2011. Illustrano la copertina i volti sorridenti di Jurij Gagarin e dell’attrice italiana Gina Lollobrigida.

In questi ultimi anni vengono tradotti in Russia libri di colleghi storici italiani³², mentre nelle università russe e negli istituti di ricerca dell’Accademia russa delle scienze lavorano giovani italiani che apportano il loro contributo per il rafforzamento dei rapporti scientifici fra Italia e Russia.

In tal modo la collaborazione fra studiosi di storia della Russia (URSS) e dell’Italia iniziata nei lontani anni ’60 prosegue e continua a dare i suoi frutti.

³¹ Vedasi: *Rossija i Italia*; in «Rodina: Rossijskij istoričeskij žurnal», 2011, n. 4, pp. 1–2, 109–161.

³² Per esempio: Graciosi [Graziosi] A., *Istorija SSSR* [Storia dell’URSS], edizione russa a cura di V.P. Ljubin, Rosspen, Moskva 2016, 632 pp.; Rokučči [Roccucci] A., *Stalin i patriarcb. Pravoslavnaja cerkov’ i sovetskaja vlast’ 1917–1958* [Stalin e il patriarca. La chiesa ortodossa e il potere sovietico], Rosspen, Moskva 2016, 584 pp.

Горбачёвский исторический компромисс. СССР и Италия в период перестройки

На протяжении значительной части своей истории Италия относилась к царской России, СССР, а затем и к новой России «со смешанным чувством превосходства, опасения и уважения к политико-государственному образованию, которое олицетворяло на разных отрезках своей истории и монархический абсолютизм, и сталинскую тиранию, и реформаторство горбачёвской перестройки, и “просвещённый авторитаризм” постсоветских лидеров»¹.

СПЕЦИФИКА СОВЕТСКО-ИТАЛЬЯНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Можно сказать, что, за исключением некоторых периодов в истории советско-итальянских отношений, в целом они развивались относительно бесконфликтно и ровно. Удалённость Италии от линии противостояния между Востоком и Западом обусловила более спокойное отношение страны к тезису о военной угрозе СССР. Тем не менее советско-итальянские отношения имеют свою специфику, связанную с поствоенным водоразделом коммунизм/антикоммунизм, который имел не только внешнее, но и внутреннее измерение. Принято считать, что помимо СССР перестройка и последующие за ней события в наибольшей степени затронули страны Восточной Европы, где крах коммунизма стёр линию противостояния между Востоком и Западом, создав предпосылки для объединения ГДР и ФРГ. Однако кризис коммунистической идеологии затронул и те страны Западной Европы, где были сильны позиции коммунистических партий. Это в первую очередь касается Италии, где Итальянская коммунистическая партия (ИКП) играла особую роль. Особое место ИКП занимала и в Международном коммунистическом движении (МКД), и, соответственно, в отношениях с СССР и КПСС, стоявших у руля МКД.

¹ Цит. по: Арбатова Н. Современная Россия глазами итальянцев // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 2. С. 49–55.

ПРЕДПОСЫЛКИ И СУТЬ ПЕРЕСТРОЙКИ

Начало 1980-х гг. было отмечено ростом напряжённости между Востоком и Западом и, как следствие, перезапуском антикоммунистической кампании. Её перезапуск в международных отношениях, особенно после победы Рональда Рейгана в Соединённых Штатах (январь 1981 г.), нашёл плодородную почву в Италии, где внешняя угроза имела и внутреннее измерение. Тем не менее российско-итальянские экономические и торговые связи оставались тесными, невзирая на жёсткие политические декларации официального Рима относительно вторжения СССР в Афганистан, а также по поводу событий в Польше в период декабрьского кризиса 1981 г. К середине 1980-х гг. в советско-итальянских отношениях существовал значительный задел в сотрудничестве в сферах энергетики, строительства автомобильных и химических предприятий, банковского кредитования и т. д.²

Военное противостояние СССР и США, составлявшее принципиальную основу и содержание внешнеполитического курса первой администрации Р. Рейгана, вплотную приблизило мир к ядерной войне. В провале разрядки сыграли свою роль также неоправданная жёсткость и неуступчивость политического курса советского руководства, которые выразились в форсированном развитии военных программ, в размещении в странах ОВД новых советских ракет средней дальности, в военно-силовой направленности помощи ряду стран третьего мира.

Если стратегические наступательные вооружения СССР и США были ограничены в 1979 г. соглашением ОСВ-2, которое хотя и не вступило в силу из-за позиции США, но всё же не нарушалось обеими сторонами, то по-другому обстояло дело с ракетами средней дальности (РСД). Соединённые Штаты вели работы по созданию новых РСД «Першинг-2» и крылатых ракет среднего радиуса действия. Советский Союз также создал новые ракеты средней дальности СС-20, которыми он в конце 1970-х гг. стал заменять устаревшие СС-4 и СС-5. Установка этих ракет мыслилась как средство укрепления безопасности СССР и его союзников. На деле результат оказался обратным. Размещение РСД СС-20 вызвало на Западе панику и новый взрыв антисоветских настроений. В западноевропейских странах усилилась обеспокоенность за собственную безопасность. Создалась атмосфера взаимного недоверия и страха, которая благоприятствовала

² К последним крупным документам перестроечного периода СССР, в которых определялись основные принципы и направления сотрудничества между двумя странами, относятся Соглашение о дальнейшем развитии экономического, промышленного и технического сотрудничества, а также Долгосрочная программа развития экономического, промышленного и технического сотрудничества между Советским Союзом и Италией до 2000 г. Эти документы были подписаны 30 ноября 1989 г.

начавшемуся в 1983 г. размещению в Западной Европе американских ракет «Першинг-2» и крылатых ракет среднего радиуса действия.

Эти негативные процессы протекали на фоне ухудшающейся экономической ситуации в СССР в годы так называемого застоя. Кризис советской командно-административной системы стал очевиден к середине 1980-х гг., как стала очевидной и невозможность разрешить его силовыми методами.

Приход к власти Михаила Горбачёва под лозунгами перестройки открыл новый этап в отношениях СССР и Запада. Перестройка Горбачёва содержала несколько принципиальных направлений: проект реконструкции социалистической системы, то есть построения «социализма с человеческим лицом» на основе развития политического плюрализма, гласности, внедрения рыночных отношений, нового подхода к проблемам национально-государственного устройства, а также новое политическое мышление в международных отношениях.

Несмотря на искренние добрые намерения, новому политическому лидеру СССР М. Горбачёву и реформаторам из его окружения так и не удалось модернизировать советскую систему, поскольку она не могла быть реформирована по определению. Наибольшие успехи были достигнуты в области нового политического мышления и гласности, которые лишь сильнее высвечивали нежизнеспособность этой системы.

Впервые в истории началось не просто ограничение ядерных вооружений или их частичное сокращение, а ликвидация целых классов оружия массового поражения и освобождение Европы от обычных вооружений. Ослабло региональное противоборство СССР и США, что принесло народам многих стран мир и возможность самоопределения без вмешательства извне. В ноябре 1990 г. Парижская встреча СБСЕ ознаменовала окончание холодной войны. Улучшение советско-американских отношений автоматически проецировалось на Европу.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ

Новые ориентиры внешней политики СССР привели к огромному росту популярности нового советского лидера в Италии. Восторженное отношение к М. Горбачёву как к политику нового типа и человеку, отличавшемуся от расхожего образа советского номенклатурщика, распространялось и на отношение к россиянам, приезжавшим в Италию. Политическая элита Италии в целом приветствовала приход к власти М. Горбачёва, хотя поначалу придерживалась настороженной позиции в духе рейгановской «доверяй, но проверяй».

В мае 1985 г. состоялся визит в СССР председателя Совета министров Италии Б. Кракси, который продолжил линию на улучшение отношений

двух стран. В ходе советско-итальянских переговоров на высшем уровне стороны признали, что уменьшение военной опасности в значительной мере зависит от того, удастся или нет достичь конкретных договорённостей о прекращении гонки вооружений.

В начале 1987 г. с визитом в СССР прибыл министр иностранных дел Италии Дж. Андреотти, являвшийся видным представителем христианско-демократической партии. В подписанном по итогам переговоров советско-итальянском коммюнике было подтверждено ранее достигнутое взаимопонимание. Важнейшими вехами формирования образа новой России стали визит М.С. Горбачёва с супругой к папе Иоанну Павлу II 1 декабря 1989 г.

Особое значение для Италии, находящейся на южном фланге НАТО, с точки зрения намерений Москвы имело и предложение Горбачёва о необходимости переговоров по ограничению военно-морских вооружений на Мальте в 1989 г., которое, в силу как объективных, так и субъективных причин, не получило развития. Тем не менее Мальтийский саммит вошёл в историю как предтеча окончания холодной войны.

Оценивая новое политическое мышление периода перестройки, следует признать, что это был первый и очень важный шаг к отказу от идеологического подхода в международных отношениях.

ГЛАСНОСТЬ И ИТАЛЬЯНСКИЕ КОММУНИСТЫ

В анализе воздействия перестройки на отношения горбачёвского СССР и стран Запада, как правило, преобладают позитивные изменения в международной политике. Однако есть очень важная и неоднозначная тема в советско-итальянских отношениях, которая практически остаётся за скобками серьёзных исследований. Это влияние перестройки на внутреннюю политику и политическую систему Италии, в первую очередь на положение итальянских коммунистов. Послевоенный водораздел коммунизм/антикоммунизм имел в Италии свою ярко выраженную специфику. Именно это — страх перед внутренней коммунистической угрозой — привело Италию в НАТО.

В начале 1980-х гг. полярность коммунизм/антикоммунизм во внутреннем контексте не ограничивалась лишь борьбой итальянских антикоммунистов против остаточного влияния ИКП (первый традиционный фронт политической борьбы). Она была перенесена и в лагерь левых сил и выразилась в противостоянии лидеров ИКП и ИСП — Энрико Берлингуэра и Беттино Кракси (второй фронт борьбы). Вместо того чтобы оказывать влияние на коммунистов, Кракси изо всех сил пытался опередить христианских демократов и взять на себя инициативу на антикоммунистическом фронте.

Третий фронт для ИКП представляло размежевание с КПСС после государственного переворота в Польше (декабрь 1981-го – 1983 г.). Берлингуер резко осудил переворот и силовое подавление оппозиции в телевизионном интервью, и вскоре после этого впервые в «Правде» была опубликована редакционная статья, фактически провозгласившая отлучение ИКП от международного коммунистического движения. Отношения между двумя бывшими партнёрами были заморожены, и в то же время Москва предпринимала попытки расколоть ИКП, выделив из числа «диссидентов» надёжную старую гвардию.

Итальянские коммунисты в своей передовой части не могли не приветствовать горбачёвскую перестройку и видели в ней и свою собственную заслугу, обусловленную стойкостью и принципиальностью своей позиции по ряду вопросов, связанных с демократией и правами человека в СССР и других социалистических странах. Они считали себя приверженцами перестройки как процесса глубокого реформирования СССР, которого они так долго ждали. Они питали иллюзию, что Горбачёв начнёт реформу коммунизма. Однако парадокс влияния Горбачёва на итальянских коммунистов и международное коммунистическое движение в целом заключался в том, что он препятствовал, а не помогал осознанию кризиса коммунизма, прикрывая его иллюзиями относительно возможности реформирования коммунистической идеологии. В результате это серьёзно подорвало позиции ИКП, как и помешало итальянским коммунистам своевременно признать свою социал-демократическую ориентацию, несмотря на их идеологическое родство с европейскими социал-демократами. И именно это после распада СССР глубоко отразилось на роли партии и всей партийно-политической системы Италии, оказавшихся в потоке бурных перемен 1990-х гг. Тем не менее социал-демократическая сущность ИКП, хотя и не без потерь, возродилась в новых формах в XXI в.

ГЛАВНЫЙ ПАРАДОКС ПЕРЕСТРОЙКИ

Придя к власти, Михаил Горбачёв хотел покончить с концепцией враждебного окружения СССР, которая была главным фактором, оправдывавшим существование советского тоталитарного режима. Сегодня в европейских странах и США говорят о том, что СССР распался, поскольку проиграл холодную войну. Однако СССР по определению не мог проиграть холодную войну, поскольку смыслом его существования было противостояние Западу с его рыночной экономикой и демократическими ценностями. С конца 1920-х гг. «советская империя» создавалась для войны с империализмом. Она доказала свою жизнеспособность в ходе тяжелейшего испытания 1941–1945 гг. и была ориентирована на непрерывную конфронтацию с Западом и Китаем в течение последовавших за ним четырёх десятилетий.

Холодная война была для СССР естественной средой обитания и способом его существования, с периодическими успехами, когда представлялась возможность их добиться, и отступлениями, когда ресурсы находились на пределе. И. Сталин, один из главных архитекторов советской модели, понимал, что такой строй может существовать только в конфронтационной среде. Иными словами, советский бастион должен был быть отгорожен от остального мира железным занавесом.

Представляется, что именно поднятие железного занавеса стало началом конца СССР. Первым шагом в длительном процессе трансформации советского государства была теория мирного сосуществования двух систем, разработанная советскими реформаторами после смерти Сталина, и периоды разрядки в международных отношениях. Этот процесс был лишь многократно ускорен горбачёвской перестройкой и новым политическим мышлением, которые отняли у СССР сам смысл его существования — конфронтацию с идеологическим противником. Таким образом, причиной развала СССР стало не поражение в холодной войне, а разрядка международной напряжённости, показавшая неэффективность советской экономической и политической модели в нормальных, невоенных и неконфронтационных условиях. Понимал это или не понимал М. Горбачёв, по сути, не имеет значения, поскольку именно его перестройка привела к переменам, которые изменили облик XX в.

Il compromesso storico di Gorbacëv: URSS e Italia nel periodo della *perestrojka*

Traduzione di Ugo Persi

Nel corso di una parte considerevole della propria storia l'Italia, dapprima verso la Russia zarista, poi l'URSS e infine la nuova Russia, ha provato «sentimenti misti di superiorità, timore e reverenza per quelle istituzioni politiche e statali che, nei vari periodi storici, sono state rappresentate via via dall'assolutismo monarchico, dalla tirannia staliniana, dal riformismo della *perestrojka* gorbacëviana e, da ultimo, dall'«autoritarismo illuminato» dei leader postsovietici»¹.

LA SPECIFICITÀ DEI RAPPORTI ITALO-SOVIETICI

È possibile affermare che, ad eccezione di alcuni periodi, la storia dei rapporti italo-sovietici si è sviluppata nel complesso senza veri e propri conflitti e senza scosse. La lontananza dell'Italia dalla linea di confronto fra Oriente e Occidente aveva creato le condizioni per un suo rapporto più tranquillo rispetto alla tesi della minaccia bellica rappresentata dall'URSS. Non di meno, le relazioni italo-sovietiche possedevano una propria specificità legata allo spartiacque postbellico comunismo/anticomunismo che ebbe una dimensione non solo esterna ma anche interna. Si è soliti ritenere che la *perestrojka* e gli avvenimenti ad essa successivi abbiano toccato in massima misura, oltre all'URSS, i paesi dell'Europa Orientale, dove il crollo del comunismo aveva cancellato la linea di confronto Oriente/Occidente creando i presupposti per la riunificazione della DDR e della RFT. Tuttavia la crisi dell'ideologia comunista aveva toccato anche quei paesi dell'Europa Occidentale dove forti erano i partiti comunisti. Ciò riguarda in primo luogo l'Italia per il ruolo particolare che vi svolgeva il PCI. Questo partito occupava un posto di rilievo anche nel Movimento comunista internazionale e, di conseguenza, nei rapporti con l'URSS e il PCUS, che stavano al timone del Movimento stesso.

¹ http://www.delrus.ec.europa.eu/em/2000-2001/user.php-func=mag_art&art_id=211&iss_id=16.htm.

L'inizio degli anni '80 fu segnato da un'accresciuta tensione tra Oriente e Occidente e, come esito, da un riaccendersi della campagna anticomunista. Nelle relazioni internazionali, soprattutto dopo la vittoria di Ronald Reagan negli Stati Uniti (gennaio 1981), tale condizione trovò terreno fertile in Italia, dove la minaccia esterna aveva risvolti anche interni. Ciò non di meno, le relazioni economiche e commerciali italo-russe restarono strette a prescindere dalle dure dichiarazioni politiche degli ambienti ufficiali romani relativamente sia all'invasione dell'Afghanistan da parte dell'URSS, sia agli avvenimenti polacchi durante la crisi del dicembre 1981. Verso la metà degli anni '80 nei rapporti italo-sovietici s'era fatto già un considerevole lavoro comune nei settori dell'energia, della produzione automobilistica, delle imprese chimiche, del credito bancario eccetera².

Il confronto bellico fra URSS e USA, che costituisce la base di principio e il contenuto dell'orientamento di politica estera della prima amministrazione Reagan, portò il mondo a un passo dalla guerra nucleare. Al fallimento della distensione contribuì anche l'ingiustificata durezza e intransigenza dell'orientamento politico della dirigenza sovietica. Tali posizioni si esplicarono nell'accelerazione dei programmi bellici, nella dislocazione di missili a media gittata di nuova concezione nei paesi del Patto di Varsavia, nelle implicanze e intenzioni belliche che stavano alla base degli aiuti a tutta una serie di paesi del Terzo Mondo.

Mediante l'accordo SALT2 nel 1979 si era giunti alla limitazione degli armamenti strategici offensivi dell'URSS e degli USA e, sebbene l'accordo non fosse entrato in vigore per la posizione assunta dagli Stati Uniti, esso non fu mai violato dai due firmatari. Altro era il discorso per i missili a media gittata. Gli Stati Uniti stavano lavorando alla realizzazione dei nuovi Pershing 2 e dei missili alati a medio raggio. Anche l'Unione Sovietica aveva creato i nuovi missili di media gittata SS-20 con i quali aveva cominciato a sostituire gli ormai obsoleti SS-4 e SS-5. L'installazione di questi missili era stata concepita come mezzo per rafforzare la sicurezza dell'Unione Sovietica e dei suoi alleati; nei fatti, il risultato si dimostrò contrario rispetto alle intenzioni. In Occidente l'installazione dei missili SS-20 suscitò un'ondata di panico che portò con sé un nuovo rigurgito di sentimenti antisovietici. Nei paesi dell'Europa occidentale andò acuendosi la preoccupazione per la propria sicurezza, con la conseguente

² Nel novero di questi ultimi importanti documenti del periodo della *perestrojka*, nei quali vengono specificati i principi e le linee direttive della collaborazione tra i due paesi, rientrano l'Accordo sull'ulteriore sviluppo della cooperazione economica, industriale e tecnica, nonché il Programma a lungo termine di collaborazione economica, industriale e tecnica fino al 2000. Questi documenti furono firmati il 30 novembre 1989.

crescita della reciproca sfiducia e paura, il che favorì l'installazione dei missili americani Pershing 2, iniziata nel 1983, e dei missili alati a medio raggio.

Tali processi negativi si svolgevano sullo sfondo della situazione economica dell'URSS, che negli anni della cosiddetta stagnazione andava progressivamente deteriorandosi. La crisi del sistema della dirigenza amministrativa divenne palese verso la metà degli anni '80, come evidente si dimostrò anche l'impossibilità di risolverla con l'impiego della forza.

La comparsa di Michail Gorbačëv sulla scena politica internazionale, avvenuta al suono degli slogan della *perestrojka*, aprì una nuova fase nei rapporti tra URSS e Occidente. La *perestrojka* di Gorbačëv conteneva alcuni orientamenti di principio: il progetto di ricostruzione del sistema socialista — ovvero la costruzione del “socialismo dal volto umano” condotta sulla base del pluralismo politico, della *glasnost*, dell'adozione dei rapporti di mercato, di un nuovo approccio alle problematiche dell'ordinamento statale su base nazionale — nonché una nuova mentalità nei rapporti internazionali.

Purtroppo, nonostante le buone intenzioni, il nuovo leader dell'URSS e i riformatori del suo *entourage* non riuscirono a modernizzare il sistema sovietico per il semplice fatto che esso non poteva essere riformato a comando. I risultati migliori furono raggiunti nel campo della nuova concezione politica e della *glasnost*, che avevano messo in chiara luce la cronica inefficienza del sistema sovietico.

Per la prima volta nella storia si dette inizio non solo alla limitazione degli armamenti nucleari o al loro parziale smantellamento, ma anche alla liquidazione di intere classi di armi di distruzione di massa e allo sgombero dall'Europa degli armamenti convenzionali. Sul piano regionale si indebolì il confronto tra URSS e USA, il che, fra l'altro, apportò ai popoli di molti paesi del mondo la possibilità di autodeterminarsi senza ingerenze esterne. Nel novembre 1990 il vertice parigino dell'OSCE segnò la fine della guerra fredda e il miglioramento dei rapporti russo-americani trovò immediato riflesso in Europa.

CONTATTI POLITICI

In Italia i nuovi punti di riferimento della politica estera dell'URSS ebbero come effetto l'enorme aumento della popolarità del leader sovietico. L'atteggiamento entusiastico nei confronti di M.S. Gorbačëv, come politico di nuovo tipo e uomo che si distaccava dalla logora immagine degli appartenenti alla *nomenklatura* sovietica, si rivolse anche a tutti i russi che arrivavano in Italia. In complesso l'*élite* politica italiana salutò con favore l'ascesa al potere di Gorbačëv, sebbene agli inizi si fosse attenuta a un atteggiamento prudente nello spirito del principio reaganiano “fidati ma controlla”.

Nel maggio 1985 ebbe luogo la visita ufficiale in URSS del Presidente del Consiglio dei ministri italiano B. Craxi, il quale confermò la linea del

miglioramento dei rapporti bilaterali fra i due paesi. Nel corso dei negoziati italo-sovietici ai massimi livelli le parti convennero sul fatto che la diminuzione del rischio bellico dipendeva in misura considerevole dal raggiungimento, o meno, di accordi concreti circa la cessazione della corsa agli armamenti.

All'inizio del 1987 giunse in visita in URSS il Ministro italiano degli Affari Esteri G. Andreotti, eminente rappresentante del partito della Democrazia cristiana. Nel comunicato italo-sovietico firmato al termine delle trattative veniva confermata la reciproca comprensione precedentemente raggiunta. Pietra miliare per la formazione di una nuova immagine della Russia fu la visita di M.S. Gorbačëv e R.M. Gorbačëva a Papa Giovanni Paolo II il primo dicembre 1989.

Per l'Italia, situata sul fianco meridionale della NATO, particolare rilevanza dal punto di vista delle intenzioni di Mosca rivestì anche quanto ebbe a proporre Gorbačëv nel 1989 in merito alla necessità di intavolare negoziati a Malta sulla limitazione degli armamenti navali: una proposta che per ragioni sia obiettive che soggettive non conobbe sviluppi successivi. Ciò nondimeno, il summit maltese entrò nella storia come prodromo della fine della guerra fredda.

Nel valutare il nuovo pensiero politico del periodo della *perestrojka*, va riconosciuto che esso fu il primo e importantissimo passo verso la rinuncia all'approccio ideologico nei rapporti internazionali.

LA GLASNOST' E I COMUNISTI ITALIANI

Nell'analisi degli effetti della *perestrojka* sui rapporti fra URSS e i paesi occidentali, di regola, vengono evidenziati i positivi mutamenti nella politica internazionale. Tuttavia nei rapporti italo-sovietici esiste un tema assai importante e complesso che anche negli studi autorevoli è praticamente restato in sordina. Si tratta dell'influenza della *perestrojka* sulla politica interna e sul sistema politico dell'Italia, e in prima istanza sulla posizione dei comunisti italiani. Lo spartiacque postbellico creatosi fra comunismo e anticomunismo possedeva in Italia una sua evidente specificità. Fu proprio la paura della minaccia comunista all'interno del paese a portare l'Italia nella NATO.

All'inizio degli anni '80 la polarizzazione comunismo/anticomunismo sul piano interno non si limitava alla lotta degli anticomunisti italiani contro la residuale influenza del PCI (primo tradizionale fronte di lotta politica), ma era stata allargata anche al settore delle altre forze di sinistra e si esprimeva nell'opposizione tra i due leader del PCI e del PSI, Enrico Berlinguer e Bettino Craxi (secondo fronte di lotta). Inoltre, allo scopo di esercitare un influsso sui comunisti, Craxi con tutte le sue forze aveva tentato di sorpassare i democristiani e assumere l'iniziativa sul fronte anticomunista.

Per il PCI esisteva un terzo fronte costituito dalla sua dissociazione dal PCUS dopo il colpo di stato in Polonia (dicembre 1981 – 1983). In una famosa

intervista televisiva Berlinguer condannò fermamente il colpo di stato e il soffocamento dell'opposizione con la forza, e poco dopo sulla "Pravda" per la prima volta comparve un articolo della redazione che di fatto proclamava l'uscita del PCI dal movimento comunista internazionale. I rapporti fra i due ex-partner rimasero congelati, ma nel contempo Mosca tentò di spaccare il PCI selezionando dal gruppo dei "dissidenti" la vecchia guardia a lei fedele.

I comunisti italiani, o quantomeno il loro gruppo progressista, non potevano non salutare con favore la *perestrojka* gorbačeviana, vedendo in essa anche un contributo proprio, dovuto alla tenacia e intransigenza delle loro posizioni in tutta una serie di questioni legate alla democrazia e ai diritti dell'uomo in URSS e negli altri paesi socialisti. Ritenevano di essere i fautori della *perestrojka*, quel processo di profonda riforma dell'URSS che essi tanto attendevano, e nutrivano l'illusione che Gorbačev avrebbe dato inizio alla riforma del comunismo. Tuttavia il paradosso dell'influsso di Gorbačev sui comunisti italiani e sul movimento comunista internazionale, in fondo, consistette nell'aver lui ostacolato, e non aiutato, la presa di coscienza della crisi del comunismo, mascherandolo con l'illusione che fosse possibile riformare l'ideologia comunista. Ciò ebbe il risultato di minare seriamente la posizione del PCI e, nonostante la loro affinità ideologica con i socialdemocratici europei, fu di ostacolo ai comunisti italiani nel riconoscere per tempo le proprie tendenze socialdemocratiche. Dopo il crollo dell'URSS esattamente questo fatto ebbe profonde conseguenze sul ruolo del partito e di tutto il sistema politico e partitico italiano coinvolti nei burrascosi avvenimenti degli anni '90. Ciò nondimeno, l'essenza socialdemocratica del PCI, per quanto non senza perdite, risorse sotto nuove forme nel XXI secolo.

IL PRINCIPALE PARADOSSO DELLA *PERESTROJKA*

Giunto al potere, Gorbačev volle farla finita con la concezione dell'accerchiamento nemico subito dall'URSS, ossia col principale fattore a giustificazione del regime totalitario sovietico. Oggi nei paesi europei e negli USA si è soliti dire che l'URSS crollò per aver perso la guerra fredda, ma l'URSS, per definizione, non poteva perdere la guerra fredda poiché il senso della sua esistenza era l'opposizione all'Occidente, alla sua economia di mercato e ai suoi valori democratici. Già dalla fine degli anni Venti l'"impero sovietico" si era andato costituendo per la guerra e l'imperialismo. Esso dimostrò la sua vitalità nel corso della difficile prova degli anni dal 1941 al 1945 e nei quattro decenni immediatamente successivi si orientò sull'incessante confronto con l'Occidente e la Cina. La guerra fredda per l'URSS era una condizione naturale ed era anche la modalità del suo esistere, con successi periodici, quando si presentava la possibilità di raggiungerli, e recessioni, quando le risorse arrivavano al limite. Stalin, uno degli architetti del modello sovietico, aveva capito che tale

ordinamento poteva esistere solo in condizioni di contrasto. In altre parole, il bastione sovietico doveva essere recintato dal resto del mondo "con una cortina di ferro".

Si ritiene che proprio il concetto di "cortina di ferro" abbia rappresentato l'inizio della fine dell'URSS. I primi passi del lungo processo di trasformazione dello stato sovietico furono la teoria della coesistenza pacifica dei due sistemi elaborata dai riformatori sovietici dopo la morte di Stalin e i periodi di distensione nelle relazioni internazionali. La *perestrojka* di Gorbačev e la nuova concezione politica non fecero che accelerare di molto questo processo e privarono l'URSS del senso stesso della sua esistenza, ossia il contrasto con l'avversario ideologico. Pertanto, la causa della dissoluzione dell'URSS non fu la sconfitta nella guerra fredda, ma l'allentamento della tensione internazionale che aveva mostrato l'inefficienza dell'economia e del modello sovietici in condizioni normali, di non belligeranza, e di assenza di confronto ideologico. Che Gorbačev avesse capito o meno questo fatto, in sostanza, non è importante, poiché fu proprio la sua *perestrojka* a condurre verso quei cambiamenti che avrebbero mutato il volto del XX secolo.

Часть 3

**Образы и мифы.
Италия —
Россия:
современный
этап
и перспективы
развития
сотрудничества**

III parte

**Miti e immagini.
Italia-Russia:
la dimensione
attuale e le
prospettive
future della
collaborazione**

Миф и антимиф СССР в итальянской политической пропаганде в межвоенный период

Перевод Анастасии Свотиной

В своём докладе я постараюсь обозначить некоторые важные черты представления СССР в Италии в период с окончания Первой мировой войны до восстановления демократии после падения фашизма.

Как известно, политическая пропаганда очень часто основывается на жёстком разделении мира на добро и зло, на друзей и врагов. Её цель заключается в том, чтобы обеспечить единство и заставить отбросить любые расхождения для противостояния опасности. При этом опасность представляет собою тот, кого как раз и обвиняют в посягательстве на сплочённость общества, ощущающего какую-либо агрессию или угрозу.

Демонизация Другого выражается прежде всего через его представление как существа, обладающего чертами чудовища. Связь между нравственным и физическим элементами имеет принципиальное значение: уродство или физические недостатки на самом деле нужны для того, чтобы обозначить признаки более глубокого и сущностного морального безобразия, а преувеличение преступлений противника имеет целью как усиление ненависти к нему, так и призыв, как мы уже сказали, к объединению против него¹. В данном случае задача состоит в том, чтобы побудить не к рефлексии, но к действию.

Все эти характеристики со всей очевидностью проявляются в представлении Советского Союза его противниками, которые с момента рождения СССР считали его самой серьёзной из всех существовавших для западной и христианской цивилизации угроз. Но откуда это отождествление со смертельной опасностью, в силу каких причин? Помимо предполагаемой угрозы общественному порядку в виде классовой борьбы, преувеличения

1 Gallo M. I manifesti nella storia e nel costume, analisi critica di C. Quintavalle. Milano: Mondadori, 2000. P. 17. О дегуманизации врага см.: Girard R. Il capro espiatorio. Milano: Adelphi, 2004; De Luna G. Il corpo del nemico ucciso. Violenza e morte nella guerra contemporanea. Torino: Einaudi, 2006.

связанного с установлением диктатуры пролетариата революционного насилия и террора такое отождествление имело и более глубокие корни и менее очевидные причины. Одной из причин, в частности, стало то, что СССР сразу же оказался той страной, на которую можно было переложить определённые опасения и сильные тревоги, вызванные грандиозными социальными, экономическими и культурными преобразованиями, сопровождавшими появление массового общества в конце XIX – начале XX в. Как будет показано, это оказывало длительное влияние на модели и стереотипы итальянской политической пропаганды.

Необходимо, следовательно, исходить из соображения, что Советский Союз представлял нечто гораздо большее, чем только политического и идеологического врага. Прежде всего потому, что СССР воспринимался как более новый, а поэтому беспокоящий и пугающий лик современности. Как всё, что связано с еврейством, однозначно отождествлялось с бедами современности (что было характерно для значительной части культуры первых десятилетий XX в.), так и в отношении Советской России действовали многие стереотипы, которые использовались для описания воображаемой неполноценности еврейского народа. Советские люди также считались личностями, болезненно привлекаемыми материальными богатствами, лишёнными моральных убеждений и поэтому способными нести только смерть, разобщение и разрушение в те места, где они оказывались².

В действительности первоначальная модель, связанная с апокалиптическим образом современности, формировалась в течение XIX в. в рамках дискуссий по вопросу возникновения в США первых сценариев развития массового общества. Многие воспринимали массовое общество как нечто искусственное, подчинённое идеям конформизма, безликое с точки зрения социальных отношений. Иными словами, общество, в котором отдельный человек был несчастен и разобщён с другими людьми, поскольку он утратил всякий контроль над собой и своей жизнью. Такая модель сразу же после Октябрьской революции стала быстро ассоциироваться с Советским Союзом³.

В сущности, широкие политические и культурные круги, которые вскоре нашли в фашизме главный ориентир, полагали, что в советских людях (так же как и в американцах) сочетались образы дикаря и гиперсовременного человека. И те и другие считались народами, которые только-только

2 По вопросу об антисемитских стереотипах, а также о репрезентации еврея как самой настоящей «метафоры современности» и её вырожденческих проявлений см.: *Traverso E. La violenza nazista. Una genealogia.* Bologna: il Mulino, 2002. P. 139–142, 157–174.

3 См.: *Mangoni L. Una crisi di fine secolo. La cultura italiana e la Francia fra Otto e Novecento.* Torino: Einaudi, 1985; *Pick D. Volti della degenerazione, una sindrome europea 1848–1918.* Firenze: La Nuova Italia, 1999 (1989); *Herman A. The Idea of Decline in Western History.* New York: The Free Press, 1997.

начали приближаться к цивилизации, но которые, благодаря мощному развитию науки и технологий, пали жертвами самого настоящего бреда всемогущества, заставлявшего их верить, что не было ничего невозможного, каждая цель была достижима, а человечество уже вступало в новую эру. Бред всемогущества, который из-за своей тотальной абстрактности и отрицания того, что казалось неизменными законами природы, из-за утраты чувства меры, прославления чистого материализма и последующего подавления любых идеалов превратил эти страны в подлинный ад, в некий мир наизнанку.

Итак, в начале 1920-х гг., после прихода к власти фашистов, именно Соединённые Штаты Америки и Советский Союз представляли собой наиболее завершённое и извращённое воплощение физического и нравственного вырождения, к которому неизбежно вела буржуазная современность. «От эпохи Реформации и далее, — писал, например, журнал «Фашистская критика» в 1934 г., — современный мир очень быстро идёт вперёд, к расширению власти масс. Либерализм, демократия, социализм, большевизм суть последовательные этапы единого пути»⁴. И потому Соединённые Штаты казались царством индивидуализма, безудержной конкуренции, борьбы за выживание, стремившейся к тому, чтобы исключить любое проявление человечности и солидарности, «религии материи» и, следовательно, господства массового общества, которое унифицировало поведение, стили, вкусы и умы людей. С виду противоположным, но на самом деле только зеркально-симметричным образом Советский Союз также представал одной большой казармой, а точнее, одной большой тюрьмой, где каждый человек был простым номером, не имевшим больше собственной личности, полностью идентичным любому другому. Однако если СССР обвиняли в достижении «тотальной одинаковости» через идеологию и насилие, США, казалось, преуспели в этом более коварным способом, то есть при помощи материального благополучия, которое удовлетворяло основные потребности и заглушало любое другое, более высокое и духовное, стремление.

В фашистской философии большевик — смертельный враг Запада и христианства — и англо-американец — плутократ и эгоист — в итоге оказывались объединены исключительным интересом к материальной стороне существования. В обеих странах, писал фашистский интеллект-уал Серджо Панунцио, царила «белая горячка экономического, технического, индустриального и механического безумия». Поэтому как при капитализме, так и при коммунизме, продолжал Панунцио, «люди есть машины; стадо убивает индивидуума; кладбище единообразия оскверняет и затемняет всё»⁵.

4 Цит. по: *Nacci M. L'antiamericanismo in Italia negli anni Trenta*. Torino: Bollati Boringhieri, 1989. P. 164–165.

5 Ibid.

В Соединённых Штатах и в Советском Союзе человек казался обречённым на деградацию до примитивной стадии твердолобого обезьяноподобного существа. Характерным образом подобного существа считался «бандитский» профиль Сталина, с низким лбом, густыми щетинистыми волосами и стеклянными глазами навывкате.

С другой стороны, полемика против так называемого комфорта, который, казалось, сближал две набиравшие силу на международной арене страны, то есть против неумеренной и бездумной любви к праздным наслаждениям зажиточной жизни, являлась константой пропаганды фашистского режима. В известном интервью немецкому журналисту Эмилю Людвигу в начале 1930-х гг. Муссолини, желая резюмировать одной фразой смысл основанного им движения, утверждает: «Мы против удобной жизни!»⁶

Что касается конкретно Советского Союза, то социализм, превозносивший равенство людей и обещавший их мирное сосуществование после освобождения от эгоизма основанной на частной собственности капиталистической системы, описывался как проводник модели энтропийного общества, безлико эгалитарного, без каких-либо внутренних динамических импульсов. Следовательно, общества, находившегося в упадке, поскольку оно не имело стимулов к развитию и совершенствованию. В глазах тех, кто был убеждён, с позиций имевшего в то время колоссальное влияние дарвинизма, что жизнь — это борьба, победить в которой мог организм, в наибольшей степени (в результате конкуренции с другими живыми существами) способный адаптироваться к постоянно изменяющейся среде, социализм, проповедовавший мир и всеобщее братство, грешил абстрактностью, если вообще не являлся обманом. В перспективе он казался обречённым на провал, поскольку считался попыткой изменить ход природы и человеческой цивилизации.

В итоге за счёт умения действовать как с позиции антикапитализма и антиматериализма, так и с позиции антибольшевизма фашистский режим внёс свой вклад в формирование многих стереотипов, образов и лозунгов, которые будут характеризовать политические столкновения и в республиканской Италии⁷. Как Христианско-демократическая партия и стоящие на прозападных позициях её светские союзники, так и просоветски настроенные левые марксисты смогут найти в них идеи и стимулы для вдохновения.

Именно в рамках такого видения после падения фашистского режима на первый план вышли стереотипы об СССР как о противоречащей природе

6 *Ludwig E. Colloqui con Mussolini*. Milano: Mondadori, 1932. P. 188.

7 О фашистской пропаганде см.: *Guerra R. Manifesti italiani nella Seconda guerra mondiale*. Milano: Rusconi, 1982; *C'era una volta il duce. Il regime in cartolina* / ed. Vittori G. Roma: Savelli, 1975; *Pompei B. Il proiettile di carta. L'uso dei simboli nella propaganda del regime fascista e della Repubblica Sociale*. Roma: Settimo Sigillo, 2004.

стране. Несмотря на то что политическая конфронтация разворачивалась теперь в плюралистическом и демократическом, а не в авторитарном, как во времена тоталитарного режима, контексте, более всего поражает возвращение с антикоммунистических позиций к языку и образам, выработанным в предыдущие десятилетия. Фактически в этом проявлялась долговременная характеристика итальянской политической жизни, а именно тенденция к радикализации идеологического конфликта, вплоть до приобретения им отличительных признаков борьбы с противником, понимаемым как самый настоящий внутренний враг, который лишался какого-либо права на управление страной⁸.

Итак, тяжёлое наследие фашизма сопровождалось напряжённостью, обусловленной началом холодной войны, и разрывом в 1947 г. антифашистского единства, сформированного основными политическими силами в 1943 г. для борьбы с диктаторским режимом. В этом контексте не оставалось места для проявления политических полутонов. Коммунистическое отвращение к ценностям, присущим капиталистической системе, самым ядовитым плодом которой считался фашизм, выражалось в обвинении капитализма в усилении социального неравенства и несправедливости. Поэтому в пропаганде ИКП главные представители этой системы — США и Великобритания — отождествлялись с плутократиями, которым вменялось в вину желание обогатиться за счёт наиболее слабых стран и наименее развитых экономик (как ни парадоксально, в своё время на США и Великобританию обрушивал свой гнев и фашизм). По той же причине Де Гаспери, лидер христианских демократов, партии относительного большинства, очень быстро превратившейся в ориентир для Католической церкви и Соединённых Штатов, часто изображался в виде марионетки, которой управляли циничные и толстые банкиры или же Дядя Сэм с лицом хищника⁹.

Как уже говорилось, взаимные обвинения в представлении угрозы для демократии на долгие годы станут константой итальянских политических дебатов. На протяжении более двух десятилетий два основных лагеря — Христианско-демократическая партия и её мелкие светские союзники, с одной стороны, и Коммунистическая и Социалистическая партии — с другой, — обвиняли друг друга в том, что они являлись пятой колонной нового, грядущего диктаторского режима.

В этой ситуации вновь обнаружился конфликт между большевизмом и христианской цивилизацией. В пылу спора гражданские комитеты — организации, основанные церковью для осуществления политической деятельности без риска быть обвинённой в нарушении Конкордата с ре-

8 *Salvadori M.L.* Storia d'Italia e crisi di regime. Saggio sulla politica italiana 1861–2000. Torino: Einaudi, 2001.

9 *Ventroni A.* Il nemico interno. Immagini, parole e simboli della lotta politica nell'Italia del Novecento. Roma: Donzelli, 2005.

спубликанским государством, — массово обратились к некоторым характерным особенностям фашистской пропаганды, в частности той, которая практиковалась в Республике Сало¹⁰.

В некоторых случаях в их плакатах использовалась ироничная манера, например в изображении голубки, держащей ветвь в клюве и высиживающей несколько яиц, из которых одно разбито и из него выходит танк, сопровождаемый фразой: «Оливковая ветвь в клюве у голубки усача, но внутри яйца у неё дуло пушки» («усач» — популярное прозвище Сталина). Однако чаще всего преобладали агрессивные и жестокие тона.

Таким образом, если, с одной стороны, левые (и особенно коммунисты) стремились успокоить итальянцев по поводу своей привязанности к таким ценностям, как семья, уважение к религии и даже к частной собственности, то, с другой стороны, католики набрасывались на них, обвиняя в совершенно противоположных намерениях. Вновь обращаясь к некоторым аргументам традиционной антиреволюционной пропаганды, впоследствии развитым фашизмом, и добавив к этому новые рассуждения на тему религиозных преследований в странах Восточной Европы, католический мир обвинял левых во лжи и в сокрытии их истинной цели — уничтожении христианской цивилизации. Вот как писал в начале 1946 г. в пастырском послании епископ коммуны Теджано провинции Салерно: «Никогда ещё, как сегодня, коммунистическая опасность не оказывалась настолько серьёзной и губительной. Хотелось бы погрузиться в сон иллюзии, что нечестивое учение, некогда жестокое и насильственное, теперь изменилось и оказалось приручённым свойственной ему умеренностью, отказавшись от своей чудовищной программы по подрыву христианского общественного порядка. Невзирая на обманчивые смягчающие обстоятельства, нет никаких сомнений в его злодейских намерениях: оно неизменно остаётся величайшей ересью века, направленной на свержение власти, на уничтожение государства, семьи, свободы»¹¹.

Иногда простые приходские священники сами печатали листовки, в которых повторялись обвинения в адрес «социал-коммунистов». В одной из них утверждалось, что победа левых, или светских, сил — в действительности же атеистических и материалистических — обеспечила бы успех одной из двух противоположностей, перед лицом которых нужно было выбирать без какого-либо опосредования: «Бог или материя? Свобода или рабство? Любовь или сексуальный инстинкт? Семья или внебрачное сожительство? Свободная или атеистическая школа? Свобода от работы

10 О гражданских комитетах, появившихся в конце 1947 – начале 1948 гг. при содействии Луиджи Джедды, см.: *Casella M.* 18 aprile. La mobilitazione delle organizzazioni cattoliche. Galatina: Congedo, 1992 — где содержится богатое иконографическое приложение.

11 Цит. по: *Casella M.* Cattolici e Costituente. Orientamenti e iniziative del cattolicesimo organizzato (1945–1947). Napoli: Esi, 1987. P. 46–47.

и потребностей или эксплуатация?» В итоге вопрос заключался в том, чтобы понять — как вскоре выскажется на этот счёт сам понтифик, — были ли вы «с Христом или против Христа».

Ассоциация GIAC (Итальянская молодёжь Католического действия), президентом которой являлся основатель гражданских комитетов Луиджи Джедда, высказывалась ещё более определённо. Обращаясь «к нашим отцам, к нашим матерям, к нашим старшим братьям», GIAC провозглашал: «Мы не хотим коммунизма! Антигуманного и антихристианского <...>. Решительное отвержение коммунизма и социализма в их сегодняшнем виде не означает отказа от законных требований социальных реформ. Социальная мысль христианства предполагает самые смелые запросы, но не через классовую борьбу (=революцию), а напротив, в категориях порядка и свободы»¹².

Фактически именно гражданские комитеты, более чем кто-либо другой, вновь стали распространять образ Советского Союза как бесчеловечной и дегуманизирующей страны, царства «аморфных масс», безликости, отчуждения, социальной изоляции. Уже говорилось, что во времена фашизма таких характеристик удостоивались Соединённые Штаты и СССР. Постоянно повторялось, что в этом государстве (СССР. — *Прим. ред.*) человеческая природа была угнетена и, конечно же, не возвышена.

Вот каким виделся «коммунистический рай» в описании, которое ему давали католики: «С рабочими будут обращаться как с рабами. Буржуазия будет уничтожена и заменена новыми вождями. Христиане — сосланы или убиты. В университетах научат строить атомные бомбы для русского империализма. Храмы станут использоваться для танцев. Молодёжь превратится в собственность государства-хозяина. Семья будет принесена в жертву эгоизму. Домашний покой окажется разрушен разводом и свободной любовью. Цивилизация станет солнцем грядущего, которое в России и в любом другом месте заставляет плакать кровавыми слезами. Коммунизм противоречит природе, а потому он потерпел неудачу».

В другом документе — листовке, озаглавленной «10 полезных вопросов, чтобы задавать на собраниях», — были приведены вопросы, которые точно должны были поставить в затруднительное положение коммунистических ораторов во время их публичных выступлений. Из этих вопросов некоторые были обоснованными, другие совершенно надуманными, как, например, такой: сколько женщин в действительности вышло «здоровыми» из «коммунистических танцев», — вопрос, подготовленный с явной целью подчеркнуть безнравственность коммунистов и их желание разрушить институт семьи¹³.

12 Ventrone A. La cittadinanza repubblicana. Come cattolici e comunisti hanno costruito la democrazia italiana (1943–1948). Bologna: Il Mulino, 2008. P. 180.

13 Ventrone A. Il nemico interno. Immagini, parole e simboli della lotta politica nell'Italia del Novecento. Roma: Donzelli, 2005. P. 185.

Продолжая эти темы, в 1951 г. Итальянский женский центр, связанный с христианскими демократами, выпустил стенгазету (иначе говоря, плакат, составленный местными партийными секциями из вырезок или же рисунков разных жанров) с описанием того, какой стала бы жизнь итальянцев, если бы победил коммунизм. «Твой муж, — говорилось в документе, который преимущественно обращался к избирательницам, — если бы он состоял в (коммунистической) партии, несомненно, имел бы работу, даже если только как “солдат-рабочий”; тем не менее если бы он заболел, то был бы обвинён в саботаже, а затем осуждён; если бы он не состоял в партии, то получал бы пропитание, но только как “рабочий скот”, при этом рискуя быть отправленным в исправительный лагерь при первых же протестах». К тому же нескольким семьям, предостерегала стенгазета, пришлось бы сожительствовать в одной комнате, а воспитание детей оказалось бы в исключительной компетенции государства.

Даже мода диктовалась бы государством, в зависимости от тех типов и расцветок тканей, которые оказались бы произведены в избытке. Поэтому в коммунистической Италии женщина превратилась бы в «машину во вселенной без Бога, красной, как сигнал опасности, замкнутой, как концентрационный лагерь, бесчувственной, как материя, суровой, как форменная одежда, ледяной, как могила, в толпе покорных людей под командованием невидимого и всемогущего хозяина»¹⁴. Эти темы будут составлять основу католической пропаганды вплоть до 1960-х гг.

Поэтому озабоченность защитой «христианской цивилизации» от нашествия коммунизма подталкивала как влиятельных церковных иерархов, так и простых приходских священников и руководителей массовых католических организаций к тому, чтобы доводить до крайности интонацию. В атмосфере отчаянного алармизма тех лет в статье, опубликованной 18 апреля 1953 г. в журнале иезуитов «Чивильта Каттолика», в частности, подчёркивалось: «Сегодня речь идёт о такой битве, в которой, в конечном счёте, мы решаем между Христом и Вараввой, между истиной и ложью, между свободой и рабством <...>. Сегодня <...> у нас завёлся чужой, который бродит по нашей земле, отравляя утопиями наш народ, и угрожает надеть на нас ярмо и запрячь в телегу большевистского империализма, создатель виселиц для наших лучших людей и рабских цепей для всех. Когда-то чужеземец, по крайней мере, уважал наши алтари, а его деспотизм сталкивался с самоограничительным барьером в религиозной вере; сегодняшний захватчик с иконоборческой яростью ниспровергает всё и не имеет никакого ограничения похоти тиранического господства даже над совестью».

Таким образом, коммунисты воспринимались как самые настоящие чужеземцы. Среди наиболее известных примеров их репрезентации в этом

14 Corriere della donna // Giornale femminile popolare. 1951. Gennaio.

качестве имеются плакаты и листовки, где в различных формах в период проведения избирательной кампании в апреле 1948 г. разоблачалось, как под внушающей доверие наружностью Гарибальди (которого коммунисты и социалисты, проходившие совместно по спискам Народного демократического фронта, выбрали в качестве собственного символа) в действительности скрывалось свирепое лицо Сталина. Другой знаменитый плакат изображал Джузеппе Гарибальди, который под песню «Вон из Италии, / Прочь, чужеземец!» в сопровождении своих краснорубашечников изгонял из страны испуганного Тольятти, секретаря Итальянской коммунистической партии.

По мнению ХДП и её светских союзников, только включение страны в сферу западного влияния под защитой США могло обеспечить благополучное будущее Италии¹⁵. Соединённые Штаты описывались как страна, принявшая на себя обязательство по защите свободного мира, страна понимающая и щедрая, но при необходимости способная сурово покарать, прекратив продовольственную и финансовую помощь.

На этом пути большая часть католического мира начала переосмысливать глубокое недоверие, традиционно питаемое социальной доктриной церкви в отношении капиталистической системы. В самом деле, в капитализме стали видеть полезный инструмент для продвижения вперёд по пути развития, для обеспечения большего распределения богатства и, таким образом, для большей социальной справедливости, а вместе с этим — для успешного оспаривания этого пути у коммунизма¹⁶.

Естественно, что ИКП, в свою очередь, прибегала к образам в точности зеркальным. СССР представлялся страной победившей социальной справедливости и широко распространённой человеческой солидарности. То есть полная противоположность происходившему в тех местах, где доминировала капиталистическая система, которая считалась царством эгоистического индивидуализма и жестокой конкуренции, порождавшими лишь бессмысленное расточение драгоценной энергии¹⁷. Поэтому в коммунистических изданиях утверждалось, что правительства ХДП привели только к безработице, вынудив молодёжь оставить учёбу, а батраков и крестьян — покинуть их земли. Из успехов СССР, напротив, превозносились достижения пятилетних планов, шестичасовой рабочий день для всех молодых людей всего пять дней в неделю и бесплатное образование, включая высшее.

15 См.: Cavazza S. Comunicazione di massa e simbologia politica nelle campagne elettorali del secondo dopoguerra // Storia delle campagne elettorali in Italia / eds. Ballini P.L., Ridolfi M. Milano: Bruno Mondadori, 2002. P. 207–208.

16 Scoppola P. La repubblica dei partiti. Evoluzione e crisi di un sistema politico 1945–1996. Bologna: Il Mulino, 1997. P. 305–337.

17 См.: Nemici per la pelle. Sogno americano e mito sovietico nell'Italia contemporanea / ed. D'Attorre P.P. Milano: Franco Angeli, 1991; L'URSS, il mito, le masse // Annali della Fondazione G. Brodolini e della Fondazione F. Turati. Milano: Franco Angeli, 1991.

Рассказывали, что в этой стране не существовало больше классового деления и за всем населением признавались социальные права, немислимые в капиталистических странах. Не только рабочие могли выдвигаться на государственные должности, «включая и самые высокие», но и женщины занимали посты, которые в других местах относились к исключительной компетенции мужчин. Женщины в СССР могли даже стать «заведующими медицинских клиник». Кроме того, государство создавало детские сады (которые в Италии, если и были, напоминали «собачью конуру»), чтобы пойти навстречу потребностям работающих матерей. Женщины даже могли контролировать работу детских учреждений, которым доверяли своего ребенка. Даже совершавший преступление человек заключался в условия «скорее перевоспитывающие, чем карательные», чтобы сделать возможным его возвращение в общество (тогда как в Италии все ещё практиковалась система телесного наказания). Всем назначалась справедливая зарплата, было покончено с эксплуатацией и не признавалась даже мелкая собственность¹⁸.

Характеристика «земли обетованной», присущая этим описаниям Советского Союза, облегчила их совмещение с традиционными ожиданиями миллениаристского и палингенетического порядка, которые не только всё ещё были живы в народной среде, как сельской, так и городской, но, напротив, оказались усилены кризисом и дезориентацией, вызванными войной. Не случайно Эмилио Серени, один из ведущих руководителей ИКП, чтобы объяснить «новую советскую демократию», обратился к произведению философа Томмазо Кампанеллы, предсказавшего в XVII в. наступление такого мира, в котором «не было бы ни моего, ни твоего», где «прекратились праздность и тяжёлый труд», потому что «работа стала радостью, дружески разделяемой многими». С точки зрения коммуниста и интеллектуала, советская демократия была, в конечном счёте, такой демократической формой, которая, безусловно, происходила из «насильственного и болезненного разрыва» современного общества, но также и от вековых надежд, древних, как «первый протест угнетённого и эксплуатируемого»¹⁹.

Как вспоминал один из активистов партии, Вальтер Аудизио, знаменитый «полковник Валерио», который долгое время считался ответственным за убийство Муссолини, объясняя коммунизм и прибегая к очень похожим образам: «Коммунизм означает <...> вот здесь перекрёсток дорог, а здесь — фонтан, и у этого фонтана имеется несколько кранов; мимо проходит человек, который хочет пить. Он может хотеть воды, молока, вина, коньяка. Неважно, чего он жаждет, он пьёт то, в чём нуждается, он нажимает на кнопку и получает это, независимо от того, что он сделал»²⁰.

18 Ventrone A. La cittadinanza repubblicana. P. 104.

19 Sereni E. Nuova democrazia, civiltà umana // La Rinascita. 1947. Ottobre. P. 296.

20 Ventrone A. La cittadinanza repubblicana. P. 105.

Этот образ кажется заимствованным из старинных описаний Волшебной страны изобилия, «в которой рядом с горами из макарон и равиоли, деревьями из горячих блинов, марципановыми садами» и другими чудесами никогда не было недостатка в «фонтанах, из которых ключом били молоко и мёд, нежно пахнущее масло или сладкое вино и мальвазия»²¹. И действительно, как и все утопические страны, Советский Союз казался землёй чудес и изобилия. В течение ещё многих лет эту страну будут описывать как место, в котором благодаря науке, используемой для улучшения жизни человека, люди доживали даже до 145 лет, моря кишели рыбой, скотоводы разводили невероятное количество животных, а новые хирургические методы теперь позволяли сделать так, что существовали собаки с двумя головами; в той стране, как утверждалось, была даже создана разновидность вечно произрастающей пшеницы²².

Если всё это на фольклорном уровне (и не только) приобретало, как мы сказали, черты утопии, необходимо подчеркнуть, что её сила состояла в том, что впервые это была реально существующая утопия в исторически существующей стране; утопия, которая, казалось, наконец-то была реализована и которая, следовательно, могла бы осуществиться и в других местах. Именно реальный характер этой утопии является решающим для объяснения как очень быстрого массового вступления в ряды ИКП, так и распространения и силы советского мифа в Италии.

В листовке, озаглавленной «Почему я коммунист», чётко разъяснялись причины, которые должны были ускорить вступление в партию: «1. Потому что коммунизм оставляет мне полную свободу вероисповедания <...>. 2. Потому что Итальянская коммунистическая партия является демократической, и не только по отношению к другим партиям, но и в своём собственном лоне. 3. Потому что программа коммунистов уже применяется в России, где эта нация из нищеты царизма вошла в число первых стран мира, наряду с Америкой и Англией. И я спрашиваю себя, — говорилось в тексте, — если Россия за 25 лет сделала столько, какие ещё прогрессивные сюрпризы она приберегла для нас в будущем?»

Поэтому и Италии необходимо было следовать примеру СССР и реализовать следующую программу: «1. Народное правительство, то есть правительство трудящихся. 2. Реально обеспеченная старость. 3. Подготовка молодёжи к жизни и обучение вплоть до университета за счёт государства. 4. Здоровое жильё. 5. Декретный отпуск за счёт государства. 6. Эмансипация женщины с получением равных прав на основе равного труда и равной заработной платы. 7. Передача средств производства ра-

21 Цит. по: Bertolotti M. Carnevale di massa. 1950. Torino: Einaudi, 1991. P. 20; о популярном мессианстве, влившемся в ИКП, см. с. 16–21.

22 Andreucci F. Falce e martello. Identità e linguaggi dei comunisti italiani fra stalinismo e guerra fredda. Bologna: Bononia University Press, 2005. P. 132–150.

бочим. 8. Национализация крупных предприятий, как только народ сам, благодаря полученному образованию, сможет принимать решения».

Это позволило бы — подводился итог в листовке — воплотить не «рай на земле», но, говоря проще, «благополучие для всех»²³. Как мы говорили, подобные воззвания обладали сильной привлекательностью в ситуации раздробленности, потери общих ориентиров, вызванных трагедией войны и последовавших за ней стремительных изменений. С другой стороны, как уже отмечалось, в определённые исторические моменты утопический способ реализации политических действий может оказаться более созвучным реальности²⁴. Потребность избавиться от неопределённости, непредсказуемости стала насущной и создавала благодатную почву для утверждения политических мифов.

Как известно, прямое столкновение между коммунизмом и антикоммунизмом продлится ещё долгое время. Для того чтобы увидеть его завершение, следовало бы подождать середины 1970-х гг. Лишь тогда произошёл явный перелом в содержании и стиле политической пропаганды. Среди основных факторов этого изменения прежде всего мы можем вспомнить как глубокое переосмысление и ослабление со стороны ИКП традиционных связей с Советским Союзом, так и необходимость вновь обрести (перед лицом серьёзного экономического кризиса, который последовал за арабо-израильской войной и вспышкой терроризма неофашистского и марксистско-ленинского образца) хотя бы минимальный общий знаменатель для всех политических сил в деле спасения системы от возможного краха. Такой минимальный общий знаменатель помог бы раз и навсегда преодолеть взаимную демонизацию и запустить диалог между политическими силами, объединившимися в годы Второй мировой войны в рамках Пакта для совместной борьбы с фашизмом. Силы эти по сути были верны Пакту, когда в послевоенное время он подтолкнул их к тесному сотрудничеству с целью подготовить проект основополагающего документа, послужившего в будущем возрождению страны: принятию Конституции Республики²⁵.

23 Ventrone A. La cittadinanza repubblicana. P. 106–107.

24 Germani G. Sociologia della modernizzazione. L'esperienza dell'America latina. Roma; Bari: Laterza, 1971. P. 108; о «соотношении между утопическими представлениями и коллективными надеждами» во время глубоких политических и социальных кризисов см.: Baczkó B. L'utopia. Immaginazione sociale e rappresentazioni utopistiche nell'età dell'Illuminismo. Torino: Einaudi, 1978. P. 457–459.

25 Scoppola P. Costituzione contesa. Torino: Einaudi, 1998.

Mito e anti-mito dell'URSS nella propaganda politica italiana dal primo al secondo dopoguerra

Nel mio contributo, cercherò di delineare alcuni tratti essenziali della rappresentazione dell'URSS in Italia, negli anni compresi tra la Prima guerra mondiale e il ritorno della democrazia in seguito alla caduta del fascismo.

Come sappiamo, la propaganda politica si fonda molto spesso sulla netta divisione della realtà in bene e male, in amico e nemico. L'obiettivo è infatti quello di spingere all'unione e ad accantonare ogni divergenza per far fronte al pericolo rappresentato da chi è accusato di mettere in pericolo la coesione della comunità che si sente aggredita o minacciata.

La demonizzazione dell'altro si esprime innanzitutto attraverso la sua raffigurazione come un essere dai tratti mostruosi. Il legame tra elemento morale ed elemento fisico è essenziale: la bruttezza o la deformità fisica, infatti, servono a descrivere i segni di una più profonda e sostanziale bruttura morale, e l'enfaticizzazione dei crimini del nemico ha l'obiettivo sia di accrescere l'odio nei suoi confronti, sia di chiamare, come abbiamo detto, all'unità contro di lui¹. L'obiettivo, in questo caso, non è indurre alla riflessione, ma all'azione.

Questi caratteri sono evidenti proprio nella rappresentazione dell'Unione Sovietica da parte dei suoi avversari, che sin dalla sua nascita la considerarono la più grave minaccia esistente per la civiltà cristiana e occidentale. Ma perché questa identificazione con una minaccia mortale, per quali ragioni? Al di là della denuncia del pericolo per l'ordine sociale rappresentato dalla lotta di classe, dall'enfaticizzazione della violenza rivoluzionaria e del terrore legato all'instaurazione della dittatura del proletariato, ciò dipese anche da ragioni più profonde, meno immediatamente evidenti. In particolare, dal fatto che l'URSS divenne subito il paese su cui scaricare alcune delle preoccupazioni,

¹ M. Gallo, *I manifesti nella storia e nel costume*, analisi critica di C. Quintavalle, Mondadori, Milano 2000, pp. 17 e 187 sgg. Sulla disumanizzazione del nemico, cfr. R. Girard, *Il capro espiatorio*, Adelphi, Milano 2004 e G. De Luna, *Il corpo del nemico ucciso. Violenza e morte nella guerra contemporanea*, Einaudi, Torino 2006.

delle angosce più profonde suscitate dalle grandiose trasformazioni sociali, economiche e culturali che avevano accompagnato la comparsa della società di massa tra la fine del XIX secolo e l'inizio del XX. Come vedremo, ciò avrebbe influenzato a lungo i modelli e gli stereotipi della propaganda politica italiana.

Occorre dunque partire dalla considerazione che l'Unione Sovietica rappresentava molto più del nemico politico e ideologico: rappresentava innanzitutto la faccia più nuova, e per questo più inquietante e spaventosa, della modernità. Per l'identificazione tra ebraismo e mali della modernità, tipica di tanta parte della cultura dei primi decenni del Novecento, alla terra dei soviet vennero così curiosamente applicati molti degli stereotipi che servivano proprio a descrivere la presunta inferiorità del popolo ebraico. Anche i sovietici, infatti, venivano considerati individui morbosamente attratti dalle ricchezze materiali, privi di scrupoli morali e per questo capaci di portare solo morte, disgregazione e distruzione lì dove arrivavano².

In realtà, il modello originario legato all'immagine apocalittica della modernità si era andato definendo nel corso dell'Ottocento sulla scia delle polemiche nate a proposito della comparsa negli Stati Uniti dei primi scenari legati alla società di massa: società di massa che a molti sembrava dominata dall'artificialità, dal conformismo, da rapporti sociali anonimi e impersonali. Una società dove il singolo essere umano, in altre parole, era isolato dagli altri e infelice, perché aveva perso ogni controllo su di sé e sulla propria vita. Tuttavia, questo modello, a partire dalla Rivoluzione d'Ottobre, si rovesciò rapidamente anche sull'Unione Sovietica³.

In fondo, vasti ambienti politici e culturali, che avrebbero di lì a poco trovato nel fascismo il punto di riferimento principale, ritenevano che nei sovietici — così come, in modo speculare, negli americani — venissero a coincidere la figura del selvaggio e quella dell'iper-moderno: entrambi erano infatti considerati popoli che avevano appena allora cominciato ad avvicinarsi alla civiltà, ma che, grazie ai potenti strumenti forniti dalla scienza e, soprattutto, dalla tecnologia, erano caduti vittime di un vero e proprio delirio di onnipotenza che li spingeva a credere che tutto fosse realizzabile, che ogni obiettivo fosse raggiungibile, che una nuova era e una Nuova umanità fossero ormai all'orizzonte. Un delirio di onnipotenza che, a causa della sua totale astrattezza e della negazione di quelle che sembravano le immutabili leggi della natura, della perdita del senso del limite, dell'esaltazione del puro materialismo e della

² Per gli stereotipi antisemiti, e sulla rappresentazione dell'ebreo come vera e propria «metafora della modernità» e dei suoi effetti degeneranti, cfr. E. Traverso, *La violenza nazista. Una genealogia*, il Mulino, Bologna 2002, pp. 139-142 e 157-174.

³ Cfr. L. Mangoni, *Una crisi di fine secolo. La cultura italiana e la Francia fra Otto e Novecento*, Einaudi, Torino 1985, D. Pick, *Volte della degenerazione, una sindrome europea 1848-1918*, La Nuova Italia, Firenze 1999 (ed orig. 1989), e A. Herman, *The Idea of Decline in Western History*, The Free Press, New York 1997.

conseguente mortificazione di ogni idealità, aveva trasformato quei paesi in un vero e proprio inferno, in un mondo alla rovescia.

Nei primi anni Venti, dopo l'avvento al potere del fascismo, furono dunque proprio gli Stati Uniti e l'Unione Sovietica a rappresentare l'incarnazione più compiuta e perversa della degenerazione fisica e morale a cui conduceva inesorabilmente la modernità borghese. «Dalla Riforma in poi — scriveva ad esempio la rivista “Critica fascista” nel 1934 — il mondo moderno cammina a grandi giornate verso la dilatazione del potere delle masse. Il liberalismo, la democrazia, il socialismo, il bolscevismo, sono tappe successive di un solo cammino»⁴. Gli Stati Uniti apparivano perciò il regno dell'individualismo, della concorrenza sfrenata, della lotta per la sopravvivenza che tendeva a cancellare ogni senso di umanità e di solidarietà, della «religione della materia», e quindi del dominio della società di massa che uniformava i comportamenti, gli stili, i gusti, le menti delle persone. In modo apparentemente opposto, ma in realtà solo speculare, anche l'Unione Sovietica appariva una grande caserma, o meglio, una grande prigionia, dove ogni essere umano era un semplice numero senza più una propria personalità, completamente identico ad ogni altro. Tuttavia, se l'URSS era accusata di aver raggiunto l'omologazione totale attraverso l'ideologia e la violenza, gli USA sembravano esservi riusciti più subdolamente, cioè attraverso il benessere materiale, che appagava i bisogni primari e spegneva ogni altro desiderio superiore, spirituale.

Nella prospettiva fascista, il bolscevico, avversario mortale dell'Occidente e della cristianità, e l'angolo-americano plutocratico ed egoista, erano dunque accomunati dall'esclusivo interesse per la dimensione materiale dell'esistenza. In entrambi i paesi, scriveva l'intellettuale fascista Sergio Panunzio, dominava il «*delirium tremens* della pazzia economica, tecnica, industriale e meccanica». Sia nel capitalismo che nel comunismo, dunque, continuava Panunzio, «gli uomini sono macchine; il branco ammazza l'individuo; il cimitero dell'uniformità tutto oscura e deturpa»⁵.

Negli Stati Uniti e nell'Unione Sovietica l'essere umano sembrava condannato a regredire allo stadio primitivo dell'ottuso scimmione, di cui il profilo “criminale” di Stalin, dalla fronte bassa, la capigliatura folta e ispida, l'occhio vitreo e sporgente, era nei fatti una versione particolarmente elaborata.

D'altronde, la polemica contro il cosiddetto “comfortismo”, che sembrava accomunare i due paesi emergenti sulla scena internazionale, ovvero contro l'amore smodato — e insensato — per le mollezze della vita agiata, fu una costante della propaganda del regime fascista. In una famosa intervista al giornalista tedesco Emil Ludwig, rilasciata all'inizio degli anni trenta, Mussolini, volendo sintetizzare in una sola frase il senso del movimento da lui fondato, avrebbe affermato: «Noi siamo contro la vita comoda!»⁶.

4 Cit. in M. Nacci, *L'antiamericanismo in Italia negli anni Trenta*, Bollati Boringhieri, Torino 1989, pp. 164–165.

5 *Ibidem*.

6 E. Ludwig, *Colloqui con Mussolini*, Mondadori, Milano 1932, p. 188.

Per quanto riguarda specificamente l'Unione Sovietica, il socialismo — che enfatizzava l'uguaglianza degli esseri umani e prometteva la loro pacifica convivenza una volta liberati dall'egoismo indotto dal sistema capitalistico fondato sulla proprietà privata — veniva descritto come il portatore di un modello di società entropica, piattamente egualitaria, senza più pulsioni dinamiche al proprio interno, e quindi in decadenza perché senza più spinte competitive, non più in grado di migliorarsi. A chi era convinto — nella prospettiva darwinista, che aveva allora una grandissima influenza — che l'esistenza fosse sostanzialmente una lotta in cui era destinato a vincere l'organismo maggiormente capace di adattarsi, attraverso la competizione con gli altri esseri viventi, a un ambiente sempre mutevole, il socialismo che predicava la pace e la fratellanza universale era accusato di peccare di astrattezza, se non di malafede. La sua prospettiva sembrava destinata al fallimento, perché era considerata l'espressione del tentativo di deviare il corso della natura e della civiltà umana.

In definitiva, anche per la capacità di muoversi sia sul terreno dell'anticapitalismo e dell'anti-materialismo, sia su quello dell'anti-bolscevismo, il regime fascista avrebbe contribuito alla definizione di molti degli stereotipi, delle immagini, degli slogan che avrebbero caratterizzato lo scontro politico pure nell'Italia repubblicana⁷. Sia la Democrazia cristiana e i suoi alleati laici, schierati su posizioni filo-occidentali, sia la sinistra marxista, filosovietica, vi avrebbero infatti trovato idee e suggestioni a cui ispirarsi.

Fu in questo quadro che, dopo la caduta del fascismo, tornarono in primo piano gli stereotipi sull'URSS come paese contro-natura. In effetti, nonostante lo scontro politico avvenisse ora in un contesto pluralista e democratico, e non più autoritario come durante il regime totalitario, ciò che più colpisce è la riproposizione sul versante anticomunista del linguaggio e delle immagini elaborate nei decenni precedenti. In effetti, si faceva qui sentire un carattere di lungo periodo della vita politica italiana: la tendenza a radicalizzare lo scontro ideologico fino al punto da fargli assumere i connotati di una lotta contro l'avversario concepito come un vero e proprio «nemico interno», a cui veniva negata ogni legittimità al governo del paese⁸.

Un'eredità pesante, dunque, quella fascista, che si accompagnava alle tensioni dovute allo scoppio della Guerra fredda e alla rottura, nel 1947, dell'alleanza antifascista che era stata stipulata tra le maggiori forze politiche nel 1943 per combattere il regime dittatoriale. In questo contesto, ogni sfumatura era destinata a scomparire. L'avversione comunista per i valori propri del sistema

7 Sulla propaganda fascista, cfr. R. Guerri, *Manifesti italiani nella Seconda guerra mondiale*, Rusconi, Milano 1982; *C'era una volta il duce. Il regime in cartolina*, a cura di G. Vittori, Savelli, Roma 1975; B. Pompei, *Il proiettile di carta. L'uso dei simboli nella propaganda del regime fascista e della Repubblica Sociale*, Settimo Sigillo, Roma 2004.

8 M.L. Salvadori, *Storia d'Italia e crisi di regime. Saggio sulla politica italiana 1861–2000*, Einaudi, Torino 2001.

capitalistico, di cui il fascismo era considerato il frutto più velenoso, faceva sì che il capitalismo fosse accusato di perpetuare solo ingiustizie e sperequazioni sociali. Nella propaganda del PCI, i principali rappresentanti di quel sistema, gli USA e la Gran Bretagna, venivano perciò identificati con quelle «plutocrazie» — contro cui, paradossalmente, si era già scagliato il fascismo — a cui veniva imputato di volersi arricchire a spese dei paesi più deboli e delle economie meno sviluppate. Per lo stesso motivo, De Gasperi — il leader della Democrazia cristiana, il partito di maggioranza relativa divenuto ben presto il punto di riferimento per la Chiesa cattolica e gli Stati Uniti — veniva spesso raffigurato come un burattino manovrato da cinici e grassi banchieri o da uno zio Sam dalla faccia feroce⁹.

Come abbiamo detto, le reciproche accuse di essere un pericolo per la democrazia sarebbero divenute una costante di lungo periodo del dibattito politico italiano. Per più di due decenni, infatti, i due schieramenti principali — Democrazia cristiana e i suoi piccoli alleati laici da una parte, e il Partito comunista e quello socialista dall'altra — si accusarono reciprocamente di essere la «quinta colonna» di un nuovo, prossimo, regime dittatoriale.

In questo contesto si ripresentò così lo scontro tra bolscevismo e civiltà cristiana. Nel fuoco della polemica, i Comitati civici — l'organizzazione voluta dalla Chiesa per poter svolgere attività politica senza essere accusata di infrangere il Concordato con lo Stato repubblicano — si rifecero abbondantemente ad alcuni tipici caratteri della propaganda fascista, e in particolare di quella della Repubblica di Salò¹⁰.

In alcuni casi, i loro manifesti utilizzavano toni ironici, raffigurando, ad esempio, una colomba con un ramoscello nel becco che covava alcune uova, tra le quali una rotta da cui usciva un carro armato accompagnato dalla frase: «Ha l'ulivo nella bocca la colomba di baffone, ma nascosto dentro l'uovo ha la bocca d'un cannone» (*baffone* era l'appellativo popolare di Stalin). Più spesso, però, prevalevano toni violenti e aggressivi.

Così, se da una parte la sinistra — ed in particolare i comunisti — tendeva a tranquillizzare gli italiani sul proprio attaccamento a valori quali la famiglia, il rispetto della religione e persino la proprietà privata, dall'altra i cattolici li attaccavano, accusandoli di avere intenzioni esattamente opposte. Riprendendo alcune argomentazioni della tradizionale propaganda antisovversiva sviluppati ulteriormente dal fascismo, e sommandovi le nuove polemiche sulle persecuzioni religiose nei paesi dell'Europa orientale, il mondo cattolico accusava infatti la sinistra di mentire e nascondere il suo vero scopo: la distruzione della civiltà

9 A. Ventrone, *Il nemico interno. Immagini, parole e simboli della lotta politica nell'Italia del Novecento*, Donzelli, Roma 2005.

10 Sui Comitati civici, nati tra la fine del 1947 e l'inizio del 1948 per opera di Luigi Gedda, cfr. M. Casella, *18 aprile. La mobilitazione delle organizzazioni cattoliche*, Congedo, Galatina 1992, che contiene una ricca appendice iconografica.

cristiana. All'inizio del 1946, così scriveva in una lettera pastorale il vescovo di Teggiano, in provincia di Salerno:

«Mai, come oggi, il pericolo comunista si è rivelato così grave e funesto. Ci si vorrebbe addormentare nella illusione che l'empia dottrina, un tempo aspra e violenta, sia ormai trasformata ed addomesticata con la sua mitezza, rinunciando al suo mostruoso programma di sovvertire l'ordine cristiano e sociale. Malgrado le sue illusorie attenuanti non lascia dubbi sui suoi propositi iniqui: resta sempre la più grande eresia del secolo, diretta al rovesciamento dell'autorità, alla distruzione dello stato, della famiglia, della libertà»¹¹.

Altre volte erano semplici parroci a stampare manifestini che ripetevano le accuse ai «socialcomunisti». Uno di questi affermava che la vittoria delle forze di sinistra o di quelle laiche — ma in realtà, atee e materialiste — avrebbe assicurato il successo di uno dei due opposti, di fronte ai quali bisognava scegliere senza alcuna mediazione: «Dio o materia? Libertà o schiavitù?»; «Amore o istinto sessuale?»; «Famiglia o contubernio? Scuola libera o atea?»; «Libertà dal lavoro e dal bisogno o sfruttamento?». In definitiva, la questione era di capire, come avrebbe detto di lì a poco anche il pontefice, se si era «con Cristo o contro Cristo».

L'appello della GIAC (Gioventù italiana di Azione cattolica), di cui era presidente Luigi Gedda, il fondatore dei Comitati civici, fu ancora più esplicito. Indirizzato «Ai nostri Padri, alle nostre Mamme, ai nostri Fratelli maggiori», diceva:

«Non vogliamo il comunismo! Anti-umano e Anti-cristiano [...]. Scartare con decisione il comunismo ed il socialismo quali sono oggi, non vuol dire respingere legittime rivendicazioni di riforme sociali. Il pensiero sociale del cristianesimo propone le più ardite rivendicazioni, ma non con la lotta di classe (= Rivoluzione) bensì nell'ordine e nella libertà»¹².

In effetti, furono i Comitati civici più di ogni altro a tornare a diffondere l'immagine dell'Unione Sovietica come un paese disumano e disumanizzante, regno delle «masse amorfe», dell'anonimato, dell'alienazione, dell'isolamento sociale, che abbiamo visto rappresentato, sotto il fascismo, tanto dagli Stati Uniti, quanto dalla stessa URSS. In questo Stato, si tornava a ripetere, l'umanità era stata schiacciata, non certo sollevata.

Questo era quindi il «Paradiso dei comunisti» nella descrizione che ne davano i cattolici:

«I lavoratori saranno trattati da schiavi. I borghesi saranno soppressi e sostituiti da nuovi gerarchi. I cristiani saranno deportati o uccisi. Le Università insegneranno a costruire bombe atomiche per l'imperialismo russo. I templi

11 Cit. in M. Casella, *Cattolici e Costituente. Orientamenti e iniziative del cattolicesimo organizzato (1945-1947)*, Esi, Napoli 1987, pp. 46-47.

12 A. Ventrone, *La cittadinanza repubblicana. Come cattolici e comunisti hanno costruito la democrazia italiana (1943-1948)*, Il Mulino, Bologna 2008, p. 180, anche per la citazione seguente.

serviranno ai balli. La gioventù sarà proprietà dello Stato padrone. La famiglia verrà sacrificata all'egoismo. La pace domestica sarà distrutta dal divorzio e dal libero amore. La civiltà sarà il sole dell'avvenire che in Russia e altrove fa piangere lacrime di sangue. Il comunismo è contro natura, per questo è fallito».

In un altro documento, un volantino intitolato «Io domande utili a farsi nei comizi», venivano invece poste le questioni che avrebbero dovuto mettere in sicura difficoltà gli oratori comunisti nel corso dei loro discorsi pubblici. Tra le domande, alcune erano fondate, altre del tutto pretestuose, come ad esempio quella che chiedeva quante donne uscissero in realtà «sane» dai «balli comunistici»; una domanda preparata con l'esplicito obiettivo di mettere l'accento sull'immoralità dei comunisti e sulla loro volontà di disgregare l'istituto familiare¹³.

Sempre su questi temi, nel 1951, il Centro italiano femminile, legato alla Democrazia cristiana, pubblicò un «giornale murale» (ovvero, un cartellone compilato dalle sezioni locali del partito con ritagli o disegni di vario genere) con una descrizione di come sarebbe diventata la vita degli italiani qualora avesse vinto il comunismo. «Tuo marito», diceva il documento rivolgendosi specificamente alle elettrici, se iscritto al partito (comunista) avrebbe avuto sicuramente lavoro, anche se solo in quanto «soldato-lavoratore»; tuttavia, se si fosse ammalato, sarebbe stato accusato di sabotaggio e quindi condannato; se non si fosse iscritto, avrebbe avuto da mangiare, ma solo come «animale da tiro», col rischio inoltre di essere mandato in un campo di rieducazione alle prime proteste. Più famiglie, ammoniva il giornale murale, avrebbero dovuto inoltre coabitare in una stessa stanza e l'educazione dei figli sarebbe stata di competenza esclusiva dello Stato.

Persino la moda sarebbe stata dettata dallo Stato, a seconda dei tipi di stoffa e dei colori di cui ci fosse stata sovrapproduzione. In un'Italia comunista, la donna sarebbe stata perciò una «macchina in un universo senza Dio, rosso come un segnale di pericolo, chiuso come un campo di concentramento, arido come la materia, austero come una divisa, gelido come una tomba, tra gente attruppata e rassegnata al comando di un invisibile e onnipotente padrone»¹⁴. Questi temi avrebbero costituito il nucleo della propaganda cattolica fino agli Sessanta.

La preoccupazione di difendere la «civiltà cristiana» dall'avvento del comunismo spingeva quindi tanto influenti settori della gerarchia ecclesiastica, quanto semplici parroci e dirigenti delle organizzazioni di massa cattoliche a estremizzare i toni. Nell'allarmismo esasperato di quegli anni, un articolo pubblicato il 18 aprile del 1953 nella rivista dei gesuiti, «Civiltà Cattolica», ribadiva, ad esempio:

13 Id., *Il nemico interno*, op. cit., p. 185.

14 «Corriere della donna. Giornale femminile popolare», gennaio 1951.

«Si tratta oggi d'una battaglia in cui, in definitiva, si decide fra Cristo e Barabba, fra verità e menzogna, fra libertà e schiavitù [...]. Oggi [...] abbiamo uno straniero, che scorrazza sul nostro suolo, avvelena di utopie il nostro popolo e minaccia di aggiogarci al carro dell'imperialismo bolscevico, costruttore di forche per i nostri migliori e di catene da schiavi per tutti. Lo straniero di una volta per lo meno rispettava i nostri altari, il suo dispotismo incontrava una barriera autolimitatrice nella fede religiosa; lo straniero odierno con furore iconoclasta tutto abbatte e non ha alcun freno alla libidine del dominio tiranico anche delle coscienze».

I comunisti erano dunque percepiti come dei veri e propri *stranieri*. Tra gli esempi più noti della loro rappresentazione in questa veste ci sono i manifesti e i volantini che, in varie forme, nel corso della campagna elettorale dell'aprile del 1948, denunciavano come, sotto le rassicuranti sembianze di Garibaldi — scelto a proprio simbolo da comunisti e socialisti presentatisi uniti nelle liste del Fronte democratico popolare — si nascondesse in realtà il truce volto di Stalin. Un altro famoso manifesto mostrava invece Giuseppe Garibaldi che, al canto di «va fuori d'Italia / va fuori o stranier!», cacciava dal paese, accompagnato dalle sue camicie rosse, uno spaventato Togliatti, segretario del Partito comunista italiano.

Per la DC e i suoi alleati laici, solo l'inserimento nella sfera occidentale, sotto la protezione statunitense, avrebbe potuto garantire all'Italia un futuro di benessere¹⁵. Gli Stati Uniti venivano dunque descritti come il paese che aveva assunto su di sé il compito di difendere il mondo libero, sapendo essere comprensivo e generoso, ma, quando necessario, allo stesso tempo severo castigatore, attraverso la fine degli aiuti alimentari e finanziari.

Lungo questo percorso, gran parte del mondo cattolico cominciò dunque a rielaborare la profonda diffidenza tradizionalmente nutrita dalla dottrina sociale della Chiesa nei confronti del sistema capitalistico. Quest'ultimo cominciò infatti a essere considerato lo strumento utile per progredire sulla strada dello sviluppo, per assicurare una maggiore distribuzione della ricchezza, quindi una maggiore giustizia sociale e, nello stesso tempo, per contendere con successo la strada al comunismo¹⁶.

Il PCI, naturalmente, ricorreva a sua volta a immagini esattamente speculari. L'URSS era infatti descritta come un paese caratterizzato da una profonda giustizia sociale e da una diffusa solidarietà umana. Tutto il contrario, cioè, di quanto accadeva lì dove dominava il sistema capitalistico, considerato il regno dell'individualismo egoistico e di una feroce competitività, che producevano

15 Cfr. S. Cavazza, *Comunicazione di massa e simbologia politica nelle campagne elettorali del secondo dopoguerra*, in *Storia delle campagne elettorali in Italia*, a cura di P.L. Ballini e M. Ridolfi, Bruno Mondadori, Milano 2002, pp. 207–208.

16 P. Scoppola, *La repubblica dei partiti. Evoluzione e crisi di un sistema politico 1945–1996*, Il Mulino, Bologna 1997, pp. 305–337.

solo un dissennato sperpero di preziose energie¹⁷. Nei suoi quadri murali, si sosteneva perciò che i governi democristiani avevano prodotto solo disoccupazione, costretto i ragazzi a non poter continuare gli studi e i braccianti e i contadini ad abbandonare le loro terre. Dell'URSS, invece, venivano esaltate le *conquiste* dei Piani quinquennali, la giornata lavorativa di sei ore per tutti i giovani per soli cinque giorni a settimana, la scuola gratuita fino all'università.

In quel paese, si raccontava, non esistevano più divisioni di classe e tutta la popolazione si vedeva riconosciuti diritti sociali inimmaginabili nei paesi capitalistici. Non solo gli operai potevano assurgere alle cariche pubbliche, «non escluse le più alte», ma anche per le donne c'era libero accesso ad incarichi altrove riservati esclusivamente agli uomini: potevano diventare persino «direttrici di cliniche ospedaliere». Lo Stato, inoltre, creava asili nido (che in Italia, quando c'erano, sembravano dei «canili») per venire incontro alle esigenze delle madri lavoratrici, le quali potevano anche controllare «l'andamento» dell'istituto al quale affidavano il proprio figlio. Addirittura, colui che commetteva un reato veniva rinchiuso in ambienti «più che punitivi, rieducativi» per rendere possibile il suo recupero alla «socialità» (mentre in Italia si praticava ancora «il sistema dell'espiazione corporale»). A tutti era riconosciuto il giusto salario, non c'erano più sfruttati, neanche la piccola proprietà era negata¹⁸.

Il carattere da *terra promessa* di queste descrizioni dell'Unione Sovietica rendeva facile la loro sovrapposizione alle tradizionali attese di ordine millenaristico, palinogenetico, che non solo erano ancora vive nelle classi popolari sia rurali che urbane, ma che erano state anzi rafforzate dalla crisi e dal disorientamento provocati dalla guerra. Non è un caso che Emilio Sereni, uno dei massimi dirigenti del PCI, per spiegare la «nuova democrazia» sovietica ricorresse all'opera del filosofo Tommaso Campanella, che nel XVII secolo aveva profetizzato l'avvento di un mondo in cui «di mio e tuo il mondo sia privo», dove «cessati sono gli ozii e cessate le fatiche», perché «il lavoro è divenuta gioia, amichevolmente da molti condivisa». Per l'intellettuale comunista, la democrazia sovietica era in definitiva una forma di democrazia che nasceva certo da «una frattura violenta e dolorosa» della società contemporanea, ma pure da aspirazioni antiche; antiche come «il primo lamento dell'oppresso e dello sfruttato»¹⁹.

Come ha ricordato un militante del partito, anche Walter Audisio — il famoso «colonnello Valerio», a lungo ritenuto il responsabile dell'uccisione di Mussolini — spiegava il comunismo ricorrendo a immagini molto simili:

17 Cfr. *Nemici per la pelle. Sogno americano e mito sovietico nell'Italia contemporanea*, a cura di P.P. D'Attorre, Franco Angeli, Milano 1991, e *L'URSS, il mito, le masse*, Annali della Fondazione G. Brodolini e della Fondazione F. Turati, Franco Angeli, Milano 1991.

18 A. Ventrone, *La cittadinanza repubblicana*, op. cit., p. 104.

19 E. Sereni, *Nuova democrazia, civiltà umana*, in «La Rinascita», ottobre 1947, p. 296.

«Il comunismo vuol dire... qui c'è un incrocio di strade, qui c'è una fontana, la fontana ha diversi becchi, uno passa e ha sete. Può avere sete di acqua, di latte, di vino, di cognac. Non importa di quel che ha sete, beve quello di cui ha bisogno, schiaccia il bottone e l'avrà, indipendentemente da quello che ha fatto»²⁰.

Quest'immagine sembra mutuata proprio dalle antiche descrizioni del paese di Cuccagna, «nel quale, accanto a montagne di maccheroni e ravioli, alberi di frittelle calde, orti di marzapane» e altre meraviglie, non mancavano mai «fontane da cui zampillano latte e miele, olio soave o vin dolce e malvasia»²¹. E, in effetti, come tutti i «paesi d'Utopia», l'Unione Sovietica appariva la terra delle meraviglie e dell'abbondanza. Ancora per molti anni, questo paese sarebbe stato descritto come il luogo dove, grazie alla scienza finalmente utilizzata per migliorare la vita dell'uomo, si viveva anche fino a 145 anni, i mari pullulavano di pesci, gli allevatori producevano quantità incredibili di animali, nuove tecniche chirurgiche erano ormai capaci di far vivere cani con due teste; in quel paese, si sosteneva, era stata persino creata una varietà di grano perenne²².

Se tutto ciò a livello popolare (e non solo) assumeva come abbiamo detto i caratteri dell'utopia, va sottolineato che la sua forza era data proprio dall'essere, per la prima volta, un'utopia effettivamente viva nel presente, in un paese storicamente esistente; un'utopia che sembrava finalmente realizzata, e che quindi si sarebbe potuta realizzare anche altrove. Il carattere *reale* di quest'utopia è fondamentale per spiegare la rapidissima adesione di massa al PCI, così come la diffusione e la forza del mito sovietico in Italia.

Un volantino intitolato *Perché sono comunista* chiariva bene i motivi che dovevano sollecitare l'adesione al partito:

«1) Perché il comunismo mi lascia piena libertà religiosa [...]. 2) Perché il Partito comunista italiano è democratico, non solo verso gli altri partiti, ma nel suo seno stesso. 3) Perché il programma dei comunisti è già in pratica in Russia, dove quella nazione, dalla miseria dello Zarismo, si è portata, con l'America e l'Inghilterra, fra le prime nazioni del mondo». «E — recitava il testo — mi domando: se la Russia in 25 anni ha fatto tanto, quali sorprese di progresso ci serberà per l'avvenire?»

Anche nella penisola, perciò, bisognava fare come in URSS e attuare il seguente programma:

«1° Governo di popolo, ossia di lavoratori. 2° Vecchiaia veramente assicurata. 3° Preparazione della gioventù alla vita, e studi fino alle università a spese dello stato. 4° La casa igienica. 5° La maternità a spese dello stato.

20 A. Ventrone, *La cittadinanza repubblicana*, op. cit., p. 105.

21 La cit. è in M. Bertolotti, *Carnevale di massa. 1950*, Einaudi, Torino 1991, p. 20; sul messianismo popolare confluito nel PCI, cfr. pp. 16–21.

22 F. Andreucci, *Falce e martello. Identità e linguaggi dei comunisti italiani fra stalinismo e guerra fredda*, Bononia University Press, Bologna 2005, pp. 132–150.

6° Emancipazione della donna con eguali diritti, sulla base di eguale lavoro, eguale salario. 7° Dare i mezzi di produzione ai lavoratori. 8° Statizzazione delle grandi industrie, non appena il popolo saprà decidersi da sé, grazie all'istruzione ricevuta».

Ciò avrebbe permesso — concludeva il volantino — non di realizzare «il Paradiso in terra», ma più semplicemente «il benessere per tutti»²³. Come abbiamo detto, tali messaggi esercitavano una forte attrazione nel mezzo della frammentazione, della perdita di riferimenti comuni provocati dalla tragedia della guerra e dalle rapide trasformazioni che l'avevano seguita. Com'è stato notato, d'altronde, in certi momenti storici, un modo utopistico di affrontare l'azione politica può rivelarsi quello più aderente alla realtà²⁴. La necessità di sottrarsi all'incertezza, all'imprevedibilità, era diventata impellente e creava un terreno fertile per la presa dei miti politici.

Com'è noto, lo scontro frontale tra comunismo e anti-comunismo si sarebbe protratto a lungo. Per vederlo iniziare a dissolversi, si sarebbe infatti dovuto attendere la metà degli anni Settanta. Fu solo allora che si produsse una visibile frattura nei contenuti e nello stile della propaganda politica. Tra i principali fattori di questo cambiamento, possiamo ricordare innanzitutto sia il profondo ripensamento e l'allentamento da parte del Partito comunista dei tradizionali legami con l'Unione Sovietica, sia la necessità di ritrovare — di fronte alla grave crisi economica seguita alla guerra arabo-israeliana e all'esplosione tanto del terrorismo neofascista, quanto di quello di matrice marxista-leninista — un minimo comun denominatore tra tutte le forze politiche impegnate a salvare il sistema dal suo possibile collasso. Un minimo comun denominatore che superasse, una volta per tutte, la reciproca demonizzazione, e avviasse un dialogo tra tutti coloro che in fondo si continuavano a riconoscere nel patto che durante la Seconda guerra mondiale le aveva unite contro il fascismo e, subito dopo, le aveva spinte a collaborare strettamente per giungere alla stesura del documento fondamentale che avrebbe guidato la rinascita del paese: la Costituzione repubblicana²⁵.

23 A. Ventrone, *La cittadinanza repubblicana*, op. cit., pp. 106–107.

24 G. Germani, *Sociologia della modernizzazione. L'esperienza dell'America latina*, Laterza, Roma-Bari 1971, p. 108; sul «rapporto tra rappresentazioni utopistiche e speranze collettive» nel corso di profonde crisi politiche e sociali, cfr. B. Baczkó, *L'utopia. Immaginazione sociale e rappresentazioni utopistiche nell'età dell'Illuminismo*, Einaudi, Torino 1978, in particolare pp. 457–459.

25 P. Scoppola, *Costituzione contesa*, Einaudi, Torino 1998.

Роберто Валле

Непредсказуемое прошлое светлого будущего. Метаморфозы мифа СССР в Италии

Перевод Анастасии Свотиной

В конце 1920-х гг. тело Ленина, выставленное на обозрение в «мрачном деревянном мавзолее», который возвышался на Красной площади у подножия Кремлёвской стены, казалось Курцио Малапарте иконой некоей идеологии, стремившейся к земному бессмертию. Добрый человек Ленин, «честный служащий беспорядка», уже не был мелким буржуа, сбитым с пути революцией, но стал пророком новой религии, а мавзолеем превращался в своего рода сакральное место, куда ежедневно приходили толпы народа, подобные тем процессиям верующих, которые на Святой Руси направлялись поклониться мощам святых. В 1963 г. историк Клаудио Павоне отправился в СССР в поисках нового мира, который возник в результате событий Октябрьской революции и процесса десталинизации, начатого Хрущёвым. Оказавшись в мавзолее на Красной площади и не сумев сразу же различить, была ли мумия статуей или настоящим человеком, Павоне оставил в своём дневнике вопрос, свидетельствующий о неразрывном переплетении исторической правды и мифа: «Видеть таким образом его тело — что это добавляет той истине, которую для нас олицетворяет собою Ленин?»¹ Религиозный культ Ленина не только претендовал на то, чтобы достичь высот божественного учения, но также считался первым воплощением советского полиморфного мифотворчества, структурированного в виде системы мифологем², которая включала в том числе и миф о распаде СССР. В период между второй половиной 1950-х гг. и началом XXI в. в Италии миф об СССР претерпел некоторые значительные метаморфозы, которые частично были обусловлены полиморфной спецификой советского мифотворчества, а отчасти — непростыми перипетиями итальянской политики.

1 См.: *Malaparte C. Il buonuomo Lenin*. Milano: Adelphi, 2018; *Pavone C. Aria di Russia. Diario di un viaggio in URSS*. Roma; Bari: Laterza, 2016; *Strada V. Lenin, Stalin, Putin*. Soveria Mannelli: Rubbettino, 2011.

2 См.: *Strada V. Nascita e tramonto di un Mito // L'URSS, il Mito e le masse / Socialismo/Storia. Annali della Fondazione Giacomo Brodolini e della Fondazione di Studi Storici Filippo Turati*. Milano: Franco Angeli, 1991. P. 15–22.

Мифо-утопическая генеалогия советской модели действительно породила множество мифологем. 1. Основополагающий миф Октябрьской революции в качестве первой ипостаси Итальянской коммунистической партии (ИКП) и формы её исторической легитимации: эта мифологема играла центральную роль в итальянском политическом дискурсе вплоть до празднования 70-летия Октябрьской революции в 1987 г. Кроме того, данная мифологема не является монолитной; на самом деле существуют по меньшей мере три версии Октября, а именно Ленина, Сталина и Троцкого. Этот распад октябрьского мифа претерпел метаморфозы на молекулярном уровне в условиях существования сонма небольших групп новых левых (в зависимости от обстоятельств — ленинского, сталинского или троцкистского толка) между 1960-ми и 1970-ми гг. Как бы то ни было, революция, постулированная марксистско-ленинской традицией, с её ритуалами и символами, представляла собой миф, способный перенаправить на классовую проблематику протестную активность молодёжи из среднего класса³. 2. Миф о профессиональном революционере как сверхчеловеке: этот миф нашёл воплощение в первую очередь в культе ИКП как особой партии и её руководителей. В период «свинцовых семидесятых» образ профессионального революционера был ресакрализован наряду с культом подпольной организации и мифом об уничтожении буржуазного государства и капиталистического строя. 3. Миф о рабочем классе и диктатуре пролетариата обладал большой притягательной силой вплоть до 1970-х гг. и достиг апогея «жаркой осенью» 1969 г., когда произошла историческая мистико-мифическая встреча «массового интеллектуала» и «массового рабочего». В период между 1968 и 1973 гг. множество небольших группировок затеяло борьбу с ИКП за доминирование над рабочим классом (что было точно отражено Элио Петри в фильме «Рабочий класс попадёт в рай»). 4. Миф об СССР как о беспрецедентной модели общества и родине социализма, которая после победы коммунизма охватила бы в своей бескрайности весь мир. Вплоть до 1970-х гг. для просоветски настроенных итальянцев СССР оставался настоящей родиной. 5. Миф об СССР как о великой мировой державе, способной в планетарном масштабе противостоять гегемонии Соединённых Штатов, по-прежнему существует среди тех, кто испытывает ностальгию по биполярному миру, а в период после Второй мировой войны у него были поклонники даже в кругах левого неофашизма⁴.

3 См.: Flores M., De Bernardi A. Il Sessantotto. Bologna: Il Mulino, 2003.

4 См.: Buchignani P. Fascisti rossi: da Salò al Pci, la storia sconosciuta di una migrazione politica 1943–1953. Milano: Mondadori, 1998. Так, например, в издании «Национальная мысль» Станиса Руинаса выражалась подрывная идея, популистская и тоталитарная, против плутократических демократий, которые колонизировали Италию после 1945 г., а СССР считался ведущим государством в деле мирового восстания угнетённых против западного капитализма.

Помимо присущей ему полиморфности, начиная с большевистского мифотворчества, миф СССР имел также и сотериологический аспект⁵, начиная с большевистского мифотворчества, которое в период расцвета служило источником своего рода историко-идеологического мессианства, стремившегося возвыситься до уровня универсальной ценности, понимаемой как первое воплощение находившейся на этапе становления цивилизации, которая привела бы человечество к коммунизму, в райский сад царства свободы. Фактически действия СССР на международной арене были направлены на то, чтобы привести капитализм к окончательному краху и осуществить освобождение пролетарского Прометея, что положило бы конец эксплуатации человека человеком. Помимо научного характера марксизма-ленинизма (обобщённого в мифе о науке революции), советский миф обладал имагологически⁶ значимой характеристикой как образ светлого будущего, а также сорелианским⁷ смыслом — в качестве катализатора тотальной мобилизации масс⁸. Кроме того, притягательная сила советского мифа проявилась не в его осуществлении, но в его незавершённости, в невыразимости революционного явления, которое попыталось воплотиться в истории, постоянно стремясь к чему-то невозможному⁹. Строительство СССР способствовало своеобразному примирению между научным социализмом и мифом, который, по отношению к советской реальности, вёл свою собственную жизнь. Как историческая реализация захватившей власть утопии, СССР выкристаллизовался в форме мифа¹⁰. Мифическое явление СССР утвердилось и среди самого советского народа — как некое другое место, гетеротопия и/или утопия, как мономиф, не признающий соперников. Независимо от ритуалов

5 Сотериология — богословское учение об искуплении и спасении человека; является частью догматического богословия. — Прим. ред.

6 Имагология — научная дисциплина, занимающаяся изучением складывания, восприятия и преобразования образов чего-либо (страны, народа, культуры и т. д.), а также практическая деятельность по созданию имиджей. Основным предметом исследований имагологии является восприятие образов «других», «чужих», инородных для воспринимающего объекта. — Прим. ред.

7 Сорелианизм — теория Жоржа Сореля о роли мифологии, национальных мифов в жизни людей. Оказала заметное влияние на теории социализма, анархизма и фашизма.

8 См.: Riosa A. I Miti di massa dello stalinismo // L'URSS, il Mito e le masse.

9 Medvedev R. Ascesa e caduta di Nikita Chruščëv. Roma: Editori Riuniti, 1982. P. 199–200. На XXI съезде КПСС в 1959 г. Хрущёв воскресил миф о коммунизме. В восьмидесятые годы коммунизм возник опять как некий вновь обретенный горизонт, который никогда не был достигнут: «Что есть горизонт? Это линия, которая удаляется по мере приближения к ней».

10 Esposito R. Introduzione all'edizione italiana // Kolakowski L. Presenza del mito. Bologna: Il Mulino, 1992. P. 15.

режима и идеологического катехизиса реального социализма, этот миф ещё долго продолжал завораживать и после краха советской империи. Кульминационный момент в вечном обновлении СССР наступил в период перестройки: по мнению мастера русского абсурда писателя Виктора Пелевина, Советский Союз был улучшен настолько, что перестал существовать — как единственное государство в мире, способное попасть в нирвану¹¹. В своём отрицательном значении этот мономиф приобрёл своеобразное выражение в советологической схоластике, которая практиковалась в спорах о сущности советского тоталитаризма: парадоксальным образом советологический эссенциализм (как политологическое учение, основанное на тоталитарной парадигме) не только не предполагал распада СССР, но и укрепил миф о чрезвычайной стабильности советской системы¹². Однако в положительном смысле миф СССР трактовался как кратофания, как восхождение пролетариата в эмпирей власти, как необходимая предпосылка к построению бесклассового общества. До октября 1917 г. Россия считалась отдельным миром и/или деградирующей имитацией европейской цивилизации. После большевистской революции установилось раздвоение советского мифа: в своей положительной версии он проецировал образ Советского Союза как модели для подражания; в негативном понимании, напротив, миф Советской России выразился в форме чудовищной аномалии. Как утверждает Витторио Страда, миф Октябрьской революции не исчез: Красный Октябрь остаётся основополагающим космогоническим мифом нового порядка. По мнению Ланаро, миф СССР как миф о строительстве, созидании родины в другом месте не совпадает с октябрьским мифом — мифом по своему характеру миллениаристским, сорелианским, мифом о перерождении мира¹³. Октябрьская революция не только вызвала к жизни своего рода социализм дарующий, укрепившийся на международной арене в качестве модели, предназначенной на экспорт в другие страны (в том числе и с помощью Красной армии). Благодаря свойственной революции фатальности, как полагают некоторые, её великое прошлое по-прежнему раскрывается в будущем, лежащим перед ней¹⁴. Удивительно, что реактуализация Октября зеркально отражает прежний антикоммунистический миф, извлечённый из чёрных книг коммунизма.

11 Pelevin V. *Babylon*. Milano: Mondadori, 2000. P. 13.

12 См.: *The Totalitarian Paradigm after the End of Communism. Towards a Theoretical Reassessment* / ed. A. Siegel. Amsterdam; Atlanta: GA, 1998.

13 См.: *Il Pci nell'Italia repubblicana 1943–1991 // Annali 1999 Fondazione Istituto Gramsci* / ed. Gualtieri. Roma: Carocci, 2001. P. 395.

14 В № 3 за 2001 г. журнала «Л'Эрнесто» (журнал Партии коммунистического возрождения) была опубликована статья Джильберто Вольты «Октябрьская революция: ворота в будущее». Вольта утверждает, что Октябрь не только был неизбежен, но пробил «брешь, проход в будущее, к достижению пятой стадии человеческой цивилизации, к обществу свободных и равных, к коммунистическому обществу».

Подобные варианты реактуализации — анахронически-диахроническое смещение установок менталитета, сформировавшегося в период 1950–1970 гг. в теневой стороне идеологии вокруг мифов коммунизма и антикоммунизма и по-прежнему являющегося источником определенной онейрической субкультуры. В этом смысле коммунистические и антикоммунистические мифы стали постоянной отличительной чертой итальянской идентичности. Советский Союз всё ещё представляет собой призрак, который бродит по Италии, а наличие мифа подтверждается постоянством того идеологического онейризма¹⁵, который лежит в основе политических мифов XX в. Поэтому миф СССР следует анализировать в соответствии с теми историографическими характеристиками, которые позволяют рассматривать это явление со всеми присущими ему метаморфозами в его разные периоды, и с использованием таких инструментов культурной критики, которые допускают свободное и трезвое толкование общих мест, призраков и притязаний идеологического онейризма.

РОЖДЕНИЕ И ЗАКАТ МИФА О СТАЛИНЕ. ДЕСТАЛИНИЗАЦИЯ И МИФ О ПЕРМАНЕНТНОЙ РЕФОРМЕ: ОТ ХРУЩЁВА ДО ГОРБАЧЁВА

В 1989 г. в Кортоне состоялась конференция, посвящённая мифу СССР. В тот период перестройка пользовалась огромной популярностью на Западе и казалась источником нового мифа — о демократическом коммунизме.

Приход к власти Горбачёва, казалось бы, свидетельствовал о том, что СССР, освободившись от сталинизма и застоя позднего тоталитаризма, вновь обретал свою первоначальную революционную чистоту. Таким образом, перестройка рассматривалась как своего рода начальный и начавшийся социализм, который сказку сделал бы былью¹⁶. В предисловии к публикации материалов конференции в Кортоне Марчелло Флорес, охарактеризовав полиморфную специфику советской мифологии, утверждает, что миф СССР испытывал «непрерывное и постоянно повторяющееся возрождение», о чём свидетельствует и сам кризис мифа, пережитый как травма и внезапное откровение¹⁷. Отметив, что вопросы, касающиеся мифа СССР в послевоенной Италии, всё ещё ожидают подробного исследования, Флорес считает, что основополагающим элементом данного мифа является фигура Сталина, которого воспринимают как символ победы над нацизмом (даже Де Гаспери

15 Онейризм — психопатологический синдром, характеризующийся особым видом качественного нарушения сознания.

16 *Karpinskij L. Il mito dell'Urss nella cultura occidentale // Il mito dell'URSS. La cultura occidentale e l'Unione Sovietica* / eds. Flores M., Gori F. Milano: Franco Angeli, 1990. P. 109–114.

17 *Flores M. Introduzione // Il mito dell'URSS. La cultura occidentale e l'Unione Sovietica*. P. 9–13.

в 1944 г. отдал дань военному гению Сталина), а Сталинград оказался знаком этой победы. По мнению Ролана Барта, ритуальное прославление Сталина обрело черты мифического слова в чистом виде. Сталин был сакрализован и как образ иррационального и невыразимого стал объектом своего рода мифицирующей деполитизации. Возвысившийся до трансцендентности мифа Сталин-икона — это отрицание революции, катартический акт, который предназначен для высвобождения политического заряда, накопившегося в мире¹⁸. По мнению Гоццини, миф Сталина поддерживается тремя образами (жреца, воина и производителя), которые, как представляется, вызывают в памяти три функции, помещённые Жоржем Дюмезилем в основу эпоса индоевропейских народов¹⁹. В течение 15 лет, согласно Флоресу, советский миф в Италии сохранял неизменными свои очертания и основывался на триаде: Сталинград, социализм, мир (СССР как защитник мирного порядка в биполярной системе). ИКП пропагандировала и сделала всеобщим достоянием этот миф, который принял массовый характер, утверждая радикальную инаковость СССР, поскольку он не соответствовал существовавшему государственным образованиям²⁰. СССР как центр распространения интернационалистического мессианства стал местом паломничества итальянских коммунистов, которые чувствовали себя изгнанниками на своей родине — «советскими гражданами» в Италии. Восторженные доклады о путешествиях публиковались коммунистической прессой и издательствами, стремившимися получить монополию на образ СССР в Италии²¹. Иногда устраивались коллективные паломничества и собирались свидетельства об удивительных завоеваниях советского социализма. Так, например, книга «Мы побывали в СССР»²² представляет собой свод стереотипов о блистательном настоящем в период сумерек сталинской эпохи. С другой стороны, советский миф был

18 Barthes R. Il mito, oggi // *Idem*. Miti d'oggi. Torino: Einaudi, 1994. P. 226–227.

19 Gozzini G. Il Pci nel sistema politico della Repubblica // *Il Pci nell'Italia repubblicana 1943–1991*. P. 116–117.

20 Flores M. Il mito dell'URSS nel secondo dopoguerra // *Nemici per la pelle. Sogno americano e mito sovietico nell'Italia contemporanea* / ed. D'Attorre P.P. Milano: Franco Angeli, 1991. P. 491–506. Армандо Коссутта (в статье, опубликованной в ноябре 1950 г. в «Куадерно дель'Аттивиста» и озаглавленной «Улучшать и усиливать нашу пропаганду о Советском Союзе») утверждал, что СССР был «чудесным воплощением устремлений всех трудящихся», «подлинным и действительным образцом», и поэтому ИКП должна была «дать итальянцам» то, чем «уже обладали советские граждане».

21 История путешествий итальянских интеллектуалов в СССР в пятидесятые годы была кратко воссоздана Лорето Ди Нуччи. См.: *Di Nucci L. I pellegrinaggi politici degli intellettuali italiani // Hollander P. Pellegrini politici. Intellettuali occidentali in Unione Sovietica, Cina e Cuba*. Bologna: Il Mulino, 1988. P. 621–677.

22 См.: *Noi siamo stati nell'URSS*. Firenze: Macchia, 1950. В книге собраны свидетельства А. Банфи, Р. Бьянки-Бандинелли, Р. Гуттузо, П. Роботти.

охарактеризован как контрмиф по отношению к массовому распространению в Италии идеалов американского образа жизни и американской мечты²³. Как отметил В. Страда²⁴, для многих интеллектуалов советский миф и марксистско-ленинский «византизм» выполняли компенсаторную функцию этико-эстетического характера в отношении трудностей, спровоцированных современным миром. Интеллектуалы одновременно и творили миф, и поклонялись ему, поскольку до середины 1950-х гг. СССР транслировал за свои пределы образ блестящего энергичного подъёма (в противоположность упадку капитализма), и этот образ прочно осел в коллективном воображении. Со своей стороны, Северино Галанте²⁵ подчёркивает врождённую аллотропию мифа СССР: соединяя политическую страсть и идеологическую схоластику, руководимая Тольятти ИКП осуществила бы своего рода «национализацию масс с помощью советского мифа». По мнению Флореса, агиографическое и некритическое видение СССР служило стратегии новой партии, создаваемой Тольятти. Кроме того, Флорес проводит различие между «радостным простодушием писателей» и упрямым и мрачным фидеизмом руководителей. Тем не менее ликующий филосоветизм интеллектуалов был важным элементом передачи, своего рода трансмиссией, который позволял массам принимать миф СССР посредством отождествления. После 1956 г. и развенчания Хрущёвым культа личности начинается процесс перехода от обожествления образа Сталина к его полному очернению. *Reductio ad Hitlerum* (то есть сведение образа Сталина до уровня Гитлера) как перманентное превращение его в чудовище открыто осудили Доменико Лосурдо и Лучано Канфора, представители барийской школы, которая следует по стопам Маркса и Грамши. Написанный Троцким и Хрущёвым карикатурный портрет Сталина, по мнению Лосурдо, является не только пропагандистской фальсификацией, позволившей Западу развязать идеологический конфликт против советского тоталитаризма, но и нацелен на то, чтобы скрыть историческую правду о сталинской эпохе. Лосурдо считает, что Сталин проявил исключительный политический талант — как в годы построения Советского государства, так и во время Великой Отечественной войны, — не просто спасший родину социализма от децимации и порабощения Третьим рейхом, но и обеспечивший СССР подъём до уровня мировой сверхдержавы. Со своей стороны, Канфора сравнивает Сталина с Периклом, который научил народ Афин одной великой геополитической истине: нельзя сбежать от империи, потому что в высшей степени рискованно дробить её. После 70 лет держава Перикла пала по вине тех самых афинских стратегов, в частности Адиманта,

23 См.: *Nemici per la pelle. Sogno americano e mito sovietico nell'Italia contemporanea*.

24 *Strada V. Nascita e tramonto di un mito // L'URSS, il mito e le masse*.

25 *Galante S. I comunisti italiani e il mito sovietico nel secondo dopoguerra. Tra "emotional russophilia" e organizzazione // L'URSS, il mito e le masse*. P. 407.

которые в решающей битве при Эгоспотамах предали дело империи. И даже подчёркивая неосторожность исторических аналогий, Канфора отводит роль Адиманта Горбачёву²⁶.

Для Флореса, напротив, миф СССР, после череды перипетий, подошёл к своему завершающему моменту в 1956 г., то есть после XX съезда КПСС и начавшейся десталинизации. Но даже и после 1956 г. СССР не воспринимался как поверженный кумир. Советский миф фактически утрачивал собственную монолитность, и происходило своего рода раздвоение образа СССР, что стало основой идеологической бифуркации. С одной стороны, СССР всё также воспринимали в его неизменности платоновской модели, выкованной демиургами Лениным и Сталиным и вознёсшейся в эмпирию бессмертия (что репрезентировано трупным окоченением забальзамированных останков Ленина, погребённых в мавзолее). Подобная проекция мифа обретёт новую жизнь в среде защитников реального и «развитого» брежневского социализма: апология реального социализма использовалась не только в целях поддержания эмоциональной советофилии и основных инстинктов в массах сохранившихся поклонников, но также пропагандировалась тем течением ИКП, которое в 1991 г. стало источником раскола в коммунистическом возрождении. С другой стороны, с процессом десталинизации и наступлением хрущёвской эпохи утвердился новый миф — о перманентной реформе советской системы. Как вспоминает В. Страда в своей автобиографии, после XX съезда КПСС он вступил в ИКП, поскольку хрущёвское правление связывалось с мифическим, идеализированным ленинизмом: такой странный союз воспринимался как антисталинский и вытекал из заблуждения об идущем внутри самой системы процессе демократического реформирования²⁷. Иллюзия демократизации советской системы возникла вновь во время перестройки, а в Италии она претерпела дальнейшую метаморфозу в мифическом образе Горбачёва-реформатора. Самые яркие проявления интеллектуальных и политических восторгов, вызванных перестройкой, не просто вдохновляют анахронические явления²⁸, но обнаруживают свои истоки в мифологиях о хрущёвском десятилетии. В «Истории Советского Союза» (опубликованной в 1978 г., русскоязычное издание — в 1990 г.) Боффа противопоставляет поворот в сторону реформ, заданный Хрущёвым в 1956 г. (несмотря на вмешательство в события в Венгрии, которое было определено как крайняя мера для предотвращения

26 См.: *Losurdo D.* Stalin. Storia e critica di una leggenda nera. Con un saggio di Luciano Canfora. Roma: Carocci, 2008.

27 *Strada V.* Autoritratto autocritico. Archeologia della rivoluzione d'Ottobre. Roma: Liberal Edizioni, 2004. P. 23–28.

28 В 1995 г. ветераны перестройки отмечали в Генуе десятилетие «революции Горбачёва». Своего рода сюрреалистическое «параллельное действие», не отличающееся от подготовки к празднованию габсбургского мифа в преддверии распада Австро-Венгрии в романе «Человек без свойств» Р. Музиля.

надвигавшейся катастрофы), регрессивному повороту, заложенному Брежневым и достигшему своего апогея с вторжением в Чехословакию и с ползучей ресталинизацией советской системы. Несмотря на то что в брежневскую эпоху СССР переживал существенное снижение своего идеологического влияния, идеал не мог быть сведён к «простому иллюзорному значению современного мифа». В 1978 г., по мнению Боффы, нельзя было смириться с мыслью, что СССР не мог выйти за пределы реального социализма, и ожидалось такие новаторские решения, которыми была насыщена советская история²⁹. С приходом к власти Горбачёва стал завоевывать популярность миф о возникновении демократических веяний в КПСС под влиянием ИКП: казалось, что международное коммунистическое движение реорганизовывалось, расширяя собственный идеологический горизонт до социал-демократии, для построения демократического социализма с человеческим лицом. В постскриптуме к «Истории Советского Союза» (переизданной в 1990 г. газетой «Унита») Боффа утверждает, что перестройка была неизбежным новаторским ответом, предсказанным в первом издании его книги в 1978 г.³⁰ Программа реформ Горбачёва была более радикальной и честолюбивой, чем предложенная Хрущёвым, и поэтому Боффа выражал (в декабре 1990 г., когда перестройка уже превратилась в «катастрофку») надежду, что горбачёвская реформаторская деятельность, возможно, испытывала головокружение от успехов³¹.

ДОЛГИЙ ПУТЬ СКВОЗЬ ИТАЛЬЯНСКИЙ ШЕСТЬДЕСЯТ ВОСЬМОЙ ГОД И СОВЕТСКИЙ МИФ: ПРОТЕСТ И РЕВОЛЮЦИЯ

Как утверждает Бруно Бонджованни³², в 1968 г. «острое столкновение между идеологией и менталитетом» изжило себя: подобный конфликт породил странную смесь старых и новых мифов. В некоторых случаях из слияния различных субкультур возник парадоксальный синтез американской мечты (бит-поколение, альтернативная психоделическая культура) и ленинского мифа о строительстве революционной партии³³. Долгий итальянский шестьдесят восьмой продлился целое десятилетие; в течение этого периода

29 *Boffa G.* Storia dell'Unione sovietica 1945–1964. Roma: L'Unità, 1990. Vol. 4. P. 355–370.

30 В этой связи см. также: *Rubbi A.* Incontri con Gorbaciov. I colloqui di Natta e Occhetto con il leader sovietico: giugno 1984 – novembre 1989. Roma: Editori Riuniti, 1990. Как свидетельствует Рубби, при запуске перестройки Горбачёв нашёл источник вдохновения, среди прочего, читая книгу Боффы.

31 *Boffa G.* Storia dell'Unione sovietica 1945–1964. Vol. 4. P. 371–386.

32 *Bongiovanni B.* Società di massa, mondo giovanile e crisi dei valori. La contestazione del '68 // La storia / eds. Tranfaglia N., Firpo M. Vol. VII. L'età contemporanea, t. 2. La cultura. Torino: Utet, 1988. P. 671–694.

33 *Balestrini N., Moroni P.* L'orda d'oro 1968–1977. La grande ondata rivoluzionaria e creativa, politica ed esistenziale. Milano: Feltrinelli, 2003. P. 154–170.

большевистско-советская (в том числе с точки зрения маоизма) политическая лексика пережила новый расцвет и способствовала как развёртыванию революционного насилия, так и появлению мифа о борьбе за завоевание власти и свержение буржуазной системы. В первой половине 1960-х гг. Пьер Паоло Пазолини в «Диалогах» с читателями журнала «Вие Нуове» отмечал возникновение этих новых ориентиров, а уже в 1965 г. он утверждал, что на горизонте появился своего рода «битниковский сталинизм», культивируемый некоторыми «негодующими и неизвестными мелкими компаниями» (в частности, писатель упоминал группу, связанную с журналом «Куадерни Пьячентини»), которые с присущим им «морализирующим максимализмом» порицают всё и всех (возможно, и заслуженно: но их ошибка в том, что они навязчиво указывают на свою правоту)³⁴. И хотя эта работа Пазолини проникнута ностальгией по мифическому и тенденцией к ресакрализации (в этом смысле поэт недвусмысленно ссылается на урок Элиаде), она осуществила мгновенную демистификацию антикоммунистического и советского мифов. В 1957 г. Пазолини побывал в СССР и констатировал факт несовершенства человека: даже сделав так, чтобы исчезли социальные классы, иная организация общества не могла изменить пороки, приобретённые за многовековую историю; а потому русские по-прежнему были «ленивыми, сложными и неумеренными, как во времена Достоевского». Пазолини полагал, что истинные ценности социализма возникнут из классовой борьбы и рабочий класс осуществит революцию. Тем не менее в 1960-х гг. русская, китайская и кубинская революции возвратили писателя к реальности, и он навсегда оставил блаженный оптимизм. В то же время в Италии происходила революция прикладной науки — высшей стадии неокapитализма, которая, казалось, следовала дорогой, совпадавшей с устремлениями масс, а последняя надежда на обновление ценностей посредством коммунистической революции будто бы исчезала на горизонте³⁵. Кроме того, в 1960-е гг. Сталин представлялся уже человеком ушедшей эпохи, набальзамированной иконой архаической и дикой религиозности, заключённой в культе личности. Вместо того чтобы извлекать уроки из собственной истории, просоветски ориентированные итальянцы устремлялись за мелкобуржуазным мифом о покорении космоса Советским Союзом. В 1965 г., вернувшись из путешествия в Чехословакию и Венгрию (где, между прочим, он встретил Лукача, «оглашённую цикаду» и «машину для мышления», которая непрерывным потоком порождала видения о преодолении), Пазолини предостерегал, что и в Италии не рассеялись существовавшие призраки (конформизм, сталинизм, партийный патриотизм, отсутствие критики или же чисто номинальная самокритика). Казалось, расхождение между коммунизмом-режимом

34 *Pasolini P.P. Le belle bandiere. Dialoghi 1960–1965 / ed. Ferretti G.C. Roma: Editori Riuniti, 1977. P. 359.*

35 *Pasolini P.P. Il sogno del centauro / ed. J. Dufлот. Roma: Editori Riuniti, 1983.*

и коммунизмом-движением (или между властью и культурой) зашло в тупик: раскол между СССР и Китаем разделил на две части Коммунистический Интернационал; изжил себя разрыв между компартиями наименее развитых и промышленно развитых стран; независимо от мифа о переломе 1956 г., таинственное низложение Хрущёва спровоцировало крах определённой политической стратегии, не заменив её какой-либо другой. Централизация власти сделала тяжёлым положение интеллектуалов в социалистическом лагере и вновь распалила притязания мелких националистов в Восточной Европе³⁶. Тайна «другого места» разрушилась одновременно с «фантастическим сопоставлением с собственными ценностями». В период между 1968 и 1970 гг. (раздел «Хаос» в издании «Темпо») Пазолини отмечал закат советского мифа, который «менял окраску», находясь в серой зоне реального социализма, в этом царстве глупых слуг: «Миф СССР не просто завершён, но он закончился, превратившись в негативный и угрожающе смехотворный миф». Со своей стороны, советский народ, казалось, замкнулся в необъяснимом и трагическом безмолвии. После советского вторжения в Чехословакию это молчание было нарушено одиноким криком Яна Палаха, который, по мнению Пазолини, вверг в кризис процессии молодёжных протестов, поскольку в красном мире допускалась лишь одна жестокая свобода, а именно свобода жертвенного самосожжения, не отличающегося от того, которое совершали вьетнамские бонзы. Палах был современным святым³⁷. В полемике вокруг антропологической революции в Италии (в ней принимали участие Альберто Моравиа, Маурицио Феррара, Итало Кальвино и Джулио Андреотти) Пазолини, помимо выдвижения идеи, что ИКП — это своего рода чистая страна внутри страны нечистой, вновь предлагал (в интервью «Мондо» от 11 июля 1974 г.) советский миф в качестве спорного кумира, который можно было противопоставить итальянской культурной унификации. В то время как социокультурная гомогенность в Италии и на Западе была навязана властью и вызывала отвращение и отчаяние, советское единообразие казалось поразительным, поскольку в СССР не существовало классовых различий, а народ в результате революции добился высшей свободы. С характерной для неё неотвратимостью революция прикладной науки породила новую, гомогенизирующую, гедонистическую идеологию потребления, которая предопределила поражение рабочей революции с последующим закатом гуманистического марксизма и торжеством технологического капитализма. В то время как СССР представал отныне ретроспективной утопией, проекцией романтического антикапитализма, молодёжное протестное движение 1968 г. не переросло в революцию, а «долгий крик» казался своего рода

36 *Pasolini P.P. Le belle bandiere. Dialoghi 1960–1965. P. 287–293.*

37 *Pasolini P.P. Praga: una atroce libertà // Idem. Il caos / ed. Ferretti G.C. Roma: Editori Riuniti, 1995. P. 103–105.*

экзорцизмом и прощением с марксистскими надеждами³⁸. Столкнувшись с этим эпохальным переломом, огромное множество небольших групп, возникших в результате молодёжных протестов, порождало интровертную политическую культуру и «неождановскую» схоластику. По мнению Пазолини, ИКП так и не довела до конца критику сталинизма. Критическая полемика пошла на спад, а сдвиги влево вызвали обратный эффект, породив феномен неосталинизма во внепарламентских группах. Это новое явление выступало как своего рода левый фашизм, «морализирующий в ответ на ревизионизм и фанатичный в ответ на хитроумную тактику, теологический в ответ на квалюнквизм и шантажистский в ответ на оппортунизм»³⁹. Возмездие ревизионистам-рenegатам из ИКП стало идеологическим фоном поисков недостижимой революции: новые левые брали за образец китайскую культурную революцию и маоизм, осуждая социал-империализм СССР. Поиск другого Октября или же «другого Египта» (троцкистского, оперистского, маоистского, албанского, кубинского, вьетнамского) оказался в центре онейрическо-идеологической полемики, главным действующим лицом которой было «поколение потерянных лет» и которая явилась по сути школой культурного конформизма, формировавшей по большей части мелких служащих «революции завтрашнего дня», вышедших из 1970-х гг. обессиленными и опустошёнными в результате чрезмерного преклонения перед разными идеократическими симулякрами.

ИНАКОМЫСЛИЕ И ПОЛЕМИКА ВОКРУГ КОНЦЕНТРАЦИОННОГО МИРА: «ЛИШНИЙ ЧЕЛОВЕК» СОЛЖЕНИЦЫН

К периоду конца 1960-х и первой половины 1970-х гг. относится также и история несостоявшейся встречи итальянского протестного движения и советского инакомыслия. Во вступлении к антологии сочинений советских диссидентов (опубликована в 1974 г. у Савелли, издателя новых левых)⁴⁰ Синатти отметил, что в целом итальянские левые силы обошли молчанием проблему диссидентства в СССР. Со своей стороны, новые левые нашли другую родину осуществившегося коммунизма и связывали себя с китайской культурной революцией, которая воспринималась как победоносная борьба против бюрократического вырождения социалистических обществ Восточной Европы. С некоторым недоумением ИКП смирилась с процессом нормализации в Чехословакии в правление Гусака, в то время как внепарламентские левые продолжали хранить молчание. Действительно, в среде новых левых интерес к СССР исчерпывался

38 *Pasolini P.P. Scritti corsari. Milano: Garzanti, 1981. P. 70–71.*

39 *Pasolini P.P. Empirismo eretico. Milano: Garzanti, 1981. P. 163.*

40 *Sinatti P. Introduzione // Il dissenso in URSS / ed. Sinatti P. Roma: Savelli, 1974. P. 7–40.*

в доктринальном споре о социальной природе советского эксперимента: этот спор преимущественно направлялся извне, со стороны китайского теоретизирования о социал-империалистическом характере Советского Союза. Согласно Синатти, проблема инакомыслия была невыгодной как для ИКП (которая, с целью соответствовать собственному «филосоветскому» базису, называла диссидентов «фашистами»), поглощённой тем, чтобы предотвратить сильнейшие разногласия с СССР, так и для новых левых. Последние были заняты разоблачением мистификаций передового капитализма, в то время как диссидентское движение ставило вопрос именно о тех формальных свободах и правах человека, которые были дискредитированы и демистифицированы множеством мелких партий. С позиции новых левых диссиденты вели арьергардный бой, а нравочения правых на тему гражданских прав не очень хорошо согласовывались с классовой борьбой, поскольку они не имели никакой связи с экономическими и политическими требованиями рабочего класса. В 1970-е гг. во Франции «новые философы» (почти все — бывшие участники событий 1968 г. или бывшие маоисты, ученики Лакана и Фуко, Леви-Стросса и Альтюссера) открывали для себя Солженицына и «Архипелаг ГУЛАГ» (опубликованный во Франции в 1974 г.) и обличали то варварство «с человеческим лицом», которое возникло из «невозможной революции»: на деле любая революция ведёт к рабству, а советский социализм не был альтернативой капитализму, но его менее удавшейся и, по большей части, концлагерной формой. В частности, Глюксманн обвинял старых и новых левых в презрительном отношении к диссидентам: репрессии в СССР, Китае, Камбодже и Вьетнаме не были самоочевидным фактом, а левые отказывались от собственного прошлого и не понимали центральной роли феномена ГУЛАГа для объяснения происхождения и путей развития советского эксперимента. В своих размышлениях об «Архипелаге ГУЛАГ» Клод Лефор (представитель, наряду с Касториadisом, группы «Социализм или варварство») утверждал, что даже после смерти Сталина (которого Солженицын определял как эгократа) советский социализм по-прежнему предстал как некий другой мир, который выпал из истории и обладал особой «эволюцией», измеряемой на основании показателей производства. Во введении к итальянскому изданию книги Лефора о «лишнем человеке» Солженицыне Паоло Флорес д'Аркаис отметил, что писать о ГУЛАГе для левых было отчаянно необходимым занятием, потому что концентрационный мир являл собою ключевую истину советского режима⁴¹. И, противопоставляя эту истину идеологической лжи, произведение Солженицына нарушало мечты французских и итальянских левых о социалистической гармонии, поскольку оно оскверняло миф о происхождении,

41 *Flores D'Arcais P. Introduzione // Lefort C. L'uomo al bando. Riflessioni sull'Arcipelago Gulag. Firenze: Vallecchi, 1980.*

приписывая Ленину роль демиурга этой вселенной концентрационных лагерей: таким образом, концепция сталинизма становилась неприменимой, будучи отклонением и злосчастным отступлением от неудержимого марша по направлению к царству свободы. Иконоборчество «новых философов» спровоцировало в Италии такую полемику, в которую оказались вовлечены как связавшая себя обязательствами и/или завербованная интеллигенция, так и некоторые члены руководящей группы ИКП. Умберто Эко (в газете «Коррьере делла Сера» от 27 июля 1977 г.) высказал мнение, что приведение к единообразной форме, уравнивание «новых философов» и советских диссидентов было поспешным: в то время как последние расходились с официальными левыми, «новые философы» подвергали критике прагматико-рациональное видение, присущее западной культуре. С другой стороны, необъяснимым был тот факт, что «Архипелаг ГУЛАГ» вызвал своего рода идеологический коллапс: Солженицын был только летописцем, а не провидцем, как Оруэлл в романе «1984» и Хаксли в «Дивном новом мире». Рассматривая ГУЛАГ как парадигму реального социализма, по мнению У. Эко, «новые философы» примыкали к реакционному католическому пессимизму Жозефа де Местра: действительно, трепет перед «вечным» ГУЛАГом проистекал из произведения Солженицына, которое могло быть вписано в традицию русского мистицизма XIX в. В значительной степени это культурное течение питалось идеями Жозефа де Местра, который рассуждал в Петербурге о «вечном ГУЛАГе, о якобинской иллюзии, о Молохе революции, о предназначении каждой человеческой истории породить только великие (и по его мнению) очищающие кровопролития»⁴². Для В. Страды, напротив, Солженицын открыл новый этап антикоммунизма, который не смешивался с антисоветизмом: антикоммунизм писателя был, по сути, типично русским, а потому диссидентским; он возвращал к русскому национальному сознанию и представлялся новым исследованием досоветской истории⁴³. В 1977 г. небольшое коммунистическое издательство «Ла Пьетра» опубликовало с примечаниями Умберто Террачини мемуары Данте Корнели — рабочего, коммуниста, который отбывал заключение в период между 1936 и 1960 гг. в ГУЛАГе в Воркуте по обвинению в контрреволюционной троцкистской деятельности. На четвёртой странице обложки мемуары Корнели были представлены в идеологически выдержанном тоне: пролетарский боец, не отрёкшийся от своих идеалов, противопоставлен «мелкому буржуа» Солженицыну, который искал «объяснения, всеобъемлющие и противоположные коммунизму, в иррациональных убеждениях, теряющих всякое

42 U. Eco. Il vecchio pessimismo // *Fallica A. I "nuovi filosofi"*. Ironia e provocazione. Palermo: Celebes, 1978. P. 67–71.

43 *Strada V. L'accoglienza occidentale all'anticomunismo russo // Il mito dell'URSS. La cultura occidentale e l'Unione Sovietica*. P. 295–302.

критическое измерение, полезное для понимания реальности»⁴⁴. В 1977 г. в издательстве «Наполеоне» вышла книга «Кто такие советские диссиденты?» — сборник статей и документов из советской печати с вступительной статьей Амброджо Донини⁴⁵. По мнению Донини, движение инакомыслия не только заняло руководящую позицию в новой волне антисоветизма, но было также и посягательством на процесс разрядки напряжённости (торжественно начатый Хельсинскими соглашениями 1975 г.), которая стала возможной благодаря 60-летнему строительству СССР: поиск уникальных форм социализма представлял собой угрозу для счастливо достигнутого в Европе равновесия. В октябре 1976 г. состоялась трансляция специального новостного выпуска Tg1, посвящённого диссидентскому движению. Главным героем специального выпуска стал Андрей Амальрик, который в работе «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?» (опубликована в Италии в 1970 г.) предсказал неизбежный крах СССР, спровоцированный кризисом бюрократической системы и сокрушительным поражением в войне с Китаем. Лучо Ломбардо Радиче, несмотря на то что в 1968 г. уже предположил возможность падения коммунизма (поскольку не существовало никакого социалистического провидения, способного *a priori* гарантировать его воскрешение), опубликовал статью в газете «Унита», в которой обвинял Амальрика как фанатика антисоветизма, считавшего СССР самой консервативной и отсталой страной в мире. Тот же Ломбардо Радиче в интервью, данном журналу «Энкаунтер» (май 1977 г.), придерживался мнения (по вопросу об историческом компромиссе и вхождении ИКП в правительственные круги), что никто не может желать регресса, перехода от лучшего состояния общества к худшему. Однако Солженицын двигался именно в этом направлении, выражая надежду на возвращение к Святой Руси. Для Ломбардо Радиче диссиденты представляли незначительные меньшинства, которые не подвергали «опасности» социализм. И потому нужно было позволить Солженицыну вернуться в СССР, чтобы проповедовать своё «Евангелие»:

44 См.: *Corneli D. Il redivivo tiburtino. Un operaio italiano nei lager di Stalin / ed. Carloti A. Firenze: Liberal Libri, 2000. P. 238–239*. Как отмечает Барбара Спинелли, Корнели «использовали как орудие, чтобы нейтрализовать Солженицына»: «выживший тибуртинец» вышел из ГУЛАГа целостной личностью, сохранив то же самое мировоззрение, которое в 1921 г. сделало его коммунистом. И потому намерение заключалось в том, чтобы продемонстрировать: сталинские лагеря не были, как лагеря «гитлеровского капитализма», тотальным отрицанием, стремившимся к полной ликвидации человека во имя нового, варварского и разрушительного, образа мыслей. С точки зрения коммуниста, ГУЛАГ был своего рода исправительной «педагогической поэмой», иногда показывавшей очень суровый, несправедливый и своевольный характер. См.: *Spinelli B. Arcipelago Italia // La Stampa*. 2001. 2 marzo.

45 *Chi sono i dissidenti sovietici? Articoli e documenti della stampa sovietica. Introduzione di Ambrogio Donini. Roma: Napoleone, 1977*.

таким образом бессодержательность его предложений сразу же стала бы очевидной⁴⁶. Как вспоминает Барбара Спинелли, Солженицын и диссиденты нарушали неопределённые проявления ревизионизма и властные стратегии итальянского коммунизма: в отличие от французской, итальянская интеллигенция вновь открывала идеологический конформизм и достоинства от пособничества. Изобличительной в этой связи предстаёт история «Биеннале инакомыслия» 1977 г.⁴⁷

ЕВРОКОММУНИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ОКТЯБРЬ

В первой половине 1970-х гг. ИКП переживала период еврокоммунизма, который характеризовался принятием демократического плюрализма и провозглашением независимости от СССР. Джанни Черветти (руководитель административного и финансового отдела ИКП) было поручено объяснить еврокоммунизм советской стороне в статье, напечатанной в «Правде» 25 июля 1976 г.⁴⁸ Берлингуэр, хотя и отстаивал необходимость создания особого, отличного от советского, социализма и обличал «реакционные черты» реального социализма, в отличие от лидера испанских коммунистов Сантьяго Каррильо, не осквернил момент рождения коммунистического движения — Октябрьскую революцию, которая, как могло показаться, исчерпала свою движущую силу. По случаю 60-й годовщины Октябрьской революции Берлингуэр заявил, что демократия была «исторически универсальной ценностью»: на её основе нужно было строить то социалистическое общество, которое по своему происхождению являлось наследием 1917 г. Из конфиденциальных записей Антонио Тато (официального представителя и руководителя отдела печати ИКП), отправленных

46 См.: *Bensi G. Mosca e l'eurocomunismo*. Milano: La Casa di Matriona, 1978. P. 12–15, 29–33.

47 Finetti U. *La Biennale del dissenso // L'Ircocervo*. A. 2. № 3. P. 58–62. «Биеннале инакомыслия», которую хотели и поддержали социалисты, была почти что проигнорирована коммунистической интеллигенцией (Боффа выступил на конференции об «исторических моментах инакомыслия», Ноно назвал биеннале «запрограммированным и пошлым содроганием антисоветизма», в то время как «Унита» раскритиковала доклад Колаковского за недостаточную историческую глубину, поскольку в нём содержался тезис о тождественности коммунизма и тоталитаризма) и была бойкотирована СССР.

48 См.: *Cervetti G. L'oro di Mosca. La verità sui finanziamenti sovietici al Pci raccontata dal diretto protagonista*. Milano: Baldini & Castoldi, 1999. Как вспоминает сам Черветти, представители советской стороны свели его статью к значениям идеологического «выравнивания» в той части, где он утверждал, что ИКП разрабатывала «планы развития по направлению к социализму», осознавая, что эта работа велась в рамках «плюралистической и демократической» системы; в итоге термин «плюралистическая» был вычеркнут и заменён на «многообразная».

Берлингуэру между 1969 и 1981 гг., следует, что для руководства ИКП Советский Союз оставался «местом начала *единственного* общего и объединённого процесса, а именно построения социализма в мире». В 1917 г. революция неожиданно произошла в России — одном из самых слабых звеньев в цепи капиталистических держав. В 1970-х гг. она должна была внезапно проявиться в самых главных центрах капиталистической цивилизации, и не в Соединённых Штатах (запутавшихся в сетях капиталистической модели), а в Европе, «изменённой, сплочённой и направленной к социализму усилиями борьбы и объединённой инициативой коммунистических партий и революционных, народных, демократических европейских сил»⁴⁹. И поэтому Западная Европа, узловой центр мирового кризиса, должна была начать движение в сторону другой революции, отличной от той, что произошла в 1917 г.: большевистская революция решила историческую задачу-минимум, а её итальянским и европейским наследникам надлежало выйти за границы Октября, указав некий «третий путь»⁵⁰. Еврокоммунистическая революция была лишена догматизма и должна была соединить лучшие качества западной демократии и советского социализма как для того, чтобы избежать паралича исторического развития разделённого на блоки мира, так и для того, чтобы построить новую, превосходящую уже возникшие, цивилизацию. Задача еврокоммунистов состояла в том, чтобы обеспечить независимость поведения и суждений в отношении СССР и построенного к тому моменту социализма, не становясь при этом антисоветскими провокаторами. Советская действительность по-прежнему превосходила реалии в странах, управляемых социал-демократическими правительствами. В этой связи коммунистам не следовало опираться на манихейское и реакционное мнение, сформулированное Кракси, который считал СССР чистой ошибкой и идеологическим и геополитическим чудовищем и, опираясь на это негативное представление, хотел преодолеть раскол 1921 г. Итальянским коммунистам, по мнению А. Тато, не нужно было превращаться в социал-демократов, а СССР должен был оставаться идейной и политической опорой ИКП, передовым оплотом в антикапиталистической и антиимпериалистической борьбе. В 1981 г. А. Тато положительно оценил выдающийся урок, вытекавший из возникшего в Польше движения за обновление социализма, которое казалось образцом для подражания. После государственного переворота, осуществлённого Ярузельским (и названного «неприемлемым»), Тато изменил своё восторженное мнение о польской модели: в самом деле, критика реального социализма не должна была впадать в идеологические и догматические мифы, противоположные по знаку мифу об СССР как о непоколебимой и непревзойдённой парадигме

49 *Caro Berlinguer. Note e appunti riservati di Antonio Tatò a Enrico Berlinguer 1969–1984*. Torino: Einaudi, 2003. P. 43–47.

50 *Ibid.* P. 100–104.

социализма. Октябрьская революция сохраняла свой освободительный смысл, а СССР был геополитической реальностью, необходимой для исполнения антикапиталистической роли, десятилетиями принимаемой на себя на международной арене⁵¹. Описывая историю ИКП 1970–1980-х гг., Роберто Гуальтьери утверждает, что разрыв 1981 г. после введения военного положения в Польше не был доведён до крайности, поскольку ИКП поддерживала существование симулякра двойной лояльности. Одновременно с истощением движущей силы Октября Берлингуэр ещё раз подчёркивал, что ИКП, занимая особую позицию, была «одной из немногих точек соприкосновения с социалистическими странами <...> рабочим, коммунистическим и социалистическим движением, социал-демократами и странами третьего мира»⁵². Даже учитывая, что СССР больше не являлся моделью общества, которое могло быть предложено широким массам на Западе, ИКП по-прежнему признавала за ним роль ориентира, отдавая должное его славному прошлому. Таким образом, существовала возможность восстановить «разрыв», учитывая общую обеспокоенность, вызванную гонкой вооружений. За долгий послевоенный период существования, ИКП в качестве национальной политической силы, по мнению Понса, национальная политическая сила достигла своих пределов как по причине изначальной связи с СССР, которая не согласовывалась с общенациональной итальянской политикой, так и потому, что эта связь, исчерпав себя, не была заменена какой-либо заслуживающей доверия альтернативой⁵³. Разрыв с Москвой представлялся как никогда проблематичным ещё и потому, что внутри ИКП сформировалась оппозиция, поддержанная (в том числе и в экономическом плане) советской стороной⁵⁴. По мнению Гуальтьери, дискуссия о природе и границах советской действительности была прервана с приходом к власти Горбачёва, «с возрождением надежд на “реформируемость” СССР и возвращением актуальности модели единства в многообразии». Вспоминая встречи и переговоры Горбачёва с лидерами ИКП (Натта и Оккетто), Рубби утверждает: проблема состояла в том, чтобы сделать более привлекательным образ СССР и социалистических стран ещё и потому, что перестройка дала новый импульс движущей силе Октября⁵⁵.

51 Caro Berlinguer. Note e appunti riservati di Antonio TATO a Enrico Berlinguer 1969–1984. P. 226–241.

52 Gualtieri R. Il Pci, la Dc e il “vincolo esterno” // Il Pci nell’Italia repubblicana 1943–1991. P. 47–99.

53 Pons S. L’URSS e il Pci nel sistema internazionale della guerra fredda // Il Pci nell’Italia repubblicana 1943–1991. P. 40–46.

54 См.: Bukovskij V. Gli archivi segreti di Mosca. Milano: Spirali, 1999. P. 216–219; Andrew C., Mitrokhin V. L’archivio Mitrokhin. Milano: Rizzoli, 1999. P. 367–383.

55 См. Rubbi A. Incontri con Gorbaciov. I colloqui di Natta e Occhetto con il leader sovietico: giugno 1984 – novembre 1989.

НОСТАЛЬГИЯ И СОЖАЛЕНИЯ ПОСЛЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ КАТАСТРОФЫ: МИФ ОБ СССР КАК О ВЕЛИКОЙ СВЕРХДЕРЖАВЕ

После 1991 г. миф об СССР был частично заменён мифом о распаде СССР. При этом многочисленные мифологические интерпретации этого процесса неизменно включают в себя как сожаление о так и не наступившем коммунизме, так и ностальгию по советской сверхдержаве. «Оплакивание коммунизма» (как в Италии, так и в Центральной и Восточной Европе) колеблется между реставрирующей ностальгией, которая, ставя акцент на *nostos*⁵⁶, стремится восстановить мифическое место утраченной обители, и рефлексирующей ностальгией, сфокусированной на желании и на потере⁵⁷. По мнению некоторых⁵⁸, разрушение общего дома коммунизма было вызвано неререформируемостью советской системы; по мнению других⁵⁹, перестройка, напротив, стала революцией, неудавшейся или преданной «популистским бонапартизмом» Ельцина, который сделал неизбежным не только распад СССР, но также и крах постсоветской России. На конференции, посвящённой провалу перестройки (10–11 апреля 1992 г.), Рита Ди Лео назвала Горбачёва *rex destruens*, поскольку гласность и радикальная реформа так и остались лозунгами, не воплотившимися в реформистский проект-программу, который находился бы в русле коммунистической традиции. А ведь только так можно было предотвратить распад СССР и конец биполярного мира. По мнению Ди Лео, Горбачёв разрушил государство, которое за 70 лет истории достигло стратегического военного паритета с Западом и могло бы достичь также и политического и экономического равенства. Вместе с СССР усилиями Горбачёва с исторической сцены исчезла и перспектива такого западного общества, которое отличалось бы от капиталистического. После распада СССР единственной альтернативой капитализму представляется религиозный фундаментализм (христианский или исламский)⁶⁰. С другой стороны, переход постсоветской России к капитализму выразился в форме, сходной со вторым НЭПом, управляемым олигархами: рыночный большевизм Ельцина, по мнению Ди Лео, был выражением своего рода утопического максимализма, который с целью немедленного установления капитализма

56 От греч. *nostos* — возвращение домой. — Прим. ред.

57 Boym S. Ipocondria del cuore: nostalgia, storia e memoria // Nostalgia. Saggi sul rimpianto del comunismo / eds. Modrzejewski F., Sznajderman M. Milano: Bruno Mondadori, 2003. P. 49.

58 Guerra A. Il crollo dell’impero sovietico. Roma: Editori Riuniti, 1996.

59 См.: Chiesa G., Medvedev R.A. La rivoluzione di Gorbaciov. Cronaca della perestrojka. Milano: Garzanti, 1990; Chiesa G. Da Mosca. Cronaca di un colpo di Stato annunciato. Roma; Bari: Laterza, 1995; *Idem*. Russia addio. Roma: Editori Riuniti, 1997.

60 Di Leo R. Rex destruens // Riformismo o comunismo. Il caso dell’URSS / ed. Di Leo R. Napoli: Liguori, 1993. P. 9–31.

действовал неразумно. Однако постсоветская Россия не могла похвастаться статусом великой державы, поскольку ориентировалась на национальные ценности, а не на ценности пролетарского интернационализма, как СССР⁶¹. Боффа, со своей стороны, утверждал, что катастрофический исход перестройки был прежде всего следствием долгого советского кризиса, который начался в 1964 г. с отстранением Хрущёва, что стало началом конца СССР. Против Горбачёва же был подготовлен двойной заговор: государственный переворот 19 августа 1991 г., инспирированный консерваторами позднесталинского толка, и националистический заговор 8 декабря 1991 г., организованный Ельциным, который заявил о ликвидации СССР. Социалистическая демократия в процессе становления, по мнению Боффа, провалилась из-за национализма Ельцина, вдохновлённого руссоцентричным антикоммунизмом Солженицына. Перестройка могла сохранить единство федеративного государства, тогда как из распада Советского Союза («самой большой распродажи в истории», вызванной националистическим подъёмом) вышла искалеченная Россия, которая, перечеркнув достижения горбачёвской эпохи, встала на путь возврата к архаичной автократии⁶². Рубби считает, что разрушение СССР было результатом восстания русского национализма против горбачёвского проекта по созданию обновлённого и демократического Советского Союза. Националистические тенденции поддерживались демагогическими зазываниями Ельцина, предсказаниями Солженицына (который на родине никогда не был хорошим пророком) и «шумихой, поднятой Жириновским: эти злосчастные демиурги превратили Россию в больную, разваливающуюся страну, без ценностей и без идентичности⁶³». На итало-русской конференции (Урбино, 25–27 сентября 1997 г.) Доменико Лосурдо утверждал, что крах СССР стал следствием всемирного крестового похода за права человека, идущего под знаменем неолиберализма. В 1991 г. Буш-старший высказался за демократический Советский Союз с рыночной экономикой, интегрированной в западную. «Миссионерское и универсалистское рвение» Соединённых Штатов способно, по мнению Лосурдо, спровоцировать коллапс по советскому образцу и в Китае⁶⁴. С точки зрения Бенвенути, истощение преобразовательной функции СССР началось в 1968 г., а перестройка стала последним даром советского универсализма. Постсоветская Россия

61 *Di Leo R.* La seconda Nep // *Riformismo o comunismo. Il caso dell'URSS*, P. 249–263.

62 *Boffa G.* Dall'URSS alla Russia. Storia di una crisi non finita. Roma; Bari: Laterza, 1995. P. 337–376.

63 *Rubbi A.* La Russia di Eltsin. Roma: Editori Riuniti, 2002. P. 273.

64 См.: *Losurdo D.* Universalismo e conflitto geopolitico: dalla rivoluzione d'ottobre al trionfo del "secolo americano" // *URSS: bilancio di un'esperienza. Atti del Convegno italo-russo: Urbino 25–26–27 settembre 1997* / eds. Losurdo D., Giacomini R. Urbino: Quattro Venti, 1999. P. 7–43.

отступила на национал-патриотические позиции, а происходящий политический процесс может быть определён как переход к новой российской национальной доктрине⁶⁵. По мнению Канфоры, причины краха советской власти вытекают из проблемы сталинизма. Сталинизм стал самым долгим яacobинским экспериментом в истории, спровоцировавшим фатальную реакцию. В этой связи возникает вопрос: как «управлять будущим революционным разрывом»⁶⁶. Согласно Хобсбауму (и некоторым его итальянским последователям), существование СССР и его противостояние с Западом способствовали утверждению капитализма «с человеческим лицом». Несмотря на то что исчезло противостояние с Советским Союзом, а Соединённые Штаты остались единственной сверхдержавой, после распада СССР мы непременно будем присутствовать и при крахе фундаментальных основ свободного рынка. В различных мифологиях развал СССР приобретает сотериологический аспект: для некоторых конец Советского Союза означает спасение коммунистического проекта, который наконец может быть полностью реализован; для других крушение СССР представляется благотворным с точки зрения влияния на мировой порядок. По мнению Тони Негри и Майкла Хардта⁶⁷, агония советской системы и последующая гибель режима были вызваны сопротивлением бюрократической диктатуре, зажавшей в дисциплинарных тисках военной экономики «новую и живую интеллектуальную рабочую силу». Поэтому распад СССР способствовал материализации империи и преодолению империализма (включая советский) как необходимой предпосылки, которая позволит множествам осуществить свою всемирную революцию в рамках нового имперского порядка. Тем не менее после 11 сентября и войны в Ираке Буш, по мнению Негри, устроил своего рода 18 брюмера в глобальном масштабе, навязав миру возвращение империализма. «Демократия множества», считает Негри, основывается на новой науке, вобравшей в себя как идеи «Записок федералиста» Мэдисона, так и положения «Государства и революции» Ленина. Однако уничтожение суверенитета государства, предложенное Лениным, не должно вытекать из восстания передовой элиты, поскольку, как показывает советский опыт, это может привести к созданию суверенного и иерархического государства. Вместо этого задача состоит в том, чтобы упразднить суверенитет на мировом

65 *Benvenuti F.* La crisi finale dell'universalismo sovietico e i suoi dilemmi (da Brežnev a Gorbačëv) // *URSS: bilancio di un'esperienza. Atti del Convegno italo-russo: Urbino 25–26–27 settembre 1997*. P. 155–168.

66 *Canfora L.* La questione dello stalinismo // *URSS: bilancio di un'esperienza. Atti del Convegno italo-russo: Urbino 25–26–27 settembre 1997*. P. 169–174. В конференции в Урбино принял участие также и Рой Медведев, который утверждал, что «презрение к демократии» стало первопричиной «кризиса ленинизма», разрешившегося в «засилье номенклатуры».

67 *Hardt M., Negri A.* Impero. Il nuovo ordine della globalizzazione. Milano: Rizzoli, 2002. P. 259–262.

уровне⁶⁸. Напротив, в интерпретации Азор-Розы⁶⁹ крах советской империи имеет не сотериологическое, но катастрофическое значение, поскольку развязал руки второй выжившей империи. В постбиполярном мире США используют войну для переделывания мира по их собственному образцу. СССР, по мнению Азор-Розы, был неким катехоном, который в ходе холодной войны предотвратил разжигание конфликтов планетарного масштаба. Действительно, в течение 50 лет велась только периферийные войны. Поэтому распад советской империи, произошедший по причинам главным образом внутренним, предстал своего рода геополитической катастрофой. С другой стороны, в Италии (как среди крайних правых, так и крайних левых) имеют некоторое распространение те неоевразийские геополитические тезисы, в которых отстаиваются идеи восстановления советского имперского пространства или возрождения СССР, воздвигающие новый непреодолимый лимес между Россией и Западом. Эти тезисы сформулированы, в частности, российским коммунистическим лидером Зюгановым как воскрешение «географии победы»⁷⁰ и Дугиным, лидером Евразийской партии, с его эзотерико-геополитическими размышлениями в эволюционном духе⁷¹. Складывается впечатление, что эти онейрические картографии приходят на смену имперским, определённым советской идеократией и основанным на геополитическом мифе (озвученном Маккиндером в начале XX в.) о Евразии как о Хартленде (географической оси мировой истории). Миф о распаде СССР выдвигает вопрос, зеркально противоположный тому, который в конце 1960-х гг. задавал Амальрик, — вопрос о сохранении СССР и после «конца века»: сможет ли в XXI в. Советский Союз повторить историю⁷²? Воскреснет ли СССР в виде евразийской сверхдержавы? В случае СССР повторения истории кажутся инсценировкой своеобразной идеологической и геополитической пародии, которая исчерпывает себя в мифических представлениях и онейрических фантазиях.

68 Hardt M., Negri A. *Moltitudine. Guerra e democrazia nel nuovo ordine imperiale*. Milano: Rizzoli, 2004. P. 406–407.

69 См.: Asor Rosa A. *La guerra. Sulle forme attuali della convivenza umana*. Torino: Einaudi, 2002.

70 Zjuganov G. *Stato e potenza* / ed. Montanari M. Parma: Edizioni all'Insegna del Veltro, 1999. Об идеологическом влиянии Зюганова в Италии см.: Alberti A. *I russi e le rivoluzioni // URSS: bilancio di un'esperienza. Atti del Convegno italo-russo: Urbino 25–26–27 settembre 1997*. P. 55–65.

71 Dugin A. *Eurasia. La Rivoluzione conservatrice in Russia*. Roma: Nuove Idee, 2004.

72 См.: Bettanin F. *La disgregazione dell'Unione Sovietica // Riformismo o comunismo. Il caso dell'URSS*. P. 207–226.

Roberto Valle

L'imprevedibile passato del radioso avvenire. Le metamorfosi del mito dell'URSS in Italia

Alla fine degli anni Venti del XX secolo, la mummia di Lenin esposta nel “tetro mausoleo di legno” che si elevava nella Piazza Rossa, ai piedi delle mura del Cremlino, appariva a Curzio Malaparte come l'icona di un'ideologia che aspirava all'immortalità terrena. Il buonuomo Lenin, “onesto funzionario del disordine”, non era più il piccolo-borghese fuorviato dalla rivoluzione, ma il profeta di una nuova religione e il mausoleo si trasformava in un luogo sacro visitato quotidianamente da folle popolari, simili alle processioni che nella Santa Russia si recavano ad adorare le reliquie dei santi. Nel 1963, lo storico Claudio Pavone si era recato in URSS attratto anche dalla scoperta del mondo nuovo sorto dalla rivoluzione d'Ottobre e dal processo di destalinizzazione avviato da Chruščëv. Entrando nel mausoleo sulla Piazza Rossa, Pavone, non riuscendo immediatamente a distinguere se la mummia fosse una statua o un uomo vero, poneva nel suo diario una suspense interrogativa che attesta l'inestricabile intreccio tra la verità storica e il mito: «Cosa aggiunge alla verità che è per noi Lenin vederne così il corpo?»¹. Il culto religioso di Lenin non solo pretendeva si assurgere a dottrina divina, ma era considerato la prima ipostasi della mitopoiesi sovietica, che è polimorfa e che si è strutturata come un sistema di mitologemi² comprendente anche il mito del crollo dell'URSS. Tra la seconda metà degli anni Cinquanta del XX secolo e l'inizio del XXI, il mito dell'URSS ha subito, in Italia, alcune significative metamorfosi che derivano in parte dalla peculiarità polimorfa della mitopoiesi sovietica, in parte dalle complesse vicende della politica italiana.

1 Cfr. C. Malaparte, *Il buonuomo Lenin*, Adelphi, Milano 2018; C. Pavone, *Aria di Russia. Diario di un viaggio in Urss*, Laterza, Roma-Bari 2016; V. Strada, *Lenin, Stalin, Putin*, Rubbettino, Soveria Mannelli 2011.

2 Cfr. V. Strada, *Nascita e tramonto di un Mito*, in *L'Urss, il Mito e le masse*, «Socialismo/Storia. Annali della Fondazione Giacomo Brodolini e della Fondazione di Studi Storici Filippo Turati», Franco Angeli, Milano 1991, pp. 15–22.

La genealogia mitico-utopica del modello sovietico ha, infatti, germinato un insieme di mitologemi. 1. Il mito fondatore della rivoluzione d'Ottobre, quale prima ipostasi del PCI e della sua legittimazione storica: questo mitologema ha avuto una centralità nel dibattito politico italiano fino alla celebrazione del 70° anniversario della Rivoluzione d'Ottobre nel 1987. Tale mitologema, inoltre, non è monolitico; esistono, infatti, almeno tre Ottobri: quello di Lenin, quello di Stalin e quello di Trockij. Questa atomizzazione del mito dell'Ottobre ha subito delle molecolari metamorfosi nell'ambito della costellazione gruppuscolare delle nuove sinistre (di volta in volta leniniste, staliniste, trockiste) tra gli anni Sessanta e Settanta. La rivoluzione postulata dalla tradizione marxista-leninista, con i suoi riti e simboli, era comunque un mito in grado di riorientare in termini di classe la ribellione di giovani del ceto medio³. 2. Il mito superomistico del rivoluzionario di professione: questo mito si è incarnato, in primo luogo, nel culto del PCI come partito diverso e del suo gruppo dirigente. Negli anni di piombo, l'icona del rivoluzionario di professione è stata riconsacrata, insieme al culto dell'organizzazione clandestina e al mito dell'abbattimento dello Stato borghese e del capitalismo. 3. Il mito della classe operaia e della dittatura del proletariato: tale mito ha avuto un forte potere di attrazione fino agli anni Settanta del XX secolo e ha raggiunto l'acme nell'autunno caldo del 1969 con lo storico incontro, mitico-mistico, tra l'intellettuale-massa e l'operaio-massa. Tra il 1968 e il 1973, la costellazione gruppuscolare ha ingaggiato con il PCI una lotta per l'egemonia sulla classe operaia (rappresentata icasticamente da Elio Petri nel film *La classe operaia va in paradiso*). 4. Il mito dell'URSS come inedito modello di società e Patria del socialismo che nella sua sconfinatezza avrebbe, con il trionfo del comunismo, compreso il mondo intero. Fino agli anni Settanta, per gli italo-sovietici la vera patria era l'URSS. 5. Il mito dell'URSS come grande potenza globale capace di contrastare, a livello planetario, l'egemonia degli Stati Uniti: tale mito ha ancora un seguito tra i nostalgici del mondo bipolare e, nel secondo dopoguerra, ha avuto degli adoratori anche negli ambienti del neofascismo di sinistra⁴.

LA MITICA EPIFANIA DELL'URSS: DALL'OTTOBRE ALLA PERESTROJKA

Al di là del suo polimorfismo, il mito dell'URSS ha avuto una valenza soteriologica a partire dalla mitopoiesi bolscevica che, nel suo periodo fulvo, si è posta

3 Cfr. M. Flores e A. De Bernardi, *Il Sessantotto*, Il Mulino, Bologna 2003.

4 Cfr. P. Buchignani, *Fascisti rossi: da Salò al Pci, la storia sconosciuta di una migrazione politica 1943-1953*, Mondadori, Milano 1998. "Il Pensiero Nazionale" di Stanis Ruinas, per esempio, esprimeva un sovversivismo populista e totalitario contro le democrazie plutocratiche che avevano colonizzato l'Italia dopo il 1945 e considerava l'URSS lo Stato guida per un'insurrezione mondiale degli oppressi contro il capitalismo occidentale.

all'origine di un messianesimo storico-ideologico che intendeva assurgere a valore universale, quale prima ipostasi di una civiltà in costruzione che avrebbe condotto l'umanità sull'altra riva del comunismo, nel recinto edenico del regno della libertà. L'URSS, infatti, agiva a livello mondiale per provocare il definitivo crollo del capitalismo e per realizzare quella liberazione del Prometeo proletario che ponesse fine allo sfruttamento dell'uomo sull'uomo. Al di là della scientificità del marxismo-leninismo (epitomata dal mito della scienza della rivoluzione), il mito sovietico ha avuto una valenza imagologica, quale icona del radioso avvenire, e soreliana, quale catalizzatore della mobilitazione totale delle masse⁵. La forza d'attrazione del mito sovietico, inoltre, non si è dispiegata nella sua realizzazione, ma nella sua incompiutezza, nella sua ineffabilità di realtà rivoluzionaria che ha cercato di inverarsi nella storia transitando incessantemente verso qualcosa di inaudito⁶. L'edificazione permanente dell'URSS ha favorito una riconciliazione tra il socialismo scientifico e il mito, che, rispetto alla realtà sovietica, ha avuto una vita autonoma. Quale realizzazione storica di un'utopia che ha conquistato il potere, l'URSS si è cristallizzata nel mito⁷. La mitica epifania dell'URSS si è imposta allo stesso popolo sovietico come un altrove, come eterotopia e/o utopia, come un monomito che non ha ammesso rivali e che, al di là dei riti di regime e della catechesi ideologica del socialismo reale, ha continuato ad esercitare un fascino ben oltre il crollo dell'impero sovietico. Il perpetuo rinnovamento dell'URSS ha raggiunto l'acme con la *perestrojka*: l'URSS, secondo lo scrittore assurdisto russo Viktor Pelevin, è stata migliorata a tal punto che ha cessato di esistere, quale unico Stato al mondo capace di raggiungere il nirvana⁸. Nella sua accezione negativa, questo monomito ha trovato una sua peculiare espressione nella scolastica sovietologica che si è esercitata a discettare sull'essenza del totalitarismo sovietico: paradossalmente, l'essenzialismo sovietologico (quale teologia politologica fondata sul paradigma totalitario) non solo non ha previsto il crollo dell'URSS, ma ha rafforzato il mito della ineffabile stabilità del sistema sovietico⁹. Nella sua versione positiva, invece, il mito dell'URSS si è caratterizzato come cratofania, come ascensione del proletariato all'empireo del potere, quale necessaria premessa per l'edificazione della società senza classi. Prima dell'Ottobre, la

5 Cfr. A. Riosa, *I Miti di massa dello stalinismo*, in *L'Urss, il Mito e le masse*, op. cit.

6 R. Medvedev, *Ascesa e caduta di Nikita Cbruščëv*, Editori Riuniti, Roma 1982, pp. 199-200. Al XXI Congresso del PCUS del 1959, Cbruščëv resuscitò il mito del comunismo. Negli anni Ottanta il comunismo sarebbe riapparso come un orizzonte ritrovato e mai raggiunto: «Che cos'è l'orizzonte? Una linea che si allontana man mano che si avvicina».

7 R. Esposito, *Introduzione all'edizione italiana*, in L. Kolakowski, *Presenza del mito*, Il Mulino, Bologna 1992, p. 15.

8 V. Pelevin, *Babylon*, Mondadori, Milano 2000, p. 13.

9 Cfr. *The Totalitarian Paradigm after the End of Communism. Towards a Theoretical Reassessment*, ed. A. Siegel, GA, Amsterdam-Atlanta 1998.

Russia era considerata un mondo a parte e/o una imitazione degenerare della civiltà europea. Dopo la rivoluzione bolscevica si è imposto uno sdoppiamento del mito sovietico: nella sua versione positiva, esso ha proiettato l'immagine dell'URSS come un modello da imitare; nella sua proiezione negativa, il mito della Russia sovietica, invece, si è configurato come un'anomalia mostruosa. Come sostiene Vittorio Strada, il mito della rivoluzione d'Ottobre non si è estinto: l'Ottobre rosso resta un mito fondatore cosmogonico di un ordine nuovo. Secondo Lanaro, il mito dell'URSS, quale mito dell'edificazione della patria altrove, non coincide con quello dell'Ottobre, che è un mito millenaristico, soreliano, di palingenesi del mondo¹⁰. La rivoluzione d'Ottobre non solo ha generato una sorta di socialismo donante che si è imposto sulla scena mondiale come modello da esportare in altri Paesi (anche con l'Armata Rossa), ma con la sua ineluttabilità per alcuni ha ancora un grande passato futuro dinanzi a sé¹¹. La riattualizzazione dell'Ottobre è paradossalmente speculare al mito anticomunista d'*antan* riesumato dai libri neri del comunismo. Tali riattualizzazioni sono la deriva anacronistico-diacronica di una mentalità che si è forgiata, tra gli anni Cinquanta e Settanta, nel sottobosco dell'ideologia intorno ai miti del comunismo e dell'anticomunismo e che è ancora fonte di una subcultura onirica addormentata sul luogo comune: in tal senso, i miti del comunismo e dell'anticomunismo sono diventati un carattere permanente dell'identità italiana. L'Unione Sovietica è ancora uno spettro che si aggira per l'Italia e la presenza del mito è attestata dalla permanenza di quell'onirismo ideologico che è alla base dei miti politici del XX secolo. Il mito dell'URSS va, perciò, analizzato secondo quei parametri storiografici che consentono di collocarlo, con le sue metamorfosi, nelle sue diverse epoche e con quegli strumenti della *Kulturkritik* che permettono un'esegesi disincantata dei luoghi comuni e dei sogni e dei bisogni dell'onirismo ideologico.

AURORE E CREPUSCOLI DEL MITO DI STALIN. LA DESTALINIZZAZIONE E IL MITO DELLA RIFORMA PERMANENTE DA CHRUSČEV A GORBAČEV

Nel 1989 è stato organizzato a Cortona un convegno sul mito dell'URSS, in un periodo nel quale la *perestrojka* godeva di una smisurata popolarità in Occidente e sembrava essere la fonte di un nuovo mito: il mito del comunismo democratico.

10 Cfr. *Il Pci nell'Italia repubblicana 1943-1991*, a cura di R. Gualtieri, «Annali 1999 Fondazione Istituto Gramsci», Carocci, Roma 2001, p. 395.

11 Sul numero 3/2001 de «L'Ernesto» (rivista dell'area di Rifondazione comunista) è stato pubblicato un articolo di Gilberto Volta (esponente bolognese del partito) con un titolo emblematico: *Rivoluzione d'Ottobre: un varco verso il futuro*. Volta sostiene che non solo l'Ottobre era ineluttabile, ma ha aperto «una breccia, uno squarcio sul futuro, verso la conquista di un quinto stadio della civiltà umana, verso una società di liberi ed uguali: la società comunista».

L'avvento di Gorbačev sembrava attestare che l'URSS, purificandosi dallo stalinismo e dalla stagnazione tardototalitaria, ritrovava la propria aurorale verginità rivoluzionaria: la *perestrojka* era, perciò, definita come una sorta di socialismo iniziale o iniziato che avrebbe trasformato la fiaba in realtà¹². Nell'introduzione alla pubblicazione degli atti del convegno di Cortona, Marcello Flores, dopo aver caratterizzato la specificità polimorfa della mitologia sovietica, afferma che il mito dell'URSS ha conosciuto una «rifondazione continua e reiterata», come attesta la stessa crisi del mito vissuta come un trauma e una rivelazione improvvisa¹³. Rilevando che la ricerca sul mito sovietico nell'Italia del secondo dopoguerra è ancora tutta da compiere, Flores sostiene che il momento fondante del mito postbellico è Stalin, quale simbolo della vittoria contro il nazismo (anche De Gasperi nel 1944 rendeva omaggio al genio militare di Stalin): emblema di questa vittoria era Stalingrado. Come afferma Roland Barthes, l'invocazione rituale a Stalin ha assunto, allo stato puro, i caratteri della parola mitica. Stalin è stato sacralizzato e, quale icona dell'irrazionale e dell'inesprimibile, è diventato oggetto di una sorta di depoliticizzazione mistificante. Assurta alla trascendenza del mito, l'icona-Stalin è la negazione della rivoluzione, quale atto catartico che esclude il mito e che è destinato a rivelare la carica politica del mondo¹⁴. Il mito di Stalin, per Gozzini, si nutre di tre immagini — sacerdote, guerriero, produttore — che sembrano rievocare le tre funzioni che Georges Dumézil ha posto a fondamento delle epopee dei popoli indoeuropei¹⁵. Per un quindicennio, secondo Flores, il mito sovietico in Italia ha mantenuto inalterata la propria configurazione e si è fondato sulla triade: Stalingrado, socialismo, pace (l'URSS protettrice di un ordine pacifico nel mondo bipolare). Il PCI ha propagandato e collettivizzato questo mito, che ha assunto una dimensione di massa, sostenendo la radicale alterità dell'URSS, in quanto non omologabile alle compagini statali esistenti¹⁶. L'URSS, quale centro di irradiazione del messianesimo internazionalista, diventava la meta dei pellegrinaggi dei comunisti italiani, che si sentivano degli esuli in patria, dei cittadini sovietici in Italia. Entusiastici

12 L. Karpinskij, *Il mito dell'Urss nella cultura occidentale*, in *Il mito dell'Urss. La cultura occidentale e l'Unione Sovietica*, a cura di M. Flores e F. Gori, Franco Angeli, Milano 1990, pp. 109-114.

13 M. Flores, *Introduzione*, in *Il mito dell'Urss. La cultura occidentale e l'Unione Sovietica*, op. cit., pp. 9-13.

14 R. Barthes, *Il mito, oggi*, in Id. *Miti d'oggi*, Einaudi, Torino 1994, pp. 226-227.

15 G. Gozzini, *Il Pci nel sistema politico della Repubblica*, in *Il Pci nell'Italia repubblicana 1943-1991*, op. cit., pp. 116-117.

16 M. Flores, *Il mito dell'Urss nel secondo dopoguerra*, in *Nemici per la pelle. Sogno americano e mito sovietico nell'Italia contemporanea*, a cura di P.P. D'Atorre, Franco Angeli, Milano 1991, pp. 491-506. Armando Cossutta (in un articolo pubblicato nel novembre del 1950 sul «Quaderno dell'Attivista» e intitolato *Migliorare e intensificare la nostra propaganda sull'Unione Sovietica*) sosteneva che l'URSS era la «concretizzazione meravigliosa delle aspirazioni di tutti i lavoratori», un «modello vero e reale»: il PCI, perciò, doveva «dare agli italiani» quello che «i sovietici hanno già».

resoconti di viaggio erano pubblicati dalla stampa e dall'editoria comunista che ambiva ad avere in Italia il monopolio dell'immagine dell'URSS¹⁷. A volte si organizzavano pellegrinaggi collettivi e si raccoglievano testimonianze sulle mirabolanti conquiste del socialismo sovietico. *Noi siamo stati nell'URSS*¹⁸, per esempio, è la summa di tutti gli stereotipi sul radioso presente del crepuscolo staliniano. D'altro canto, il mito sovietico si è caratterizzato come contromito rispetto alla massiccia diffusione in Italia dell'*american way of life* e dell'*american dream*¹⁹. Come ha rilevato Strada²⁰, per molti intellettuali il mito sovietico e il bizantinismo marxista-leninista svolsero una funzione compensatoria di carattere etico-estetica rispetto al disagio provocato dal mondo moderno. Gli intellettuali furono, nel contempo, artefici e adoratori del mito, perché, fino alla metà degli anni Cinquanta, l'URSS proiettava all'esterno l'immagine di una radiosa e vigorosa ascesa (in contrapposizione al crepuscolo del capitalismo) e tale icona si insediò stabilmente anche nell'immaginario delle masse. Dal canto suo, Severino Galante²¹ sottolinea la congenita allotropia del mito dell'URSS: nell'integrare passione politica e scolastica ideologica, il PCI di Togliatti avrebbe operato una sorta di «nazionalizzazione delle masse attraverso il mito sovietico». Secondo Flores, la visione agiografica e acritica dell'URSS era funzionale alla strategia togliattiana del partito nuovo. Flores, inoltre, distingue tra la «gioiosa ingenuità degli scrittori» e il fideismo tetragono e cupo dei dirigenti: tuttavia il gaio filosovietismo degli intellettuali era un'importante cinghia di trasmissione che permetteva alle masse di introiettare il mito dell'URSS. Dopo il 1956, l'immagine di Stalin transitava dall'agiografia a una mitologia mostrificatrice che è stata ipostatizzata da Chruščëv con la leggenda nera del culto della personalità. La *reductio ad Hitlerum* dell'immagine di Stalin, quale mostrificazione permanente, è stata stigmatizzata da Domenico Losurdo e Luciano Canfora, due esponenti dell'école barisienne che si pone nel solco di Marx e di Gramsci. Il ritratto caricaturale di Stalin tracciato da Trockij e da Chruščëv, per Losurdo, non solo è una falsificazione propagandistica che ha consentito all'Occidente di ingaggiare un conflitto ideologico contro il totalitarismo sovietico, ma è orientato a occultare la verità storica dell'era staliniana. Per Losurdo, Stalin ha mostrato un talento politico eccezionale sia nell'edificazione dell'URSS, sia

17 La storia dei viaggi degli intellettuali italiani in URSS negli anni Cinquanta è stata ricostruita succintamente da Loreto Di Nucci. Cfr. L. Di Nucci, *I pellegrinaggi politici degli intellettuali italiani*, in P. Hollander, *Pellegrini politici. Intellettuali occidentali in Unione Sovietica, Cina e Cuba*, Il Mulino, Bologna 1988, pp. 621-677.

18 Cfr. *Noi siamo stati nell'URSS*, Macchia, Firenze 1950. Il libro raccoglie le testimonianze di Banfi, Bianchi-Bandinelli, Guttuso, Robotti.

19 Cfr. *Nemici per la pelle. Sogno americano e mito sovietico nell'Italia contemporanea*, op. cit.

20 V. Strada, *Nascita e tramonto di un mito*, in *L'URSS, il mito e le masse*, op. cit.

21 S. Galante, *I comunisti italiani e il mito sovietico nel secondo dopoguerra. Tra "emotional russophilia" e organizzazione*, in *L'URSS, il mito e le masse*, op. cit., p. 407.

nella grande Guerra patriottica, che non solo ha salvato la patria del socialismo dalla decimazione e della schiavizzazione alle quali l'aveva destinata il Terzo Reich, ma ha anche consentito all'URSS di assurgere al rango di superpotenza mondiale. Dal canto suo, Canfora paragona Stalin a Pericle, che aveva insegnato al popolo ateniese una grande verità geopolitica: non si può fuggire dall'Impero, perché è altamente rischioso disintegrarlo. Dopo settant'anni, l'Impero di Pericle cadde per colpa di quegli strateghi ateniesi, in particolare Adimanto, che nella battaglia decisiva di Egospotami tradirono la causa imperiale. Pur sottolineando la spericolatezza delle analogie storiche, Canfora attribuisce a Gorbačëv il ruolo di Adimanto²².

Per Flores, invece, il mito dell'URSS trova, con alterne vicende, il suo momento conclusivo nel 1956 con il XX Congresso del PCUS e la destalinizzazione. In realtà, anche dopo il 1956 l'URSS non era un idolo infranto; il mito sovietico, infatti, perdeva il proprio carattere monolitico e si assisteva ad una sorta di sdoppiamento dell'immagine dell'URSS, che era all'origine di una biforcazione ideologica. Da una parte, l'URSS continuava ad essere vista nella sua fissità di modello platonico forgiato dai demiurghi Lenin e Stalin e assurto nell'empireo dell'immortalità (rappresentata dal *rigor mortis* della salma imbalsamata di Lenin tumulata nel suo mausoleo). Tale proiezione del mito avrà nuova vita tra gli apologeti del socialismo reale e sviluppato brežneviano: l'apologia del socialismo reale non era solo ad uso dell'*emotional sovietophilia* e dei *basic instincts* delle residuali masse adoranti, ma era propagandata anche da quella corrente del PCI che è stata all'origine dello scisma, nel 1991, della rifondazione comunista. D'altro canto, con la destalinizzazione e l'era chruscioviana, si impose un nuovo mito, quello della riforma permanente del sistema sovietico. Come ricorda nella sua autobiografia, Vittorio Strada, dopo il XX Congresso del PCUS, aderì al PCI perché il chrusciovismo si coniugava con il leninismo mitico, idealizzato: tale strano connubio era visto in funzione antistaliniana e scaturiva dall'illusione di un processo democratico-riformatore interno al sistema²³. L'illusione della democratizzazione del sistema sovietico si è imposta di nuovo all'epoca della *perestrojka* e, in Italia, ha avuto un'ulteriore metamorfosi nell'immagine mitica di Gorbačëv riformatore. I più vivaci entusiasmi politici e intellettuali suscitati dalla *perestrojka* non solo ispirano eventi anacronistici²⁴, ma trovano la loro origine nelle mitografie sul decennio chruscioviano. In *Storia*

22 Cfr. D. Losurdo, *Stalin. Storia e critica di una leggenda nera. Con un saggio di Luciano Canfora*, Carocci, Roma 2008.

23 V. Strada, *Autoritratto autocritico. Archeologia della rivoluzione d'Ottobre*, Liberal Edizioni, Roma 2004, pp. 23-28.

24 Nel 1995 le vedove della *perestrojka* hanno celebrato a Genova la "rivoluzione di Gorbačëv", una sorta di surreale "azione parallela" non dissimile dalla preparazione della celebrazione del mito asburgico sul limitare della dissoluzione dell'Austria-Ungheria ne *L'uomo senza qualità* di Musil.

dell'Unione Sovietica (pubblicato nel 1978 e in edizione russa nel 1990), Boffa contrappone la svolta riformatrice impressa da Chruščëv nel 1956 (nonostante l'intervento in Ungheria, definito una misura estrema per evitare una catastrofe imminente) a quella regressiva imposta da Brežnev e che ha raggiunto l'acme con l'intervento in Cecoslovacchia e con la restalinizzazione strisciante del sistema sovietico. Sebbene nell'epoca brežneviana l'URSS subisse un forte declino della sua influenza ideologica, l'ideale non poteva essere ricondotto al «semplice significato illusorio di un mito moderno». Nel 1978, per Boffa, non ci si doveva rassegnare all'idea che l'URSS non potesse andare oltre i limiti del socialismo reale e si attendevano quelle risposte innovatrici delle quali era gravida la storia sovietica²⁵. Con l'avvento di Gorbačëv, si affermava il mito della contaminazione democratica del PCUS ad opera del PCI: il movimento comunista internazionale sembrava ricomporsi, allargando il proprio orizzonte ideologico alla socialdemocrazia, per l'inveramento di un socialismo democratico dal volto umano. Nel *Post-scriptum* alla *Storia dell'Unione Sovietica* (riedita nel 1990 da "L'Unità"), Boffa afferma che la *perestrojka* era l'ineluttabile risposta innovatrice vaticinata nella prima edizione del suo libro nel 1978²⁶. Il programma riformatore di Gorbačëv era più radicale e ambizioso di quello di Chruščëv, per questo Boffa esprimeva (nel dicembre del 1990, quando ormai la *perestrojka* si era metamorfizzata in *katastrojka*) la sua speranza che la ristrutturazione gorbacioviana potesse sperimentare la vertigine del successo²⁷.

IL LUNGO VIAGGIO ATTRAVERSO IL SESSANTOTTO ITALIANO E IL MITO SOVIETICO: CONTESTAZIONE E RIVOLUZIONE

Come sostiene Bruno Bongiovanni²⁸, nel Sessantotto si è consumata la «bruciante collisione tra la mentalità e l'ideologia»: tale collisione ha prodotto una eteroclitica mistura di vecchi e nuovi miti. Dalla fusione tra diverse subculture, in alcuni casi, è scaturita una sintesi paradossale tra il sogno americano (*beat generation*, cultura alternativa e psichedelica) e il mito leninista della costruzione del partito rivoluzionario²⁹. Il lungo Sessantotto italiano ha avuto una durata

25 Cfr. G. Boffa, *Storia dell'Unione sovietica 1945-1964*, L'Unità, Roma 1990, vol. 4, pp. 355-370.

26 A tal proposito cfr. anche A. Rubbi, *Incontri con Gorbaciov. I colloqui di Natta e Occhetto con il leader sovietico: giugno 1984-novembre 1989*, Editori Riuniti, Roma 1990. Secondo la testimonianza di Rubbi, nel varare la *perestrojka* Gorbačëv avrebbe trovato ispirazione, tra l'altro, nella lettura del libro di Boffa.

27 G. Boffa, *Storia dell'Unione sovietica 1945-1964*, op. cit., vol. 4, pp. 371-386.

28 B. Bongiovanni, *Società di massa, mondo giovanile e crisi dei valori. La contestazione del '68*, in *La storia*, a cura di N. Tranfaglia e M. Firpo, vol. VII, *L'età contemporanea*, t. 2, *La cultura*, Utet, Torino 1988, pp. 671-694.

29 Cfr. N. Balestrini e P. Moroni, *L'orda d'oro 1968-1977. La grande ondata rivoluzionaria e creativa, politica ed esistenziale*, Feltrinelli, Milano 2003, pp. 154-170.

decennale; nel corso di questo decennio il lessico politico bolscevico-sovietico (anche *sub specie* maoismo) ha conosciuto una nuova stagione di rigoglio ed è stato la levatrice sia del dispiegamento della violenza rivoluzionaria, sia del mito della lotta per la conquista del potere e per l'abbattimento del sistema borghese. Nella prima metà degli anni Sessanta, Pier Paolo Pasolini, nei *Dialoghi* con i lettori di "Vie Nuove", registrava la genesi di questi nuovi orientamenti e già nel 1965 sosteneva che era comparso all'orizzonte una sorta di stalinismo *beatnik* coltivato da certe «compagnie piccole sdegnose e sconosciute» (lo scrittore si riferiva in particolare al gruppo che faceva riferimento alla rivista "Quaderni Piacentini"), che con il loro «massimalismo moralistico, condannano tutto e tutti (forse a ragione: ma il loro torto è il riferimento ossessivo al loro avere ragione)»³⁰. Sebbene l'opera di Pasolini sia pervasa dalla nostalgia del mitico e dalla tendenza alla risacralizzazione (in tal senso il poeta si richiama esplicitamente alla lezione di Eliade), essa ha operato la simultanea demistificazione del mito anticomunista e del mito sovietico. Nel 1957, Pasolini aveva soggiornato in URSS e aveva constatato che l'uomo è imperfetto: pur facendo scomparire le classi sociali, una diversa organizzazione della società non poteva modificare i vizi acquisiti in secoli di storia; i russi, perciò, continuavano ad essere «pigri, complicati ed eccessivi come al tempo di Dostoevskij». Pasolini credeva che gli autentici valori del socialismo sarebbero sorti dalla lotta di classe e che la classe operaia avrebbe realizzato la rivoluzione. Tuttavia, negli anni Sessanta, lo scrittore era stato ricondotto alla realtà dalle rivoluzioni russa, cinese e cubana e l'ottimismo beato gli era stato precluso per sempre. Nel contempo, era in corso in Italia la rivoluzione della Scienza Applicata, stadio supremo del neocapitalismo, che sembrava seguire la via che coincideva con le aspirazioni delle masse e sembrava scomparire all'orizzonte l'ultima speranza in un rinnovamento dei valori attraverso la rivoluzione comunista³¹. Negli anni Sessanta, inoltre, Stalin appariva come un uomo di altri tempi, un'icona imbalsamata nell'arcaica e selvaggia religiosità del culto della personalità. Invece di fare i conti con la propria storia, gli italo-sovietici rincorrevano il mito piccolo-borghese della conquista dello spazio da parte dell'URSS. Nel 1965, tornato da un viaggio in Cecoslovacchia e in Ungheria (dove, tra l'altro, aveva incontrato Lukàcs "cicala catecumena" e macchina per pensare che produceva a getto continuo visioni del superamento), Pasolini avvertiva che anche in Italia non si era dissolta la presenza dei fantasmi (conformismo, stalinismo, patriottismo di partito, mancanza di critica o un'autocritica puramente nominale). La discrasia tra comunismo regime e comunismo movimento (o tra potere e cultura) sembrava versare in una *impasse* senza sbocco: lo scisma tra

30 P.P. Pasolini, *Le belle bandiere. Dialoghi 1960-1965*, a cura di G.C. Ferretti, Editori Riuniti, Roma 1977, p. 359.

31 P.P. Pasolini, *Il sogno del centauro*, a cura di J. Dufлот, Editori Riuniti, Roma 1983.

URSS e Cina aveva diviso in due l'Internazionale comunista; si era consumata la frattura tra i partiti comunisti dei Paesi sottosviluppati e quelli dei Paesi industrializzati; al di là del mito della svolta del 1956, la misteriosa deposizione di Chruščëv aveva provocato la caduta di un indirizzo politico, senza sostituirlo con un altro. La centralizzazione del potere aveva reso penosa la situazione degli intellettuali nel campo socialista e aveva rinfocolato le rivendicazioni dei piccoli nazionalismi dell'Est europeo³². Il mistero dell'altrove era caduto insieme al «confronto fantastico con i propri valori». Tra il 1968 e il 1970 (nella rubrica *Il caos* ospitata sul "Tempo"), Pasolini registrava l'eclisse del mito sovietico che trascolorava nella zona grigia del socialismo reale, quale regno dei servi sciocchi: «il mito dell'Urss non solo è finito, ma ha finito col diventare un mito negativo e minacciosamente ridicolo». Dal canto suo, il popolo sovietico appariva chiuso in un inesplicabile e tragico silenzio. Dopo l'intervento sovietico in Cecoslovacchia, il silenzio era stato rotto dall'urlo solitario di Jan Palach che, secondo Pasolini, aveva messo in crisi i cortei della contestazione giovanile, perché in un mondo rosso era consentita soltanto un'atroce libertà: la libertà di un autodafè sacrificale non dissimile da quello dei bonzi vietnamiti; Palach era un santo moderno³³. Nella polemica sulla rivoluzione antropologica in Italia (nella quale intervennero Moravia, Maurizio Ferrara, Calvino e Andreotti), Pasolini, oltre a sostenere l'idea del PCI come un paese pulito in un paese sporco, riproponeva (in un'intervista al "Mondo" dell'11 luglio 1974) il mito sovietico risacralizzandolo come idolo polemico da contrapporre all'omologazione culturale italiana. Mentre l'omologazione socio-culturale italiana e occidentale era imposta dal potere e provocava disgusto e disperazione, l'uniformità sovietica era meravigliosa, perché in URSS non esistevano differenze di classe e il popolo, con la rivoluzione, si era conquistato la libertà suprema. Con la sua ineluttabilità, la Rivoluzione della Scienza Applicata aveva prodotto la nuova e omologante ideologia edonistica del consumo, che decretava lo scacco della Rivoluzione operaia, con il conseguente tramonto del marxismo umanistico e il trionfo del capitalismo tecnologico. Mentre l'URSS era ormai un'utopia retrospettiva, una proiezione dell'anticapitalismo romantico, la contestazione giovanile del Sessantotto non era sfociata in una rivoluzione e il lungo urlo appariva come una sorta di esorcismo e di addio alle speranze marxiste³⁴. Di fronte a questa svolta epocale, la costellazione gruppuscolare sorta dalla contestazione giovanile produceva una cultura politica introvertita e una scolastica neo-ždanovista: secondo Pasolini, il PCI non aveva condotto fino in fondo la critica allo stalinismo, che si era irrigidita attraverso la serie degli oltrepassamenti a sinistra, creando per assurdo il neo-stalinismo dei

32 P.P. Pasolini, *Le belle bandiere. Dialoghi 1960-1965*, op. cit., pp. 287-293.

33 P.P. Pasolini, *Praga: una atroce libertà*, in Id. *Il caos*, a cura di G.C. Ferretti, Editori Riuniti, Roma 1995, pp. 103-105.

34 P.P. Pasolini, *Scritti corsari*, Garzanti, Milano 1981, pp. 70-71.

gruppi extraparlamentari. Questo fenomeno nuovo si configurava come una sorta di fascismo di sinistra, «moralizzatore per reazione al revisionismo, fanatico per reazione al tatticismo, teologico per reazione al qualunquismo, ricattatorio per reazione all'opportunismo»³⁵. La nemesi contro i rinnegati revisionisti del PCI è stata lo sfondo ideologico della ricerca della rivoluzione introvabile: la nuova sinistra prendeva a modello la rivoluzione culturale cinese e il maoismo, denunciando il social-imperialismo dell'URSS. La ricerca di un altro Ottobre o di un "altro Egitto" (trockista, operaista, maoista, albanese, cubano, vietnamita) fu al centro di un dibattito onirico-ideologico che vide come protagonista la generazione degli anni perduti e che si caratterizzò come una scuola di conformismo culturale, che produsse, per lo più, travet della rivoluzione dell'indomani che uscirono dagli anni Settanta sfiniti ed esausti per aver troppo adorato diversi simulacri ideocratici.

IL DISSENSO E LA *QUERELLE* SULL'UNIVERSO CONCENTRAZIONARIO: SOLŽENICYN UOMO AL BANDO

Tra la fine degli Sessanta e la prima metà degli anni Settanta si colloca anche la storia dell'incontro mancato tra la contestazione italiana e il dissenso sovietico. Nell'introduzione ad una antologia di scritti di dissidenti sovietici (pubblicata nel 1974 da Savelli, editore della nuova sinistra)³⁶, Sinatti sottolineava come la sinistra italiana, nel suo complesso, avesse lasciato cadere nel silenzio la questione del dissenso in URSS. Dal canto suo, la nuova sinistra aveva trovato un'altra patria del comunismo realizzato e si era legata alla rivoluzione culturale cinese, vista come lotta vincente contro le degenerazioni burocratiche delle società socialiste dell'Europa orientale. Con un certo imbarazzo, il PCI aveva preso atto del processo di normalizzazione nella Cecoslovacchia di Husak, mentre la sinistra extraparlamentare continuava a tacere. Nell'ambito della nuova sinistra, infatti, l'interesse per l'URSS si esauriva nella disputa dottrinarica sulla natura sociale dell'esperimento sovietico: tale disputa era, per lo più, eterodiretta dalle teorizzazioni cinesi sul carattere social-imperialista dell'Unione Sovietica. Per Sinatti, la questione del dissenso non era conveniente né per il PCI (che per accontentare la sua base filosovietica definiva fascisti i dissidenti) impegnato a scongiurare una fortissima frizione con l'URSS, né per la nuova sinistra. Quest'ultima, infatti, era impegnata nella denuncia delle mistificazioni del capitalismo avanzato, mentre il dissenso poneva proprio la questione di quelle libertà formali e di quei diritti dell'uomo che erano denigrati e demistificati dalla galassia gruppuscolare. Per la nuova sinistra, i dissidenti combattevano una battaglia di retroguardia e la predica di destra sui diritti civili mal si conciliava con la lotta di

35 P.P. Pasolini, *Empirismo eretico*, Garzanti, Milano 1981, p. 163.

36 P. Sinatti, *Introduzione*, in *Il dissenso in Urss*, a cura di P. Sinatti, Savelli, Roma 1974, pp. 7-40.

classe, perché mancava di qualsiasi collegamento con le esigenze economiche e politiche della classe operaia. Negli anni Settanta, in Francia i *nouveaux philosophes* (quasi tutti ex sessantottini o ex maoisti, discepoli di Lacan e di Foucault, di Levi-Strauss e di Althusser) scoprivano Solženicyn e l'*Arcipelago Gulag* (pubblicato in Francia nel 1974) e denunciavano quella barbarie dal volto umano scaturita dalla rivoluzione impossibile: ogni rivoluzione, infatti, conduce alla schiavitù e il socialismo sovietico non era un'alternativa al capitalismo, ma la sua forma meno riuscita e, per di più, concentrazionaria. In particolare, Gluckmann accusava la sinistra vecchia e nuova di disprezzare i dissidenti: la repressione in URSS, in Cina, in Cambogia e in Vietnam non era un fatto scontato e la sinistra rimuoveva il proprio passato e non comprendeva la centralità del fenomeno del Gulag per spiegare la genesi e gli sviluppi dell'esperimento sovietico. Nelle sue riflessioni sull'*Arcipelago Gulag*, Claude Lefort (esponente con Castoriadis di *Socialisme ou barbarie*), affermava che anche dopo la morte di Stalin (definito da Solženicyn Egocrate) il socialismo sovietico continuava a raffigurarsi come un altro mondo che era fuoriuscito dalla storia e che aveva una peculiare "evoluzione" misurata sugli indici di produzione. Nell'introduzione all'edizione italiana del libro di Lefort su Solženicyn come uomo al bando, Paolo Flores d'Arcais affermava che scrivere di Gulag era, per la sinistra, un esercizio disperatamente necessario, perché l'universo concentrazionario era la verità decisiva del regime sovietico³⁷. Contrapponendo tale verità alla menzogna ideologica, l'opera di Solženicyn turbava i sogni di armonia socialista della sinistra francese e italiana, perché sconsacrava il mito delle origini, attribuendo a Lenin il ruolo di demiurgo dell'universo concentrazionario: in tal modo, si rendeva inutilizzabile il concetto di stalinismo, quale deviazione e parentesi infausta di una inarrestabile marcia verso il regno della libertà. L'iconoclastia dei *nouveaux philosophes* provocò in Italia una *querelle* che coinvolse sia l'*intelligencija* impegnata e/o ingaggiata, sia alcuni esponenti del gruppo dirigente del PCI. Umberto Eco ("Corriere della Sera", 27 luglio 1977) sosteneva che l'omologazione tra i nuovi filosofi e il dissenso sovietico era affrettata: mentre quest'ultimo dissentiva dalla sinistra ufficiale, i nuovi filosofi contestavano la visione pragmatico-razionale della cultura occidentale. D'altro canto, era inspiegabile il fatto che *Arcipelago Gulag* avesse provocato una sorta di collasso ideologico: Solženicyn era solo un cronista e non un veggente come Orwell in *1984* e Huxley in *Brave New World*. Nel considerare il Gulag come il paradigma del socialismo reale, secondo Eco, i nuovi filosofi erano approdati al pessimismo reazionario e cattolico di Joseph de Maistre: il tremito per il Gulag eterno, infatti, proveniva dall'opera di Solženicyn che poteva essere inserita nel filone del misticismo ottocentesco russo. In larga parte, tale corrente culturale era stata alimentata da Joseph de Maistre che a Pietroburgo conversava del «Gulag eterno, della illusione giacobina, della rivoluzione come Moloch,

37 P. Flores D'Arcais, *Introduzione*, in C. Lefort, *L'uomo al bando. Riflessioni sull'Arcipelago Gulag*, Vallecchi, Firenze 1980.

del destino di ogni storia umana di produrre solo grandi (e per lui) purificanti bagni di sangue»³⁸. Per Strada, invece, Solženicyn ha inaugurato una nuova fase dell'anticomunismo che non si confondeva con l'antisovietismo: l'anticomunismo dello scrittore, infatti, era squisitamente russo e, perciò, dissidente; esso riconduceva alla coscienza nazionale russa e si caratterizzava come una ricerca nuova sulla storia pre-sovietica³⁹. Nel 1977, un piccolo editore comunista (La Pietra) pubblicò, con una postilla di Umberto Terracini, le memorie di Dante Corneli (un operaio comunista che, tra il 1936 e il 1960, aveva soggiornato nel Gulag di Vorkuta, perché accusato di attività controrivoluzionaria trockista). Nella quarta di copertina, le memorie di Corneli erano presentate in chiave ideologica: il combattente proletario che non aveva rinnegato i propri ideali era l'antitesi del piccolo borghese Solženicyn, che cercava «spiegazioni totali e contrapposte al comunismo in una visione irrazionale che perde ogni dimensione critica utile a comprendere la realtà»⁴⁰. Nel 1977 l'editore Napoleone pubblicò *Cbi sono i dissidenti sovietici?*, una raccolta di articoli e documenti della stampa sovietica con una introduzione di Ambrogio Donini⁴¹. Secondo Donini, non solo il dissenso si era posto alla guida di una nuova ondata di antisovietismo, ma era anche un attentato a quella distensione (inaugurata con gli accordi Helsinki del 1975) resa possibile da sessant'anni di edificazione dell'URSS: la ricerca di forme inedite di socialismo costituiva una minaccia per l'equilibrio felicemente raggiunto in Europa. Nell'ottobre del 1976, fu trasmesso uno speciale del Tg1 sul dissenso. Protagonista dello speciale era Andrej Amal'rik, che in *Sopravviverà l'Unione Sovietica sino al 1984?* (pubblicato in Italia nel 1970) aveva profetizzato l'inevitabile crollo dell'URSS provocato da una crisi del sistema burocratico e dalla rovinosa sconfitta in una guerra con la Cina. Sebbene nel 1968 avesse previsto la possibilità del crollo del comunismo (perché non c'era nessuna provvidenza socialista in grado di garantire a priori la sua resurrezione), Lucio Lombardo Radice pubblicò un articolo su "L'Unità" nel quale accusava Amal'rik di essere

38 U. Eco, *Il vecchio pessimismo*, in A. Fallica, *I "nuovi filosofi". Ironia e provocazione*, Celebes, Palermo 1978, pp. 67-71.

39 V. Strada, *L'accoglienza occidentale all'anticomunismo russo*, in *Il mito dell'URSS. La cultura occidentale e l'Unione Sovietica*, op. cit., pp. 295-302.

40 Cfr. D. Corneli, *Il redivivo tiburtino. Un operaio italiano nei lager di Stalin*, a cura di A. Carioti, Liberal Libri, Firenze 2000, pp. 238-239. Come sottolinea Barbara Spinelli, Corneli fu «adoperato come un'arma per neutralizzare Solženicyn»: il redivivo tiburtino era uscito dal Gulag integro, conservando la stessa visione del mondo che nel 1921 lo fece diventare comunista. Si intendeva dimostrare, perciò, che i campi di Stalin non erano, come quelli del capitalismo hitleriano, la negazione totale che mirava alla liquidazione globale dell'uomo per una nuova barbarica visione distruttrice. Dal punto di vista di un comunista, il Gulag era una sorta di rieducativo poema pedagogico con un carattere, a volte, durissimo, ingiusto, arbitrario. Cfr. B. Spinelli, *Arcipelago Italia*, «La Stampa», 2 marzo 2001.

41 *Cbi sono i dissidenti sovietici? Articoli e documenti della stampa sovietica*. Introduzione di Ambrogio Donini, Napoleone, Roma 1977.

un fanatico dell'antisovietismo, perché considerava l'URSS il Paese più conservatore e più retrivo del mondo. Lo stesso Lombardo Radice in un'intervista concessa a "Encounter" (maggio 1977) sosteneva (a proposito del compromesso storico e dell'ingresso del PCI nell'area di governo) che nessuno poteva desiderare un regresso da uno stato migliore della società a uno peggiore. In questa direzione, invece, si muoveva Solženicyn che auspicava il ritorno alla Santa Russia. Per Lombardo Radice, i dissidenti rappresentavano minoranze insignificanti che non mettevano "in pericolo" il socialismo. Bisognava, perciò, permettere a Solženicyn di tornare in URSS a predicare il suo Vangelo; in tal modo, la vacuità delle sue proposte sarebbe diventata subito evidente⁴². Come ricorda Barbara Spinelli, Solženicyn e i dissidenti disturbavano i revisionismi sfumati e le strategie di potere del comunismo italiano: a differenza di quella francese, l'*intelligencija* italiana andava riscoprendo il conformismo ideologico e le virtù del fiancheggiamento. Rivelatrice, in tal senso, è la vicenda della Biennale del dissenso del 1977⁴³.

LA RIVOLUZIONE EUROCOMUNISTA E L'OTTOBRE

Nella prima metà degli anni Settanta, il PCI viveva la stagione dell'eurocomunismo che si caratterizzava come accettazione del pluralismo democratico e come dichiarazione di indipendenza dall'URSS. A Gianni Cervetti (responsabile del settore amministrativo e finanziario del PCI) fu affidato il compito di spiegare l'eurocomunismo ai sovietici con un articolo apparso sulla "Pravda" il 25 luglio 1976⁴⁴. Sebbene sostenesse la necessità della creazione di un socialismo inconfondibile distinto da quello sovietico e denunciasse i "tratti illiberali" del socialismo reale, Berlinguer, diversamente dal leader comunista spagnolo Santiago Carrillo, non sconsacrò il Natale del movimento comunista: la rivoluzione d'Ottobre che pur sembrava avere esaurito la sua spinta propulsiva. In

42 Cfr. G. Bensi, *Mosca e l'eurocomunismo*, La Casa di Matriona, Milano 1978, pp. 12-15 e pp. 29-33.

43 Cfr. U. Finetti, *La Biennale del dissenso*, «L'Ircocervo», a. 2, n. 1, 2003, pp. 58-62. La Biennale del dissenso, sostenuta e voluta dai socialisti, fu pressoché disertata dall'*intelligencija* comunista (Boffa intervenne al convegno sui "momenti storici del dissenso", Nono definì la Biennale "un sussulto triviale e programmato di antisovietismo", mentre "L'Unità" criticò la relazione di Kolakowski, perché mancava di spessore storico, in quanto sosteneva la tesi dell'identità tra comunismo e totalitarismo) e boicottata dall'URSS.

44 Cfr. G. Cervetti, *L'oro di Mosca. La verità sui finanziamenti sovietici al Pci raccontata dal diretto protagonista*, Baldini & Castoldi, Milano 1999. Come ricorda lo stesso Cervetti i sovietici ricondussero il suo articolo ai parametri dell'allineamento ideologico nel punto in cui affermava che il PCI elaborava «piani di sviluppo verso il socialismo» nella consapevolezza di operare nell'ambito di un sistema «pluralista e democratico»: il termine «pluralista», infatti, fu cassato e sostituito con «multiforme».

occasione del 60° anniversario della Rivoluzione d'Ottobre, Berlinguer affermò che la democrazia era un "valore storicamente universale" sul quale si doveva fondare quella società socialista che, nella sua genesi, era un retaggio del 1917. Dalle note e dagli appunti riservati di Antonio Tatò (portavoce e capo dell'ufficio stampa del segretario del PCI) inviati a Berlinguer tra il 1969 e il 1981 risulta che, per il gruppo dirigente del PCI, l'URSS rimaneva il «punto di origine di un solo processo generale unitario, quello della formazione del socialismo nel mondo». Nel 1917, la rivoluzione era sbucata in Russia, uno degli anelli più deboli della catena delle potenze capitaliste. Negli anni Settanta la rivoluzione avrebbe dovuto sbucare nei punti più alti della civiltà capitalista: non negli Stati Uniti (irretiti nelle forme capitalistiche), ma in una Europa «trasformata, unita, avviata verso il socialismo dalla lotta e dalla iniziativa unitaria dei partiti comunisti e delle forze rivoluzionarie, popolari, democratiche europee»⁴⁵. L'Europa occidentale, centro nevralgico della crisi mondiale, si sarebbe dovuta avviare, perciò, verso una rivoluzione diversa da quella del 1917: la rivoluzione bolscevica aveva toccato i suoi minimi storici e spettava ai suoi eredi italiani ed europei andare oltre l'Ottobre, indicando una "terza via"⁴⁶. La rivoluzione eurocomunista era antimanichea e avrebbe dovuto operare una sintesi innovatrice e dinamica tra i tratti migliori della democrazia occidentale e quelli del socialismo sovietico, sia per evitare la pietrificazione della storia nei blocchi contrapposti, sia per costruire una civiltà nuova superiore a quella che si era sviluppata nell'uno e nell'altro campo. Gli eurocomunisti avrebbero dovuto garantire l'indipendenza di condotta e di giudizio nei confronti dell'URSS e del socialismo finora realizzato, senza diventare per questo dei provocatori antisovietici. La realtà sovietica restava superiore a quella dei governi socialdemocratici; i comunisti, perciò, non dovevano far proprio il giudizio manicheo e reazionario formulato da Craxi, che considerava l'URSS un puro errore e un mostro ideologico e geopolitico e che, sulla base di questo giudizio negativo, voleva riassorbire la scissione del 1921. I comunisti italiani, secondo Tatò, non dovevano finire socialdemocratici e l'URSS doveva continuare ad essere il retroterra ideale e politico del PCI, un punto di forza nella battaglia anticapitalistica e antimperialista. Nel 1981, Tatò giudicava positivamente il grande insegnamento derivante dal movimento di rinnovamento del socialismo comparso in Polonia, che sembrava un modello da imitare. Dopo il colpo di Stato di Jaruzelski (definito inaccettabile), Tatò modificava il proprio entusiastico giudizio sul modello polacco: la critica del socialismo reale, infatti, non doveva cadere in miti ideologici e dogmatici che erano di segno opposto al mito dell'URSS come paradigma immobile e insuperabile del socialismo. La Rivoluzione d'Ottobre conservava il proprio significato liberatorio e l'URSS era una realtà geopolitica necessaria per il ruolo antica-

45 *Caro Berlinguer. Note e appunti riservati di Antonio Tatò a Enrico Berlinguer 1969-1984*, Einaudi, Torino 2003, pp. 43-47.

46 *Ivi*, pp. 100-104.

pitalista assunto da decenni sullo scacchiere internazionale⁴⁷. Ricostruendo la vicenda del PCI tra gli anni Settanta e Ottanta, Roberto Gualtieri afferma che lo strappo del 1981, dopo l'imposizione della legge marziale in Polonia, non fu condotto alle estreme conseguenze, perché il PCI mantenne in piedi un simulacro di doppia lealtà. Contestualmente all'esaurimento della spinta propulsiva dell'Ottobre, Berlinguer ribadì il superamento della socialdemocrazia, per cui il PCI, nella sua collocazione solitaria, era «uno dei pochi punti di legame tra i Paesi socialisti ...il movimento operaio, comunista, socialista, i socialdemocratici e i Paesi del terzo mondo»⁴⁸. Pur non essendo più un modello di società proponibile alle masse occidentali, il PCI continuò a riconoscere all'URSS il ruolo di punto di riferimento per il suo glorioso passato: esistevano, perciò, i margini per ricucire lo "strappo", facendo appello alla comune apprensione per i pericoli suscitati dalla corsa agli armamenti. Nel lungo dopoguerra, secondo Pons, il PCI ha mostrato dei limiti come forza politica nazionale sia perché il legame originario con l'URSS non era coerente con una politica che agiva nel contesto italiano, sia perché tale legame è stato consumato senza essere sostituito da un'alternativa credibile⁴⁹. La rottura con Mosca era quanto mai problematica, anche perché si era formata un'opposizione interna al PCI sostenuta (anche sul piano economico) dai sovietici⁵⁰. Il dibattito sulla natura e sui limiti della realtà sovietica, secondo Gualtieri, si interruppe con l'avvento di Gorbačëv, «rivedendo le speranze di una 'riformabilità' dell'URSS e rilanciando lo schema dell'unità nella diversità». Ricordando gli incontri e i colloqui tra Gorbačëv e i dirigenti del PCI (Natta e Occhetto), Rubbi afferma che si poneva il problema di rendere più appetibile l'immagine dell'URSS e dei Paesi socialisti, anche perché la *perestrojka* sembrava dare nuovo impulso alla spinta propulsiva dell'Ottobre⁵¹.

NOSTALGIE E RIMPIANTI DOPO LA CATASTROFE GEOPOLITICA: IL MITO DELL'URSS COME GRANDE SUPERPOTENZA

Dopo 1991 il mito dell'URSS è stato, in parte, sostituito dal mito del crollo dell'URSS che si presta a diverse interpretazioni mitografiche nelle quali si fondono il rimpianto per la mancata realizzazione del comunismo e la nostalgia per la superpotenza sovietica. Il rimpianto del comunismo (sia in Italia,

47 *Ivi*, pp. 226–241.

48 R. Gualtieri, *Il Pci, la Dc e il "vincolo esterno"*, in *Il Pci nell'Italia repubblicana 1943–1991*, op. cit., pp. 47–99.

49 S. Pons, *L'URSS e il Pci nel sistema internazionale della guerra fredda*, in *Il Pci nell'Italia repubblicana 1943–1991*, op. cit., pp. 40–46.

50 Cfr. V. Bukovskij, *Gli archivi segreti di Mosca*, Spirali, Milano 1999, pp. 216–219; C. Andrew-V. Mitrokhin, *L'archivio Mitrokhin*, Rizzoli, Milano 1999, pp. 367–383.

51 Cfr. A. Rubbi, *op. cit.*

sia nell'Europa centrale e orientale) oscilla tra la nostalgia restauratrice che, ponendo l'accento sul *nostos*, vuole ricostruire il luogo mitico della dimora perduta e la nostalgia riflessiva incentrata sul desiderio e sulla perdita⁵². La distruzione della casa comune del comunismo è stata causata, per alcuni⁵³, dall'irreformabilità del sistema sovietico; per altri⁵⁴, invece, la *perestrojka* è stata una rivoluzione mancata o tradita dal «bonapartismo populista» di El'cin che non solo ha reso ineluttabile il crollo dell'URSS, ma anche quello della stessa Russia post-sovietica. In occasione di un convegno sul fallimento della *perestrojka* (10–11 aprile 1992), Rita Di Leo ha definito Gorbačëv un *rex destruens*, perché *glasnost'* e *radikal'naja reforma* sono rimaste parole d'ordine e non si sono tradotte in un progetto-programma riformistico che si ponesse nel solco della tradizione comunista: solo in tal modo si poteva impedire la disgregazione dell'URSS e la fine del mondo bipolare. Secondo Di Leo, Gorbačëv ha distrutto uno Stato che nei suoi settant'anni di storia aveva raggiunto la parità strategico-militare con l'Occidente e che avrebbe potuto raggiungere anche la parità politica ed economica. Con l'URSS, Gorbačëv ha tolto dalla scena della storia la prospettiva di una società occidentale diversa da quella capitalistica, facendo disseccare il filone delle utopie laiche. Dopo la fine dell'URSS, infatti, l'unica alternativa al capitalismo sembra essere il fondamentalismo religioso (cristiano o islamico)⁵⁵. D'altro canto, la transizione al capitalismo della Russia post-sovietica si è configurata come una seconda NEP gestita dagli oligarchi: il bolscevismo di mercato di El'cin, secondo Di Leo, è stato espressione di una sorta di massimalismo utopista che ha agito dissennatamente per l'immediata instaurazione del capitalismo. La Russia post-sovietica non ha potuto vantare, però, lo *status* di grande potenza, perché ha avuto come valori di riferimento quelli dello Stato-nazione e non quelli dell'internazionalismo proletario come nel caso dell'URSS⁵⁶. Dal canto suo, Boffa ha sostenuto che l'esito catastrofico della *perestrojka* è stato, anzitutto, una conseguenza della lunga crisi sovietica che si è aperta nel 1964 con la destituzione di Chruščëv, quale inizio della fine dell'URSS. Contro Gorbačëv, invece, è stato ordito un duplice complotto: il colpo di Stato del 19 agosto 1991 ad opera dei conservatori tardostalinisti e il complotto nazionalista dell'8 dicembre 1991 organizzato da El'cin, che ha de-

52 S. Boym, *Ipocondria del cuore: nostalgia, storia e memoria*, in *Nostalgia. Saggi sul rimpianto del comunismo*, a cura di F. Modrzejewski e M. Sznajderman, Bruno Mondadori, Milano 2003, p. 49.

53 A. Guerra, *Il crollo dell'impero sovietico*, Editori Riuniti, Roma 1996.

54 Cfr. G. Chiesa-R.A. Medvedev, *La rivoluzione di Gorbaciov. Cronaca della perestrojka*, Garzanti, Milano 1990; G. Chiesa, *Da Mosca. Cronaca di un colpo di Stato annunciato*, Laterza, Roma-Bari 1995; Id., *Russia addio*, Editori Riuniti, Roma 1997.

55 R. Di Leo, *Rex destruens*, in *Riformismo o comunismo. Il caso dell'URSS*, a cura di R. Di Leo, Liguori, Napoli 1993, pp. 9–31.

56 R. Di Leo, *La seconda Nep*, in *Riformismo o comunismo. Il caso dell'URSS*, op. cit., pp. 249–263.

cretato la liquidazione dell'URSS. La democrazia socialista in costruzione, secondo Boffa, è stata affossata dal nazionalismo di El'cin, ispirato dall'anticomunismo russocentrico di Solženicyn: la *perestrojka* avrebbe potuto salvare l'unità dello Stato federale, mentre dalla dissoluzione dell'URSS (la più grande svendita della storia causata dall'infatuazione nazionalista) è sorta una Russia mutilata che, cancellando le conquiste dell'era gorbacioviana, si è avviata sulla strada del ritorno all'arcaica autocrazia⁵⁷. Anche per Rubbi, la distruzione dell'URSS è stata opera della rivolta del nazionalismo russo contro il progetto gorbacioviano di una Unione Sovietica rinnovata e democratica. L'innamoroamento nazionalista è stato suscitato dall'imbonimento demagogico di El'cin, dai vaticini di Solženicyn (che in patria non è mai stato buon profeta) e dalla «grancassa suonata da Žirinovskij: questi nefasti demiurghi hanno forgiato una Russia malata, un Paese allo sfascio, senza valori e senza identità⁵⁸». Nel corso di un convegno italo-russo (Urbino, 25–27 settembre 1997), Domenico Losurdo ha sostenuto che il crollo dell'URSS è stato una conseguenza di quella crociata planetaria per i diritti dell'uomo di marca neoliberista: nel 1991, Bush padre voleva una Unione Sovietica democratica e con un'economia di mercato integrata a quella occidentale. Con il loro «zelo missionario e universalistico», gli Stati Uniti, secondo Losurdo, aspirano a provocare un collasso di tipo sovietico anche in Cina⁵⁹. Per Benvenuti, l'esaurimento della funzione universalmente trasformatrice dell'URSS ha avuto inizio nel 1968; la *perestrojka* è stata l'estremo lascito dell'universalismo sovietico: la Russia post-sovietica è arretrata su posizioni nazional-patriottiche e la sua vicenda politica può essere interpretata come una transizione verso una nuova dottrina nazionale russa⁶⁰. Per Canfora, invece, le cause del crollo del potere sovietico derivano dalla questione dello stalinismo: lo stalinismo, infatti, è stato il più lungo esperimento giacobino della storia che ha provocato una reazione fatale; si pone, perciò, il problema di come «gestire la futura rottura rivoluzionaria»⁶¹. Secondo Hobsbawm (e secondo alcuni suoi epigoni italiani), l'esistenza dell'URSS e

57 G. Boffa, *Dall'URSS alla Russia. Storia di una crisi non finita*, Laterza Roma-Bari 1995, pp. 337–376.

58 A. Rubbi, *La Russia di Eltsin*, Editori Riuniti, Roma 2002, p. 273.

59 Cfr. D. Losurdo, *Universalismo e conflitto geopolitico: dalla rivoluzione d'ottobre al trionfo del "secolo americano"*, in *URSS: bilancio di un'esperienza. Atti del Convegno italo-russo: Urbino 25–26–27 settembre 1997*, a cura di D. Losurdo e R. Giacomini, Quattro Venti, Urbino 1999, pp. 7–43.

60 F. Benvenuti, *La crisi finale dell'universalismo sovietico e i suoi dilemmi (da Brežnev a Gorbačëv)*, in *Urss: bilancio di un'esperienza. Atti del Convegno italo-russo: Urbino 25–26–27 settembre 1997*, op. cit., pp. 155–168.

61 L. Canfora, *La questione dello stalinismo*, in *Urss: bilancio di un'esperienza. Atti del Convegno italo-russo: Urbino 25–26–27 settembre 1997*, op. cit., pp. 169–174. Al convegno di Urbino ha partecipato anche Roy Medvedev, il quale ha sostenuto che il «disprezzo della democrazia» è la causa prima della «crisi del leninismo» che si è risolta nello «strapotere della nomenclatura».

la sua contrapposizione con l'Occidente aveva favorito l'affermazione di un capitalismo dal volto umano. Sebbene sia venuto meno il contrappeso sovietico e gli Stati Uniti siano apparsi come l'iperpotenza egemone, dopo il collasso dell'URSS si assisterà necessariamente anche alla bancarotta del fondamentalismo del *free market*. Nelle diverse mitografie il crollo dell'URSS assume un fattore soteriologico: per alcuni la scomparsa dell'URSS ha salvato il comunismo che, finalmente, può compiutamente realizzarsi; per altri il crollo dell'URSS ha avuto effetti benefici sull'ordine mondiale. Per Toni Negri e Michael Hardt⁶², l'agonia della disciplina sovietica e il successivo affondamento del regime è stata causata dalla resistenza alla dittatura burocratica, che aveva rinchiuso la «nuova vivente moltitudine della forza lavoro intellettuale» nelle gabbie disciplinari di un'economia di guerra. Il crollo dell'URSS ha favorito, perciò, la materializzazione dell'impero e il superamento dell'imperialismo (compreso quello sovietico), quale necessario prerequisito che permetterà alla moltitudine di inverare la propria rivoluzione globale nell'ambito del nuovo ordine imperiale. Tuttavia, dopo l'11 settembre e la guerra in Iraq, Bush, secondo Negri, ha realizzato una sorta di 18 brumaio globale che ha imposto il ritorno dell'imperialismo. La democrazia della moltitudine, per Negri, si basa su una nuova scienza che coniuga tra loro i *Federalist Papers* di Madison e *Stato e rivoluzione* di Lenin. La distruzione della sovranità dello Stato proposta da Lenin non deve, però, scaturire dall'insurrezione di una élite d'avanguardia, perché, come dimostra l'esperienza sovietica, si potrebbe approdare alla creazione di uno Stato sovrano e gerarchico. Compito della moltitudine, invece, è quello di abolire la sovranità a livello globale⁶³. Nell'interpretazione di Asor Rosa⁶⁴, invece, il crollo dell'impero sovietico non ha una valenza soteriologica ma catastrofica, perché ha liberato totalmente la volontà di potenza dell'impero superstite. Nel mondo post-bipolare, gli Stati Uniti utilizzano la guerra per un'opera di normalizzazione e per riplasmare il mondo secondo il proprio modello. L'URSS, secondo Asor Rosa, era una sorta di *katechon* che nel corso della guerra fredda ha impedito che esplodessero conflitti di dimensione planetaria: nell'arco di un cinquantennio, infatti, ci sono state solo guerre marginali. Il crollo dell'impero sovietico, che è avvenuto per ragioni fondamentalmente endogene, ha rappresentato, perciò, una sorta di catastrofe geopolitica. D'altro canto, in Italia (sia tra l'estrema destra, sia tra l'estrema sinistra) hanno una certa diffusione quelle tesi geopolitiche neoeurasiste che propugnano la ricostituzione dello spazio imperiale russo o la resurrezione dell'URSS,

62 M. Hardt-A. Negri, *Impero. Il nuovo ordine della globalizzazione*, Rizzoli, Milano 2002, pp. 259–262.

63 M. Hardt-A. Negri, *Moltitudine. Guerra e democrazia nel nuovo ordine imperiale*, Rizzoli, Milano 2004, pp. 406–407.

64 Cfr. A. Asor Rosa, *La guerra. Sulle forme attuali della convivenza umana*, Einaudi, Torino 2002.

ponendo un nuovo *limes* invalicabile tra la Russia e l'Occidente. Tali tesi sono formulate, tra l'altro, dal leader comunista russo Zjuganov, quale resurrezione della geografia della vittoria⁶⁵ e da Dugin, leader del partito eurasista, con le sue fumisterie esoterico-geopolitiche di matrice evoliana⁶⁶. Queste cartografie oniriche sembrano sostituire la cartografia imperiale disegnata dall'ideocrazia sovietica e si basano sul mito geopolitico (diffuso da Mackinder all'inizio del XX secolo) dell'Eurasia quale *Heartland* (il perno geografico della storia mondiale). Il mito del crollo sovietico si configura come un interrogativo che appare specularmente contrario a quello che, alla fine degli anni Sessanta, si poneva *Amal'rik* a proposito della sopravvivenza dell'URSS oltre la *fin de siècle*: nel XXI secolo verrà concessa all'Unione Sovietica una replica della storia⁶⁷? Resusciterà l'URSS *sub specie* superpotenza eurasiatica? Nel caso dell'URSS, le repliche della storia sembrano la messa in scena di una sorta di parodia ideologica e geopolitica, che si esaurisce nelle rappresentazioni mitiche e nelle cartografie oniriche.

65 G. Zjuganov, *Stato e potenza*, a cura di M. Montanari, Edizioni all'Insegna del Veltro, Parma 1999. Sull'influsso ideologico di Zjuganov in Italia cfr. A. Alberti, *I russi e le rivoluzioni*, in *Urss: bilancio di un'esperienza. Atti del Convegno italo-russo: Urbino 25-26-27 settembre 1997*, op. cit., pp. 55-65.

66 A. Dugin, *Eurasia. La Rivoluzione conservatrice in Russia*, Nuove Idee, Roma 2004.

67 Cfr. F. Bettanin, *La disgregazione dell'Unione Sovietica*, in *Riformismo o comunismo. Il caso dell'Urss*, op. cit., pp. 207-226.

Алексей Кара-Мурза

Культурные связи России и Италии: к двухсотлетию со дня рождения И.С. Тургенева

Друг для друга теперь двое мы целый народ...

И.С. Тургенев. Из «Римских элегий» Гёте. 1846 г.

Двадцатого сентября 1833 г.¹ ещё не достигший 15-летия Иван Тургенев был зачислен после испытаний своекоштным студентом словесного факультета Императорского Московского университета². Удивительно, но среди своих ровесников (а среди них были будущие знаменитости: Михаил Катков, Юрий Самарин, Фёдор Буслаев) юный Тургенев выделялся в то время... очень маленьким ростом. «Ростом я был в 15 лет не выше семилетнего», — признавался в конце жизни Тургенев одному из близких друзей³.

Изменения в жизни будущего писателя начались во второй половине 1834 г., когда окончивший первый курс Московского университета Тургенев переехал с отцом в Санкт-Петербург: «Затем совершилась удивительная перемена после 15 лет. Я заболел. Со мною сделалась страшная слабость во всём теле, лишился сна, ничего не ел, и когда выздоровел, то сразу вырос чуть не на целый аршин (более 70 сантиметров! — А. К.-М.)»⁴. Краткая отметка об этом фантастическом случае имеется и в тургеневском

1 В дальнейшем изложении все события, имевшие место на территории Российской империи, как и написанные в России письма, датируются по юлианскому календарю (старому стилю). Равным образом, всё, что будет иметь отношение к событиям в Италии и Германии, будет датировано по принятому в Европе григорианскому календарю (новому стилю).

2 Клеман М.К. *Летопись жизни и творчества И.С. Тургенева. 1818-1883*. М.: Академия, 1934. С. 21.

3 Садовников Д.Н. *Встречи с Тургеневым // Современное прошлое*. 1923. № 1. С. 117.

4 Там же.

автобиографическом конспекте «Мемориал» за 1835 г.: «Новый год в Петербурге. *Maladie de croissance*»⁵.

Причиной этой «болезни роста» («*maladie de croissance*») стали в первую очередь драматичные семейные обстоятельства. Тридцатого октября 1834 г. от обострения мочекаменной болезни, не дожив до 41 года, скончался его отец Сергей Николаевич. Предсмертные мучения красавца-полковника осложнились запутанностью отношений с его «последней любовью» — поэтессой княжной Екатериной Шаховской. Мать юного Тургенева, своенравная Варвара Петровна, уставшая от романов мужа и родившая за год до этого в Италии дочь Варю от домашнего врача А.Е. Берса, демонстративно уехала тогда в новое длительное путешествие по Италии и вернулась в Россию лишь в июне 1835 г.⁶

Результатом этой семейной драмы стало для опасно переболевшего зимой 1834–1835 гг. Ивана Тургенева не только физическое «преображение». «Одновременно с этим, — вспоминал он, — совершилось и духовное перерождение. Прежде я знать не знал, что такое поэзия; а тут математику с меня точно что сдуло (раньше юноша ложился спать, держа под подушкой книжки по математике и геометрии Л.Б. Франкёра. — А. К.-М.), я начал мечтать и пописывать стихи»⁷.

Именно с предсмертной болезнью отца совпал первый литературный опыт Тургенева — драматическая поэма «Стено»⁸, которая, согласно пометкам автора, была начата 21 сентября и закончена 13 декабря 1834 г.⁹ Действие поэмы, написанной явно в подражание Байрону и Шиллеру¹⁰, происходит в Италии, куда уносились мысли юного Тургенева, специализировавшегося в университете по античной литературе и философии, и куда, в прозаической реальности, отправилась в очередной раз его родная и любимая матушка. На выбор Тургеневым «итальянской темы»

5 Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 11. М.: Наука, 1983. С. 197.

6 Согласно Н.М. Чернову, изучавшему сохранившиеся письма В.П. Тургеневой к сыновьям, та была уверена, что в результате истории с княжной Шаховской её муж «кончил жизнь насильственной смертью». См.: Чернов Н.М. Повесть И.С. Тургенева «Первая любовь» и её реальные источники // Вопросы литературы. 1973. № 9. С. 234–236.

7 Садовников Д.Н. Встречи с Тургеневым // Современное прошлое. 1923. № 1. С. 117–118.

8 Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем. Т. 1. М.: Наука, 1978. С. 333–383.

9 Там же. С. 531.

10 Гершензон М.О. Мечта и мысль И.С. Тургенева // Он же. Избранное. Т. 3. М.; Иерусалим: Университетская книга, 2000. С. 541–631. С. 247–251; Орловский С. Лирика молодого Тургенева: опыт описания. Прага: Пламя, 1926. С. 59.

повлиял, по-видимому, и шумный успех вышедшей в 1833 г. драматической фантазии Нестора Кукольника «Торкватто Тассо»¹¹.

Напомним, что первая сцена тургеневской поэмы «Стено» происходит в освещённом луной Колизее, в развалинах которого романтический герой произносит свой ночной римский монолог:

Там вдалеке сребрится Тибр; над ним
Таинственно склонились кипарисы,
Колебя серебристыми листьями...
И Рим лежит, как саваном покрыт;
Там всё мертво и пусто, как в могиле...
А здесь угрюмо дремлет Колизей,
Чернеясь на лазури тёмной неба!¹²

Последующие строки 16-летнего Тургенева можно было бы принять за простительную для его возраста поэтическую экзальтацию, если не знать, что юный сочинитель был тогда реально болен, и весьма серьёзно:

Прошли века над Римом чередой
Безмолвной и кровавой <...>
Но остался ты,
Мой Колизей!..
Священная стена!¹³

Концовка сцены уже не кажется слишком большой натяжкой:

Мне дурно, сердце ноет... всё темнеет...
Вокруг меня... О... Стено... это смерть...¹⁴

11 Ямпольский И.Г. Поэзия И.С. Тургенева // Тургенев И.С. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1970. С. 8–9. Даже В.К. Кюхельбекер, близкий друг Пушкина, находившийся тогда в заключении в Свеаборгской крепости, записал в дневнике, что сочинение Кукольника о великом итальянском поэте — «лучшая трагедия на русском языке, не исключая “Годунова” Пушкина, который, нет сомнения, гораздо умнее и зрелее, гораздо более обдуман, мужественнее и сильнее в создании и в подробностях, но зато холоден, слишком отзывывается подражанием Шекспиру и слишком чужд того самозабвения, без которого нет истинной поэзии» (Дневник В.К. Кюхельбекера. Материалы к истории русской литературной и общественной жизни 10–40 годов. Л., 1929. С. 233).

12 Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем. Т. 1. С. 334.

13 Там же. С. 334.

14 Там же. С. 338.

Разумеется, дальнейшее изложение, технически несовершенное и полное смысловых несоответствий (полуживого Стено, например, находят посреди Колизея брат и сестра Джакоппо и Джулия и на руках относят к себе в рыбацкую хижину на берегу теплого итальянского моря — *sic!*), уже очень скоро побудили повзрослевшего Тургенева с иронией отнестись к его первому литературному опыту. А в зрелые годы в очерке «Литературный вечер у П.А. Плетнева» (1869) он назовет поэму «Стено» «совершенно нелепым произведением»¹⁵.

Справедливости ради надо добавить, что один из самых вдумчивых исследователей творчества Тургенева, М.О. Гершензон, отдал должное ранней, «итальянской» поэме Тургенева: «“Стено” — не случайное подражание байроновскому “Манфреду”, он не стоит особняком в творчестве Тургенева: через поэмы 1840-х гг. он органически примыкает к его позднейшим произведениям, как *первое звено единой цепи* или как *первый отпечаток единого, развивающегося в опыте, мировоззрения* (курсив мой. — А. К.-М.)»¹⁶.

С годами увлечение Тургенева греческой и римской античностью усиливается. Летом 1836 г. он оканчивает философский факультет Санкт-Петербургского университета по первому (словесному) отделению со степенью действительного студента, а в январе 1837 г. успешно защищает выпускную работу на латинском языке «Об эпиграмме Гомера».

Авторская тоска по «нежному Югу», по «пылающей южной любви» заметна и в написанном Тургеневым в 1837 г. стихотворении «Венере Медицейской»¹⁷, которое П.А. Плетнёв выбрал для публикации в «Современнике»:

Не наше чадо ты! Нет, пылким детям Юга
Одним дано испить любовного недуга
Палящее вино!..
Но нам их бурный жар и чужд и непонятен;
Язык любви, страстей нам более не внятен;
Душой увяли мы...¹⁸

Согласно романтически настроенному 19-летнему Тургеневу, «Венера Медицейская», один из общепризнанных художественных символов «нежного Юга» (скульптура, как известно, была найдена при раскопках виллы императора Адриана в Тиволи под Римом и приобретена потом

15 Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем. Т. 11. С. 11.

16 Гершензон М.О. Мечта и мысль И.С. Тургенева // Он же. Избранное. Т. 3. С. 552–553.

17 Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем. Т. 1. С. 11.

18 Там же.

флорентийским семейством Медичи. — А. К.-М.), продолжает сохранять свою притягательность для всё новых поколений «сынов Севера»:

И снова мы к тебе стекаемся толпами;
Молчание храня, с поднятыми очами,
Любуемся тобой..
Ты снова царствуешь! Сынов страны далёкой,
Ты покорила их пластической, высокой —
Своей бессмертной красотой!¹⁹

Юношеское противопоставление «жаркого Юга» и «сумрачно-го Севера», из неуютных холодов которого герою постоянно хочется вырваться, со временем закрепится и в зрелом творчестве Тургенева. Вспомним, к примеру, отрывок из романа «Накануне», где говорится о принципиальной оппозиции «нежных греков» — и «толстокожих скифов», «античных нимф» — и «северных русалок», которых герой Тургенева скульптор Шубин называет «исчадиями запуганной, холодной фантазии», «образами, рождёнными в духоте избы, во мраке зимних ночей»²⁰. «Цивилизационные» противопоставления Севера и Юга, обильно разбросанные в сочинениях Тургенева, позволяют говорить о том, что в его творчестве нашла своеобразное продолжение традиция «русского северянства», идущая в нашей литературе от Г.Р. Державина, Н.М. Карамзина, князя П.А. Вяземского²¹.

Как известно, в 1838–1839 гг. Тургенев продолжил занятия греческой и римской античностью в Берлинском университете у таких европейских светил, как профессор древнегреческого языка и литературы Филипп Бёк и профессор латыни и латинской литературы, академик Карл Цумпт. Литератор Б.К. Зайцев, один из авторитетных биографов Тургенева, писал об этом периоде жизни своего героя: «В Тургеневе была складка усидчивости, он мог одолевать и латынь, и греческий. Берлинский университет дал ему знание древних языков — он всю жизнь свободно читал классиков»²². Так оно и было: в свой последний приезд в Россию в 1881 г. 63-летний Тургенев, по свидетельству его друга Я.П. Полонского,

19 Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем. Т. 1. С. 12.

20 Там же. Т. 6. М.: Наука, 1981. С. 168.

21 Кара-Мурза А.А. Россия как «Север». Метаморфозы национальной идентичности в XVIII–XIX вв.: Г.Р. Державин // Философские науки. 2017. № 8. С. 121–134.; Он же. «Русское северянство» князей Вяземских (к вопросу о национальной идентичности) // Вопросы философии. 2018. № 3. С. 7–13.

22 Зайцев Б.К. Жизнь Тургенева // Он же. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5. Жизнь Тургенева. Романы-биографии. Литературные очерки. М.: Русская книга, 1999. С. 36.

«латинские книги читал ещё легко и свободно»²³. Очевидно, прав Г.С. Кнабе, назвавший Тургенева «наиболее “антично соотнесённым” из всех русских писателей XIX в.»²⁴

В конце лета 1839 г., уступив настояниям матери, Тургенев был вынужден вернуться в Россию. Осенью и в начале зимы он жил в Петербурге у старшего брата Николая, служившего в столице в конной артиллерии, и готовился к экзаменам. Его, однако, не оставляла мысль продолжить обучение в Европе и, возможно, побывать и в Италии, в первую очередь в Риме.

Из писем Тургенева к его старшему товарищу по Берлинскому университету Т.Н. Грановскому мы знаем, что декабрь 1839 г. он провёл за чтением «Римских элегий» Гёте: как раз в это время отдельные «элегии» (аутентичное название цикла — «*Erotica Romana*»), в русском переводе А.Н. Струговщикова, стали появляться в петербургских журналах²⁵.

В письме Тургенева Грановскому от 4 декабря 1839 г. читаем: «Я всё не перестаю читать Гёте. Это чтение укрепляет меня в эти вялые дни. Какие сокровища я беспрестанно открываю в нём!»²⁶ «*Erotica Romana*» потрясла Тургенева: «Какая жизнь, какая страсть, какое здоровье дышит в них! Гёте — в Риме, в объятьях римлянки!»²⁷ И далее: «Эти элегии огнём пролились в мою кровь — как я жажду любви! Но это томление бесплодно: если небо не сжалится надо мной и не пошлёт мне эту благодать. А — мне кажется — как я был бы добр, и чист, и откровенен, и богат, полюбив! С какой радостью стал бы я жить и с ней»²⁸. «Вы это понимаете, — настойчиво

23 Полонский Я.П. И.С. Тургенев у себя в его последний приезд на родину // И.С. Тургенев в воспоминаниях современников. Т. 2. М.: Художественная литература, 1983. С. 392.

24 Кнабе Г.С. Тургенев, античное наследие и истина либерализма // Вопросы литературы. 2005. № 1. С. 84.

25 Возможно, уже зимой 1839–1840 гг. Тургенев сверял перевод «Римских элегий» Струговщикова с оригиналом Гёте. В 1846 г. он, усовершенствовав к тому времени свои познания в немецком, предпринял попытку собственного перевода двенадцатой «элегии» из гётевского цикла «*Erotica romana*»: «Мы же с тобою вдвоём отпразднуем радостный праздник. / Друг для друга теперь двое мы целый народ <...>». Сильнейшее влияние «Римских элегий» испытал в своё время и молодой Александр Герцен. Когда он с семьёй впервые приехал в Рим в ноябре 1847 г., он снял за большие деньги (а они у него были!) те самые комнаты на виа дель Корсо, в которых в 1786–1788 гг. жил и творил Гёте (Кара-Мурза А.А. Интеллектуальные портреты: очерки о русских политических мыслителях XIX–XX вв. М.: Институт философии РАН, 2006. С. 5–17).

26 Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 18 т. Т. 1. М.: Наука, 1982. С. 144.

27 Там же.

28 Там же.

спрашивал восторженный Тургенев Грановского, — Вы не станете надо мной смеяться, не правда ли?»²⁹

Чтение «Римских элегий» сказалось даже на физическом состоянии: «У меня сделалось очень тягостное сердцебиение — и мне доктором запрещены пряности, чай, кофе, говядина, вино, сладости, женщины и все *grandes émotions* [сильные эмоции (франц.)]. Скажите на милость — что ж осталось мне?»³⁰

А 14 января 1840 г. 21-летний Иван Тургенев пишет своему наставнику, профессору университета и издателю А.В. Никитенко: «Я уехал в Рим — совсем неожиданно <...>»³¹.

Ехать в Вечный город его соблазнил («подманил», как выразилась узнавшая о случившемся Варвара Петровна) дальний родственник и друг семьи Тургеневых Павел Иванович Кривцов, направлявшийся в Италию для продолжения службы в русской миссии при папском престоле. Молодой, но уже опытный карьерный дипломат получил тогда новую должность — «начальника над русскими художниками, посылаемыми в Рим для усовершенствования»³². Именно в санном экипаже Кривцова, оплаченном Императорским министерством иностранных дел, Тургенев отправился зимой 1840 г. в очередной раз в Европу.

Семьи Тургеневых и Кривцовых состояли в родственных отношениях, а их орловские имения, Спасское и Тимофеевское, были недалеко друг от друга. Полковник-кавалергард С.Н. Тургенев, имея связи в Петербурге, немало способствовал служебной карьере молодых Николая и Павла Кривцовых. Тургеневы приняли живое участие и в судьбе Сергея Кривцова, заключённого после декабрьского восстания 1825 г. в Петропавловскую крепость, а затем сосланного в Сибирь: сначала в гибельный Туруханский край, а затем переведённого, благодаря ходатайствам родственников и друзей, сначала в Минусинск (который показался ссыльному «Италией»), а затем рядовым на Кавказ³³.

Павел Кривцов начал работу в русской дипломатической миссии в Риме в 1826 г., сначала в скромной должности второго секретаря, скорее «проедая» в папском городе доход от орловского имения. Лишь в 1834 г., съездив в Россию, он получил повышение, став первым секретарём посольства с содержанием в 12 тыс. рублей ассигнациями. Новый скачок в карьере Кривцова произошёл после удачной женитьбы на княжне Елизавете Репниной, дочери

29 Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем. Письма. Т. 1. С. 144. С. 145.

30 Там же.

31 Там же. С. 147.

32 Каштанова Е.В. Начальник над русскими художниками в Риме П.И. Кривцов // Вопросы истории. 2006. № 9. С. 146–151.

33 Гершензон М.О. Декабрист Кривцов и его братья // Он же. Избранное. Т. 2. С. 283–294.

путешествовавшего по Италии бывшего военного губернатора Малороссии князя Н.Г. Репнина-Волконского и внучке по матери графа А.К. Разумовского.

В 1839 г. П.И. Кривцов в очередной раз приехал в Россию, чтобы, по выражению биографа семьи Кривцовых М.О. Гершензона, «пожать плоды услуг, которые ему удалось в последнее время оказать царской фамилии»³⁴. В имперской логике эти «услуги» были весьма значительны: во-первых, Кривцов состоял при наследнике цесаревиче Александре Николаевиче в бытность того в Риме в начале 1839 г.; во-вторых, именно он, Кривцов, организовал удачную закупку в Тоскане большой партии каррарского мрамора для отделки Зимнего дворца, пострадавшего от пожара. К моменту отъезда в Италию получивший новое назначение дипломат находился в приподнятом настроении: к Пасхе ему был обещан чин статского советника³⁵.

Накануне отъезда из Петербурга, 14 января 1840 г., Павел Кривцов сообщил о совместной поездке с юным Тургеневым в Италию в письме к брату Николаю (на французском языке): «Я покидаю Петербург в обществе Ивана Тургенева, который едет со мной до Рима, чтобы провести там месяц; затем он немного поедет по Италии и вернётся в Берлин, чтобы завершить своё образование. Это образованный и умный юноша, но *настоящий Ленской, студент Гёттингенской* (выделенные слова написаны Павлом Кривцовым по-русски. — А. К.-М.). Я восхищён возможностью быть ему хоть немного полезным и сделать для него то, что его отец сделал для меня»³⁶. И далее важная приписка, положительно сказавшаяся на дальнейшей судьбе Тургенева: «Если вы увидите в Москве его мать, передайте ей мои комплименты, но *воспрепятствуйте её приезду в Италию* (выделено мной. — А. К.-М.)»³⁷.

Оставшимся в России Кривцовым, судя по всему, удалось отговорить Варвару Петровну немедленно ехать вслед за сыном в Рим, однако она ещё долго выражала крайнее неудовольствие внезапным отъездом Ивана за границу. Даже полгода спустя она всё ещё не могла успокоиться и 16 июня 1840 г. писала сыну: «Я отпустила тебя в Петербург и курсы твои кончить, и с братом жить. Тебе стало скучно жить с братом, курсы ты в Петербурге не хотел кончить, уверяя меня, что у тебя книг нету, — как будто кроме тебя в Петербурге уже никто не держит экзамены в магистры. <...> Я думаю, просто тебе соскучилось и захотелось в Италию, к чему тут вмешался Кривцов и на что ты ему был нужен, этого я уже не понимаю»³⁸. В одном из следующих писем, от 25 июля 1840 г., она вновь вернулась к навязчивой теме: «Отец

бы потребовал у тебя строгого отчёта твоих занятий и деяний, при отце бы и Кривцов не посмел бы — не приберу слова — подманить. Я, право, не понимаю, что Кривцов-то тут, почему? К чему? На что он тут вмешался? Всё это глупо вышло»³⁹.

Сам Тургенев припомнил своё зимнее путешествие 1840 г. с Кривцовым от Санкт-Петербурга до Вены в письме к М.А. Бакунину в конце того же года: «Как для меня значителен 40-й год! <...> Вообрази себе — в начале января скачет человек в кибитке по снегам России. В нём едва началось брожение — его волнуют смутные мысли; он робок и бесплодно-задумчив»⁴⁰. «С ним едет толстый человек, — продолжает Тургенев, — секретарь посольства, пробивший по-своему себе дорогу, человек рассудка — и желудка, попавший в милость, поверхностно насмешливый <...> презирующий философию и честолюбивый <...> упрямый по слабости, профан в искусстве. Они едут — расстаются в Вене. Молодой человек остаётся десять дней в жирной столице Австрии и приезжает в Италию, в Рим»⁴¹.

Досрочное расставание в Вене (первоначально, как мы помним, Тургенев собирался составить компанию Кривцову до самого Рима) объясняется, скорее всего, тем, что педантичный, обстоятельный, покровительственно держащий себя Кривцов («человек рассудка — и желудка») попросту наскучил независимому и импульсивному Тургеневу. Тот, считавший себя уже чуть ли не «профессиональным антиковедом», учеником самого академика Цумпта, похоже, никак не мог смириться с этим вопиющим, на его взгляд, парадоксом: «профан в искусстве» назначен на должность «начальника русских художников», и не где-нибудь, а в великом Риме!

Итак, проведя десять дней в Вене (об этой декаде в «жирной столице Австрии» нам, увы, ничего не известно), Тургенев в первых числах февраля 1840 г. прибывает в Рим. Он, как и мечтал, въехал в Вечный город сам, в торжественном уединении, а не в экипаже чиновника-родственника. Тургенев пробудет в Риме до 12 (24) апреля — более двух месяцев, то есть значительно дольше, чем первоначально предполагал⁴².

Приехав в Рим, Тургенев первым делом нашёл квартиру своих знакомых по Берлину (русскую семью Ховриных), снимавших в городе весь четвёртый этаж в доме по адресу: виа Понтефичи, 57. Двадцать лет назад богатый пензенский помещик и отставной гусарский подполковник, участник Отечественной войны и зарубежных походов Николай Васильевич Ховрин встретил в Пензе юную Марию Лужину и женился на ней. В 1820-е гг.

34 Гершензон М.О. Декабрист Кривцов и его братья // Он же. Избранное. Т. 2. С. 326.

35 Там же. С. 326–327.

36 Гершензон М.О. Мечта и мысль И.С. Тургенева // Он же. Избранное. Т. 3. 2000. С. 556.

37 Там же.

38 Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем. Письма. Т. 1. С. 454.

39 Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем. Письма. Т. 1. С. 454.

40 Там же. С. 162.

41 Там же.

42 Кара-Мурза А.А. Знаменитые русские о Риме. М.: Изд-во О. Морозовой, 2014. С. 189–199.

пензенское имение Ховриных Саловка (Сергиевское) славилось далеко за пределами края как своей хлебосольностью, так и исключительной красотой, умом и обаянием хозяйки, Марии Дмитриевны Ховриной-Лужиной; частыми гостями этого «дворянского гнезда» были Д.В. Давыдов, князь П.А. Вяземский, Е.А. Баратынский, юный Н.П. Огарев. В семье Ховриных подрастали трое детей: дочери Александра и Лидия и сын Леонид.

Дождливой весной 1840 г. Тургенев встретил у Ховриных небольшое общество, каждый из членов которого стал близким для него человеком. Непременным посетителем салона был русский исторический живописец Алексей Тарасович Марков, квартира-студия которого на викола дель Бабуино, 7, рядом с пьядца дель Пополо, стала на время пунктом переправки корреспонденции Тургенева. В своё время Алексей Марков, воспитанник Императорской Академии художеств, за успехи в рисовании и живописи был оставлен при Академии, а в 1830 г. за картину «Сократ перед своей кончиной беседует с учениками о бессмертии души» был удостоен Большой золотой медали и отправлен за казённый счёт в Италию. В 1834–1836 гг., более двух лет, Марков копировал в папских апартаментах в Ватикане фреску Рафаэля «Пожар в Борго». Потом писал в Риме картины «Фортуна и нищий» и «Христианские мученики в Колизее», за которые получил звания профессора и академика Академии художеств, а от студентов — неформальное прозвище Колизей Fortunатович. Старший брат Алексея Маркова, Михаил Тарасович, тоже художник и пенсионер Российской Академии художеств, умер в Риме в 1836 г.

Практически ежевечерне бывали у Ховриных польский композитор и пианист Брингинский, лечившийся в Италии от туберкулеза, близкий друг Ференца Листа, и уже знаменитый к тому времени немецкий художник Карл Рундт, живший в Италии с конца 1820-х гг. и прославившийся пейзажами Рима, а также видами Венеции, Неаполя и Палермо. Такие блестящие знатоки Рима, как Марков и Рундт, друзья-одногодки, и стали первыми «чичероне» Тургенева по Вечному городу. А в начале марта 1840 г. в римской квартире Ховриных появились новые гости: из Флоренции приехали знакомые Тургенева по Берлину: философ и литератор Н.В. Станкевич, к тому времени уже, увы, смертельно больной чахоткой⁴³, и географ А.П. Ефремов⁴⁴.

43 Жукова О.А. К интеллектуальной истории русского европеизма // Философские науки. 2014. № 1. С. 103–115.; Она же. Философия культуры Николая Станкевича: к вопросу о русском европеизме // Вопросы философии. 2014. № 7. С. 81–89.

44 Немного оправившись в Риме, Н.В. Станкевич в сопровождении Варвары Дьяковой (в девичестве Бакуниной) и Александра Ефремова отправился — через Флоренцию и Геную — к ломбардскому озеру Комо для дальнейшего лечения. Однако в 40 милях к северу от Генуи, в городке Нови-Лигуре, Станкевич скончался в ночь с 24 на 25 июня 1840 г.

Как мы помним, юный Тургенев, начитавшийся в начале зимы 1839 г. в Петербурге наполненных эротикой «Римских элегий» Гёте, мечтал отправиться в Рим и там «влюбиться»⁴⁵. В те недели в Вечном городе он действительно серьёзно увлекся старшей дочерью Ховриных — 17-летней Сашенькой по прозвищу Шушу, — девушкой, склонной к религиозности, музыкально и поэтически очень одарённой и ставшей впоследствии известной детской писательницей на религиозные темы А.Н. Бахметевой (по мужу).

О своём увлечении Шушенькой весной 1840 г. Тургенев, судя по всему, регулярно и в самых восторженных красках писал домой матери. Из этих не дошедших до нас писем Варвара Петровна, по-видимому, составила себе несколько преувеличенное представление о намерениях сына и даже начала собирать сведения о Ховриных. Её, конечно, насторожила репутация Марии Дмитриевны — интеллектуалки, поэтессы и держательницы популярного салона. Отговаривая сына от возможных matrimониальных планов, Варвара Петровна писала в Рим: «Дочь такой матери может быть хорошо учёна, невинна, умна, но! — она не будет помнить правила матери, потому что у матери правил никаких нету. <...> Она не будет уметь умереть для мужа и пользы детей. Она не будет друг мужу, и после его смерти не уметь будет кончить начатое отцом воспитание. <...> А эти поетки (так Тургенева называла женщин, склонных к сочинительству. — А. К.-М.) <...> Ох! Выйдет Шаховская (Варвара Петровна так и не смогла простить покойному мужу его последнее увлечение. — А. К.-М.). Уморят и умрут — и детей оставят своих и чужих сирых»⁴⁶.

То, что у Варвары Петровны были всё-таки некоторые основания подозревать сына в намерениях жениться, подтверждают некоторые фрагменты из римских писем Н.В. Станкевича к его друзьям Фроловым во Флоренцию: «У Ховриных мы бываем почти каждый вечер... Тургенев рассказывает всегда что-нибудь примечательное. Вчера сказал он нам, что видел во сне, будто женится на Шушеньке, но уверял, что он боялся этого брака...» (из письма от 26 марта 1840 г.); «Тургеневу не снится более Шушу, но вчера вечером, наяву, он с одушевлением говорил о её красоте» (из письма от 11 апреля 1840 г.) и т. д.⁴⁷

45 Эта тема «поехать за границу — и там влюбиться» с лёгкой руки Тургенева станет популярной среди русских литераторов. Со временем «традиционные места» — Рим и Париж — заменил, например, Неаполь. В апреле 1891 г. ироничный Антон Чехов писал родным: «Завтра еду в Неаполь. Пожелайте, чтобы я встретился там с красивой русской дамой, по возможности с вдовой или разведённой женой. В путеводителях сказано, что в путешествии по Италии роман непременно условие. Что ж, чёрт с ним, я на всё согласен. Роман так роман». См.: Кара-Мурза А.А. Знаменитые русские о Неаполе. М.: Изд-во О. Морозовой, 2016. С. 233.

46 Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем. Письма. Т. 1. С. 455.

47 Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830–1840 / ред. и изд. А. Станкевича. М., 1914. С. 350, 355.

Именно Сашенька Ховрина станет впоследствии прототипом Лизы Калитиной в романе Тургенева «Дворянское гнездо», начатого поздней осенью 1857 г. в том же Риме — городе, навеявшем автору спустя 17 лет массу воспоминаний⁴⁸. Интересно, что именно в 1857 г. А.Н. Ховрина, ставшая в замужестве Бахметевой, напишет книгу, которая принесёт ей всероссийскую известность, — «Рассказы для детей о земной жизни Спасителя и Господа нашего Иисуса Христа» (до революции эта книга выдержала 12 переизданий). Тургенев, внимательно следивший за литературными новинками на родине, очень вероятно, знал об успешном литературном дебюте Бахметевой-Ховриной.

Если внимательно вчитаться в текст романа «Дворянское гнездо», ставшего поистине рубежным в творчестве Тургенева, то можно заметить, что сам общий абрис «гнезда» литературных Калитиных вызывает ассоциации с историей, случившейся с молодым Тургеневым в Риме в феврале – апреле 1840 г. Автор даже посчитал нужным сохранить имя и отчество матери Лизы Калитиной: «Мария Дмитриевна» — именно так, как мы помним, звали Ховрину-старшую, у которой, в точности, как и у литературной Марии Дмитриевны Калитиной, в семье было трое детей — две дочери и сын, учившийся в Петербурге.

Однако решающим аргументом в пользу нашей версии⁴⁹ является тот факт, что Тургенев включил в канву романа «Дворянское гнездо» своё собственное стихотворение, которое он в 1840 г. посвятил Александре Николаевне Ховриной. Речь идёт о произведении «Луна плывет над дремлющей землёю», которое имеет подзаголовок «К А.Н.Х.».

Луна плывёт над дремлющей землёю
Меж бледных туч,
Но движет с вышины волной морскою
Волшебный луч.
Моей души тебя признало море
Своей луной,

48 Третьего января 1858 г. Тургенев писал из Рима в Санкт-Петербург графине Е.Е. Ламберт: «Я теперь занят другою, большою повестью, главное лицо которой — девушка, существо религиозное...» (Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем. Письма. Т. 3. М.: Наука, 1987. С. 283).

49 Чаще всего историки-краеведы называют среди прообразов литературной Лизы Калитиной (в конце тургеневского романа, как известно, ушедшей в монастырь) орловских девушек: Евдокию Коротневу, жившую некогда в крайнем доме по улице Верхне-Дворянской и из-за несчастной любви постригшейся в монахини в 19 лет; игуменью Введенского женского монастыря Серафиму (в миру Варвару Соковнину); игуменью Антонию — мценскую помещицу Александру Соколову и т. д. См., например: *Александрова Л.М.* Тургенев в Орле. Орёл: Изд-во А.В. Воробьева, 2008; *Седойкина К.А.* Заповедная зона // Орловская правда. 2004. 8 октября).

И движется и в радости и в горе
Тобой одной.
Тоской любви и трепетных стремлений
Душа полна;
И тяжко мне; но ты чужда смятений,
Как та луна⁵⁰.

Это стихотворение Тургенев окончил, по-видимому, на курорте Мариенбад в Богемии в начале осени и оттуда переслал в Берлин своим друзьям М.А. Бакунину и А.П. Ефремову в большом послании от 20 сентября 1840 г.⁵¹ А в начатом в Риме романе «Дворянское гнездо» он в первой же сцене и с минимальными изменениями вложил это стихотворение в уста своего героя Владимира Николаевича Паншина⁵², красивого и беззаботного молодого человека, поющего любовный романс собственного сочинения, посвящённый Лизе Калитиной⁵³.

Можно даже предположить, при каких именно обстоятельствах и даже какого примерно числа Тургеневу весной 1840 г. пришла мысль написать стихотворный этюд о «плывущей луне» и «морской волне», посвящённый Сашеньке Ховриной. В двадцатых числах апреля он вместе с Ховриными ездил из Рима в Неаполь, где путешествовал по побережью залива, а в начале мая Тургенев отправился в обратный путь на север и, не заезжая в Рим, через города Чивитавеккья и Ливорно приплыл парохомом в Геную, откуда 8 мая написал остававшемуся в Риме Н.В. Станкевичу. В этом письме, переданном адресату через художника Маркова, в частности, говорится: «Что, батюшка, ей-богу — престранная вещь: так привык слышать каждый день голосок Шушу (Александры Ховриной. — А. К.-М.) — что теперь и грустно. Что ещё страннее — так это то, что я почти никогда не говорил с ней более трёх минут сряду — а так было приятно быть в одной комнате с ней: извините — однажды я с ней говорил долее; это было во

50 Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем. Т. 1. С. 339.

51 Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем. Письма. Т. 1. С. 151.

52 В «Дворянском гнезде» Паншин изображён Тургеневым с иронией и, разумеется, с оттенком самоиронии, ибо тот слишком напоминает самого автора в ранней молодости: «очень недурён собою, всегда здоров и на всё готов»; «мило пел, бойко рисовал, писал стихи, весьма недурно играл на сцене» (Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем. Т. 6. М.: Наука, 1981. С. 15).

53 По сравнению с литературным оригиналом 1840 г. в романе Паншина из «Дворянского гнезда» Тургенев чуть изменил несколько строк: строфу 1 («Луна плывет высоко над землёю...»); строфу 9 («Тоской любви, тоской немых стремлений...»); строфу 11 («Мне тяжело... Но ты чужда смятений...») (Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем. Т. 6. С. 17).

время возвращения из Сорренто, вечером, — ехав вдоль морского берега (курсив мой. — А. К.-М.)»⁵⁴.

Итак, согласно нашей версии, толчком к написанию Тургеневым стихотворения «Луна плывёт над дремлющей землёю...», посвящённого Александре Ховриной и вошедшего потом в «Дворянское гнездо» в виде романса, спетого Лизе Паншиным, явилось их совместное возвращение в открытой коляске из Сорренто в Неаполь — по ночной, освещённой луной дороге, вдоль берега Неаполитанского залива.

Римская весна 1840 г. останется в памяти Тургенева. Общение с семейством Ховриных, благоговейное преклонение перед умом и не поблекшей к сорока годам красотой Марии Дмитриевны и — особенно — влюблённость в Шушеньку, пусть и безответная⁵⁵, не могли не сказаться на характере будущего писателя, оставившего нам неповторимые женские образы.

Эту сокровенную сторону мироощущения Тургенева тонко подметил близко знавший его П.В. Анненков: «Никто не замечал меланхолического оттенка в жизни Тургенева, а между тем <...> ему недоставало женской любви и привязанности, которых он искал с ранних пор»⁵⁶. И далее Анненков приводит любимое выражение Тургенева, которое не раз слышал от него самого: «Общество мужчин без присутствия доброй и умной женщины походит на тяжёлый обоз с немазаными колёсами, который раздражает уши нестерпимым, однообразным своим скрипом...»⁵⁷.

54 Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем. Письма. Т. 1. С. 151.

55 Летом 1865 г. в Спасском-Лутовинове И.С. Тургенев вспоминал о юной Александре Ховриной: «Она была очень мила и, кажется, втайне чувствовала большую симпатию к Станкевичу, который отвечал ей дружеским, почти отеческим чувством» (цит. по: Тургенев И.С. Воспоминания о Н.В. Станкевиче // Он же. Полное собрание сочинений и писем. Т. 5. М.: Наука, 1980. С. 362).

56 Анненков П.В. Николай Владимирович Станкевич. Переписка его и биография. М.: Типография Каткова и Ко, 1857. С. 91–92.

57 Там же. С. 92.

Le relazioni culturali fra la Russia e l'Italia: per i 200 anni dalla nascita di Turgenev

Traduzione di Francesca Lazzarin

«Noi due amanti siamo ora come un popolo intero...»

(I.S. Turgenev. Dalle “*Elegie romane*” di J.W. Goethe, 1846)

Il 20 settembre 1833¹, dopo aver superato i relativi esami, un Ivan Turgenev non ancora quindicenne fu ammesso a frequentare a proprie spese la Facoltà di Lettere dell'Università Imperiale di Mosca². A quel tempo, per quanto sembri strano, il giovane Turgenev spiccava tra i suoi coetanei (fra i quali figuravano future celebrità come Michail Katkov, Jurij Samarin e Fedor Buslaev) per la sua conformazione fisica molto minuta. «A quindici anni non ero più alto di un bimbo di sette anni» avrebbe poi confessato Turgenev, ormai anziano, a uno dei suoi amici più cari³.

Nella vita del futuro scrittore sopraggiunsero dei cambiamenti nella seconda metà del 1834, quando, appena terminato il primo anno di studi all'Università di Mosca, Turgenev si trasferì con il padre a San Pietroburgo: «Dopo il mio quindicesimo compleanno si compirono dei mutamenti incredibili. Mi ammalai. In tutto il mio corpo si diffuse una terribile debolezza, smisi di dormire, persi l'appetito, e una volta guarito mi ritrovai cresciuto di quasi un'intera aršina (più di 70 centimetri — A.K.)»⁴. Una breve descrizione di questo fatto

1 Di seguito riportiamo le date di tutti i fatti accaduti nel territorio dell'Impero Russo, così come delle lettere scritte in Russia, basandoci sul calendario giuliano, o “stile antico”. Allo stesso modo, tutti i fatti legati all'Italia e alla Germania saranno datati secondo il calendario gregoriano (“nuovo stile”) in auge in Europa.

2 M.K. Kleman, *Letopis' žizni i tvorčestva I.S. Turgeneva. 1818–1883* [Cronaca della vita e delle opere di I.S. Turgenev. 1818–1883], Moskva 1934, p. 21.

3 D.N. Sadovnikov, *Vstreči s Turgenevym* [Incontri con Turgenev], in «Sovremennoe prošloe», n. 1, 1923, p. 117.

4 *Ibidem*.

straordinario è presente nell'appunto autobiografico "Memoriale", del 1835: "Capodanno a San Pietroburgo. Maladie de croissance"⁵.

La causa di questa "malattia della crescita" è in primo luogo da ricercare nelle circostanze drammatiche in cui versava la famiglia Turgenev. Il 30 ottobre 1834, a causa dell'aggravarsi di una patologia delle vie urinarie, morì, a 41 anni non ancora compiuti, Sergej Nikolaevič, padre dello scrittore. Le sofferenze sul letto di morte di quello che era stato un prestante colonnello furono ulteriormente complicate dall'intricata relazione con il suo "ultimo amore", ovvero la principessa e poetessa Ekaterina Šakovskaja. Stanca dei tradimenti del marito, la madre del giovane Turgenev, l'eccentrica Varvara Petrovna che un anno prima aveva partorito in Italia la figlia Varja con l'aiuto del medico di fiducia A.E. Bers, partì per un nuovo e lungo viaggio tra Alpi e Appennini; sarebbe ritornata in Russia solo nel giugno 1835⁶.

Il risultato di questo dramma familiare, unito alla seria patologia che aveva colpito il futuro scrittore nell'inverno a cavallo tra il 1834 e il 1835, non consistette solo in una trasformazione fisica: «Allo stesso tempo» ricorda Turgenev «si compì anche una rinascita spirituale. Prima neanche sapevo cosa fosse la poesia. E poi è come se mi fossi scrollato di dosso la matematica (prima il giovane Turgenev andava a dormire tenendo sotto il cuscino il manualetto di matematica e geometria di L.B. Franker — A.K.). Ho iniziato a fantasticare e a scrivere versi»⁷.

Il primo esperimento letterario di Turgenev coincise proprio con la malattia che avrebbe ucciso suo padre: si tratta del poema drammatico "Steno"⁸, che, stando alle note dell'autore, iniziò ad essere redatto il 21 settembre 1834 e fu terminato il 13 dicembre dello stesso anno⁹. Il poema, che riecheggia chiaramente Byron e Schiller¹⁰, è ambientato in Italia, terra verso cui anelava-

5 I.S. Turgenev, *Polnoe sobranie sočinenij i pisem v tridcati tomach. Sočinenija v dve-nadcati tomach* [Opere complete in trenta volumi. Opere letterarie in dodici volumi], t. II, Nauka, Moskva 1983, p. 197.

6 Secondo N.M. Černov, che ha studiato le lettere di Varvara Turgeneva ai figli che ci sono pervenute, Varvara Petrovna era convinta che dopo la storia d'amore con la principessa Šachovskaja suo marito avesse «posto fine alla sua vita con una morte violenta». N.M. Černov, *Povest' I.S. Turgeneva "Pervaja ljubov" i ee real'nye istočniki* [Il racconto di I.S. Turgenev "Primo amore" e le sue vere fonti], in «Voprosy literatury», n. 9, 1973, pp. 234–236.

7 D.N. Sadovnikov, op. cit., pp. 117–118.

8 I.S. Turgenev, *Polnoe sobranie sočinenij i pisem v tridcati tomach. Sočinenija v dve-nadcati tomach* [Opere complete in trenta volumi. Opere letterarie in dodici volumi], seconda edizione riveduta e integrata, t. I, Nauka, Moskva 1978, pp. 333–383.

9 *Ivi*, p. 531.

10 M.O. Geršenzon, *Mečta i mysl' I.S. Turgenev* [Sogni e pensieri di I.S. Turgenev], in Id., *Izbrannoe* [Lavori scelti], t. 3, Universitetskaja kniga, Moskva-Jerusalem 2000, pp. 247–251; S. Orlovskij [S.N. Šil']. *Lirika molodogo Turgeneva: opyt opisanija* [La lirica del giovane Turgenev. Un tentativo di descrizione], Plamja, Praga 1926, p. 59.

no i pensieri del giovane Turgenev (che all'Università si era specializzato in filosofia e letteratura antica), e dove, anche nella realtà, si era recata più volte l'amatissima madre del futuro scrittore. Sulla scelta della tematica italiana influì evidentemente anche il grande successo della fantasia drammatica di Nestor Kukul'nik "Torquato Tasso", pubblicata nel 1833¹¹.

Ricordiamo che lo "Steno" turgeneviano si apre sullo sfondo di un Colosseo illuminato dalla luna, tra le cui rovine il tipico eroe romantico recita il suo monologo notturno: «Laggiù in lontananza il Tevere risplende d'argento; sopra di esso / Si chinano i cipressi in gran segreto, / Cullando le foglie argente... / E Roma giace, come se fosse coperta da un sudario; / Laggiù tutto è vuoto, tutto è morte, come in una tomba; / E qui sonnecchia minaccioso il Colosseo, / Stagliandosi nero sull'azzurro cupo della volta celeste!»¹².

Le righe successive, vergate dall'allora sedicenne Turgenev, potrebbero essere considerate il frutto di un'esaltazione poetica più che giustificabile per un ragazzo della sua età, se non sapessimo che il loro giovane autore, all'epoca, era davvero gravemente malato: «I secoli si sono susseguiti, taciti e sanguinari, nei cieli di Roma <...> / Ma tu sei rimasto, mio Colosseo!.. / Muro sacro!»¹³; la fine della scena, dunque, non appare più un'eccessiva forzatura: «Sto male, il mio cuore piange... si fa buio... / Tutt'intorno a me... O... Steno... la morte è questa...». E più avanti troviamo la notazione dell'autore «Cade a terra privo di sensi»¹⁴.

Ovviamente, le parti successive del poema, che presentano sbavature stilistiche e una lunga serie di incongruenze (solo per fare un esempio, Steno viene rinvenuto mezzo morto all'interno del Colosseo da Giacomo e Giulia, fratello e sorella che lo portano a braccia nella loro capanna di pescatori sulla riva del caldo mare italiano — *sic!*), avrebbero presto spinto un Turgenev ormai

11 I.G. Jampol'skij, *Poezija I.S. Turgeneva*, in I.S. Turgenev, *Stichotvorenija i poemy* [Opere poetiche], Sovetskij Pisatel', Leningrad 1970, pp. 5–59, in particolare pp. 8–9.

Persino V.K. Kjučel'beker, amico stretto di Puškin che all'epoca era recluso nella fortezza di Sveaborg, scrisse nel suo diario che l'opera di Kukul'nik sul grande poeta italiano era «la migliore tragedia in lingua russa, considerando anche il "Godunov" di Puškin, che è certo molto più profondo e maturo, meglio architettato, coraggioso e potente nel suo soggetto e nei suoi dettagli, ma per contro è freddo: fa troppo pensare a un'imitazione di Shakespeare, è troppo estraneo a quella totale abnegazione senza cui non vi può essere vera poesia». *Dnevnik V.K. Kjučel'bekera. Materialy k istorii russkoj literaturnoj i obščestvennoj žizni 10–40 godov* [Il diario di V.K. Kjučel'beker. Materiali per una storia della vita letteraria e sociale russa tra gli anni '10 e gli anni '40], Leningrad 1929, p. 233.

12 I.S. Turgenev, *Polnoe sobranie sočinenij i pisem v tridcati tomach*, op. cit., t. I, p. 334.

13 *Ivi*, p. 338.

14 *Ibidem*.

adulto a guardare con non poca ironia al suo primo esperimento letterario. Negli anni della maturità, precisamente nel bozzetto “Una serata letteraria da P.A. Pletnev” (1869), lo scrittore avrebbe definito lo “Steno” un «testo di assoluta stupidità»¹⁵.

A onor del vero, dobbiamo aggiungere che Michail Geršenzon, uno degli studiosi più originali dell’opera di Turgenev, riconobbe dei meriti a questo poema giovanile a tema italiano: «Lo ‘Steno’, imitazione non casuale del ‘Manfred’ byroniano, non costituisce un unicum tra i lavori di Turgenev: attraverso i poemi degli anni ’40 Turgenev si incammina coerentemente verso le sue opere più tarde, come se si trattasse *del primo anello di una sola catena, o della prima traccia di un’unica visione del mondo che si sarebbe sviluppata con l’esperienza*»¹⁶ (il corsivo è mio — A.K.).

Con il passare degli anni, la passione di Turgenev per l’antichità greca e latina non fece che aumentare. Nell’estate del 1836 lo scrittore terminò la Facoltà di Filosofia dell’Università di San Pietroburgo, precisamente presso il primo dipartimento (“Lettere”), in qualità di “Studente effettivo” (titolo rilasciato nella Russia zarista agli studenti universitari che avessero concluso tutti gli esami previsti, senza ricevere menzioni speciali — *N. d. T.*) e nel gennaio 1837 discusse con successo la sua tesi redatta in lingua latina e intitolata “Sull’epigramma in Omero”.

La fascinazione di Turgenev nei confronti del “dolce Meridione” e dell’“amore ardente del Sud” è evidente anche nella poesia del 1837 “Alla Venere medicea”¹⁷, che Petr Pletnev selezionò per la pubblicazione nella rivista “Sovremennik” (“Il contemporaneo”): «Non sei una nostra creatura! / No, solo ai focosi figli del Sud / è concesso suggerire fino all’ultima goccia / Il vino ardente del morbo d’amore!.. / Ma per noi questa tempesta di fuoco è estranea, oscura / Così come la lingua dell’amore e delle passioni, per noi non certo limpida. / La nostra anima è avvizzita...»¹⁸. Per l’allora diciannovenne Turgenev, contagiato dagli umori romantici, la “Venere medicea”, uno dei simboli artistici più noti del “dolce Meridione” (come sappiamo, questa scultura fu rinvenuta durante gli scavi presso la Villa di Adriano a Tivoli, per essere poi acquistata dalla famiglia fiorentina dei Medici), conservava sempre il suo fascino anche per le nuove generazioni dei “figli del Nord”: «Ed ancora corriamo da te a frotte... / Pieni di stupore alziamo gli occhi e ti ammiriamo... / Di nuovo regni! Hai avvinto / I figli di un paese lontano con la tua bellezza / Plastica, grande, immortale!»¹⁹.

15 I.S. Turgenev, *Polnoe sobranie sočinenij i pisem v tridcati tomach*, op. cit., t. II, p. II.

16 M.O. Geršenzon, *Mečta i mysl’ I.S. Turgenev*, op. cit., pp. 552–553.

17 I.S. Turgenev, *Polnoe sobranie sočinenij i pisem v tridcati tomach*, op. cit., t. I, p. II.

18 *Ibidem*.

19 *Ivi*, p. 12.

La contrapposizione giovanile tra il “cocente Meridione” e il “crepuscolare Settentrione”, dai cui freddi ben poco ospitali il poeta desidera continuamente fuggire, con il tempo sarebbe diventata un punto fermo anche delle opere mature di Turgenev. Ricordiamo, a titolo d’esempio, il frammento del romanzo “Alla vigilia” in cui si parla della netta dicotomia tra i “dolci greci” e gli “sciti dalla scorza dura”, tra le “antiche ninfe” e le “rusalke del Nord”, che il personaggio dello scultore Šubin chiama «creature di una fantasia fredda e spaventosa», «immagini nate nella claustrofobia dell’isba, nelle tenebre delle notti d’inverno...»²⁰. Le differenze tra le civiltà “del Nord” e del “Sud” sono copiosamente disseminate tra le pagine di Turgenev, il che ci permette di affermare che la sua opera è una peculiare prosecuzione delle tradizioni del “nordicismo” russo, le cui radici affondano in classici della letteratura come Gavrila Deržavin, Nikolaj Karamzin, Petr Vjazemskij²¹.

Com’è noto, tra il 1838 e il 1839 Turgenev continuò a studiare l’antichità greca e romana presso l’Università di Berlino, seguendo le lezioni di celebrità europee come il grecista Philipp Boeck e il latinista e accademico Karl Zumpt. Un biografo autorevole di Turgenev come Boris Zajcev scrisse così a proposito di questo periodo della vita dello scrittore: «Turgenev aveva una pazienza innata che gli permise di avere la meglio sia sul latino che sul greco. L’Università di Berlino gli fornì le conoscenze necessarie per quanto riguarda le lingue antiche, e per tutta la vita poté leggere senza problemi i classici nella loro versione originale»²². E fu davvero così: durante la sua ultima permanenza in Russia nel 1881, Turgenev, che allora aveva sessantatré anni, stando alle testimonianze del suo amico Jakov Polonskij «leggeva ancora in latino correttamente e con grande facilità»²³. Aveva dunque ragione Georgij

20 I.S. Turgenev, *Polnoe sobranie sočinenij i pisem v tridcati tomach. Sočinenija v dvenadcati tomach* [Opere complete in trenta volumi. Opere letterarie in dodici volumi], t. 6, Nauka, Moskva 1981, p. 168.

21 Cfr. A.A. Kara-Murza, *Rossija kak “Sever”. Metamorfozy nacional’noj identičnosti v XVIII–XIX vv.: G.R. Deržavin* [La Russia come “Nord”. Metamorfosi dell’identità nazionale nel XVIII e nel XIX secolo: G.R. Deržavin], in «Filosofskie nauki», n. 8, 2017, pp. 121–134; Id., “*Russkoe severjanstvo*” knjazej Vjazemskich (k voprosu o nacional’noj identičnosti) [Il “nordicismo russo” dei principi Vjazemskij. Sulla questione dell’identità nazionale], in «Voprosy filosofii», n. 3, 2018, pp. 7–13.

22 B.K. Zajcev, *Žizn’ Turgeneva* [Vita di Turgenev], in Id., *Sobranie sočinenij v pjati tomach* [Opere. In 5 volumi], t. 5, Russkaja kniga, Moskva 1999, p. 36.

23 Ja. P. Polonskij, *I.S. Turgenev u sebja v ego poslednij priezd na rodinu* [I.S. Turgenev a casa al momento dell’ultimo ritorno in patria], in AA.VV., *I.S. Turgenev v vospominanijach sovremennikov* [I.S. Turgenev nelle memorie dei suoi contemporanei], t. 2, Kudožestvennaja literatura, Moskva 1983, pp. 368–407, p. 392.

Knabe quando definiva Turgenev «il più vicino al mondo antico tra tutti gli scrittori russi dell'Ottocento»²⁴.

Alla fine dell'estate 1839, cedendo alle insistenze della madre, Turgenev fu costretto a tornare in Russia. In autunno e all'inizio dell'inverno si preparò ai suoi esami a San Pietroburgo, dove visse a casa del fratello maggiore Nikolaj, che prestava servizio nella capitale all'interno dell'artiglieria a cavallo. Ma l'idea di continuare a studiare in Europa e, forse, di recarsi anche in Italia, *in primis* a Roma, non abbandonò mai Turgenev.

Dalle lettere dello scrittore a Timofej Granovskij, suo compagno di corso più anziano all'università di Berlino, sappiamo che Turgenev trascorse il dicembre 1839 immerso nella lettura delle "Elegie romane" di Goethe: proprio in questo periodo alcune singole "elegie" (il nome originario del ciclo è "Erotica Romana") avevano iniziato a uscire sulle riviste letterarie pietroburghesi nella traduzione russa di Aleksandr Strugovščik²⁵.

Nella lettera di Turgenev a Granovskij del 4 dicembre 1839 leggiamo: «Non riesco a smettere di leggere Goethe. È una lettura che mi dà forza in queste giornate così fiacche. Quanti tesori continuo a scoprirvi!»²⁶. "Erotica Romana" sconvolse letteralmente Turgenev: «Che vitalità, che passione, che forza trasudano! Goethe è a Roma tra le braccia di una romana!...»²⁷. E più avanti: «Queste elegie scorrono come fuoco nelle mie vene, da quanta sete d'amore ho! Certo, sarà uno struggimento sterile, se il cielo non avrà pietà di me e non mi manderà la grazia cui anelo. Ma mi sembra che, innamorandomi, diventerei così buono, così puro, così sincero, così ricco! Con quale gioia

24 G.S. Knabe, *Turgenev, antičnoe nasledie i istina liberalizma* [Turgenev: l'eredità classica e la verità del liberalismo], in «Voprosy literatury», n. 1, 2005, pp. 84–110, p. 84.

25 Probabilmente, già nell'inverno 1839–1840 Turgenev aveva confrontato la traduzione di Strugovščik con l'originale di Goethe. Nel 1846, dopo aver affinato le proprie conoscenze della lingua tedesca, lo scrittore tentò di tradurre lui stesso la dodicesima "elegia" del ciclo "Erotica romana": «Io e te celebriamo la festa gioiosa / noi due amanti siamo ora come un popolo intero...». A suo tempo le "Elegie romane" avevano esercitato un forte influsso anche sul giovane Aleksandr Herzen: arrivato per la prima volta a Roma con la famiglia nel novembre 1847, Herzen aveva affittato per una considerevole somma di denaro (di cui, se non altro, disponeva) le stesse stanze di Via del Corso dove Goethe aveva vissuto e scritto tra il 1786 e il 1788. A.A. Kara-Murza, *Intellektual'nye portrety. Očerki o russkich političeskich myslitel'jach XIX–XX vv.* [Ritratti intellettuali. Saggi sui pensatori politici russi del XIX e del XX secolo], Institut filosofii RAN, Moskva 2006, pp. 5–17.

26 I.S. Turgenev, *Polnoe sobranie sočinenij i pisem v tridcati tomach. Pis'ma v vosemnadcati tomach* [Opere complete in trenta volumi. Lettere in diciotto volumi], t. 1, Nauka, Moskva 1982, p. 144.

27 *Ibidem*.

inizierei a vivere, in compagnia dell'amore!»²⁸. «Lo capite, vero?» chiede poi, insistente, Turgenev a Granovskij «Non riderete di me per questo, vero»²⁹.

La lettura delle "Elegie romane" ebbe ripercussioni anche sul piano fisico: «Il battito del mio cuore si è fatto molto affannoso, e il dottore mi ha proibito le spezie, il tè, il caffè, la carne di vitello, il vino, i dolci e tutte le grandes émotions (in francese nel testo — *N. d. T.*). Ditemi, di grazia, che cosa mi è rimasto?...»³⁰.

E il 14 gennaio 1840 Ivan Turgenev, ormai ventunenne, scrisse al suo maestro, il professore universitario ed editore Aleksandr Nikitenko: «Sono partito per Roma, chi se lo sarebbe aspettato...»³¹.

Fu il lontano parente e amico della famiglia Turgenev Pavel Krivcov, diretto in Italia per prestare servizio all'interno della missione diplomatica russa nello Stato Pontificio, a convincere Turgenev ("blandendolo", come disse Varvara Petrovna dopo aver saputo quanto era successo) a recarsi nella Città eterna. A Krivcov, diplomatico giovane, ma già con una discreta carriera alle spalle, era stata assegnata allora una nuova carica: «Supervisore degli artisti russi mandati a Roma per perfezionarsi»³². Proprio a bordo della carrozza di Krivcov, pagata dal Ministero imperiale per gli Affari Esteri, Turgenev partì ancora una volta per l'Europa nell'inverno del 1840.

Le famiglie Turgenev e Krivcov erano imparentate, e le loro tenute vicino alla città di Orel, "Spasskoe" e "Timofeevskoe", erano vicine. Il colonnello della guardia a cavallo Sergej Turgenev, che aveva molti contatti a San Pietroburgo, si adoperò non poco per la carriera dei giovani Nikolaj e Pavel Krivcov all'interno dell'apparato statale. I Turgenev furono anche parte integrante della vita di Sergej Krivcov, che dopo la rivolta dei decabristi nel 1825 fu rinchiuso nella Fortezza di Pietro e Paolo e poi deportato in Siberia, dapprima nella terribile zona del fiume Turuchan; in seguito, grazie alle suppliche di parenti e amici, fu trasferito a Minusinsk (che al prigioniero sembrò una sorta di Italia) e infine nel Caucaso³³.

Pavel Krivcov iniziò a lavorare per la missione diplomatica russa a Roma nel 1826, inizialmente ricoprendo la modesta posizione di secondo segretario e dedicandosi perlopiù a "mangiarsi", nella città pontificia, i guadagni garantiti dalla tenuta di Orel. Solo nel 1834, tornato in Russia, Krivcov poté essere promosso al grado di primo segretario dell'Ambasciata con compenso pari a

28 *Ibidem*.

29 *Ivi*, p. 145.

30 *Ibidem*.

31 *Ivi*, p. 147.

32 Cfr. E.V. Kaštanova, *Načal'nik rad russkimi cbudožnikami v Rime P.I. Krivcov* [P.I. Krivcov, supervisore degli artisti russi a Roma], in «Voprosy istorii», n. 9, 2006, pp. 146–151.

33 M.O. Geršenzon, *Dekabrist Krivcov i ego brat'ja*, op. cit., pp. 283–294.

12000 rubli assegnazione. Il suo successivo avanzamento di carriera risale al periodo successivo al ben architettato matrimonio con la principessa Elizaveta Repnina, figlia del principe Repnin-Volkonskij, ex governatore militare della Piccola Russia che aveva viaggiato molto in Italia; il nonno della principessa Repnina, da parte di madre, era il conte Razumovskij.

Nel 1839, citando il biografo della famiglia Krivcov Michail Geršenzon, Pavel Krivcov arrivò nuovamente in Russia per «racogliere i frutti dei servigi che era riuscito a prestare alla famiglia dello Zar negli anni precedenti»³⁴. Nella logica della Russia imperiale, i suddetti “servigi” avevano enorme significato: in primo luogo, Krivcov era presente quando l’erede al trono Aleksandr Nikolaevič (il futuro Alessandro II — *N. d. T.*) era stato a Roma all’inizio del 1839; in secondo luogo, proprio Krivcov si era occupato, in Toscana, dell’acquisto molto conveniente di una grossa partita di marmo di Carrara per le nuove rifiniture del Palazzo d’Inverno, danneggiato da un incendio. Al momento della partenza per l’Italia il diplomatico russo, a cui era appena stata assegnata la nuova funzione, era di ottimo umore: entro la Pasqua gli era stato anche promesso il rango di consigliere di Stato³⁵.

Il 14 gennaio 1840, alla vigilia della partenza da San Pietroburgo, Krivcov parlò del viaggio in Italia con il giovane Turgenev in una lettera al fratello Nikolaj, redatta in francese: «Lascio San Pietroburgo in compagnia di Ivan Turgenev, che viene con me a Roma per trascorrervi un mese; poi viaggerà un poco in Italia e tornerà a Berlino per concludere i suoi studi. È un ragazzo colto e intelligente, *ma è un vero Lenskij, un vero studente di Goettingen!* (la parte in corsivo è in russo nel testo di Krivcov — *A.K.*). Sono felicissimo all’idea di potergli essere un poco utile, e fare per lui ciò che suo padre ha fatto per me»³⁶. Di seguito troviamo un importante poscritto che avrebbe avuto ripercussioni molto positive sul destino di Turgenev: «Se vedrete sua madre a Mosca, porgetele i miei saluti, ma *impeditele di venire in Italia* (il corsivo è mio — *A.K.*)»³⁷.

Evidentemente, i Krivcov rimasti in Russia riuscirono a dissuadere Varvara Petrovna dall’idea di seguire immediatamente il figlio a Roma, anche se la donna avrebbe espresso ancora a lungo il suo estremo disappunto per la partenza improvvisa del giovane Ivan. Non si rassegnò nemmeno dopo sei mesi, come vediamo in una lettera al figlio del 16 giugno 1840: «Ti ho lasciato andare a San Pietroburgo per finire i tuoi studi e vivere con tuo fratello. Ma vivere con tuo fratello ti è venuto a noia, i corsi a Pietroburgo non li hai voluti finire, con la scusa che non avevi libri con te, come se a parte te nessuno a

34 *Ivi*, p. 326.

35 *Ivi*, pp. 326–327.

36 M.O. Geršenzon, *Mečta i mysľ I.S. Turgenev*, op. cit., p. 556.

37 *Ibidem*.

Pietroburgo possa preparare degli esami... Credo che, semplicemente, tu ti annoiassi e dunque ti sia venuta voglia di andartene in Italia, e a quel punto si è immischiato Krivcov. A cosa gli servissi, poi, proprio non lo capisco»³⁸. In una delle lettere successive, datata 25 luglio 1840, Varvara Petrovna tornava al suo chiodo fisso: «Tuo padre ti avrebbe chiesto di rendere rigorosamente conto delle tue attività e occupazioni, e, se ci fosse stato lui, Krivcov non avrebbe osato, parlando senza eufemismi, blandirti così. Davvero non capisco, che vuole Krivcov? Perché si è immischiato? A che pro? Tutto ciò è assurdo»³⁹.

Lo stesso Turgenev ricorda il suo viaggio con Krivcov da San Pietroburgo a Vienna nell’inverno del 1840 in una lettera a Michail Bakunin risalente alla fine dello stesso anno: «Quanto ha significato per me il 1840!... Prova a immaginare: all’inizio di gennaio un uomo sfreccia in calesse tra le nevi russe. È tutto in fermento, lo agitano pensieri confusi, è ancora timido, riflette troppo e le sue riflessioni non lo portano da nessuna parte»⁴⁰. «Con lui viaggia un signore paffuto» continua Turgenev «un segretario d’Ambasciata, che a suo modo si è fatto strada, un uomo guidato dal giudizio e dallo stomaco, baciato dalla fortuna, allegro e superficiale... ambizioso e sprezzante nei confronti della filosofia, testardo per debolezza, un totale profano rispetto a ciò che è arte. Per ora viaggiano insieme, e si separeranno solo a Vienna. Il giovane resterà dieci giorni nella grassa capitale austriaca e poi arriverà in Italia, a Roma»⁴¹.

Il congedo anticipato a Vienna (inizialmente, come ci è dato di capire, Turgenev intendeva fare compagnia a Krivcov direttamente fino a Roma) si spiega, molto probabilmente, con il fatto che Krivcov, l’“uomo guidato dal giudizio e dallo stomaco”, pedante, pragmatico e protettivo nei confronti del suo giovane amico, era semplicemente venuto a noia all’intraprendente e impulsivo Turgenev; quest’ultimo, che si riteneva poco meno che un “antichista di professione” ed era allievo del grande accademico Zumpt, a quanto pare non riuscì ad accettare un paradosso a suo avviso eclatante, ovvero la nomina di un “profano dell’arte” alla carica di “supervisore degli artisti russi”, e non in un luogo qualunque, ma nella grande Roma.

Dunque, dopo aver passato dieci giorni a Vienna (di questo soggiorno nella “grassa capitale austriaca”, purtroppo, non ci è dato di sapere nulla), all’inizio del febbraio 1840 Turgenev giunse a Roma. Entrò nella “Città eterna” da solo, come aveva sognato di fare: in un solenne isolamento, e non nel calesse del suo parente funzionario. Lo scrittore sarebbe rimasto a Roma fino

38 I.S. Turgenev, *Polnoe sobranie sočinenij i pisem v tridcati tomach. Pis'ma v vosemnadcati tomach*, t. I, op. cit., p. 454.

39 *Ibidem*.

40 I.S. Turgenev, *Polnoe sobranie sočinenij i pisem v tridcati tomach. Pis'ma v vosemnadcati tomach*, t. I, op. cit., p. 162.

41 *Ibidem*.

al 12 (24) aprile, più di due mesi, vale a dire molto più a lungo di quanto avesse inizialmente previsto⁴².

Dopo essere arrivato a Roma, per prima cosa Turgenev trovò un appartamento di alcuni russi conosciuti a Berlino, ovvero della famiglia Chovrin, che affittava nella capitale italiana tutto il quarto piano di un edificio situato in Via Pontefici 57. Vent'anni prima Nikolaj Vasil'evič Chovrin, ricco possidente di Penza e tenente colonnello degli ussari a riposo che aveva partecipato alla guerra contro Napoleone e a diverse campagne militari russe all'estero, aveva incontrato la giovane Marija Lužina e l'aveva sposata. Negli anni '20 dell'Ottocento la tenuta dei Chovrin, Salovka (Sergievskoe), vicino a Penza, era nota ben oltre i confini della regione in cui si trovava, tanto per l'ospitalità che vi regnava quanto per l'eccezionale bellezza, intelligenza e fascino della padrona di casa, Marija Dmitrievna Chovrina-Lužina: tra gli ospiti fissi di questo "nido di nobili" vi furono Denis Davydov, il principe Petr Vjazemskij, Evgenij Baratynskij, il giovane Nikolaj Ogarev. Nella famiglia Chovrin crebbero tre bambini: le figlie Aleksandra e Lidija e il figlio Leonid.

Nella primavera piovosa del 1840 Turgenev incontrò a casa dei Chovrin una piccola compagnia, ognuno dei cui componenti diventò un suo intimo amico. Uno degli assidui frequentatori del salotto dei Chovrin era il pittore storico russo Aleksej Tarasovič Markov, il cui studio in Vicolo del Babuino 7, accanto a Piazza del Popolo, diventò provvisoriamente il punto di smistamento della corrispondenza di Turgenev. A suo tempo Aleksej Markov, che aveva studiato all'Accademia Imperiale di Belle Arti, era rimasto nella stessa Accademia grazie ai suoi successi nella pittura e nel disegno, e nel 1830, grazie al suo quadro "Socrate discute con i suoi allievi dell'immortalità dell'anima prima di perire", era stato insignito della Grande Medaglia d'Oro e mandato in Italia a spese dello Stato. Tra il 1834 e il 1836, per più di due anni, Markov fu impegnato a copiare l'affresco di Raffaello "Incendio a Borgo" negli appartamenti papali in Vaticano; dopodiché dipinse a Roma i quadri "La Fortuna e il Povero" e "Martiri cristiani al Colosseo", grazie ai quali ottenne il titolo di professore e accademico dell'Accademia di Belle Arti, oltre a ricevere dai suoi studenti il nomignolo informale di "Colosseo Fortunatovič". Il fratello maggiore di Aleksej Markov, Michail Tarasovič, anch'egli artista stipendiato dall'Accademia di Belle Arti, era morto a Roma nel 1836.

A casa dei Chovrin, inoltre, c'erano praticamente ogni sera il compositore e pianista polacco Bringinskij, che curava la sua tubercolosi in Italia ed era intimo amico di Ferenc Liszt, e l'artista tedesco Karl Rundt, all'epoca già piuttosto famoso, che viveva in Italia dalla fine degli anni '20 ed era celebre per i suoi paesaggi romani e per le sue vedute di Venezia, Napoli e Palermo. Degli eccellenti specialisti di Roma come Markov e Rundt, amici e coetanei, furono

42 A.A. Kara-Murza, *Znamenitye russkie o Rime* [Russi celebri su Roma], Izdatel'stvo O. Morozovoj, Moskva 2014, pp. 189–199.

i primi Ciceroni di Turgenev tra le vie della Città eterna. All'inizio del marzo 1840 nell'appartamento romano dei Chovrin fecero la loro comparsa dei nuovi ospiti: giunsero infatti da Firenze il filosofo e letterato Nikolaj Stankevič, che Turgenev aveva conosciuto a Berlino e che al momento dell'arrivo in Italia era già gravemente malato di tisi⁴³, e il geografo Aleksandr Efremov⁴⁴.

Come ricordiamo, il giovane Turgenev, che all'inizio dell'inverno 1839 a San Pietroburgo aveva letto e riletto "Elegie romane" permeate di erotismo, sognava di recarsi a Roma e di "innamorarsi"⁴⁵. Nelle settimane trascorse nella Città eterna, effettivamente, fu fortemente attratto dalla figlia maggiore dei Chovrin, la diciassettenne Sašen'ka, detta "Šuša". Si trattava di una ragazza tendente a una forte religiosità, di grande talento musicale e poetico, che successivamente, dopo aver preso il cognome del marito, sarebbe diventata la nota scrittrice di libri per bambini a soggetto religioso Aleksandra Bachmeteva.

A quanto ci è dato di sapere, nella primavera del 1840 Turgenev parlò della sua passione per "Šušen'ka" regolarmente, e in toni quanto mai entusiastici, nelle lettere spedite alla madre Varvara Petrovna. Sulla base delle missive in questione, che non ci sono pervenute, Varvara Petrovna si era evidentemente fatta un'idea distorta delle intenzioni del figlio, e aveva addirittura iniziato a prendere informazioni dettagliate sui Chovrin. Va da sé, a suscitare qualche sospetto era la reputazione di Marija Dmitrievna, intellettuale, poetessa e musa di un popolare salotto letterario. Cercando di dissuadere il figlio da possibili piani matrimoniali, Varvara Petrovna scriveva così nelle lettere inviate a Roma: «La figlia di una simile madre può essere ben istruita, innocente, intelligente, ma... non ricorderà mai le regole di sua madre, perché sua madre non ha

43 Cfr. O.A. Žukova, *K intellektual'noj istorii russkogo evropeizma* [Per una storia intellettuale dell'europismo russo], in «Filosofskie nauki», n. 1, 2014, pp. 103–115; Id., *Filosofija kul'tury Nikolaj Stankeviča: k voprosu o russkom evropeizme* [La filosofia della cultura in Nikolaj Stankevič: a proposito dell'europismo russo], in «Voprosy filosofii», n. 7, 2014, pp. 81–89.

44 Dopo aver trovato un poco di ristoro a Roma, Nikolaj Stankevič, accompagnato da Varvara D'jakova (prima del matrimonio il suo cognome era Bakunina) ed Aleksandra Efremova, si diresse verso il Lago di Como, passando per Firenze e Genova, allo scopo di essere sottoposto ad ulteriori cure. Ma sarebbe morto nella notte tra il 24 e il 25 giugno 1840, a quaranta miglia a nord di Genova, nella città di Novi Ligure.

45 Sulla base del modello fornito da Turgenev, il Leitmotiv "andare all'estero e trovarvi l'amore", sarebbe diventato molto popolare tra i letterati russi. Col passare del tempo, a "luoghi tradizionali" come Roma e Firenze subentrò, ad esempio, anche Napoli. Nell'aprile 1891 Anton Čechov, con non poca ironia, scrisse ai suoi parenti: «Domani vado a Napoli. Auguratemi di incontrarvi una graziosa dama russa, possibilmente vedova o divorziata. Nelle guide si dice che una storia d'amore è condizione imprescindibile per un bel viaggio in Italia. E allora bene, non dico di no. Che storia d'amore sia». Cfr. A.A. Kara-Murza, *Znamenitye russkie o Neapole* [Russi celebri su Napoli], Izdatel'stvo O. Morozovoj, Moskva 2016, p. 233.

nessuna regola... non sarà in grado di morire per il marito e per il bene dei figli. Non sarà un amico fidato per suo marito, e dopo la morte di lui non sarà capace di portare a compimento l'educazione dei figli iniziata dal padre... e queste poetucce (così Varvara Turgeneva chiamava le donne con un debole per la scrittura — *A.K.*), poi... Oh! Ne verrà fuori una Šachovskaja (come vediamo, Varvara Petrovna non riuscì mai a perdonare al defunto marito la sua ultima storia d'amore — *A.K.*). Persone come queste prima ti rovinano e poi crepano, lasciando orfani i bambini propri e altrui»⁴⁶.

Il fatto che Varvara Petrovna avesse comunque i suoi validi motivi per sospettare che il figlio volesse sposarsi è confermata da alcuni frammenti dalle lettere romane di Nikolaj Stankevič ai suoi amici Frolov, rimasti a Firenze: «Siamo dai Chovrin quasi ogni sera... Turgenev racconta sempre qualcosa di interessante. Ieri ci ha detto di avere sognato che si era sposato con Šušen'ka, ma ci ha assicurato che ha una gran paura di un simile matrimonio...» (da una lettera del 26 marzo 1840); «Turgenev non si sogna più Šuša, ma ieri sera, nella realtà, ha parlato con grande entusiasmo della sua bellezza» (da una lettera dell'11 aprile 1840); e così via⁴⁷.

Proprio Sašen'ka Chovrina avrebbe in seguito costituito il prototipo del personaggio di Liza Kalitina nel romanzo di Turgenev “Un nido di nobili”, iniziato nel tardo autunno del 1857 proprio a Roma, città che, 17 anni dopo il primo soggiorno, aveva risvegliato nell'autore un universo di ricordi⁴⁸. È interessante rimarcare che, proprio nel 1857, Aleksandra Chovrina (che dopo essersi sposata aveva preso il cognome di Bachmeteva) scrisse il libro grazie a cui sarebbe diventata famosa in tutta la Russia, ovvero i “Racconti per bambini sulla vita terrena del Salvatore e Nostro Signore Gesù Cristo”, che prima della Rivoluzione conobbero 12 ristampe. Turgenev, che seguiva attentamente le novità del mercato letterario in patria, molto probabilmente era a conoscenza dell'ottimo debutto di Aleksandra Bachmeteva-Chovrina.

Se leggiamo approfonditamente il testo di “Un nido di nobili”, che costituisce un autentico spartiacque nell'opera di Turgenev, possiamo notare che i tratti generali del “nido” dei Kalitin nel libro richiamano alcuni episodi del periodo trascorso dal giovane Turgenev a Roma tra il febbraio e l'aprile

46 I.S. Turgenev, *Polnoe sobranie sočinenij i pisem v tridcati tomach. Pis'ma v vosemnadcati tomach*, t. I, op. cit., p. 455.

47 *Perepiska Nikolaja Vladimiroviča Stankeviča. 1830–1840* [Carteggio di Nikolaj Vladimirovič Stankevič. 1830–1840], a cura di A. Stankevič, Moskva 1914, pp. 350, 355.

48 Il 3 gennaio 1858, da Roma, Turgenev scriveva così alla contessa Lambert a San Pietroburgo: «Ora mi sto occupando di altro, di un lungo racconto la cui protagonista è una ragazza, una creatura di grande religiosità...». I.S. Turgenev, *Polnoe sobranie sočinenij i pisem v tridcati tomach. Pis'ma v vosemnadcati tomach* [Opere complete in trenta volumi. Lettere in diciotto volumi], t. 3, Nauka, Moskva 1987, p. 283.

del 1840. L'autore ritenne addirittura necessario mantenere uguali il nome e il patronimico della madre di Liza Kalitina: “Marija Dmitrievna”. Proprio così, come già detto, si chiamava la madre di Aleksandra Chovrina, la quale, similmente al personaggio letterario di Marija Dmitrievna Kalitina, aveva tre figli, precisamente un figlio che studiava a San Pietroburgo e due figlie.

Tuttavia, l'argomentazione decisiva a supporto della nostra tesi⁴⁹ è il fatto che Turgenev abbia inserito nel tessuto di “Un nido di nobili” una poesia scritta di suo pugno, che nel 1840 era stata dedicata ad Aleksandra Nikolaevna Chovrina. Si tratta di “La luna nuota sopra la terra dormiente”, che presenta il sottotitolo “Ad A.N. Ch”.

Nuota la luna sopra la terra dormiente
Tra le pallide nubi
Ma il suo raggio magico muove dall'alto
Le onde del mare
Il mare della mia anima riconobbe in te
La propria luna
E si muove, nella gioia e nel dolore
Solo per te.
Di tristezza d'amore, di tristezza d'aneliti inquieti
È piena l'anima
Ed io soffro, ma tu sei estranea ai pianti
Come quella luna⁵⁰.

Turgenev, a quanto pare, terminò questa poesia all'inizio dell'autunno nella città termale di Marienbad, in Boemia, e da lì la spedì a Berlino ai suoi amici Michail Bakunin e Aleksandr Efremov, unitamente a una lunga missiva datata 20 settembre 1840⁵¹. Inoltre, nel romanzo “Un nido di nobili”, iniziato a Roma, inserì, con variazioni minime, la stessa poesia nella prima scena, dove

49 Nella maggior parte dei casi gli storici menzionano, tra le figure reali che avrebbero ispirato il personaggio di Liza Kalitina (alla fine del romanzo turgeneviano, come sappiamo, la ragazza si ritira in un convento), alcune fanciulle di Orel: Evdokia Korotneva, che all'epoca viveva in una casa alla periferia della città, in via Verchne-Dvorjanskaja, e a causa di un amore infelice si fece monaca a 19 anni; la superiora del convento di monache Serafima (al secolo Varvara Sokovnina); la superiora Antonija (che prima era la possidente del distretto di Mcensk Aleksandra Sokolova), e altre (si vedano, ad esempio, L.M. Aleksandrova, *Turgenev v Orle* [Turgenev a Orel], Izdatel'stvo A.V. Vorob'eva, Orel 2008 e K.A. Sedojkina, *Zapodvednaja zona* [Area protetta], in «Orlovskaja pravda», 8 ottobre 2004, p. 11.

50 I.S. Turgenev, *Polnoe sobranie sočinenij i pisem v tridcati tomach. Sočinenija v dvedadcati tomach*, t. I, op. cit., p. 339.

51 Id., *Polnoe sobranie sočinenij i pisem v tridcati tomach. Pis'ma v vosemnadcati tomach*, t. I, op. cit., p. 151.

la mise in bocca al protagonista Vladimir Nikolaevič Panšin⁵², un giovane bello e spensierato che all'inizio del libro canta una romanza d'amore composta da lui stesso e dedicata a Liza Kalitina⁵³.

Possiamo addirittura supporre, orientativamente, in quali circostanze e in quale giorno della primavera 1840 a Turgenev venne l'idea di scrivere una bozza di poesia sulla "luna che nuota" e sulle "onde del mare" dedicata a "Sašen'ka" Chovrina. Nell'ultima settimana di aprile, infatti, Turgenev partì da Roma per Napoli con Aleksandra Chovrina, con cui viaggiò per la costiera campana, e all'inizio di maggio si rimise in marcia verso nord. Senza passare per Roma, attraverso Civitavecchia e Livorno arrivò in nave a Genova, da cui, l'8 maggio, scrisse a N.V. Stankevič, che era invece rimasto a Roma. Nella lettera a Stankevič, recapitata al destinatario attraverso il pittore Markov, si diceva in particolare: «Che dire, vecchio mio, ve lo giuro, sta succedendo una cosa stranissima. Mi sono così abituato a sentire ogni giorno la voce dolce di Šuša (Aleksandra Chovrina — A.K.) che ora sono addirittura triste. Ma il fatto ancora più strano è che non ho quasi mai parlato con lei per più di tre minuti di fila, ma era comunque piacevolissimo stare con lei nella stessa stanza. Anzi no, aspettate, una volta ho parlato con lei più a lungo, è stato *mentre tornavamo da Sorrento, di sera, in riva al mare* (il corsivo è mio — A.K.)»⁵⁴.

Dunque, se la nostra versione è corretta, lo stimolo per la stesura della poesia "La luna nuota sopra la terra dormiente", dedicata ad Aleksandra Chovrina e inserita poi nel "Nido di nobili", dove si tratta di una romanza cantata a Liza da Panšin, fu il viaggio di ritorno da Sorrento a Napoli in una carrozza aperta, su una strada notturna illuminata dalla luna lungo la riviera del Golfo di Napoli.

La primavera romana del 1840 sarebbe rimasta ben impressa nella memoria di Turgenev. La frequentazione della famiglia Chovrin, la simpatia nei confronti dell'intelligenza e della bellezza, non ancora sfiorita a quarant'anni, di Maria Dmitrievna, e soprattutto l'innamoramento, seppur non ricambiato,

52 Nel "Nido di nobili" Panšin è rappresentato da Turgenev con non poca ironia e, s'intende, anche con un tocco di autoironia, dal momento che ricorda davvero moltissimo lo stesso autore negli anni della giovinezza: «non poco attraente, sempre sano e pronto a tutto»; «aveva una voce piacevole, un bel piglio nel disegnare, una discreta capacità di scrivere poesie e non poco talento scenico...». I.S. Turgenev, *Polnoe sobranie sočinenij i pisem v tridcati tomach. Sočinenija v dvedadcati tomach*, t. 6, op. cit., p. 15.

53 Rispetto all'originale del 1840, nella "romanza di Panšin" del "Nido di nobili" Turgenev cambiò leggermente alcune strofe: strofa I («La luna nuota su nel cielo»); strofa 2 («Tristezza d'amore, tristezza di aneliti muti...»); strofa II («Io soffro... ma tu sei estranea ai pianti...»). I.S. Turgenev, *Polnoe sobranie sočinenij i pisem v tridcati tomach. Sočinenija v dvedadcati tomach*, t. 6, op. cit., p. 17.

54 Id., *Polnoe sobranie sočinenij i pisem v tridcati tomach. Pis'ma v vosemnadcati tomach*, t. 1, op. cit., p. 151.

che "Šušen'ka"⁵⁵ aveva suscitato, non poterono che trovare un riflesso nel carattere del futuro scrittore, che tra le altre cose ci ha lasciato in eredità figure femminili indimenticabili.

Quest'angolo recondito dell'universo turgeneviano fu ben rimarcato da Pavel Annenkov, che conosceva bene lo scrittore: «Nessuno ha fatto caso alle sfumature malinconiche della vita di Turgenev, eppure egli non ottenne mai da una donna l'amore e l'affetto che cercava sin da giovane»⁵⁶. Annenkov cita anche una metafora molto amata da Turgenev, sentita più volte in bocca a Turgenev stesso: «Una compagnia di uomini dove non sia presente una donna buona e intelligente è simile a un pesante convoglio dalle ruote mal oliate, che ci dilania i timpani con il suo cigolio monotono e insopportabile...»⁵⁷.

55 Nell'estate del 1865 Turgenev, che si trovava a Spasskij-Lutovinov, lasciò questo ricordo della giovane Aleksandra Chovrina: «Era molto graziosa e, a quanto pare, nutriva in segreto una grande simpatia nei confronti di Stankevič, corrisposta da quest'ultimo con un sentimento di amicizia quasi paterno». I.S. Turgenev, *Vospominanija o N.V. Stankeviče* [Memorie su N.V. Stankevič], in Id., *Polnoe sobranie sočinenij i pisem v tridcati tomach* [Opere complete in trenta volumi], t. 5, Nauka, Moskva 1980, p. 362.

56 P.V. Annenkov, *Nikolaj Vladimirovič Stankevič, Perepiska ego i biografija* [Nikolaj Vladimirovič Stankevič. Carteggio e biografia], Tipografija Katkova i Ko, Moskva 1857, pp. 91-92.

57 *Ivi*, p. 92

Итало-российские соглашения о сотрудничестве в области науки и культуры

Перевод Анастасии Свотиной

ИТАЛО-РОССИЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: ОРГАНИЧЕСКАЯ СИСТЕМА, ОБРАЩЁННАЯ В БУДУЩЕЕ

Соглашения о сотрудничестве в области культуры и науки между Италией и Россией представляют собой прочную систему взаимодействия между двумя странами, которая имеет следующие основные характеристики: а) прежде всего, это система, преследующая политическую задачу по укреплению знаний и отношений между двумя государствами на основе «стремящегося к диалогу, конструктивного и инклюзивного подхода»¹, как определяет МИД Италии; б) это система, выстроенная в момент появления новой России в начале 1990-х гг., сразу же после распада СССР, и постепенно укреплявшаяся в последующие годы. В связи с этим важно упомянуть об одном обстоятельстве, имеющем большое значение для нашего обсуждения, обстоятельстве, которое вытекает из углублённого анализа совместных начинаний, а именно о том факте, что постепенное укрепление научного и культурного сотрудничества между Италией и Россией особенно усилилось в последние несколько лет, с тех пор как в 2014 г. политические отношения на глобальном уровне, напротив, вступили в фазу серьёзной напряжённости. Другими словами, чем сильнее в последнее время ухудшалась политическая обстановка, тем больше Италия и Россия объединяли усилия, чтобы укрепить своё научное и культурное сотрудничество; в) И наконец, необходимо отметить, что мы имеем дело с целостной системой взаимодействия, которая касается всех основных сторон прогресса и современной цивилизации, а также вопросов противодействия общим для народов обеих стран вызовам.

1 Отношения между Италией и Россией / Министерство иностранных дел и международного сотрудничества (MAECI). 2018. URL: https://www.esteri.it/mae/it/politica_estera/aree_geografiche/europa/i_nuovi_rapporti.html.

Кроме того, следует подчеркнуть значение некоторых важных моментов: научное и культурное сотрудничество между Италией и Россией не ограничивается взаимодействием государственных структур, но является открытым, более того, призывает организации гражданского общества к работе на основе принципов взаимодополняемости и совместного участия государства и частных лиц. Важен и другой факт: если, с одной стороны, в этом сотрудничестве подчёркивается значительный исторический опыт совместной работы в прошлом, то, с другой, подобное взаимодействие обращено преимущественно в будущее. Добавим, что такое сотрудничество всё более проявляется не только как содействие итало-российским отношениям, но и как вклад в развитие международного сообщества.

НЕКОТОРЫЕ ПОКАЗАТЕЛЬНЫЕ ПРИМЕРЫ

СФЕРА ОБРАЗОВАНИЯ

Образование — это не заполнение пустой посуды, но разжигание костра.

М. де Монтень

Законом № 214 от 7 декабря 2015 г. итальянский парламент ратифицировал соглашение между двумя правительствами, подписанное в Риме в 2009 г., о взаимном признании документов об образовании, выдаваемых в Итальянской Республике и в Российской Федерации. Соглашение признаёт «важность образования для развития общества», преследует цель «расширять академическую мобильность и развивать прямые контакты между образовательными учреждениями двух стран», желая «способствовать дальнейшему становлению общего европейского образовательного пространства»². На момент ратификации общеполитическая ситуация была напряжённой, а режим взаимных санкций между ЕС и Россией действовал уже около года. Но этот серьёзный факт не помешал итальянскому парламенту, руководствуясь принципом взаимности, открыть двери для российских студентов, желающих посещать итальянские высшие учебные заведения, получить высшее и послевузовское образование, а также действительные и признаваемые на международном уровне документы

2 Закон № 214 от 7 декабря 2015 г.: Ратификация и исполнение Соглашения между Правительством Итальянской Республики и Правительством Российской Федерации о взаимном признании документов об образовании, выдаваемых в Итальянской Республике и в Российской Федерации, заключённого в Риме 3 декабря 2009 г. // Газетта Уффичале. 2016. № 4. 7 января.

об образовании. Точно так же и перед преподавателями обеих стран открылась возможность совершенствовать свой опыт в обучении студентов и проведении исследовательской работы.

СФЕРА КУЛЬТУРЫ И ТУРИЗМА

В искусстве невозможное становится возможным.

И.В. Гёте

Я учусь путешествовать. Но учусь ли я жить?

И.В. Гёте

В октябре 2016 г. в условиях напряжённой и продолжающей ухудшаться из-за украинского кризиса политической ситуации правительства двух стран возобновляют работу «Российско-итальянского совета по экономическому, промышленному и валютно-финансовому сотрудничеству», приостановленную в 2012 г. По решению Совета рамки сотрудничества расширяются от экономики до сфер туризма и культуры. Пятого октября 2016 г. на XVI сессии Совета утверждается двустороннее соглашение, предусматривающее реализацию плана действий на 2017–2019 гг., где ставится задача по активизации совместной работы в области туризма и культуры с целью содействия распространению знаний о наших странах и их культурном наследии. Выделяются шесть приоритетных направлений, на которых обе стороны обязуются сосредоточить свои усилия: семейный туризм; горнолыжный туризм; эногастрономический туризм, молодёжный туризм; путешествия в исторические города-борги, путешествия к местам паломничества. План действий предусматривает также меры, направленные на укрепление контактов между российскими и итальянскими туристическими ассоциациями, упрощение бюрократических формальностей, обмен статистическими данными и информацией между соответствующими национальными организациями, разработку ежегодной программы мероприятий («дорожная карта»). В своих официальных заявлениях Министерство культурного наследия, культурной деятельности и туризма Италии неоднократно подчёркивает, что совместный план действий является инструментом для дальнейшего укрепления связей между Россией и Италией, между учреждениями и деятелями сферы культуры обеих стран.

Важно отметить, что культура и туризм являются одним из наиболее значимых факторов, положительно влияющих на отношения между государствами и народами. Никогда прежде в регионах и городах Италии не проводилось такое количество мероприятий, посвящённых русской культуре: художественные выставки, концерты, оперные постановки, кинофестивали,

конференции, совместные проекты. Многочисленные мероприятия, продвигаемые общими усилиями Италии и России, разъясняет Министерство иностранных дел Италии (2018 г.), направлены, в частности, на то, чтобы «содействовать лучшему пониманию традиций двух гражданских обществ»³.

Приведём пять характерных примеров мероприятий, организованных в 2018 г. на юге, в центре и на севере Италии. Развивая инициативу «Цивилизации Средиземноморья», автономная область Сардиния с целью продвижения стратегического культурного туризма при поддержке Министерства культурного наследия подписала многолетнее соглашение о сотрудничестве с Государственным Эрмитажем, в коллекции которого хранятся важные памятники Древнего мира, относящиеся также к средиземноморскому региону. Следует добавить, что это всего лишь один из многочисленных совместных проектов, проводимых в Италии крупнейшим российским музеем и его действующим директором Михаилом Пиотровским. Большое количество событий послужило поводом к следующему комментарию итальянской прессы: если футбол в 2018 г. на время чемпионата мира переехал в Россию, то русская культура переместилась в Италию, открывая перспективу совместного проведения множества выставок искусства, исследовательских проектов и стажировок для учёных. Важными примерами такого сотрудничества являются соглашения, которые Эрмитаж подписал с учреждениями культуры Неаполя и Милана. В области Апулия новость об открытии прямого рейса между Москвой и Бари, где находится базилика Святого Николая, была встречена как лучший способ сблизить две страны. Во Флоренции (Тоскана) выставка «Новый полёт на Солярис», организованная московским Музеем Анатолия Зверева и Фондом Ф. Дзеффирелли, посвящённая режиссёру Андрею Тарковскому, стала для посетителей приятной неожиданностью: фильм великого режиссёра был переосмыслен и интерпретирован с помощью выставки работ русских художников XX в. из коллекции этого мало знакомого итальянскому зрителю нового московского музея. В Венеции (Венето) университет Ка' Фоскари организовал первый доступный в сети виртуальный музей, посвящённый пребыванию в Италии в прошлом веке русских художников, для того, «чтобы воссоздать полную картину русского искусства в нашей стране»⁴. В Генуе (Лигурия) большим успехом пользуется выставка «Наес Est Civitas Mea. ЭТО МОЙ МИРЪ», на которой представлены картины воспитанников Российской академии живописи,

³ Культурное сотрудничество между Италией и Россией / Министерство иностранных дел и международного сотрудничества (МАЕСИ). 2018. URL: https://www.esteri.it/mae/it/politica_estera/aree_geografiche.

⁴ Виртуальный музей русского искусства в Италии: официальный сайт университета Ка' Фоскари. Венеция, 2018. URL: <http://www.russinitalia/artisti.php>.

ваяния и зодчества И.С. Глазунова. Одновременно в нескольких городах Лигурийского побережья организованы выставки, посвящённые открытию Италии русскими художниками. Список этих культурных начинаний получается очень длинным и свидетельствует о том, что связь между двумя народами со временем только укрепляется.

Параллельно с развитием сотрудничества в области культуры увеличивается и взаимный поток туристов. Согласно официальной статистике, в 2016 г. в Италии побывали 876 тыс. россиян (предприниматели и специалисты, индивидуальные туристы, пары с детьми, студенты). Число итальянских туристов, посетивших Россию, составило 200 тыс. человек. Возвращаясь к цифрам, можно утверждать, что количество приехавших в Италию россиян в 2016 г. побило все предыдущие рекорды. С нашей точки зрения, мы становимся свидетелями важного явления, противоположного ухудшению политической обстановки между Европейским союзом, членом которого является Италия, и Россией. Это происходит потому, что посещающие обе страны туристы могут по праву считаться настоящими послами культуры своих народов, которые, наряду с официальными дипломатами, вносят большой вклад в укрепление взаимного уважения и знаний друг о друге, в формирование «общего чувства», которое является основой любого мирного сосуществования. Возникающие в ходе поездок и открытий переживания, расширение горизонтов познания, выстраивание межличностных отношений служат наилучшим противовесом политической напряжённости и способны при любых обстоятельствах сдержать и ограничить её негативные последствия.

СФЕРА НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Практика всегда должна быть основана на хорошем знании теории.

Леонардо да Винчи

Первое соглашение о научно-техническом сотрудничестве между Италией и Россией было подписано 1 декабря 1995 г. Начиная с этого момента сотрудничество постепенно расширялось и укреплялось на основе значительного опыта прошлых лет. Важное исследование 2016 г., подготовленное атташе по науке посольства Италии в Москве профессором Пьетро Фре, предлагает исчерпывающий обзор российско-итальянского научного сотрудничества и межвузовского взаимодействия, выделяя крупные, средние и малые формы взаимодействия⁵. Примечательна отсылка автора к приоритетам,

⁵ Фре П. Российско-итальянское научное сотрудничество и межвузовское взаимодействие. Посольство Италии в Москве, 2016. URL: <https://>

преобладающим в российской научной системе, которые в рамках двустороннего сотрудничества сосредоточены в основном в фундаментальной, то есть большой, науке, а следовательно, в крупных долгосрочных проектах. Италия активно участвует в многочисленных проектах такого рода, например в области физики, космологии, астрофизики, фундаментальной математики, химии, биологии, онкологии, и вносит свой качественный вклад в российскую программу «Мегасайенс», нацеленную на создание на территории Российской Федерации крупных научных инфраструктур международного уровня.

В этом контексте показательно сотрудничество между российским Объединённым институтом ядерных исследований в Дубне (ОИЯИ) и Национальным институтом ядерной физики Италии. Посольство Италии в Москве способствует укреплению данного направления посредством организации ежегодных встреч учёных двух стран. В апреле 2017 г. состоялось продление рамочного соглашения о сотрудничестве между двумя институтами на период 2017–2022 гг., которое было подписано в резиденции посольства Италии в присутствии президента Итальянской Республики Серджо Маттареллы, что является признанием высокой значимости проекта, а также стремления итальянской стороны содействовать достижению тех амбициозных целей, которые фундаментальная наука ставит перед всем международным сообществом.

В более широком смысле, исходя из доступной из официальных источников информации, можно утверждать, что в Италии не осталось государственных или частных университетов или исследовательских центров, которые в последние годы не заключили бы соглашения о научном сотрудничестве с соответствующими российскими университетами или исследовательскими центрами, работающими в области естествознания, гуманитарных и социальных наук. Нельзя недооценивать и важность многих специальных мероприятий меньшего масштаба, которые, однако, вносят свой существенный вклад в укрепление сотрудничества в области большой науки. В качестве примера приведём Международную олимпиаду по информатике, которая в мае 2019 г. будет проходить в Российской Федерации и в которой примут участие студенты из разных стран, в том числе из Италии. Это именно тот случай, когда молодые люди имеют возможность продемонстрировать, сравнить и развить свои навыки. Другим примером является международный чемпионат «Zero Robotics», также ориентированный на учащихся высших школ, в котором принимают участие итальянские, российские, а также американские команды. По мнению правительства Италии, такие чемпионаты являются самыми ценными инвестициями в новые поколения и в будущее развитие.

ambmosca.esteri.it/Ambasciata_Mosca/resource/doc/2016/08/collaborazioni_scientifiche_e_cooperazione_universitaria_italo-russe.pdf.

Таким образом, в области научного сотрудничества реализуется обширная программа, наполненная большим числом серьёзных проектов. Такая ситуация позволяет придать ясный и конкретный смысл политической линии конструктивного диалога, которой продолжает следовать Италия в отношениях с Россией. Чем больше трудностей, напряжённости и всё возрастающих разногласий в сфере политики возникало в последнее время, тем активнее реагировали на это учёные, исследователи и преподаватели двух стран, закладывая фундамент совместной работы. Ответом на политический разрыв стало налаживание контактов в сферах науки и культуры во имя мирного сосуществования и идеи общественного прогресса.

РАЗМЫШЛЕНИЯ: СЦЕНАРИИ БУДУЩЕГО. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПЛОЩАДКИ

Мы не можем решить проблемы, используя тот же тип мышления, который мы использовали, когда их создавали.

А. Эйнштейн

Каким может быть дальнейший вклад Италии в улучшение итало-российского сотрудничества? Чтобы найти надлежащий ответ на этот вопрос, необходимо ещё более расширить сферу нашего обсуждения и внимательно рассмотреть важнейшие современные вызовы глобального развития, которые стоят как перед итальянским и российским, так и перед всем мировым сообществом.

В этой связи следует отметить, что в настоящее время Италия и Россия переживают в некотором смысле противоречивую ситуацию. Из-за драматических событий на Украине Италия с 2014 г. активно участвует в принимаемых Европейским союзом решениях об экономических санкциях. И это происходит, несмотря на многочисленные и неоднократно повторённые представителями государственной власти и итальянскими предпринимателями заявления в пользу их преодоления. Официальные решения о прерывании связей не мешают итальянскому правительству, как и другим европейским правительствам, содействовать заключению важных экономических соглашений, как это было, например, во время проведения последнего Экономического форума в Санкт-Петербурге в мае 2018 г. Тем не менее де-факто Италия, участвуя в принятии решений Европейского союза, продолжает возлагать на Россию ответственность за нарушение международного права, незаконное присоединение Крыма и дестабилизацию на Донбассе.

С другой стороны, Италия и Россия активно участвуют и сотрудничают в определении основных международных обязательств, связанных с глобальными стратегическими вызовами — от проблем изменения климата до вопросов устойчивого развития, от путей преодоления экономического неравенства до ситуации, связанной с миграционными потоками. И это только некоторые из наиболее важных задач. Италия и Россия утвердили и подписали конкретные программные документы, которые позволяют работать в этих направлениях: а) в 2015 г. ООН приняла Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. Документ предусматривает шаги по глубокому преобразованию существующей модели развития, чётко обозначенные в 17 общих целях и в 169 конкретных задачах; б) в 2016 г. были подтверждены обязательства по сохранению климата, принятые на конференции COP21; в) признание совместных обязательств, принятых на саммитах G20 и направленных на создание системы глобального управления, способного обеспечить более сбалансированное и инклюзивное развитие. Перечень подобных международных обязательств, взятых на себя обеими странами, чрезвычайно велик. Достаточно вспомнить обязательства, принятые в рамках работы Международной организации по миграции, Всемирной организации здравоохранения, Международной организации труда.

Эти соглашения и соответствующие обязательства представляют собой настоящие площадки для совместной работы. Это положительный пример действующей системы отношений двух стран, та основа, на которой Италия и Россия могут укрепить своё сотрудничество и тем самым внести весомый вклад в развитие мирового сообщества. Принятие совместных обязательств на международном уровне должно ускорить как организацию круглых столов по совместной работе и обмену мнениями (каким, например, мог бы стать постоянный итало-российский круглый стол, посвящённый вопросам устойчивого развития в рамках Повестки дня ООН в области устойчивого развития до 2030 г.), так и принятие определённой рабочей методологии, включающей в себя периодические встречи для контроля, анализа и мониторинга процесса выполнения взятых обязательств. Среди прочего в качестве заключительного размышления следует добавить, что глобальные проблемы, с которыми столкнулись оба правительства, требуют разработки соответствующих сценариев и общих представлений о возможном будущем развитии; и это именно та сфера деятельности, в которую научное и культурное сотрудничество может внести свой фундаментальный вклад.

**ПРИЛОЖЕНИЕ. ОСНОВНЫЕ ДВУСТОРОННИЕ СОГЛАШЕНИЯ
МЕЖДУ ИТАЛИЕЙ И РОССИЕЙ**

ОСНОВНЫЕ ДВУСТОРОННИЕ СОГЛАШЕНИЯ

Наименование	Дата подписания	Вступление в силу
Соглашение об экономическом, промышленном и техническом сотрудничестве	30.11.1989	13.04.1990
Соглашение о сотрудничестве в борьбе с организованной преступностью и незаконным оборотом наркотических и психотропных веществ	11.09.1993	28.03.1994
Договор о дружбе и сотрудничестве	14.10.1994	22.05.1997
Соглашение о научном и техническом сотрудничестве	01.12.1995	08.06.1999
Соглашение о продвижении и взаимной защите инвестиций	09.04.1996	07.07.1997
Конвенция об избежании двойного налогообложения	09.04.1996	30.11.1998
Соглашение о сотрудничестве в области валютного контроля	29.07.1996	30.06.1998
Соглашение о сотрудничестве в области обороны	14.11.1996	31.03.2000
Соглашение о сотрудничестве в таможенных делах	10.02.1998	01.11.2002
Соглашение о сотрудничестве в сфере культуры и образования	10.02.1998	25.07.2000
Соглашение о культурных центрах	30.11.1998	22.06.2001
Меморандум о намерениях о сотрудничестве в сфере малого и среднего бизнеса	21.05.1998	21.05.1998
Соглашение о международном автомобильном и пассажирском грузовом сообщении	16.03.1999	17.07.2001
Соглашение об оказании содействия в уничтожении химического оружия	20.01.2000	14.06.2001
Соглашение о защите секретной информации	12.04.2000	12.04.2000
Соглашение о сотрудничестве в сфере туризма	05.06.2000	26.01.2001
Соглашение об использовании космического пространства	28.11.2000	24.08.2004
Консульская конвенция	15.01.2001	01.05.2004
Соглашение о сотрудничестве по делам молодёжи	15.01.2001	17.10.2003
Меморандум о взаимопонимании между космическими агентствами двух стран	03.04.2002	03.04.2002
Соглашение о сотрудничестве в области кинематографии, с соответствующим Протоколом о совместном кинематографическом производстве	28.11.2002	15.06.2006
Дополнительный протокол к Соглашению об оказании содействия в уничтожении химического оружия	17.04.2003	21.12.2004
Договор о сотрудничестве в области утилизации российских атомных подводных лодок	05.11.2003	17.11.2005

Наименование	Дата подписания	Вступление в силу
Меморандум об организации двуязычных классов на русском и итальянском языках	05.11.2003	06.04.2004
Протокол об экспериментальной эксплуатации самолёта-амфибии Бериева Бе-200ЧС (Be-200 ES-E)	22.12.2004	22.12.2004
Соглашение об упрощении процедур выдачи виз	12.06.2004	25.03.2005
Протокол о молодёжных обменах на период 2006–2007 гг.	29.11.2005	29.11.2005
Исполнительная программа культурного сотрудничества на период 2007–2009 гг.	14.03.2007	14.03.2007
Межминистерский протокол о сотрудничестве в реализации проекта «Суперджет-100»	14.03.2007	14.03.2007
Протокол о сотрудничестве в области сохранения культурных ценностей	05.11.2003	28.05.2007
Протокол о молодёжных обменах на период 2008–2009 гг.	20.11.2007	20.11.2007
Меморандум, касающийся требований к экспорту мяса и готовых мясных продуктов из Италии в Российскую Федерацию	01.07.2008	01.07.2008
Соглашение об изучении итальянского языка в Российской Федерации и русского языка в Итальянской Республике	05.11.2003	05.06.2008
Меморандум о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров	06.11.2008	06.11.2008
Протокол о намерениях к сотрудничеству в области культуры	06.11.2008	06.11.2008
Декларация о намерениях между Министерством экономического развития Италии и государственной корпорацией по атомной энергии «Росатом»	06.11.2008	06.11.2008
Соглашение о взаимной охране интеллектуальной собственности в сфере военно-технического сотрудничества	14.03.2007	26.01.2009
Меморандум по вопросу экспорта в Российскую Федерацию продуктов рыболовства	14.01.2009	14.01.2009
Протокол о сотрудничестве в сфере коммуникаций	07.04.2009	07.04.2009
Меморандум о сотрудничестве в сфере энергоэффективности и возобновляемых источников энергии	07.04.2009	07.04.2009
Соглашение о сотрудничестве в борьбе с преступностью	05.11.2003	17.09.2009
Соглашение о сотрудничестве в области усыновления (удочерения) детей	06.11.2008	27.11.2009
Программа сотрудничества (на период 2010–2011 гг.) между министерствами юстиции	03.12.2009	03.12.2009
Меморандум о взаимопонимании в вопросах транспорта	03.12.2009	03.12.2009
Протокол о проведении в 2011 г. Года итальянской культуры и итальянского языка в России и Года российской культуры и русского языка в Италии	03.12.2009	03.12.2009

Наименование	Дата подписания	Вступление в силу
Меморандум о взаимопонимании о сотрудничестве в области сельского хозяйства и продвижении агропродовольственных товаров	03.12.2009	03.12.2009
Совместное заявление по вопросам туризма для реализации Соглашения о сотрудничестве в области туризма на период 2010–2011 гг.	03.12.2009	03.12.2009
Соглашение о сотрудничестве между двумя космическими агентствами для спутниковой миссии в рамках проекта «Спектр-М» («Миллиметр»)»	03.12.2009	03.12.2009
Меморандум о взаимопонимании о сотрудничестве для реализации токамака «Игнитор» и других инициатив в сфере ядерной физики	26.04.2010	26.04.2010
Меморандум о намерениях о принципах организации культурных мероприятий в рамках Года итальянской культуры и итальянского языка в России и Года российской культуры и русского языка в Италии в 2011 г.	13.05.2010	13.05.2010
Соглашение о сотрудничестве по восстановлению палаццо Ардингелли и церкви Св. Григория Великого в городе Л'Аквила, пострадавших в результате землетрясения 6 апреля	26.04.2010	08.10.2010
Исполнительный протокол Соглашения о реадмиссии между ЕС и Российской Федерацией от 25 мая 2006 г.	03.12.2010	03.12.2010
Соглашение об упрощении правил въезда и пребывания членов экипажей воздушных судов авиапредприятий обеих стран посредством обмена нотами	12.04.2010	22.06.2011
Соглашение о перевозках по железным дорогам оружия, военного снаряжения и средств, воинского имущества и персонала через территорию Российской Федерации, связанных с участием Вооружённых сил Италии в международных усилиях по стабилизации и восстановлению Исламской Республики Афганистан	03.12.2010	03.12.2010
Соглашение о перевозках по воздуху оружия, военного снаряжения и средств, воинского имущества и персонала через территорию Российской Федерации, связанных с участием Вооружённых сил Италии в международных усилиях по стабилизации и восстановлению Исламской Республики Афганистан	16.02.2011	16.02.2011
Меморандум о взаимопонимании между Министерством обороны Италии и Министерством обороны Российской Федерации в связи с проведением испытаний на российской территории бронированных машин «Фречча» и «Чентауро» компании «Ивеко»	27.09.2011	27.09.2011

Источник:

Министерство иностранных дел и международного сотрудничества Италии, 2018 г. (*Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale — MAECI, 2018*)

КУЛЬТУРНЫЕ, НАУЧНЫЕ И ТЕХНИЧЕСКИЕ СВЯЗИ

Наименование	Дата подписания	Вступление в силу
Соглашение об экономическом, промышленном и техническом сотрудничестве	30.11.1989	13.04.1990
Соглашение о научном и техническом сотрудничестве	01.12.1995	08.06.1999
Соглашение о сотрудничестве в области культуры и образования	10.02.1998	25.07.2000
Соглашение о культурных центрах	30.11.1998	22.06.2001
Соглашение о сотрудничестве по делам молодёжи	15.01.1901	17.10.2003
Соглашение о сотрудничестве в области кинематографии, с соответствующим Протоколом о совместном кинематографическом производстве	28.11.2002	15.06.2006
Меморандум об организации двуязычных классов на русском и итальянском языках	05.11.2003	06.04.2004
Протокол о молодёжных обменах на 2006–2007 гг.	29.11.2005	29.11.2005
Исполнительная программа культурного сотрудничества на 2007–2009 гг.	14.03.2007	14.03.2007
Протокол о сотрудничестве в области сохранения культурных ценностей	05.11.2003	28.05.2007
Протокол о молодёжных обменах на 2008–2009 гг.	20.11.2007	20.11.2007
Соглашение об изучении итальянского языка в Российской Федерации и русского языка в Итальянской Республике	05.11.2003	05.06.2008
Протокол о намерениях к сотрудничеству в области культуры	06.11.2008	06.11.2008
Меморандум о сотрудничестве в сфере энергоэффективности и возобновляемых источников энергии	07.04.2009	07.04.2009
Совместное заявление о сотрудничестве в сфере энергоэффективности и возобновляемых источников энергии	03.12.2009	03.12.2009
Протокол о проведении в 2011 г. Года итальянской культуры и итальянского языка в России и Года российской культуры и русского языка в Италии	03.12.2009	03.12.2009

Источник:

Министерство иностранных дел и международного сотрудничества Италии, 2018 г. (*Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale — MAECI, 2018*)

Gli accordi tra Italia e Russia nell'ambito della cooperazione scientifica e culturale

LA COOPERAZIONE ITALO-RUSSA: UN SISTEMA ORGANICO PROIETTATO SUL FUTURO

Gli accordi di cooperazione scientifica e culturale tra Italia e Russia costituiscono un vero e proprio sistema organico di collaborazione tra i due Stati che ha le seguenti caratteristiche principali: a) innanzitutto è un sistema che persegue l'obiettivo politico di rafforzare la conoscenza e le relazioni tra le due realtà sulla base di «un approccio dialogante, costruttivo.. inclusivo», come lo definisce il Ministero degli Affari Esteri italiano¹; b) inoltre è un sistema che è stato costruito fin dalla costituzione della nuova Federazione Russa, nei primi anni novanta del secolo scorso, immediatamente dopo la dissoluzione dell'URSS e, quindi, rafforzato progressivamente negli anni successivi. Ed a tale riguardo è importante aggiungere un elemento di grande valore per la nostra riflessione; un elemento che emerge da un'analisi approfondita delle iniziative comuni; cioè il fatto che il progressivo rafforzamento della cooperazione scientifica e culturale tra Italia e Russia è stato particolarmente intensificato proprio negli ultimi anni, da quando nel 2014 le relazioni politiche complessive sono entrate invece in una fase di gravi tensioni per le note vicende della crisi ucraina; in altre parole, quanto più la situazione politica si è deteriorata negli ultimi tempi, tanto più Italia e Russia hanno concorso insieme a rafforzare la loro cooperazione scientifica e culturale; c) infine, dobbiamo sottolineare che siamo di fronte ad un sistema il quale opera a tutto campo, cioè un sistema di cooperazione che interviene sui principali aspetti del progresso e della civiltà moderna, sulle sfide che sono comuni ai due popoli. Anche in questo caso è interessante sottolineare il valore di alcuni importanti elementi: il fatto che la cooperazione scientifica e culturale tra Italia e Russia non limita le proprie iniziative alle istituzioni ed agli enti pubblici ma è aperta, anzi solle-

¹ Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale (MAECI): *I rapporti tra Italia e Russia*, Sito ufficiale del MAECI, 2018. URL: https://www.esteri.it/mae/it/politica_estera/aree_geografiche/europa/i_nuovi_rapporti.html.

cita il coinvolgimento delle organizzazioni della società civile, sulla base di rapporto positivo di sussidiarietà e di sinergie tra autorità pubbliche ed operatori privati, con un approccio aperto e coinvolgente. Inoltre vale il fatto che la cooperazione se da una lato esalta, certo, la grande esperienza storica comune del passato, dall'altro, tuttavia, tale cooperazione è essenzialmente proiettata sul futuro; e si presenta sempre più, possiamo aggiungere, come un contributo non soltanto al miglioramento del rapporti tra Italia e Russia, ma anche come un contributo alla comunità internazionale.

ALCUNI ESEMPI EMBLEMATICI

SETTORE DELL'ISTRUZIONE

«Insegnare non è riempire un vaso vuoto, ma accendere un fuoco»

M. de Montaigne

Con la legge n. 214 del 7 dicembre 2015, il Parlamento italiano ha approvato la ratifica dell'Accordo firmato a Roma nel 2009 tra i due governi sul riconoscimento reciproco dei titoli di studio rilasciati nella Repubblica Italiana e nella Federazione Russa. L'Accordo riconosce «l'importanza dell'istruzione per lo sviluppo della società», persegue l'obiettivo di «ampliare la mobilità accademica e sviluppare contatti diretti tra le istituzioni formative dei due Paesi», desidera «contribuire all'ulteriore consolidamento di uno spazio comune europeo»². Sul piano politico generale, nello stesso periodo, la situazione è diventata piena di tensioni e il sistema delle sanzioni reciproche tra UE e Russia è scattato da circa un anno. Ma questo fatto grave non impedisce al Parlamento italiano, sotto il segno della reciprocità, di aprire le porte agli studenti russi che vogliono frequentare le istituzioni universitarie italiane, fare formazione universitaria e post-universitaria e conseguire titoli di studio validi e riconosciuti; come ai docenti delle due realtà di fare esperienze formative e di ricerca.

SETTORE DELLA CULTURA E DEL TURISMO

«In arte l'impossibile diventa possibile»

J.W. Goethe

«Io imparo a viaggiare. Ma imparo a vivere?»

J.W. Goethe

Nell'ottobre 2016, in una situazione politica che continua ad essere deteriorata e piena di tensioni per la crisi ucraina, i due governi riprendono e rilanciano

² Legge n. 214 del 7 dicembre 2015: *Ratifica ed esecuzione dell'Accordo tra il Governo della Repubblica Italiana e del Governo della Federazione Russa sul riconoscimento reciproco dei titoli di studio rilasciati nella Repubblica Italiana e nella Federazione Russa, fatto a Roma il 3 dicembre 2009*, G.U. n. 4 del 7.1.2016.

l'iniziativa del "Consiglio italo-russo di cooperazione economica, industriale e finanziaria", che era ferma dal 2012, ed estendono l'ambito della cooperazione dall'economia ai settori del turismo e della cultura. Il 5 ottobre 2016, in occasione della XVI sessione del Consiglio, viene approvato l'Accordo bilaterale definito da un preciso "Piano di azione 2017-2019" che ha l'obiettivo di rinsaldare le strategie di promozione congiunta nei settori del turismo e della cultura per promuovere la conoscenza dei rispettivi territori e patrimoni culturali. Il Piano individua, tra l'altro, sei indirizzi prioritari sui quali i due paesi si impegnano a concentrare gli sforzi: turismo per famiglie; turismo sciistico; turismo enogastronomico, turismo giovanile; viaggi verso borghi storici, viaggi verso le mete di pellegrinaggio. Tra gli impegni previsti dal Piano troviamo anche i provvedimenti per favorire i contatti tra le associazioni turistiche russe e italiane, la semplificazione delle formalità burocratiche, il sostegno alla conoscenza dei flussi turistici con scambi di dati statistici e informazioni tra i rispettivi istituti nazionali, l'elaborazione di un programma annuale di attività (road map). Nelle numerose dichiarazioni ufficiali del Ministero italiano dei Beni Culturali (MIBACT) emerge con chiarezza un obiettivo preciso: che il Piano è uno strumento per rafforzare sempre più i legami tra Russia e Italia, tra le istituzioni e gli operatori culturali dei due Paesi.

Il fatto importante da sottolineare è che quando parliamo di cultura e turismo siamo di fronte ad uno dei più importanti fattori positivi di interrelazione tra gli Stati e i popoli. Mai come in questi ultimi anni l'Italia ha registrato tante iniziative di cultura russa diffuse nelle regioni e nelle città, grandi e piccole: mostre d'arte, concerti, opere liriche, rassegne cinematografiche, conferenze, progetti comuni. I numerosi progetti promossi congiuntamente tra Italia e Russia, spiega il Ministero degli Affari Esteri italiano (2018), sono finalizzati in particolare «a favorire la conoscenza reciproca delle rispettive società civili»³.

Citiamo cinque casi emblematici, nel 2018, nelle Regioni del Sud, Centro e Nord Italia. Sviluppando l'iniziativa su "Le civiltà e il Mediterraneo", la Regione autonoma della Sardegna, con il supporto del Ministero dei Beni culturali, ha firmato un Accordo di collaborazione pluriennale per promuovere "il turismo culturale strategico" insieme con il Museo statale russo Hermitage, che conserva un importante patrimonio di antichità relativo anche all'area mediterranea. Per inciso va aggiunto che questa è solo una delle tante iniziative di collaborazione promosse in Italia dal più grande museo russo e dal suo attuale direttore Michail Piotrovskij. Un insieme di iniziative così numerose al punto che i giornali italiani hanno espresso il seguente commento: che se lo sport del calcio si è trasferito in Russia per i campionati del mondo 2018,

3 Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale (MAECI): *La cooperazione culturale tra Italia e Russia*, 2018. URL: https://www.esteri.it/mae/it/politica_estera/aree_geografiche.

la cultura russa si è trasferita in Italia con la prospettiva di numerose mostre d'arte da organizzare in comune tra Russia e Italia, progetti di ricerca, borse di studio per gli studiosi. Esempi importanti di questo tipo di collaborazione sono gli accordi che l'Hermitage ha firmato con istituzioni culturali di Napoli e Milano. Nella Regione Puglia, l'inaugurazione del volo diretto tra Mosca e la città di Bari, sede della basilica di S. Nicola, viene salutato sui giornali come il modo migliore per far sentire "più vicine" le due realtà. Nella Regione Toscana, a Firenze, la mostra "Solaris" dedicata al regista russo Andrej Tarkovskij, promossa dal Museo di Mosca AZ e dalla Fondazione F. Zeffirelli, ha suscitato nei visitatori una grande e positiva sorpresa perché la illustrazione dell'opera del grande regista russo è stata accompagnata con l'esposizione delle opere di numerosi artisti russi del novecento, provenienti da un moderno museo di Mosca che pochissimi conoscevano. Nella Regione Veneto, a Venezia, l'università Cà Foscari ha realizzato il primo Museo virtuale, accessibile online, degli artisti russi in Italia nel secolo scorso «per tracciare un dettagliato profilo dell'arte russa nel nostro Paese»⁴. Nella Regione Liguria, a Genova, grande successo riscuote la mostra "Haec Est Civitas Mea" che espone i quadri degli allievi dell'Accademia russa I.S. Glazunov; nello stesso tempo in diversi comuni della Riviera ligure sono aperte mostre sulla scoperta dell'Italia da parte degli artisti russi. L'elenco di queste iniziative culturali è lunghissimo, segno di un legame tra i due popoli che si rafforza sempre più col tempo.

A queste iniziative culturali dobbiamo aggiungere quelle relative al parallelo intensificarsi dei flussi turistici. Nel 2016, secondo le statistiche ufficiali, i visitatori russi in Italia sono stati ben 876.000, nell'ordine: uomini di affari e professionisti, visitatori singoli, coppie con figli, studenti. I visitatori italiani in Russia sono stati 200.000. Anche in questo caso, mai come negli ultimi anni il flusso dei turisti dalla Russia si è intensificato e consolidato. Nella nostra interpretazione, siamo di fronte al maggior elemento di contrasto al deterioramento della situazione politica tra l'Unione Europea, di cui l'Italia è membro, e la Russia; e ciò perché i tanti visitatori nei due paesi possono a buona ragione essere considerati come veri e propri ambasciatori civili dei popoli, che si aggiungono ai diplomatici ufficiali e contribuiscono in modo fondamentale a rafforzare le basi della reciproca conoscenza e stima, a costruire quel "comune sentire", essenziale per ogni convivenza pacifica. In effetti, l'emozione del viaggio e della scoperta, l'allargamento degli orizzonti conoscitivi, la costruzione dei rapporti interpersonali che si creano in queste occasioni di viaggio, sono il migliore contrappeso alle tensioni politiche, in ogni caso sono in grado di condizionarle e limitarne gli effetti negativi.

4 Università degli Studi Ca' Foscari, *Museo virtuale dell'arte russa in Italia*, Sito ufficiale dell'Università Ca' Foscari, Venezia, 2018. URL: <http://www.russinitalia/artisti.php>.

«Sempre una pratica deve essere fondata su una buona teoria»

Leonardo da Vinci

Il primo Accordo di cooperazione scientifica e tecnologica tra Italia e Russia è stato firmato il 1 dicembre 1995. Da quella data, la cooperazione è via via cresciuta ed è stata progressivamente rafforzata, riprendendo anche esperienze significative del passato. Una importante pubblicazione del 2016, curata dall'addetto scientifico dell'Ambasciata d'Italia a Mosca prof. Pietro Fré, offre un quadro esaustivo delle "Collaborazioni Scientifiche e Cooperazione Universitaria Italo-Russe", distinguendo tra grandi, medie e piccole collaborazioni⁵. Degno di nota il richiamo dell'autore agli orientamenti prevalenti nel sistema scientifico russo che nelle collaborazioni bilaterali sono focalizzati principalmente sulle scienze di base, su quella che viene definita come la Grande Scienza, e, quindi, sui grandi progetti di lungo periodo. L'Italia partecipa attivamente a numerosi progetti di questo genere, ad esempio, nei settori della Fisica, Cosmologia, Astrofisica, Matematica Fondamentale, Chimica, Biologia, Oncologia; ed offre un contributo di qualità al programma russo "Megascienze", finalizzato alla realizzazione sul territorio della Federazione Russa di Grandi Infrastrutture Scientifiche di profilo internazionale.

Emblematica, a questo fine, la collaborazione tra l'Istituto russo per la ricerca nucleare di Dubna (JINR) e l'Istituto italiano di fisica nucleare INFN che l'Ambasciata d'Italia a Mosca contribuisce a rafforzare con incontri annuali di approfondimento e verifica. Nell'aprile del 2017, la firma per il rinnovo dell'accordo quadro di cooperazione tra i due istituti per il periodo 2017-2022 è avvenuta nella sede dell'Ambasciata d'Italia alla presenza del Presidente della Repubblica Italiana, Sergio Mattarella, un segno di riconoscimento dell'alto valore dell'iniziativa e dell'impegno italiano nel contribuire a raggiungere quelli che nell'occasione sono stati definiti come gli obbiettivi ambiziosi che la scienza fondamentale pone per gli anni futuri a tutta la comunità internazionale.

Più in generale, in base agli elementi conoscitivi ricavabili dalle fonti ufficiali, è possibile affermare che in Italia non esiste università o centro di studi e ricerche pubblico ed anche privato, il quale non abbia promosso in questi ultimi anni accordi di cooperazione scientifica con corrispondenti università e centri di ricerca russi, sia nelle scienze naturali che nelle scienze umane e sociali. Da non sottovalutare, ancora, l'importanza di tante iniziative specifiche,

⁵ P. Fré, *Collaborazioni Scientifiche e Cooperazione Universitaria Italo-Russe*, Ambasciata d'Italia a Mosca, 2016. URL: https://ambmosca.esteri.it/Ambasciata_Mosca/resource/doc/2016/08/collaborazioni_scientifiche_e_cooperazione_universitaria_italo-russe.pdf.

che certamente possono essere definite minori, ma che offrono comunque un contributo non indifferente al rafforzamento dello spirito collaborativo che emerge nel settore della Grande Scienza: ci riferiamo a titolo di esempio alle "Olimpiadi Internazionali di Informatica", che nel maggio 2019 saranno ospitate dalla Federazione Russa e che sono partecipate da studenti di scuole di diversi paesi, tra cui l'Italia, con lo scopo di confrontare, valutare e arricchire le loro competenze tecniche; ovvero al campionato mondiale di "Zero Robotics" (*robots* per la stazione spaziale internazionale ISS), sempre destinato agli studenti delle scuole superiori, che è partecipato da squadre italiane e russe, ed anche americane: un vero investimento sulle nuove generazioni e sul futuro, secondo il governo Italiano.

Nel settore della cooperazione scientifica siamo, insomma, di fronte ad un quadro davvero ricco e prezioso di tante iniziative di valore, una situazione che consente di dare un significato preciso e concreto a quell'approccio caratterizzato da un dialogo costruttivo e inclusivo che l'Italia continua a seguire nelle relazioni con la Russia; e quanto più la politica in questi tempi ha registrato difficoltà, tensioni, rotture crescenti, tanto più gli esponenti del mondo scientifico, delle università e della ricerca hanno saputo costruire un tessuto di grandi e qualificate collaborazioni. Alle rotture della politica hanno risposto le ricuciture della scienza e della cultura, nel segno del convivenza pacifica e di una idea condivisa di progresso.

RIFLESSIONE SUGLI SCENARI FUTURI. LE PIATTAFORME INTERNAZIONALI

«Non possiamo risolvere i nostri problemi con lo stesso modo di pensare che abbiamo avuto quando li abbiamo creati»

Einstein

Quale ulteriore contributo può venire dall'Italia al miglioramento della cooperazione italo-russa? Per trovare una risposta adeguata a questa domanda occorre ampliare ulteriormente l'ambito della nostra riflessione e considerare attentamente le grandi sfide dello sviluppo globale contemporaneo che sono aperte per le due comunità, italiana e russa, come per tutta la comunità internazionale.

A questo riguardo occorre tener presente che Italia e Russia stanno vivendo attualmente una situazione per certi aspetti contraddittoria. Riguardo all'Italia, a causa della drammatica vicenda ucraina, essa partecipa attivamente dal 2014 alle decisioni dell'Unione Europea in materia di sanzioni economiche, e ciò a prescindere dalle numerose e ripetute dichiarazioni di autorità pubbliche

e di operatori privati italiani a favore del loro superamento. Anche se queste decisioni di rottura non impediscono al governo italiano — e agli altri governi europei — di promuovere la conclusione di importanti accordi economici, come è accaduto ad esempio in occasione dell'ultimo Forum Economico svoltosi a S. Pietroburgo nel maggio 2018, di fatto l'Italia con gli atti europei, e non solo con quelli del Consiglio europeo, continua ad imputare alla Russia la responsabilità della violazione del diritto internazionale, l'illegittima annessione della Crimea, la destabilizzazione della regione del Donbass.

D'altro canto, entrambi gli stati, Italia e Russia, partecipano attivamente e collaborano alla definizione dei principali impegni internazionali relativi alle sfide strategiche globali, dal clima alla sostenibilità dello sviluppo, dal superamento delle disuguaglianze economiche ai flussi migratori, per citare alcune tra le sfide più importanti. Entrambe, Italia e Russia, hanno approvato e firmato precisi documenti programmatici in tal senso, come è avvenuto, ad esempio: a) nel 2015 con l'Agenda 2030 sullo sviluppo sostenibile delle Nazioni Unite per una correzione profonda dell'attuale modello di sviluppo, un'agenda ben precisata nei 17 Obiettivi generali e nei 169 Obiettivi specifici; b) nel 2016 con l'approvazione degli impegni sul clima assunti nell'ambito delle conferenze Cop21; c) negli impegni comuni assunti nei vertici G20 per costruire una *governance* mondiale adeguata ad assicurare uno sviluppo più equilibrato ed inclusivo. L'elenco di questi impegni comuni presi a livello internazionale dai due paesi è davvero lungo: pensiamo, per citarne alcuni, agli impegni presi nell'ambito della Organizzazione Mondiale per le Migrazioni (IOM), dell'Organizzazione Mondiale della Sanità (OMS), dell'Organizzazione Internazionale sul Lavoro (ILO).

Questi accordi e i relativi impegni sono, a tutti gli effetti, delle vere e proprie "piattaforme" comuni, sono l'altra faccia della medaglia — questa volta positiva — del loro sistema di relazioni, la base su cui Italia e Russia possono rafforzare la loro cooperazione, dando con ciò un contributo importante alla stessa comunità internazionale. L'assunzione di questi impegni comuni a livello internazionale dovrebbe sollecitare sia l'organizzazione di *Tavoli comuni di confronto e di lavoro* (come potrebbe essere, ad esempio, un Tavolo bilaterale permanente italo-russo sulla sostenibilità dello sviluppo collegato agli impegni dell'Agenda 2030 delle Nazioni Unite), sia l'adozione di una *metodologia operativa* fatta di incontri periodici di verifica, approfondimento, monitoraggio dell'attuazione di tali impegni. Tra l'altro, va aggiunto come riflessione conclusiva che le sfide globali sulle quali entrambi i governi sono coinvolti, richiedono l'elaborazione di scenari adeguati, di visioni condivise sul possibile sviluppo futuro; e questo è proprio l'ambito nel quale la cooperazione scientifica e culturale può dare un contributo fondamentale.

ALLEGATI:

A) PRINCIPALI ACCORDI BILATERALI TRA ITALIA E RUSSIA

Denominazione	Data Firma	In Vigore
Accordo di cooperazione economica, industriale e tecnica	30.II.1989	13.04.1990
Accordo di cooperazione contro la criminalità organizzata e il traffico illecito di stupefacenti e sostanze psicotrope	11.09.1993	28.03.1994
Trattato di amicizia e cooperazione	14.10.1994	22.05.1997
Accordo di cooperazione scientifica e tecnologica	01.II.1995	08.06.1999
Accordo per la promozione e la protezione degli investimenti	09.04.1996	07.07.1997
Convenzione per evitare le doppie impostazioni fiscali	09.04.1996	30.II.1998
Accordo di cooperazione nel campo del controllo valutario	29.07.1996	30.06.1998
Accordo sulla cooperazione nel campo della Difesa	14.II.1996	31.03.2000
Accordo sulla cooperazione in materia doganale	10.02.1998	01.II.2002
Accordo di collaborazione nel campo della cultura e dell'istruzione	10.02.1998	25.07.2000
Accordo sui Centri Culturali	30.II.1998	22.06.2001
Memorandum d'intesa sulla cooperazione per le PMI	21.05.1998	21.05.1998
Accordo sull'Autotrasporto Internazionale di viaggiatori e merci	16.03.1999	17.07.2001
Accordo sull'assistenza alla distruzione delle armi chimiche	20.01.2000	14.06.2001
Accordo sulla protezione delle informazioni classificate	12.04.2000	12.04.2000
Accordo di collaborazione turistica	05.06.2000	26.01.2001
Accordo sullo spazio extra atmosferico	28.II.2000	24.08.2004
Convenzione Consolare	15.01.2001	01.05.2004
Accordo sulla cooperazione in ambito giovanile	15.01.2001	17.10.2003
Memorandum d'intesa tra le due Agenzie Spaziali	03.04.2002	03.04.2002
Accordo sulla collaborazione nel settore della cinematografia con relativo Protocollo per la co-produzione cinematografica	28.II.2002	15.06.2006
Protocollo aggiuntivo all'Accordo sulla distruzione armi chimiche	17.04.2003	21.12.2004
Accordo per lo smantellamento dei sommergibili nucleari russi	05.II.2003	17.II.2005
Memorandum sull'organizzazione di sezioni bilingue italiano-russo	05.II.2003	06.04.2004
Protocollo sulla sperimentazione del velivolo Beriev Be-200 ES	22.II.2004	22.II.2004
Accordo per la semplificazione delle procedure di rilascio dei visti	12.06.2004	25.03.2005
Protocollo sugli scambi giovanili per gli anni 2006-2007	29.II.2005	29.II.2005
Programma esecutivo di collaborazione culturale 2007-2009	14.03.2007	14.03.2007
Protocollo interministeriale sulla collaborazione per la realizzazione del Progetto Super Jet 100	14.03.2007	14.03.2007
Protocollo sulla cooperazione nella conservazione dei beni culturali	05.II.2003	28.05.2007
Protocollo sugli scambi giovanili per gli anni 2008-2009	20.II.2007	20.II.2007

Denominazione	Data Firma	In Vigore
Memorandum relativo ai requisiti per le esportazioni di carne e di preparazioni a base di carne dall'Italia alla Federazione Russa	01.07.2008	01.07.2008
Accordo sugli studi di italiano in Russia e di russo in Italia	05.11.2003	05.06.2008
Memorandum sulla cooperazione nella lotta al traffico illegale di sostanze stupefacenti, psicotrope ed i loro precursori	06.11.2008	06.11.2008
Protocollo d'Intesa per la cooperazione nell'ambito culturale	06.11.2008	06.11.2008
Dichiarazione di Intenti tra il Ministero dello Sviluppo Economico e la Corporazione Statale per l'Energia Atomia "Rosatom"	06.11.2008	06.11.2008
Accordo per la reciproca protezione della proprietà intellettuale nell'ambito della cooperazione bilaterale tecnico-militare	14.03.2007	26.01.2009
Memorandum in materia di esportazione nella Federazione Russa di prodotti della pesca	14.01.2009	14.01.2009
Protocollo sulla cooperazione nel settore delle comunicazioni	07.04.2009	07.04.2009
Memorandum sulla cooperazione nel campo dell'efficienza energetica e delle fonti rinnovabili di energia	07.04.2009	07.04.2009
Accordo sulla cooperazione nella lotta alla criminalità	05.11.2003	17.09.2009
Accordo sulla cooperazione nel settore delle adozioni di minori	06.11.2008	27.11.2009
Programma di collaborazione (2010 – 2011) tra Ministeri della Giustizia	03.12.2009	03.12.2009
Memorandum di Intesa in materia di Trasporti	03.12.2009	03.12.2009
Protocollo sullo svolgimento del 2011 "Anno della Lingua e Cultura italiana in Russia" e "Anno della Lingua e Cultura russa in Italia"	03.12.2009	03.12.2009
Memorandum d'intesa sulla cooperazione in agricoltura e promozione agroalimentare	03.12.2009	03.12.2009
Dichiarazione congiunta in materia di turismo per la realizzazione dell'Accordo di cooperazione nel campo del turismo per gli anni 2010-2011	03.12.2009	03.12.2009
Accordo di cooperazione tra le due Agenzie Spaziali per la missione satellitare Spektr-M (Millimetron)	03.12.2009	03.12.2009
Memorandum di Intesa sulla collaborazione per la realizzazione del Tokamak "Ignitor" e di altre iniziative nel campo della fisica nucleare	26.04.2010	26.04.2010
Memorandum di Intesa sui principi di organizzazione delle iniziative culturali nell'ambito dell'Anno della cultura e della lingua italiana in Russia e dell'Anno della cultura e della lingua russa in Italia nel 2011	13.05.2010	13.05.2010
Accordo sulla cooperazione per la ricostruzione nella città de L'Aquila del Palazzo Ardinghelli e della Chiesa di S. Gregorio Magno, danneggiati in seguito al terremoto del 6 aprile	26.04.2010	08.10.2010
Protocollo di attuazione dell'Accordo di riammissione tra UE e Federazione Russa 25.05.06	03.12.2010	03.12.2010

Denominazione	Data Firma	In Vigore
Accordo sulla semplificazione delle norme di ingresso e soggiorno dei membri degli equipaggi di aeromobili di compagnie aeree dei rispettivi Paesi, mediante Scambio di Note	12.04.2010	22.06.2011
Accordo relativo al transito per via ferroviaria di armamenti, di munizionamento e di mezzi militari, di beni militari e di personale attraverso il territorio della Federazione Russa legato alla partecipazione delle Forze Armate Italiane agli sforzi internazionali per la stabilizzazione e la ricostruzione della Repubblica Islamica dell'Afghanistan	03.12.2010	03.12.2010
Accordo sul transito attraverso lo spazio aereo della Federazione Russa di armamenti, munizionamento, materiale militare, beni militari e personale legato alla partecipazione delle Forze Armate Italiane agli sforzi internazionali per la stabilizzazione e la ricostruzione della Repubblica Islamica dell'Afghanistan	16.02.2011	16.02.2011
Memorandum of Understanding tra il Ministero della Difesa italiano ed il Ministero della Difesa della Federazione Russa in merito alla sperimentazione in territorio russo dei veicoli blindati IVECO "FRECCIA" e "CENTAURO"	27.09.2011	27.09.2011

Fonte: Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale – MAECI, 2018

Denominazione	Data Firma	In Vigore
Accordo di cooperazione economica, industriale e tecnica	30.11.1989	13.04.990
Accordo di cooperazione scientifica e tecnologica	01.12.1995	08.06.1999
Accordo di collaborazione nel campo della cultura e dell'istruzione	10.02.1998	25.07.2000
Accordo sui Centri Culturali	30.11.1998	22.06.2001
Accordo sulla cooperazione in ambito giovanile	15.01.2001	17.10.2003
Accordo sulla collaborazione nel settore della cinematografica con relativo Protocollo per la co-produzione cinematografica	28.11.2002	15.06.2006
Memorandum sull'organizzazione di sezioni bilingue italiano-russo	05.11.2003	06.04.2004
Protocollo sugli scambi giovanili per gli anni 2006–2007	29.11.2005	29.11.2005
Programma esecutivo di collaborazione culturale 2007–2009	14.03.2007	14.03.2007
Protocollo sulla cooperazione nella conservazione dei beni culturali	05.11.2003	28.05.2007
Protocollo sugli scambi giovanili per gli anni 2008–2009	20.11.2007	20.11.2007
Accordo sugli studi di italiano in Russia e di russo in Italia	05.11.2003	05.06.2008
Protocollo d'Intesa per la cooperazione nell'ambito culturale	06.11.2008	06.11.2008
Memorandum sulla cooperazione nel campo dell'efficienza energetica e delle fonti rinnovabili di energia	07.04.2009	07.04.2009
Dichiarazione congiunta sulla collaborazione nel campo dell'efficienza energetica e delle fonti di energia rinnovabili	03.12.2009	03.12.2009
Protocollo sullo svolgimento del 2011 "Anno della Lingua e Cultura italiana in Russia" e "Anno della Lingua e Cultura russa in Italia"	03.12.2009	03.12.2009

Fonte: Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale — MAECI, 2018

Российско-итальянские отношения: традиции и современность

История отношений двух стран берёт своё начало в X–XIII вв. вместе с установлением первых торговых контактов между отдельными русскими городами и итальянскими городами-государствами. Однако монголо-татарское нашествие прерывает образовавшиеся связи, которые восстанавливаются лишь к XV в., когда московские князья начинают активно развивать отношения с Европой, в частности с государствами Апеннинского полуострова¹.

Дипломатические отношения между Российской империей и объединённым итальянским государством были установлены 2 июля 1862 г. — спустя почти год после провозглашения Королевства Италии (17 марта 1861 г.) и уже после признания Италии многими другими государствами. В 1917 г. после смены власти в России Италия признаёт Временное правительство. В 1921 г. Италия признала РСФСР де-факто, а в 1924 г. — де-юре после обмена нотами. В 1944 г. СССР стал первой страной, установившей дипотношения с Италией, освободившейся от фашистского режима. Италия в свою очередь одной из первых стран мира признала Россию правопреемницей СССР.

На протяжении хода истории, смены политических режимов страны входили в противоборствующие блоки, однако в целом российско-итальянские отношения продолжали развиваться и углубляться, расширялись сферы сотрудничества.

Сегодня Россию и Италию объединяет наличие постоянного активного диалога (не только политического на самом высоком уровне, но и экономического и культурно-гуманитарного). Лидеры двух стран характеризуют двусторонние отношения как привилегированное стратегическое партнёрство.

Основными документами, закладывающими политико-правовую основу взаимоотношений между Российской Федерацией и Итальянской

¹ См. подробнее: Зонова Т.В. Россия и Италия: история дипломатических отношений / МГИМО МИД РФ; каф. дипломатии. Ч. 1. М., 1998.

Республикой, служат Договор о дружбе и сотрудничестве 1994 г. (вступил в силу в 1997 г.) и План действий в отношениях между Российской Федерацией и Итальянской Республикой 1998 г. В первом документе говорится, что Россия и Италия будут развивать свои отношения как дружественные государства, поддерживая при этом постоянный многоуровневый диалог. Второй оговаривает основные направления сотрудничества: политическое, экономико-финансовое и промышленное, научно-техническое, а также в области культуры и гуманитарной области.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ

Для понимания внешнеполитической позиции Италии на международной арене, логики выстраивания двусторонних отношений, в том числе с Россией, необходимо кратко обратиться к внешнеполитическим основам страны².

1990-е гг. стали переломным моментом перехода постбиполярной системы международных отношений к новой структуре мироустройства. Окончание эпохи биполярности повлияло и на внутривнутриполитическую обстановку в Италии. Так, отличительной особенностью политической системы Первой республики Италии (1948 — сер. 1990-х гг.) было то, что одной из главных задач Христианско-демократической партии, находившейся практически беспрерывно у власти, стало противостояние «коммунистической угрозе» и недопущение прихода к власти коммунистов — второй по популярности партии страны. Находясь в подобном положении, правящая элита нередко была вынуждена формировать «искусственные» с идеологической точки зрения коалиции. Подобная задача накладывала отпечаток и на внешнеполитический выбор страны. Италия, являясь одной из стран — основательниц НАТО, делегировала свою безопасность альянсу, следуя в проамериканском фарватере. Страна воспринималась прежде всего форпостом Запада, логистической площадкой, располагавшей широкой сетью военных баз.

Окончание холодной войны сделало сдерживание коммунистов как системную задачу итальянской политики неактуальной. Перед Италией встал вопрос переосмысления идеологических основ внешней политики и национальных интересов. Теоретические дискуссии итальянских интеллектуалов о новой роли страны в мире вылились в концепцию «мира протагонистов», озвученную Джанни Де Микелисом, занимавшим тогда пост министра иностранных дел. Суть концепции заключается в том, что Италии необходимо проводить более самостоятельную внешнюю

² См. подробнее: Барабанов О.Н. Италия после холодной войны: от «средней державы» к «миру протагонистов». М.: Росспэн, 2002; Зонина Т.В. История внешней политики Италии. М.: Международные отношения, 2016; Маслова Е.А. Внешняя политика Италии (1994–2011 гг.). М.: МГИМО, 2018.

политику, отличную от концепции «средней державы» времён холодной войны, превратившись в «протагониста» — главного актора европейской и мировой политики³.

В тот же хронологический период в стране происходят другие важные события: скандал «Взяткоград», скомпрометировавший все традиционные партии, существовавшие с основания республики, изменение электоральной системы. В результате образовавшийся политический вакуум был заполнен абсолютно новыми партиями и политическими силами, которые возглавили лидеры новой формации после парламентских выборов 1994 г.

Таким образом, политические изменения, которые привели к переходу к так называемой Второй республике в Италии и появлению новых политических лидеров, спровоцировали серьёзное переосмысление роли Италии в мировой политике и, соответственно, итальянской внешнеполитической идеологии.

Впоследствии внешняя политика Италии стала характеризоваться значительным усилением активности страны на международной арене. В рамках реформирования своего внешнеполитического курса Италия стремилась подчеркнуть свою значимость и вклад, который страна способна внести в развитие мирового сообщества.

В отношении к России в рамках новой концепции «мира протагонистов» правительство Италии зачастую стремилось стать медиатором между странами Западного мира и РФ, получив при этом особый статус. Позиция Италии как моста между Западом и Россией позволяла Итальянской Республике занять особую роль в Европе, укрепив свою акторность. Нередко, когда Россия и Запад подходили к той или иной кризисной черте, «итальянский мост» работал — причём вне зависимости от политической ориентации правящей коалиции. Можно сказать, что «наводить мосты» — не просто фразеологизм, но часть внешнеполитической идеологии Италии.

На высоком уровне был проведён в июле 1994 г. саммит Группы семи в Неаполе. Подключение к встрече России стало его главным событием, как писали тогда итальянцы. С. Берлускони считал это важным достижением для мирового сообщества и результатом своей личной дипломатии. Итальянский министр иностранных дел А. Мартино подчёркивал, что G-7+1 должна стать чем-то большим, чем ежегодное собрание глав государств и правительств, а для решения международных вопросов необходимо в большем объёме привлечение России. Италия также поддерживала развитие отношений Москвы с НАТО, результатом чего явилась Римская декларация 2002 г. и создание Совета Россия — НАТО.

Во времена чеченской войны была попытка исключить Россию из Парламентской ассамблеи Совета Европы. Италия была тогда председа-

³ См. подробнее: Барабанов О.Н. Италия после холодной войны: от «средней державы» к «миру протагонистов».

телем Совета Европы, и очень умеренная позиция бывшего в то время министра иностранных дел Ламберто Дини позволила сгладить ситуацию. Затем, когда отношения В. Путина и Дж. Буша-младшего обострились и начались «цветные революции», Франко Фраттини (министр иностранных дел при правительстве С. Берлускони) также пытался наладить диалог и выступить посредником в отношениях между Россией и США.

В отношении вооружённого конфликта в Южной Осетии в 2008 г. Италия также заняла позицию медиатора между Западом и Россией, выступая за незамедлительное прекращение огня и установление перемирия, не осуждая при этом российскую позицию. Основную роль по выработке мирного соглашения между сторонами взяла на себя Франция, председательствующая на тот момент в ЕС. Однако и Италия, в том числе в силу ряда субъективных причин, приняла активное участие в урегулировании грузино-осетинского кризиса. На протяжении всего конфликта итальянская сторона проводила консультации с мировыми лидерами и министрами иностранных дел, выступая фасилитатором процесса мирного урегулирования. Впоследствии мировое сообщество позитивно оценило усилия Италии и её посредническую роль, Н. Саркози лично поблагодарил С. Берлускони за важный вклад в улаживание конфликта.

В сложившихся условиях похолодания отношений между Европой и Россией Италия активно выступает за диалог с Москвой, при этом подчёркивая, что разрешение украинского кризиса возможно исключительно дипломатическим путём, с непременным участием России в переговорах.

В марте 2015 г. премьер-министр Италии М. Ренци стал первым лидером западных стран, который прибыл в Москву с официальным визитом после введения ограничительных мер ЕС и США в отношении России. Как и ожидалось, основными темами обсуждения в рамках его визита стали ситуация на Украине и в Ливии. При этом если по Украине итальянское правительство разделяет общую позицию ЕС, поддерживая соблюдение Минских соглашений, то ливийский сюжет для Италии являлся более приоритетным, что в первую очередь связано с нарастающей дестабилизацией в регионе, экспансией сил «Исламского государства» на территории Ливии. Италия и Ливия имеют не только общие страницы в истории (долгие годы Ливия была итальянской колонией), но в первую очередь связаны энергетическими интересами, а также проблемой нелегальной иммиграции. После событий «арабской весны» интересы Италии в Ливии значительно пострадали: поставки газа и нефти, обеспечивающие около 15 % потребности страны, заморожены или находятся под угрозой, в то время как потоки беженцев и нелегальных мигрантов устремляются к итальянским берегам. В целом Италия выступает за поиск возможного диалога внутри самой Ливии и за проведение миротворческой операции под эгидой ООН. Однако для этого Италии

необходимо заручиться поддержкой постоянных членов СБ ООН, в том числе и России.

Каркас архитектуры двусторонних отношений строится на положениях Договора о дружбе и сотрудничестве 1994 г. В ст. 7 оговаривается частота политических контактов на всех уровнях: высшем (не реже одного раза в год), министерском (встречи глав МИД не менее двух раз в год, глав минобороны — периодически), парламентском. Кроме того, создаются специализированные рабочие группы. Стороны также обязались содействовать расширению обменов между административно-территориальными единицами двух стран и между организациями гражданского общества (ст. 10).

Двусторонний политический диалог на высшем уровне развивается активно и плодотворно для обеих сторон. На регулярной основе осуществляется межминистерское взаимодействие, в первую очередь по линиям МИД и министерства обороны, в том числе в формате «два плюс два». Помимо этого поддерживаются регулярные рабочие контакты между законодательными, исполнительными и судебными органами власти. В 2002 г. была налажена линия засекреченной прямой связи между Кремлём и резиденцией итальянского премьер-министра — Дворцом Киджи.

Межпарламентское сотрудничество происходит в первую очередь на базе Большой российско-итальянской межпарламентской комиссии (действует с 2000 г.), сопредседателями которой являются заместители председателя Государственной Думы ФС РФ и Палаты депутатов Италии. С 2002 г. действует практика проведения встреч расширенных межгосударственных консультаций под председательством Президента России и Председателя Совета министров Италии с участием министров двух стран.

Двусторонние контакты являются не только ведомственными: в 2004 г. по инициативе В.В. Путина и С. Берлускони был создан российско-итальянский Форум-диалог по линии гражданских обществ. На встречах, проходящих не реже одного раза в год, обсуждаются темы экономики, культуры, гуманитарных и общественных связей. В течение года Форум-диалог проводит в различных городах России и Италии семинары, выставки, конференции и другие мероприятия.

О заинтересованности Италии в развитии двусторонних связей с Россией свидетельствует расширение сети консульских учреждений: это генеральные консульства в Москве и Санкт-Петербурге, почётное генеральное консульство в Краснодаре, почётные консульства в Липецке, Екатеринбурге, Челябинске, консульские корреспонденты в Самаре и Волгограде.

В 2004 г. было подписано Соглашение об упрощении выдачи виз гражданам РФ и Итальянской Республики с целью дальнейшего развития

молодёжных обменов и увеличения контактов официальных делегаций и представителей гражданского общества, в том числе участников экономического сотрудничества и предпринимателей, деятелей культуры, науки и образования, а также в области туризма. На сегодняшний день визовые центры Италии действуют в 24 российских городах. В 2014 г. было выдано рекордное число виз россиянам — 824 тыс.⁴

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Хотя Италия и поддерживает политику ограничительных мер, проводимую ЕС в отношении России, она имеет гибкую позицию, одновременно поддерживая диалог с Москвой. Италия является одним из крупнейших торгово-экономических партнёров России в мире. В предкризисный 2007 г. товарооборот между Россией и Италией составил 36 млрд долларов США, по итогам 2008 г. — 53 млрд, а в условиях «санкционной войны» его уровень между странами снижается (в 2015 г. — около 30 млрд долларов). При этом основной объём приходится на российский экспорт (около 22 млрд), который в основном составляют поставки энергоносителей, продукты неорганической химии и чёрные металлы.

Первой по значимости статьёй российского импорта из Италии является машинно-техническая продукция (в том числе оборудование для текстильной, пищевой, металлургической промышленности и т. д.). Другими важными статьями импорта являются мебель, средства транспорта, одежда и обувь.

Таким образом, налицо традиционная аномалия, присущая в целом торговым отношениям между Россией и ЕС: большая часть товарооборота приходится на экспорт энергоресурсов, а также другой продукции с низкой добавленной стоимостью, в то время как импортируются высокотехнологичные товары, а также товары народного потребления.

Уровень энергозависимости Италии от поставок из третьих стран крайне высок, поэтому Италия заинтересована в энергетическом сотрудничестве с Россией, которое интенсивно развивается. Так, в 2006 г. было подписано соглашение сроком до 2035 г. между «Газпромом» и итальянским энергетическим гигантом «Эни», открывающее российской компании прямой доступ (право прямой продажи газа) на итальянский рынок, в то время как итальянская «Эни» получала возможность участвовать в проектах в области разведки и добычи газа на территории России. По соглашению 2011 г. «Газпром» получил долю «Эни» в третьих странах (33 % в проекте разработки нефтегазового месторождения Elephant в Ливии).

4 Annuario Statistico 2015. Il Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale in Cifre. URL: https://www.esteri.it/mae/resource/doc/2016/04/annuario_statistico_2015_interattivo_aprile2016.pdf.

В 2007 г. «Газпром» и «Эни» выступили учредителями проекта «Южный поток» по строительству газопровода по дну Чёрного моря для поставок голубого топлива в Европу, в частности в Италию (предполагалась доля «Эни» в проекте 20 %). Однако в 2014 г. реализация проекта была остановлена из-за позиции Европейской комиссии.

Помимо «Газпрома» итальянская «Эни» сотрудничает с «Роснефтью» в освоении месторождений в Баренцевом и Чёрном морях. На сегодняшний день из-за введённых секторальных санкций иностранные партнёры «Роснефти» вынуждены приостановить совместную работу на шельфе.

С 2008 г. «Лукойл» является одним из крупнейших российских инвесторов на территории Италии: компания приобрела нефтеперерабатывающий завод ISAB на юго-востоке Сицилии (на сегодняшний день является третьим НПЗ в Европе по объёму переработки). Кроме этого, компания реализует продукцию через сеть собственных АЗС на территории Италии (около 20 станций).

В сфере электроэнергетики российская сторона сотрудничает с другим итальянским гигантом — компанией Enel. В России эта компания владеет 56 % акций «Энел Россия» (генерация электроэнергии) и 49 % ООО «Русэнергосбыт» (сбыт электроэнергии). На сегодняшний день инвестиции группы Enel в экономику России составляют около 200 млрд рублей.

На территории России функционирует около 500 компаний с участием итальянского капитала, семьдесят из которых имеют собственное производство внутри страны. История присутствия итальянских фирм в России насчитывает около 60 лет и связана в первую очередь с деятельностью инжиниринговых итальянских фирм в СССР. Итальянские предприятия занимают ведущие позиции в представленных отраслях, являясь одновременно символами всемирно известного итальянского стиля и качества, так называемого бренда «Made in Italy»⁵.

Перечислим наиболее крупные итальянские инвестиции в российскую экономику: приобретение фирмой Indesit у Новолипецкого металлургического комбината завода по производству холодильников «СТИНОЛ» (Липецкая область); приобретение фирмой Candy завода по производству стиральных машин «Вятка» (Кировская область); строительство завода по производству водонагревателей Ariston в Ленинградской области. В пищевой промышленности работают заводы Ferrero (Владимирская область) и Parmalat (Екатеринбург и Белгород); собственное производство имеет компания Pirelli (СП в Воронеже и Кирове). Пожалуй, в каждом секторе экономики можно найти итальянское присутствие.

При наличии тесного экономического сотрудничества развивается взаимодействие и в финансовом секторе. Первым итальянским банком,

5 См. подробнее: Пело Р., Торрембини В. «Sdelano v Italia». Итальянский бизнес в России. М.: Международные отношения, 2010.

открывшим свои отделения в России в 2003 г., стала банковская группа Intesa San Paolo, которая два года спустя с целью расширения присутствия на российском рынке приобрела российский банк «КМБ» (в 2010 г. состоялось объединение этих двух банков в один — ЗАО «Банк Интеза»). Сегодня банк «Интеза» — это не просто дочерний банк, действующий на территории России: банк обслуживает более половины внешнеторговых сделок между Россией и Италией, через него проходит подавляющая часть операций, связанных с итальянскими инвестициями в России и российскими инвестициями в Италии; кроме этого, «Интеза» выступает крупным инвестором и партнёром многих национальных и международных российских проектов.

На российском рынке функционируют и другие итальянские банки: UniCredit, старейший Monte dei Paschi, UBI, Banco Popolare, Mediobanca и ряд других.

Наращиванию российско-итальянского делового сотрудничества способствовали контакты в ходе Всемирной универсальной выставки «ЭКСПО-2015», которая открылась в мае 2015 г. в пригороде Милана.

Десятого июня 2015 г. — в национальный день России на «Экспо» — состоялся официальный визит президента России В.В. Путина на Апеннины. Приглашение посетить «Экспо» президент получил от премьера М. Ренци лично во время его визита в Москву в марте 2015 г. Встреча двух лидеров в Италии во многом стала продолжением московского диалога.

В условиях текущего кризиса в отношениях между Россией и Западом наблюдается осторожное отношение Италии к РФ: с одной стороны, итальянское правительство поддерживает санкции ЕС, с другой — воздерживается от принятия новых, всегда оставляя открытой возможность для диалога с Москвой. По словам М. Ренци, цель Италии состоит в том, чтобы включить Россию в международную игру и сыграть вместе много «матчей», в которых нашей стране определена ведущая роль.

В частности, в ходе встречи лидеров в марте 2015 г. речь шла и о санкциях, точнее, о том, какой эффект они оказывают на торгово-экономические отношения России и Италии. Италия остаётся одним из основных торговых партнёров России и стремится не отказываться от взаимовыгодных контрактов. По словам директора Итало-Российской торговой палаты в Москве М. Флорио, лозунг итальянских предпринимателей: «Не уходить с рынка». Вне зависимости от конъюнктурного цикла итальянские предприниматели относят российский рынок к стратегически важному.

В настоящий момент упор делается на развитие совместных инвестиционных программ с российскими партнёрами, то есть на переход от бренда «Made in Italy» к концепции «Made with Italy», подразумевающей под собой локализацию производства в России, но с использованием ита-

льянских технологий. В том числе основой для реализации совместных российско-итальянских проектов становится инвестиционная платформа Российского фонда прямых инвестиций и Итальянского стратегического фонда, меморандум о создании которой был подписан на триестском саммите Россия — Италия 2013 г.

Среди основных отраслей инвестиционного взаимодействия — сельское хозяйство, машиностроение, судостроение, энергетика. Обмен инвестиционным опытом поможет ещё более укрепить экономическое сотрудничество между Россией и Италией. Уже есть заделы в таких высокотехнологичных отраслях, как авиастроение, космос, ядерные технологии. Основной партнёр с итальянской стороны — холдинг Leonardo. Так, например, компания «Гражданские самолёты Сухого» и Alenia Aeronautica совместно продвигают на международном рынке авиалайнер «Суперджет-100». На сегодняшний день портфель заказов составляет около 150 самолётов, около семидесяти уже находятся в эксплуатации.

Другой перспективный проект — выпуск на подмосковном предприятии в Томилино вертолётов совместного производства AW139 (участвуют концерн «Вертолёт России» и AgustaWestland, а с 2015 г. присоединилась «Роснефть»). Российская сторона формирует значительный пакет заказов на эти машины, в том числе компания «Роснефть» заинтересована в машинах для шельфовых проектов и проведения поисково-спасательных операций.

Кроме этого, существуют проекты создания совместного экспериментального термоядерного реактора, проекты развития гражданско-ракетной техники и спутниковых систем. Словом, сотрудничество развивается активно, несмотря на сложный международный контекст.

Торгово-экономическое сотрудничество России и Италии обуславливается потребностью последней в поставках российских энергоносителей и российской заинтересованностью в итальянских потребительских товарах и технологиях. В связи с этим итальянские лидеры неоднократно подчёркивали, что экономики России и Италии являются взаимодополняющими.

КУЛЬТУРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Именно сотрудничество в области культуры заложило основу диалога между русскими и итальянцами. Достаточно вспомнить, что архитектурный ансамбль Московского Кремля возведён под руководством итальянских архитекторов, а итальянский стиль воплотился на улицах Санкт-Петербурга. Многие великие деятели русской культуры жили и творили на Апеннинах.

Соглашение о сотрудничестве в области культуры и образования 1998 г. является базовым для российско-итальянского взаимодействия на современном этапе.

Достаточно активную деятельность по продвижению российской культуры на территории Италии осуществляют Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество), а также фонд «Русский мир». Среди основных задач Россотрудничества значатся следующие: укрепление позиций русского языка и продвижение русской культуры в Италии; установление побратимских отношений между городами России и Италии (благодаря работе Российского центра науки и культуры в Риме подписаны соглашения между Сергиевым Посадом и Террачиной, Добрянкой и Реалмонте, Волгоградом и Ортоной, Обнинском и Фраскати); продвижение российского образования (в том числе через поддержание русских школ в Италии); сохранение историко-мемориальных памятников и мест погребения (поддержание захоронений на некатолическом кладбище Тестаччо в Риме); поддержка соотечественников за рубежом (в том числе по линии организаций соотечественников севера, центра и юга Италии). Фонд «Русский мир» открыл русские центры при университетах Милана, Пизы, Неаполя, а также при ассоциации «Познаём Евразию» в Вероне. Кабинеты «Русского мира» по изучению русского языка функционируют в Турине (школа русского языка и русской культуры им. И.С. Тургенева) и Милане (фонд «Центр развития итало-российских отношений»).

В последние годы наблюдается качественное улучшение уровня культурно-гуманитарного диалога двух стран. Перекрестный Год культуры «Россия — Италия» не только продолжил традицию межкультурного диалога, но и подтвердил привилегированный характер отношений двух стран. Проведение Года совпало с проходящими в Италии празднествами, посвящёнными 150-летию со дня объединения Итальянской Республики, а сам Год итальянской культуры и итальянского языка в России и *vice versa* как никогда получился богатым на культурные события.

Правовой основой для проведения и подготовки перекрестных годов культуры послужили Протокол и Меморандум о намерениях, подписанные в 2009 г. министрами культуры России и Италии. Роль главного организационно-координационного центра по проведению Года итальянской культуры и языка в России взяло на себя посольство Италии. Традиционно главным партнёром проведения программы мероприятий стал Итальянский институт культуры.

Посольство Италии не только организовывало и поддерживало мероприятия Года по всей России, но и само стало музейной площадкой по реализации некоторых из них «у себя дома» — в московском особняке Берга.

Одним из главных событий Года Италии в России стала масштабная выставка работ Караваджо, которая задумывалась ещё с 1970-х гг. Однако именно в перекрестный год культур удалось собрать 11 полотен мастера

в одном месте⁶. Экспозиция в Пушкинском музее стала крупнейшей в мире выставкой художника за пределами Италии.

В целом точками опоры Года Италии стали такие сферы, как изобразительное искусство, фотография, кино и театр. В то же время организаторы стремились расширить грани восприятия Италии. Классическое искусство было представлено в контексте сегодняшнего дня и, как бы ведя диалог, переплеталось с искусством современным. При этом у российского зрителя была возможность познакомиться с представителями различных течений, например арте повера и М. Пистолетто.

Неудивительно, что проведение подобных масштабных культурных мероприятий вызвало повышенный интерес россиян к итальянской культуре и стране в целом. Как следствие, в 2011 г. Генеральное консульство Италии в Москве выдало на 40 % больше виз по сравнению с предыдущим годом.

Другим важным результатом проведения Года «Россия — Италия» стало расширение российского присутствия на территории Италии в научно-образовательной и культурной областях. Были открыты Центр изучения культуры России при Университете Ка' Фоскари (Венеция), Российский центр науки и культуры в Риме, Центр российских исследований в старейшем римском университете Ла Сапьенца, а фонд «Русский мир» расширил сеть своих филиалов. Безусловно, создание подобных площадок для сотрудничества лишь упрочит связи между странами и народами.

Проведение Года итальянской культуры — всего лишь одно из направлений многомерного сотрудничества России и Италии. По мнению министра культуры А. Авдеева, многие успехи Года обусловлены именно сложившимися добрыми отношениями между двумя странами. Так, например, приезд в Москву «Дамы с единорогом» из римской галереи Боргезе — «пример того, что могут сделать послы и посольства, когда между двумя странами существуют великолепные отношения. Я знаю, что это личная инициатива посла, которую поддержали музеи Италии и руководство страны», сказал Авдеев⁷. По мнению посла Италии А. Дзанарди Ланди, проведение Года Италии в России придаёт новый импульс развитию двусторонних отношений.

Год 2014-й был объявлен перекрестным Годом туризма «Россия — Италия», который стал в некотором роде продолжением Года культуры;

6 До наших дней дошло не очень много картин автора, в основном все они распределены по различным итальянским собраниям. Итальянские музеи и церкви очень неохотно расстаются со своими ценными экспонатами, которые привлекают туристов со всего света. Кроме всего прочего, перевозка подобных именитых шедевров может неблагоприятно отразиться на состоянии полотна.

7 «Дама с единорогом» кисти Рафаэля представлена московской публике // РИА Новости. 19.03.2011. URL: <http://ria.ru/culture/20110319/355639249.html>.

в его рамках состоялись различные культурно-просветительские мероприятия. Для России Италия стала первой европейской страной, с которой был проведён подобный проект.

Безусловно, рамки гуманитарно-культурного сотрудничества между двумя странами не ограничиваются календарными датами, а имеют успешное продолжение в последующие годы: ведь культура границ не знает.

Расширение культурных контактов проходит также по линии молодёжных обменов и НПО, работающих в культурной сфере. В 2001 г. было заключено Соглашение о сотрудничестве по делам молодёжи, в 2002 г. — в области кинематографии. Отдельно регулируется сотрудничество в области образования и преподавания языков: в 2003 г. подписаны Меморандум об организации учреждений среднего образования с обучением на итальянском и русском языках, Протокол к договору о сотрудничестве в области сохранения культурного наследия, Соглашение об изучении итальянского языка в РФ и русского языка в Италии. В 2009 г. Россия и Италия подписали Соглашение о взаимном признании документов об образовании.

Россия и Италия являются стратегическими партнёрами, а отношения двух стран носят привилегированный характер.

Италия, являясь страной — членом и основательницей Европейского союза, в целом поддерживает позицию Брюсселя, одновременно стремясь развивать особые отношения с Россией. Такая позиция Италии вписывается во внешнеполитическую стратегию страны периода Второй республики: начиная с середины 1990-х гг. страна стремится подчеркнуть свою особую роль как в региональной, так и в глобальной политике, отказываясь от традиционного самовосприятия как «средней державы» в рамках ЕС, позиционируя себя в качестве связующего звена между различными полюсами мировой политики, в частности между Европой и Россией.

Российско-итальянские отношения отличает постоянный политический диалог, в том числе на самом высоком уровне, что стимулирует развитие отношений по всем отраслям сотрудничества. Важно, что по основным вопросам мировой политики Россия и Италия имеют схожие позиции.

Сегодня Россия и Италия имеют не только солидную политико-правовую базу двусторонних отношений, но и культурно-исторический фундамент, что в комплексе позволяет странам с успехом реализовать многочисленные проекты.

Elena Maslova

I rapporti russo-italiani: tradizioni e contemporaneità

Traduzione di Francesca Lazzarin

La storia delle relazioni italo-russe affonda le sue radici tra il X e il XIII secolo, quando si stabilirono i primi legami commerciali di singole città russe con alcuni dei Comuni italiani. Tuttavia, l'invasione tataro-mongola interruppe i contatti che si erano appena creati: questi ripresero solo nel Quattrocento, quando i principi moscoviti iniziarono a sviluppare attivamente i propri rapporti con l'Europa, e in particolare con i diversi Stati della penisola italiana¹.

Le relazioni diplomatiche tra l'Impero russo e l'Italia unita furono avviate ufficialmente il 2 luglio 1862, quasi un anno dopo la proclamazione del Regno d'Italia (17 marzo 1861), quando l'Italia appena unificata era già stata riconosciuta da molti altri paesi. Nel 1917, dopo la Rivoluzione di febbraio, l'Italia riconobbe il nuovo governo provvisorio; nel 1921 l'Italia riconobbe *de facto* la Repubblica Socialista Federativa Sovietica Russa (RSFSR), e nel 1924, al momento del primo scambio di note ufficiali, anche *de jure*.

Nel 1944 l'Unione Sovietica fu il primo paese a stabilire relazioni diplomatiche con l'Italia appena liberata dal regime fascista. L'Italia, a sua volta, fu uno dei primi paesi del mondo a riconoscere nella Russia post-sovietica l'erede di diritto dell'URSS.

Nel corso della storia, i cambi di regime portarono ora l'uno, ora l'altro dei due paesi a entrare a far parte di blocchi contrapposti, ma in generale va detto che i rapporti russo-italiani continuarono sempre ad essere sviluppati e rafforzati, estendendosi a svariati ambiti di cooperazione.

Oggi Russia e Italia sono unite da un dialogo attivo e continuo, che riguarda non solo i vertici della politica, ma anche diversi settori dell'economia e della cultura. Gli stessi leader dei due paesi definiscono i propri rapporti bilaterali “un partenariato strategico privilegiato”.

¹ Per maggiori dettagli si veda T.V. Zonova, *Rossija i Italija. Istorija diplomatičeskich otnošenij. Č. 1* [Russia-Italia: storia delle relazioni diplomatiche. Parte 1], Moskva 1998.

I documenti principali che costituiscono la base politica e giuridica dei rapporti tra la Federazione Russa e la Repubblica Italiana sono il Trattato di amicizia e cooperazione del 1994 (entrato in vigore nel 1997) e il Piano d'azione nelle relazioni tra Federazione Russa e Repubblica Italiana del 1998. Nel Trattato di amicizia e cooperazione si dice che Russia e Italia svilupperanno le proprie relazioni in quanto paesi amici, continuando a dialogare costantemente a più livelli. Il Piano d'azione decreta i vettori chiave che regolano la cooperazione bilaterale, ovvero: politico, economico-finanziario e industriale, tecnico-scientifico, nonché culturale e umanitario.

Vediamo ora più in dettaglio i principali settori in cui i due paesi cooperano.

IL DIALOGO POLITICO

Per comprendere non solo la posizione italiana sullo scacchiere internazionale nell'ambito della politica estera, ma anche la logica che regola il funzionamento delle relazioni bilaterali dell'Italia (anche con la Russia), è indispensabile passare brevemente in rassegna i principi fondanti della politica estera del paese.²

Gli anni '90 hanno rappresentato una frattura, un momento di passaggio da un sistema bipolare a una nuova configurazione degli equilibri mondiali. La fine del bipolarismo ha influenzato anche la situazione interna dell'Italia: il tratto distintivo del sistema politico della Prima Repubblica (1948-metà degli anni '90), infatti, coincideva con uno dei principali compiti che si era prefissa la Democrazia cristiana. La DC, che era stata praticamente sempre al potere senza soluzione di continuità, intendeva contrapporsi alla "minaccia comunista" impedendo l'arrivo al potere del PCI, il secondo partito più popolare in Italia. In un simile contesto, l'élite di governo era costretta non di rado a formare coalizioni "artificiose" dal punto di vista ideologico. Il compito prioritario della DC lasciò una traccia anche nella politica estera del paese: l'Italia, tra i paesi fondatori della NATO, delegava le proprie questioni di sicurezza all'Alleanza, seguendo la generale corrente filoamericana. La penisola italiana era ritenuta in primo luogo un avamposto dell'Occidente, una piattaforma di grande importanza logistica dotata di un'ampia rete di basi militari.

La fine della guerra fredda rese inattuale il "contenimento" dei comunisti come obiettivo sistematico della politica italiana. L'Italia si ritrovò a dover ripensare le basi ideologiche della propria politica estera e dei propri interessi nazionali. Le discussioni teoriche degli intellettuali italiani circa il

² Per maggiori dettagli si vedano O.N. Barabanov, *Italija posle cholodnoj vojny: ot "srednej deržavy" k "miru protagonistov"* [L'Italia dopo la guerra fredda. Dalla "media potenza" al "mondo dei protagonisti"], Moskva 2002; T.V. Zonova, *Istorija vnešnej politiki Italii* [Storia della politica estera italiana], Moskva 2016; E.A. Maslova, *Vnešnjaja politika Italii (1994–2011)* [La politica estera italiana, 1994–2011], Moskva 2018.

nuovo ruolo ricoperto dal loro paese nel mondo culminarono nel concetto di "mondo dei protagonisti" formulato da Gianni De Michelis, all'epoca Ministro degli Esteri. In sostanza, questo concetto implicava una politica estera più indipendente (contrapposta all'idea della "media potenza" in auge ai tempi della guerra fredda) che l'Italia avrebbe dovuto condurre per trasformarsi in un "protagonista", ovvero in un giocatore chiave della politica europea e mondiale³.

Allo stesso periodo risalgono altri eventi importanti della storia italiana, come lo scandalo di Tangentopoli, che compromise l'esistenza di tutti i partiti tradizionali esistiti dalla fondazione della Repubblica, e il cambiamento del sistema elettorale. In ultima analisi, il vuoto politico che si era venuto a formare fu colmato da partiti e forze politiche completamente nuove, guidate dai leader della nuova coalizione che seguì le elezioni del 1994.

In questo modo, i cambiamenti politici che avevano portato al passaggio alla cosiddetta "Seconda Repubblica" e alla comparsa di nuovi leader spinsero a una profonda revisione del ruolo dell'Italia nel contesto della politica mondiale e, di conseguenza, anche delle basi ideologiche della politica estera italiana.

In seguito, la politica estera italiana iniziò ad essere caratterizzata da un significativo incremento delle attività del paese nell'arena internazionale: delineando il nuovo formato della propria politica estera, l'Italia mirava ad evidenziare la sua importanza e il contributo che era in grado di dare allo sviluppo della comunità internazionale.

Per quanto riguarda la Russia, secondo il nuovo concetto del "mondo dei protagonisti", il governo italiano cercava in parte di fare da mediatore tra Federazione Russa e Occidente, acquisendo uno status particolare: la funzione di "ponte" consentiva infatti all'Italia di ricoprire una posizione di rilievo in Europa, rafforzando il proprio ruolo di attore influente. Non di rado, quando Federazione Russa e Occidente arrivavano sull'orlo di una crisi, veniva attivato il "ponte italiano", a prescindere dagli orientamenti politici della coalizione al governo. Si può dire che "costruire ponti" non fosse solo una metafora, ma una parte integrante dell'ideologia alla base della politica estera italiana.

Nel luglio 1994 si svolse, a livello di capi di Stato e primi ministri, il summit G7 a Napoli. La partecipazione della Russia ne fu l'aspetto più importante, come scrissero allora da parte italiana. Silvio Berlusconi lo ritenne un grande successo per la comunità internazionale, nonché il risultato tangibile dell'attività diplomatica promossa da lui stesso. Il Ministro degli Esteri Antonio Martino sottolineò che il formato G7+1 avrebbe dovuto diventare qualcosa di più della riunione annuale di capi di Stato e premier, e che per la risoluzione di una serie di questioni internazionali sarebbe stato necessario coinvolgere maggiormente la Russia. L'Italia, inoltre, promosse lo sviluppo delle relazioni

³ Per maggiori dettagli si veda O.N. Barabanov, *op. cit.*

di Mosca con la NATO: i risultati di questo impegno furono la Dichiarazione di Roma del 2002 e la creazione del Consiglio Russia-NATO.

Durante la guerra in Cecenia si tentò di escludere la Russia dall'Assemblea parlamentare del Consiglio europeo. All'epoca la presidenza di turno del Consiglio era italiana, e la posizione molto cauta dell'allora Ministro degli Esteri Lamberto Dini permise di mitigare la situazione. Anche in seguito, quando i rapporti tra Vladimir Putin e George Bush peggiorarono e iniziarono le cosiddette "rivoluzioni colorate", Franco Frattini (Ministro degli Esteri nel governo Berlusconi) cercò di avviare un dialogo facendo da mediatore tra Russia e Stati Uniti.

Anche rispetto alle azioni belliche del 2008 in Ossezia del Sud l'Italia fece da mediatore tra Russia e Occidente, esprimendosi a favore di un immediato cessate il fuoco e di una tregua, senza per questo stigmatizzare le posizioni russe in merito al conflitto. La Francia, che in quel momento era Presidente di turno dell'Unione Europea, si assunse le principali responsabilità per l'elaborazione del trattato di pace tra le due parti del conflitto, ma va detto che anche l'Italia (tra le altre cose per una serie di motivi soggettivi) prese parte attiva alla risoluzione della crisi in Georgia e Ossezia. Nel corso di tutto il conflitto, la parte italiana svolse consultazioni con i leader e i ministri degli Esteri di tutto il mondo, fungendo da facilitatore allo scopo di portare avanti il processo di regolamento pacifico della crisi. Una volta firmato il piano di pace, la comunità internazionale valutò molto positivamente gli sforzi dell'Italia e il suo ruolo di mediatore: Nicolas Sarkozy ringraziò personalmente Silvio Berlusconi per l'importante contributo dato.

Nel recente contesto di "congelamento" dei rapporti tra Russia e Europa, l'Italia continua ad esprimersi apertamente a favore di un dialogo con Mosca, facendo presente che una risoluzione della crisi ucraina è possibile solo per vie diplomatiche, con una partecipazione senza se e senza ma della Russia ai negoziati.

Nel marzo 2015 il premier italiano Matteo Renzi è stato il primo leader di un paese occidentale a recarsi in visita ufficiale a Mosca dopo l'introduzione delle misure restrittive di Stati Uniti e Unione Europea nei confronti della Russia. Come ci si aspettava, i temi principali discussi durante la visita di Renzi a Mosca sono stati la crisi ucraina e quella libica. Se per quanto riguarda l'Ucraina il governo italiano condivide la posizione generale dei paesi UE, sostenendo la necessità di rispettare gli Accordi di Minsk, la questione libica ha per l'Italia una priorità ben maggiore, il che è dovuto in primo luogo alla crescente instabilità della regione nord-africana e all'espansione dello Stato islamico in Libia. L'Italia e la Libia hanno in comune non solo diverse pagine di storia (per molti anni, com'è noto, la Libia è stata una colonia italiana), ma anche, cosa più importante, interessi in campo energetico, oltre al problema dell'immigrazione clandestina.

Dopo gli eventi della "primavera araba", gli interessi sia dell'Italia che della Libia si sono ritrovati significativamente danneggiati: le forniture di gas e petrolio, che soddisfacevano quasi il 15% del fabbisogno italiano, sono state bloccate o messe a repentaglio; allo stesso tempo, orde di rifugiati e clandestini sono salpate verso le coste italiane. In generale, l'Italia è per la ricerca di un dialogo possibile entro i confini della stessa Libia e per la prosecuzione dell'operazione di pace attualmente in corso sotto l'egida dell'ONU. Ma per realizzare questi piani è indispensabile godere del supporto dei membri permanenti del Consiglio di Sicurezza dell'ONU, Russia compresa.

Le fondamenta delle relazioni bilaterali russo-italiane sono i principi esposti nel Trattato di amicizia e cooperazione del 1994. Nell'Art. 7 viene illustrata la frequenza dei contatti politici italo-russi a tutti i livelli: secondo quanto esposto, i capi di Stato e di governo sono tenuti ad incontrarsi almeno una volta l'anno; gli incontri tra i ministri degli Esteri si devono tenere almeno due volte l'anno; è prevista, periodicamente, anche l'organizzazione di incontri tra i ministri della Difesa; si possono svolgere, ove necessario, consultazioni parlamentari. Inoltre, è possibile formare gruppi di lavoro specializzati. Le parti si impegnano altresì a contribuire a un incremento degli scambi tra le unità amministrative e territoriali dei due paesi e tra le loro organizzazioni della società civile (cfr. Art. 10).

Il dialogo politico bilaterale al livello più alto si sta sviluppando attivamente e sta dando ottimi frutti da ambo le parti. La cooperazione interministeriale è portata avanti con regolarità, in primo luogo attraverso i Ministeri degli Esteri e della Difesa, ovvero nel formato "2+2". A parte questo, vengono mantenuti regolari contatti di lavoro tra gli organi del potere legislativo, esecutivo e giudiziario. Nel 2002 è stata stabilita una linea diretta segretata tra il Cremlino e Palazzo Chigi, residenza del premier italiano.

I programmi di cooperazione parlamentare si svolgono innanzitutto a cura della Grande Commissione interparlamentare italo-russa (attiva dal 2000), i cui co-presidenti sono i vicepresidenti della Duma russa e della Camera dei deputati italiana. Dal 2002 è in auge la pratica delle consultazioni internazionali allargate, presiedute dal capo di Stato russo e dal premier italiano, con la partecipazione di ministri dei due paesi.

I contatti bilaterali non si limitano ai ministeri: nel 2004, su iniziativa di Vladimir Putin e Silvio Berlusconi, è stato fondato il Forum di dialogo italo-russo, che coinvolge le società civili dei due paesi. Negli incontri del Forum, che si tengono almeno una volta all'anno, vengono discussi temi legati all'economia, alla cultura, ai rapporti in ambito sociale e umanitario. Inoltre, durante l'anno all'interno del Forum vengono organizzati in diverse città italiane e russe seminari, mostre, convegni ed altri eventi.

Una dimostrazione dell'interesse italiano nei confronti dei rapporti bilaterali con la Russia è anche l'allargamento della rete consolare italiana:

pensiamo ai Consolati generali a Mosca e a San Pietroburgo, al Consolato onorario generale a Krasnodar, ai Consolati onorari a Lipeck, Ekaterinburg, Čeljabinsk, alle corrispondenze consolari a Samara e Volgograd.

Nel 2004 è stato firmato l'Accordo per la facilitazione del rilascio dei visti ai cittadini russi e italiani, con l'obiettivo di sviluppare ulteriormente gli scambi tra le giovani generazioni ed intensificare i contatti tra le delegazioni ufficiali e i rappresentanti della società civile, compresi gli imprenditori e le persone attive nell'ambito della cultura, della ricerca e dell'istruzione, oltre che del turismo. Al momento attuale i centri visti italiani hanno aperto i battenti in 24 città russe. Nel 2014 è stato rilasciato un numero record di visti ai cittadini russi (824.000)⁴.

LA COOPERAZIONE ECONOMICA

Anche se l'Italia appoggia la politica delle sanzioni applicate dall'UE nei confronti della Russia, ha comunque assunto una posizione tutt'altro che rigida, mantenendo contemporaneamente un dialogo con Mosca. L'Italia è uno dei maggiori partner commerciali della Russia nel mondo. Nel 2007, prima della crisi, l'interscambio commerciale tra Russia e Italia era pari a 36 miliardi di dollari USA, per arrivare a 53 miliardi al termine del 2008. Nel contesto della "guerra delle sanzioni" l'interscambio si è ovviamente ridotto (30 miliardi di dollari USA nel 2015); la sua parte più significativa, comunque, è costituita dalle esportazioni russe (circa 22 miliardi), che consistono essenzialmente in forniture di risorse energetiche, prodotti chimici inorganici e metalli ferrosi.

Al primo posto tra le importazioni italiane in Russia troviamo i macchinari (tra cui rientrano attrezzature per l'industria tessile, alimentare, metallurgica ecc.). Altri importanti prodotti d'importazione provenienti dall'Italia sono i mobili, i mezzi di trasporto, i capi di abbigliamento e le calzature. È dunque evidente la tradizionale "anomalia" che connota generalmente i rapporti commerciali tra Russia e UE: gran parte degli scambi commerciali consiste nell'esportazione, da parte russa, di risorse energetiche e di altri tipi di prodotti con un prezzo aggiuntivo basso, mentre in Russia vengono importate merci di alta tecnologia o di ampio consumo.

Il livello di dipendenza energetica dell'Italia dalle forniture di stati terzi è molto alto, motivo per cui Roma è interessata a una collaborazione con Mosca nel settore energetico, che si sta infatti sviluppando attivamente: nel 2006 è stato firmato un accordo, valido fino al 2025, tra la "Gazprom" russa e il colosso italiano dell'energia "Eni", che conferisce alla "Gazprom" l'accesso diretto al mercato italiano (ovvero il diritto alla vendita diretta di gas), mentre

4 Annuario Statistico 2015. Il Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale in Cifre. URL: https://www.esteri.it/mae/resource/doc/2016/04/annuario_statistico_2015_interattivo_aprile2016.pdf.

all'"Eni" è stata concessa la possibilità di prendere parte a progetti nel campo della ricerca e dell'estrazione di gas in territorio russo.

Secondo i termini di un ulteriore accordo del 2011, la "Gazprom" ha inoltre ottenuto una quota dell'"Eni" in stati terzi (33% del progetto di lavorazione del giacimento di gas e petrolio "Elephant" in Libia).

Nel 2007 la "Gazprom" e l'"Eni" hanno ideato il progetto "South stream", che prevede la costruzione di un gasdotto sui fondali del Mar Nero per le forniture di "oro azzurro" all'Europa e in particolare all'Italia (si pensava a una quota dell'"Eni" nel progetto pari al 20%). Tuttavia, nel 2014 la realizzazione del progetto è stata bloccata su decisione della Commissione europea.

Oltre che con la "Gazprom", l'"Eni" collabora anche con la "Rosneft" nelle attività di esplorazione dei giacimenti nel Mare di Barents e nel Mar Nero. Al momento attuale, a causa dell'introduzione di sanzioni settoriali, i partner stranieri della "Rosneft" sono stati costretti ad interrompere i lavori congiunti nella placca continentale.

Dal 2008 la "Lukoil" è uno dei maggiori investitori russi in territorio italiano: la società russa ha acquistato la raffineria "ISAB", situata nella Sicilia sud-orientale, che al momento è la terza in Europa per mole di lavoro. Inoltre, la "Lukoil" diffonde la propria produzione attraverso la sua rete di stazioni di servizio: in territorio italiano ve ne sono circa 20.

In territorio russo operano circa 500 imprese con partecipazione di capitali italiani, 70 delle quali hanno le proprie unità produttive all'interno del paese. La storia delle imprese italiane in Russia è lunga circa 60 anni ed è legata in primo luogo alle attività degli ingegneri italiani in Unione Sovietica. Le aziende italiane occupano posizioni di rilievo nei loro settori di competenza e sono anche un simbolo dell'inconfondibile "stile italiano", noto in tutto il mondo, e della qualità assicurata dal brand "Made in Italy"⁵.

Elenchiamo ora gli investimenti italiani di maggior spessore nell'economia russa: acquisizione, da parte della "Indesit", della fabbrica di frigoriferi "Stinol" (Regione di Lipeck), in precedenza afferente all'Industria metallurgica di Novolipetsk; acquisizione, da parte della "Candy", della fabbrica di lavatrici "Vjatka" (Regione di Kirov); costruzione di una fabbrica di scaldabagni "Ariston" nella regione di Leningrado. Per quanto riguarda il settore alimentare, sono attivi stabilimenti della "Ferrero" nella regione di Vladimir e della "Parmalat" a Ekaterinburg e Belgorod; la "Pirelli" dispone invece di proprie unità produttive a Voronež e Kirov. Possiamo dunque trovare tracce italiane in qualsiasi settore dell'economia russa.

Parallelamente a questi stretti legami in ambito economico, si sta sviluppando anche una fruttuosa cooperazione nel campo della finanza: la prima

5 Per maggiori dettagli si veda R. Pelo, V. Torrembini, "Sdelano v Italii". *Ital'janskij biznes v Rossii* ["Made in Italy". Le imprese italiane in Russia], Moskva 2010.

banca italiana che ha aperto sue filiali in Russia è stata, nel 2003, la “Intesa San Paolo”, che due anni dopo ha anche acquisito la banca russa KMB per espandersi sul mercato russo. Nel 2010 queste due banche sono state unite in “Banca Intesa”. Oggi “Banca Intesa” non è solo la filiale di una banca italiana operante in territorio russo: questa banca cura infatti più della metà delle transazioni commerciali tra Russia e Italia. Attraverso di essa viene svolta larga parte delle operazioni legate agli investimenti italiani in Russia e viceversa. Inoltre, “Banca Intesa” è un importante investitore e partner di numerosi progetti nati in terra russa, tanto nazionali quanto internazionali.

Sul mercato russo operano anche altre banche italiane: “UniCredit”, l’antico “Monte dei Paschi”, “UBI”, “Banco Popolare”, “Mediobanca” e molte altre.

L’incremento della cooperazione economica russo-italiana è stato anche agevolato dai contatti stabiliti durante l’esposizione universale EXPO 2015, inaugurata nel maggio 2015 alla periferia di Milano. Il 10 giugno 2015, in occasione del Giorno della Russia all’EXPO, il Presidente russo Vladimir Putin è stato in visita ufficiale in Italia, accogliendo l’invito a visitare l’EXPO ricevuto personalmente dal premier italiano Matteo Renzi durante il soggiorno di quest’ultimo a Mosca nel marzo 2015. L’incontro dei due leader in Italia è stato per molti versi una prosecuzione dei colloqui avuti a Mosca.

Nell’attuale contesto di crisi dei rapporti tra Russia e Occidente, si rileva un approccio molto cauto dell’Italia alle “questioni russe”: da un lato, il governo italiano appoggia le sanzioni europee contro la Russia; dall’altro, si astiene dall’approvarne di nuove, lasciando sempre aperta la possibilità di un dialogo con Mosca. Stando a quanto detto da Matteo Renzi, lo scopo dell’Italia è integrare la Russia nei giochi internazionali e, per restare in metafora, giocare insieme molte “partite”, nelle quali assegnare alla Russia un ruolo da campione.

In particolare, durante l’incontro del marzo 2015 tra Renzi e Putin, si è parlato anche delle sanzioni, e più precisamente dell’influsso che queste esercitano sui rapporti economici italo-russi. L’Italia resta uno dei principali partner commerciali della Russia e si sforza di non rinunciare alla stipula di contratti favorevoli per entrambi. Secondo Marisa Florio, direttrice della Camera di commercio italo-russa a Mosca, il motto degli imprenditori italiani è “non uscire dal mercato”. Indipendentemente dalla congiuntura vissuta ora, gli imprenditori italiani ritengono che il mercato russo sia strategicamente molto importante.

In questo momento si sta puntando soprattutto allo sviluppo di programmi congiunti di investimento con partner russi, ovvero al passaggio dal brand “Made in Italy” al concetto di “Made with Italy”, che comporta una delocalizzazione della produzione in Russia, ma con l’impiego di tecnologie italiane. Tra le altre cose, una base per la realizzazione di progetti congiunti italo-russi è costituita dalla piattaforma per gli investimenti a cura della Fondazione russa di investimenti diretti e del Fondo strategico italiano. Il memo-

randum relativo alla creazione della suddetta piattaforma è stato firmato al summit di Trieste del 2013.

Tra i principali settori che vedono una cooperazione in termini di investimenti rientrano l’agricoltura, la produzione di macchinari, la costruzione di navi, l’energia. Lo scambio di esperienze nell’ambito degli investimenti potrebbe rafforzare ancora di più la cooperazione economica italo-russa: vi sono già dei segnali positivi in branche dell’alta tecnologia come la costruzione di aerei, l’ingegneria aerospaziale, il nucleare. Il principale partner italiano è l’holding “Leonardo”: ad esempio, la fabbrica di aerei “Sukhoi” e la “Alenia Aeronautica” stanno promuovendo insieme sul mercato internazionale l’aereo “Superjet-100”. Oggi il pacchetto delle loro commesse comprende circa 150 di questi aerei; 70 velivoli sono attualmente già in uso.

Un altro progetto molto promettente è la produzione, presso un’industria di Tomilino (provincia di Mosca) di elicotteri russo-italiani AW139, alla cui costruzione partecipano il consorzio “Elicotteri russi” e la “Agusta Westland”; nel 2015 si è unita al progetto anche la “Rosneft”. La parte russa sta predisponendo un consistente pacchetto di commesse per questi velivoli, e la “Rosneft” è interessata agli elicotteri per svolgere le sue operazioni di ricerca e salvataggio all’interno dei progetti che sta portando avanti sulla placca continentale.

Russia e Italia hanno anche in programma di costruire insieme un reattore termo-nucleare sperimentale, di sviluppare la tecnologia missilistica ad uso civile e di perfezionare i sistemi satellitari. Insomma, la cooperazione sta facendo numerosi passi in avanti a prescindere dal difficile contesto internazionale.

La cooperazione economica italo-russa è dettata dal bisogno, da parte dell’Italia, di forniture di risorse energetiche russe, e dall’interesse, da parte della Russia, nei confronti dei beni di consumo e delle tecnologie italiane. Per questo i leader italiani hanno rimarcato più volte come i sistemi economici di Russia e Italia si integrino molto bene a vicenda.

LA COOPERAZIONE IN AMBITO CULTURALE

Proprio la cooperazione in ambito culturale ha gettato le basi del dialogo russo-italiano. Basti ricordare che l’ensemble architettonico del Cremlino di Mosca è stato eretto sotto la guida di maestri italiani, e lo stile italiano si è poi incarnato nelle strade di San Pietroburgo. D’altro canto, numerosi grandi artisti e intellettuali russi hanno vissuto e lavorato tra Alpi e Appennini.

L’Accordo di collaborazione nel campo della cultura e dell’Istruzione del 1998 è il principale fondamento su cui poggia la cooperazione russo-italiana nel settore. Ad impegnarsi piuttosto attivamente per la promozione della cultura russa in territorio italiano sono l’Agenzia federale per gli affari della Comunità

degli Stati Indipendenti, la Fondazione “Russkij Mir”, l’Agenzia federale per la cooperazione umanitaria internazionale (“Rossotrudničestvo”), oltre alle associazioni di russi residenti all’estero.

Tra i compiti principali della “Rossotrudničestvo” rientra quanto segue: rafforzamento del ruolo occupato dalla lingua russa e promozione della cultura russa in Italia; progetti di gemellaggio tra città russe e italiane (grazie all’impegno del Centro russo per la scienza e la ricerca a Roma sono stati firmati accordi tra Sergiev Posad e Terracina, Dobrjanka e Realmonte, Volgograd e Ortona, Obninsk e Frascati); promozione del sistema scolastico russo (anche sostenendo le attività delle scuole russe in Italia); conservazione dei monumenti storici e commemorativi e dei luoghi di sepoltura (come la cura delle tombe del cimitero non cattolico del Testaccio a Roma); supporto ai cittadini russi residenti all’estero (anche attraverso le relative associazioni con sedi nell’Italia settentrionale, centrale e meridionale). La Fondazione “Russkij Mir” ha aperto centri russi presso le università di Milano, Pisa e Napoli e all’interno dell’Associazione “Conoscere Eurasia” di Verona. Degli istituti di “Russkij Mir”, il cui scopo è promuovere lo studio della lingua russa, sono attivi a Torino (Scuola di lingua e cultura russa “I.S. Turgenev”) e a Milano (Fondazione “Centro per lo sviluppo dei rapporti italo-russi”).

Negli ultimi anni si è registrato un miglioramento qualitativo del livello del dialogo culturale tra i due paesi. L’“Anno incrociato” della cultura Russia-Italia non ha solo proseguito degnamente le tradizioni del dialogo interculturale russo-italiano, ma anche confermato il carattere privilegiato dei rapporti in questione. Lo svolgimento dell’Anno è coinciso con le celebrazioni allora in corso per i 150 anni dall’Unità d’Italia. Come l’analogo Anno della lingua e della cultura italiana in Russia, l’Anno della lingua e della cultura russa in Italia è stato di una ricchezza senza precedenti in termini di iniziative culturali.

La base giuridica per lo svolgimento e l’allestimento degli “anni incrociati” è stata fornita dal Protocollo e dal Memorandum d’Intesa firmati nel 2009 dai ministri della Cultura dei due paesi. L’Ambasciata d’Italia a Mosca si è assunta il ruolo di principale nucleo organizzativo e di coordinamento dell’Anno della lingua e della cultura italiana in Russia. Come da tradizione, il principale partner nello svolgimento dell’intenso programma di eventi è stato l’Istituto Italiano di Cultura.

L’Ambasciata d’Italia a Mosca non ha solo organizzato e promosso gli eventi dell’Anno in tutto il territorio russo, ma si è trasformata essa stessa in un museo durante lo svolgimento di alcuni eventi “a casa propria”, ovvero a Villa Berg.

Uno degli eventi più importanti dell’Anno italiano in Russia è stata una grande mostra di Caravaggio, a cui si era iniziato a pensare già negli anni ’70. Solo durante l’“Anno incrociato”, però, è stato possibile riunire sotto lo stesso

tetto undici tele del grande pittore italiano⁶. La mostra, allestita presso il Museo di Belle Arti “Puškin” di Mosca, è stata la più grande mostra monografica di Caravaggio al di fuori dell’Italia.

In generale, le punte di diamante dell’Anno italiano hanno riguardato le arti figurative, la fotografia, il cinema e il teatro. Allo stesso tempo, però, gli organizzatori hanno cercato di ampliare i confini della ricezione dell’Italia in Russia. Ad esempio, dei classici dell’arte sono stati presentati nel contesto odierno e affiancati all’arte contemporanea, come se dialogassero con quest’ultima. Inoltre, il pubblico russo ha potuto conoscere da vicino dei rappresentanti di diverse correnti artistiche, ad esempio Michelangelo Pistoletto e l’“arte povera”.

Non sorprende dunque il fatto che lo svolgimento di eventi culturali di tale spessore abbia suscitato nei russi un enorme interesse nei confronti della cultura italiana e dell’Italia in generale. Nel 2011, non a caso, il Consolato generale d’Italia a Mosca ha rilasciato il 40% di visti in più rispetto all’anno precedente.

Un altro importante successo dell’Anno incrociato è stato l’incremento della presenza russa in Italia nel campo della cultura e dell’istruzione. Sono stati aperti il Centro di Storia delle Arti della Russia presso l’Università Ca’ Foscari di Venezia, il Centro russo di scienza e ricerca a Roma, il Centro di studi russi presso l’Università di Roma “La Sapienza”; la Fondazione “Russkij Mir” ha ampliato la propria rete di filiali. Indubbiamente, la creazione di simili piattaforme per la cooperazione non potrà che rendere più resistenti i legami tra i due paesi e i loro popoli.

Lo svolgimento dell’Anno della cultura italiana è solo uno degli aspetti della multiforme cooperazione tra Russia e Italia in ambito culturale. Secondo l’allora Ministro della Cultura Aleksandr Avdeev, molti dei successi dell’Anno sono stati dovuti appunto ai buoni rapporti già esistenti tra i due paesi. Ad esempio, l’arrivo a Mosca della “Dama con l’unicorno” dalla Galleria Borghese di Roma sarebbe per Avdeev «l’esempio di cosa possono fare gli Ambasciatori e le ambasciate quando i rapporti tra due paesi sono eccellenti. So che si è trattato di un’iniziativa personale dell’Ambasciatore, supportata dai musei italiani e dal Governo del paese»⁷. Secondo l’allora Ambasciatore d’Italia Antonio Zanardi Landi, lo svolgimento dell’Anno italiano in Russia ha portato nuova linfa allo sviluppo delle relazioni bilaterali.

Il 2014, dichiarato “Anno incrociato del turismo russo-italiano” è stato in un certo senso una prosecuzione dell’Anno della cultura, e ha portato con sé

⁶ Non molti quadri di Caravaggio si sono conservati fino ai nostri giorni, trovandosi perlopiù sparsi in diverse collezioni italiane. I musei e le chiese italiane non sono molto inclini a separarsi dai loro preziosi tesori, che attirano turisti da tutto il mondo. Inoltre, il trasporto di opere d’arte così celebri può ripercuotersi negativamente sulle condizioni delle tele.

⁷ RIA Novosti, “Dama s edinorogom” kisti Rafaelja predstavlena moskovskoj publike [La “Dama con l’unicorno” di Raffaello presentata a Mosca], 19 marzo 2011, URL: <http://ria.ru/culture/20110319/355639249.html>.

diversi eventi culturali e divulgativi. Per la Russia l'Italia è stato il primo paese europeo con il quale si è riusciti a organizzare un simile Anno del turismo.

Ovviamente la sfera della cooperazione tra i due paesi in ambito culturale non si è limitata alle date sancite dal calendario, ma ha raggiunto ulteriori successi negli anni seguenti: la cultura, d'altronde, non ha confini temporali.

L'intensificazione dei contatti culturali è in corso anche attraverso gli scambi giovanili e le ONG attive nel settore culturale. Nel 2001 è stato firmato l'Accordo sulla cooperazione in ambito giovanile, e nel 2002 l'Accordo sulla collaborazione nel settore della cinematografia. La cooperazione nel campo dell'istruzione e dell'insegnamento viene coordinata a parte: nel 2003 sono stati firmati il Memorandum per l'organizzazione di istituti scolastici medi e superiori con insegnamento in italiano e in russo, il Protocollo aggiuntivo all'accordo sulla cooperazione nel settore della conservazione dei beni culturali, l'Accordo sugli studi della lingua italiana nella Federazione Russa e della lingua russa nella Repubblica Italiana.

Nel 2009 la Russia e l'Italia hanno firmato l'accordo sul riconoscimento reciproco dei titoli di studio.

La Russia e l'Italia sono partner strategici, e i rapporti tra i due paesi hanno un carattere privilegiato.

L'Italia, paese fondatore dell'Unione Europea, in linea di massima appoggia le posizioni dettate da Bruxelles, ma allo stesso tempo mira a sviluppare relazioni particolari con la Russia. Una simile posizione dell'Italia ben si iscrive nella strategia di politica estera seguita dal paese all'epoca della Seconda Repubblica: a partire dalla metà degli anni '90 del Novecento, infatti, l'Italia si è sforzata di ribadire il proprio ruolo di rilievo tanto nel contesto locale quanto in quello globale, rifiutando, a differenza di quanto avveniva in passato, di considerarsi una "media potenza" all'interno dell'UE e posizionandosi invece in qualità di "anello di congiunzione" tra i diversi poli della politica internazionale, e in particolare tra l'Europa e la Russia.

I rapporti russo-italiani sono caratterizzati da un dialogo politico basato sulla fiducia, che è continuamente presente, anche ai livelli più alti: ciò consente di stimolare lo sviluppo delle relazioni in tutti i settori della cooperazione bilaterale. Un altro fatto molto importante è che, per quanto riguarda le questioni politiche più rilevanti a livello globale, i due paesi hanno posizioni simili.

Oggi Russia e Italia dispongono non solo di una solida base politica e giuridica per sviluppare le proprie relazioni bilaterali, ma anche di un retaggio storico e culturale a monte, che, nel complesso, permette ai due paesi di realizzare con successo numerosissimi progetti.

ФОТОГРАФИИ КОНФЕРЕНЦИИ / FOTO DELLA CONFERENZA

Открытие конференции прошло в особняке Берга. На открытии выступили директор Первого Европейского департамента МИД РФ Алексей Парамонов, посол Италии в РФ Паскуале Терраччано, посол Германии в РФ Рюдигер фон Фрич, директор ИЕ РАН Алексей Громыко, профессор Серджо Романо, профессор Татьяна Зонова, профессор Винфрид Баумгарт /

L'inaugurazione della Conferenza si è tenuta a Villa Berg. Vi hanno preso parte: il Direttore del primo dipartimento europeo del Ministero degli Affari Esteri della Federazione Russa Aleksej Paramonov, l'Ambasciatore d'Italia nella Federazione Russa Pasquale Terracciano, l'Ambasciatore di Germania nella Federazione Russa Rüdiger von Fritsch, il Direttore dell'Istituto Europa dell'Accademia russa delle scienze Aleksej Gromyko, il Professore Sergio Romano, la Professoressa Tatiana Zonova, il Professore Winfried Baumgart

Участники конференции
«1918–2018: век
истории в особняке
Берга». 6 июля 2018 г. /
I partecipanti alla
Conferenza «1918–2018:
un secolo di storia a Villa
Berg». 6 luglio 2018

После окончания первой части конференции участники и гости были приглашены в сад особняка Берга на торжественную церемонию посадки дуба с памятной табличкой, которая гласит: «Это дерево было посажено нами как символ жизни, в память о Вильгельме Графе фон Мирбахе-Харффе, Чрезвычайном и Полномочном Министре Германской империи в Советской России, который 6 июля 1918 г. в этом здании стал жертвой политически мотивированного покушения. г. Москва, 6 июля 2018 г. Паскуале Терраччано, Посол Италии в Российской Федерации. Рюдигер фон Фрич, Посол Германии в России» / Dopo la conclusione della prima parte della Conferenza, tutti i partecipanti e gli ospiti sono stati invitati nel giardino di Villa Berg, dove ha avuto luogo la solenne cerimonia della messa a dimora di una quercia e lo svelamento della targa: «Quest'albero fu da noi piantato quale simbolo della vita, in memoria del conte Wilhelm von Mirbach-Harff, Ministro Straordinario e Plenipotenziario dell'Impero Germanico nella Russia Sovietica, che il 6 luglio del 1918 qui cadde vittima di un attentato politicamente motivato. Mosca, 6 luglio 2018. Pasquale Terracciano, Ambasciatore d'Italia nella Federazione Russa. Rüdiger von Fritsch, Ambasciatore di Germania nella Federazione Russa»

Вторая часть конференции прошла в стенах Института Европы РАН /
La seconda parte della Conferenza si è tenuta presso l'Istituto Europa dell'Accademia russa delle scienze

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ В ОСОБНЯКЕ БЕРГА /
LA VITA CULTURALE A VILLA BERG

Музыкальный вечер «Миф Страдивари».
Произведения исполнялись
на инструментах мастеров Антонио
Страдивари, Джузеппе Гварнери
дель Джезу и Санто Серафина
из фондов Государственной коллекции
музыкальных инструментов России
и Музея скрипки Кремоны /
Serata musicale "Il mito di Stradivari".
Le composizioni sono state eseguite con gli
strumenti dei Maestri Antonio Stradivari,
Giuseppe Guarneri Del Gesù e Santo
Serafina, dalle collezioni della Fondazione
statale degli strumenti musicali unici della
Russia e del Museo del Violino di Cremona

В 2018 г. режиссёру Андрею
Кончаловскому был вручён орден
за заслуги перед Итальянской
Республикой в степени Кавалера /
Nel 2018 al regista Andrej Končalovskij
è stato conferito l'Ordine al Merito della
Repubblica Italiana nel grado di Cavaliere

Вечер известного итальянского бренда
в интерьерах особняка Берга /
Serata dedicata a un famoso brand italiano
negli interni di Villa Berg

Выступление духового оркестра берсальеров в саду посольства Италии в Москве /
Esibizione della Fanfara dei Bersaglieri nel giardino dell'Ambasciata d'Italia a Mosca

Приём в посольстве Италии с участием пианиста Дениса Мацуева /
Ricevimento in Ambasciata d'Italia con la partecipazione del pianista Denis Macuev

Концерт солистов Большого театра
в бальном зале посольства Италии
в Москве /
Concerto dei solisti del teatro Bolshoj nella
Sala da ballo dell'Ambasciata d'Italia a Mosca

Вручение ордена Звезды Италии
в степени Великого Офицера маэстро
Валерию Абисаловичу Гергиеву
по случаю визита в Москву председателя
Сената Итальянской Республики Марии
Элизабетты Альберти Казеллати /
Conferimento dell'Ordine della Stella d'Italia
nel grado di Grande Ufficiale al maestro
Valerij Gergiev in occasione della visita
a Mosca del Presidente del Senato della
Repubblica Italiana Maria Elisabetta Alberti
Casellati

Рождественский благотворительный базар в посольстве Италии / Bazar natalizio di beneficenza in Ambasciata d'Italia

Благотворительный аукцион в бальном зале особняка Берга с участием певца Альбано Карризи и ведущего Ивана Урганта / Asta di beneficenza nella Sala da ballo di Villa Berg con la partecipazione del cantante Albano Carrisi e del presentatore Ivan Urgant

Концерт участников программы
молодёжных музыкальных обменов,
которую координирует посольство /
Concerto dei partecipanti del programma
degli scambi musicali giovanili gestito e
coordinato dall'Ambasciata

Директор театра «Ла Скала» Алессандро
Перейра, солист театра «Ла Скала»
Массимо Каваллетти и первый советник
посольства Италии в Москве Вальтер
Феррара /
Il Direttore del Teatro alla Scala Alexander
Pereira, il solista del Teatro alla Scala
Massimo Cavalletti e il Primo Consigliere
dell'Ambasciata d'Italia a Mosca Walter
Ferrara

Предварительный показ работы Тьеполо
«Эней, Анхиз и Асканий» в особняке
Берга накануне открытия выставки
«От Тьеполо до Каналетто и Гварди» /
Anteprima dell'opera di Tiepolo "Enea,
Anchise e Ascanio" a Villa Berg alla vigilia
dell'inaugurazione della mostra "Da Tiepolo
a Canaletto e Guardi"

Зал гобеленов с фотографиями посла
Паскуале Терраччано /
La Sala degli Arrazzi con le foto
dell'Ambasciatore Pasquale Terracciano

Официальный визит председателя
Совета министров Италии Джузеппе
Конте в Россию. Фото с персоналом
посольства Италии в Москве /
Visita ufficiale del Presidente del Consiglio
dei Ministri della Repubblica Italiana
Giuseppe Conte in Russia. Foto di gruppo
con il personale dell'Ambasciata d'Italia
a Mosca

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Роберта Алонци

Кандидат исторических наук (PhD)
Доцент
РУДН, НИУ ВШЭ (Москва, Россия)

Надежда Арбатова

Доктор политических наук
Директор Центра европейской интеграции
Институт мировой экономики и международных отношений РАН (Москва, Россия)

Винфрид Баумгарт

Доктор исторических наук (PhD)
Профессор
Саарский университет (Саарланд, Германия)

Роберто Валле

Доктор политических наук (PhD)
Профессор
Университет Ла Сапьянца (Рим, Италия)

Анджело Вентроне

Доктор исторических наук (PhD)
Профессор
Университет Мачераты (Мачерата, Италия)

Алексей Громыко

Член-корреспондент РАН
Доктор политических наук
Директор
Институт Европы РАН (Москва, Россия)

Татьяна Зонова

Доктор политических наук
Профессор
МГИМО МИД России (Москва, Россия)

Алексей Кара-Мурза

Доктор философских наук
Главный научный сотрудник
Руководитель сектора философии российской истории
Институт философии РАН

Ярослав Леонтьев

Доктор исторических наук
Профессор
МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Валерий Любин

Доктор исторических наук
Ведущий научный сотрудник
Институт научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия)

Елена Маслова

Кандидат политических наук
Доцент
МГИМО МИД России (Москва, Россия)
Старший научный сотрудник
Институт Европы РАН (Москва, Россия)

Марко Риччери

Генеральный секретарь
Европейский институт политических, экономических и социальных исследований (Eurispes) (Рим, Италия)

Серджо Романо

Дипломат, историк, журналист
Посол Италии в Москве (1985–1989)

Александр Салаконе

Кандидат исторических наук (PhD)
Доцент
РГГУ (Москва, Россия)
Научный сотрудник
Институт Всеобщей Истории РАН (Москва, Россия)

Маттиас Уль

Кандидат исторических наук (PhD)
Научный сотрудник
Германский исторический институт в Москве (Москва, Россия)

Борис Хавкин

Доктор исторических наук
Профессор
РГГУ (Москва, Россия)

Ирина Хормач

Доктор исторических наук
Ведущий научный сотрудник
Институт российской истории РАН (Москва, Россия)

INFORMAZIONI SUGLI AUTORI

Roberta Alonzi

PhD in Storia, Istituzioni e Relazioni Internazionali dei Paesi Extra-europei
Professore associato abilitato
Università RUDN (Mosca, Russia)
Higher School of Economics (Mosca, Russia)

Nadežda Arbatova

PhD (Doktor Nauk) in Scienze Politiche
Direttore del Centro di Integrazione Europea
Istituto di Economia mondiale e Relazioni Internazionali RAS (Mosca, Russia)

Winfried Baumgart

PhD in Storia
Professore ordinario
Universität del Saarland (Saarland, Germania)

Boris Chavkin

PhD (Doktor Nauk) in Storia
Professore ordinario
Università di RGGU (Mosca, Russia)

Irina Chormač

PhD (Doktor Nauk) in Storia
Leading Researcher
Istituto di Storia Russa RAS (Mosca, Russia)

Aleksej Gromyko

Membro corrispondente RAS
PhD (Doktor Nauk) in Scienze Politiche
Direttore
Istituto Europa RAS (Mosca, Russia)

Aleksej Kara-Murza

PhD (Doktor Nauk) in Filosofia
Capo ricercatore
Direttore della sezione della filosofia della storia russa
Istituto di Filosofia RAS (Mosca, Russia)

Jaroslav Leont'ev

PhD (Doktor Nauk) in Storia
Professore ordinario
Università statale Lomonosov di Mosca (Mosca, Russia)

Valerij Ljubin

PhD (Doktor Nauk) in Storia
Leading Researcher
Istituto di Informazione Scientifica sulle Scienze Sociali RAS (Mosca, Russia)

Elena Maslova

PhD (Kandidat Nauk) in Scienze Politiche
Professore associato
Università MGIMO (Mosca, Russia)
Ricercatore senior
Istituto Europa RAS (Mosca, Russia)

Marco Ricceri

Segretario Generale
Istituto di Studi Politici, Economici e Sociali Eurispes (Roma, Italia)

Sergio Romano

Diplomatico italiano, storico, giornalista
Ambasciatore d'Italia a Mosca (1985–1989)

Alessandro Salacone

PhD in Storia dell'Italia contemporanea
Professore a contratto
Università RGGU (Mosca, Russia)
Ricercatore
Istituto di Storia Mondiale RAS

Matthias Uhl

PhD in Storia
Ricercatore
Istituto di Storia Tedesca a Mosca (Mosca, Russia)

Roberto Valle

PhD in Storia delle dottrine politiche, delle istituzioni politiche e filosofia della politica
Professore associato, abilitato ordinario
Università La Sapienza (Roma, Italia)

Angelo Ventrone

PhD in Storia dell'Italia contemporanea
Professore Ordinario di Storia contemporanea
Università degli Studi di Macerata (Macerata, Italia)

Tatiana Zonova

PhD (Doktor Nauk) in Scienze Politiche
Professore ordinario
Università MGIMO (Mosca, Russia)

УДК 327(450:470+571)(091)"1918/2018"(063)
ББК 66.4(2Рос),9(4Ита),Зя431+63.3(2)6-6я431
Т93

**Рецензенты — д. полит. н., профессор
О.Н. Барабанов; д.и.н., профессор
В.И. Михайленко; д. и. н., профессор
Дж. Петракки**

1918–2018 : век истории в особняке Берга / отв.
ред. Р. Алонци, Е.А. Маслова ; Посольство Италии
в Москве, Федеральное гос. Бюджетное учрежде-
ние науки Ин-т Европы Российской акад. наук. —
Москва, 2019. — 504 с. — ил. — Парал. тит. л. ит.

**В настоящем издании представлены ма-
териалы международной конференции
«1918–2018: век истории в особняке Берга»,
которая состоялась 6 июля 2018 г. в посоль-
стве Италии в Москве и в Институте Европы
РАН. Конференция стала частью научного
проекта, начало которому положило издание
«Посольство Италии в Москве: особняк Берга»,
вышедшее в ноябре 2017 г. (на итальянском
и русском языках). Новизна представленных
научных исследований состоит в комплексном
анализе международной обстановки в описы-
ваемый период и в освещении малоизученных
фактов. Авторы рассматривают события
столетней давности с различных точек зрения,
используя разнообразные подходы, что позво-
ляет не только воссоздать динамику двусто-
ронних отношений между Россией и Италией,
а также Россией и Германией, но и лучше
понять международную обстановку.**

© Посольство Италии в Москве, 2019
© ИЕ РАН, 2019

Научное издание

1918–2018: век истории в особняке Берга

Подписано в печать 25.03.2019

Формат 70×100/16

Усл. печ. л. 30

Тираж 1000 экз.

ИЕ РАН

Посольство Италии в Москве

ISBN 978-5-98163-126-9

ISBN 978-5-9500664-4-3

**Посольство Италии в Москве
115127, Россия, Москва,
Денежный пер., д. 5
e-mail: mosca.cultura@esteri.it**

**ИЕ РАН
125009, Россия, Москва,
Моховая ул., д. 11, стр. 3
e-mail: europe@ieras.ru**

Recensori scientifici — PhD (Doktor Nauk) in Scienze
Politiche, Professore Oleg Barabanov; PhD (Doktor
Nauk) in Storia, Professore Valerij Michajlenko;
PhD in Storia, Professore Giorgio Petracchi

1918–2018 : un secolo di storia a Villa Berg /
[A cura di Roberta Alonzi, Elena Maslova];
Ambasciata d'Italia a Mosca, Istituto Europa
dell'Accademia russa delle scienze. — Mosca,
2019. — 504 p.: ill.

Il presente volume raccoglie gli atti della Conferenza internazionale "1918–2018: un secolo di storia a Villa Berg", le cui sessioni sono state ospitate il 6 luglio 2018 nelle prestigiose sedi dell'Ambasciata d'Italia a Mosca e dell'Istituto Europa dell'Accademia russa delle scienze. "1918–2018: un secolo di storia a Villa Berg" è parte del progetto scientifico avviato con la pubblicazione, nel novembre del 2017, del volume, in lingua italiana e russa, "L'Ambasciata d'Italia a Mosca: Villa Berg". La novità delle ricerche esposte nella presente pubblicazione risiede nell'analisi complessiva della congiuntura internazionale nel periodo preso in esame e nella trattazione di fatti sinora poco conosciuti. Gli autori esaminano gli eventi di un secolo fa sotto vari punti di vista e attraverso diversi metodi di ricerca, e questo permette non solo di ricostruire la dinamica dei rapporti bilaterali tra Russia e Italia e Russia e Germania, ma anche di comprendere significativi aspetti del quadro internazionale più generale.

© Ambasciata d'Italia a Mosca, 2019
© Istituto Europa RAS, 2019

Ambasciata d'Italia a Mosca
115127 Mosca, Russia,
Denezhnyj pereulok, 5
e-mail: mosca.cultura@esteri.it

Istituto Europa dell'Accademia russa delle scienze
125009, Mosca, Russia,
Mokhovaja ulica, 11, ed. 3
e-mail: europe@ieras.ru